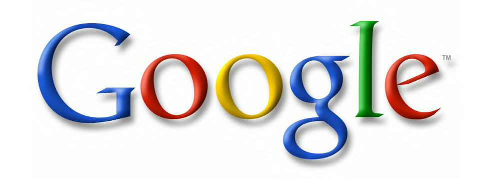

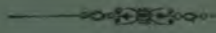

Владиміръ Стасовъ.

НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА

СТАСОВА.

ВОСПОМИНАНІЯ И ОЧЕРКИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій просп., № 8.
1899.

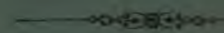

Владиміръ Стасовъ.

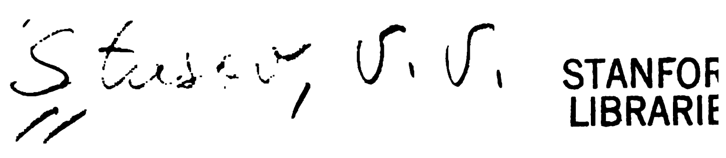
НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА

СТАСОВА.

ВОСПОМИНАНІЯ И ОЧЕРКИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій просп., № 8.
1899.

Владиміръ Стасовъ.

НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА

СТАСОВА.

ВОСПОМИНАНІЯ И ОЧЕРКИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій просп., № 8.
1899.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе . . . . I.

Глава первая.

Дѣтство и юность 1

Глава вторая.

Нѣсколько словъ о прошломъ русской женщины.—Начало общества дешевыхъ квартиръ.—М. В. Трубникова.—Общество женскаго труда.—Калинкинская больница.—Пріютъ кающихся Магдалинъ 30

Глава третья.

Воскресныя школы 86

Глава четвертая.

Русскія женщины-издательницы 117

Глава пятая.

Высшіе женскіе курсы.—Начало ихъ 154

Глава шестая.

Сношенія съ заграницей 190

Глава седьмая.

Публичные мужскіе и женскіе курсы 235

Н. В. СТАСОВА.

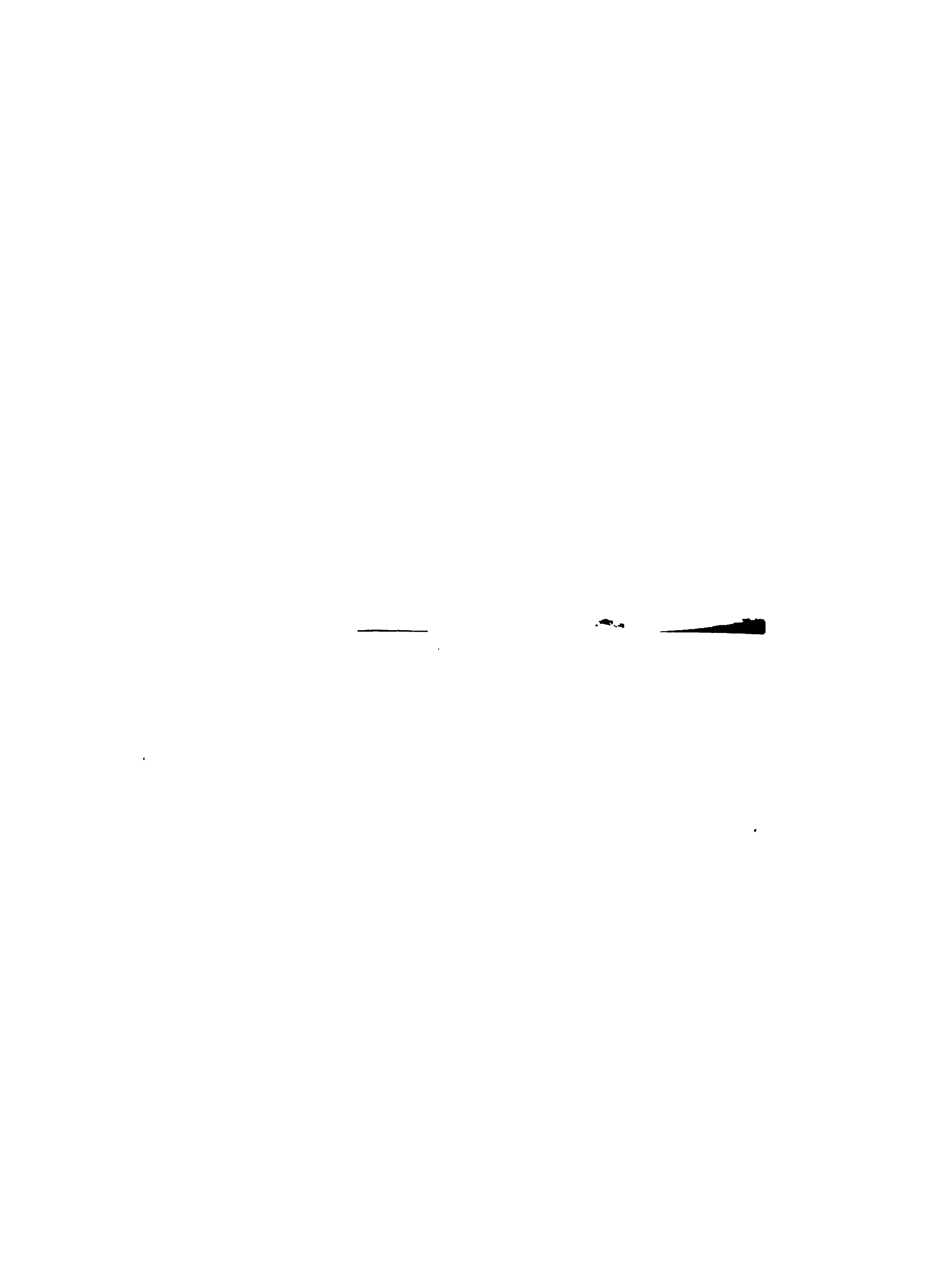
Рис. И. Е. Рѣпинъ Гравир. В. В. Матэ

Изъ „Воспоминаній“ Н. В. Стасовой.

13 іюня 1895.

Іюня 13 1895 Вторникъ
Парголово.
Да, борьба была сильная, одушевленная прекрасными чувствами
за униженныя права женщины
во всемъ; казалось бы, что мо-
жетъ быть естественнѣе, какъ
удовлетворить просьбу всѣхъ
интеллигентныхъ женщинъ входить
вмѣстѣ имъ открытыхъ науч-
ныхъ курсахъ; такъ нѣтъ же, надо
ставить въ кандалахъ противиться
этому благородному полезному
дѣлу, лишить изъ невѣжества
[illegible] женщину, которая
была - есть единственная труженица,
[illegible] не приноситъ пользы и въ
экономическомъ мірѣ государства,
будучи только полезнымъ членомъ
семьи, а не просто самкой
которое безсодержательно, нарожаетъ
такое безпрерывное
поколѣніе; одно [illegible], не
имѣя понятія ни о физическихъ,
ни о умственныхъ потребностяхъ,
[illegible] представляющее жизни
этихъ несчастныхъ идіотиковъ…

Н. Стасова

Владиміръ Стасовъ.

НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА

СТАСОВА.

ВОСПОМИНАНІЯ И ОЧЕРКИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій просп., № 8.
1899.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе . . . . I.

Глава первая.

Дѣтство и юность 1

Глава вторая.

Нѣсколько словъ о прошломъ русской женщины.—Начало общества дешевыхъ квартиръ. М. В. Трубникова. Общество женскаго труда. Калинкинская больница Пріютъ кающихся Магдалинъ . . . . [illegible]

Глава третья.

Воскресныя школы . . . . [illegible]

Глава четвертая.

[illegible] . . . . [illegible]

Глава пятая.

[illegible] . . . [illegible]

[illegible]

[illegible] . . [illegible]

[illegible]

[illegible] . . [illegible]

стр.

Глава восьмая.

Владимірскіе курсы 260

Глава девятая.

Разрѣшеніе Высшихъ женскихъ курсовъ.—Устройство ихъ. 298

Глава десятая.

Закрытіе Высшихъ женскихъ курсовъ 355

Глава одиннадцатая.

Возстановленіе Высшихъ женскихъ курсовъ.—Изгнаніе моей сестры съ Высшихъ женскихъ курсовъ.—Интернатъ.—Общество бывшихъ курсистокъ 369

Глава двѣнадцатая.

Памятникъ С. В. Ковалевской 395

Глава тринадцатая.

Выставка въ Чикаго.—Адресъ французскимъ женщинамъ . 399

Глава четырнадцатая.

Ясли 434

Глава пятнадцатая.

Женское Взаимно-благотворительное общество 438

Глава шестнадцатая.

Смерть моей сестры 445

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Письмо изъ Тифлиса: «Памяти Н. В. Стасовой» . . . 452
II. Послѣдніе годы жизни М. В. Трубниковой 455
III. Дополнительныя свѣдѣнія о Евг. Ив. Конради 479
VI. Бюстъ и портреты Н. В. Стасовой 502

стр.

V. Портретъ Н. В. Стасовой, писанный въ іюлѣ 1884 г., въ Парголовѣ, *И. Е. Рѣпинымъ*, гравир. на деревѣ, въ 1899 г., *В. В. Маттэ.*

VI. Факсимиле изъ „Воспоминаній“ Н. В. Стасовой, 13-го іюня 1895 г. (Пис. за 3 мѣсяца до смерти).

VII. «20 сентября 1888 г.» Эскизъ, написанный масл. краск. *И. Е. Рѣпинымъ*, въ 1888 г., гравир. на деревѣ, въ 1899 г., *В. В. Маттэ* 368

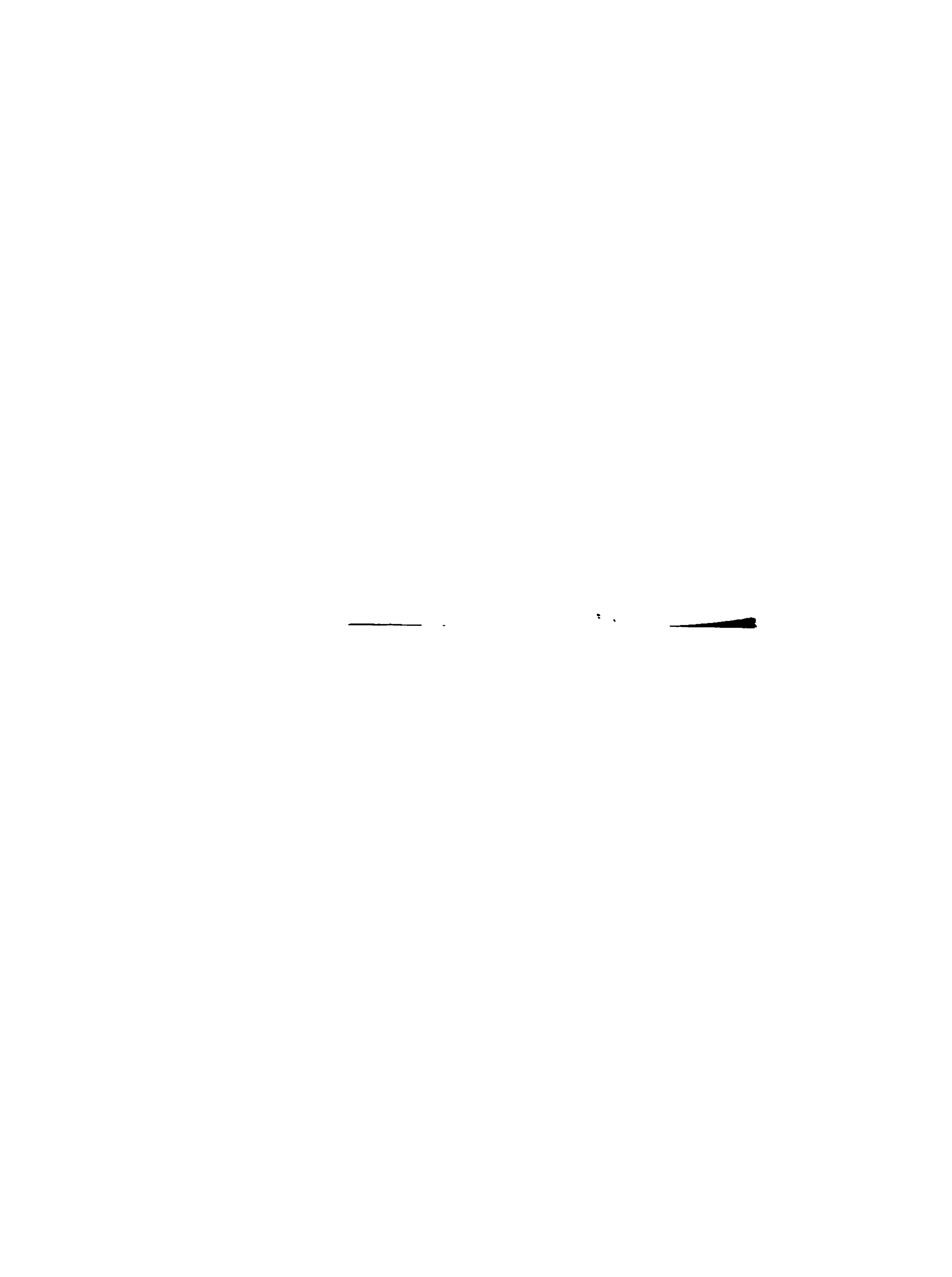
VIII. Могила Н. В. Стасовой на кладбищѣ Александро-Невской лавры. По фотографіи съ натуры *Н. Ѳ. Пивоваровой*, гравир. на деревѣ, въ 1899 г., Карол. Август. *Зоммеръ*. 450

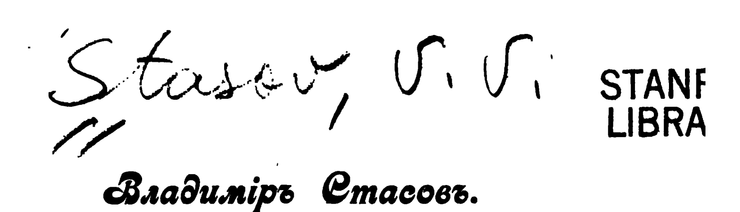
Указатель именъ. 503

Предисловіе.

Мои «Воспоминанія о моей сестрѣ» были первоначально напечатаны, въ 1896 году, въ «Книжкахъ Недѣли» (январь — декабрь). Печатая теперь свой текстъ вторымъ разомъ, въ видѣ отдѣльной книги, я иное исправилъ, по сдѣланнымъ мнѣ съ разныхъ сторонъ замѣчаніямъ, а иное дополнилъ, на основаніи новыхъ, добытыхъ мною матеріаловъ. Этихъ послѣднихъ оказалось столько, что мой текстъ увеличился почти на 6 печатныхъ листовъ. Главное мѣсто заняли здѣсь совершенно новыя главы: «Сношеніе съ заграницей», и новыя свѣдѣнія о М. В. Трубниковой и Е. И. Конради. Мнѣ они кажутся не только очень интересными, но и очень важными.

Когда, въ концѣ 1895 и впродолженіе всего 1896 года, я писалъ мои «Воспоминанія о моей сестрѣ», я пользовался ея долголѣтними записками, моими личными воспоминаніями и множествомъ печатныхъ матеріаловъ, касающихся исторіи русскаго женскаго движенія и разсѣянныхъ по цѣлой массѣ нашихъ книгъ, журналовъ и разныхъ отчетовъ прежняго времени. Въ дополненіе ко всему этому, мнѣ удалось убѣдить многихъ нашихъ дѣятельницъ 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ годовъ написать, для меня и моего труда, свои «Записки» и «Замѣтки». Таковы записки и замѣтки:

Владиміръ Стасовъ.

НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА

СТАСОВА.

ВОСПОМИНАНІЯ И ОЧЕРКИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій просп., № 8.
1899.

улицы черезъ низенькую калиточку, какъ во всемъ тогдашнемъ Семеновскомъ полку, и калитка эта ходила на блокѣ съ веревкой, на концѣ у которой былъ привѣшенъ, безъ всякихъ европейскихъ ухищреній, просто старый красный кирпичъ. Въ этомъ домѣ прислуга, кухарка и горничныя были все еще крѣпостныя, ходили босикомъ, по половикамъ, постланнымъ для чистоты крашеныхъ половъ. Сама бабушка наша, Марья Ѳедоровна, 70-лѣтняя, какъ слѣдуетъ быть бабушкѣ, вѣчно лежала въ постели, какъ сейчасъ помню, деревянной, выкрашенной черной краской, подъ лакомъ, съ довольно большими черными-же шарами на четырехъ угловыхъ стойкахъ,—больная, въ чепчикѣ, и подъ мѣховыми одѣялами—мы ее иначе не видали, и когда, спустя два-три года, мы съ сестрой Надей стали читать сказку о «Красной Шапочкѣ», мы рѣшили, что волкъ, который лежитъ въ постели, въ бабушкиномъ чепчикѣ, навѣрное былъ точь-въ-точь наша бабушка. Тети наши, старыя дѣвицы, были все люди хорошіе, но оригинальные, по тогдашнему. Старшая, Ѳедосья Абрамовна, была преумная, но вмѣстѣ необычайно благочестивая женщина: всякій день она была непремѣнно у обѣдни, часто ѣздила по ближнимъ монастырямъ, ходила всегда въ черномъ платьѣ и платкѣ, какъ богомолка, и голову повязывала платочкомъ, по старинному, по-купечески или по-мѣщански, съ узелкомъ напереди. Къ ней хаживали странники и странницы, съ посохами и котомками за спиной; главный-же ея любимецъ и оракулъ былъ монахъ Меѳодій, весь сѣдой, суровый, съ красной рожей, съ огромнымъ носомъ и бородой, съ ястребиными глазами. Приносилъ онъ перламутровыя четки изъ Іерусалима, образки, ладонки и картинки съ молитвами, много разсказывалъ по своей части, но главное, громадно много ѣлъ и пилъ, какъ самая ненасытная утроба. Это все продолжалось довольно долго, на нашемъ вѣку; но когда, уже послѣ смерти бабушки,

этотъ Меѳодій вздумалъ творить въ бабушкиномъ домикѣ разныя удивительныя «чудеса», какъ-то: ходить босыми ногами по раскаленнымъ кочергамъ и полосамъ желѣза, разложеннымъ на полу, среди столовой, влѣзать въ топящуюся хлѣбную печь на кухнѣ и дѣлать разныя тому подобныя вещи, то нашъ дядя Ѳедоръ Абрамовичъ, чиновникъ провіантскаго вѣдомства, большой реалистъ и прозаикъ, однажды, воротившись изъ далекихъ поѣздокъ по службѣ, и увидавъ вдругъ подобныя сцены, преподносимыя ему интимно и любовно, вдругъ разсердился, поблѣднѣлъ и грозно закричалъ: «Это что такое? Какъ тебѣ не стыдно, сестра Ѳедосья? Что ты дѣлаешь? А еще умная женщина! Чтобъ не было у меня тутъ въ домѣ этой шушеры! Вонъ, Меѳодій!» И тотъ попробовалъ сначала куда-то спрятаться, чтобъ переждать грозу, но тотчасъ-же былъ отысканъ, схваченъ и постыдно изгнанъ изъ дома. Подобнымъ образомъ была тогдаже изгнана изъ ихъ дома приживалка Дуняша, тоже пробовшая дѣлать «чудеса», въ родѣ Меѳодія. Что дивиться такимъ дѣламъ и сценамъ въ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ, когда тургеневская Лиза, въ «Дворянскомъ гнѣздѣ», гораздо уже позже, однажды, отъ сердечныхъ и душевныхъ невзгодъ своихъ, отъ грызущаго отчаянія, ничего больше для себя не нашла сдѣлать, какъ пойти въ монастырь! Тутъ былъ налицо тотъ самый фонъ и закваска, что и у бѣдной моей тети, Ѳедосьи Абрамовны, даромъ что Лиза была самая грація, поэтическая натура внутри, изящная барышня снаружи, много читавшая, видѣвшая и слышавшая, окруженная всею европейскою цивилизаціей, но все это ни на вершокъ не подвинуло ее впередъ, тогда-какъ моя Ѳедосья Абрамовна почти ничего и никого не видала, ничего не читала, не слыхала, кромѣ благочестивыхъ книгъ, и нигдѣ не бывала. Всѣ условія какъ-будто разныя, а результатъ— все тотъ-же. Вотъ какъ вѣрно, вотъ какъ мѣтко вы-

хватывалъ Тургеневъ черты характера и ума, душевнаго настроенія и склада изъ жизни своего и предшествовавшаго ему поколѣнія! Но у полу-монашенки Ѳедосьи Абрамовны была сестра Татьяна Абрамовна. Она тоже не вышла замужъ, но была совсѣмъ другая. Въ 20-хъ годахъ нашего столѣтія, она прожила нѣсколько времени въ Москвѣ, у родныхъ, и въ это время училась на фортепіано у знаменитаго Фильда. Это на-вѣки прицѣпило къ ея фигурѣ и облику какой-то особый высокій патентъ: «ученица Фильда!» Тогда это ужасно много значило. Когда рѣчь заходила о ней, ничего другого не говорили, какъ «ученица Фильда, ученица Фильда».

Но была у бабушки еще одна дочь, Наталья Абрамовна, говорятъ,—очень красивая въ своей молодости. Въ юныхъ годахъ она плѣнила сердце одного комиссаріатскаго чиновника, Павла Ивановича Кованько, родомъ малоросса, совершенно необразованнаго, но выигравшаго сотни тысячъ рублей въ карты, во время молдавскаго похода, и потомъ долго удивлявшаго Петербургъ своею роскошью и барскимъ мотовскимъ житьемъ. У него былъ домъ у Поцѣлуева моста, на мѣстѣ нынѣшняго дворца В. К. Ксеніи Александровны, весь съ цѣльными зеркальными стеклами (это была тогда еще совершенная новинка въ Петербургѣ), съ великолѣпнымъ зимнимъ садомъ и швейцарами. У Натальи Абрамовны было нѣсколько бархатныхъ салоповъ на дорогихъ лисьихъ мѣхахъ, нѣсколько драгоцѣнныхъ турецкихъ шалей, такихъ тонкихъ, что ихъ можно было продѣвать сквозь кольцо. Но впослѣдствіи этотъ Павелъ Ивановичъ опять все спустилъ въ карты разнымъ аристократамъ александровскаго времени и сталъ бѣденъ и голъ, какъ вначалѣ, сущій Іовъ на навозѣ. Всѣ друзья бросили его и забыли тотчасъ-же. Мы постоянно слыхали тогда тысячи разсказовъ про времена славы, роскоши, грубаго, безтолковаго мотовства. У него въ домѣ, да еще и у нашей бабушки, мы встрѣчали

одного ихъ родственника, Алексѣя Михайловича Томашевскаго. Это была уже совершенно особенная, поразительная фигура. Приходясь родней Ковáнькѣ, онъ происходилъ изъ небогатыхъ-же, какъ и тотъ, малороссійскихъ помѣщиковъ, и хотя мальчикомъ учился въ корпусѣ, а потомъ дослужился до большихъ чиновъ, но былъ столько-же, какъ и тотъ, совершенно нетронутъ какимъ-бы то ни было образованіемъ. Изъ него вышелъ одинъ изъ страшныхъ аракчеевскихъ генераловъ. Во время бунта военныхъ поселеній, разсвирѣпѣвшіе солдаты хотѣли убить его, но онъ успѣлъ спрятаться въ сараѣ, зарывшись въ сѣнѣ. Его варварства и жестокости были такъ велики, что самъ императоръ Николай I перевелъ его на службу на Кавказъ, а потомъ и вовсе уволилъ въ отставку. Про него повторяли передъ нами шопотомъ, даже во время его отставки, страшныя исторіи, а мы, дѣти, боялись на него смотрѣть, и отворачивались отъ его высокой, прямой и жесткой какъ палка, фигуры, отъ его желтаго, злого лица, подпертаго краснымъ высокимъ воротникомъ и увѣнчаннаго сѣдымъ торчащимъ хохломъ. Мы его почти иначе не видали, какъ за картами, послѣ обѣда; никакихъ разговоровъ онъ не зналъ.

Какая это пестрая изумительная смѣсь была: просвиры, четки—и концерты Фильда, пассажи Гуммеля, сонаты Дюссека; молебны, повсюду лампадки у образовъ—и аракчеевскій генералъ! Но мы, ребятишки, ни на что изъ всего этого не дивились, все казалось естественнымъ, законнымъ и въ порядкѣ вещей. Только радовались, какъ, бывало, солдатъ Ѳедоръ (вѣстовой у нашего отца), или няня, поведетъ насъ за руку въ Семеновскій полкъ къ бабушкѣ, или оттуда домой, темнымъ вечеромъ, посрединѣ улицы, съ краснымъ деревяннымъ слюдянымъ фонаремъ въ рукахъ: городское освѣщеніе, деревяннымъ масломъ, было такое скудное, такое мизерное, что надо было во многихъ мѣстахъ Петербурга самимъ прохожимъ нести въ рукѣ фонарь.

Притомъ-же, бабушкины угощенья на убой и лакомства безъ конца да на прибавку общія ласки и привѣтливость къ намъ, маленькимъ дѣтямъ, какъ у всѣхъ и вездѣ, подобно какъ къ собачкамъ, котятамъ и всяческимъ птичкамъ, были намъ очень драгоцѣнны.

О своей матери мы съ сестрой Надей мало помнили: мы были еще слишкомъ малы, когда она скончалась отъ холеры, проболѣвъ всего 2—3 дня. Помнили мы только, что она была высокая, стройная, красивая дама, съ милой и доброй улыбкой на лицѣ, франтиха и охотница до гостей, собраній и танцевъ, на балахъ и вечерахъ у себя дома и въ гостяхъ, но также и отличная хозяйка. Никакого вліянія она на насъ не оказала, кромѣ того впечатлѣнія теплоты и доброты, которое обыкновенно оставляютъ послѣ себя очень добрыя и хорошія женщины. Мы ее только очень любили, а она насъ.

Зато громадное вліяніе имѣлъ на насъ, на всѣхъ, нашъ отецъ. Это былъ человѣкъ очень образованный, много читавшій и еще болѣе—любознательный. Потребность умственной пищи была въ немъ такъ велика, что будучи уже болѣе чѣмъ 65 лѣтъ, онъ отправлялся, зимой, на лекціи исторіи, минералогіи, палеонтологіи, физики или химіи славившихся тогда профессоровъ, на далекія улицы Петербурга, несмотря на то, что все утро и день провелъ на своихъ постройкахъ, взбираясь по лѣсамъ и стремянкамъ до пятыхъ этажей и кровель; на нѣкоторыхъ изъ этихъ лекцій и мнѣ случалось съ нимъ бывать, наприм. на лекціяхъ Ленца, Куторги и др. Меня онъ бралъ туда съ собою въ родѣ какъ-бы въ награду. Въ 40-хъ годахъ онъ съ наслажденіемъ и великимъ вниманіемъ слушалъ лекціи о химіи профессора Н. И. Витта. Въ послѣднія-же недѣли своей жизни этотъ 79-лѣтній неутомимый старикъ, уже угасающій и начинающій терять силы, всетаки продолжалъ много читать самъ или слушать, какъ мы ему читали. Моя сестра пишетъ въ своихъ «Запискахъ»:

«Даже въ самые послѣдніе свои дни мы читали ему вслухъ путешествіе Палласа, и онъ прилежно слушалъ, покуда могъ; но силы ему начинали измѣнять, и онъ иногда засыпалъ отъ слабости, такъ-что нѣкоторыя страницы каждый изъ насъ зналъ чуть не наизусть — приходилось перечитывать ихъ ему». Я, на свою долю, какъ всегдашній его адъютантъ, и дома, и на работахъ, послѣдніе мѣсяцы его послѣдняго года жизни читалъ ему «Эстетику» Гегеля во французскомъ переводѣ Бенара, переводы «Фауста» Гете, и множество путешествій. Его жизненныя правила, его энергія добра, неподкупной ничѣмъ честности, его великодушіе и доброжелательность ко всѣмъ — были несравненны. Но самое важное и самое главное были у него тѣ слова, которыя мы всего чаще слыхали изъ его устъ и которыя моя сестра тоже записала у себя въ «Запискахъ»: «Человѣкъ достоинъ этого имени только тогда, когда онъ себѣ и другимъ полезенъ». Она видѣла, что это не пустая мораль и нравоученіе, а нѣчто такое, что̀ онъ съ утра до вечера на всѣхъ и для всѣхъ дѣйствительно практиковалъ, и это огненными буквами начерталось у ней въ головѣ, и горѣло тамъ несокрушимо даже до тѣхъ поръ, пока ей самой сдѣлалось 73 года.

Еще съ-молоду, съ юношескихъ лѣтъ начались у нашего отца благодатныя, возвышающія умъ и душу знакомства съ людьми интеллигентными и преданными высокой общественной дѣятельности. Когда ему было лѣтъ 25, онъ былъ любимцемъ, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, знаменитой княгини Екатерины Романовны Дашковой, той, что̀ въ юности помогала императрицѣ Екатеринѣ II взойти на престолъ, а въ старости была президентомъ академіи наукъ, жила въ избѣ и ходила въ какомъ-то мужскомъ зипунѣ, съ чуднымъ колпакомъ на головѣ, со звѣздой на груди. Она очень высоко цѣнила умъ и образованность нашего отца, еще начинающаго юноши, и много съ нимъ бесѣдовала обо

всемъ научномъ и художественномъ, вплоть до отъѣзда его заграницу, на собственный счетъ императора Александра I. Я когда-нибудь, если удастся, все это подробно разскажу въ своихъ «Автобіографическихъ запискахъ». Въ царствованіе Николая I, въ 20-хъ и 30-хъ годахъ столѣтія, мой отецъ сдѣлался ближайшимъ другомъ и пріятелемъ, совершенно своимъ человѣкомъ у президента академіи художествъ, А. Н. Оленина, своего рода знаменитости тѣхъ временъ, и котораго домъ былъ однимъ изъ главныхъ и привлекательнѣйшихъ интеллектуальныхъ центровъ Петербурга: художники и ученые, литераторы и образованные свѣтскіе люди, часто сходившіеся вмѣстѣ, образовывали атмосферу свѣта, знанія, талантливости, терпимости и добра, какую рѣдко можно встрѣтить. Тамъ бывали Державинъ, Карамзинъ, Гнѣдичъ, Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ, еще юноша, Вяземскій, Крыловъ; изъ художниковъ: Боровиковскій, Орловскій, Венеціановъ, Егоровъ, Кипренскій, Шебуевъ, Брюловъ, Мартосъ, Уткинъ, Теребеневъ, Солнцевъ и множество другихъ.

Но среди этого высокаго и блестящаго центра, моему отцу всего ближе были двѣ женщины, почти однихъ лѣтъ съ моимъ отцомъ, съ которыми онъ рядомъ росъ и потомъ состарѣлся, и которыя хотя и мало, а пожалуй и вовсе неизвѣстны теперь, но принадлежатъ, по многому, къ числу выдающихся женщинъ перваго 40-лѣтія нашето вѣка. Одна изъ нихъ—Анна Петровна Полторацкая, другая—Агаѳоклея Марковна Сухарева. Первая, Анна Петровна Полторацкая, была дочь знаменитаго отца—Петра Кирилловича Хлѣбникова, урожденнаго купеческаго сына въ городѣ Коломнѣ, но впослѣдствіи человѣка, высоко отличеннаго Екатериной II, и основателя той знаменитой Хлѣбниковской библіотеки въ Москвѣ, богатой и печатными книгами и рукописями, откуда широко пользовались всѣ главные русскіе ученые конца XVIII и начала XIX вѣка (особенно Карамзинъ). Это была, можно сказать,

первая *публичная библіотека* въ Россіи, потому-что Хлѣбниковъ привлекалъ къ себѣ толпы тогдашней московской интеллигентной молодежи, заохочивалъ къ занятіямъ и помогалъ имъ во всемъ самъ. Послѣ смерти старика Хлѣбникова, библіотеку эту продолжали пополнять и расширять сынъ его Николай, а когда умеръ и Николай Хлѣбниковъ, то его сестра А. П. Полторацкая,—для женщины заслуга, по тѣмъ временамъ (да и когда угодно) довольно необыкновенная. Мужъ ея, долго проживавшій въ Англіи, получилъ много обще-европейскаго тогдашняго лоска, но все-таки изъ него ничего особеннаго не вышло, кромѣ только страстнаго англомана, агронома, любителя лошадей и скачекъ. Жена его стояла гораздо выше его. Съ этой высоко образованной, высоко человѣчной и много поработавшей для общаго русскаго образованія женщиной, мой отецъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ и перепискѣ почти до самаго конца ея жизни, въ 1842 году.

Другая женщина, близкій другъ моего отца, впродолженіе болѣе четверти столѣтія, была сенаторша Агаѳоклея Марковна Сухарева, урожденная Полторацкая. Она происходила изъ славной семьи Полторацкихъ, давшей столько замѣчательныхъ и полезныхъ слугъ нашему отечеству, и была между всѣми ими одною изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ историческихъ личностей. Она умерла въ 1840 году, предсѣдательницей женскаго попечительнаго совѣта о тюрьмахъ и предсѣдательницей петербургскаго женскаго патріотическаго общества; въ этой должности она состояла болѣе 16 лѣтъ, т.-е. съ конца царствованія Александра I. Это была женщина съ необыкновенной, совершенно мужской энергіей и иниціативой: съ самыхъ молодыхъ лѣтъ она посвятила себя на пользу ближняго, и никакія отношенія семейныя, такія, какъ отношенія жены и матери, впрочемъ, у ней прекрасныя, никогда не помѣшали ей проводить всѣ дни свои, съ ранняго утра и до ночи,

въ какой-то неугомонной и ненасытимой дѣятельности на пользу сиротамъ, больнымъ, бѣднымъ, нуждающимся въ воспитаніи, притѣсняемымъ и угнетаемымъ со стороны какого-нибудь грубаго и нелѣпаго начальства, въ Петербургѣ или провинціи. Съ необыкновеннымъ мастерствомъ и настойчивостью, неизвѣстными большинству русскихъ женщинъ предшествовавшаго намъ періода, т.-е. женщинъ конца XVIII и начала XIX вѣка, она умѣла пріобрѣтать авторитетъ, глубокое уваженіе и довѣренность; связи ея во всѣхъ слояхъ общества были безчисленны, ее глубоко уважалъ самъ императоръ Николай I, даже иногда ея слушался. Она всѣмъ казалась несокрушимымъ гранитомъ, на который можно опереться, который спасетъ и защититъ отъ всякой напасти. Школы росли и плодились подъ ея руками какъ грибы, она не знала утомленія, когда надо было посѣщать ихъ и слѣдить за ними; у ней былъ словно талантъ создавать средства, привлекать капиталы. Порядокъ и благоустройство у ней были примѣрные; она всюду поспѣвала, все видѣла, все знала, потому-что себя не щадила и никогда не давала себѣ покоя, была въ движеніи весь день. Обращеніе-же ея со всѣми, начиная отъ верхнихъ слоевъ общества и до нижнихъ, было всегда одинаково: смѣлое и прямое, не знавшее никакихъ комплементовъ и учтивостей, иногда просто рѣзкое, но безконечно открытое, правдивое. Когда впослѣдствіи я читалъ «Войну и миръ» Льва Толстого, я много разъ воображалъ себѣ, что великій писатель именно съ нашей петербургской Сухаревой написалъ свою московскую генеральшу Ахросимову. Впродолженіе всего нашего дѣтства мы, дѣти, съ изумленіемъ и восторгомъ глядѣли на нашу Агаѳоклею Марковну, которой все новыя и новыя предпріятія, чтобы накопить громадныя постройки на пользу общую, дѣла спасенія, дѣла защиты, дѣла помощи, всяческаго устройства и созиданія, цѣлый день гремѣли въ нашихъ ушахъ въ отцовскомъ домѣ. Несмотря на свои усы,

мужественную осанку и громкій, рѣзкій голосъ, она намъ сильно нравилась и безконечно была намъ пріятна. Кто-бы изъ насъ могъ тогда вообразить себѣ, что одинъ человѣкъ изъ нашего семейства, вотъ эта дѣвочка Надя, съ которою мы бѣсились и играли, однажды сдѣлается Агаѳоклеей Марковной Сухаревой, будетъ имѣть власть и вліяніе не менѣе нашей обожаемой старухи; что эта живая, острая, смѣлая, повидимому пустая и ничтожная дѣвочка надѣлаетъ современемъ добра и важныхъ дѣлъ не меньше нашей Агаѳоклеи Марковны, а пожалуй и гораздо больше!

Въ счастьѣ и несчастьѣ, Полторацкая и Сухарева были преданными друзьями, товарищами, совѣтницами и помощницами моего отца. Когда въ іюнѣ 1831 г., умерла, почти скоропостижно, наша мать отъ страшной тогдашней холеры, — только онѣ двѣ поддержали и спасли моего отца отъ помѣшательства или самоубійства. Мы, дѣти, довольно долго были у этихъ двухъ чудесныхъ женщинъ на попеченіи. Потомъ зашла рѣчь о томъ, чтобы обѣихъ дѣвочекъ, Соню и Надю, отдать на воспитаніе въ казенное заведеніе, и младшая, Надежда, была даже тогда записана кандидаткой въ Екатерининскій или Патріотическій институтъ, на собственныя суммы императора, но по счастью это не осуществилось—долго вакансіи не оказывалось, и обѣ мои сестры остались дома и никогда не сдѣлались институтками. Изъ множества мемуаровъ, записокъ, романовъ, повѣстей и драмъ, а въ послѣднее время изъ превосходной книги Е. О. Лихачевой «Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи», мы знаемъ, чтó такое были институтская жизнь и институтское воспитаніе у насъ, а также институтскія младенческія понятія и институтскіе осталые наивные взгляды въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Слово «институтка» сдѣлалось даже прозвищемъ съ такимъ характеромъ, какого оно никогда не имѣло больше нигдѣ въ Европѣ. Случай спасъ отъ всего этого моихъ сестеръ, и онѣ воспиты-

вались дома, подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ самого ник[illegible] отца.

II.

По рекомендаціи А. М. Сухаревой, къ намъ въ 1831 году поступила гувернантка, Ольга Константиновна Николаева, женщина по характеру и сердцу прекрасная, довольно образованная и, что́ самое главное, не сдѣлавшая своимъ воспитанницамъ никалого особеннаго вреда, ничѣмъ особенно не исказившая простыхъ, хорошихъ натуръ. «Главная бѣда нашей гувернантки, пишетъ моя сестра въ своихъ «Запискахъ», была та, что она была истая институтка, для которой на первомъ планѣ стояли *комильфотность* и *барство*, и связанныя съ нини чопорныя и фарисейскія привычки. Но мы какъ-то отъ всего этого убереглись».

Учила насъ Ольга Константиновна (и меня тоже, еще маленькаго мальчика) русскому, французскому и нѣмецкому языку и хорошимъ манерамъ; кромѣ того, были у насъ учителя, студенты тогдашняго знаменитаго педагогическаго института, Ив. Ег. Озеровъ и Ал. Фил. Тихомандрицкій (впослѣдствіи знаменитый университетскій профессоръ математики). Сестра моя пишетъ въ своихъ «Запискахъ»: «Ученье шло у насъ не важно; не знаю,была-ли я лѣнива или учителя были неумѣлы, но я плохо что знала!..»

Музыкѣ насъ всѣхъ учила сначала мадамъ,—Катерина Антоновна, въ первомъ замужествѣ Третьякова, во второмъ Рудольфъ, толстенькая краснощекая нѣмка, съ красивыми, милыми руками и пухлыми пальчиками. Она, кромѣ гаммы, кажется, ничего не умѣла и не знала въ музыкѣ. Да и мудрено было-бы ей чему-нибудь научить насъ, на маленькомъ кургузомъ фортепіано, мастера Февріэ, еще временъ Александра I, купленномъ для нашей матери, когда она выходила замужъ въ 1817 году, и на которомъ она впослѣд-

ствіи наигрывала контрадансы, экосезы и м[illegible]тную «Bataille de Prague». Въ этомъ фортепіано, съ [illegible]тна. стариннаго устройства, было всего, кажется ок[illegible]ъ какъ при Моцартѣ, а тону столько-же, сколь[illegible]ь сковородкѣ. Впрочемъ, Катерина Антоновна не долго у насъ царствовала. Ее еще въ началѣ 30-хъ годовъ замѣнилъ нѣкто Фольвейлеръ, хорошій учитель изъ нѣмцевъ, бѣлокурый, голубоглазый, а потомъ и нѣкто Григоровскій, изъ русскихъ, кажется изъ крѣпостныхъ, бодрый, энергичный юноша, исправный техникъ, а въ концѣ 30-хъ годовъ — Герке, тогдашній лучшій и солиднѣйшій фортепіанный учитель въ Петербургѣ, отличный музыкантъ и превосходный человѣкъ. Онъ около 40-хъ годовъ, ввелъ у насъ въ домѣ Шопена и Шумана, и съ тѣхъ поръ у насъ въ семействѣ узнали настоящую музыку. Пѣнію учились мои сестры у разныхъ учителей и учительницъ, все итальянцевъ и итальянокъ (первый былъ Тозини, вторая — мадамъ Мейнсгаузенъ, урожденная итальянка, не помню фамиліи)—и потому пѣли тоже все только вещи Россини, Беллини и Доницетти: ни о чемъ другомъ не было помина. Впрочемъ, надо признаться, музыка и пѣніе мало дались моимъ сестрамъ, особливо младшей.

Итакъ, насъ учили, водили гулять, возили въ гости всего чаще къ Сухаревой, въ городѣ, въ ея собственный богатый домъ, на Обуховскомъ проспектѣ, близко Сѣнной, гдѣ всегда бывало въ гостяхъ пропасть военныхъ и штатскихъ генераловъ, а по вечерамъ — много столовъ съ вистомъ, — или на дачу, около Полюстрова. По праздникамъ возили насъ на лодкѣ по Фонтанкѣ, среди барокъ съ дровами — въ Екатерингофъ, тогда еще пустынный, но красивый, съ качелями, катаньями въ колясочкахъ, съ деревянной горы внизъ по крутой дорожкѣ, спускающейся сверху винтомъ; наконецъ, водили насъ аккуратно всякое воскресенье къ обѣднѣ, въ церковь Московскаго полка, отъ казармъ котораго мы близко жили, и гдѣ священникъ

Мих. Мих. Спасскій, нашъ близкій знакомый, духовникъ и законоучитель, съ необыкновеннымъ изяществомъ и даже элегантностью совершалъ свои службы. «Онъ просто рисовался, какъ актеръ, зная что онъ красавецъ», говоритъ моя сестра.

Но нельзя сказать, чтобы наша юная жизнь шла тогда совершенно ординарно, безразлично и банально. Бывали иной разъ случаи, доказывавшіе, что у нѣкоторыхъ личностей нашего мирнаго и тихаго семейства тлѣютъ тоже втихомолку, подъ золой, свои особенныя, горячія жизненныя искорки.

Съ 1833-го на 1834-й годъ, нашимъ двумъ младшимъ братьямъ, Дмитрію и Борису, было—одному всего только 5 лѣтъ, другому 4 года. По всегдашней дѣтской потребности кого-нибудь да звать «мамой», они стали звать Ольгу Константиновну — *мамой*. И тутъ у насъ произошолъ бунтъ въ домѣ. Старшій братъ нашъ, Николай, всего еще 15-лѣтній гимназистъ, но уже горячій, страстный и увлекающійся, какъ потомъ во всю свою жизнь, былъ возмущенъ такимъ «попираніемъ» дорогихъ чувствъ, до которыхъ ничья посторонняя рука не должна касаться, а по его мнѣнію, именно эта «чужая», эта «посторонняя» дама, нарочно научала маленькихъ нашихъ братишекъ звать себя «мамой», чтобы потомъ мало-по-малу заставить нашего отца на себѣ жениться. Все это были фантазіи, выдумки, болѣзненное нервное возбужденіе, однако нашъ Коля не находилъ себѣ покоя, ночей не могъ спать спокойно, все болѣе и болѣе возбуждаясь, ходилъ какъ помѣшанный по комнатамъ, проклиналъ «чужестранку», и, такъ-какъ ближайшаго его товарища и помощника, нашего брата Александра, не было съ нимъ—онъ учился въ Царскомъ Селѣ, въ Лицеѣ,—то онъ сталъ революціонировать, бунтовать насъ, двухъ сестеръ, Соню и Надю, и даже меня, 11-лѣтняго мальчика, въ красной гусарской курточкѣ съ золотыми кисточками. У насъ сдѣлался настоящій заговоръ, сер-

ствіи наигрывала контрадансы, экосезы и м[illegible]тную «Bataille de Prague». Въ этомъ фортепіано, съ [illegible]тна. стариннаго устройства, было всего, кажется ок[illegible] какъ при Моцартѣ, а тону столько-же, сколь[illegible]ь сковородкѣ. Впрочемъ, Катерина Антоновна не долго у насъ царствовала. Ее еще въ началѣ 30-хъ годовъ замѣнилъ нѣкто Фольвейлеръ, хорошій учитель изъ нѣмцевъ, бѣлокурый, голубоглазый, а потомъ и нѣкто Григоровскій, изъ русскихъ, кажется изъ крѣпостныхъ, бодрый, энергичный юноша, исправный техникъ, а въ концѣ 30-хъ годовъ — Герке, тогдашній лучшій и солиднѣйшій фортепіанный учитель въ Петербургѣ, отличный музыкантъ и превосходный человѣкъ. Онъ около 40-хъ годовъ, ввелъ у насъ въ домѣ Шопена и Шумана, и съ тѣхъ поръ у насъ въ семействѣ узнали настоящую музыку. Пѣнію учились мои сестры у разныхъ учителей и учительницъ, все итальянцевъ и итальянокъ (первый былъ Тозини, вторая — мадамъ Мейнсгаузенъ, урожденная итальянка, не помню фамиліи)—и потому пѣли тоже все только вещи Россини, Беллини и Доницетти: ни о чемъ другомъ не было помина. Впрочемъ, надо признаться, музыка и пѣніе мало дались моимъ сестрамъ, особливо младшей.

Итакъ, насъ учили, водили гулять, возили въ гости всего чаще къ Сухаревой, въ городѣ, въ ея собственный богатый домъ, на Обуховскомъ проспектѣ, близко Сѣнной, гдѣ всегда бывало въ гостяхъ пропасть военныхъ и штатскихъ генераловъ, а по вечерамъ — много столовъ съ вистомъ, — или на дачу, около Полюстрова. По праздникамъ возили насъ на лодкѣ по Фонтанкѣ, среди барокъ съ дровами — въ Екатерингофъ, тогда еще пустынный, но красивый, съ качелями, катаньями въ колясочкахъ, съ деревянной горы внизъ по крутой дорожкѣ, спускающейся сверху винтомъ; наконецъ, водили насъ аккуратно всякое воскресенье къ обѣднѣ, въ церковь Московскаго полка, отъ казармъ котораго мы близко жили, и гдѣ священникъ

вы. Въ этомъ семействѣ и сыновья, и дочери были очень даровиты и очень способны къ искусствамъ. Одни хорошо рисовали — старшій сынъ, Владиміръ Тимофѣевичъ, былъ даже нашимъ первымъ учителемъ рисованія; дочери, Александра и Софья, хорошо играли на фортепіано. Младшую, Вѣру, самъ Глинка училъ впослѣдствіи пѣнію, давалъ ей что-то вродѣ уроковъ. По обычаю гувернеровъ и гувернантокъ, конца не было вѣчнымъ сравненіямъ насъ съ Александровыми и упрекамъ нашей неспособности. Страшно страдало наше самолюбіе, и съ болѣзненнымъ чувствомъ подымались наши молодыя сердечки. Но все-таки мы были величайшіе друзья со всѣмъ семействомъ Александровыхъ. Въ 40-мъ году Платонъ Кукольникъ, адвокатъ и дѣлецъ, женился на старшей дочери, Александрѣ, поселился въ ихъ домѣ, и тамъ стала часто собираться вся извѣстная брюловско-глинкинско-кукольниковская компанія. Иногда Глинка пѣлъ тамъ отрывки изъ «Руслана», въ то время имъ сочиняемаго, всего чаще балладу Финна и каватину Гориславы, а иногда и танцовалъ, если было время до ужина. Танцовать онъ очень любилъ, обѣ сестры мои бывали тогда у него нерѣдко «дамами», какъ живыя, веселыя и хорошенькія барышни. Несторъ Кукольникъ любилъ тутъ-же читать свои стихи или отрывки изъ надутыхъ своихъ драмъ, Брюловъ плѣнялъ всѣхъ остроуміемъ и интересными, живописными разсказами. Но мнѣ никогда не удавалось присутствовать на этихъ вечерахъ: я былъ тогда еще въ училищѣ правовѣдѣнія.

III.

Въ 1842 году Ольга Константиновна уѣхала изъ нашего дома, со своей дочерью Любочкой, въ Екатеринбунгъ, къ своему брату, и тамъ завела женскій пансіонъ. Мои сестры, одна 22, другая 20 лѣтъ, остались однѣ на своей волѣ, съ двумя старыми незамуж-

ними тетками. Одна была сестра нашей матери, толстая и старая Анна Абрамовна въ старинномъ чепчикѣ, другая—сестра нашего отца, маленькая, сухощавенькая, живая и сильно подвижная Вѣра Петровна, преумная и пресимпатичная особа, очень благочестивая, всего болѣе преданная религіознымъ дѣламъ, и много времени проводившая въ церквахъ и монастыряхъ. Это были два совершенно различныя по натурѣ, но хорошія и милыя существа; ихъ мы равно любили, но отъ нихъ воспринять намъ было нечего. «Сначала намъ было какъ-то дико, быть однимъ, пишетъ моя сестра въ своихъ «Запискахъ», но мало-по-малу мы свыклись. Сначала съ нами выѣзжали наша тетушка Вѣра Петровна и отецъ, а потомъ мы стали ѣздить всюду однѣ, — а это тогда многимъ казалось дико и даже несовсѣмъ прилично. Какъ, 20-лѣтнія дѣвушки однѣ на улицѣ и въ гостяхъ!»

Но еще болѣе подвергались порицаніямъ мои сестры за то, что онѣ вдругъ принялись много читать. «Моя молодость была чрезвычайно безпечна и не серьезна, восклицаетъ моя сестра Надежда.—Всѣ мысли и вся цѣль клонились у меня, вначалѣ, къ увеселеніямъ». Онѣ тогда часто ѣзжали на вечера и балы къ разнымъ знакомымъ, и я живо помню, какъ я, бывало, ходилъ и будилъ ихъ, передъ вечеромъ, часовъ въ 9, и кричалъ имъ на ухо: «Пора, пора вставать! Довольно валяться!»—а когда онѣ не слушались и лѣнились, каждую изъ нихъ я схватывалъ съ кушетки, поднималъ на руки, относилъ къ туалету и тамъ сажалъ на кресло, гдѣ уже ждала горничная, убирать голову. Но пришло время, когда обѣ сестры мои стали чувствовать недочеты въ своемъ существованіи. Вихрь свѣта, балы и танцы уже не удовлетворяли ихъ. Онѣ вдругъ увидали, что мало образованы, и имъ стало больно. «Особливо меня сердили вздорные разговоры на балахъ, говоритъ моя младшая сестра. Я старалась на вечерахъ не танцовать мазурку, которую, впрочемъ,

очень любила: мнѣ всегда былъ невыносимъ глупый разговоръ».

Сестры мои поняли, что ихъ учили много, но все не тому, чего имъ надо было, чего имъ хотѣлось. «Развѣ мы знали хоть сколько-нибудь исторію? восклицаетъ младшая. Вѣдь насъ учили по несчастнымъ учебникамъ того времени! А куда они годились? Такъ и во всемъ!» Онѣ обѣ считали горькой обидой для себя и кровной несправедливостью, что братьевъ воспитываютъ и учатъ со всѣмъ иначе, чѣмъ ихъ, и думали, что и онѣ тоже могли-бы всему учиться, чему учатся братья, узнать все то, что они знаютъ. «Мой отецъ, пишетъ сестра моя, — хотя и былъ такой умный человѣкъ, а думалъ (какъ всѣ тогда), что намъ не то надо, что братьямъ...» «Вспоминаю я (говоритъ она еще въ одномъ мѣстѣ своихъ «Записокъ»), какъ пренебрежительно на насъ, молоденькихъ дѣвицъ, иной разъ смотрѣли. Братъ Володя былъ въ Правовѣдѣніи и бралъ уроки на фортепіано, на недѣлѣ—у Гензельта, по воскресеньямъ—у Герке. Приходитъ онъ какъ-то разъ въ воскресенье съ урока отъ Герке, и говоритъ: «Вотъ сегодня я много игралъ и толковалъ съ Герке, и въ одномъ мѣстѣ Герке мнѣ сказалъ: «Не играйте какъ всѣ барышни, безъ смысла, а надо прежде понять, а потомъ исполнять». И Володя тутъ-же съ усмѣшкой къ намъ съ Соней обратился. Намъ было это тяжко, особенно конецъ фразы: «Вѣдь на нихъ понапрасну деньги бросаютъ». Мы потомъ не разъ вспоминали это...» И вотъ онѣ затѣяли *добразовывать себя*, перечитали по секрету, изъ библіотечныхъ шкапиковъ моего отца, все, что только нашли тамъ, и все что могли достать отъ Сѣровыхъ, нашихъ хорошихъ знакомыхъ, отецъ которыхъ, Николай Ивановичъ Сѣровъ, отецъ композитора, былъ высокообразованый человѣкъ и обладалъ хорошей, солидной библіотекой.

До сихъ поръ уцѣлѣли у насъ многочисленныя тетради, написанныя рукою обѣихъ сестеръ, Софьи и

Надежды, гдѣ были цѣлыя страницы выписокъ изъ «Шильонскаго узника», или «Чайльдъ-Гарольда» по-англійски; потомъ, изъ модныхъ тогда и имѣвшихъ претензію на интеллектуальное значеніе, романовъ миссъ Эджевортъ, изъ Пушкина, изъ Гейне; онѣ даже пытались одолѣть съ лексикономъ «Божественную комедію» Данта, въ оригиналѣ, по старому итальянскому изданію огромной величины, которое отецъ нашъ привезъ изъ Италіи, еще въ началѣ столѣтія. Конечно, онѣ ничего не разобрали въ старомъ средневѣковомъ языкѣ Данта. «Но въ то врема молодыя дѣвицы не очень-то допускались до книгъ и газетъ: онѣ тотчасъ получали прозвище *bas-bleu* (синій чулокъ), пишетъ моя сестра, и на насъ порядочно-таки указывали пальцами, а мы не разъ тому смѣялись. Мы ни съ кѣмъ изъ знакомыхъ и не разговаривали о нашихъ чтеніяхъ,—вѣдь не много было около насъ людей, интересовавшихся книгами, музыкой, Эрмитажемъ, который мы обожали, и куда ходили часто, однѣ, вдвоемъ..» По счастью, среди ихъ одиночества, имъ случилось встрѣтиться съ юношей, который сдѣлался ихъ совѣтникомъ, руководителемъ и помощникомъ, а вмѣстѣ и танцоромъ. Это былъ одинъ изъ тогдашнихъ ревностныхъ молодыхъ литераторовъ, Сергѣй Строевъ. «Онъ былъ съ нами близко знакомъ, говоритъ сестра Надя,—до самой своей смерти, очень ранней, къ несчастью (1842). Какая это была свѣтлая личность, сколько знанія! Съ нимъ-то, когда онъ пріѣзжалъ изъ Москвы, на мѣсяцъ, на два, проводили мы одно время всѣ вечера, читали другъ другу вслухъ нашихъ любимыхъ писателей. И онъ читалъ намъ что-то вродѣ историческихъ лекцій. Это были увлекательные вечера! Часто хаживали мы съ нимъ и въ Эрмитажъ. Кругъ-же нашихъ товарокъ былъ плохъ и, сходясь близко, мы скоро чувствовали недостатки ихъ. Вотъ и оставались мы всего болѣе однѣ, двоемъ...»

Надо признаться, большинство нашихъ тогдашнихъ

знакомыхъ были, въ самомъ дѣлѣ, все люди не важные по содержанію. Почти со всѣми этими семействами знакомство завелось у насъ только потому, что нашъ отецъ строилъ имъ дома. Все это были люди состоятельные, иногда богатые, но интеллектуальный уровень былъ тамъ далекъ отъ какой-нибудь высоты. Такъ наприм., Бергинъ—это былъ англійскій банкиръ при дворѣ Александра I; Голохвастовъ—чиновникъ министерства финансовъ, впослѣдствіи даже директоръ банка; Инсарскій—управляющій имѣніями гр. Апраксина; Билибинъ—биржевой браковщикъ; Безцѣнный—биржевой маклеръ; были тутъ и откупщики, уланскіе и гусарскіе офицеры, наприм. Шишмаревы, женатые на богатыхъ купчихахъ, все это были люди хорошіе и дѣловые, жили они прекрасно, себѣ и другимъ всласть, но въ ихъ домахъ царствовали всего болѣе карты, либо танцы,—либо и то и другое вмѣстѣ; никакіе интересы общественные, культурные или интеллектуальные еще не выплывали тамъ наружу.

Для удовлстворенія своихъ внутреннихъ, болѣе хорошихъ потребностей, у моего отца были другіе, свои особые знакомые. Про нихъ я когда-нибудь разскажу при другомъ случаѣ. Мы, молоденькое, маленькое поколѣньице, не имѣли съ ними никакихъ соприкосновеній.

Я выше говорилъ уже, что музыка и пѣніе играли крупную роль въ жизни моихъ сестеръ, но живопись и рисованье—еще гораздо большую. У нихъ были прекрасные учителя: сначала Михаилъ Ивановичъ Скотти, ученикъ знаменитаго въ свое время Егорова, впослѣдствіи самъ профессоръ академіи и учитель Перова въ московской школѣ живописи и ваянія; послѣ отъѣзда Скотти въ Италію—училъ у насъ академикъ Алексѣй Александровичъ Васильевъ, хорошій портретистъ. Оба они, одинъ вслѣдъ за другимъ, такъ хорошо подвинули своихъ учениць, что онѣ впродолжеціе 40-хъ годовъ написали масляными крас-

ками множество очень изрядныхъ портретовъ всего нашего семейства: тутъ появились и наши тетки въ чепцахъ, и характерный, оригинальный нашъ лакей Иванъ, страстный чтецъ «Сына Отечества» временъ нашествія французовъ 1812 года и турецкой войны конца 20-хъ годовъ. Онъ эти тетрадки зналъ почти наизусть, и когда мылъ меня въ ваннѣ, покуривая трубочку, то всегда много разсказывалъ мнѣ про Наполеона, про маршала Веллингтона, про Наваринское сраженіе, про адмирала Кодрингтона, про Кутузова и разныхъ русскихъ генераловъ: разсказы были безконечны. Иванъ былъ, можно сказать, одинъ изъ самыхъ раннихъ и полезныхъ мнѣ учителей. Но и кромѣ того. мы всѣ любили его за необыкновенную честность, прямоту, услужливость и вѣрность. Онъ у насъ въ домѣ женился, жена его, Анна Афанасьевна, была у насъ потомъ кухаркой—и отличной; отъ нихъ народилась большая семья, изъ которой иные члены продолжали у насъ въ домѣ жить потомъ нѣсколько десятковъ лѣтъ; дѣти ихъ, въ свою очередь одни женились, другія вышли за мужъ, и произвели третье еще поколѣніе хорошихъ и честныхъ людей. Кромѣ портретовъ нашихъ тетей и Ивана, было сдѣлано моими сестрами нѣсколько другихъ еще портретовъ: съ моего тогдашняго пріятеля и товарища по училищу правовѣдѣнія, А. Н. Сѣрова, впослѣдствіи автора «Юдиѳи» и «Вражьей силы» (этотъ портретъ я въ 1880 году издалъ въ «Русской Старинѣ»), портреты нашей воспитательницы О. К. и ея дочки Любы, портреты со всѣхъ насъ, братьевъ, одного изъ нихъ артиллеристомъ, съ тогдашнимъ киверомъ въ рукахъ, другихъ правовѣдами, еще одного — свѣтскимъ франтомъ съ усиками; наконецъ, сестра Надя прекрасно нарисовала и себя самое, въ розовомъ бальномъ платьѣ vapeur и съ тогдашней модной прической «á la Clotilde», широкими бандо поверхъ уха.

Но, когда этой моей сестрѣ было уже 24 года,

среди тихой мирной жизни самообразованія, художественныхъ наслажденій и ревностнаго литературнаго чтенія, вперемежку съ балами и вечерами, надъ нею пронеслась страшная буря несчастія и исковеркала навѣки все ея существованіе. Я рѣшаюсь говорить про эту ужасную катастрофу, потому-что давно перемерли, въ двухъ противоположныхъ семействахъ, *всѣ* лица, участвовавшія въ разсказываемыхъ мною событіяхъ. У моей сестры былъ въ концѣ 40-хъ годовъ женихъ, блестящій гвардейскій офицеръ служившій въ конной артиллеріи, очень образованный и свѣтскій. Приближалась помолвка, свадьба казалась близкой и совершенно несомнѣнной. И этотъ женихъ вдругъ ее покинулъ и почти мгновенно женился на другой. Этого потребовалъ его отецъ, грозившійся лишить его наслѣдства и сдѣлать навѣки нищимъ. Блестящій офицеръ перепугался и безропотно уступилъ, а моя сестра—сошла съ ума. Это было страшное, мучительное время въ нашемъ семействѣ. Всѣ мы жили однимъ только общимъ несчастіемъ, никуда не ходили и ни съ кѣмъ не видались. Страшная трагедія цѣлый день шла въ домѣ. Отецъ нашъ былъ убитъ. Но тутъ-то намъ довелось быть свидѣтелями невообразимыхъ чудесъ. Нашъ докторъ, тогда одинъ изъ выдающихся врачей Петербурга, рѣшилъ лѣчить нашу сестру—магнетизмомъ. У него были черные, пронзительные глаза, и передъ нами прошли сцены, которымъ мы всѣ никогда не повѣрили-бы, еслибъ намъ разсказывали ихъ другіе, а не сами мы видѣли. Мы никогда не вѣрили ни верченію столовъ, ни вызываніямъ духовъ, ни прочимъ моднымъ забавамъ и затѣямъ, но чтó мы тутъ увидали, тому нельзя было не повѣрить. Усыпленная, глазами доктора и магнетическими навѣваніями его рукъ, или надѣтымъ ей на руку намагнитизированнымъ кольцомъ, моя сестра сама начинала приказывать, чѣмъ ее лѣчить. Она диктовала лѣкарства по латыни (изъ которой, конечно, не знала до тѣхъ поръ ни одной

буквы), и мы, стоявшіе кругомъ ея постели въ нѣмомъ молчаніи, братья и сестры, записывали, что тогда ею говорилось и приказывалось. У насъ до сихъ поръ сохранились тетради съ нашими записями. Всего поразительнѣе было то, какъ иногда, среди своей тихой, медленной, протяжной рѣчи, какимъ-то гробовымъ голосомъ, она вдругъ вскрикивала, словно кто больно укололь ее булавкой: «*Онъ* ѣдетъ!» Мы бросались къ отворенному балкону — и въ самомъ дѣлѣ, видѣли изъ-за занавѣсокъ, что *онъ*, беззаботный, равнодушный и жестокій, проѣзжалъ мимо. Ее перевезли (по ея приказу) въ Парголово, гдѣ никто изъ насъ до тѣхъ поръ не бывалъ, и лѣченіе тамъ продолжалось. Подъ конецъ лѣта, среди магнетическаго сна, она однажды вскрикнула: «*Онъ* въ паркѣ!» и—скоро потомъ пришла домой наша тетя, отъ обѣдни въ 1-мъ Парголовѣ, и разсказывала, что въ паркѣ встрѣтила *его*, съ молодой женой. Это былъ второй или третій день ихъ свадьбы, они пріѣхали вдвоемъ погулять за городомъ, и, конечно, не подозрѣвали, что наше семейство именно въ этихъ краяхъ теперь живетъ. Къ осени Надя стала поправляться, и мы вздохнули свободно. Къ слѣдующему лѣту она и совсѣмъ почти выздоровѣла. Но на здоровьѣ ея остались страшные слѣды грозной катастрофы, и цѣлыхъ 50 лѣтъ потомъ она носила на своихъ плечахъ гнетъ ея.

Но когда она снова вступила въ жизнь, то дала себѣ самой клятву: никогда не выходить замужъ и начать совершенно новую жизнь. Она выполнила эту клятву свято, выдержала ее до своего послѣдняго вздоха. «Послѣ моего нравственнаго страданія, пишетъ она въ «Запискахъ»,—послѣ грустной исторіи моего сердца, послѣ моей болѣзни, бывшей слѣдствіемъ душевнаго потрясенія, которое перевернуло всю мою жизнь, я искала забвенія моему наболѣвшему сердцу. И какъ только я пришла въ себя, я почувствовала потребность общественной дѣятельности. Но судьба

была немилосердна. Едва я оправилась послѣ разорванныхъ надеждъ, какъ на насъ обрушилось новое страшное горе—не стало нашего отца...» Много сердечныхъ страницъ въ своихъ «Запискахъ» посвятила она воспоминаніямъ о немъ, но потомъ написала: «Послѣ всѣхъ ударовъ, постигшихъ меня, я начала сознавать, что если живешь, то надо дѣйствовать, и безчестно предаваться только мысли о своемъ разбитомъ счастіи. И я искала занятія, стала изучать ботанику (такъ-какъ съ дѣтства любила цвѣты и всякую растительность), стала много читать...» Старикъ Сѣровъ снова пришолъ тутъ на помощь моимъ сестрамъ со своею библіотекою, еще иныя книги онѣ доставали изъ другихъ рукъ, и въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ онѣ прочитали пропасть превосходныхъ или, по крайней мѣрѣ, важныхъ книгъ. Тутъ были и «Разговоры» Платона, и поэмы Байрона и Виктора Гюго, и исторія Карамзина, и романы Вальтеръ-Скотта, и «Эмиль» Руссо, его «Contrat Social», и многое изъ Вольтера, и знаменитое ботаническое сочиненіе Декандоля: «Prodromus», котораго заглавіе даже мы, братья, не могли ей объяснить, когда сестра Надя спрашивала; что такое значитъ «Prodromus»? Насъ и самихъ мало чему дѣльному учили! Наконецъ, сюда-же принадлежали романы Жоржъ-Сандъ, въ 40-хъ годахъ сильно читавшіеся въ Россіи и сильно волновавшіе всѣ молодыя, свѣжія, стремившіяся къ свѣту и независимости души. «Мы съ сестрою Софьей, пишетъ она, можно сказать, жили этими романами, точь-въ-точь какъ въ 42-мъ году—страстной геніальной игрой Листа». Оба великіе художника возбуждали въ нихъ всѣ силы страсти, поэзіи и мысли!

Но на чтеніяхъ дѣло не остановилось. Скоро наступила пора настоящей дѣятельности, глубоко характерной, самостоятельной и полезной. Обстоятельства поднимались, одно другого важнѣе и серьезнѣе. Нуженъ былъ для нихъ духъ крѣпкій, смѣлый, рѣшительный—

у моей сестры Надежды все это уже было и сложилось въ могучее орудіе дѣйствія.

Въ началѣ 50-хъ годовъ младшая сестра видѣла, что старшая, Софья, которую она такъ долго и такъ страстно любила, страшно страдала: она была убита горемъ, она горячо любила и горячо была любима, но бракъ не могъ состояться, потому-что между женихомъ и невѣстой существовали степени отдаленнаго родства, по русскому закону воспрещенныя для браковъ. Что-же сдѣлала сестра Надя? Долго насмотрѣвшись на сестрино горе, она и сама съ нею горько намучилась. И потомъ вдругъ, въ одинъ день, рѣшилась. Никому не говоря ни слова, она написала письмо къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, черезъ фрейлину графиню Ал. Андр. Толстую, которой отецъ, полковникъ, служившій въ царскосельскомъ дворцовомъ правленіи, былъ знакомъ съ нашимъ отцомъ еще съ 20-хъ годовъ. Это письмо было полно чувства и страсти *. Она получила отъ великой княгини дозволеніе явиться къ ней и лично разсказать свое важное дѣло. Тутъ она нашла такія горячія слова, такія убѣдительныя мысли и рѣчи, что тронула великую княгиню до глубины ея чудесной, нѣжной и благородной души, и она обѣщалась разсказать все дѣло, какъ есть, своему отцу, императору Николаю I. Черезъ нѣсколько времени желанная свадьба, на которую было посмотрѣно сквозь пальцы, состоялась (впрочемъ со множествомъ хлопотъ и внѣшнихъ предосторожностей, предпринятыхъ моими братьями. Въ томъ числѣ, впродолженіе вѣнчанія, происходившаго въ конногвардейской церкви, входныя двери были заперты на ключъ и никого не впускали до конца церемоніи. Меня, съ ними не было: я былъ

* Я самъ, конечно, его не читалъ и ничего о немъ тогда не зналъ, но мнѣ о всемъ этомъ дѣлѣ пространно разсказывала, впослѣдствіи, тогдашняя товарка и пріятельница моей сестры, Лиз. Клем. С—на.

заграницей). Можетъ быть, когда-нибудь я подробно разскажу все это дѣло въ моей автобіографіи.

Это былъ, мнѣ кажется, у моей сестры *первый* опытъ энтузіастной помощи другимъ,—а потомъ все подобное сдѣлалось главной нотой всей ея жизни. Но, спустя нѣсколько лѣтъ, несчастіе не миновало двухъ созданныхъ ею счастливцевъ. Умеръ у нихъ отъ внезапной болѣзни единственный маленькій сынъ, мать была неутѣшна, потому-что обвиняла себя въ неумѣньи и неосторожности. Отъ горя и страданій она впала въ чахотку и умерла, послѣ долгихъ и мучительныхъ страданій, въ Венеціи. Младшая сестра, впродолженіи этихъ годовъ, бросила все, забыла всѣ высокіе свои планы и радужныя мечты о новой жизни, и думала только о сестрѣ. Она приняла послѣдній ея вздохъ, сама собственными руками совершила надъ усопшей послѣдній, «страшный смертный туалетъ» и пріѣхала назадъ въ Россію, въ концѣ 1858 года, разбитая, измученная, слабая. Она болѣе ни на что не надѣялась, ничего болѣе не ожидала, и желала только одного—смерти.

Но судьба рѣшила иначе. Именно отъ сихъ поръ должна была начаться ея настоящая жизнь, ея настоящая дѣятельность, та, которую, можетъ быть, исторія запишетъ на своихъ страницахъ. Все предыдущее было только приготовленіемъ, интродукціей, увертюрой. *Настоящая* опера именно только теперь начиналась.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Нѣсколько словъ о прошломъ европейской и русской женщины.—Начало общества дешовыхъ квартиръ.—М. В. Трубникова. — Общество женскаго труда.—Калинкинская больница.—Пріютъ кающихся Магдалинъ.

IV.

Приступая къ разсказу о дѣятельности моей сестры, въ теченіе ея зрѣлыхъ годовъ, и всего болѣе о ея участии въ русскомъ женскомъ движеніи 50-хъ и 60-хъ годовъ, я считаю нужнымъ сначала въ краткихъ чертахъ изложить: откуда пошло это движеніе, какія были его причины, какой ходъ, а потомъ и результаты.

Русская исторія доказываетъ точь-въ-точь то-же самое, что и исторія другихъ европейскихъ народовъ, а именно, что женщина ничуть не ниже мужчины по способностямъ, по уму, по дарованіямъ, по энергіи, по инициативѣ; но если существовала всегда громадная разница въ участи и исторіи мужчины съ одной стороны, и женщины съ другой, то этому причина лежитъ не въ натурѣ женской, а во внѣшнихъ обстоятельствахъ, въ насиліи, въ угнетеніи, происходившемъ втеченіе долгихъ столѣтій. Умныхъ, даровитыхъ, великодушныхъ, дальнозоркихъ и сильныхъ женщинъ всегда бывало не мало на свѣтѣ, но только онѣ были постоянно задавлены и одурачены. Съ ихъ

умомъ, способностями и волей было всегда совершаемо то самое, что̀ всегда совершалось съ ногами китайскихъ женщинъ: на нихъ тотчасъ-же, съ первой минуты рожденія, надѣвались прочныя колодки, башмаки-давители, съ множествомъ перевязокъ, и спастись отъ страшной операціи возможно было развѣ только словно какимъ-то чудомъ. Зато, едва появлялась малѣйшая возможность, едва мелькалъ самый капельный просвѣтъ, женщины расправляли смятыя пружины души и скоро доказывали, что и онѣ тоже люди, что и онѣ способны быть не все только изящными цвѣточками и граціозными побрякушками, но и созданіями, полными мысли, чувства, пониманія жизни и стремленія къ истинному интеллектуальному бытію и всяческому творчеству. Какъ у средневѣковой Европы всѣхъ странъ, такъ и у средневѣковой Руси были свои княгини Ольги и Марѳы-посадницы, начинавшія и совершавшія великія дѣла народныя; какъ у Европы новыхъ временъ, такъ и у Россіи послѣднихъ столѣтій были свои царевны Софіи, свои великія княжны Наталіи Алексѣевны, свои княгини Дашковы, изъ которыхъ однѣ способны были двигать большія массы народныя и направлять ихъ къ крупнымъ цѣлямъ, другія, въ странѣ еще полуазіатской, пробовали прививать своему народу благодатные плоды европейской цивилизаціи, но вмѣстѣ разили своими комедіями и сатирами вѣковой застой и косность всеобщую; третьи бодро и смѣло становились во главѣ свѣтлаго просвѣщенія своего народа и давали ему могучее направленіе. Наконецъ, цѣлая масса другихъ русскихъ женщинъ, тѣхъ, которыя были менѣе одарены для цѣлей интеллигенціи, но не менѣе предыдущихъ женщинъ одарены золотою душою и сердцемъ,—посвящали себя дѣламъ состраданія, милосердія, сердолюбія, одушевленной помощи бѣдствующимъ и страждущимъ,—вообще, посвящали себя высокопочтенному дѣлу филантропіи. Таковы были благочестивыя княжны и княгини, бояры-

ни и монахини средневѣковыя. Таковы были Евфросинія Полоцкія, Евфросинія Суздальскія, Февронія Муромскія, Юліанія Лазаревскія и множество другихъ; таковы были, позже, наслѣдницы ихъ, женщины прошлаго и настоящаго вѣка, проявившія несокрушимое мужество сердечное и непобѣдимое желаніе добра,—такими вышли сначала, въ 20-хъ годахъ нашего столѣтія, декабристки; послѣ нихъ—сотрудницы общества посѣщенія бѣдныхъ 40-хъ и 50-хъ годовъ, наконецъ, добровольныя сестры милосердія времени войнъ 50-хъ, 60-хъ и 70-хъ годовъ,—женщины изъ всѣхъ слоевъ русскаго общества. Великолѣпны и чудесны были ихъ великодушныя дѣла, и вѣчная имъ слава въ исторіи нашей, но нигдѣ тутъ не было еще ни малѣйшаго помышленія о *правахъ* женщины. Вездѣ все дѣло шло только объ *обязанностяхъ* ея. Ощущеніе *права* еще спало непробуднымъ сномъ. И такъ было не у однихъ насъ. То-же самое было вездѣ и у другихъ.

Но великій переворотъ въ умахъ, начавшійся во Франціи еще въ началѣ XVIII вѣка и кончившійся громовымъ переломомъ жизни въ концѣ столѣтія, коснулся громаднымъ крыломъ и участи женской.

Женщина была оффиціально признана существомъ, равнымъ мужчинѣ.

Конечно, это сдѣлалось не сразу и не безъ сопротивленія. Даже Руссо, хотя былъ и истинно великій человѣкъ и великій умъ, хотя и пламенный защитникъ попранныхъ правъ, хотя и чудный герольдъ правды и справедливости, а все-таки еще не былъ въ состояніи понять новыхъ, начинавшихъ раздаваться около него требованій. Въ своей «Новой Элоизѣ» (1759) онъ возражалъ дерзкимъ новаторамъ только старинными банальностями: «Совершенная женщина и совершенный мужчина должны столь-же мало походить другъ на друга душой, какъ и лицомъ. Эти *напрасныя* подражанія чужому полу—верхъ сумасбродства: они смѣшатъ мудраго человѣка и гонятъ прочь любовь. У кого нѣтъ

6½ футовъ роста, басоваго голоса и бороды внизу лица, тотъ не долженъ соваться быть мужчиной»... Въ своемъ знаменитомъ «Письмѣ къ Даламберу» (1758), онъ также говоритъ: «Нѣтъ для женщины ничего добраго внѣ уединенной и домашней жизни; кроткія семейныя и хозяйственныя заботы—настоящая ихъ доля; достоинство ихъ пола заключается въ скромности; искать мужскихъ взглядовъ—это уже значитъ давать себя подкупать; всякая женщина, выходящая въ публику—уже безчеститъ себя»... На эти ординарныя пошлости было тогда у Руссо много товарищей въ публикѣ и печати.

Но, кромѣ Руссо, былъ тогда у Франціи также и Вольтеръ. Это былъ человѣкъ болѣе глубокій, чѣмъ большинство его современниковъ, не взирая на давно прицѣпленный къ нему ограниченными и злобными консерваторами аттестатъ легкаго и поверхностнаго человѣка. Онъ думалъ о женщинахъ уже совершенно иначе. Правда, не совсѣмъ еще отдѣлавшись отъ общихъ вѣковыхъ предразсудковъ, онъ провозглашалъ въ знаменитомъ «Dictionnaire philosophique»: «Мужчины обыкновенно превосходятъ женщину и тѣлесною, и умственною силою. Бывали женщины ученыя, бывали женщины воительницы; но никогда еще не бывало женщинъ съ творческою изобрѣтательностью»— и такія слова доказываютъ только, что даже и Вольтеръ иногда заблуждался и смѣшивалъ коренныя способности женщины съ тѣми результатами, которые были слѣдствіемъ приниженнаго и задавленнаго положенія женщины впродолженіе цѣлыхъ тысячелѣтій. Но, все-таки этотъ самый Вольтеръ, въ минуты полной свободы и свѣтлости своего великаго ума, еще въ началѣ столѣтія, въ 1736 году, писалъ своему пріятелю Бержэ: «Женщины способны дѣлать все то, что и мы, но вся разница между ими и нами только въ томъ, что онѣ гораздо милѣе насъ»... Въ другомъ письмѣ, уже къ одной женщинѣ, которую ему сильно хотѣлось

ками множество очень изрядныхъ портретовъ всего нашего семейства: тутъ появились и наши тетки въ чепцахъ, и характерный, оригинальный нашъ лакей Иванъ, страстный чтецъ «Сына Отечества» временъ нашествія французовъ 1812 года и турецкой войны конца 20-хъ годовъ. Онъ эти тетрадки зналъ почти наизусть, и когда мылъ меня въ ваннѣ, покуривая трубочку, то всегда много разсказывалъ мнѣ про Наполеона, про маршала Веллингтона, про Наваринское сраженіе, про адмирала Кодрингтона, про Кутузова и разныхъ русскихъ генераловъ: разсказы были безконечны. Иванъ былъ, можно сказать, одинъ изъ самыхъ раннихъ и полезныхъ мнѣ учителей. Но и кромѣ того. мы всѣ любили его за необыкновенную честность, прямоту, услужливость и вѣрность. Онъ у насъ въ домѣ женился, жена его, Анна Афанасьевна, была у насъ потомъ кухаркой—и отличной; отъ нихъ народилась большая семья, изъ которой иные члены продолжали у насъ въ домѣ жить потомъ нѣсколько десятковъ лѣтъ; дѣти ихъ, въ свою очередь одни женились, другія вышли за мужъ, и произвели третье еще поколѣніе хорошихъ и честныхъ людей. Кромѣ портретовъ нашихъ тетей и Ивана, было сдѣлано моими сестрами нѣсколько другихъ еще портретовъ: съ моего тогдашняго пріятеля и товарища по училищу правовѣдѣнія, А. Н. Сѣрова, впослѣдствіи автора «Юдиѳи» и «Вражьей силы» (этотъ портретъ я въ 1880 году издалъ въ «Русской Старинѣ»), портреты нашей воспитательницы О. К. и ея дочки Любы, портреты со всѣхъ насъ, братьевъ, одного изъ нихъ артиллеристомъ, съ тогдашнимъ кiверомъ въ рукахъ, другихъ правовѣдами, еще одного — свѣтскимъ франтомъ съ усиками; наконецъ, сестра Надя прекрасно нарисовала и себя самое, въ розовомъ бальномъ платьѣ vapeur и съ тогдашней модной прической «á la Clotilde», широкими бандо́ поверхъ уха.

Но, когда этой моей сестрѣ было уже 24 года,

диться и дѣйствовать. Къ эпохѣ іюльской революціи 1830 года новое ученіе стояло уже крѣпко, во всей своей силѣ и расцвѣтѣ. Множество свѣжихъ, мощныхъ умовъ молодой Франціи толпилось вокругъ вождей и предводителей, и въ безчисленныхъ книгахъ, статьяхъ, лекціяхъ и бесѣдахъ разносило это ученіе среди массы.

Еще во времена самого неограниченнаго деспотизма Наполеона I, явилась во Франціи женщина, во многихъ отношеніяхъ могучая умомъ, сильная самостоятельною мыслью, начинавшая задумываться объ участи нынѣшней и будущей женщины—г-жа Сталь. Но при всей значительности ея натуры, выдвигавшей ее на высокую позицію среди остальныхъ европейскихъ женщинъ, ей многаго еще недоставало для того, чтобы взять ту сильную, глубокую и яркую ноту, которая должна была начать искупленіе и возвышеніе современной женщины. Г-жа Сталь была часто независима въ своихъ сужденіяхъ и понятіяхъ, она уже чего-то желала и начинала искать въ отношеніи къ настоящимъ правамъ женщины, она уже начинала жаловаться на униженное ихъ положеніе, пробовала заявлять нѣчто о нѣкоторой ея равноправности съ мужчиной, и это всего болѣе въ томъ, что́ касается брака и брачной жизни, но вездѣ тутъ, во всѣхъ ея рѣчахъ и мысляхъ, является налицо также огромное количество прежнихъ европейскихъ предразсудковъ, не дающихъ ей выступить истиннымъ женскимъ вождемъ и трибуномъ. Въ предисловіи къ своему роману «Дельфина» (впрочемъ, во многихъ отношеніяхъ очень замѣчательному) она говоритъ: «Мужчина долженъ умѣть бороться съ общественнымъ мнѣніемъ, — женщина должна умѣть подчиняться ему». Въ одномъ мѣстѣ этого-же романа героиня говоритъ: «Очень возможно, что даже суевѣрныя представленія болѣе гармонируютъ съ назначеніемъ женщины, чѣмъ умственная свобода. Эти слабыя и колеблющясяі существа нуж-

торая являлась самой блистательной, яркой и талантливой представительницей своего пола, за ея «попытки измѣнить установленный образъ правленія» (тогдашній терроръ). Вотъ какъ ново и враждебно было дѣйствительное, уже не идеальное, а практическое вступленіе женщинъ въ общественную жизнь, даже для самыхъ фанатическихъ поклонниковъ свободы въ новой Франціи!

Конечно, грубо-солдатское время Наполеона I и реакціонно-ханжеское Людовика XVIII и Карла X не могло быть благопріятно для какихъ-бы то ни было человѣческихъ правъ, въ томъ числѣ и женскихъ; но именно во время этихъ траурныхъ періодовъ исторіи продолжали тлѣть и разгораться искры, загорѣвшіяся еще въ концѣ XVIII столѣтія. Въ 1807 году появилась въ печати первая книга Сенъ-Симона: «Вступленіе къ научнымъ работамъ XIX вѣка,» въ слѣдующемъ 1808 году—первая книга Фурье: «Теорія четырехъ движеній», и въ этихъ двухъ книгахъ лежалъ первый зародышъ всѣхъ будущихъ сочиненій обоихъ этихъ мыслителей,—сочиненій глубоко потрясшихъ и измѣнившихъ впослѣдствіи европейскій міръ. Нужды нѣтъ, что книгъ этихъ вначалѣ не замѣтила масса, и что обѣ онѣ много лѣтъ пролежали по какимъ-то темнымъ угламъ, для большинства невѣдомыя. Кромѣ *большинства* — есть также еще *меньшинство*, а имъ-то именно и живетъ исторія, въ немъ-то главнымъ образомъ она осуществляется и имъ-то движется впередъ. Горсточка людей мало извѣстныхъ, а пожалуй и вовсе неизвѣстныхъ для прочаго люда, страстно примкнула къ мысли о возможности лучшей жизни для человѣческаго рода и, исправляя ошибки и заблужденія первоначальныхъ учителей, повела ихъ ученіе все впередъ и впередъ, по настоящимъ жизненнымъ дорогамъ. Но однимъ изъ главныхъ столповъ новаго символа вѣры было ученіе о равноправности женщины съ мужчиной и о необходимости для нея тру-

диться и дѣйствовать. Къ эпохѣ іюльской революціи 1830 года новое ученіе стояло уже крѣпко, во всей своей силѣ и расцвѣтѣ. Множество свѣжихъ, мощныхъ умовъ молодой Франціи толпилось вокругъ вождей и предводителей, и въ безчисленныхъ книгахъ, статьяхъ, лекціяхъ и бесѣдахъ разносило это ученіе среди массы.

Еще во времена самого неограниченнаго деспотизма Наполеона I, явилась во Франціи женщина, во многихъ отношеніяхъ могучая умомъ, сильная самостоятельною мыслью, начинавшая задумываться объ участи нынѣшней и будущей женщины—г-жа Сталь. Но при всей значительности ея натуры, выдвигавшей ее на высокую позицію среди остальныхъ европейскихъ женщинъ, ей многаго еще недоставало для того, чтобы взять ту сильную, глубокую и яркую ноту, которая должна была начать искупленіе и возвышеніе современной женщины. Г-жа Сталь была часто независима въ своихъ сужденіяхъ и понятіяхъ, она уже чего-то желала и начинала искать въ отношеніи къ настоящимъ правамъ женщины, она уже начинала жаловаться на униженное ихъ положеніе, пробовала заявлять нѣчто о нѣкоторой ея равноправности съ мужчиной, и это всего болѣе въ томъ, что́ касается брака и брачной жизни, но вездѣ тутъ, во всѣхъ ея рѣчахъ и мысляхъ, является налицо также огромное количество прежнихъ европейскихъ предразсудковъ, не дающихъ ей выступить истиннымъ женскимъ вождемъ и трибуномъ. Въ предисловіи къ своему роману «Дельфина» (впрочемъ, во многихъ отношеніяхъ очень замѣчательному) она говоритъ: «Мужчина долженъ умѣть бороться съ общественнымъ мнѣніемъ, — женщина должна умѣть подчиняться ему». Въ одномъ мѣстѣ этого-же романа героиня говоритъ: «Очень возможно, что даже суевѣрныя представленія болѣе гармонируютъ съ назначеніемъ женщины, чѣмъ умственная свобода. Эти слабыя и колеблющясяі существа нуж-

даются въ опорѣ, особенно когда онѣ полюбили». Кто такъ думаетъ, кто не способенъ подняться выше этихъ старинныхъ понятій и символовъ вѣры, еще не способенъ разумѣть то, что́ для нынѣшней женщины потребно, и что́ составляетъ истинное ея достояніе. Оттого г-жа Сталь вышла женщиной даровитой и умной, не безполезной въ исторіи культуры нашего столѣтія, но ничего не сдѣлавшей для самомалѣйшаго шага современной женщины впередъ.

Настоящей блестящей и талантливой распространительницей и водворительницей тѣхъ идей, которыя спеціально относились до женщины и ея судьбы, требующей измѣненія, и уже начинали появляться во Франціи, помимо г-жи Сталь—явилась Жоржъ-Сандъ. По таланту, по дару творчества, по уму, по глубинѣ мысли и чувства, по страстному увлеченію—это была, конечно, *первая* и высшая женщина изъ всѣхъ, какія были до тѣхъ поръ на свѣтѣ, и романы ея скоро произвели громадное вліяніе на весь міръ. Нужды нѣтъ, что ея творчество было чуждо всякаго реалистическаго направленія и часто было полно одного только утопическаго, частью лишеннаго всякой почвы, идеализма; нужды нѣтъ, что большинство личностей ея романовъ—фантазія, утопія и небывальщина; нужды нѣтъ, что почти всѣ разговоры этихъ личностей—книжны и «литературны», а дѣйствіе происходитъ все равно что не на дѣйствительной землѣ, а на облакахъ,—несмотря на все это, ея созданія имѣютъ громадную цѣнность и значеніе, какъ одинъ изъ самыхъ могучихъ рычаговъ, способствовавшихъ прогрессу человѣчества. Достоевскій говоритъ въ своемъ «Дневникѣ»: «Жоржъ-Сандъ не мыслитель, но это одна изъ самыхъ ясновидящихъ предчувственницъ болѣе счастливаго будущаго, ожидающаго человѣчество, въ достиженіе идеаловъ котораго она бодро и великодушно вѣрила всю жизнь». Осуществятся-ли когда-нибудь «идеалы» Жоржъ-Сандъ—тѣ, въ которыхъ женщина является

олицетвореніемъ чего-то кристально-чистаго, невиннаго, наивнаго, небеснаго, дѣтскаго, «не отъ міра сего»— Богъ вѣсть, да и сомнительно, слѣдуеть-ли желать въ самомъ дѣлѣ ихъ осуществленія: они такъ абстрактны, такъ фантастичны и такой Аркадіей пахнутъ. Но вѣрно то, что, вопреки понятіямъ Достоевскаго, Жоржъ-Сандъ есть *мыслитель* по преимуществу,—мыслитель не для созиданія невозможнаго, да и вовсе нежелательнаго будущаго, а мыслитель, понимающій существующее дѣйствительное зло, неправду, ложь, неправосудіе, нарушеніе права и разсудка. Въ этомъ направленіи, Жоржъ-Сандъ совершила безконечно много, чудный ея талантъ живописанія всегда способствовалъ укрѣпленію въ сердцахъ правды, здоровости, мысли и разума.

И при этомъ, работая много для Европы, она принесла громадную пользу и Россіи, о которой никогда не думала.

Европейскія новыя идеи, корень всѣхъ писаній Жоржа-Санда, очень туго и медленно принимались въ нашемъ отечествѣ. Мы только любовались художественностью, талантомъ и страстностью Жоржъ-Сандъ, и все-таки долго оставались при несокрушимыхъ старыхъ понятіяхъ. Самъ Бѣлинскій, этотъ свѣтлый и глубокій умъ, впослѣдствіи воспитатель и умственный вождь Россіи, будучи даже 25-ти лѣтъ, ничего еще не понималъ въ начинающемся женскомъ движеніи, и писалъ въ «Телескопѣ» 1835 года: «Женщина должна любить искусства, но любить ихъ для наслажденія, а не для того, чтобы самой быть художницей. Нѣтъ, никогда женщина-авторъ не можетъ ни любить, ни быть женою и матерью... Женщина-писательница съ талантомъ — жалка; бездарная — смѣшна и отвратительна... Женщина-писательница есть эманципированная женщина». А три года спустя, въ 1838 г., онъ-же писалъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ»: «Жоржъ-Сандъ приглашаетъ людей къ естественному состоянію, почитая

гражданскія установленія, и особенно бракъ, главною причиною человѣческихъ бѣдствій». Такимъ образомъ, не взирая на свою высокую натуру, Бѣлинскій вначалѣ, ничѣмъ не отличался, по части женскаго вопроса, отъ герольдовъ темной русской массы, Сенковскаго и Булгарина, которые съ пѣною у рта и несокрушимой ненавистью въ сердцѣ преслѣдовали Жоржъ-Санда, а вмѣстѣ съ нею и всѣхъ русскихъ женщинъ, начинавшихъ ужъ понемногу имѣть свою собственную мысль. По словамъ Достоевскаго, живого свидѣтеля всего, что тогда у насъ приходило, оба эти человѣка предостерегали отъ этой писательницы нашу публику еще до появленія романовъ Жоржъ-Санда на русскомъ языкѣ; они особенно пугали русскихъ дамъ тѣмъ, что она «ходитъ въ панталонахъ»; они хотѣли испугать ея развратомъ, сдѣлать ее смѣшной. Сенковскій началъ называть ее печатно въ своей «Библіотекѣ для Чтенія» Егоромъ Зандомъ, и, кажется, серьезно остался доволенъ своимъ остроуміемъ. Булгаринъ печаталъ о ней, даже въ 1848 году, въ «Сѣверной Пчелѣ», что она ежедневно пьянствуетъ съ Пьеромъ Леру у заставы и участвуетъ въ афинскихъ вечерахъ у разбойника и министра внутреннихъ дѣлъ, Ледрю-Роллена. Но для Сенковскихъ и Булгариныхъ было уже поздно. Ихъ мѣсто давно было занято Бѣлинскимъ, но не Бѣлинскимъ «Телескопа» и «Наблюдателя», а Бѣлинскимъ «Отечественныхъ Записокъ», тѣмъ, который быстро перевоспитался самъ и мгновенно сталъ во главѣ мыслящей и ростущей Россіи. Новое поколѣніе уже и само по себѣ обожало теперь Ж.-Санда, страстно прильнувъ нетолько къ ея изображеніямъ, но и къ ея мысли, а Бѣлинскій рѣшительно и смѣло провозглашалъ ее (чего-бы, конечно, сама толпа публики никогда не посмѣла) женщиной «геніальной» и писательницей «выше всѣхъ остальныхъ писателей тогдашней Европы». Въ 1841 году онъ писалъ: «Какая человѣчность дышетъ въ каждой строкѣ, въ каждомъ

словѣ этой геніальной женщины... Женщина и ея отношенія къ обществу, столь мало оправдываемыя разумомъ, столь много основывающіяся на преданіи, предразсудкахъ, эгоизмѣ мужчинъ—эта женщина наиболѣе вдохновляетъ поэтическую фантазію Жоржъ-Санда, возвышаетъ до паѳоса благородную энергію ея негодованія къ легитимированной насиліемъ невѣжества лжи, ея живую симпатію къ униженной предразсудками истинѣ. Жоржъ-Сандъ есть адвокатъ женщины, какъ Шиллеръ былъ адвокатъ человѣчества. Мудрено-ли послѣ-этого, что госпожа Дюдеванъ ославлена слѣпою чернью, дикою и невѣжественною толпою, какъ писательница безнравственная»... Въ 1842 году онъ во всеуслышаніе провозглашалъ: «Геніальная Жоржъ-Сандъ есть безспорно *первая поэтическая слава* современнаго міра. Каковы-бы ни были ея начала, съ ними можно не соглашаться, ихъ можно не ряздѣлять, ихъ можно находить ложными; но ея самой нельзя не уважать»... Увлеченіе Бѣлинскаго Ж.-Сандомъ шло такъ далеко, что онъ приносилъ ей отчасти въ жертву даже самого Гоголя, которому давно уже такъ глубоко поклонялся, вмѣстѣ со всею Россіей. Въ 1842 году, возражая Константину Аксакову, поставившему «Мертвыя Души» наравнѣ съ Гомеромъ и Шекспиромъ, Бѣлинскій писалъ: «Константинъ Аксаковъ замѣчаетъ, что въ разрядъ великихъ писателей Жоржъ-Сандъ не входитъ ни безусловно, ни условно,—и думаетъ, что этими словами онъ рѣшилъ дѣло и все сказалъ; тогда-какъ этимъ сказалъ только, что онъ или совсѣмъ не читалъ Жоржъ-Санда, или читалъ, да не понялъ... Жоржъ-Сандъ имѣетъ большое значеніе и во всемірно-исторической литературѣ, не въ одной французской, тогда-какъ Гоголь, при всей неотъемлимой великости его таланта, не имѣетъ рѣшительно никакого значенія во всемірно-исторической литературѣ и великъ только въ одной русской; что, слѣдовательно, имя Жоржъ-Санда безусловно можетъ

входить въ реэстръ именъ европейскихъ поэтовъ, тогда-какъ помѣщеніе рядомъ именъ Гоголя, Гомера и Шекспира оскорбляетъ и приличіе, и здравый смыслъ».

Такому преувеличенію Ж.-Санда въ ущербъ Гоголю никто не вѣрилъ въ интеллигентной Россіи, и никто съ нимъ не соглашался, но зато энтузіазмъ Бѣлинскаго и твердыя слова его о великомъ, несравненномъ значеніи французской писательницы дѣйствовали тѣмъ сильнѣе на всѣхъ, что сходились съ общею мыслью и чувствомъ, и служили новою мощною иллюстраціею великихъ словъ того-же Бѣлинскаго, сказанныхъ имъ о женщинѣ вообще въ томъ-же 1842 г. и запавшихъ во всѣ великодушныя сердца: «Мнѣніе, что женщина годна только рожать и няньчить дѣтей, варить мужу щи и кашу, или плясать и сплетничать да почитывать легонькіе пустячки—это истинно киргизъ-кайсацкое мнѣніе! Женщина имѣетъ равныя права и равное участіе съ мужчиной въ дарахъ высшей духовной жизни, и если она во всѣхъ отношеніихъ стоитъ ниже его на лѣстницѣ нравственнаго развитія, — этому причиной не ея натура, а злоупотребленіе грубой матеріальной силы мужчины, полуварварское, немного восточное устройство общества, и сахарное, аркадское воспитаніе, которое дается женщинѣ. Но вѣкъ идетъ, идеи движутся, и варварство начинаетъ колебаться. Женщина уже сознаетъ свои права человѣческія, и блистательными подвигами доказываетъ гордому мужчинѣ, что и она тоже дочь неба, какъ онъ сынъ неба...»

Легко представить себѣ, какъ при такомъ взглядѣ измѣнились понятія Бѣлинскаго, а также и лучшей части русской публики, о русскихъ писателиницахъ и о предметахъ ихъ писанія. Лишь люди стараго покроя, да люди, принадлежавшіе къ высшему аристократическому классу, были противъ Бѣлинскаго и проповѣдуемой имъ великой французской писательницы. Отголосокъ такой консервативной оппозиціи мы встрѣ-

чаемъ въ письмахъ А. О. Смирновой, именно принадлежавшей къ петербургскому высшему аристократическому кругу. Въ февралѣ 1847 года, послѣ появленія извѣстнаго письма Бѣлинскаго къ Гоголю, о книгѣ этого послѣдняго «Переписка съ друзьями», она писала Гоголю: «Критика Бѣлинскаго самая пустая, и легко понятно почему. Ему хотѣлось бранить васъ за направленіе, а направленіе онъ не осмѣлился обругать... Я очень рада, что не обрѣтаюсь въ числѣ Аксаковыхъ, живущихъ по невѣдомому мнѣ закону любви, какъ и весь славянскій міръ. Ненависть къ власти, къ общественнымъ привилегіямъ, къ высокому рожденію и богатству, такая-же отвлеченная страсть къ идеальному русскому, таящемуся въ бородѣ — вотъ начало этихъ господъ. Не коммунизмъ-же это со всѣми своими гадостями, т.-е. коммунизмъ Жоржъ-Санда...» Такъ думалъ и вопилъ «высшій» петербургскій міръ. Но русскій средній классъ, вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ, своимъ дорогимъ учителемъ, думалъ и говорилъ совсѣмъ другое. Мнѣнія совершенно измѣнялись.

Такъ, напримѣръ, пять-шесть лѣтъ раньше, а потомъ даже и позже, Бѣлинскій признавалъ стихотворенія графини Растопчиной «прекрасными, полными души и чувства», въ нихъ онъ находилъ поэтическую прелесть, высокій талантъ; Зинаиду Р—ву (г-жу Ганъ) —авторомъ «многихъ превосходныхъ повѣстей». Теперь, узнавъ и глубоко полюбивъ творенія Жоржъ-Санда, онъ говорилъ въ 1843 г. про гр. Растопчину: «Вначалѣ она обнаружила много чувства и одушевленія, при отсутствіи какой-бы то ни было могучей мысли, которая проникала-бы собою ея стихотворенія; то, что тутъ можетъ показаться мыслью, есть не что иное, какъ отвлеченныя понятія, одѣтыя въ болѣе или менѣе удачный стихъ. Въ ея послѣднихъ стихотвореніяхъ (начиная съ 1837 г.) нельзя узнать прежняго стиха даровитой стихотворицы; тутъ всѣ мысли и чувства кружатся словно подъ музыку Штра-

уса, и скачутъ, словно подъ музыку моднаго галопа, или около *я* автора, или въ заколдованномъ кругу свѣтской жизни, не выходя въ сферу обще-человѣческихъ интересовъ, которые только одни могутъ быть живымъ источникомъ истинной поэзіи...»

Про Зинаиду Р—ву (Ганъ) онъ уже писалъ: «Всѣ ея повѣсти проникнуты *однимъ* чувствомъ, *одною* идеею, которыя можно выразить такими словами: какъ умѣютъ любить женщины и какъ не умѣютъ любить мужчины... Талантъ Зинаиды Р—вой не былъ развитъ, вѣчно колебался въ какой-то нерѣшительности... въ немъ вѣчно присутствовалъ провинціальный идеализмъ...»

Вотъ какова была перемѣна: отъ женщины-писательницы прежде всего теперь требовалась—*мысль*; «удачные стихи» и изображенія все только «любви» уже не имѣютъ прежней, преобладающей и притягательной силы! Справедливость принуждаетъ меня замѣтить, впрочемъ, что Бѣлинскій, всегда увлекающійся, и на этотъ разъ слишкомъ увлекся и далеко не вполнѣ былъ правъ: между стихотвореніями гр. Растопчиной, даже и послѣ 1837 года, есть нѣсколько, проникнутыхъ превосходной мыслью и глубокимъ чувствомъ. Таковы, наприм., «Негодованіе» (1840 г.), написанное по поводу газетнаго извѣстія, что американцы употребляютъ собакъ для травли краснокожимъ индѣйцевъ; потомъ, прославленное тогда по всей Европѣ стихотвореніе: «Старый баронъ» (1846 г.), гдѣ высказывается сильно, смѣло и чрезвычайно талантливо одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ современной европейской исторіи *); наконецъ, можно указать (впрочемъ изъ числа сочиненій, появившихся на свѣтъ послѣ смерти Бѣлинскаго), на восторженное привѣтствіе папѣ Пію IX, въ началѣ 1848 г., когда онъ, при восшествіи на престолъ, поразилъ всю Европу своими

*) Въ 1887 г. оно было перепечатано въ „Русской Старинѣ“ и въ „Хрестоматіи Гербеля“.

свѣтлыми, прогрессивными намѣреніями и стремленіями. И все-таки, не взирая на такія блестящія исключенія, поэзія гр. Растопчиной принадлежала прежнему времени и поколѣнію. Понятія этой дамы о женщинѣ и женскомъ призваніи вполнѣ обрисовались въ ея стихотвореніи: »Какъ должны писать женщины», написанномъ когда ей было 30 лѣтъ, т. е. когда всѣ ея понятія и мысли крѣпко и навсегда уже сложились. Въ этомъ стихотвореніи она говорила про женщину-писательницу:

...Я люблю,
Чтобъ внутренній порывъ былъ скованъ выраженьемъ,
Чтобы приличіе боролось съ увлеченьемъ,
И слово каждое чтобъ мудрость стерегла...
Да, женская душа должна въ тѣни свѣтиться,
Какъ въ урнѣ мраморной лампады скрытый лучъ,
Какъ въ сумерки луна сквозь оболочку тучъ,
И, согрѣвая жизнь, незримая теплиться...

Для новаго русскаго поколѣнія никакая мраморная ширма, никакая луна въ сумеркахъ, никакая скромная незримость уже болѣе не годилась: русская женщина желала не луны, а солнца, не незримости— а свѣтлой, бодрой явственности и смѣлаго присутствія, и потому стихи и вся натура гр. Растопчиной становились теперь ненужными, лишними и даже враждебными для интеллигентныхъ людей.

Конечно, внѣшнія обстоятельства много мѣшали въ 40-хъ годахъ немедленному торжеству у насъ новыхъ европейскихъ идей не только о женщинѣ, но и вообще о всемъ самомъ важномъ и существенномъ въ жизни человѣческой. Но тутъ-то литература, и въ особенности романы Жоржъ-Санда оказали самую дѣйствительную и самую огромную помощь. Достоевскій говоритъ: «Тогда только романы и были позволены: остальное все, чуть не всякая мысль, особенно изъ Франціи, было строжайше запрещено. О, конечно, весьма часто смотрѣть не умѣли, да и откуда-бы могли научиться:

и Меттернихъ не умѣлъ смотрѣть, не то что наши подражатели. А потому и проскакивали «ужасныя вещи» (напримѣръ, проскочилъ весь Бѣлинскій). Романы дозволялись, и сначала, и въ серединѣ, и даже въ самомъ концѣ, и вотъ тутъ-то, и именно на Жоржъ-Сандѣ, оберегатели дали тогда большого маха. То, что вторгнулось къ намъ тогда, въ формѣ романа, не только послужило точно также дѣлу, но можетъ быть, было, напротивъ, еще самой «опасной» формой...»

Такимъ-то образомъ, новое женское наше поколѣніе 40-хъ и начала 50-хъ годовъ было воспитано Бѣлинскимъ и Жоржъ-Сандомъ. Но въ 1847 году Бѣлинскій умеръ, Жоржъ-Сандъ уже болѣе не писала великихъ вещей, потрясавшихъ міръ (исключеніе составляютъ ея чудныя политическія статьи и брошюры времени французской революціи 1848 года), да сверхъ того въ Россіи стояло самое темное и безотрадное время. Люди ушли въ себя и молчали, ожидая у моря погоды.

И погода пришла. Послѣ севастопольской войны начиналось у насъ чудесное свѣтлое время. Вездѣ поднимались богатые всходы, вездѣ свѣжая травка зеленѣла. Бодрымъ и смѣлымъ легіономъ стояло новое поколѣніе русскихъ женщинъ. Оно сознавало свои силы, застоявшіяся, какъ у коня, слишкомъ долго продержаннаго на конюшнѣ, безъ шага, безъ рыси и безъ галопа, оно рвалось къ дѣятельности. Притомъ въ это время, во второй половинѣ 50-хъ годовъ, стали приходить къ намъ первыя вѣсти о женскомъ движеніи въ Сѣверной Америкѣ.

Несмотря на свое освобожденіе отъ чужеземныхъ англійскихъ и своихъ спбственныхъ, домашнихъ пуританскихъ цѣпей еще въ концѣ прошлаго столѣтія, Сѣверная Америка долго была совершенно чужда пониманія женскихъ правъ; она не хотѣла ни знать ихъ, ни признавать, и относилась даже очень враждебно къ первымъ проявленіямъ женскаго истиннаго само-

сознанія. Но время взяло свое, а энергія женскихъ отдѣльныхъ личностей восторжествовала надъ косностью правительства и массы, и въ концѣ 40-хъ годовъ нашего столѣтія, особливо послѣ парижской революціи 1848 года, Сѣверная Америка глубоко проникласъ идеями о женской эмансипаціи, приносившимися къ ней изъ Англіи и Франціи. Эти идеи распространяли теперь неудержимый пожаръ.

«Первымъ проявленіемъ движенія въ пользу эмансипаціи женщинъ, говоритъ Джонъ Стюартъ Милль въ своей знаменитой статьѣ 1851 года, былъ съѣздъ женщинъ, весною 1850 года, въ Америкѣ, въ штатѣ Огайо. Въ октябрѣ того-же года происходилъ рядъ публичныхъ митинговъ въ Ворстерѣ, въ Массачузетсѣ, подъ именемъ «Конвента о правахъ женщинъ», президентомъ котораго была женщина, также какъ и всѣ главные ораторы... Въ собраніи было болѣе 1,000 человѣкъ, и, будь помѣщеніе обширнѣе, тутъ присутствовало-бы еще нѣсколько тысячъ... Главныя требованія были: 1) воспитаніе въ приготовительныхъ и высшихъ училищахъ, въ университетахъ, въ медицинскихъ, юридическихъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ; 2) товарищество въ производительной промышленности, въ трудѣ и заработкахъ; 3) равное участіе въ составленіи и администраціи законовъ, государственныхъ и національныхъ, въ законодательныхъ собраніяхъ, судахъ и исполнительныхъ бюро...»

Извѣстія обо всемъ этомъ приходили къ намъ въ отрывкахъ, смутныхъ и неполныхъ, но все-таки приходили и производили глубокое впечатлѣніе на мыслящую часть публики, въ томъ числѣ и на женщинъ. Никто еще не думалъ у насъ о возможности немедленнаго достиженія той широкой программы, какая была поставлена въ Америкѣ, но многое уже казалось и возможнымъ, и неизбѣжно-необходимымъ—всего болѣе поднятіе вопроса о женскомъ воспитаніи.

Притомъ-же, глубочайшіе лучшіе люди русской

интеллигенціи, помимо всякой Америки, уже и сами начинали, со времени новаго царствованія, высказывать старинную, мучительную боль и горе и требовать ихъ лѣченія. Не далѣе какъ черезъ 1½ года послѣ воцаренія Александра II, геніальный Пироговъ напечаталъ въ «Морскомъ Сборникѣ», тогдашнемъ самомъ прогрессивномъ органѣ, въ іюлѣ 1856 года, статью, которая произвела громадное спечатлѣніе на всю читающую русскую публику и имѣла послѣдствія неисчислимыя. Статья эта называлась «Вопросы жизни». Она дѣйствительно трактовала о всѣхъ самыхъ насущныхъ дѣлахъ тогдашней русской жизни и, въ числѣ ихъ, посвятила нѣсколько горячихъ, полныхъ мысли страницъ дѣлу женскаго воспитанія. Пироговъ говорилъ тутъ: «Воспитаніе обыкновенно превращаетъ женщину въ куклу. Воспитаніе, наряжая, выставляетъ ее на показъ для зѣвакъ, обставляетъ кулисами, и заставляетъ ее дѣйствовать на пружинахъ, такъ, какъ ему хочется. Ржавчина съѣдаетъ эти пружины, а черезъ щели истертыхъ и изорванныхъ кулисъ начинаетъ высматривать то, что отъ нея такъ бережно скрывали... Развитіе мышленія и воли для женщины столько-же нужны, какъ и для мужчины... Только близорукое тщеславіе людей, строя алтари героямъ, смотритъ на мать, кормилицу и няньку, какъ на второстепенный, подвластный классъ. Только торговый матеріализмъ и невѣжественная чувственность видятъ въ женщинѣ существо подвластное и ниже себя... Положеніе женщины въ обществѣ, воспитаніе ея—вотъ что требуетъ перемѣны. Пусть мысль воспитать себя для этой цѣли, жить для неизбѣжной борьбы и пожертвованій, проникнетъ все нравственное существованіе женщины, пусть вдохновеніе осѣнитъ ея волю—и она узнаетъ, гдѣ она должна искать своей эманципаціи...»

«Женскій вопросъ, говоритъ Над. Ал. Бѣлозерская, одна изъ ближайшихъ пріятельницъ, товарищей и сотрудницъ моей сестры, въ превосходной своей «За-

пискѣ» (написанной по моей просьбѣ),—женскій вопросъ, возникшій у насъ во второй половинѣ 50-хъ годовъ, нетолько сразу получилъ въ Россіи право гражданства въ обществѣ и литературѣ, но сталъ моднымъ со времени появленія въ свѣтъ статьи Пирогова».

Скоро вслѣдъ за Пироговымъ стало появляться у насъ въ печати множество статей, трактовавшихъ о томъ-же женскомъ вопросѣ, но шедшихъ часто гораздо дальше самого Пирогова. Какъ ни превосходны были его мысли и требованія, но все-таки они были ограничены, въ иномъ, нѣсколько узкими рамками. Пироговъ желалъ и требовалъ болѣе справедливаго и хорошаго положенія для женщины, но все еще считалъ ее, по старинному, существомъ неравнымъ мужчинѣ, и потому не имѣющимъ надобности въ полномъ освобожденіи отъ цѣпей. Въ той же самой своей превосходной статьѣ, на которую я только-что ссылался, Пироговъ говорилъ: «...Если женскіе педанты, толкуя объ эмансипаціи, разумѣютъ одно воспитаніе женщинъ—онѣ правы. Если-же онѣ разумѣютъ эмансипацію общественныхъ правъ женщины, то онѣ сами не знаютъ, чего хотятъ. Женщина эманципирована и такъ уже, да еще можетъ быть болѣе, чѣмъ мужчина...»

Русская женщина болѣе эмансипирована, чѣмъ мужчина! Объ эмансипаціи женской «толкуютъ» только «женскіе педанты»! Какія это все странности! Какъ это не сходилось съ тѣмъ, что̀ уже начинали ясно видѣть и понимать тогдашнія русскія женщины, что̀ онѣ находили необходимымъ высказывать цѣлый день, у себя дома, и публично, и повсюду!

Одна изъ такихъ женщинъ была Марья Ник. Вернадская (урожденная Шигаева), жена очень извѣстнаго тогда профессора политической экономіи, женщина не только съ высокимъ образованіемъ, но еще одаренная истинно-глубокимъ, независимымъ умомъ. Это была *первая* русская женщина, писавшая по части политической экономіи, которую она съ са-

мой молодости изучала со страстью. Еще съ 26-лѣтняго своего возраста она писала и переводила, но не повѣсти и романы, а переводила сочиненія отличныхъ французскихъ и англійскихъ политико-экономовъ, и писала свои собственныя, очень замѣчательныи сочиненія о томъ-же предметѣ. Впослѣдствіи, вмѣстѣ съ мужемъ, она основала журналъ: «Экономическій Указатель», гдѣ помѣстила множество отличныхъ статей, назначенныхъ для борьбы съ царствующими предразсудками и мракомъ. Однѣ изъ лучшихъ и важнѣйшихъ ея статей были тѣ, которыя носили заглавіе: «Женскій трудъ», и появились въ ея журналѣ въ 1858 году. Вотъ главнѣйшія мѣста ея проповѣди: «...Еслибы женщины работали какъ мужчины и могли-бы собственными трудами зарабатывать себѣ пропитаніе, то были-бы свободнѣе. Наши кухарки, няньки, горничныя, гораздо независимѣе, чѣмъ ихъ барыни. Отчего-же и женщинамъ благороднаго происхожденія нельзя было-бы работать? На это обыкновенно говорятъ: для женщинъ закрыты всѣ карьеры. Женщина, говорятъ, кромѣ гувернантки и классной дамы, ничѣмъ не можетъ быть. Это обвиненіе несправедливое: поле дѣятельности, открытое для женщины, очень велико, но онѣ сами не хотятъ имъ пользоваться... Торговля, фабричное дѣло, сельское хозяйство, литература, поэзія, наука, преподаваніе, медицина, художество, сценическое искусство, пѣніе, музыка, ремесла—вотъ уже, кажется, довольно большое число занятій, которыя такъже доступны женщинамъ, какъ и мужчинамъ... Женщина навѣрное могла-бы быть такимъ-же хорошимъ художникомъ, какъ и мужчина, и разница происходитъ часто отъ того, что мужчина посвящаетъ всю свою жизнь искусству, а женщина смотритъ на искусство какъ на забаву... И въ литературномъ дѣлѣ многія женщины теряютъ очень много тѣмъ, что слишкомъ надѣются на свой талантъ и мало думаютъ о томъ, чтобы хорошенько его выработать... ...Что по-

прище дѣятельности закрыто для женщины — это несправедливо, но справедливо то, что онѣ сами себѣ его закрываютъ: женщины просто не хотятъ работать, и, скажу болѣе, — женщины стыдятся труда. Готовятъ-ли себя женщины для какого-нибудь занятія? Ни для какого, кромѣ того, чтобы быть женой и матерью, положимъ еще—хозяйки, но—болѣе ни къ чему. Сколько отъ этого пропадаетъ истинныхъ талантовъ и дарованій, а что еще хуже—въ какое унизительное положеніе ставятъ себя черезъ это женщины!.. Для нихъ открыты почти всѣ ремесла. Отчего-же имъ не быть цвѣточницами, портнихами, однимъ словомъ, отчего имъ избѣгать всѣхъ тѣхъ честныхъ трудовъ, которыми не только добываютъ себѣ хлѣбъ, но часто составляютъ себѣ очень порядочное состояніе женщины не благороднаго происхожденія?—Это—занятія унизительныя. Но почему-же? Конечно, пріятнѣе заниматься литературой или изящными искусствами, но что-же дѣлать, если къ нимъ нѣтъ способностей? Во всякомъ случаѣ, каждое занятіе, хотя-бы самое не блестящее, гораздо уважительнѣе—житья на чужой счетъ... Странное презрѣніе къ труду ставитъ женщинъ въ полную зависимость отъ мужчинъ... Ни одна женщина, если только ее не заставитъ крайность, не станетъ работать; мало того, еслибы какая-нибудь и рѣшилась, то на нее стали-бы указывать пальцемъ, какъ на сумашедшую... Мужчина гордится тѣмъ, что работаетъ за деньги и содержитъ свое семейство, а женщина — стыдится платы за свой трудъ, какъ позорнаго дѣла... Кто изъ насъ рѣшится попасть въ гости къ повивальной бабкѣ? Кто пригласитъ къ себѣ въ пріемный день повивальную бабку?.. За что-же такое презрѣніе къ ней? Только за то, что она работаетъ!.. Нѣтъ унизительной работы!.. Женщинамъ такъ часто приходится въ жизни бороться съ обстоятельствами, и важными и пустыми, что странно, отчего онѣ такъ боятся вступить въ борьбу съ предразсудкомъ, отъ котораго такъ

много терпятъ, и который сами-же онѣ и поддерживиютъ... Женщины напрасно обвиняютъ мужчинъ за то, что тѣ смотрятъ на нихъ какъ на существа низшія: къ этому приводитъ требованіе самихъ женщинъ, чтобы мужчины за ними постоянно ухаживали, заботились о нихъ, лелѣяли и забавляли ихъ. Все это хорошо для малолѣтнихъ... Mesdames, перестанье быть дѣтьми, попробуйте стать на свои собственныя ноги, жить своимъ умомъ, работать своими руками, учитесь, думайте, трудитесь какъ мужчины, и вы будете такъже независимы, или по крайней мѣрѣ, въ меньшей зависимости отъ своихъ тирановъ, чѣмъ теперь, а главное—перестаньте стыдиться и презирать работу. Пока трудъ будетъ въ презрѣніи, вы будете всегда въ подчиненномъ состояніи, потому-что только въ одномъ трудѣ—истинная свобода женщины!..»

Какая разница противъ тѣхъ мыслей Пирогова, которыя я привелъ въ концѣ своихъ цитатъ изъ его превосходной статьи! Онъ хотѣлъ только улучшенія и возвышенія положенія женщинъ. Но сами женщины, въ лицѣ Вернадской, искали полнаго переворота своей жизни, онѣ желали для большинства, для массы средняго и высшаго сословія, труда, равнаго или подобнаго тому труду, какой до тѣхъ поръ несли однѣ женщины низшаго сословія,—и учили въ этомъ не находить стыда. Съ другой стороны онѣ надѣялись, что женщины, болѣе одаренныя и болѣе способныя, вступятъ въ область художества и науки, и достигнутъ тамъ великихъ, еще не бывалыхъ до сихъ поръ результатовъ—тѣхъ, на которые такъ мало надѣялся даже и самъ Вольтеръ. Какіе широкіе горизонты раскрывала для русскихъ женщинъ М. Н. Вернадская,—къ несчастію теперь вовсе неизвѣстная, недостойно игнорируемая! Эта умная, высоко-образованная, сильно-даровитая женщина умерла слишкомъ рано—всего 29-ти лѣтъ отъ роду. Она не видала изумительнаго подъема русской женщины 60-хъ и 70-хъ годовъ, со-

вершившагося въ значительной долѣ вслѣдствіе ея работы и горячей пропаганды. Но всю правду и силу ея мыслей твердо понимали ея современницы 50-хъ годовъ, и потомуто статьи ея имѣли тогда громадное распространеніе и вліяніе.

Скоро послѣ нея, выступили на сцену и многіе мужчины. Однимъ изъ самыхъ главныхъ и полезныхъ дѣятелей по части женскаго вопроса вышелъ М. Л. Михайловъ. Онъ поѣхалъ во Францію, думая найти тамъ настоящія скрижали завѣта для всего самаго важнаго въ современной жизни, онъ воображалъ найти тамъ откровенія для всѣхъ горячихъ вопросовъ новаго міра — и глубоко разочаровался. Тогдашняя Франція была уже почти цѣликомъ Франціей Наполеона III, обманутой, обольщенной, купленной и искаженной, Франціей чудовищнаго и грубо-эгоистическаго обжорства жизнью и попиранія всего самаго свѣтлаго и чистаго. Обломки-же старой, донаполеоновской Франціи коснѣли въ ограниченныхъ предразсудкахъ и устарѣвшихъ формулахъ идеализма. Михайловъ пришолъ въ негодованіе отъ того, что́ говорили о женщинѣ, въ своихъ новѣйщихъ книгахъ, такіе прославленные люди, какъ Прудонъ и Мишлэ. Михайловъ увидалъ, что наши новые люди далеко опередили ихъ и ушли въ новыя свѣтлыя области пониманія, и стоятъ уже на новыхъ рельсахъ, устремляющихся въ чудныя, неизвѣстныя прежде дали. Михайловъ съ негодованіемъ писалъ въ своихъ «Парижскихъ письмахъ» («Современникъ» 1858 г., декабрь), что новая книга Мишлэ, «L'amour», философскаго значенія никакого не имѣетъ, что это только сантиментальное повтореніе того, что такъ цинически высказано Прудономъ въ его послѣднемъ сочиненіи: «De la justice dans la Révolution et dans l'Eglise» (О справедливости въ революціи и церкви). Мишлэ признаетъ женщину существомъ попреимуществу больнымъ, не позволяетъ ей ничего дѣлать и разрѣшаетъ только капризничать. Много-ли тутъ

разницы со взглядомъ Прудона на женщину, какъ на «существо тупоумное, которое не должно смѣть думать, какъ на игрушку, которой прилично только наряжаться и заниматься пестрыми тряпками?»... Но послѣ этого Михайловъ еще болѣе принялся помогать начинающемуся самосознанію русскихъ женщинъ: онъ напечаталъ въ 1860 году (тоже въ «Современникѣ») переводъ знаменитой уже во всей Европѣ, но все еще мало извѣстной у насъ статьи Дж. Стюарта Милля объ эманципаціи женщинъ *).

Милль давно уже былъ наполненъ идеею о необходимости освобожденія женщинъ. Его, съ молодости проникнутаго лучшими идеями равноправности, проповѣдуемой сенсимонизмомъ и фурьеризмомъ, давно коробило отъ тѣхъ мрачныхъ взглядовъ на женскій вопросъ, исповѣдуемыхъ во Франціи многими, даже замѣчательнѣйшими умами, каковы Прудонъ, Огюстъ Контъ и другіе. Еще въ 1843 году онъ велъ оживленную переписку съ Контомъ, и оспаривалъ его поразительныя, по непостижимой косности, идеи о женщинѣ и ея назначеніи. Контъ писалъ ему тогда: «Характеристическая неспособность женщинъ къ отвлеченію, творческая ихъ слабость, почти совершенное безсиліе ихъ мысли выдержать напоръ страстныхъ порывовъ, хотя-бы, вообще говоря, страсти ихъ были даже лучше мужскихъ,—все это должно отдѣлять ихъ отъ всякаго непосредственнаго управленія человѣческими дѣлами, не только въ наукѣ или философіи, но и въ области эстетической, и даже въ практической жизни, какъ промышленной, такъ и военной... Въ послѣднія

*) Напомню, мимоходомъ, читателю, что, послѣ смерти своей жены, Милль въ 1859 г. объявилъ печатно, что статья эта вполнѣ принадлежитъ его покойной женѣ, и что доля участія въ ней его самого развѣ немногимъ больше доли переписчика и издателя. Тѣмъ не менѣе, статья эта была перепечатана имъ въ собраніи его собственныхъ сочиненій, а не самостоятельно, какъ сочиненіе его жены.

два-три столѣтія многія женщины были очень счастливо обставлены и достаточно подготовлены, но все-таки не произвели ничего, дѣйствительно выдающагося ни въ музыкѣ, ни въ живописи, ни въ поэзіи... Ходъ исторіи все болѣе и болѣе приближаетъ женщинъ къ ихъ истинному назначенію, и это возрожденіе новаго общества окончательно привлечетъ ихъ къ домашней жизни. Я не вѣрю въ эмансипацію женщинъ, ни какъ въ фактъ, ни какъ въ принципъ. Наши писательницы, какъ мнѣ кажется, ничѣмъ не выше г-жъ Севинье, Ла-Файетъ, Мотвиль и др. Прославившаяся подъ мужскимъ именемъ Жоржъ-Сандъ, по моему мнѣнію, далеко ниже ихъ, не только съ точки зрѣнія приличія, но и по отсутствію женской своеобразности». Конечно, такіе отсталые и скудные взгляды должны были дѣйствовать на Милля какъ нѣчто возмутительное и отталкивающее, а потому онъ рѣшился отвѣтить на нихъ и на множество другихъ, подобныхъ-же другихъ авторовъ, статьею безъ подписи имени, напечатанной въ 1851 г. въ «Вестмистеркомъ Обозрѣніи», а послѣ смерти Огюста Конта (въ 1857 г.) перепечатанной въ собраніи сочиненій Милля 1890 г.

Здѣсь стояли тѣ знаменитыя слова, которыя дѣйствовали такъ неотразимо на умы и такъ побѣдоносно отвѣчали на тщедушныя возраженія консерваторовъ, о препятствіяхъ, поставляемыхъ будто-бы самою природою и поломъ женщины, участію ея въ соціальной, политической и вообще всяческой дѣятельности. Милль, повторяя слова своего учителя Фурье, указывалъ на то, что сколько ни было женщинъ-правительницъ, лучшія изъ нихъ никогда не были чѣмъ-либо ниже лучшихъ мужчинъ-правителей; но тутъ-же прибавлялъ, что «девять-десятыхъ изъ числа мужскихъ занятій устраняютъ мужчинъ отъ публичныхъ занятій, но отъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что надо составить законъ, который исключалъ-бы даже эти «девять-десятыхъ, не говоря объ остальныхъ». Милль взвѣшивалъ въ своей

... право од-
... одного лица за
... для той или для
... для каждаго жи-
... обширнѣйшая и
... достигнуть. А ка-
... полной свобо-
... доступно для
... и каждое
... или женщина.

ваться *для себя* и для общества, а не для другого только пола, какъ теперь ..»

Но Михайловъ не удовольствовался только переводомъ Милля: онъ сопровождалъ его также своими собственными соображеніями, заключавшими много новости для тогдашняго времени. Онъ здѣсь говорилъ: «Въ Англіи съ каждымъ годомъ возростаетъ, и, преимущественно въ образованныхъ классахъ общества, число женщинъ, произвольно отказывающихся отъ семейныхъ узъ... Англійскія незамужнія женщины составляютъ въ настоящую минуту одинъ изъ образованнѣйшихъ классовъ общества. Онѣ не образуютъ никакой секты, никакой партіи, ни мистической, ни политической: многія изъ нихъ даже не высвободились еще вполнѣ изъ-подъ власти пуританизма, нѣкоторыя нечужды романтизма въ своихъ взглядахъ на міръ, но едва-ли есть хотя одна, которой не представлялось-бы возможнымъ освобожденіе женщины.. Не скоро еще примутся обществомъ принципы, впервые провозглашенные «американской конвенціей»; долго еще произволъ мужчины будетъ отстаивать свои привилегіи—но благо и то, что мы можемъ уже легко слѣдить за движеніемъ къ существенному преобразованію нынѣшнихъ отношеній можду двумя полами...»

Статья Милля обратила на себя, въ громадной степени, вниманіе всей русской публики и дала въ умахъ молодого поколѣнія огромные результаты.

«Что касается русской баллетристики конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, говоритъ въ своей «Запискѣ» Н. А. Бѣлозерская, то и здѣсь въ героиняхъ романовъ и повѣстей встрѣчаются новыя черты, стремленіе къ чему-то иному; но это стремленіе носитъ слишкомъ неопредѣленный или личный характеръ. женскихъ типовъ здѣсь—нѣтъ. Ихъ пока не существовало и въ дѣйствительной жизни. Типъ новой русской женщины вырабатывался подъ вліяніемъ стрем-

ленія къ самостоятельности умственной, нравственной и фактической, и исканія новыхъ путей, которые приблизили-бы къ конечной, ясно сознанной цѣли. Хотя уже и въ 40-хъ годахъ, по свидѣтельству очевидцевъ, у насъ были попытки къ личной самостоятельности со стороны интеллигентныхъ женщинъ, но это были единичныя явленія и прошли безслѣдно. «Женское» движеніе 60-хъ годовъ носило болѣе общій и самобытный характеръ, и проникло въ разные слои общества. Здѣсь на все было обращено вниманіе, и, при серьезномъ отношеніи къ дѣлу, ничто не казалось мелочнымъ или пустымъ. Молодыя дѣвушки и женщины, не только средняго, но отчасти и высшаго общества, стали являться на улицахъ никѣмъ не сопровождаемыя; строгая простота въ одеждѣ замѣнила прежнюю роскошь и наряды. Пустая свѣтская болтовня и кокетство вызывали насмѣшки, французскій языкъ въ разговорѣ и письмѣ замѣнился русскимъ и т. д. Разумѣется, и тогда, какъ во всякомъ общественномъ движеніи, явились крайности, изображенныя Тургеневымъ въ лицѣ Кукшиной и въ женскихъ типахъ, еще болѣе каррикатурныхъ и изуродованныхъ, которые были выведены въ романахъ второстепенныхъ писателей. Но по вѣрному замѣчанію Д. И. Писарева, «между Кукшиной и эманципаціей женщины—нѣтъ ничего общаго: Кукшина заимствовала у своей эпохи только верхнюю драпировку, и поэтому назвать ее порожденіемъ времени было-бы въ высокой степени нелѣпо»...

Вопросъ о костюмѣ игралъ у насъ въ эту пору очень большую роль. Это было *во второй разъ* въ нашемъ отечествѣ. Въ первый разъ это произошло при Петрѣ I, который счелъ, что его преобразованія никогда не могутъ осуществиться, если не переодѣть Россію изъ русскаго кафтана въ нѣмецкій или голландскій, и если не отрѣзать у русскаго человѣка бороду, усы и длинные волосы. За эту идею десятки и

сотни тысячъ русскихъ поплатились безчисленными преслѣдованіями, насиліями, тиранствами и муками. Но, спустя полтораста лѣтъ, пришло такое время, когда женщинъ стали у насъ жестоко преслѣдовать за простоту и разумность костюма, за обстриженные волосы, за черное, самое скромное платье, за кожаный кушакъ, за отсутствіе всякихъ украшеній: серегъ, колецъ, брошекъ, браслетъ, цѣпей и т. д. Конечно, въ то время женская молодежь наша впадала въ нѣкоторое преувеличеніе и пуританство, но источникъ его былъ— энтузіазмъ молодыхъ силъ, рвущихся впередъ, и благородство молодыхъ сердецъ, готовыхъ на всяческія самоотверженія, даже въ своей внѣшней обстановкѣ, чтобъ только доказать начинающуюся жизнь духомъ, а не тѣломъ. За это русское молодое поколѣніе поплатилось, какъ его предки при Петрѣ I, безчисленными преслѣдованіями, муками и стѣсненіями. Все что было у насъ консерваторовъ и ретроградовъ, обрадовавшись благопріятному предлогу, сорвалось съ цѣпи, лаяло, глумилось и травило. Такихъ примѣровъ, безобразій и нелѣпыхъ преслѣдоваоій по части костюма, какъ эти два, не найдешь, кажется, въ исторіи ни другаго одного европейскаго народа.

Таково было общее положеніе дѣлъ у насъ, таково было настроеніе интеллигентнѣйшей части публики, когда стали вдругъ возникать въ Петербургѣ многочисленныя общества, гдѣ начала принимать участіе цѣлая масса выходящихъ изъ ряда вонъ женщинъ. Поднимаемыя общею великою волною, полныя искренней любви, преданности тому великому дѣлу, которому себя посвящали, онѣ сначала постучались въ маленькую, едва замѣтную дверцу, и понемногу одна за другою, группами, стали входить въ тотъ мрачный, сырой, непривѣтливый, холодный домъ, куда онѣ хотѣли принести свѣтъ и теплоту. Спустя нѣсколько лѣтъ, проходивъ довольно времени по длиннымъ корридорамъ, гдѣ онѣ сто разъ спотыкались и падали,

благодаря множеству бревенъ, лежавшихъ по дорогѣ, онѣ дожили, наконецъ, и до того дня, когда имъ суждено было вступить въ свѣтлыя, великія и широкія торжественныя двери.

V.

Послѣ смерти своей сестры Софьи въ Венеціи, моя сестра Надежда воротилась въ Петербургъ въ сентябрѣ 1858 г. «Когда все вошло въ обычную норму, говоритъ она, я тогда только познала свою ужасную потерю и свое одиночество. Всѣ окружающіе старались меня развлекать. Бывала и музыка, ходили мы попрежнему въ Эрмитажъ, ѣздили мы даже большой компаніей въ Сергіевскую пустынь, смотрѣть новую чудную постройку базилики нашимъ знакомымъ, Алексѣемъ Максимовичемъ Горностаевымъ, которою я сильно восхищалась, сравнивая эту новизну нашу съ базиликами Рима и Мюнхена, бывала я и въ концертахъ,—и всетаки чего-то искала, къ чему-то стремилась, проводила цѣлые вечера и ночи за чтеніемъ, глотая все серьезныя книги. И тутъ я увидала, что жить для себя одной нельзя...»

Но то была минута, когда въ нашемъ отечествѣ новое движеніе загоралось, и когда отовсюду начинали выдвигаться новыя требованія. «Подъемъ духа былъ тогда всеобщій, говоритъ въ своей прекрасной «Запискѣ» М. А. Менжинская, пріятельница и товарищъ моей сестры по работѣ и дѣятельности. Какое-то восторженное состояніе охватило не только молодыхъ, но даже пожилыхъ, выросшихъ при другихъ, тяжелыхъ условіяхъ и всю жизнь ожидавшихъ просвѣта, а тутъ цѣлый снопъ лучей освѣтилъ послѣдніе дни ихъ...»

Моя сестра почувствовала, что вотъ теперь начинается то, чего она давно ждала и что звала всѣми силами души, къ чему стремилась вся ея натура. «Мое

собственное горе стало мнѣ счастіемъ, пишетъ она;— я оглянулась, и всю любовь перенесла сначала на семью, а потомъ на общество. Вотъ и выходитъ, что все къ лучшему. То-же и мое несчастіе!» Позже она писала: «Для меня исчезло очарованіе семьи, своей собственной. Я почувствовала любовь къ всемірной семьѣ; это стало моимъ дѣломъ, я съ нимъ и умру...» Что это были не слова, не мечтанія, не фантазіи—то доказали всѣ послѣднія 37 лѣтъ ея жизни. Для великаго счастія и ея самой, и самаго дѣла, случилось, что она, можно сказать, въ первые-же дни и часы своей новой жизни встрѣтилась съ нѣсколькими русскими женщинами новаго склада и закала. Изъ ихъ числа, однѣ, въ самомъ началѣ царствованія Александра II, пріѣхали въ Петербургъ, съ мужьями, а другія жили тамъ еще съ молодости. Это все были женщины сильнаго ума, сильной воли, сильной энергіи и сильнаго характера. Между ними главною, самою дорогою и близкою вышла для моей сестры—Марья Васильевна Трубникова. Онѣ тотчасъ-же сошлись и остались близкими впродолженіе многихъ десятилѣтій, до той минуты, когда тяжкія семейныя обстоятельства, а потомъ тяжкая нервная болѣзнь М. В. Трубниковой, не сдвинули ее въ сторону отъ ихъ общей дѣятельности.

«Марья Васильевна Трубникова, разсказывала моя сестра С. Ѳ. Горянской (записавшей многіе ея разсказы),—была дочь декабриста Вас. Петр. Ивашева, бывшаго кавалергарда и богатаго помѣщика. Онъ былъ сосланъ въ Нерчинекъ, и за нимъ пошла въ ссылку, черезъ 5 лѣтъ, его невѣста, француженка, Камилла Ледантю, со своей горничной и ея мужемъ, бывшими ихъ крѣпостными, получившими вольную, и добровольно пошедшими въ Сибирь, съ прежними своими господами. Этой прелестной молодой дѣвушкѣ было дозволено отправиться въ Сибирь, съ разрѣшенія Императора Николая I, на Петровскій заводъ, близь Читы, куда Ивашевъ былъ переведенъ въ 1832 году тамъ они и по-

вѣнчались, и тамъ-то родилась у Ивашевыхъ дочь, Марья Васильевна (впослѣдствіи Трубникова, род. въ 1835 г.); позже, въ Туринскѣ, куда Ивашевы были переведены на поселеніе, родились у нихъ еще дѣти: сынъ Иванъ Васильевичъ (1836) и дочь Вѣра Васильевна (1837), впослѣдствіи замужемъ за Черкесовымъ *). Жена Ивашева (Камилла Ледантю) умерла въ 1839 году, самъ Ивашевъ ровно годъ спустя, въ 1840 году, такъ что малолѣтнія сироты остались на попеченіи у бабушки своей (матери Камиллы Ледантю), въ 1839 г. переселившейся къ Ивашевымъ въ Сибирь, въ Туринскъ, и горничной Прасковьи, той самой, что еще въ началѣ съ такимъ самоотверженіемъ поѣхала въ Сибирь со своей молодой госпожей, Камиллой, еще невѣстой. Эта почтенная женщина, ставшая нянюшкой у дѣтей Трубниковой, разсказывала мнѣ впослѣдствіи, ставши почтенной старушкой, всю свою жизнь съ дѣтьми въ Сибири, пока не испрошено было ихъ теткою, княгинею Екатериною Петровною Хованскою (сестрою Василія Петровича Ивашева) позволеніе у Императора Николая I взять ихъ къ себѣ на воспитаніе. Имъ разрѣшено было жить во всѣхъ русскихъ городахъ, за исключеніемъ университетскихъ. Это было въ концѣ 1841 или началѣ 1842 г...»

Молодая Марья Васильевна прожила у тетки до своего 19-лѣтняго возраста, въ ея имѣніяхъ Самарской, Казанской и Симбирской губерній, воспитывалась вмѣстѣ съ ея дѣтьми, и особенно много была обязана своимъ развитіемъ домашнему доктору семейства Хованскихъ и учителю латинскаго языка и исторіи у мальчиковъ, Вейзенмейеру, привезенному Хованскими изъ Гейдельберга въ 1846 году, т.-е. когда Марьѣ Васильевнѣ было всего еще 11 лѣтъ.

*) Я очень много обязанъ В. В. Черкесовой разными подробностями объ сестрѣ ея, М. В. Трубниковой, о ихъ семействѣ и о первыхъ временахъ дѣятельности „Общества дешевыхъ квартиръ“, гдѣ она была тогда однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ.

Она съ самыхъ молодыхъ лѣтъ страстно любила чтеніе и, по счастью, постоянно имѣла подъ руками богатый запасъ лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ книгъ того времени, въ оригиналахъ и переводахъ. Эти годы воспитали ея мужественный характеръ и умъ, и когда, 19-ти лѣтъ, въ 1854 г. она вышла замужъ за К. В. Трубникова и скоро потомъ, въ 1855 г., пріѣхала, въ началѣ царствованія Императора Александра II, въ Петербургъ, она представляла изъ себя личность уже вполнѣ сформировавшуюся во всѣхъ своихъ взглядахъ, характерѣ и наклонностяхъ. Она продолжала образовывать себя громадными чтеніями какъ литературнаго, такъ и научнаго содержанія, преимущественно-же чтеніемъ книгъ по части соціологіи, на главнѣйшихъ европейскихъ языкахъ. Особенно интересовавшими ее книгами въ эту эпоху были сочиненія Вико, Мишлэ, Прудона, Лассаля, Сенъ-Симона, Луи Блана, Гейне, Бёрне, Герцена и другихъ. Впослѣдствіи эти чтенія сильно отозвались на направленіи ея дѣятельности и на всѣхъ ея стремленіяхъ.

Изданія-же, начавшія появляться у насъ со времени новаго царствованія большими массами по части научной, имѣли на нее особенно благодѣтельное вліяніе. Между этими книгами особенно выдающуюся, можно даже сказать—самую главную роль играли тѣ статьи и книги, которыя посвящены были женскому воспитанію и вопросу о женскихъ правахъ.

Къ этому прибавилось то, что съ самаго-же пріѣзда М. В. Трубниковой въ Петербургъ, около нея сгруппировался кружокъ образованныхъ и много читавшихъ молодыхъ людей, попреимуществу все болѣе бывшихъ лицеистовъ, бесѣды съ которыми много помогали ея образованію. Между ними были: два брата Серно-Соловьевичи (Александръ и Николай), Аленниковъ (Николай Сергѣевичъ), Ламанскій (Порф. Ив.), баронъ Штакельбергъ, Рихтеръ, Шамшинъ (Иванъ Ивановичъ); изъ прежнихъ симбирскихъ знакомыхъ—Сто-

лыпины, Кахановы; изъ тверскихъ знакомыхъ Унковскій, ученикъ Грановскаго, и др. Въ числѣ знакомыхъ М. В. Трубниковой были въ эту-же пору также и нѣкоторые изъ замѣчательныхъ профессоровъ петербургскаго университета.

И вотъ, двѣ столь родственныя одна съ другою по самообразованію и по стремленіямъ женскія личности встрѣтились. «Знакомство мое съ М. В. Трубниковой, пишетъ моя сестра,—произошло нечаянно, въ маѣ 1859 г. Оно открыло мнѣ совершенно новую для меня дѣятельность. Она прямо пригласила меня къ себѣ, вечеромъ, «на завтра», раньше чѣмъ другія близкія ей особы съѣдутся, чтобъ успѣть поговорить обо всемъ, намъ обѣимъ интересномъ, и тутъ она произвела на меня обаятельное впечатлѣніе своимъ умомъ, но также и своею скромностью...» *) Съ этого перваго-же вечера у нихъ завязалась самая искренняя дружба, не взирая на разницу лѣтъ—моя сестра была на 13 лѣтъ старше. Онѣ сдѣлались настоящіе Орестъ и Пиладъ, всегда нераздѣльныя, всегда одинаково энергичныя и несокрушимыя, одинаково несравненныя по иниціативѣ, одинаково стремящіяся къ свѣту, добру и свободѣ личности. Ихъ дѣятельность была неразлучна и вся посвящена возвышенію русской женщины.

«Въ тотъ-же вечеръ нашего перваго свиданія съ М. В. Трубниковой, къ ней пріѣхали ея пріятельницы: Н. А. Бѣлозерская, А. П. Философова, баронесса Корфъ, баронесса Штакельбергъ, зашла и ея сестра Вѣра Ивашева. Завязался очень оживленный разгогоръ, и въ концѣ вечера стали говорить о бѣдственномъ положеніи работницъ-труженицъ... Разговоръ перваго нашего вечера привелъ къ тому, что мы поручили М. В. Трубниковой, послѣ долгихъ толкованій и набрасываній проекта нашей дѣятельности,—окончательно проредактировать набросанный нами всѣми планъ. До тѣхъ поръ мы дѣйствовали и помогали

*) Объ этомъ знакомствѣ см. еще въ предисловіи.

кому могли, каждая въ одиночку, не сносясь ни съ кѣмъ другимъ. Теперь-же, разсказавъ впервые одна другой эту нашу дѣятельность, мы рѣшили соединиться, составивъ общую сумму и помогать сообща. И вотъ начались наши, уже постоянные, *понедѣльники*, въ которыхъ было для насъ столько отрады и отъ которыхъ пошла для насъ осмысленная жизнь.

«На слѣдующей недѣлѣ мы опять собрались. М. В. Трубникова приготовила проектъ, много было сдѣлано поправокъ, но окончательно рѣшено было такъ: каждая изъ насъ внесетъ сколько можетъ, но надо, чтобы набралось 500 рублей. Каждый обязывался вносить всякій мѣсяцъ по *одному рублю*. Деньги тотчасъ-же были собраны, М. В. Трубникова выбрана «завѣдующею», а ея сестра Вѣра—«казначеемъ».

Но въ ту минуту, когда надо было приступать къ дѣлу, между членами общества произошолъ разладъ. Одна часть ихъ желала непремѣнно имѣть право *наблюденія* за жилицами и ихъ семействами, *безконтрольную* власть входить во всякое время въ ихъ квартиры, вмѣшиваться во всѣ ихъ дѣла, взыскивать съ нихъ, наставлять ихъ во всемъ, и т. д. Это была попреимуществу партія *нѣмецкая*. Противоположная партія, *русская*, не допускала такого права, не желала его имѣть и говорила, что жилицы и ихъ семейства—не подначальны имъ, а совершенно свободны, и дѣло новаго общества—помогать имъ жить, а не командовать ими. Послѣ значительныхъ споровъ и препираній, *нѣмецкая* партія отдѣлилась и основала свои дешевыя квартиры въ огромномъ домѣ Фридерикса, что на Пескахъ (домъ этотъ выходилъ другимъ фасадомъ на Знаменскую площадь). «Русская партія» повела съ тѣхъ поръ дѣло на своихъ болѣе гуманныхъ основаніяхъ—самостоятельно.

«Всѣ члены ея рѣшили, пишетъ моя сестра, отыскать небольшую квартиру (напримѣръ, на Пескахъ, не дороже 15 р. въ мѣсяцъ), куда переселить тѣ пять

семей, о которыхъ каждая изъ насъ до тѣхъ поръ отдѣльно заботилась. Но назначено было давать имъ квартиру только *дешевле*, а не даромъ, и самимъ приплачивать что потребуется. Приэтомъ каждая изъ насъ обязывалась привлечь къ каждому слѣдующему засѣданію хоть одного новаго члена. Такъ-какъ каждая изъ насъ до тѣхъ поръ еще въ одиночку заботилась и помогала женщинамъ-вдовамъ, или женщинамъ, брошеннымъ мужьями, то теперь у насъ было постановлено и впредь держаться того-же. Это правило соблюдается и до сихъ поръ. Тогда-же, вечеромъ, во второе наше собраніе, поѣхали смотрѣть подысканныя за недѣлю квартиры, порѣшили на одной, въ 5-й улицѣ на Пескахъ, на углу Слоновой. Это былъ деревянный домъ, квартира состояла изъ 4-хъ комнатъ и кухни; тутъ-же былъ дворикъ съ тремя деревцами. И вотъ, черезъ недѣлю, послѣ небольшой чистки квартиры, мы водворили тамъ своимъ бѣдняковъ, изъ разныхъ подваловъ и чердаковъ. Кокой это былъ праздникъ, какъ дѣти стали оживать!..»

Первою переселена была Анна Өедоровна Паршикова, мѣщанка, покинутая своимъ мужемъ и оставшаяся въ страшной бѣдности, съ 6-ю дѣтьми, разсказываетъ мнѣ В. В. Черкесова.

«И вотъ, мы назначили между собою дежурства и наблюденія, продолжаетъ моя сестра.—Общество скоро расширилось, такъ-какъ мы были отличныя пропагандистки нашего дѣла. Черезъ годъ было уже 300 членовъ, и мы могли принанять еще квартиру на Васильевскомъ Острову...»

По словамъ В. В. Черкесовой и печатнаго «Очерка 25-лѣтній дѣятельности общества дешевыхъ квартиръ» (напеч. въ 1886 году), послѣ Песковъ и ранѣе Васильевскаго Острова, у этого общества были наняты еще двѣ другія небольшія квартиры: одна въ Измайловскомъ полку, въ 12-й ротѣ, домъ Крутицкаго (9 комнатъ), другая въ Измайловскомъ-же полку, домъ Те-

тельстена. Квартира на Васильевскомъ Острову была на 12-й линіи, домъ Бѣлова. «На нашихъ кавалерахъ (продолжаетъ записка С. Ѳ. Горянской), лежала, главнымъ образомъ, обязанность доставлять матерьяльныя средства, въ смыслѣ привлеченія членовъ... Члены помѣшали бѣдныхъ не иначе, какъ послѣ визитаціи, по адресу, двухъ членовъ,—мужчины и дамы. У меня всякій день были назначенные часы для пріема, отъ 8 до 10 утра. Требовался личный адресъ, чтобы узнать дѣйствительную обстановку личности... Общество организовалось совершенно правильно подъ названіемъ: «Общество дешевыхъ квартиръ и другихъ пособій нуждающимся жителямъ С.-Петербурга». Уставъ былъ утвержденъ 3 февраля 1861 года. Предсѣдательницей была избрана М. В. Трубникова. Ее замѣняли временами А. П. Философова и графиня В. Н. Ростовцева.

«Въ обществѣ дешевыхъ квартиръ много и горячо дѣйствовало въ то время семейство Шакѣевыхъ *), всего болѣе Евгеній и Marie. Евгеній былъ совершенно преданъ этому дѣлу; онъ былъ секретаремъ; Marie-же посѣщала бѣдныхъ и учила дѣтей въ школѣ, которую устроили въ домѣ дешевыхъ квартиръ. Мнѣ надо разсказать, какъ это устроилось. Маленькія квартиры нанимали (какъ сказано выше) для бѣдняковъ въ разныхъ мѣстахъ города. Это заставляло насъ очень разбрасываться. Не хватало у насъ ни времени, ни возможности ежедневно ѣздить и слѣдить повсюду, а приходилось все расширять и расширять квартиры. Вотъ общество и рѣшило нанять цѣлый отдѣльный домъ въ Измайловскомъ полку, у инженера Реймерса, и перевести изъ разныхъ помѣщеній всѣхъ нашихъ жен-

*) Отецъ, Александръ Венедиктовичъ Шакѣевъ, былъ инспекторомъ въ школѣ подпрапорщиковъ и юнкеровъ. Сынъ его, Евгеній, вскорѣ послѣ окончанія наукъ въ Александровскомъ лицеѣ, сдѣлался однимъ изъ ревностнѣйшихъ и полезнѣйшихъ членовъ „Общества дешевыхъ квартиръ“.

ленія къ самостоятельности умственной, нравственной и фактической, и исканія новыхъ путей, которые приблизили-бы къ конечной, ясно сознанной цѣли. Хотя уже и въ 40-хъ годахъ, по свидѣтельству очевидцевъ, у насъ были попытки къ личной самостоятельности со стороны интеллигентныхъ женщинъ, но это были единичныя явленія и прошли безслѣдно. «Женское» движеніе 60-хъ годовъ носило болѣе общій и самобытный характеръ, и проникло въ разные слои общества. Здѣсь на все было обращено вниманіе, и, при серьезномъ отношеніи къ дѣлу, ничто не казалось мелочнымъ или пустымъ. Молодыя дѣвушки и женщины, не только средняго, но отчасти и высшаго общества, стали являться на улицахъ никѣмъ не сопровождаемыя; строгая простота въ одеждѣ замѣнила прежнюю роскошь и наряды. Пустая свѣтская болтовня и кокетство вызывали насмѣшки, французскій языкъ въ разговорѣ и письмѣ замѣнился русскимъ и т. д. Разумѣется, и тогда, какъ во всякомъ общественномъ движеніи, явились крайности, изображенныя Тургеневымъ въ лицѣ Кукшиной и въ женскихъ типахъ, еще болѣе каррикатурныхъ и изуродованныхъ, которые были выведены въ романахъ второстепенныхъ писателей. Но по вѣрному замѣчанію Д. И. Писарева, «между Кукшиной и эманципаціей женщины—нѣтъ ничего общаго: Кукшина заимствовала у своей эпохи только верхнюю драпировку, и поэтому пазвать ее порожденіемъ времени было-бы въ высокой степени нелѣпо»...

Вопросъ о костюмѣ игралъ у насъ въ эту пору очень большую роль. Это было *во второй разъ* въ нашемъ отечествѣ. Въ первый разъ это произошло при Петрѣ I, который счелъ, что его преобразованія никогда не могутъ осуществиться, если не переодѣть Россію изъ русскаго кафтана въ нѣмецкій или голландскій, и если не отрѣзать у русскаго человѣка бороду, усы и длинные волосы. За эту идею десятки и

на подобное условіе, а потому ввели въ основываемое общество не малое число лицъ, на которыхъ другіе смотрѣли камъ на «нигилистокъ», а эти, въ свою очередь, относились къ оффиціальнымъ учредительницамъ, какъ къ «аристократкамъ». Они рѣшились отстаивать полную свободу выборовъ предсѣдательницы и администраціи. Когда сдѣлалось очевиднымъ, на предварительныхъ, иногда очень бурныхъ и многочисленныхъ собраніяхъ, иногда до 60 человѣкъ (у М. В. Трубниковой, у А. П. Философовой и другихъ), что выборы будутъ имѣть, неизбѣжно, характеръ, противуположный тому, при которомъ получено было разрѣшеніе правительства, то графиня В. Н. Ростовцева, А. П. Философова, Ап. Конст. Кривошеинъ и другіе рѣшили: не созывать общаго собранія для выборовъ (на это общее собраніе были даже напечатаны приглашенія въ «Спб. Вѣдомостяхъ»), и, несмотря на протестъ нѣкоторыхъ членовъ-учредителей, общество было закрыто прежде его оффиціальнаго открытія. Извѣстіе, что это общее собраніе не состоится и что члены, внесшіе свои взносы, приглашаются взять ихъ обратно,—было напечатано равномѣрно въ «Спб. Вѣдомостяхъ».

Дѣйствительно, членскія взносы были разобраны обратно и члены разошлись.

А между тѣмъ, «Общество дешевыхъ квартиръ» все болѣе и болѣе процвѣтало. Правда, швейная мастерская для дѣтскаго бѣлья и платья, состоявшая подъ завѣдываніемъ баронессы Таубе (съ 1 мая 1863 г.) приносила обществу только убытокъ, хотя работы бывало много: «Черезъ годъ, продолжаетъ моя сестра, мы стали производить работу и на большихъ, но только бѣлье и манишки, такъ-какъ не имѣли въ домѣ ни модистки, ни портнихи. Магазинъ, устроенный въ домѣ для продажи этихъ работъ, удовлетворялъ очень немногихъ изъ нашихъ жилицъ, какъ мы скоро увидали. Оказалось, что большая ихъ часть не умѣетъ шить тон-

каго бѣлья, и вотъ мы стали придумывать, какъбы получать работу на всѣхъ, гдѣ ее взять. Тутъ намъ очень помогъ, новый разъ, Шакѣевъ-отецъ. Онъ выхлопоталъ намъ изъ своей школы подпрапорщиковъ и юнкеровъ подрядъ бѣлья на всю школу, а также и изъ морского корпуса. Надо было устроить общую мастерскую. Тогда-то и задумали у насъ строить домъ. Купили у Реймерса тотъ самый домъ, который у него до тѣхъ поръ нанимали, и въѣхали туда черезъ 3 года послѣ начала найма. Домъ былъ купленъ довольно выгодно, съ переводомъ его долга въ кредитномъ обществѣ. Устроена была тамъ мастерская, паровая прачешная и общая кухня, такъкакъ наши жилицы, принося намъ работу не совсѣмъ чистую въ магазинъ и получая за это выговоры, оправдывались тѣмъ, что должны стряпать, и что часто дѣти мѣшаютъ имъ и пачкаютъ работу. Вотъ, для устраненія всего этого, и была устроена общая кухня, гдѣ онѣ могли стряпать себѣ, вмѣсто того, чтобы въ своихъ комнатахъ. А для дѣтей, помимо школъ, куда ихъ по возможности отдавали, чтобы дать средство матерямъ работать, нанята была (взамѣнъ прежнихъ пяти дамъ доброволицъ, въ числѣ которыхъ была и я) учительница, одна изъ тутъ-же живущихъ, бѣдная дѣвушка, бывшая институтка, которая должна была заниматься, по окончаніи школы, со школьными дѣтьми, маленькими, не ходящими еще въ школу. Для этого потребовалась большая комната. Кто изъ дѣтей игралъ, кто шилъ, мальчики клеили коробки и тоже играли. Затѣй было много. Но чтобы всему этому удовлетворять, нужны были деньги, и большія деньги. Вотъ, для этого и было испрошено, въ 1867 году, разрѣшеніе на публичную лотерею, которая и дала возможность предпринять постройку еще одного новаго, но уже очень большого дома». О немъ и о дальнѣйшей дѣятельности общества будетъ говорено у меня ниже.

Про этотъ-же періодъ дѣятельности М. А. Менжинская говоритъ: «Рвенія у всѣхъ въ нашемъ обществѣ было много, ничто не останавливало членовъ. Еще до учрежденія устава были наняты квартиры и помѣщены въ нихъ бѣдныя семейства, какъ хотѣли сначала учредители, хотя-бы за самую дешовую, но всетаки плату. Но это оказалось невозможнымъ, на такую нищету мы наталкивались. Дѣтей устраивали по мѣрѣ возможности въ разныя учебныя заведенія, мастерскія; нашли двухъ безплатныхъ докторовъ, Розенберга и Крюкова, и общество начало дѣйствовать. Едва оно основалось, со всѣхъ концовъ Петербурга посыпались прошенія о помощи. Приходилось обозрѣвать многихъ, разспрашивать, узнавать и выбирать наиболѣе нуждающихся изъ многихъ семействъ. Конечно, взносовъ не хватало: тогда комитетъ прибѣгнулъ къ лотереямъ, любительскимъ спектаклямъ, для пополненія кассы. Много было сдѣлано въ смыслѣ филантропіи, но цѣль общества—давать за дешевую плату помѣщеніе и доставлять работу, такъ сказать помочь встать на ноги и не дѣлать изъ найденныхъ бѣдныхъ паразитовъ общества, не достигалась. Какъ только семейство помѣщалось членами на квартиру, въ немъ уже являлось желаніе не заботиться о себѣ и возложить это всецѣло на членовъ общества. Пришлось временно мириться съ этимъ и надѣяться, что дѣти этихъ бѣдняковъ, получая образованіе научное или ремесленное, будутъ въ состояніи сами работать и кормиться. Во многихъ случаяхъ этого результата достигли; но обществу, при скудости его средствъ, тяжело было выжидать 10-лѣтнихъ результатовъ. Притомъ-же, освобожденіе крестьянъ (1861) измѣнило совершенно бытъ многихъ богатыхъ людей, да и вообще этотъ громадный общественный переворотъ отразился на доходахъ всего дворянства. Пожертвованій и большихъ взносовъ нельзя было ожидать и получать. Купечество-же тутъ не принимало никакого участія, любя

за свои деньги получать медали, почетъ и отличія. Частное общество не располагало этими приманками. Въ 1863 году устроена была въ одной изъ квартиръ общества, въ домѣ Реймерса, въ Измайловскомъ полку, школа для живущихъ тамъ дѣтей. Въ ней учили члены безплатно. Но когда удалось обществу выстроить собственный домъ и мѣста было больше, то тамъ устроили уже правильную школу съ дѣтскимъ садомъ. Хлопоты по этому устройству взяла главнымъ образомъ на себя Н. В. Стасова—и школа вышла образцовая. Но, кромѣ того, ей хотѣлось организовать правильный заработокъ для живущихъ въ домѣ общества женщинъ, умѣвшихъ шить. Сначала устроили швейную мастерскую, гдѣ шили платье и бѣлье. Но чтобы давать женщинамъ этимъ работу, опять пришлось самимъ членамъ, отдавая туда платье и бѣлье, довольствоваться плохимъ и безвкуснымъ исполненіемъ заказовъ. Для хорошей работы необходимъ былъ вкусъ, кройка, нужно было-бы затратить много денегъ, а результатъ всетаки былъ сомнителенъ. Между женщинами, живущими въ общемъ домѣ, не оказалось ни одной, годной для этой цѣли. Швейныя-же машины понизили еще болѣе ручной заработокъ. Тогда Н. В. Стасова, баронесса Таубе и г-жа Гамбургеръ пріобрѣли швейныя машины, на которыхъ могли работать безплатно нетолько живущія въ домѣ общества женщины, но и бѣдныя со стороны. Упоминаю все это для того, чтобы показать, что на долю Надежды Васильевны, гдѣ-бы она ни появлялась, всегда выпадала самая трудная, самая хлопотливая и отвѣтственная задача. Отдавая ей всѣ свои силы, и время, и средства, она какъ-бы не замѣчала своей заслуги, и все придумывала, хлопотала, дѣйствовала, всегда сама, не возлагая ни на кого другого своего труда, часто до полнаго истощенія силъ. Здоровье ея было слабо, и только сила воли заставляла ее побѣждать свои физическія недомоганія. Вотъ эта черта ея ха-

рактера и была всегда причиной того, что она всегда, рано или поздно, несмотря ни на какія препятствія, тайную оппозицію или разногласія членовъ комиссій и совѣтовъ, достигала той цѣли, къ которой стремилась, какъ-бы ни далека она казалась въ началѣ».

Дѣятельность «Общества дешевыхъ квартиръ» имѣетъ, на первый взглядъ, много общаго съ «Обществомъ посѣщенія бѣдныхъ», существовавшимъ въ концѣ царствованія Императора Николая I. Но это сходство—только кажущееся. Ничто не можетъ быть болѣе противоположно, чѣмъ два эти общества. «Общество посѣщенія бѣдныхъ» было затѣяно и пущено въ ходъ высшей нашей аристократіей и ею попреимуществу поддерживалось. Оно скоро вошло въ моду, и принадлежать къ нему было чѣмъ-то очень комильфотнымъ. Барыни съ сострадательной улыбкой говорили: «мои бѣдные», «надо мнѣ ѣхать посѣщать моихъ бѣдныхъ», «ахъ, пожертвуйте что-нибудь на моихъ несчастненькихъ»,—и множество мужчинъ тотчасъ съ охотой участвовали въ этихъ модныхъ затѣяхъ, предпріятіяхъ, парадныхъ засѣданіяхъ, поѣздкахъ на чердаки и подвалы. Одна изъ талантливѣйшихъ картинокъ Влад. Маковскаго мѣтко изображаетъ тогдашнюю франтиху-визитершу, въ богатой собольей шубкѣ, забравшуюся куда-то въ 10-й этажъ—и въ лорнетъ разсматривающую застигнутыхъ врасплохъ бѣдняковъ, торопящихся какъ-нибудь напялить на себя поприличнѣе свои лохмотья, тогда-какъ парадный лакей въ дорогихъ енотахъ стоитъ у двери и брезгливо посматриваетъ на всю эту «шушеру», къ которой его графиня соблаговолила пожаловать—вотъ-то шалость и капризъ барскій, въ свободное время, передъ обѣдомъ! Какая разница была это другое общество, безъ лакеевъ, бархатовъ и енотовъ, безъ милостиваго снисхожденія и милосердной скромности, но съ горячей душой и сознаніемъ «долга» въ томъ, что дѣлаешь,—долга искренняго, неизбѣжнаго, народнаго и человѣческаго, сидящаго гвоздемъ

въ головѣ. Тутъ уже было дѣло не до моды, не до филантропическихъ шалостей и баловства сытыхъ лакомокъ: нѣтъ, тутъ было что-то другое. И на фонѣ всего—непритворное уваженіе къ тѣмъ личностямъ, кого посѣщаешь и кому помогаешь, искреннее участіе и въ ихъ физическомъ, и интеллектуальномъ положеніи.

О, какая разница!

И вдобавокъ ко всему остальному, вся эта «филантропія» являлась только первымъ шагомъ и опытомъ къ тому, что̀ было и выше, и глубже, и важнѣе. Вторые и третьи шаги, болѣе смѣлые и сильные, не замедлили вскорѣ потомъ состояться.

VI.

Здѣсь мнѣ надо разсказать эпизодъ изъ жизни моей сестры, который входитъ, такъ сказать, клиномъ въ ея дѣятельность по части общества дешевыхъ квартиръ и былъ прямымъ слѣдствіемъ тамошнихъ знакомствъ и связей.

Въ настоящемъ параграфѣ мнѣ приходится говорить о такихъ предметахъ, о которыхъ принято молчать—именно о падшихъ женщинахъ. Мнѣ такой обычай кажется жестокимъ фарисействомъ и недостойною брезгливостью. О безобразіяхъ и несчастіяхъ человѣчества надо не молчать трусливо, надо не жеманно отворачиваться, надо не съ видомъ оскорбленной добродѣтели зажимать уши и глаза, а говорить о нихъ съ твердымъ, хотя и стѣсненнымъ духомъ. Надо стараться вносить свѣтъ въ мрачныя подземелья и гнилыя трущобы. Если говорятъ свободно про чуму, холеру и всяческія поворачивающія сердце бѣды нашего племени, то надо точно столько-же свободно, хотя, конечно, и съ угнетеннымъ духомъ, говорить и про эту также чуму. Надо указывать на тѣхъ, у кого доставало мужества и бодрости хоть на единую малую черточку съ ними бороться.

Я-бы сказалъ обиженнымъ добродѣтелямъ: «Подите, отворачивайтесь лучше отъ какихъ нибудь вашихъ знаменитыхъ и излюбленныхъ романовъ и драмъ «Dames aux camélias», гдѣ порокъ и развратъ представлены въ слезливыхъ, «очень милыхъ» (по всеобщему приговору), но напомаженныхъ и фальшивыхъ краскахъ, привлекательныхъ лишь для вертопрашной толпы и отвратительныхъ для всякаго сколько-нибудь мыслящаго и неиспорченнаго человѣка — вотъ отъ такихъ картинъ отворачивайтесь и гнушайтесь ими,—но не отворачивайтесь отъ картинъ, гдѣ налицо только правда и быль. Онѣ ничьей души не обманутъ, не отуманятъ и не развратятъ, а чью-нибудь душу можетъ быть просвѣтятъ и укрѣпятъ.

Въ числѣ членовъ «Общества дешевыхъ квартиръ» была, въ началѣ 60-хъ годовъ, одна сестра милосердія, Марія Ивановна Алексѣева. Во время севастопольской кампаніи она совершала, на театрѣ войны, въ Крыму, истинныя чудеса глубокаго человѣколюбія, беззавѣтнаго самоотверженія и преданности своему великому дѣлу. Она въ 1860-мъ или 1861-мъ году познакомилась въ «Обществѣ дешевыхъ квартиръ» съ моею сестрою, очень сошлась съ нею, душевно привязалась къ ней и, въ числѣ разнообразныхъ разговоровъ на тему о помощи ближнему, разсказывала ей очень много про молодую княжну Марію Михайловну Дондукову - Корсакову, любимую фрейлину Императрицы Маріи Александровны, которая недавно, вслѣдствіе личныхъ душевныхъ несчастій, оставила и дворъ, и свѣтъ, и всѣ знакомства и, не предваривъ ни единымъ словомъ ни отца, ни мать, никого изъ родныхъ и близкихъ, въ одинъ прекрасный день вдругъ переселилась въ глухой, маленькій переулочекъ, Дерптскій по имени, въ сосѣдствѣ съ Калинкинской больницей, и посвятила себя, съ неустрашимою рѣшимостью, съ поразительнымъ и несокрушимымъ великодушіемъ, дѣлу служенія несчастнымъ женщинамъ, съ испорченною

жизнью и натурой, которыя тысячами впродолженіе года находятся на излѣченіи въ этой больницѣ, великой по благодѣтельности, но страшной по болѣзнямъ. Однажды эта сестра Марія Ивановна сказала моей сестрѣ: «А знаете, что̀, Н. В.? Вамъ-бы надо познакомиться съ Дондуковой: я думаю—вы-бы сошлись». Моя сестра этому чрезвычайно обрадовалась, такъ-какъ разсказъ о ней трогалъ ее до глубины души. «Мы условились съ М. И., говоритъ моя сестра, поѣхать съ нею къ Дондуковой на другой день. И вдругъ, въ то утро—звонокъ, и мнѣ говорятъ, что меня спрашиваетъ сестра милосердія. Я думала, что это М. И. Я пошла въ гостиную, и вижу чужую личность: высокаго роста, прелестную собой, въ сѣромъ платьѣ и бѣломъ чепчикѣ (сестра милосердія М. И. носила коричневый). Конечно, я сейчасъ догадалась—кто это. Она-же, своимъ очаровательнымъ голосомъ, которымъ она побѣждала всѣхъ, прежде въ свѣтѣ, и потомъ въ больницѣ, такъ-что часто больныя говорили: «Какой у васъ голосъ, нельзя не послушаться васъ»—этимъ голосомъ она мнѣ сказала: «Я не хотѣла къ вамъ пріѣзжать, но была подлѣ, по дѣлу, и пришла, знаете—пришла прямо спросить: не согласитесь-ли вы завтра мнѣ помочь на дежурствѣ у меня на квартирѣ?» Я сказала, что съ удовольствіемъ,—«но вѣдь я не умѣю!—«Ничего нѣтъ мудренаго, отвѣтила она, и прибавила:—«Вѣдь вы ходили когда-нибудь за больными?»—«Да».—«Стало-быть, можете. До завтра. Главное, надо только быть съ ними, пока я возвращусь домой».—Вотъ я и поѣхала къ ней въ Дерптскій переулокъ. Вхожу—и поражаюсь обстановкой: отворяетъ мнѣ дверь деревенская дѣвушка въ сарафанѣ—она ее привезла изъ деревни; комната выкрашена сѣрой масляной краской, въ два окна, на окнахъ цвѣты и канарейка; комната съ альковомъ, перегорожена стеклянными ширмами, за ними кроват и умывальникъ, шкапъ; мебель вся буковая вѣнская, съ плетенымъ сидѣньемъ, такой-же

и диванъ, этажерка съ книгами, рояль, на полкахъ кругомъ все книги и ноты, мольбертъ съ начатымъ рисункомъ чернымъ карандашомъ — головка Магдалины. Шкапъ съ лѣкарствами, микроскопъ, электрическая маленькая машина, магнитъ. Подлѣ этой комнаты—другая маленькая въ одно окно, въ которой нѣсколько стульевъ и столъ: это прiемная для больныхъ, и тамъ сидѣли двѣ молодыя дѣвушки. Въ большой-же комнатѣ стояла Дондукова у шкапа съ лѣкарствами и что-то искала. Мы поздоровались; она сказала: «Вотъ и прекрасно, я приготовила прописанное докторомъ лѣкарство. Пойдемте, я васъ познакомлю съ моими пенсiонерками». Мы взошли, она меня представила, разсказала мнѣ все, что надо было дѣлать, раздала имъ работу, книги. Одна изъ нихъ была дежурная по кухнѣ, пошла готовить въ маленькую кухню; съ другой я должна была заняться грамотою. Я слушала и удивлялась: что-же это за падшiя и больныя дѣвушки! Видна была на лицахъ только страшная блѣдность и застѣнчивость, но болѣзни—ничего. Послѣ я узнала, что эти двѣ дѣвушки были ею, можно сказать, спасены въ самомъ началѣ ихъ грустной, ужасной жизни, и уже годъ находятся у ней, въ особой комнатѣ, въ томъ-же домѣ, и вотъ она продолжаетъ ихъ лѣчить и содержать. Это были двѣ крестьянки изъ ея деревни, присланныя въ ученье въ магазинъ. Онѣ были завлечены; ей какъ-то удалось узнать о нихъ, разыскать и вырвать ихъ изъ страшной жизни. Онѣ обѣ современемъ совершенно излѣчились, были научены грамотѣ и фельдшерству, и отправлены обратно въ деревню, гдѣ были ея помощницами: зимою при деревенской школѣ, а также при ея деревенской больницѣ лѣтомъ. Одна теперь (1890) замужемъ за крестьяниномъ, живетъ прекрасно; дѣти ихъ, трое, всѣ грамотныя, одинъ музыкантомъ въ гвардейскомъ полку. Товарка-же ея не вышла замужъ,

продолжаетъ состоять при деревенской больницѣ и чрезвычайно любима всѣми крестьянами.

«Собственно въ самой Калинкинской больницѣ княжна Дондукова была истинно неподражаема. Она ничѣмъ не гнушалась, и все сама дѣлала: мыла, перевязывала самыя ужасныя раны, сажала въ ванны, которыя прописывались докторомъ, и многое, чего, бывало, часто не исполняли ни фельдшера, ни сидѣлки, ни администрація: поставятъ въ журналъ, что сдѣлано столько-то ваннъ, а сдѣлаютъ одну-двѣ—вмѣсто десяти, а то и ни одной, и на вопросъ: «Что-же ванна?» отвѣчали: «Ну, стоитъ-ли возиться съ этой дрянью! Противная скотина!» А то услышишь, бывало, и что похуже. Бывали у насъ страшныя сцены, но мы, т.-е. конечно главное съ помощью княжны Дондуковой, отстаивали и дѣлали свое, заставляли; наконецъ, пожаловалась она однажды главному доктору. Княжна Дондукова-Корсакова вотъ ужъ точно была сестрою милосердія: жила сама въ одной комнатѣ, ѣла самую простую пищу и себя не щадила днемъ и ночью; всюду ходила пѣшкомъ, одѣвалась какъ всѣ сестры.— Вотъ, благодаря ея урокамъ, я научилась ходить за больными и вмѣстѣ съ нею ухаживала за ними. Она— каждый день и черезъ ночь, я—три раза въ недѣлю, съ 10 утра до 5½ час. вечера. Тутъ-то, въ больницѣ, я постигла весь ужасъ положенія этихъ несчастныхъ жертвъ. Чего, чего-то я отъ нихъ не услыхала: тутъ было и озлобленіе, и цинизмъ, а главное—сколько, сколько невинныхъ жертвъ! А какое съ ними было ужасное обращеніе фельдшеровъ и сидѣлокъ! Вотъ тутъ-то—можно сказать—мы и были полезны, такъ-какъ въ наше присутствіе обращеніе становилось совершенно другое...

«Наше знакомство и работа съ этой достойной женщиной продолжались около 8 лѣтъ, до 1869 года, когда она, полубольная, уѣхала изъ Петербурга. Въ Калинкинской-же больницѣ мы съ нею дѣйствовали

около 2 или 2½ лѣтъ, до середины 1863 года, пока всѣхъ насъ, многихъ дамъ, не перестали допускать въ больницу...

Да, мы работали, скажу теперь откровенно, работали усердно. Дома у меня никто обо всемъ этомъ ничего не зналъ. Я спросила доктора Реймера, врача моего семейства и моего друга, могу-ли я это дѣлать, не занеся домой какой заразы?—Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, и сказалъ, какъ мнѣ это устроить. Вотъ какъ: я ѣхала къ княжнѣ Дондуковой, снимала свое платье, надѣвала, какъ и она, ситцевое платье (которое моется), сверхъ этого бѣлый халатъ съ кушакомъ и бѣлый чепецъ. Приходя изъ больницы, я переодѣвалась, обмывалась вся, руки сулемой, и возвращалась домой, дѣлая дорогу до-дому пѣшкомъ.

«...Благодаря этому знакомству, я хорошо узнала весь ужасъ жизни и участи падшихъ женщинъ... Какъ я была поражена въ первый разъ, когда столкнулась съ одною матерью, которая чрезвычайно равнодушно на мое пораженіе сказала: «Сударыня, да вѣдь у меня семья, я устала работать. На что-же я ее ростила! Пусть помогаетъ! Вотъ вѣдь надо ихъ всѣхъ прокормить, цѣлая пятерня. Да что-то плоха нажива стала, видно, всѣ взялись за умъ, много дѣвчонокъ-товарокъ развелось. Вчера принесла всего 50 коп., а шлялась чуть не полъ-ночи». И это говорила мать....»

Здѣсь я считаю умѣстнымъ привести нѣсколько строкъ изъ ненапечатанной еще записки одного высокопочтеннаго духовнаго лица, К. П. С., въ 50 хъ и 60-хъ годахъ. Это лицо близко стояло къ Калинкинской больницѣ и много потрудилось для улучшенія быта этой больницы и смягченія, по возможности, участи, положенія и нравственности несчастныхъ женщинъ, бывающихъ тамъ на излѣченіи. «Страшное это ремесло можно вести развѣ только при помощи вина, и нѣкоторыя изъ этихъ женщинъ до того спиваются, что въ молодыхъ лѣтахъ умираютъ въ Калинкинской

больницѣ въ бѣлой горячкѣ. Многія изъ нихъ и всю ужасную жизнь свою проводятъ въ какомъ-то горячечномъ состояніи, не помня себя и не думая о завтрашнемъ днѣ. Ложь, обманъ, воровство, совершеннѣйшее безстыдство, совершенное невѣріе въ людей, въ справедливость, въ искренность людского участія, въ правосудіе и вообще въ добро—вотъ качества, которыя обыкновенно въ обществѣ приписываютъ этимъ женщинамъ. И онѣ, дѣйствительно, по большей части таковы. Но эти качества не ихъ собственныя, а привитыя въ нихъ отъ общества. Общество въ отношеніи къ нимъ таково, какими онѣ являются. Онѣ окружены презрѣніемъ, ложью, обманомъ, неправосудіемъ, несострадательностью. Онѣ терпятъ несправедливость отъ содержательницъ, побои, обманъ отъ тѣхъ, чьи страсти удовлетворяютъ. Онѣ видятъ постоянно, что деньги могутъ все, и потому только и вѣрятъ въ силу денегъ и въ безсиліе безъ денегъ. Часто онѣ, не будучи таковыми на самомъ дѣлѣ, желаютъ и стараются быть таковыми, потому-что не видятъ для себя возможности быть иными, выбиться изъ этой грязи, которая иногда сильно тяготитъ ихъ душу, приводитъ ихъ въ уныніе и даже отчаяніе...»

Въ то чудное, свѣтлое время, въ началѣ 60-хъ говъ, когда въ русскомъ обществѣ проявилось съ необычайною силою стремленіе помогать слабымъ, бѣднымъ душою и участью, униженнымъ и оскорбленнымъ, измученнымъ и погибающимъ, когда во всѣхъ областяхъ русской жизни люди шли съ самоотверженіемъ на благодатное дѣло облегченіе участи страждущихъ,—многія дамы задумались надъ судьбою падшихъ женщинъ и рѣшались идти имъ на помощь. Одни прямо пошли въ сестры милосердія, какъ княжна Дондукова-Корсакова и ея помощницы, другія выхлопотали себѣ дозволеніе приходить въ Калинкинскую больницу, для того, чтобы стараться возвысить душу падшихъ женщинъ и внести хоть каплю свѣта и отрады

въ ихъ глубоко-удрученный духъ. Я читаю на страницахъ той-же, выше мною приведенной записки: «Изъявили желаніе заниматься съ больными образованныя дамы, добрыя христіанки: Никитина (А. М.), Зотова (А. М.), Щебальская (М. А.), а потомъ: княжна Дондукова-Корсакова (М. М.), Стасова (Н. В.), Павлова (А. К.), Ушинская (О. В.), супруга пастора Лаланда, г-жи Кноррингъ, Брауеръ, Линдстремъ, Брылкина, Флорова, Есаулова, Рубецъ. Всѣ эти дамы стали, въ назначенное для занятій время, посѣщать больницу, приносили съ собою интересныя нравственныя книги, сами читали и давали читать больнымъ, умѣвшимъ читать. Изъявившихъ желаніе учиться грамотѣ учили читать и писать. Приносили съ собою матеріалы для работъ и учили кройкѣ, шитью, вязанью и другимъ несложнымъ женскимъ рукодѣльямъ. Сдѣланныя больными работы продавались, и деньги были отдаваемы на руки больнымъ, которыя и тратились больными непредосудительно, съ вѣдома надзирательницъ, или по желанію ихъ сохранялись до ихъ выхода изъ больницы. Нѣкоторыя изъ больныхъ были въ восторгѣ, что онѣ могутъ зарабатывать хлѣбъ честнымъ трудомъ. Разумное, ласковое, растворенное христіанскою любовію обращеніе этихъ добрыхъ дамъ съ больными, обыкновенно презираемыми женщинами, до того привязало ихъ къ нимъ, что онѣ по цѣлому часу, назначенному для ихъ отдыха, толпою стояли у стеклянныхъ дверей, ожидая своихъ благодѣтельницъ. Послѣдствіями занятій добрыхъ дамъ съ больными было то, что впродолженіе 7-ти мѣсяцевъ 49 женщинъ изъявили желаніе, какъ онѣ сами выражались, идти въ «кающіяся», т.-е. исправиться. Всѣ такія и были отдѣлены отъ другихъ, и размѣщены въ двухъ отдѣленіяхъ, въ нижнемъ этажѣ. Ихъ принялъ въ свое завѣдываніе молодой даровитый врачъ, только-что незадолго прикомандированный къ больницѣ, Веньяминъ Михайловичъ Тарновскій, образовавшій при этихъ отдѣленіяхъ первую русскую фельдшерицу...»

VII.

Но, одновременно съ дѣятельностью на помощь падшимъ женщинамъ въ Калинкинской больницѣ, совмѣстно съ княжною Дондуковою-Корсаковой, у моей сестры была, въ началѣ 60-хъ годовъ, еще другая дѣятельность, подобная первой.

«У княжны Дондуковой, пишетъ моя сестра въ «Запискахъ», познакомилась я съ графиней Ламбертъ, дочерью бывшаго при Николаѣ I министра финансовъ, графа Канкрина. Въ отчаяніи отъ потери единственнаго, 18-лѣтняго сына, и много настрадавшись отъ личныхъ несчастій, она искала какой-нибудь дѣятельности, которая была-бы полезна для другихъ и способна была-бы поглощать всю ея жизнь. Вотъ она и устроила, на Фурштадтской, домъ для такъ-называемыхъ «Магдалинъ», т.-е. женщинъ, покаявшихся въ прежней безобразной своей жизни и ремеслѣ. Все было здѣсь прекрасно устроено матерьяльно, но система была принята довольно неумѣлая. Туда поступали для того, чтобы избавиться отъ страшнаго «желтаго билета», полицейско-медицинскаго. Несчастныя дѣвушки желали сбросить съ себя весь ужасъ своей горькой жизни и начать опять заработокъ честнымъ трудомъ. Конечно, туда приходили добровольно, конечно, очень многія приходили съ трудомъ, хотя желаніе было у нихъ и сильное, но сбросить жизнь безобразную очень, очень трудно: тамъ была роскошь грязная и праздность жестокая, тамъ онѣ ходили въ шелку, бархатѣ, здѣсь въ ситцевыхъ платьяхъ и толстомъ бѣльѣ; тамъ—вино, здѣсь—вода; тамъ—ничегонедѣланье и постоянное гулянье, катанье и такъ далѣе, здѣсь—работа съ 7 часовъ утра и регулярная жизнь. Все это-бы ничего, надо было, конечно, пріучать ихъ къ трудовой жизни, отъ которой онѣ совершенно отвыкли, но нельзя было только-что поступавшимъ чи-

тать все только моральныя книги, надъ которыми онѣ подсмѣивались, зѣвали и, можно сказать, засыпали. А главное, нельзя было такъ сразу лишать ихъ совершенно свободы. Ихъ запирали въ домъ и выпускали лишь въ садъ домовый, и въ комнатахъ даже слѣдили за каждымъ ихъ шагомъ: это было многимъ не въ моготу. Очень рѣдкія могли выдерживать такое испытаніе, многія уходили.

«Я помню, какъ меня поразила одна молодая дѣвушка, всего 16-ти лѣтъ, которая въ одинъ изъ вторниковъ моего дежурства пріѣхала къ намъ въ пріютъ. Она была чудесна своей красотой, но совершенно больная. Она начала говорить со мною просто озлобленно. Но черезъ часъ, можетъ быть, видя мое искреннее къ ней сочувствіе, она совершенно измѣнилась: она откровенно стала разсказывать мнѣ свою грустную исторію. Она осталась сиротою на 15-мъ году и повѣрила ласкамъ сосѣда, уже не молодого, отставного полковника, который, насмѣясь надъ нею, черезъ мѣсяцъ заявилъ, что по дѣламъ долженъ уѣхать въ деревню, и сказалъ, что поручитъ ее своей теткѣ, куда и отвезъ въ тотъ-же вечеръ. Но «тетка» оказалась содержательницею развратнаго дома. Здѣсь съ нею безбожно поступили, и оттуда, благодаря Бога, ей удалось убѣжать черезъ мѣсяцъ, а объ этомъ негодяѣ никогда она ничего не узнала. Такъ вотъ, эта бѣдная дѣвочка, разсказавъ мнѣ все свое прошлое, и видя мое сочувствіе, меня полюбила до безконечности; черезъ годъ испытанія въ пріютѣ, гдѣ она совершенно отличалась отъ прочихъ, несчастныхъ во всѣхъ отношеніяхъ личностей, она поступила на мѣсто портнихой,—сначала въ домъ одного хорошаго семейства, а затѣмъ вышла замужъ и завела свою мастерскую; мужъ ея служилъ въ конторѣ. Года черезъ три онъ получилъ прекрасное мѣсто при одномъ заводѣ около Петербурга, и они стали жить счастливо.

«Я тамъ пробыла два года. Намъ удалось поставить

на ноги и дать совершенную свободу 8-ми дѣвушкамъ, которыя сдѣлались отличными прислугами: 4—горничными, 2—прачками, одна учительницею школы, вышла замужъ и стала прекрасной семьянинкой,—она за мелкимъ купцомъ,—одна нянюшкой; изъ горничныхъ двѣ тоже вышли замужъ, но мужья оказались у нихъ плохи и обѣ жили въ «дешевыхъ квартирахъ». Дѣти и до сихъ поръ еще тамъ въ услуженіи, матери умерли. Вообще, большинство не выдерживало года: онѣ уходили черезъ два-три мѣсяца, и хотя мы знали, что онѣ и не возвращались въ дома терпимости, но все-же вели не совсѣмъ скромную жизнь. У княжны Дондуковой процентъ благопріятныхъ результатовъ былъ больше. Одна-же дѣвушка изъ дома Ламбертъ сдѣлалась сестрою милосердія. Это была дѣвушка чрезвычайно умная и полезная, не говоря о ея самоотверженіи; долго потомъ она работала въ «Красномъ Крестѣ», ассистировала доктора Павлова и другихъ докторовъ при самыхъ трудныхъ операціяхъ. Никто не умѣлъ лучше ея накладывать такія перевязки, ей всегда это поручали, ее такъ и стали звать, для отличія отъ другой Елены, сестрой Еленой-«*атласныя руки*». Но что это была за личность! Умна, образована и человѣчна до безконечности! Мнѣ привелось узнать много такихъ личностей, и при этомъ узнала я много ужасовъ ихъ жизни, ихъ дѣтства, всѣхъ слоевъ общества—крестьянокъ, учительницъ, даже я знала двухъ дѣвушекъ, дочерей одного инженеръ-полковника, третью—дочь генерала, служившаго въ одномъ министерствѣ. Другая молодая дѣвочка, 16-ти лѣтъ, была завлечена по неопытности сладкими словами негодяемъ своимъ учителемъ.

«Но объ этихъ исторіяхъ всего ужаса не перескажешь. И когда я читала «Преступленіе и наказаніе«, я плакала вмѣстѣ съ несчастной Сонею, а романы Зола можетъ быть для меня оттого такъ и глубоки, что я вижу въ нихъ просто фотографическіе

снимки. Мнѣ пришлось разъ выкупать у матери и у пьянаго вотчима, слесаря, 13-лѣтнюю дѣвочку. Тутъ дѣйствовала со мною Анна Павловна Философова; конечно, благодаря ея положенію много что можно было сдѣлать, и намъ помогъ градоначальникъ, генералъ Треповъ. Эта дѣвушка была взята совсѣмъ отъ матери, Анна Павловна помѣстила ее у себя (у ней была тогда огромная квартира, казенная)—это было зимой: вылѣчили ее совершенно, лѣтомъ отвезли ее въ деревню; дѣвочка оказалась способная, очень скоро научилась грамотѣ, стала ходить на птичьемъ дворѣ за птицами, потомъ за молочнымъ хозяйствомъ, была прекрасная огородница, вышла замужъ, выростила дѣтей—и дочь ея сдѣлалась впослѣдствіи сельскою учительницею».

Такимъ образомъ, несмотря на всю трудность, плоды тяжкой человѣчной дѣятельности были далеко не напрасны и давали результаты истинно отрадные. Но дѣятельность собственно филантропическая была только началомъ и преддверіемъ дальнѣйшей, совершенно уже иной дѣятельности моей сестры.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Воскресныя школы.

VIII.

Въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ, въ русскомъ обществѣ царило такое громадное оживленіе, такая жажда дѣятельности, что каждый человѣкъ, дѣлавшій что-нибудь полезное и хорошее для другихъ, не останавливался на одномъ какомъ-нибудь дѣлѣ—и только. Нѣтъ, и младъ и старъ, всякій изъ дѣйствующихъ былъ у насъ наполненъ такой энергіей, что справлялъ на службѣ, въ своемъ департаментѣ, въ министерствѣ, въ конторѣ, управленіи,—а женщины—у себя дома въ семействѣ, все что только было надо, и справляли честно, заботливо, добросовѣстно, но тутъ-же находили они всѣ время и охоту дѣлать много другого, столько-же важнаго, а можетъ и еще болѣе важнаго, по ихъ понятію. Такъ каждому казалось—и слава Богу, что такъ казалось. Что влюбленному всегда кажется? Кажется, что что̀ онъ ни говори своей возлюбленной, что̀ ни дѣлай, что̀ ни предпринимай цѣлый день, какими полу-безумными глазами на нее ни гляди—все мало, все мало. Въ сто разъ надо еще больше. И оттого у него идетъ такое блаженное время, такое полное тревогъ, порывовъ, громадныхъ скачковъ, огня и счастья, что тутъ многое такое произойдетъ, чего потомъ и во всю остальную жизнь ни-

когда уже онъ не забудетъ. Такъ-то вотъ точь-въ-точь было съ русскими людьми въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ. Они были всѣ точно влюбленные, точно женихи и невѣсты, у которыхъ кровь кипитъ, а виски бьются, и глаза горятъ. Никому не сидѣлось на мѣстѣ. Метались всѣ они словно въ любовномъ чаду, поднимались всѣ ихъ силы и устремлялись на чудныя мысли, рѣчи и дѣла.

У моей сестры, тоже влюбленной, какъ и всѣ тогда, въ великія загорѣвшіяся вдругъ передъ глазами новыя цѣли,—начинаемыхъ дѣлъ было въ рукахъ не одно, а много. И на всѣ хватало и времени, и охоты, и силъ. Я разсказывалъ выше про затѣю и общество «дешевыхъ квартиръ», про затѣю и общество «женскаго труда», про работу въ Калинкинской больницѣ и въ пріютѣ «кающихся Магдалинъ», и къ нимъ на прибавку шла еще изрядная домашняя семейная дѣятельность. Уже и это все составляло довольно почтенный контингентъ для работы. Но на этомъ дѣло не останавливалось для моей сестры, она еще на этомъ не забастовывала. Каждую минуту она готова была нагрузить на себя еще и еще грузу, съ твердымъ убѣжденіемъ, что плечи снесутъ, и выйдетъ хорошо. «Осенью 1860 года, пишетъ она въ своихъ «Запискахъ», въ началѣ сентября, въ воскресенье, кажется, пришолъ ко мнѣ Сергѣй Ольхинъ (нашъ старинный знакомый, еще только въ іюлѣ кончившій свой курсъ въ лицеѣ) и говоритъ: «Н. В., не хотите-ли принять участіе въ одномъ дѣлѣ?»—«Въ какомъ?»—«Въ воскресныхъ школахъ».—«А что это такое, воскресныя школы?»—«А вотъ я приведу къ вамъ, если позволите, профессора Плат. Вас. Павлова. Онъ теперь здѣсь; пріѣхалъ изъ Кіева, тамъ онъ этимъ дѣломъ орудовалъ, онъ вамъ все разскажетъ» *). И вотъ, въ

*) Пл. Вас. Павловъ пріѣхалъ осенью 1859 года изъ Кіева, гдѣ былъ профессоромъ университета, въ Петербургъ, и преподавалъ въ училищѣ правовѣдѣнія исторію. *В. С.*

тотъ-же вечеръ пришолъ Павловъ и совершенно увлекъ меня. Конечно, я сейчасъ-же согласилась».

Кто помнитъ тогдашнее время, тогдашнихъ людей и тогдашнія дѣла, непремѣнно скажетъ, я думаю, что вотъ точно такъ навѣрное было и со всѣми. Нельзя было не увлекаться, нельзя было не примыкать сразу, съ радостью и восхищеніемъ, къ тогдашнему почину. Такъ все было здѣсь свѣтло, высоко и поразительно. «Воскресныя школы»—это было нетолько одно изъ самыхъ выдающихся дѣлъ того времени, но одно изъ самыхъ великихъ русскихъ дѣлъ всѣхъ временъ и всѣхъ эпохъ, и однажды, мнѣ кажется, оно будетъ стоять въ лучезарныхъ лучахъ на страницахъ нашей исторіи.

У насъ объ этомъ большомъ дѣлѣ до сихъ поръ еще не имѣютъ, по моему мнѣнію, настоящаго представленія. Его недостаточно оцѣняютъ, да и не могутъ оцѣнить его по достоинству, потому-что не знаютъ, какъ оно началось, какъ продолжалось, чего оно хотѣло, къ чему стремилось и чего достигало. А все тутъ было, между тѣмъ, необыкновенно, ново и оригинально. Иные и по сю пору говорятъ: «Да что тутъ, въ этихъ воскресныхъ школахъ, важнаго и особеннаго? Во-первыхъ, онѣ вовсе не наши, будто-бы самостоятельныя и своеобразныя. Воскресныя школы давно существуютъ вездѣ, всѣ давно ихъ знаютъ. Подите посмотрите на Англію и Америку. Ихъ тамъ видимо-невидимо, Богъ знаетъ сколько и Богъ знаетъ какъ давно. Но никто не выставляетъ ихъ какъ-то особенно на показъ, никто ими особенно не гордится и не величается». На это я отвѣчаю: «Да, воскресныя школы давно есть, и ихъ много, только онѣ совсѣмъ другія тамъ, чѣмъ наши. То самое по имени, да не то-же самое по дѣлу». Если у нашихъ воскресныхъ школъ есть старая родня гдѣ-то, то это во Франціи конца XVIII вѣка, а не въ Англіи и Америкѣ начала XIX-го. У англійскихъ и американскихъ воскресныхъ школъ главный характеръ менѣе образовательный, чѣмъ нрав-

ственный, и скорѣе назидательный и пасторскій; у насъ онъ—штатскій и гражданскій. У тѣхъ главная идея: «великъ воскресный день—святите его, употребляйте досугъ его на дѣла благочестія и укрѣпленія въ вѣрѣ и добрыхъ нравахъ—на что-же и слѣдуетъ употреблять воскресный день, какъ не на эти хорошія дѣла?» И они, конечно, вполнѣ правы и разумны. Есть-же и у Германіи свои «Andachtsstunden» для воскресныхъ дней. У насъ, въ Россіи, исходная точка воскресныхъ школъ была совѣмъ другая: просто желали пользоваться часами досуга низшаго класса для того, чтобы стараться разсѣевать его невѣжество, дать народу хотя самое начальное, хотя самое маленькое образованіе, грамотность и первое пробужденіе мысли къ житейской истинѣ и свѣту.

Когда, сто лѣтъ тому назадъ, начали совершаться въ Европѣ громадныя перемѣны всего общественнаго строя, и проявлялись, почти впервые, заботы о простомъ народѣ и его интеллектуальности, «Объявленіе правъ человѣка», провозглашенное великимъ народнымъ собраніемъ 1793 года, говорило: «Просвѣщеніе есть потребность всѣхъ; общество должно помогать всѣми своими силами успѣху общественнаго разума и сдѣлать народное просвѣщеніе доступнымъ для каждаго». Вслѣдствіе такой великодушной и грандіозной мысли, тотчасъ постановленъ былъ законъ, по которому первоначальное образованіе было объявлено *даровымъ* и *обязательнымъ* для всѣхъ. Назначены были строгіе и большіе штрафы тѣмъ родителямъ, которые не будутъ посылать своихъ дѣтей учиться въ школу. Но великія свѣтлыя начинанія французскаго народнаго собранія не достигли желаемаго успѣха тотчасъ-же: наступила эпоха наполеоновскихъ войнъ, баталій, бойнь, для которыхъ вовсе не требовалось отъ паціентовъ и производителей ихъ—ни разсудка, ни грамоты, а только здоровыхъ и крѣпкихъ рукъ, да кулаковъ какъ можно побольше. На придачу, прежнія крѣпостниче-

скія привычки старинной Франціи одолѣвали, и каждый крестьянинъ слишкомъ привыкъ посылать своихъ ребятишекъ на работу въ поле, а не на ученіе въ классъ; наконецъ, консервативный характеръ главной массы націи, тяготящейся всякимъ новымъ требованіемъ интеллигентности, какъ безпокойной обузой— все это сдѣлало то, что благодѣтельныя постановленія 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія скоро подернулись мракомъ забвенія. Уже только, когда прошла бѣлая горячка и бредъ наполеоновскихъ нашествій, когда всѣ немного отдохнули отъ безумныхъ варварскихъ дѣлъ, долго чтившихся именемъ «великихъ», стала наступать мало-по-малу полоса разсудка, и стали распространяться по лицу Европы лучшія французскія мысли конца прошлаго столѣтія. Всѣхъ сильнѣе принялись за пропаганду ученія, *даровою* и *обязательнаго*, страны протестантскія: разныя германскія государства, Швеція, Англія, Америка. Въ Пруссіи, уже съ 1819 года, установлены были великіе штрафы и взысканія за непосылку дѣтей въ школу. Австрія, по наружности, какъ-будто тоже не отставала отъ общаго движенія, но, будучи страной католической, на самомъ дѣлѣ вовсе не наблюдала строго и послѣдовательно за выполненіемъ обязательности образованія. Но, какъ-бы ни было, это образованіе, втеченіе второй четверти нашего столѣтія, сильно подвинулось впередъ повсюду.

Подвинулось оно втеченіе столѣтій даже и у насъ. Что мудренаго? Иначе и быть не могло, коль скоро еще великій князь Ярославъ, лѣтъ 900 тому назадъ, хлопоталъ о школахъ и ученьи, о списываніи псалтырей и часослова, Иванъ Грозный самъ былъ великій начетчикъ и охотникъ до книгъ, Петръ I и Екатерина II толпами посылали дѣтей въ разныя школы, штатскія, военныя, духовныя и техническія всякаго рода. Все это было прекрасно и благодѣтельно, но за тысячу верстъ было еще далеко отъ того, что́ однажды на

нашемъ вѣку затѣяли русскія воскресныя школы. Новый рельсъ ихъ былъ не то что лучше, или шире, или выше прежнихъ, а пролегалъ по совершенно другимъ мѣстностямъ, да и колеса у машины были иныя, и вертѣлись иначе. Хорошихъ, честныхъ, свѣтлыхъ доброжелателей на пользу народа всегда бывало не мало, и они своими усиліями дѣлали что могли, въ розницу и въ одиночку, каждый на своемъ мѣстѣ. Но когда это бывало, чтобы цѣлое народонаселеніе, само собою, цѣлыми громадными массами, въ томъ числѣ всѣ *имущіе* и *сильные*, встало и пошло помогать остальнымъ, *неимущимъ*, *бѣднымъ* и *слабымъ*, искало-бы слиться съ ними, и, подхвативъ подъ-руки и подъ-мышки, тащило бы ихъ вверхъ, изъ глубины болота, страданія и невѣжества. Такого другого примѣра, кажется, не найти нигдѣ въ исторіи. Тутъ русскій высшій и средній классъ общества вдругъ началъ дѣлать, бодро и смѣло, самоотреченно, то, что за 250 лѣтъ раньше,召нинъ и его товарищи дѣлали въ Нижнемъ-Новгородѣ. Только тамъ была всего одна минута увлеченія, страсти, энтузіазма на площади. И она продолжалась короткій срокъ. Теперь она длилась долго-долго, пока ее не потушили насильно, и она совершалась безъ всякой парадной, высокой, увлекательной обстановки, но въ тысячахъ разсыпанныхъ по всей Россіи домовъ и бѣдныхъ квартиръ, силою маленькихъ сборищъ, капельныхъ людскихъ группъ. Всякій, летѣвшій помогать, отдавалъ не золото, не серебро, не деньги, не товаръ, не мѣшки хлѣба и груды вещей,—нѣтъ, отдавалъ самого себя, свой умъ, свою душу и сердце, лучшія свои помышленія, всякое знаніе, накопленное еще съ дѣтства, все, что набралось за долгіе годы внутри, самаго лучшаго и дорогого. Такого порыва энтузіазма, вдохновенія, пламенной страстности на помощь спящей интеллигенціи—не видано еще было никогда въ исторіи.

Прежде, когда хотѣли помогать ученью, знанію,

VII.

Но, одновременно съ дѣятельностью на помощь падшимъ женщинамъ въ Калинкинской больницѣ, совмѣстно съ княжною Дондуковою-Корсаковой, у моей сестры была, въ началѣ 60-хъ годовъ, еще другая дѣятельность, подобная первой.

«У княжны Дондуковой, пишетъ моя сестра въ «Запискахъ», познакомилась я съ графиней Ламбертъ, дочерью бывшаго при Николаѣ I министра финансовъ, графа Канкрина. Въ отчаяніи отъ потери единственнаго, 18-лѣтняго сына, и много настрадавшись отъ личныхъ несчастій, она искала какой-нибудь дѣятельности, которая была-бы полезна для другихъ и способна была-бы поглощать всю ея жизнь. Вотъ она и устроила, на Фурштадтской, домъ для такъ-называемыхъ «Магдалинъ», т.-е. женщинъ, покаявшихся въ прежней безобразной своей жизни и ремеслѣ. Все было здѣсь прекрасно устроено матерьяльно, но система была принята довольно неумѣлая. Туда поступали для того, чтобы избавиться отъ страшнаго «желтаго билета», полицейско-медицинскаго. Несчастныя дѣвушки желали сбросить съ себя весь ужасъ своей горькой жизни и начать опять заработокъ честнымъ трудомъ. Конечно, туда приходили добровольно, конечно, очень многія приходили съ трудомъ, хотя желаніе было у нихъ и сильное, но сбросить жизнь безобразную очень, очень трудно: тамъ была роскошь грязная и праздность жестокая, тамъ онѣ ходили въ шелку, бархатѣ, здѣсь въ ситцевыхъ платьяхъ и толстомъ бѣльѣ; тамъ—вино, здѣсь—вода; тамъ—ничегонедѣланье и постоянное гулянье, катанье и такъ далѣе, здѣсь—работа съ 7 часовъ утра и регулярная жизнь. Все это-бы ничего, надо было, конечно, пріучать ихъ къ трудовой жизни, отъ которой онѣ совершенно отвыкли, но нельзя было только-что поступавшимъ чи-

тать все только моральныя книги, надъ которыми онѣ подсмѣивались, зѣвали и, можно сказать, засыпали. А главное, нельзя было такъ сразу лишать ихъ совершенно свободы. Ихъ запирали въ домъ и выпускали лишь въ садъ домовый, и въ комнатахъ даже слѣдили за каждымъ ихъ шагомъ: это было многимъ не въ моготу. Очень рѣдкія могли выдерживать такое испытаніе, многія уходили.

«Я помню, какъ меня поразила одна молодая дѣвушка, всего 16-ти лѣтъ, которая въ одинъ изъ вторниковъ моего дежурства пріѣхала къ намъ въ пріютъ. Она была чудесна своей красотой, но совершенно больная. Она начала говорить со мною просто озлобленно. Но черезъ часъ, можетъ быть, видя мое искреннее къ ней сочувствіе, она совершенно измѣнилась: она откровенно стала разсказывать мнѣ свою грустную исторію. Она осталась сиротою на 15-мъ году и повѣрила ласкамъ сосѣда, уже не молодого, отставного полковника, который, насмѣясь надъ нею, черезъ мѣсяцъ заявилъ, что по дѣламъ долженъ уѣхать въ деревню, и сказалъ, что поручитъ ее своей теткѣ, куда и отвезъ въ тотъ-же вечеръ. Но «тетка» оказалась содержательницею развратнаго дома. Здѣсь съ нею безбожно поступили, и оттуда, благодаря Бога, ей удалось убѣжать черезъ мѣсяцъ, а объ этомъ негодяѣ никогда она ничего не узнала. Такъ вотъ, эта бѣдная дѣвочка, разсказавъ мнѣ все свое прошлое, и видя мое сочувствіе, меня полюбила до безконечности; черезъ годъ испытанія въ пріютѣ, гдѣ она совершенно отличалась отъ прочихъ, несчастныхъ во всѣхъ отношеніяхъ личностей, она поступила на мѣсто портнихой,—сначала въ домъ одного хорошаго семейства, а затѣмъ вышла замужъ и завела свою мастерскую; мужъ ея служилъ въ конторѣ. Года черезъ три онъ получилъ прекрасное мѣсто при одномъ заводѣ около Петербурга, и они стали жить счастливо.

«Я тамъ пробыла два года. Намъ удалось поставить

на ноги и дать совершенную свободу 8-ми дѣвушкамъ, которыя сдѣлались отличными прислугами: 4—горничными, 2—прачками, одна учительницею школы, вышла замужъ и стала прекрасной семьянинкой,—она за мелкимъ купцомъ,—одна нянюшкой; изъ горничныхъ двѣ тоже вышли замужъ, но мужья оказались у нихъ плохи и обѣ жили въ «дешевыхъ квартирахъ». Дѣти и до сихъ поръ еще тамъ въ услуженіи, матери умерли. Вообще, большинство не выдерживало года: онѣ уходили черезъ два-три мѣсяца, и хотя мы знали, что онѣ и не возвращались въ дома терпимости, но все-же вели не совсѣмъ скромную жизнь. У княжны Дондуковой процентъ благопріятныхъ результатовъ былъ больше. Одна-же дѣвушка изъ дома Ламбертъ сдѣлалась сестрою милосердія. Это была дѣвушка чрезвычайно умная и полезная, не говоря о ея самоотверженіи; долго потомъ она работала въ «Красномъ Крестѣ», ассистировала доктора Павлова и другихъ докторовъ при самыхъ трудныхъ операціяхъ. Никто не умѣлъ лучше ея накладывать такія перевязки, ей всегда это поручали, ее такъ и стали звать, для отличія отъ другой Елены, сестрой Еленой-«*атласныя руки*». Но что это была за личность! Умна, образована и человѣчна до безконечности! Мнѣ привелось узнать много такихъ личностей, и при этомъ узнала я много ужасовъ ихъ жизни, ихъ дѣтства, всѣхъ слоевъ общества—крестьянокъ, учительницъ, даже я знала двухъ дѣвушекъ, дочерей одного инженеръ-полковника, третью—дочь генерала, служившаго въ одномъ министерствѣ. Другая молодая дѣвочка, 16-ти лѣтъ, была завлечена по неопытности сладкими словами негодяемъ своимъ учителемъ.

«Но объ этихъ исторіяхъ всего ужаса не перескажешь. И когда я читала «Преступленіе и наказаніе«, я плакала вмѣстѣ съ несчастной Сонею, а романы Золà можетъ быть для меня оттого такъ и глубоки, что я вижу въ нихъ просто фотографическіе

снимки. Мнѣ пришлось разъ выкупать у матери и у пьянаго вотчима, слесаря, 13-лѣтнюю дѣвочку. Тутъ дѣйствовала со мною Анна Павловна Философова; конечно, благодаря ея положенію много что можно было сдѣлать, и намъ помогъ градоначальникъ, генералъ Треповъ. Эта дѣвушка была взята совсѣмъ отъ матери, Анна Павловна помѣстила ее у себя (у ней была тогда огромная квартира, казенная)—это было зимой: вылѣчили ее совершенно, лѣтомъ отвезли ее въ деревню; дѣвочка оказалась способная, очень скоро научилась грамотѣ, стала ходить на птичьемъ дворѣ за птицами, потомъ за молочнымъ хозяйствомъ, была прекрасная огородница, вышла замужъ, выростила дѣтей—и дочь ея сдѣлалась впослѣдствіи сельскою учительницею».

Такимъ образомъ, несмотря на всю трудность, плоды тяжкой человѣчной дѣятельности были далеко не напрасны и давали результаты истинно отрадные. Но дѣятельность собственно филантропическая была только началомъ и преддверіемъ дальнѣйшей, совершенно уже иной дѣятельности моей сестры.

[illegible] встрѣтившую въ кружкахъ [illegible] профессоровъ и педагоговъ, но [illegible] общество литературою... Его нравственная натура была необыкновенно чиста и симпатична, [illegible] мысль глубока и свѣтла. Никто такъ не стремился [illegible] къ благу и помощи [illegible] ...

Съ такими стремленіями, съ такимъ сердцемъ, онъ скоро сошелся съ Пироговымъ, и они оба вмѣстѣ (теперь уже нельзя разобрать, кто раньше задумалъ, кто сказалъ первое слово) — оба вмѣстѣ рѣшили устраивать воскресныя школы въ Кіевѣ. Свѣжая, здоровая, чудесно настроенная университетская молодежь сразу стала ревностною помощницею обоихъ чудесныхъ профессоровъ, и воскресныя школы быстро создались и тотчасъ-же стали размножаться въ Кіевѣ. Добрая половина, много мѣсяцевъ 1859 г. прошли въ приготовленіяхъ, и первая кіевская воскресная школа была открыта на Подолѣ, въ домѣ дворянскаго училища, 11 октября 1859 года; вторая—черезъ 1½ недѣли, 23 октября, третья—лѣтомъ слѣдующаго (1860) года; первая женская школа возникла въ Кіевѣ среди всѣхъ этихъ работъ, по иниціативѣ г-жи Нельговской, 31 января 1860 года.

Но слишкомъ сомнительно, чтобы и Павловъ и Пироговъ знали что-нибудь о воскресныхъ школахъ, возникшихъ въ Россіи, въ Петербургѣ и Перми, раньше ихъ кіевскихъ. О тѣхъ слишкомъ мало было извѣстно въ тѣ времена, и въ газетахъ о нихъ вначалѣ вовсе еще не говорилось. Павловъ и Пироговъ создали свою кіевскую школу самостоятельно, независимо отъ всѣхъ другихъ, по своей собственной иниціативѣ. Употребленіе-же *воскресенія*, единственнаго свободнаго дня у народа, спеціально на школу, на ученье, было по тогдашнимъ временамъ и обстоятельствамъ слишкомъ естественно и просто, мысль о томъ носилась, можно сказать, въ воздухѣ.

Но Павлову не привелось присутствовать на открытіи задуманныхъ и устроенныхъ имъ школъ. Онъ съ осени 1859 года переѣхалъ уже въ Петербургъ и занялъ мѣсто преподавателя въ училищѣ правовѣдѣнія. Изъ «Записокъ» Владиміра Михайловича Козлова мы знаемъ, что когда его потомъ спрашивали, какъ онъ могъ рѣшиться промѣнять университетъ на привиллегированное заведеніе, онъ отвѣчалъ, что мѣнялъ не университетъ на училище правовѣдѣнія, а губернскій городъ на столицу. И въ самомъ дѣлѣ, легко было понять, что разница была большая, и что для той дѣятельности, которая у него была въ головѣ, Петербургъ гораздо поболѣе значилъ, чѣмъ Кіевъ.

Въ Петербургѣ Павловъ тотчасъ началъ продолжать свою кіевскую дѣятельность, и мы видимъ, что это отчасти изображено въ «Запискахъ» моей сестры. Мы остановились тамъ на первой встрѣчѣ ея съ Павловымъ, по рекомендаціи С. А. Ольхина. «Павловъ совершенно *увлекъ меня*, разсказываетъ она. Конечно, я тутъ-же согласилась принять участіе въ воскресныхъ школахъ. Онъ сказалъ, что у нихъ дѣло уже совсѣмъ налажено, для задуманной *женской* школы испрошено разрѣшеніе *) и что немедленно должны начаться занятія; что помѣщеніе уже отыскано, а именно — солдатскіе классы гальванической роты, которые находились на томъ мѣстѣ (уголъ Садовой и Инженерной), гдѣ теперь зданіе Краснаго креста.

«Въ слѣдующее воскресенье мы и пошли (говорю — мы, потому-что въ этомъ дѣлѣ принимала тоже участіе Полина Кузнецова, впослѣдствіи жена моего брата Дмитрія). Пришли мы, насъ встрѣтилъ Щебальскій, Петръ Карловичъ, Анненковъ, Павелъ Васильевичъ, и офицеръ-инженеръ Сеньковскій, Николай Алексѣевичъ, командиръ гальванической роты, который главнымъ обра-

*) Разрѣшеніе на открытіе этой школы послѣдовало 28 августа 1860 года.

тотъ-же вечеръ пришолъ Павловъ и совершенно увлекъ меня. Конечно, я сейчасъ-же согласилась».

Кто помнитъ тогдашнее время, тогдашнихъ людей и тогдашнія дѣла, непремѣнно скажетъ, я думаю, что вотъ точно такъ навѣрное было и со всѣми. Нельзя было не увлекаться, нельзя было не примыкать сразу, съ радостью и восхищеніемъ, къ тогдашнему почину. Такъ все было здѣсь свѣтло, высоко и поразительно. «Воскресныя школы»—это было нетолько одно изъ самыхъ выдающихся дѣлъ того времени, но одно изъ самыхъ великихъ русскихъ дѣлъ всѣхъ временъ и всѣхъ эпохъ, и однажды, мнѣ кажется, оно будетъ стоять въ лучезарныхъ лучахъ на страницахъ нашей исторіи.

У насъ объ этомъ большомъ дѣлѣ до сихъ поръ еще не имѣютъ, по моему мнѣнію, настоящаго представленія. Его недостаточно оцѣняютъ, да и не могутъ оцѣнить его по достоинству, потому-что не знаютъ, какъ оно началось, какъ продолжалось, чего оно хотѣло, къ чему стремилось и чего достигало. А все тутъ было, между тѣмъ, необыкновенно, ново и оригинально. Иные и по сю пору говорятъ: «Да что тутъ, въ этихъ воскресныхъ школахъ, важнаго и особеннаго? Во-первыхъ, онѣ вовсе не наши, будто-бы самостоятельныя и своеобразныя. Воскресныя школы давно существуютъ вездѣ, всѣ давно ихъ знаютъ. Подите посмотрите на Англію и Америку. Ихъ тамъ видимо-невидимо, Богъ знаетъ сколько и Богъ знаетъ какъ давно. Но никто не выставляетъ ихъ какъ-то особенно на показъ, никто ими особенно не гордится и не величается». На это я отвѣчаю: «Да, воскресныя школы давно есть, и ихъ много, только онѣ совсѣмъ другія тамъ, чѣмъ наши. То самое по имени, да не то-же самое по дѣлу». Если у нашихъ воскресныхъ школъ есть старая родня гдѣ-то, то это во Франціи конца XVIII вѣка, а не въ Англіи и Америкѣ начала XIX-го. У англійскихъ и американскихъ воскресныхъ школъ главный характеръ менѣе образовательный, чѣмъ нрав-

ственный, и скорѣе назидательный и пасторскій; у насъ онъ—штатскій и гражданскій. У тѣхъ главная идея: «великъ воскресный день—святите его, употребляйте досугъ его на дѣла благочестія и укрѣпленія въ вѣрѣ и добрыхъ нравахъ—на что-же и слѣдуетъ употреблять воскресный день, какъ не на эти хорошія дѣла?» И они, конечно, вполнѣ правы и разумны. Есть-же и у Германіи свои «Andachtsstunden» для воскресныхъ дней. У насъ, въ Россіи, исходная точка воскресныхъ школъ была совѣмъ другая: просто желали пользоваться часами досуга низшаго класса для того, чтобы стараться разсѣевать его невѣжество, дать народу хотя самое начальное, хотя самое маленькое образованіе, грамотность и первое пробужденіе мысли къ житейской истинѣ и свѣту.

Когда, сто лѣтъ тому назадъ, начали совершаться въ Европѣ громадныя перемѣны всего общественнаго строя, и проявлялись, почти впервые, заботы о простомъ народѣ и его интеллектуальности, «Объявленіе правъ человѣка», провозглашенное великимъ народнымъ собраніемъ 1793 года, говорило: «Просвѣщеніе есть потребность всѣхъ; общество должно помогать всѣми своими силами успѣху общественнаго разума и сдѣлать народное просвѣщеніе доступнымъ для каждаго». Вслѣдствіе такой великодушной и грандіозной мысли, тотчасъ постановленъ былъ законъ, по которому первоначальное образованіе было объявлено *даровымъ* и *обязательнымъ* для всѣхъ. Назначены были строгіе и большіе штрафы тѣмъ родителямъ, которые не будутъ посылать своихъ дѣтей учиться въ школу. Но великія свѣтлыя начинанія французскаго народнаго собранія не достигли желаемаго успѣха тотчасъже: наступила эпоха наполеоновскихъ войнъ, баталій, бойнь, для которыхъ вовсе не требовалось отъ паціентовъ и производителей ихъ—ни разсудка, ни грамоты, а только здоровыхъ и крѣпкихъ рукъ, да кулаковъ какъ можно побольше. На придачу, прежнія крѣпостниче-

скія привычки старинной Франціи одолѣвали, и каждый крестьянинъ слишкомъ привыкъ посылать своихъ ребятишекъ на работу въ поле, а не на ученіе въ классъ; наконецъ, консервативный характеръ главной массы націи, тяготящейся всякимъ новымъ требованіемъ интеллигентности, какъ безпокойной обузой— все это сдѣлало то, что благодѣтельныя постановленія 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія скоро подернулись мракомъ забвенія. Уже только, когда прошла бѣлая горячка и бредъ наполеоновскихъ нашествій, когда всѣ немного отдохнули отъ безумныхъ варварскихъ дѣлъ, долго чтившихся именемъ «великихъ», стала наступать мало-по-малу полоса разсудка, и стали распространяться по лицу Европы лучшія французскія мысли конца прошлаго столѣтія. Всѣхъ сильнѣе принялись за пропаганду ученія, *даровою* и *обязательнаго*, страны протестантскія: разныя германскія государства, Швеція, Англія, Америка. Въ Пруссіи, уже съ 1819 года, установлены были великіе штрафы и взысканія за непосылку дѣтей въ школу. Австрія, по наружности, какъ-будто тоже не отставала отъ общаго движенія, но, будучи страной католической, на самомъ дѣлѣ вовсе не наблюдала строго и послѣдовательно за выполненіемъ обязательности образованія. Но, какъ-бы ни было, это образованіе, втеченіе второй четверти нашего столѣтія, сильно подвинулось впередъ повсюду.

Подвинулось оно втеченіе столѣтій даже и у насъ. Что мудренаго? Иначе и быть не могло, коль скоро еще великій князь Ярославъ, лѣтъ 900 тому назадъ, хлопоталъ о школахъ и ученьи, о списываніи псалтырей и часослова, Иванъ Грозный самъ былъ великій начетчикъ и охотникъ до книгъ, Петръ I и Екатерина II толпами посылали дѣтей въ разныя школы, штатскія, военныя, духовныя и техническія всякаго рода. Все это было прекрасно и благодѣтельно, но за тысячу верстъ было еще далеко отъ того, что однажды на

нашемъ вѣку затѣяли русскія воскресныя школы. Новый рельсъ ихъ былъ не то что лучше, или шире, или выше прежнихъ, а пролегалъ по совершенно другимъ мѣстностямъ, да и колеса у машины были иныя, и вертѣлись иначе. Хорошихъ, честныхъ, свѣтлыхъ доброжелателей на пользу народа всегда бывало не мало, и они своими усиліями дѣлали что могли, въ розницу и въ одиночку, каждый на своемъ мѣстѣ. Но когда это бывало, чтобы цѣлое народонаселеніе, само собою, цѣлыми громадными массами, въ томъ числѣ всѣ *имущіе* и *сильные*, встало и пошло помогать остальнымъ, *неимущимъ*, *бѣднымъ* и *слабымъ*, искало-бы слиться съ ними, и, подхвативъ подъ-руки и подъ-мышки, тащило бы ихъ вверхъ, изъ глубины болота, страданія и невѣжества. Такого другого примѣра, кажется, не найти нигдѣ въ исторіи. Тутъ русскій высшій и средній классъ общества вдругъ началъ дѣлать, бодро и смѣло, самоотреченно, то, что за 250 лѣтъ раньше, Мининъ и его товарищи дѣлали въ Нижнемъ-Новгородѣ. Только тамъ была всего одна минута увлеченія, страсти, энтузіазма на площади. И она продолжалась короткій срокъ. Теперь она длилась долго-долго, пока ее не потушили насильно, и она совершалась безъ всякой парадной, высокой, увлекательной обстановки, но въ тысячахъ разсыпанныхъ по всей Россіи домовъ и бѣдныхъ квартиръ, силою маленькихъ сборищъ, капельныхъ людскихъ группъ. Всякій, летѣвшій помогать, отдавалъ не золото, не серебро, не деньги, не товаръ, не мѣшки хлѣба и груды вещей,—нѣтъ, отдавалъ самого себя, свой умъ, свою душу и сердце, лучшія свои помышленія, всякое знаніе, накопленное еще съ дѣтства, все, что набралось за долгіе годы внутри, самаго лучшаго и дорогого. Такого порыва энтузіазма, вдохновенія, пламенной страстности на помощь спящей интеллигенціи—не видано еще было никогда въ исторіи.

Прежде, когда хотѣли помогать ученью, знанію,

отыскивали домъ, комнату, нанимали туда учителя, платили, присылали бумагу, тетради, перья, и потомъ спокойно ждали, сидя у себя дома, въ удобныхъ креслахъ, добрыхъ результатовъ. Эти люди издали поглядывали, выслушивали доклады о томъ, какъ печка топится, какъ градусы тепла поднимаются, какъ морозъ таетъ, какъ комната теплѣетъ. Теперь пришло другое время. Теперь тѣ, кто задумалъ помогать, встали своими собственными ногами и пошли, протянули свои собственныя руки и понесли съ собой серпы, грабли и лопаты, знаніе, энергію, доброжелательство, сами стали сѣять, орать и пахать на своемъ любезномъ дорогомъ полѣ. Это было не дѣло филантропіи и благотворительности, а собственное свое дѣло, наполняющее всю мысль и заботу, вызывающее наружу всѣ силы, всю непоколебимую, горящую огнемъ дѣятельность.

Нѣтъ на свѣтѣ дѣла выше, сильнѣе и лучше того дѣла, которое дѣлается даромъ, безъ всякой надежды на плату и награду, на милость, улыбку и одобреніе.

Воскресныя школы просуществовали у насъ всего 2 года, но и въ этотъ періодъ никто никогда не видалъ въ общей, всенародной работѣ на нихъ, хотя одну минуту усталости, равнодушія или ослабленія духа. Какъ тронулись горячія упряжки съ мѣста въ первое мгновеніе, такъ неслись потомъ и все время, дружно, мощно, не сдавая ни единаго шага. Только взрываемые камни летѣли по сторонамъ дождемъ.

Совершенно несправедливо, даже и до сихъ поръ существующее у насъ повсюду мнѣніе, будто воскресныя школы родились у насъ сначала въ Кіевѣ и потомъ, укрѣпившись и выросши тамъ, стали распространяться по всей Россіи. Нѣтъ, это не такъ было. Народились онѣ за цѣлый годъ раньше, а гдѣ именно—въ Петербургѣ.

Кто ихъ началъ? Не кіевскіе профессора и не кіевская университетская молодежь, въ 1859 году, какъ

обыкновенно думаютъ, а молодые петербургскіе офицеры (преимущественно инженерные), во второй половинѣ 1858 г. Во главѣ ихъ всѣхъ стоялъ молодой инженеръ, баронъ Косинскій. Они задумали и сообща устроили такъ-называемую «таврическую школу». Но это была еще не собственно *воскресная*, а *ежедневная* школа, только главная черта ея физіономіи была та, что не было постороннихъ учителей, по найму, а учили, собственною своею особою, тѣ самые, кто основалъ школу. Въ «Церковной лѣтописи» журнала «Духовная Бесѣда» 1861 г., оффиціально разсказывается: «Начало таврической школѣ положено было въ 1858 году. Нѣсколько молодыхъ людей, преимущественно офицеровъ, согласились взять на себя безвозмездное, частное *приготовленіе къ гимназіи* небольшого числа самыхъ бѣдныхъ мальчиковъ... Дѣтей было отъ 5 до 7 человѣкъ... Но въ такомъ видѣ школа существовала всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ... Оказалось много дѣтей, желавшихъ поступить въ гимназіи... Но 22 февраля 1859 года школа эта была открыта уже оффиціальнымъ образомъ, съ разрѣшенія попечителя петербургскаго округа, и въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Цѣль школы осталась прежняя: приготовленіе дѣтей къ гимназіи, но уже не къ первымъ классамъ, а къ III-му и IV-му... Спустя нѣкоторое время, школа перестала стѣсняться гимназической программой и поставила себѣ задачей: *служить бѣднымъ дѣтямъ низшаго состоянія*, давая имъ образованіе по возможности полное, которое не отрывало-бы ихъ отъ собственной среды, но тамъ именно приносило-бы имъ существенную пользу. Преподаваніе получило характеръ болѣе реальный...»

Другой, намъ извѣстный, ранній фактъ того-же рода произошолъ въ совершенно другомъ краю Россіи, очень далекомъ и отъ Кіева, и отъ Петербурга. И это уже была на этотъ разъ настоящая *воскресная школа*. Учреждена она по мысли и почину священни-

ковъ. Въ журналѣ подъ названіемъ: «Руководство для сельскихъ пастырей», мы читаемъ (1860, № 11):

«Пермской губерніи, Оханскаго уѣзда, въ Нытвенскомъ князя М. А. Голицына заводѣ, съ 1-го марта 1859 г. существуетъ *воскресная школа* для дѣтей заводскихъ ремесленниковъ. Она учреждена двумя приходскими священниками, при содѣйствіи владѣльческаго управленія... Въ первыя 3—4 воскресенья собралось дѣтей уже около 200 человѣкъ...»

И, что здѣсь особенно замѣчательно, это та доля реальнаго образованія и направленія, которая въ такое раннее начальное время воскресныхъ школъ была внесена въ нытвенскую школу, конечно, прежде всего имѣвшую задачей развитіе религіозное и нравственное:

«Имѣлось въ виду, при случаѣ и къ слову, предлагать свѣдѣнія о явленіяхъ природы, такъ, чтобы при изъясненіи ихъ исходной точкой была премудрость и благость Творца... Было говорено о воздухѣ, о тяжести его, упругости, о дыханіи, о порчѣ воздуха отъ дыханія, горѣнія» и проч.

Далѣе слѣдуетъ первая *женская* воскресная школа, открытая въ апрѣлѣ 1859 года М. С. Шпилевскою, въ Петербургѣ, у себя на дому. Приходящихъ дѣвочекъ у ней бывало до 30.

Только уже послѣ этихъ петербургскихъ и пермскихъ школъ начались кіевскія.

Въ Кіевѣ встрѣтились въ 1859 году три элемента, необыкновенно благопріятные для всякаго важнаго, хорошаго дѣла, въ особенности по части народнаго образованія: это—властная рука, свѣтлая мысль и обиліе исполнительскихъ добрыхъ силъ. Попечителемъ кіевскаго учебнаго округа былъ тогда знаменитый Пироговъ, уставшій отъ своей высокой долголѣтней чудно-благодатной дѣятельности въ качествѣ геніальнаго врача, но наполненный теперь во всемъ существѣ своемъ идеею: столько-же помогать человѣческому духу, сколько онъ

прежде помогалъ человѣческому тѣлу. Всего за 3 года передъ тѣмъ онъ напечаталъ свои «Вопросы жизни», перевернувшіе и устремившіе впередъ всю Россію. Теперь онъ только и думалъ о томъ, какъ-бы принести на самомъ дѣлѣ въ жизнь то, что было прежде у него написано только на бумагѣ, и разрѣшать какъ только можно хорошо «вопросы жизни» въ средѣ ввѣреннаго ему уголка русскаго царства. Но у него былъ подъ крылышкомъ, въ его кіевскомъ университетѣ, молодой 34-лѣтній профессоръ, который не только носилъ длиный и громкій титулъ: «докторъ историческихъ наукъ, политической экономіи и статистики, экстраординарный профессоръ, преподаватель русской исторіи въ кіевскомъ университетѣ», но искренно полонъ былъ мысли объ исторіи и внутренней жизни народовъ, всего болѣе народа русскаго, и живо понималъ, чего ему среди всѣхъ остальныхъ недочетовъ и лишеній всего болѣе недостаетъ — просвѣщенія. Это былъ Плат. Вас. Павловъ, всего только недавно, въ 1895 г., скончавшійся въ Петербургѣ, въ Маріинской больницѣ, но уже у насъ почти совершенно забытый и всѣ послѣдніе годы своей жизни упорно игнорируемый.

Но Павловъ былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ, даровитѣйшихъ и полезнѣйшихъ людей нашего времени, чему служитъ блестящимъ доказательствомъ его сильно-талантливая и полная мысли книга о «Борисѣ Годуновѣ» (1850). Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ одинъ изъ тѣхъ людей съ золотымъ сердцемъ, какіе рѣдко встрѣчаются на свѣтѣ. Одинъ изъ современниковъ его, свидѣтель его жизни (да заразъ и родственникъ его), Вл. Мих. Козловъ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Пл. Вас. Павловѣ» (еще покуда не напечатанныхъ), говоритъ про него, за періодъ первой половины 50-хъ годовъ: «Въ это суровое время крѣпостного права, Пл. Вас. Павловъ, когда пріѣзжалъ къ намъ изъ Кіева въ имѣніе моего отца, Орловской губерніи, вносилъ въ нашу

семью идею гуманности, исповѣдуемую въ кружкахъ лучшихъ тогдашнихъ профессоровъ и педагоговъ, но еще робко проводимую въ общество литературою... Его нравственная натура была необыкновенно чиста и симпатична, его мысль глубока и свѣтла. Никто такъ не стремился, какъ онъ, къ благу и помощи людямъ»...

Съ такимъ строемъ понятій, съ такимъ сердцемъ, онъ скоро сошелся съ Пироговымъ, и они оба вмѣстѣ (теперь уже нельзя и разобрать, кто раньше задумалъ, кто сказалъ первое слово)—оба вмѣстѣ рѣшили устраивать воскресныя школы въ Кіевѣ. Свѣжая, здоровая, чудесно настроенная университетская молодежь сразу стала ревностною помощницею обоихъ чудесныхъ профессоровъ, и воскресныя школы быстро создались и тотчасъ-же стали размножаться въ Кіевѣ. Добрая половина, много мѣсяцевъ 1859 г. прошли въ приготовленіяхъ, и первая кіевская воскресная школа была открыта на Подолѣ, въ домѣ дворянскаго училища, 11 октября 1859 года; вторая—черезъ 1½ недѣли, 23 октября, третья—лѣтомъ слѣдующаго (1860) года; первая женская школа возникла въ Кіевѣ среди всѣхъ этихъ работъ, по иниціативѣ г-жи Нельговской, 31 января 1860 года.

Но слишкомъ сомнительно, чтобы и Павловъ и Пироговъ знали что-нибудь о воскресныхъ школахъ, возникшихъ въ Россіи, въ Петербургѣ и Перми, раньше ихъ кіевскихъ. О тѣхъ слишкомъ мало было извѣстно въ тѣ времена, и въ газетахъ о нихъ вначалѣ вовсе еще не говорилось. Павловъ и Пироговъ создали свою кіевскую школу самостоятельно, независимо отъ всѣхъ другихъ, по своей собственной иниціативѣ. Употребленіе-же *воскресенія*, единственнаго свободнаго дня у народа, спеціально на школу, на ученье, было по тогдашнимъ временамъ и обстоятельствамъ слишкомъ естественно и просто, мысль о томъ носилась, можно сказать, въ воздухѣ.

Но Павлову не привелось присутствовать на открытіи задуманныхъ и устроенныхъ имъ школъ. Онъ съ осени 1859 года переѣхалъ уже въ Петербургъ и занялъ мѣсто преподавателя въ училищѣ правовѣдѣнія. Изъ «Записокъ» Владиміра Михайловича Козлова мы знаемъ, что когда его потомъ спрашивали, ка́къ онъ могъ рѣшиться промѣнять университетъ на привиллегированное заведеніе, онъ отвѣчалъ, что мѣнялъ не университетъ на училище правовѣдѣнія, а губернскій городъ на столицу. И въ самомъ дѣлѣ, легко было понять, что разница была большая, и что для той дѣятельности, которая у него была въ головѣ, Петербургъ гораздо поболѣе значилъ, чѣмъ Кіевъ.

Въ Петербургѣ Павловъ тотчасъ началъ продолжать свою кіевскую дѣятельность, и мы видимъ, что это отчасти изображено въ «Запискахъ» моей сестры. Мы остановились тамъ на первой встрѣчѣ ея съ Павловымъ, по рекомендаціи С. А. Ольхина. «Павловъ совершенно *увлекъ меня*, разсказываетъ она. Конечно, я тутъ-же согласилась принять участіе въ воскресныхъ школахъ. Онъ сказалъ, что у нихъ дѣло уже совсѣмъ налажено, для задуманной *женской* школы испрошено разрѣшеніе *) и что немедленно должны начаться занятія; что помѣщеніе уже отыскано, а именно — солдатскіе классы гальванической роты, которые находились на томъ мѣстѣ (уголъ Садовой и Инженерной), гдѣ теперь зданіе Краснаго креста.

«Въ слѣдующее воскресенье мы и пошли (говорю — мы, потому-что въ этомъ дѣлѣ принимала тоже участіе Полина Кузнецова, впослѣдствіи жена моего брата Дмитрія). Пришли мы, насъ встрѣтилъ Щебальскій, Петръ Карловичъ, Анненковъ, Павелъ Васильевичъ, и офицеръ-инженеръ Сеньковскій, Николай Алексѣевичъ, командиръ гальванической роты, который главнымъ обра-

*) Разрѣшеніе на открытіе этой школы послѣдовало 28 августа 1860 года.

зомъ и добылъ это помѣщеніе для школы. Была тутъ и Блумеръ, были мать и дочь Андреевы, былъ В. В. Михайловъ, былъ и Павловъ и еще много, много пришло учащихся дѣвушекъ. Это была *женская* школа.

«Помѣщеніе наше состояло изъ двухъ большихъ комнатъ въ нижнемъ этажѣ, стѣны были выкрашены масляною краской до половины, полы простые, всегда отъ ногъ приходящихъ — въ пескѣ; черные большіе классные столы и скамейки; были и стулья; въ каждой комнатѣ по географической большой картѣ, по большой доскѣ, по шкапу для тетрадей и книгъ, по машинкѣ для воды и большіе стоячіе счеты.

«Стали распредѣлять учениць, и каждая учительница брала себѣ партію; учительниць было, если не ошибаюсь, шесть: Полина, я, Блумеръ, Андреевыхъ двѣ и, еще, Дылевская; но была еще одна дама — не помню кто»...

Въ своей «Запискѣ», о которой рѣчь будетъ еще не разъ ниже, Пол. Ст. Стасова поименовываетъ, сверхъ указанныхъ здѣсь, еще слѣдующихъ участниць въ женской воскресной школѣ въ помѣщеніи гальванической роты: О. И. Попова (потомъ Кларкъ), двѣ барышни Бибиковы. Учителями были: Бульмерингъ и Тыртовъ, А. К. Павлова (впослѣдствіи замужемъ за А. И. Европеусомъ). «Она была у насъ библіотекаремъ, говоритъ П. С. Стасова, и завѣдывала учебными пособіями, которыя въ изобиліи приносились учащими»...

Распорядителями были: Щебальскій, Анненковъ и инженеръ Сеньковскій. Мы принялись за занятія.

«У меня было около 15 учащихся дѣвочекъ. Всѣ онѣ были подвѣдомственны ремесленной управѣ, такъ-какъ всѣ наши учащіяся были изъ учениць и мастериць всевозможныхъ магазиновъ, начиная съ 12-ти лѣтняго возраста и до 30 лѣтъ включительно *) Всѣ

*) С.-петербургская ремесленная управа принимала такое участіе въ воскресныхъ школахъ, что отъ мая 1860-го до

сословія принимались, несмотря на то, что устроено все было главнымъ образомъ для фабричныхъ и мастерскихъ. Между учащимися были двѣ старовѣрки, очень способныя, изъ магазина Флоранъ (бѣлошвейки), а также бывали и изъ другихъ магазиновъ.

«Какія тутъ случались тогда столкновенія съ магазинами! Припоминаю, напримѣръ, исторію съ бѣлошвейнымъ магазиномъ Eugénie, въ Большой Морской (теперь уже давно не существующимъ). Хозяйка была личность совсѣмъ глухая, говорила она посредствомъ трубы, француженка пожилая, злая, очень некрасивая, но съ очень выдающимися чертами лица. Она вздумала не отпускать своихъ дѣвочекъ въ классы; и стали онѣ манкировать, приходить черезъ разъ; спрашивали товарокъ — отчего такой-то и такой-то нѣтъ? «Не пускаютъ, заставляютъ дежурить». — «Въ чемъ дежурство?» — «Надо полы и всю квартиру вымыть».—«Въ воскресенье!» — Ѣду въ магазинъ и вызываю г-жу Eugénie, прошу освобождать отъ дежурства по воскресеньямъ, какъ было сдѣлано условіе ремесленной управою со всѣми магазинами, и все мытье производить по субботамъ. На это получаю такой отвѣтъ: «А, онѣ жалуются!» — «Совсѣмъ нѣтъ; я спросила: отчего не приходятъ, и узнала, что по случаю дежурства, которое и прошу измѣнить». — «Да, да, это просто мука съ этими негодницами! Могла-бы сказать, что больна. Зачѣмъ ей говорить, что дежуритъ! Ахъ, Боже мой, просто мука! Вотъ теперь запрещено ихъ бить, такъ онѣ намъ и сѣли на шею; а вотъ прежде бывало—оттаскаешь за вихры, такъ и не смѣетъ все разсказывать». Но съ какою это все зло-

---

конца января 1861 года по ея иниціативѣ устроено и открыто цѣлыхъ 8 такихъ школъ: въ зданіяхъ 1-й, 2-й, 3-й и ларинской гимназій, вознесенскаго уѣзднаго училища, института корпуса путей сообщенія—всѣ *мужскія*; въ домахъ 2-й гимназіи и маріинскаго женскаго училища—*женскія*.

В. С.

бою, съ какимъ крикомъ говорилось. Прелесть! Но зато съ какой любовью дѣти и взрослыя бѣжали учиться, несмотря на то, что жестокія хозяйки магазиновъ (къ сожалѣнію, мы это не скоро узнали), чтобы заставить ихъ не уходить, лишали ихъ обѣда, говоря, что нельзя приготовить обѣда къ 12-ти часамъ,—классы начинались въ часъ, послѣ обѣдни...»

Подобныя-же сцены рисуетъ и П. С. Стасова, въ своихъ прекрасныхъ «Воспоминаніяхъ» о моей сестрѣ,—очень живописныхъ и правдивыхъ, такъ-какъ она часто сопровождала мою сестру въ подобнаго рода поѣздкахъ и розысканіяхъ.

«И все это дѣвочки переносили въ 60-хъ годахъ, продолжаетъ моя сестра. Вотъ какое вдругъ выросло стремленіе къ знанію! А вѣдь это все были люди низшаго сословія. Что же было тому причиною? То, что учителя отдавали всю свою душу, были дѣйствительно полны гуманнымъ чувствомъ, и приходящія глубоко чувствовали, что онѣ въ воскресныхъ школахъ найдутъ и ласку, и науку—не схоластическую. Обѣ стороны бѣжали другъ къ другу, не гнушались, хотѣли быть друзьями, облегчить трудъ и тяжесть будничной мрачной жизни. Какое было время! И какъ оно было коротко! Тяжело объ этомъ вспоминать. Кто знаетъ, авось оно опять когда-нибудь придетъ...

«Вотъ еще эпизодъ съ магазиномъ Флоранъ. Вмѣсто 12-ти часовъ тогда постановленной работы, въ магазинахъ работали 14—16, и даже часто 18 часовъ, если были спѣшные заказы. Вслѣдствіе этого происходили истощеніе, болѣзни. Однажды одна изъ учениць заболѣла, не приходитъ. Спрашиваю у ея товарокъ: отчего два воскресенья ея нѣтъ?—«Больна». Ѣду въ магазинъ, прошу показать мнѣ, гдѣ она лежитъ, и что-же вижу? Подѣланы нары, да не въ одинъ рядъ надъ поломъ, а *въ два*, что было строго запрещено; а на каждой нарѣ не *два*, а *три* помѣщенія (постели) *врядъ*, что было тоже запрещено. Въ комнатѣ этой,

гдѣ дѣвочки спятъ на нарахъ по три, внизу стоятъ ихъ сундуки, и на нихъ тоже спять другія, потому-что не все число ученицъ помѣщается на нарахъ, не хватаетъ мѣста имъ всѣмъ, комната мала. Посреди-же комнаты стояло два стола, на которыхъ работаютъ тѣ-же дѣти, ученицы перваго года. Можно себѣ представить воздухъ этой комнаты, несмотря на то, что безпрестанно открываютъ форточки. А открываютъ потому, что въ сосѣдней комнатѣ устроена паровая прачешная, отъ которой паръ валитъ и застилаетъ свѣтъ, по вечерамъ, особенно, когда зажигаются лампы, такъ-что работающія сидятъ между паромъ и открытой форточкою. Отъ всего этого, кромѣ прочихъ болѣзней, у всѣхъ 24 дѣвочекъ вѣчныя болѣзни глазъ. Кормили всѣхъ дѣтей, по отзыву самихъ ученицъ, хорошо. Такъ вотъ, пріѣхала я въ этотъ магазинъ, чтобы навѣстить больную дѣвочку, ей было 13 лѣтъ (Аннушку Зубцову, дочь унтера заслуженнаго, у котораго вся грудь была въ орденахъ. Онъ былъ съ Кавказа, славный человѣкъ, но больной). Спрашиваю позволенія на нее взглянуть. Вотъ допустили въ ихъ внутреннее помѣщеніе, чего обыкновенно не дозволяютъ, — потому-что у меня была записка отъ Ремесленной управы. Взошла я, подвели меня къ однимъ изъ наръ, но оказалось, что тамъ лежала больная дѣвочка, тоже Анна, но другая, захворавшая только два дня тому назадъ, а Зубцова уже недѣля какъ отправлена въ больницу. Спрашиваю—въ какую? Говорятъ: въ Измайловскій полкъ, въ 1-ую роту, въ больницу чернорабочихъ. Спросила, какая болѣзнь? Говорятъ: воспаленіе. Ѣду во вторникъ, впускной день, въ больницу. Меня впустили сейчасъ, какъ только я пріѣхала, но всѣхъ ожидавшихъ у воротъ мужиковъ и бабъ еще долго заставили ждать. Взойдя въ переднюю, я попросила у дежурнаго доктора позволенія навѣстить Зубцову; мнѣ дали провожатаго—сторожа и изъ богатой передней (это былъ въ прежнія времена домъ

Екатерининскаго Потемкина) взошли мы черезъ маленькую, замаскированную колоннами дверь, которая отворялась просто блокомъ на веревкѣ, въ палату. У двери стояли довольно невзрачныя ширмы; палата полукруглая, циркулемъ, съ тремя окнами, и эта наружная стѣна была очень сырая, а между оконъ и подъ ними даже были видны пятна плѣсени. Палата очень высокая, кровати размѣщены не тѣсно — ихъ было всего 8, всѣ по одной стѣнѣ, такъ-какъ наружная вся въ окнахъ съ узкими простѣнками. Нахожу мою Аннушку Зубцову—блѣдную, худую, совершенно безсильную, съ тяжелымъ кашлемъ; помѣщалась она между двухъ огромныхъ бабъ: у одной отнимали ногу гангренную, а у другой сильный былъ тифъ, и между ними моя бѣдная дѣвочка; все это — въ перемежку, безъ опредѣленныхъ палатъ по болѣзнямъ. Всюду — и въ этой, и въ слѣдующихъ палатахъ шумъ, гамъ, сидѣлки кричатъ, бѣгаютъ, стучатъ входною дверью, которую съ размаха отворятъ и бросятъ, и блокъ съ громомъ опустится, такъ-что кровати затрясутся. Фельдшера тоже съ шумомъ вбѣгаютъ, неся корзины съ лѣкарствами, которыя звучатъ, болтаясь въ корзинѣ. Они поспѣшно шарятъ, выкликаютъ имя больной, чтобы указать сидѣлкѣ, что вотъ это для той-то и для той-то, а потомъ поспѣшно пробѣгаютъ дальше; и имъ, и сидѣлкамъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до того—дремлетъ или нѣтъ больная. И вотъ, при такомъ шумѣ, когда фельдшеръ подошолъ съ лѣкарствомъ къ бѣдной женщинѣ, у которой отняли ногу и которая дремала,—она проснулась, вздрогнула и начала страшно стонать, такъ-что я едва удерживала слезы, думая, что, вѣрно, и перевязка, и операція были столь-же деликатны, какъ это обращеніе фельдшера и всей прислуги. Я подумала: «А что должно происходить на войнѣ, или при эпидеміяхъ — холерныхъ, чумныхъ, тифозныхъ?» Все это, пока я сидѣла у моей бѣдной больной, меня возмущало до глубины

души, это варварское обращеніе съ рабочимъ людомъ вообще, и съ такимъ молодымъ истощеннымъ существомъ, какъ моя Аннушка, у которой обѣ сосѣдки должны были невольно отнимать, вытягивать послѣднія силы. Сидѣла я и думала: «Что дѣлать, куда-бы мнѣ ее дѣть?» Входитъ дежурный докторъ, обращаюсь къ нему съ вопросомъ: «какъ онъ думаетъ про больную?» Въ отвѣтъ получаю, что, слава Богу, воспаленіе прервано, но что она такъ истощена и такъ ослабла, что онъ не ручается ни за что. Я ему указываю на то, что и комната, и сосѣдство никакъ не способствуютъ возстановленію силъ, что нельзя-ли перемѣстить ее въ верхній этажъ, что тамъ, вѣроятно, лучше. На это докторъ отвѣчаетъ, что онъ не имѣетъ права, что тамъ помѣщаютъ только по особому распоряженію завѣдующаго и что его нѣтъ въ Петербургѣ. Онъ сказалъ еще, что его совѣтъ — взять больную, а то она тутъ зачахнетъ. Я была просто въ отчаяніи отъ этихъ порядковъ, сказала доктору, что готова уплатить за помѣщеніе, но онъ повторялъ, что не можетъ распорядиться, и видно было, что онъ говорилъ правду, и самъ страдалъ отъ того, что не вправѣ что либо сдѣлать...» Моей сестрѣ удалось потомъ, при помощи ея пріятеля, доктора нашего семейства, Реймера, вылѣчить и пристроить эту бѣдную дѣвочку.

«Но больница меня глубоко затронула, продолжаетъ въ «Запискахъ» моя сестра,—мысль о бѣдныхъ вѣчныхъ труженикахъ, не имѣющихъ во время болѣзни ни ухода, ни настоящей больницы, между тѣмъ какъ съ нихъ постоянно берутъ больничный сборъ, не давала мнѣ покоя. И вотъ, черезъ недѣлю, я рѣшилась написать Императрицѣ, изложить всѣ ужасы больницы и послать мое письмо по городской почтѣ. Я это и сдѣлала. Письмо мое было слѣдующее: «Обращаюсь къ Вамъ не какъ къ Императрицѣ, а какъ къ матери; представьте себѣ, что Вашъ ребенокъ боленъ и лежитъ въ такой больницѣ, въ такой обстановкѣ»;

и при этомъ описала все мною видѣнное, и почему я ѣздила въ больницу, описала школу, работницъ магазина, ихъ трудовую жизнь, упомянула о заслуженномъ старикѣ-отцѣ, бѣднягѣ, получающемъ пенсію въ три рубля, и въ концѣ просила—если не самой съѣздить взглянуть, то послать довѣреннаго человѣка. И что-же? Узнаю черезъ доктора нашего, что и Государь, и Императрица сами ѣздили неожиданно въ эту больницу чернорабочихъ. Каковъ былъ мой восторгъ, когда я узнала, позже, что ассигнованы суммы на постройку новой больницы и съ весны было приступлено къ постройкѣ Александровской больницы для рабочихъ.—Ура! Вотъ что сдѣлали воскресныя школы, вотъ что значитъ сближеніе съ разными слоями общества...»

Со времени пріѣзда Пл. Вас. Павлова въ Петербургъ воскресныя школы стали нарождаться и разростаться здѣсь съ удивительною быстротой. Къ этой чудесной, великодушной мысли всѣ были наклонны, и старъ, и младъ, и мужчины, и женщины, и частные люди, и чиновники, и администрація, и военные, и духовенство, и купцы, и мѣщане, и ремесленники, и простой народъ. Сколько ни открывали воскресныхъ школъ—все было мало: приходящихъ людей, жаждущихъ учиться—было безъ конца. И школы все росли да росли числомъ. 20 марта 1860 года послѣдовалъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, С. С. Ланского, гдѣ говорилось, что, «по соглашенію съ министромъ народнаго просвѣщенія, онъ находитъ, что учрежденіе народныхъ воскресныхъ школъ должно принести существенную пользу для городскихъ обществъ, и что устройство такихъ школъ, какъ показываетъ опытъ, можетъ быть сдѣлано съ весьма незначительными издержками, а потому онъ и предложилъ начальникамъ губерній обратить на этотъ предметъ вниманіе и представлять министру свои соображенія насчетъ открытія таковыхъ школъ тамъ, гдѣ это представляется возможнымъ».

Въ отвѣтъ на это посыпались изъ всѣхъ губерній безчисленныя представленія объ открытіи школъ въ такихъ-то и такихъ-то мѣстностяхъ. Всѣ эти представленія тотчасъ утверждались, и дѣло шло такими массами, что лишь немного мѣсяцевъ спустя, уже осенью того-же 1860 года, министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ начальникамъ губерній, что «нѣтъ болѣе надобности входить въ министерство съ представленіями объ открытіи новыхъ школъ, а достаточно лишь доводить до свѣдѣнія министерства объ открываемыхъ съ разрѣшенія начальства учебнаго округа школахъ». Въ то-же время министерство народнаго просвѣщенія, «сочувствуя благой цѣли воскресныхъ школъ, столь важныхъ для просвѣщенія рабочаго и ремесленнаго класса», позволило помѣщать школы въ свободныхъ зданіяхъ учебныхъ заведеній. Вслѣдствіе всего этого общаго напора и огня лучшихъ силъ, у командующихъ и у командуемыхъ, втеченіе 1859-го и 1860-го годовъ, открылась громадная масса воскресныхъ школъ повсюду. Въ 1859-мъ году онѣ устроены были (послѣ Петербурга и Кіева): въ Екатеринославѣ и въ Бѣлой церкви (Кіевской губерніи); въ 1860-мъ году: въ Москвѣ, Могилевѣ, Казани, Рязани, Архангельскѣ, Одессѣ, Елизаветградѣ, Полтавѣ, Царскомъ Селѣ, Кронштадтѣ, Нарвѣ, Новгородѣ, Старой Руссѣ, Валдаѣ, Петрозаводскѣ, Псковѣ, Порховѣ, Витебскѣ и др. Тоже движеніе продолжалось и въ 1861 году.

Въ Петербургѣ, послѣ двухъ самыхъ раннихъ школъ *мужской* Таврической (барона Косинскаго), начавшей существовать 22 февраля 1859 г., и *женской* (г-жи Шпилевской)—20 января 1860 г., открыты были, въ маѣ 1860 г., школы въ домахъ уѣздныхъ училищъ: вознесенскаго, владимірскаго, введенскаго, андреевскаго, въ домѣ 1-й *мужской* гимназіи; затѣмъ три *женскія*, въ домѣ 1-й и 2-й гимназій (августъ — сентябрь 1860); 17-го апрѣля 1860 года открыта была воскресная школа въ залахъ фехтовальнаго гимнази-

ческаго кадра; 10 іюня—въ казармахъ гвардейскаго экипажа; 10 іюня—въ казармахъ гальванической роты (*мужская*); 18 іюля, въ домѣ сампсоніевскаго уѣзднаго училища (*мужская*). Наконецъ, 28-го августа 1860 года, разрѣшено открыть, а въ началѣ сентября послѣдовало открытіе—*женской* воскресной школы въ казармахъ гальванической роты. Въ этой послѣдней школѣ работала моя сестра.

Я привелъ все длинное исчисленіе открытія разныхъ воскресныхъ школъ на основаніи оффиціальныхъ документовъ, мною перерытыхъ, чтобы доказать невѣрность тѣхъ показаній, гдѣ про эту послѣднюю школу сказано, будто она была одна изъ самыхъ первыхъ въ Петербургѣ. Нѣтъ, ей тамъ предшествовали уже немало другихъ, въ томъ числѣ и женскихъ.

«Такъ вотъ, въ этой школѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ, продолжаетъ моя сестра, организовался маленькій совѣтъ; предсѣдателемъ его вначалѣ былъ единогласно избранъ Павловъ, но къ сожалѣнію, скоро пришлось замѣнить его другимъ, П. В. Анненковымъ, потому-что Павловъ не умѣлъ справляться съ предсѣдательствомъ, былъ невыносимъ своимъ мямленьемъ. Мы всѣ его уважали, и съ грустью должны были рѣшиться избрать другого на его мѣсто; да и онъ самъ чувствовалъ, что администраторъ онъ плохой. Пришлось избрать Анненкова, Павловъ-же все время продолжалъ нами руководить...» «Мы чуть не съ благоговѣніемъ смотрѣли на него—создателя воскресныхъ школъ въ Кіевѣ, говоритъ Пол. Ст. Стасова въ своей «Запискѣ». Какъ дорого было намъ его слово одобренія и привѣта!..»—«Въ началѣ 60-хъ годовъ, говоритъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» о Павловѣ Влад. Мих. Козловъ, популярность его въ Петербургѣ, среди ученыхъ и профессоровъ, среди молодежи и всей вообще публики, сдѣлалась очень значительна. Его уговорили сдѣлать съ себя фотографію: изобразили его съ книжкой передъ глазами. Карточка эта продавалась

во многихъ фотографическихъ магазинахъ,—тогда-же, кстати, была большая мода на карточки».

Уже осенью 1860-го года почувствована была необходимость открыть классы въ школахъ и по буднямъ: такъ много получалось отовсюду просьбъ объ устройствѣ вечернихъ классовъ. «Въ Самсоніевской и Петербургской школахъ стали просить объ этомъ сами фабричные, прося устроить вечерніе классы съ 8-ми часовъ, когда закрываются фабрики, а гальваническая и гимназическая школы получили такія-же просьбы отъ учениковъ и ученицъ магазиновъ и мастерскихъ. И вотъ, послѣ довольно большихъ хлопотъ, такъ-какъ надо было получить разрѣшеніе въ помѣщеніяхъ и изыскать средства для освѣщенія и прислуги и, вообще, на всѣ двойные расходы, на утро и вечеръ (надо сказать, что въ то время это дѣлалось быстро), въ ноябрѣ 1860-го года уже начались занятія по вторникамъ, четвергамъ и воскресеньямъ—вечеромъ, и былъ принятъ слѣдующій порядокъ: по вторникамъ и воскресеньямъ вечеромъ—объяснительное чтеніе, а по воскресеньямъ утромъ, и вечеромъ въ четвергъ—грамота».

Но въ февралѣ 1861 года министерство народнаго просвѣщенія «признало полезнымъ, въ видахъ установленія единства дѣйствій, дозволить распорядителямъ воскресныхъ школъ собираться разъ или два въ мѣсяцъ во 2-й петербургской гимназіи, въ присутствіи директора училища. Составился совѣтъ: предсѣдателемъ былъ выбранъ П. В. Анненковъ, секретаремъ С. А. Ольхинъ, казначеемъ П. К. Щебальскій; были депутаты и отъ всѣхъ школъ. Депутаткой отъ женской школы въ помѣщеніи гальванической роты была выбрана моя сестра. Учащіеся могли присутствовать при этихъ собраніяхъ, происходившихъ по четвергамъ.

«Собранія эти, замѣчаетъ въ своей «Запискѣ» Пол. Степ. Стасова, мало давали того, въ чемъ мы такъ нуждались, именно практическихъ указаній, какъ ве-

сти дѣло объяснительнаго чтенія, хотя выступали борцами за этотъ вопросъ такіе люди, какъ педагоги Золотовъ, Ремезовъ. Одни отстаивали объясненіе каждаго слова, что̀ завело-бы и учителя, и ученика въ трущобу самыхъ разнородныхъ понятій, и только спутало-бы головы учащихся. Золотовъ стоялъ за обученіе только въ самыхъ узкихъ рамкахъ понятій, а Ремезовъ смѣшилъ сравненіями. Какъ теперь помню объясненіе, которое онъ предполагалъ давать ученикамъ «о ртѣ человѣка»: «между двойнымъ заборомъ (ряды зубовъ) качается подвижной мостъ (языкъ) и проводитъ въ глубокую пещеру». Было и смѣшно, и грустно отъ такихъ рѣчей почтеннаго педагога. Но собранія эти были все-таки очень важны, какъ единеніе людей во имя одной общей идеи, а этимъ-то и дороги они были Надеждѣ Васильевнѣ. Нѣтъ—нѣтъ, да и услышишь что-нибудь дѣльное, хорошее...»

Въ томъ-же родѣ замѣчаніе дѣлаетъ объ этомъ дѣлѣ Н. А. Бѣлозерская.

«Несмотря на полное усердіе со стороны учащихся и искреннее увлеченіе со стороны учащихъ обоего пола, ученіе не могло быть особенно успѣшно, потому-что у большинства преподавателей оказывалось полное неумѣніе взяться за дѣло и отсутствіе какой-бы то ни было системы. Иначе и не могло быть. Руководителей было слишкомъ мало. Въ это время русская педагогика находилась въ зачаточномъ видѣ, слѣпо придерживалась западно-европейскихъ методовъ и системъ, не всегда примѣнимыхъ у насъ, не стѣсняясь никакими противорѣчіями. Только-что выступали на этомъ пути видные, почтенные дѣятели, которымъ суждено было положить основаніе русской самобытной педагогикѣ, выработать свои пріемы и методы обученія. При этихъ условіяхъ, столь-же мало могли принести пользы педагогическія вечернія собранія. Эти собранія усердно посѣщались преподавателями и преподавательницами воскресныхъ школъ, но слушатели,

за немногими исключеніями, наврядъ-ли выносили много цѣльнаго и опредѣленнаго изъ длинныхъ, нерѣдко безпочвенныхъ и даже не всегда ясныхъ рефератовъ. Тѣмъ не менѣе, воскресныя школы, несмотря на свое кратковременное существованіе, принесли во многихъ отношеніяхъ несомнѣнную пользу, особенно со стороны знакомства преподавателей съ нуждами и положеніемъ бѣдныхъ классовъ столичнаго населенія...»

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что́ описываютъ— и повидимому такъ вѣрно и такъ сочувственно—двѣ дѣятельницы того времени, принимавшія самое живое участіе въ томъ, что́ совершалось у насъ, для народа, самаго важнаго въ началѣ 60-хъ годовъ. И преподавателей было все еще мало, не взирая на весь тотъ пылъ, съ которымъ люди образованныхъ классовъ шли на помощь людямъ необразованныхъ классовъ; и приготовлены они были еще мало, и системъ образованія достаточно не знали, а потому подвержены были многимъ ошибкамъ и промахамъ. Но дѣло ихъ было столь великое, потребность въ помощи такая настоятельная и неотложная, что нечего было слишкомъ заботиться о правильности и систематичности, нечего было слишкомъ плакаться на то, что помощь народу происходила иногда не съ самаго настоящаго конца, по всѣмъ артикуламъ облегченія и скорости. Когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ вытащить человѣка изъ воды, не приходится много разсуждать, какъ вытащили, коль скоро иначе нельзя было—за руку-ли, за ногу-ли, или за волосы, только-бы вытащить. И пускай мнѣ покажутъ такое важное, историческое, народное дѣло, которое еще такъ рано, съ перваго шага, такъ вотъ и пойдетъ чудесно, мастерски, безупречно, коль скоро оно зачинается вдругъ, безъ всякой возможности приготовленія, такъ-таки прямо неожиданно! Тутъ надобно быть глубоко благодарнымъ и низко кланяться за все, что́ дѣлается тѣми средствами, какія есть въ то мгновеніе

налицо. И потомъ еще, неужели надо было такъ много системы и научности, чтобы людямъ, еще почти совершенно невѣжественнымъ, преподавать то, что было дозволено утвержденными программами? Тогда министерство такъ и сыпало циркулярами, гдѣ говорилось: «Воскресныя школы должны служить только *пособіемъ приходскимъ училищамъ*, къ учрежденію которыхъ въ числѣ, соотвѣтствующемъ настоящей потребности, представляются теперь матеріальныя препятствія...» «Мѣстное учебное начальство должно заботливо слѣдить за тѣмъ, чтобы воскресныя школы не выступали изъ границъ опредѣленнаго имъ круга дѣятельности, т.-е. чтобы ученіе въ нихъ ограничивалось Закономъ Божіимъ, чтеніемъ и письмомъ и первыми правилами ариѳметики...» «Изъ свѣдѣній, получаемыхъ министромъ, оказывается, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ усердіе учредителей или распорядителей иногда завлекаетъ ихъ далѣе границъ, указанныхъ школамъ прямымъ ихъ назначеніемъ. Такъ напр., въ Кіевѣ, въ одной школѣ преподается исторія, въ одной изъ московскихъ школъ преподаватели занимаются съ учениками французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ. Предметы сіи выходятъ изъ программы обученія въ приходскихъ, а слѣдовательно и въ воскресныхъ школахъ...»

При такихъ условіяхъ система и педагогика наврядъ могли играть великую роль.

Но, обращаясь къ внутренней жизни школъ, мы находимъ одну очень любопытную черту, сохраненную намъ въ одномъ изъ обозрѣній историческаго хода воскресныхъ школъ въ 60-хъ годахъ.

«Особеннаго замѣчанія заслуживаетъ, говоритъ авторъ, вѣжливость обращенія, принятаго въ московскихъ воскресныхъ школахъ: за правило принято всѣмъ ученикамъ, безъ различія ихъ званія и состоянія, говорить «вы», что̀ на первыхъ порахъ не мало

удивило многихъ изъ нихъ, привыкшихъ слышать свое христіанское имя въ исковерканной кличкѣ... *).

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ новый способъ обращенія съ людьми низшаго класса сталъ существовать тогда не въ одной Москвѣ, но и въ очень многихъ другихъ концахъ Россіи, всего болѣе въ Петербургѣ. Про Петербургъ тотъ-же авторъ говоритъ: «Петербургъ старается превзойти всѣ другіе города въ ревности къ образованію простого народа...» **) «Совѣтъ школы въ помѣщеніи гальванической роты образовался изъ наставниковъ школы, которыми вызвались быть и офицеры, и гражданскіе чиновники, и студенты университета. Эта школа принимаетъ уже на себя роль быть «передовою» въ ряду другихъ. Для прочности организаціи своей и другихъ воскресныхъ школъ, совѣтъ этотъ *первый* выступилъ съ просьбою къ учредителямъ провинціальныхъ школъ, чтобы онѣ черезъ посредство журналовъ (особливо «Педагогическаго Вѣстника») сообщали свѣдѣнія о своихъ школахъ по составленной программѣ...

Но что составляетъ славу и гордость Петербурга—это его инціатива относительно «наказаній и наградъ», этого нестерпимаго стариннаго предразсудка, отравлявшаго наше учебное дѣло,—предразсудка, противъ котораго почти раньше всѣхъ вооружился Пироговъ. Но то, что̀ у него было въ теоріи и благомъ пожеланіи, осуществлялось теперь на практикѣ.

«Изъ Таврической школы изгнаны физическія наказанія; рѣшительно неизвѣстны ни «баллы», ни красныя и черныя доски, ни другія подобныя, такъ-называемыя «поощрительныя мѣры», которыя развиваютъ въ дѣтяхъ только эгоизмъ и честолюбіе, нисколько

*) *П. Троицкій*: „Ходъ открытія воскресныхъ школъ въ нашемъ отечествѣ“, статья, помѣщенная въ журналѣ: „Руководство для сельскихъ пастырей“. Кіевъ, 1860. Сентябрь, стр. 333.

**) Тамъ-же, стр. 334.

не пріучая ихъ заниматься по сознанію пользы отъ самой науки, по любви къ ней...» *)

Благой примѣръ тотчасъ-же нашолъ себѣ подражателей.

«Что за блаженное время это было, пишетъ моя сестра, что за подъемъ духа! И учащіе, и учащіеся стремились всею душою къ наукѣ, къ свѣту. Чего, чего не перечитали, чего, чего не сообщали мы другъ другу! Сколько горестной жизни не пересказывали мнѣ мои ученицы: бѣдствія, побои въ дѣтствѣ, затѣмъ во многихъ магазинахъ и мастерскихъ чуть не варварское обращеніе, побои за всякую малость—какъ-же горько это отражалось на ихъ нравственности! И какъ онѣ рады бывали отдохнуть съ нами, услышать ласковое слово! Стремленіе къ наукѣ было самое непобѣдимое, самое задушевное. Читали мы Кольцова, Никитина, Пушкина, Гоголя. Всѣ очень любили Евангеліе. Но также любили все, относящееся до природы, естественныя науки, разсказы изъ жизни животныхъ, растеній. Стали мы имъ показывать—какъ изъ сѣмечка выростаетъ растеніе, что̀ изъ боба, изъ гороха; потомъ, мы сообщали свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ производствъ. Для всего этого, разъ въ недѣлю, было назначено у насъ совѣщаніе—какъ вести объяснительное чтеніе. И это вырабатывалось у насъ мало-по-малу. Тутъ присоединились къ намъ, въ числѣ другихъ, извѣстные педагоги, Гердъ и Ремезовъ. Сколько было во всемъ жизни!—А какъ дѣти и взрослые любили разсказы изъ нашей, русской исторіи. Помню, до какого восторга они разъ дошли, когда я своимъ ученицамъ разсказала о производствѣ иголки, булавки, льна, полотна. Двѣ мнѣ, черезъ нѣсколько времени, принесли очень мило все это изложенное письменно. А съ какимъ восторгомъ читали онѣ біографіи замѣ-

*) Журналъ „Духовная Бесѣда", Спб., 1861, и при немъ „Церковная лѣтопись", стр. 194—204.

чательныхъ людей!—Но что было всего удивительнѣе, такъ это то, какъ скоро онѣ выучивались читать...»

Про педагогическую сторону женской школы въ помѣщеніи гальванической роты Пол. Ст. Стасова говоритъ въ своей «Запискѣ»: «Но что тогда много сокрушало Н. В., это отсутствіе книгъ для чтенія нашихъ ученицъ. Въ библіотекѣ нашей было много изданій Погосскаго (бывшаго въ то время помощникомъ предсѣдателя педагогическаго совѣта, П. В. Анненкова), но, будучи спеціально назначены для солдатскаго чтенія, они не подходили къ нашимъ цѣлямъ. Было много книжекъ духовнаго содержанія, но ими однѣми довольствоваться было нельзя. У Н. В. былъ «Божій міръ», Разина, но и въ немъ статьи были не совсѣмъ доступны для едва пробуждающагося разума нашихъ ученицъ. У меня была книжка «Другъ дѣтей», оставшаяся отъ моего дѣтства: тамъ исторійски и разсказы были очень интересны, но по сюжету своему они также совсѣмъ не подходили для нашего чтенія. Оставался Крыловъ, и изъ него-то черпали мы полными пригоршнями темы для нашихъ бесѣдъ съ ученицами, его брали и для чтенія дѣвочкамъ. Но и по языку своему, и по содержанію онъ не могъ быть доступенъ дѣвочкамъ, только-что одолѣвшимъ трудности азбуки...»

Чтобы помочь этому, обѣ пріятельницы вмѣстѣ соображали, писали записки, прочитываемыя потомъ въ школѣ, просматривали массу книгъ и книжечекъ, назначаемыхъ для англійскихъ «Ragged schools» (школы для оборванцевъ), передѣлывали, переводили оттуда и изъ другихъ англійскихъ книгъ что казалось подходящимъ. Помощницами ихъ въ этомъ дѣлѣ были г-жа Блюмеръ и А. Н. Шульговская, впослѣдствіи одна изъ дѣятельнѣйшихъ и даровитѣйшихъ участницъ въ «артели переводчицъ».

«Все, что̀ могло содѣйствовать развитію нашихъ ученицъ или доставить имъ что-нибудь хорошее, продолжаетъ Пол. Ст. Стасова, безконечно радовало Н. В.

Такъ, весной 1861 года, открылась въ Михайловскомъ манежѣ сельско-хозяйственная выставка, и школамъ позволено было безплатно осматривать ее. Точно на праздникъ собирались мы, съ Н. В., съ нашими группами учениць; что̀ могли, показывали и объясняли сами, но были чрезвычайно счастливы, когда Як. Осип. Ивановскій *), собравъ вокругъ себя нѣсколько группъ учениць, сталъ разсказывать имъ такія-то и такія-то производства, показывалъ всѣ стадіи льна, отъ зерна посѣяннаго и до тончайшихъ нитокъ и издѣлій изъ нихъ; объяснялъ строеніе дерева, распилку и обработку его, и все что изъ него дѣлается; также велъ бесѣду о мѣхѣ и шерсти, о выдѣлкѣ разныхъ продуктовъ изъ рыбъ, ихъ чешуи и спинной струны, и многое, многое другое.—Н. В. стояла такая довольная, сіяющая, видя, какъ искрились глаза у дѣвочекъ, съ какимъ вниманіемъ слушали онѣ...»

Но вся эта свѣтлая, своеобразная, глубоко плодотворная, интеллектуальная жизнь не долго продолжалась: всего два года. Скоро послѣ пожара Апраксина двора, 2 мая 1862 г., въ самый Духовъ день, воскресныя школы были закрыты. Пошли подозрѣнія, посыпались обвиненія, доносы, аресты, назначена была особенная слѣдственная комиссія, подъ предсѣдательствомъ С. Р. Жданова, полетѣли запросы, допросы, разслѣдованія, конечно больше всего «конфиденціально», «секретно»—и дѣло воскресныхъ школъ погибло. Велѣно было очистить бывшія помѣщенія школъ. П. В. Анненковъ, попечитель школы, гдѣ дѣйствовала моя сестра, вошелъ въ соглашеніе съ Ремесленной управой, и туда сдали все имущество школы. Изъ части библіотеки образовалась, современемъ, общедоступная библіотека педагогическихъ курсовъ на Гороховой улицѣ.

---

*) Библіотекарь при совѣтѣ воскресныхъ школъ и одинъ изъ полезнѣйшихъ преподавателей-добровольцевъ женской школы въ помѣщеніи гальванической роты. *В. С.*

«Насталъ сентябрь 1862 года, продолжаетъ моя сестра въ «Запискахъ», переѣхали мы съ дачи изъ Ораніенбаума, и что-же, какова была моя радость, когда вдругъ пришли ко мнѣ десять дѣвочекъ, депутатками отъ прочихъ моихъ ученицъ, съ просьбою: не могу-ли я продолжать ихъ учить? Конечно, я согласилась сейчасъ-же. И вотъ началась моя собственная воскресная школа, у меня дома; ученицъ было 27 человѣкъ. Занятія наши продолжались до 1872 года, когда у насъ въ семействѣ была одна тяжкая болѣзнь, заставившая меня все оставить...»

Кончились воскресныя школы, но не погибла ихъ чудная благотворная дѣятельность. Онѣ созданы были великимъ, необычайнымъ подъемомъ русскаго народнаго духа, а что̀ родится отъ такого свѣтлаго луча и силы, то̀ не умираетъ, то̀ остается навѣки образцомъ для однихъ, предметомъ поклоненія и обожанія для другихъ. Подъемомъ того-же самаго духа, и въ одно и то-же время съ воскресными школами, были созданы у насъ и другія крупныя явленія интеллектуальной нашей жизни, такія, напримѣръ, какъ «Безплатная музыкальная школа», «Артель русскихъ художниковъ». Онѣ тоже давно погибли (или все равно что погибли), о нихъ тоже ныньче мало помнятъ и мало знаютъ нынышнія поколѣнія, хотя онѣ просуществовали все-таки гораздо дольше «воскресныхъ школъ», не *два только года*, какъ онѣ. Но онѣ дали великіе результаты—и навѣки. Ихъ дѣйствіе продолжается и до сихъ поръ, хотя ихъ внѣшнія заглавія и рамы перемѣнились. Онѣ стремились къ правдѣ, къ національности, къ уничтоженію предразсудковъ, царящихъ въ ихъ дѣлѣ, какъ и во всемъ другомъ, къ новому творчеству, самостоятельному и серьезному, вмѣсто прежнихъ пустяковъ, ничтожества и формалистики. Къ этому самому стремились и воскресныя школы. Цѣль ихъ дѣятельности была тоже, прежде всего, освободительная, стремящая другихъ къ свѣту и уничтоженію предразсудковъ и

невѣжествъ. Имъ суждено было погибнуть, но онѣ сошли со сцены, уже успѣвъ посѣять много правды, свѣта, здоровыхъ, могучихъ и добрыхъ понятій. Чудно было ихъ великое, правдивое стремленіе, ихъ безкорыстіе, ихъ презрѣніе къ наградамъ и выгодамъ, и потому шли къ нимъ люди толпой, съ радостью и энтузіазмомъ. Какая разница противъ того, что было такъ еще недавно, полтораста лѣтъ, при Петрѣ I, когда народъ палками и кулаками гнали въ школы, и онъ шолъ туда артачась и упираясь, со слезами, воплемъ и ревомъ!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Русскія женщины-издательницы.

IX.

Почти тотчасъ-же послѣ закрытія воскресныхъ школъ началась переводная и издательская дѣятельность той женской группы, къ которой принадлежала моя сестра. Эта новая дѣятельность возникла вовсе не отъ того, что воскресныя школы закрылись: нѣтъ, она все равно началась-бы, еслибъ эти школы и продолжали существовать, и только по нечаянности случилось, что новыя русскія женщины, принужденныя покинуть школы, принялись за печатаніе книгъ. И то и другое и могло-бы, и должно-бы идти рядомъ: времени и силъ хватило-бы и на то, и на другое заразъ—да только этого не произошло по однимъ лишь совершенно внѣшнимъ обстоятельствамъ.

Не разъ было высказано въ нашей печати, съ прошлаго 1895 г.—со времени смерти моей сестры, и по поводу обозрѣнія ея дѣятельности, что наши женщины вздумали переводить и печатать книги — собственно дѣтскія, и прежде всего думали создать для русскихъ дѣтей то, чего имъ тогда сильно недоставало: хорошихъ книгъ. Это очень невѣрно. При ихъ новомъ предпріятіи, нельзя сказать, конечно, чтобъ дѣтей вовсе не было въ виду, но они играли тутъ вовсе не

главную, и уже никоимъ образомъ никакъ не исключительную роль. Это очень прочно доказываютъ факты, которые я сейчасъ приведу.

Въ своихъ «Запискахъ» моя сестра говоритъ: «Я распространилась о дешевыхъ квартирахъ и о воскресныхъ школахъ для того, чтобы указать, какъ прокладывали тогда себѣ пути женщины, какая была всеобщая энергія, какъ всѣ встали, словно одинъ человѣкъ, чувствуя, что невозможно продолжать *безжизненную жизнь невѣжества*. Оттого и пошла работа. Общество дешевыхъ квартиръ подталкивало ко многому, одно цѣплялось за другое; уча дѣтей, всѣ учились и сами. При этомъ мы видѣли массу недостатковъ и въ пріемахъ, и въ пособіяхъ; недостатокъ въ дѣтскихъ книгахъ тоже оказывался очень сильный. Тутъ и стали мы думать, какъ-бы помочь этому горю. Вздумали начать переводить, но скоро договорились и до другого, такъ-какъ стали приходить въ соприкосновеніе со многими дѣвушками и женщинами, ищущими занятій. Стали думать: нельзя-ли образовать общество для женщинъ, ищущихъ умственной работы. Тутъ-то дѣло сильно закипѣло, знакомства росли во всѣхъ слояхъ общества, вопросы возникали по всѣмъ частямъ общественной жизни...».

Въ своей-же «Запискѣ», писанной (какъ я уже выше сказалъ) со словъ моей сестры, С. Ѳ. Горянская говоритъ: «Реформа 1861 года измѣнила весь экономическій строй русской жизни. Она заставила взяться за трудъ цѣлую массу неподготовленнаго люда, и мужчинъ, и женщинъ. Въ то время среди женщинъ проснулось новое стремленіе къ независимости и самостоятельному труду, который далъ-бы имъ возможность выбиться изъ-подъ гнета и деспотизма семьи. Члены кружка воодушевились этой идеей — помочь женщинамъ, и стали изыскивать средства для осуществленія этихъ стремленій на дѣлѣ. Ближайшей и самой подходящей по занятіямъ явилась издательская дѣя-

тельность. Въ то время чувствовался большой недостатокъ въ изданіи компиляцій и книгъ по дѣтской литературѣ. Членамъ кружка пришла въ голову мысль заняться изданіемъ и дѣтскихъ книгъ. Это дѣло могло привлечь многихъ и дать заработокъ какъ интеллигентнымъ, такъ и не интеллигентнымъ работницамъ. Рѣшили вести дѣло на артельныхъ началахъ, и образовать новое общество—артельщицъ...»

Со своей стороны, Н. А. Бѣлозерская говоритъ въ своей «Запискѣ»: «Болѣе серьезныя и развитыя женщины все болѣе и болѣе приходили къ убѣжденію, что безъ труда и заработка русская интеллигентная женщина останется все въ томъ-же заколдованномъ кругу бездѣйствія и безпомощности. Въ началѣ 60-хъ годовъ уже были сдѣланы нѣкоторыя попытки въ данномъ направленіи: создалась женская переплетная артель; число переводчицъ въ газетахъ и журналахъ все увеличивалось, несмотря на то, что требованія отъ переводовъ, какъ и отъ самостоятельныхъ литературныхъ произведеній, были несравненно строже, нежели въ настоящее время; нѣсколько женщинъ поступили въ наборщицы, въ типографіи. Но всѣ эти единичныя, удачныя и неудачныя попытки пока мало приносили пользы, и дѣло все оставалось въ прежнемъ положеніи. Необходимо было поставить его на болѣе широкихъ и прочныхъ основаніяхъ, а это было достижимо лишь усиліями многихъ лицъ. Это навело на мысль создать общество, съ цѣлью доставленія заработка интеллигентнымъ женщинамъ. Первое собраніе этого предполагаемаго общества происходило въ домѣ Ал. Ник. Энгельгардта, профессора химіи. При этомъ, редакторъ «Недѣли», П. А. Гайдебуровъ, въ то время совсѣмъ юный, прочелъ обширный докладъ, гдѣ съ увлеченіемъ распространился о тогдашнемъ положеніи русскихъ женщинъ, о женской эмансипаціи, но почти не коснулся главной цѣли общества, а именно — вопроса о заработкѣ и возможности разрѣшенія его въ

ту или другую сторону. За этимъ слѣдовали другія, болѣе или менѣе многочисленныя собранія, былъ выработанъ уставъ, который по своимъ широкимъ и общимъ задачамъ явился неосуществимымъ даже въ далекомъ будущемъ. Необходимо было съузить задачу, придать дѣлу болѣе скромный и, такъ сказать реальный характеръ. Въ виду этого, М. В. Трубникова предложила составить общество *изъ однѣхъ женщинъ*, гдѣ вопросъ о заработкѣ и практическомъ достиженіи предположенной цѣли былъ-бы поставленъ на первый планъ. Результатомъ новыхъ, исключительно женскихъ собраній, было рѣшено остановиться, *пока*, на переводахъ, потому-что при основательномъ знаніи иностранныхъ языковъ большинствомъ тогдашнихъ интеллигентныхъ женщимъ, этотъ родъ заработка являлся наиболѣе подходящимъ. При этомъ постановлено было, чтобъ издаваемыя книги переплетались не иначе, какъ въ женской переплетной артели, рисунки къ книгамъ заказывались исключительно женшинамъ - художницамъ; предполагалось завести современемъ свою женскую типографію, книжную лавку, и проч. Изъ нѣсколькихъ выработанныхъ уставовъ былъ принятъ уставъ женской издательской артели, составленный М. В. Трубниковой, и съ нѣкоторыми измѣненіями утвержденъ обществомъ...»

Въ то-же время, М. А. Менжинская говоритъ въ своей «Запискѣ», что онѣ собирались, «чтобы потолковать: нельзя-ли устроить такое женское общество, или товарищество на паяхъ, которое дало-бы намъ право заводить различныя мастерскія, какъ-то: швейную, переплетную, имѣть издательскую контору для перевода и изданія дѣтскихъ, научныхъ и литературныхъ книгъ. Рѣшили устроить женскую артель».

То-же мы читаемъ и въ «Запискѣ» Пол. Степ. Стасовой: «И женщины, и дѣвушки — всѣ стремились тогда къ искусственному труду. Знаніе языковъ большинствомъ женщинъ прямо указывало имъ на пере-

водный литературный трудъ, какъ на вполнѣ имъ доступный. Н. В., близко и душевно сойдясь, въ обществѣ дешевыхъ квартиръ, съ такою-же свѣтлою, горячею и дѣятельною личностью, какъ она сама, М. В. Трубниковой, задумываетъ, *по инициативѣ послѣдней*, помочь этому дѣлу—дать возможность женщинамъ работать и зарабатывать умственно. Онѣ задумываютъ «Общество переводчицъ», товарищество на паяхъ, чтобы составить капиталъ для изданія здороваго чтенія учащемуся поколѣнію. Тутъ соединялось нѣсколько задачъ сразу: 1) полезное чтеніе, въ чемъ такъ нуждалось юное подростающее поколѣніе; 2) доставленіе труда женщинамъ, и 3) удовлетвореніе потребности женскаго заработка»...

Итакъ, эти свидѣтельства разнообразныхъ личностей, всѣ дающія одну и ту-же ноту, указываютъ на то, что цѣль всѣхъ сошедшихся вмѣстѣ на работу женщинъ состояла никакъ не въ печатаніи однѣхъ только «дѣтскихъ» книжекъ, но въ печатаніи всяческихъ книгъ, какъ для дѣтей, такъ и не для дѣтей. Помогать росту и развитію дѣтской литературы—дѣло прекрасное, доброе, почтенное и полезное, но нельзя имъ однимъ ограничиваться тому, у кого въ головѣ широкіе и далекіе планы общей пользы и образованія, потребность широкой и многообъемлющей дѣятельности. Притомъ-же, не всякій способенъ заниматься дѣтьми. Вкусы и настроенія разные у людей разныхъ. Мнѣ могутъ возразить, что намѣреніе тогдашнихъ женщинъ издавать книги спеціально «дѣтскія» ясно изъ одного параграфа устава, уцѣлѣвшаго въ видѣ черноваго наброска и приводимаго въ «Запискѣ» П. С. Стасовой. Этотъ параграфъ есть § III-й устава, и тутъ сказано: «Дѣла издательской артели будутъ преимущественно состоять въ изданіи учебныхъ и дѣтскихъ книгъ, переводныхъ и оригинальныхъ». Но въ отвѣтъ на это, надо, во-первыхъ, обратить вниманіе на слово «преимущественно», которое уже одно само по себѣ ука-

зываетъ на то, что кромѣ «дѣтскихъ» имѣлись тутъ въ виду и «не-дѣтскія» книги; во-вторыхъ, что это есть черновой проектъ не настоящаго и окончательнаго, а только «первоначальнаго» устава (какъ его обозначаетъ П. С. Стасова); въ-третьихъ, что, перекинувшись вдругъ отъ прежнихъ, слишкомъ широкихъ, можно сказать, безбрежныхъ программъ, въ противоположную сторону и крайность, члены новаго общества всего болѣе думали, въ ту минуту, какъ-бы съузить свои рамки и программу, чтобъ соблюсти практичность; въ-четвертыхъ-же, эти члены должны были не разъ подумывать о томъ, ка̀къ посмотрятъ на уставъ и ка̀къ подумаютъ о немъ тѣ, кто будетъ его разсматривать и разрѣшать: они, дескать, по нашимъ временамъ, не очень-то дружелюбно будутъ относиться къ еще новому проявленію печати — ужь лучше будетъ поменьше колоть глаза кому не надо! И это *четвертое* предположеніе вполнѣ подтверждается, какъ мы тотчасъ увидимъ, совершеннымъ неутвержденіемъ устава, сколько онъ ни былъ остороженъ и умѣренъ, и удивительными дѣяніями цензуры съ первыхъ-же шаговъ нашихъ переводчицъ на ихъ даже узенькой дорожкѣ печати.

Всего-же лучше и сильнѣе отсутствіе исключительнаго аппетита и настроенія только къ «дѣтскимъ книжкамъ» у тогдашняго женскаго общества доказывается заглавіями первыхъ-же книгъ, изданныхъ имъ: «Сказки Андерсена», «Разсказы о временахъ Меровинговъ», «Натуралистъ на Амазонской рѣкѣ». Во всемъ этомъ не было ровно ничего дѣтскаго. Мы о нихъ будемъ еще говорить ниже.

Почему дѣятельность новаго общества началась въ формѣ «артели»? Потому, что всѣ вообще начинанія русскихъ людей тогдашняго времени стремились къ этой формѣ. Она всѣмъ казалась самою справедливою, самою настоящею, самою естественною и простою. «Давайте работать не въ одиночку, а вмѣстѣ, говорили

всѣ. Такъ лучше, прочнѣе и выгоднѣе. Чего *одинъ* не можетъ, то̀ могутъ *многіе*. Одинъ другому будетъ помогать, будетъ побуждать, торопить. А потомъ, что́ добудемъ, то̀ будемъ дѣлить по-ровну». Оттого, у насъ тогда возникло вдругъ повсюду безконечное множество «артелей» всякаго рода, ремесленныхъ, техническихъ, художественныхъ, и всѣ люди были счастливы и рады, и на всѣхъ пунктахъ заводились поминутно все новыя и новыя артели. «Товарищество» и «равноправіе» были на устахъ у каждаго. «Артель издательницъ» была лишь одною изъ безчисленныхъ русскихъ артелей начала 60-хъ годовъ.

«Въ это время къ намъ стали приходить, пишетъ моя сестра въ своихъ «Запискахъ», отовсюду знакомства, всѣ просили работы. Надо было думать о томъ, какъ-бы доставать работу, какъ-бы укрѣпить дѣло. Хотѣлось выработать дѣло такъ, чтобы сами личности, нуждающіяся во всякаго рода трудѣ, обсуждали и рѣшали свои дѣла. Вотъ и возникла мысль артельнаго начала. И стали мы объ этомъ хлопотать и разработывать эту мысль. Продолжалось это довольно долго. Наконецъ, написали уставъ и собрали собраніе. Явилось довольно много людей, все однѣ женщины изъ всѣхъ слоевъ общества. Нѣкоторыя изъ дамъ и дѣвицъ пришли, повязанныя платочками *). И рѣшили: начать артель «издательскимъ дѣломъ, что̀ уже было прежде начато частно. Выбрали правленіе для завѣдыванія дѣломъ, пошла баллотировка, и такъ-какъ всего больше знали насъ, М. В. Трубникову и меня, то и выбрали насъ двухъ распорядительницами, секретаремъ—Вѣру Черкесову (по предложенію Н. А. Бѣлозерской), какъ дѣвушку свободную и могущую отдавать безвозмездно свое время»...

---

*) Въ этомъ выражалось, конечно, очень ясно желаніе „опроститься“, которымъ честно и добродушно горѣли тогда у насъ тысячи людей, и о которомъ разсказываетъ Тургеневъ въ „Нови“. *В. С.*

Издательскую дѣятельность предложили двое изъ членовъ: М. В. Трубникова и А. Н. Энгельгардтъ. Обѣ уже и прежде занимались литературнымъ трудомъ. Первая изъ нихъ, какъ я уже говорилъ о томъ выше, была къ тому приготовлена всѣми обстоятельствами своего отрочества и юношества, а выйдя замужъ, 19-ти лѣтъ, за К. В. Трубникова, бывшаго впродолженіе многихъ лѣтъ издателемъ то одной, то другой газеты («Журналъ для акціонеровъ», «Коммерческая Газета», «Биржевыя Вѣдомости»), всегда помогала мужу въ его издательскомъ дѣлѣ и участвовала въ редакціи литературныхъ отдѣловъ, въ библіографіи и въ переводахъ его газеты. Вторая, А. Н. Энгельгардтъ, дочь лексикографа и знаменитаго гитариста Макарова, воспитывавшаяся въ московскомъ Елисаветинскомъ институтѣ, съ молоду образовала себя сама серьезными чтеніями (всего болѣе имѣли на нее вліяніе сочиненія Эскироса, Герцена, Добролюбова, Чернышевскаго, Достоевскаго, Тургенева). Подобно М. В. Трубниковой, она вышла 20-ти лѣтъ замужъ. Мужъ ея былъ тогда еще простой артиллерійскій офицеръ, литейщикъ при арсеналѣ, впослѣдствіи пользовавшійся великою извѣстностью профессоръ химіи, А. Н. Энгельгардтъ. Всѣ знакомства, весь образъ жизни молодой четы имѣли серьезное, научное направленіе. Жена переводила и печатала статьи научнаго содержанія въ «Подснѣжникѣ» (о хищныхъ птицахъ, по Одюбону, 1860), въ «Учителѣ» Паульсона (о пчелахъ, по Штейну, 1860—61), помѣщала фельетоны въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» Трубникова въ началѣ 60-хъ годовъ. И вотъ такія-то серьезно трудящіяся и уважаемыя всѣми товарками женщины предложили новому обществу: заняться переводами и изданіями. Конечно, ихъ тотчасъ послушались. «А. Н. Энгельгардтъ, говоритъ моя сестра, стала во главѣ маленькаго кружка женщинъ-издательницъ».

Теперь обратимся къ разсказу Пол. Ст. Стасовой

о томъ, какъ складывалось новое общество. Ея «Записка» самая пространная, самая обстоятельная и самая удовлетворительная изъ всѣхъ по этому дѣлу.

«Обѣ пріятельницы, М. В. Трубникова и Н. В. Стасова, обладали необычайной способностью привлекать къ себѣ людей и сплачивать ихъ между собой. Въ короткое время онѣ сгруппировали вокругъ себя кружокъ изъ 36 женщинъ, составили съ ними проектъ устава, но, еще до утвержденія его оффиціально, чтобы не тратить времени на выжиданіе, приступили къ дѣлу. Это было вначалѣ 1863 года. Членами кружка были: Н. А. Бѣлозерская, А. Н. Энгельгардтъ, А. П. Философова, М. Г. Ермолова, Е. Г. Бекетова, М. С. Ольхина, графиня В. Н. Ростовцева, А. Г. Маркелова, В. И. Печаткина, П. С. Стасова, М. А. Менжинская, В. В. Ивашева, А. Ѳ. Шакѣева, Иванова (урожд. Анненкова), г-жа Тибленъ, О. Н. Бутакова, Е. А. Штакеншнейдеръ, А. Н. Шульговская и другія. Онѣ выбрали М. В. Трубникову и Н. В. Стасову распорядительницами, избрали комитетъ для выбора книгъ (въ него вошли: Н. А. Бѣлозерская, А. Н. Энгельгардтъ, М. А. Менжинская), кассиромъ пригласили В. В. Ивашеву (Черкесову), сестру М. В., и работа закипѣла».

Сохранившійся, случайно, черновой первоначальный проектъ устава ярко покажетъ цѣль общества, особенно нѣкоторые параграфы.

«§ I. Издательская артель ограничится числомъ 100 женщинъ.

«§ II. Она составляется по взаимному соглашенію, изберетъ себѣ двухъ распорядительницъ, писаря и кассира, которые и будутъ завѣдывать ея дѣлами.

«§ III. Дѣла ея будутъ состоять преимущественно въ изданіи учебныхъ и дѣтскихъ книгъ, переводныхъ и оригинальныхъ.

«§ IV. Для образованія артельнаго капитала требуется съ каждаго члена денежный взносъ.

«§ VI. Членскій взносъ можетъ вноситься не только деньгами, но и произведеніями труда, какъ-то статьями переводными и оригинальными...»

Еще нѣсколько подробностей о веденіи дѣла мы узнаемъ изъ «Записки» С. Ѳ. Горянской. Тамъ мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія, сообщенныя этой послѣдней моею сестрою: «Въ Артель вносили по 15 рублей въ годъ. Кромѣ того, составился фондъ до 3 000 р. Изъ него уплачивались нѣкоторые расходы неотложные—на бумагу и типографію. Послѣ продажи книгъ производилась расплата съ переводчицами. Платилось такъ: съ англійскаго — 25 р. за листъ, съ нѣмецкаго и французскаго — 20 р., за послѣднюю корректуру, которую вели тоже сами—25 р. за листъ. Редакцію брала на себя (всего чаще) М. В. Трубникова, которая отдавала приходящуюся на ея долю плату въ фондъ *). Мы старались вербовать членовъ-соревнователей. Современемъ членскій взносъ для неимущихъ былъ пониженъ до 5 р. и взимался въ разсрочку. Были и безплатные члены. И тутъ стала примыкать къ намъ масса трудящихся неимущихъ членовъ. Являлись лица и мало знающія. При небольшомъ количествѣ постоянной работы, пришлось прибѣгнуть къ конкурсу. Для рѣшенія этого вопроса было созвано обширное общее собраніе, на которомъ произведены были выборы предсѣдательницы. Нужно было имѣть во главѣ человѣка со связями, и потому предложили графиню В. Н. Ростовцову. Ее выбрали по большинству голосовъ. На счетъ конкурса рѣшено было такъ: отдавать преимущество лучшей работѣ, а изъ равносильныхъ—предпочитать работу бѣднѣйшей. Комитетъ цѣнителей былъ выбранъ изъ четырехъ лицъ: М. В. Трубникова, А. Н. Энгельгардтъ, Н. А. Бѣлозерская

*) Ниже мы увидимъ, что кромѣ М. В. Трубниковой и другія личности изъ артели тоже выполняли работу редактированія. *В. С.*

и я. Часть бѣдныхъ соучастницъ относилась сначала нѣсколько враждебно къ членамъ состоятельнымъ, но впослѣдствіи всѣ сошлись, и даже близко. Но между очень бѣдными была княжна Макулова *), очень сердечная женщина, въ высокой степени терпимая и очень много помогавшая общему дѣлу, хотя сама была безъ средствъ».

Про типографскую собственно сторону дѣла моя сестра разсказываетъ: «Но надо было идти дальше, надо было искать типографію, кредита на бумагу, на брошюровку. Тутъ намъ много помогалъ мужъ М. В. — К. В. Трубниковъ, какъ издатель газеты. Пошло знакомство съ типографіями — Траншелемъ, Котоминымъ, товариществомъ «Общественная польза», съ типографіею Главнаго штаба. Завѣдывала типографскимъ нашимъ дѣломъ и разъѣзжала по типографіямъ — я. Тутъ возникла мысль привлечь и въ типографское дѣло женщинъ-труженицъ. Стали поступать многія... Первыми наборщицами явились г-жи Вистеліусъ и Гленъ. Обѣ были очень образованныя, но безъ всякихъ средствъ. Г-жа Вистеліусъ съ 17-лѣтняго своего возраста должна была содержать бабушку свою и себя: сначала она давала уроки, но ей не хватало ихъ на свое содержаніе, и она поступила въ типографію наборщицей. Намъ въ этомъ много помогъ М. С. Воронинъ: онъ ее опредѣлилъ въ типографію при Главномъ штабѣ. Другая, г-жа Гленъ, одинокая труженица, вначалѣ жила въ Москвѣ, зарабатывала въ типографіи всего 15 рублей въ мѣсяцъ, жила, нанимая уголъ и ходила на работу очень далеко, въ Кремль. Потомъ работала въ Петербургѣ. Имъ обѣимъ пришлось перенести очень много оскорбленій среди рабочихъ, наборщиковъ. Мужчины страшно боялись женской конкурренціи, завидовали и ревновали, обращались съ женщинами грубо, нахально, шутили съ

*) Нынѣ уже умершая. *В. С.*

ними злыя шутки, напримѣръ, спутывали имъ шрифтъ во время ихъ отсутствія, и т. д., и только добросовѣстность въ работѣ удержала ихъ на мѣстѣ. Впослѣдствіи обѣ онѣ перешли на службу въ телеграфное вѣдомство, приготовились, выдержали экзаменъ и работали тамъ впродолженіе 15-ти лѣтъ»... Одинъ изъ хорошихъ, добрыхъ, честномыслящихъ начальниковъ выхлопоталъ женщинамъ право служить на телеграфахъ, но все-таки повсюду начиналась борьба, и многіе, даже члены самой администраціи, производили въ отношеніи къ нимъ величайшія несправедливости: не давали имъ усиленной платы за ночныя дежурства, какъ мужчинамъ, не давали имъ наградныхъ денегъ на большіе праздники, какъ мужчинамъ, и т. д., несмотря на то, что именно на долю женщинъ часто доставалась труднѣйшая часть работы. Лишь гораздо позже обѣимъ терпи-горямъ удалось, наконецъ, благодаря ихъ знанію языковъ, получить мѣста главныхъ завѣдующихъ на маленькихъ станціяхъ, съ жалованьемъ въ 50—65 рублей. Но новыя женщины все вытерпливали, все переносили. Повсюду являлось все бо̀льшее и бо̀льшее число работницъ. Число наборщицъ и телеграфистовъ сильно разрослось.

Всѣ изданія свои артель давала переплетать, по своему рѣшенію, также все только женщинамъ. Молодая и красивая особа, Варв. Ал. Иностранцева (сестра профессора А. А. Иностранцева), проникнутая идеею «женскаго труда, самопомощи и артели», еще ранѣе издательской артели устроила переплетную артель и стояла довольно долго въ ея главѣ, бодро, умѣло, энергично, пока тяжкая болѣзнь не свела ее въ могилу. Вотъ въ эту-то артель и были отдаваемы всѣ переплетныя работы общества «издательницъ».

Наконецъ, картинки для иллюстрированныхъ изданій также исполнялись все только женщинами (исключенія были, но чрезвычайно рѣдко). Объ этихъ иллюстраторшахъ у меня будетъ говорено ниже, при разныхъ отдѣльныхъ изданіяхъ.

«Такимъ образомъ, говоритъ моя сестра, это движеніе, это стремленіе женщины къ самостоятельному труду основывалось на дѣйствительныхъ потребностяхъ, въ силу условій самой жизни, но руководилось идеей поднять положеніе женщины, въ глазахъ общества (и въ своихъ собственныхъ), на надлежащую высоту»...

Но что именно издавало новое женское общество, общество издательское?

Первая его книга была «Сказки Андерсена».

Мнѣ любопытно было узнать: кто первый между нашими женщинами вздумалъ про эту книгу, кто на нее указалъ, кто ее предложилъ. Я разспрашивалъ главнѣйшихъ, еще живыхъ и по сію пору, участницъ тогдашняго дѣла, и узналъ, что въ то время, когда шолъ вопросъ о выборѣ книги, первый указалъ на сказки Андерсена Вас. Ал. Слѣпцовъ, очень любимый и уважаемый тогда литераторъ. Онъ принадлежалъ къ одной изъ «коммунъ», существовавшихъ тогда и въ Петербургѣ, и во всей почти Россіи, во множествѣ. Про одну изъ нихъ я разсказывалъ въ своей біографіи Мусоргскаго *): онъ тоже принадлежалъ въ 63 году, съ нѣсколькими друзьями и товарищами, къ одной изъ петербургскихъ коммунъ. Про другую, извѣстную подъ названіемъ «Артель художниковъ» и образовавшуюся въ 1863 году (послѣ выхода изъ академіи художсствъ 13-ти протестовавшихъ юношей-художниковъ), мы знаемъ изъ писемъ Крамского **) и изъ «Воспоминаній о Крамскомъ» И. Е. Рѣпина ***). Въ этихъ сообществахъ, часто бравшихъ себѣ за образецъ разсказы романа «Что дѣлать» Чернышевскаго, всѣ утромъ и днемъ работали, каждый по своей части, въ своей отдѣльной комнатѣ; вечеромъ всѣ сходились вмѣстѣ, въ общую комнату, и тутъ шли бесѣды

*) „Вѣстникъ Европы" 1881, май, стр. 301.

**) И. Н Крамской, его жизнь и переписка, стр. 561. Письма отъ 13 и 21 ноября 1863.

***) „Русская Старина" 1888, май, глава IV: „Артель".

обо всемъ любопытномъ и важномъ, интересовавшемъ тогдашнихъ молодыхъ людей. Однажды, въ женскомъ обществѣ дебатировался и вопросъ о предстоящемъ *первомъ изданiи* женщинъ. Въ числѣ разныхъ предложенiй явилось предложенiе Слѣпцова. Оно сильно всѣмъ понравилось, потому-что Слѣпцовъ былъ талантливъ, и потому не только отлично чувствовалъ и схватывалъ все поэтическое, даровитое, живописное, важное, но умѣлъ еще давать это чувствовать и другимъ. Одна изъ его слушательницъ (сама одна изъ будущихъ переводчицъ), А. Г. Маркелова, тоже одушевилась идеей Слѣпцова и передала ее А. Н. Энгельгардтъ, а та уже, какъ одна изъ самыхъ главныхъ дѣятельницъ новаго общества, передала предложенiе Слѣпцова своимъ товаркамъ. Всѣ члены-оцѣнщицы тотчасъ согласились, одна съ другой, прочесть «Сказки», а потомъ каждая должна была черезъ недѣлю подать свое мнѣнiе. Прочитали—и всѣ были восхищены новостью, своеобразностью и талантомъ неизвѣстнаго имъ до тѣхъ поръ автора. Тотчасъ рѣшили: переводить Андерсена, и роздали томъ его сказокъ въ разныя руки. Переводили съ 6-го нѣмецкаго изданiя 1860 года (вотъ какъ давно Андерсенъ былъ извѣстенъ и любимъ въ Европѣ!). Переводчицами были на первый разъ: Н. А. Бѣлозерская, А. Г. Маркелова, А. Н. Энгельгардтъ, А. Н. Шульговская. Печатали книгу въ типографiи Кулиша, съ обозначенiемъ: «Изданiе переводчицъ». Бумагу пожертвовала одна изъ членшъ общества, В. И. Печаткина, мужъ которой былъ извѣстный бумажный фабрикантъ.

Книга вышла въ концѣ 1863 года, незадолго передъ Рождествомъ. Удача была полная. Книга имѣла большой успѣхъ въ публикѣ и быстро раскупалась. Отзывы литературной критики были вообще очень благопрiятные. Изъ числа многихъ, я приведу *два*, которые дадутъ понятiе о разныхъ оттѣнкахъ даже въ ряду сочувствующихъ. Лучшимъ и характернѣйшимъ былъ отзывъ «Рус-

скаго Слова», самаго живого и прогрессивнаго, самаго «мыслящаго» въ то время русскаго журнала. Въ послѣдней его книжкѣ 1863 года было сказано про новую книгу: «Сказки Андерсена, изданныя *переводчицами*, пріобрѣли себѣ уже давно лестную репутацію въ этомъ родѣ литературы. Дѣйствительно, наивный юморъ Андерсена неподражаемъ и сказки его равно богаты какъ содержаніемъ, такъ и остроуміемъ. Кромѣ того, фантазія его чрезвычайно богата, и когда онъ заставляетъ разговаривать между собою птицъ и звѣрей, куклы и елки, иголки и воротнички, то разговоры эти выходятъ удивительно хороши, и кажется, что еслибы всѣ эти вещи дѣйствительно могли заговорить, то сказалибы именно то, что̀ заставляетъ ихъ говорить Андерсенъ... Но какъ ни прекрасны сказки Андерсена, тѣмъ не менѣе онѣ могутъ служить хорошимъ чтеніемъ взрослымъ, а не дѣтямъ, потому-что только взрослые поймутъ содержаніе ихъ, для дѣтей-же будетъ доступна лишь блестящая фантазіей форма. Впрочемъ, если кто непремѣнно желаетъ давать дѣтямъ сказки, тому нельзя требовать лучшаго, какъ сказки Гриммовъ и Андерсена...»

Отзывъ «Современника» былъ также очень благопріятенъ. Критикъ говорилъ, что сказки Андерсена были уже отчасти извѣстны у насъ въ отдѣльныхъ примѣрахъ, но мало распространены, потому-что были плохи переводы ихъ. Нынѣшній-же переводъ *переводчицъ* очень удовлетворителенъ. Но всетаки журналъ стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что это — сказки для дѣтей. «...Когда читатель мало-по-малу привыкнетъ къ этимъ фантастическимъ, полнымъ поэзіи образамъ, къ дѣтски наивному тону разсказа, тогда только уяснится для него неподражаемая прелесть манеры и вся оригинальность и удобство формы, избранной писателемъ. Сказки Андерсена имѣютъ ту особенность, что, будучи дѣтскими, онѣ занимательны и для взрослаго человѣка... Фантазія автора сильна своею сдержанностью,

слишкомъ издалека, слишкомъ тонко и обще, живыхъ требованій современнаго человѣка...»

Положимъ, критикъ «Современника» былъ-бы правъ, еслибы имѣлъ тутъ въ виду только лютерански-ханжескую пасторскую сторону иныхъ сказокъ Андерсена (эти стороны, впрочемъ, очень рѣдко проявляются у него), и каждый читатель легко отличаетъ эти печальныя плевела (напримѣръ, въ сказкѣ «Красные башмачки», «Райскій садъ», и пр.) отъ здоровой, свѣжей, доброй мысли и чувства, царствующихъ въ остальной книгѣ Андерсена. Но «досадовать» вообще на Андерсена, но быть въ негодованіи на него за «неопредѣленность», за «распущенность», за «неумѣнье» или нежеланье касаться предметовъ наиболѣе затрогивающихъ насущныя потребности большинства—какая изумительная близорукость!

Поразительно становится непониманіе критика, когда вспомнишь такія «сказки», какъ «Елка», «Свинопасъ», «Безобразный утенокъ», «Спутникъ», «Царское новое платье», «Калоши счастья», «Дѣвочка со спичками», «Старый домъ», «Бузинная старушка», «Соловей», «Сонъ стараго дуба», «Муза новаго вѣка», и многія другія. Это-ли еще не поэтическія созданія, соотвѣтствующія живымъ требованіямъ современнаго человѣка! Это-ли еще не художественные образы, затрогивающіе самую глубину мысли и чувства, и произносящіе «судъ надъ жизнью», какъ того требовалъ Чернышевскій отъ настоящаго художественнаго произведенія!

Впрочемъ, критикъ «Современника» все-таки, въ общемъ, сочувствовалъ и Андерсену, и переводчицамъ, и, повторя еще разъ свои слова о «талантѣ» Андерсена и «необыкновенной способности его говорить неподражаемо наивно и простодушно», тутъ-же высказывалъ, что «это изданіе имѣетъ для русской публики еще особый спеціальный интересъ. Вся работа есть дѣло товарищества переводчицъ, и книжка есть плодъ

женскаго труда. Поэтому ея появленіе заслуживаетъ особаго вниманія. Выборъ книги удаченъ. Русская публика впервые настояще познакомится съ произведеніями замѣчательнаго и, можно сказать, единственнаго въ своемъ родѣ сказочника (!), познакомится съ этой оригинальной литературной формой, еще невиданной въ русской литературѣ, да и самыя сказки доставятъ читателямъ, незнакомымъ съ Андерсеномъ, большое удовольствіе—онѣ очень свѣжи и поэтичны... Переводъ въ большей части сказокъ удовлетворительный».

Въ то-же время «Книжный Вѣстникъ» писалъ, что «переводъ прекрасенъ и рисунки очень отчетливы, а все-бы лучше, еслибы они были раскрашены (!)». Къ сожалѣнію, и этотъ журналъ смотрѣлъ на сказки Андерсена только какъ на книжку для дѣтей, «которая, однакоже, можетъ быть прочтена съ удовольствіемъ и взрослыми...»

Но здѣсь я долженъ коснуться одной любопытной подробности изданія «Сказокъ» Андерсена, которую, кажется, не зналъ никто, или почти никто, изъ тогдашней публики и критиковъ. Издательницамъ пришлось отвѣдать одной горькой чаши: нѣкоторыхъ особенныхъ странностей тогдашней цензуры. Я уже не говорю о томъ, что были запрещены нѣкоторыя сказки, какъ напримѣръ, «Райскій садъ» и «Ангелъ»—это еще куда-бы ни шло. Но вѣдь дѣло состояло въ томъ, что цензоръ вдругъ призналъ невозможными, въ картинкахъ, всѣ крылья за спиной у «геніевъ» всѣ «короны» на головѣ у королей. Онъ велѣлъ вездѣ ихъ срѣзать. Напрасно ему представляли «переводчицы» (конечно всего болѣе моя сестра), что весь Петербургъ, да и другіе города на свѣтѣ наполнены изображеніемъ геніевъ съ крыльями за спиной, и никто не смѣшиваетъ ихъ съ «ангелами», и это нетолько въ книгахъ, на ихъ гравированныхъ страничкахъ, но и вездѣ на площадяхъ, у статуй изъ мрамора и бронзы; на-

прасно его просили взглянуть хоть на большую площадь передъ Главнымъ Штабомъ, гдѣ надъ аркой, вверху колесницы, торжественно изображающей апоѳеозу побѣдныхъ русскихъ войскъ, является геній съ крыльями, а тутъ-же, въ нѣсколькихъ саженяхъ впереди, надъ Александровской колонной, воздвигается ангелъ, съ крыльями, опирающійся на крестъ; напрасно представляли г. цензору множество другихъ подобныхъ-же примѣровъ—онъ оставался глухъ и твердъ, и крылья у всѣхъ «геніевъ» были срѣзаны въ книгѣ, въ честь «ангеловъ». Точно также, напрасно указывали ему на всяческія пародіи, которыми быля наполнены «оперетки» Оффенбаха, имѣвшія предметомъ и боговъ Олимпа, и царей Греціи, при чемъ всяческіе аттрибуты костюма и обстановки были окарикатурены и представлены въ забавномъ видѣ, передъ глазами десятковъ и сотенъ тысячъ русскихъ и не русскихъ зрителей, и однакоже никому отъ того не было ни изъяна, ни скандала, начиная хоть съ самого Наполеона III (а ужь онъ-ли не былъ самымъ ревнивымъ цѣнителемъ и блюстителемъ всего, до него лично близко касавшагося!)—нѣтъ, никакое разсужденіе не дѣйствовало на г. цензора, и всѣ короны были срѣзаны съ головъ Андерсеновскихъ комичныхъ королей, и они остались только въ халатахъ, туфляхъ и ночныхъ колпакахъ, съ державой подъ мышкой! И что-же было мудренаго въ такихъ дѣяніяхъ цензора, когда другіе его товарищи строго запрещали, въ тѣ-же самые годы, дамамъ носить на пальто и бурнусахъ своихъ модныя матеріи, французской и нѣмецкой работы, гдѣ были орнаменты, издалека, очень издалека, съ большою натяжкою, похожіе на кресты!

Эти цензурныя бѣды причинили «переводчицамъ» много хлопотъ и тревогъ, а моей сестрѣ, принужденной возиться съ цензурой, перепортили много фунтовъ крови.

Впрочемъ, всѣ эти удивительные зигзаги происхо-

дили при нашей старинной еще предварительной цензурѣ, и наконецъ, не вѣчно-же продолжались. Нынѣче у насъ, довольно уже давно, есть Андерсенъ въ русскомъ переводѣ, совершенно полный, безъ всяческихъ урѣзокъ текста и картинокъ. И что-жь! Отъ этого съ тѣхъ поръ никому хуже не стало, ни малѣйшаго вреда ни для кого и ни для чего, не произошло.

Но какъ бы тамъ ни было, а изданіе наконецъ было доведено до вожделѣнной послѣдней страницы, и выпущено въ свѣтъ съ замѣчательной быстротой. Успѣхъ былъ со стороны публики значительный, рѣшительный, и менѣе чѣмъ черезъ 4 года, понадобилось отпечатать новое изданіе той-же книги, а потомъ явились переводы и «Новыхъ сказокъ» того-же автора. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сейчасъ-же явилось и множество подражателей, которые не только сами переводили Андерсена, но иногда пользовались, для своихъ изданій, чужимъ трудомъ. Въ 1872 году, когда моя сестра была заграницей, а М. В. Трубникова—довольно сильно больна, я, по ихъ просьбѣ и порученію, созывалъ въ частной квартирѣ (у Е. Н. Ахматовой) большое собраніе литераторовъ, ученыхъ и юристовъ (около 60 человѣкъ) и предлагалъ на ихъ обсужденіе два изданія сказокъ Андерсена: одно, выпущенное въ свѣтъ моими двумя довѣрительницами, въ 1868 году, и другое, выпущенное въ свѣтъ извѣстной писательницей, Маркомъ Вовчкомъ, въ 1872 году. Меня и многихъ другихъ сильно поражало какое-то необычайное сходство, какое-то изумительное *тожество* двухъ этихъ изданій. Послѣ разсмотрѣнія этого дѣла особою комиссіею, выдѣленною общимъ собраніемъ, это послѣднее выразило свое рѣшеніе 12-го ноября 1872 г., въ такихъ словахъ: «Изданіе 1872 года есть ничто иное, какъ *передѣлка* перевода тѣхъ-же сказокъ, изданнаго г-жами Трубниковой и Стасовой въ 1868 году». Это рѣшеніе подписали: К. Арсеньевъ, Е. Ахматова, В. Буренинъ, С. Буренина, Н. Вагнеръ, В. Гаевскій, В. Герардъ, И. За-

кревскій, Е. Лихачева, Л. Потѣхинъ, М. Стасюлевичъ, Н. Таганцевъ, М. Цебрикова, сверхъ того (нѣсколькими днями позже): Д. Григоровичъ, В. Коршъ, А. Потѣхинъ, А. Суворинъ, и оно было опубликовано въ «С.П.Б. Вѣдомостяхъ» 1872 года, № 322. Этотъ странный плагіатъ былъ тѣмъ болѣе удивителенъ, что Марко-Вовчекъ была сама очень даровитая писательница и въ состояніи была выполнить безъ всякой чужой помощи превосходный переводъ.

Но возвратимся къ первому изданію Андерсена въ русскомъ переводѣ, 1863 года. Успѣхъ этого изданія сильно ободрилъ членовъ артели, и онѣ стали продолжать печатаніе новыхъ своихъ книгъ.

Въ 1864 и 1865 гг. были изданы ими, въ переводахъ: «Разсказы о временахъ Меровинговъ», соч. Огюстена Тьерри, «Изъ природы», сочин. Германа Вагнера, «Разсказы о старинныхъ людяхъ», соч. Худякова. Изъ этихъ книгъ самая замѣчательная была—первая. «Книжный Вѣстникъ» писалъ про нее: «Кому изъ читателей не извѣстно, что французскій историкъ Ог. Тьерри написалъ, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, превосходное сочиненіе о временахъ первыхъ французскихъ королей изъ дома Меровинговъ (561—586 гг.), соединившее въ себѣ глубокую ученую разработку источниковъ съ живостью и необыкновенной драматичностью изложенія? Заслуга изданія настоящаго сочиненія заключается главнымъ образомъ въ томъ, что русскій переводъ вполнѣ удовлетворителенъ: его можно читать какъ беллетристическое сочиненіе, то-есть, какъ оно читается въ подлинникѣ. Для незнакомыхъ-же съ этимъ сочиненіемъ мы скажемъ, что періодъ, выбранный авторомъ, не смотря на свою кажущуюся кратковременность, заключаетъ въ себѣ самыя мрачныя, трагическія сцены изъ исторіи Франціи, самыя ужасныя личности, какъ напр., столь извѣстной своей звѣрской жестокостью королевы Брунегильды. Къ ученымъ примѣчаніямъ автора переводчикъ присоединилъ нѣсколько своихъ.

Такъ онъ дополнилъ въ одномъ мѣстѣ разсказъ Тьерри извлеченіемъ изъ «Исторіи Франціи» А. Гюго о смерти Гильпериха...»

Въ 1866 году издано артелью еще болѣе важное и интересное сочиненіе «Натуралистъ на Амазонской рѣкѣ», Бэтса. Книга эта, не только по талантливости автора, но и по своему содержанію и направленію, сильно интересовала русскую публику. Дарвинъ волновалъ тогда своими геніальными открытіями весь интеллигентный міръ, въ томъ числѣ и русскій. По глубоко справедливому слову М. Энгельгардта, книга его «О происхожденіи видовъ» знаменуетъ новую эру не въ біологіи только, но и вообще въ исторіи человѣческой мысли... Изъ ученыхъ XIX-го вѣка врядъ-ли кто имѣлъ такое глубокое и универсальное значеніе, какъ Дарвинъ...» Несмотря на то, что многіе консерваторы и ретрограды подняли у насъ тотчасъ-же жалобный, отчаянный вопль, пробовали даже какъ-нибудь противодѣйствовать распространенію книги, но все, что только было у насъ свѣтлаго, глядящаго впередъ, радовалось и съ энтузіазмомъ било въ ладоши. Переводъ Рачинскимъ книги Дарвина: «О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора» (1865) читался вездѣ по всей Россіи съ жадностью. Понятно, какъ должна была, въ такомъ случаѣ, интересовать русскую публику такая книга, которую этотъ самый Дарвинъ порекомендовалъ ея автору напечатать. Въ предисловіи своемъ Бэтсъ говорилъ: «Осенью 1847 года, Уэллесъ (вначалѣ пріятель и товарищъ Дарвина) предложилъ мнѣ присоединиться къ экспедиціи на Амазонскую рѣку. Планъ нашъ состоялъ въ томъ, чтобъ собрать коллекцію для насъ самихъ, послать дублеты въ Лондонъ, для покрытія издержекъ, и собрать факты для рѣшенія вопроса о происхожденіи видовъ. Въ апрѣлѣ 1848 г. мы отправились въ путешествіе. Уэллесъ остался въ Южной Америкѣ 4 года, я—7 лѣтъ, и воротился въ Лондонъ въ 1859 году Дар-

винъ уговаривалъ меня тогда-же писать книгу о моемъ путешествіи...»

Книга появилась въ свѣтъ въ 1863 г., второе англійское изданіе ея вышло въ слѣдующемъ 1864 году, и, конечно, лучшіе наши ученые тотчасъ узнали ее, высоко цѣнили ее, и желали ей такого-же распространенія у насъ, какъ въ Европѣ. Знаменитый профессоръ нашъ П. Г. Рѣдкинъ сильно рекомендовалъ моей сестру дать перевести и издать ее поскорѣе. Это произошло такъ: «Въ то время, когда у насъ только начиналась работа по изданію книгъ, разсказываетъ моя сестра, и уже былъ изданъ переводъ Андерсена, баронесса Э. Ѳ. Раденъ, старшая фрейлина великой княгини Елены Павловны, пріѣзжала ко мнѣ отъ имени великой княгини и сказала, что в. к. поручила ей намъ сказать, что она очень сочувствуетъ нашему дѣлу и готова помочь намъ въ изданіяхъ. Черезъ нѣсколько дней я получила и письмо отъ баронессы, гдѣ она пишетъ, что в. к. проситъ передать намъ, что «tous les rayons de sa bibliothèque sont à notre disposition» (всѣ полки ея библіотеки къ нашимъ услугамъ). Тутъ-же пріѣхалъ и профессоръ Рѣдкинъ, тоже по порученію в. к., и предлагалъ свои услуги для редакціи, но я съ глубокою благодарностью отвѣчала, что цѣль наша, худо-ли, хорошо-ли, но чтобы по всѣмъ изданіямъ нашимъ—были, во-первыхъ, все только *женщины*, а во вторыхъ, чтобы *дѣлали все сами*, какъ переводчицы, редакторши, брошюровщицы, наборщицы и т. д., и это все было намъ доступно. Я благодарила искренно и великую княгиню, и профессора Рѣдкина, но прибавила, что мы, впрочемъ, будемъ ему очень благодарны за всякій его совѣтъ и указаніе на наши ошибки, и просимъ его позволенія обращаться къ нему за указаніями по выбору книгъ. Вотъ тутъ-то онъ и предложилъ намъ перевести книгу Бэтса...» Артель съ удовольствіемъ и почтеніемъ послушалась, и около середины 1866 года книга Бэтса

въ переводѣ уже появилась въ свѣтъ. Переводили съ англійскаго: А. Н. Шульговская, г-жи Шульцъ, Муншъ и Бабкина. Редактировала Пол. Ст. Стасова. Напечатана была книга въ типографіи Головачева. Рисунки для иллюстрацій были гравированы въ Петербургѣ, съ англійскихъ оригиналовъ, отличнымъ нашимъ граверомъ Гогенфельденомъ, и вышли отлично.

Къ книгѣ Бэтса, такъ хорошо устроенной у насъ, русскіе журналы и газеты отнеслись очень сочувственно. Конечно, «Современникъ» былъ нѣсколько черезчуръ сдержанъ, какъ и по поводу «Сказокъ» Андерсена, однако все-таки хвалилъ. «Переводчицы сдѣлали, говорилъ онъ, довольно удачный выборъ предмета для своей дѣятельности. Книга эта вѣроятно будетъ очень занимательна для любителей естествознанія, которыхъ теперь довольно много въ нашей читающей публикѣ... Читатель, даже не спеціалистъ по естественнымъ наукамъ, найдетъ въ ней любопытное чтеніе, тѣмъ болѣе, что описываемая страна принадлежитъ къ наименѣе извѣстнымъ, и Бэтсъ умѣетъ иногда очень наглядно рисовать дѣвственную природу тропической Америки... Вчитываясь въ книгу, читатель мало-по-малу создаетъ себѣ картину этой страны, въ которой до настоящей минуты столько первобытнаго въ природѣ и въ самомъ человѣкѣ, и которая еще ожидаетъ себѣ цивилизаціи... Переводъ сдѣланъ недурно...»

«Русское Слово» было въ своихъ приговорахъ гораздо горячѣе и симпатичнѣе. Тамъ было сказано: «Читатели «Русскаго Слова» отчасти знакомы съ книгой Бэтса по компиляціи ея, помѣщенной въ нашемъ журналѣ въ прошломъ году, насколько компиляція можетъ познакомить съ книгой, гдѣ каждая страница представляетъ необыкновенный интересъ и гдѣ собрана такая масса любопытнѣйшихъ наблюденій. Бэтсъ описываетъ страну, которую уже посѣщали многіе путешественники (Гумбольдтъ, Азара, проф. Видъ и др.), но до сихъ поръ не было еще такого хорошаго и инте-

реснаго для большинства публики описанія ея... Бэтсъ отзывается объ обитателяхъ Южной Америки гораздо благосклоннѣе, чѣмъ Дарвинъ, и это происходитъ отъ личнаго взгляда путешественниковъ. Бэтсъ такъ очарованъ роскошью страны, что невзыскателенъ къ жителямъ, добродушіе и гостепріимство которыхъ испыталъ. Притомъ-же онъ обращалъ несравненно болѣе вниманія на нравы животныхъ, чѣмъ людей. Хотя читатель не найдетъ въ его книгѣ тѣхъ геніальныхъ соображеній и взглядовъ, которые сопровождаютъ разсказъ Дарвина, но тѣмъ не менѣе прочтетъ ее съ истиннымъ наслажденіемъ. Замѣчу кстати, что его книга издана едва-ли не лучше всѣхъ переводныхъ сочиненій, выходившихъ у насъ, какъ относительно перевода, такъ и типографскаго выполненія; къ ней приложено нѣсколько весьма тщательно сдѣланныхъ гравюръ, представляющихъ точную копію съ рисунковъ англійскаго изданія...»

Тоже и «Голосъ», тогдашній законодатель нашей массы и толпы, съ сочувствіемъ напечаталъ (впрочемъ позже другихъ) отчетъ о книгѣ Бэтса, наравнѣ съ отчетами о наиважнѣйшихъ сочиненіяхъ, появлявшихся тогда на русскомъ горизонтѣ. Въ № 193 1866 г. было сказано: «Сочиненіе Бэтса пользуется почетною извѣстностью въ литературѣ, какъ такая книга, гдѣ масса научныхъ фактовъ по предмету естествовѣдѣнія передается въ связи съ живымъ и занимательнымъ разсказомъ о путешествіи по малоизвѣстнымъ пространствамъ Южной Америки... Ученое значеніе трудовъ Бэтса признано многими натуралистами (Гюнтеромъ, Греемъ, Склатеромъ, Дарвиномъ, Бауэрбенкомъ), которые занимались разборомъ и описаніемъ его коллекцій. Съ особенною подробностью онъ изучалъ насѣкомыхъ Бразиліи—бабочекъ, муравьевъ, осъ, пчелъ. Трактатъ его о разныхъ породахъ американскихъ муравьевъ, ихъ нравахъ и жизни, отличается обширностью, полнотою и вноситъ много новыхъ фактовъ въ область

естествовѣдѣнія. Но едва-ли не болѣе интереса представляетъ это сочиненіе, какъ прекрасно написанный литературный разсказъ путешественника, которому удалось посѣтить одинъ изъ самыхъ любопытныхъ краевъ Новаго Свѣта... Кто-бы повѣрилъ, что въ наше время ученый путешественникъ открываетъ тамъ на каждомъ шагу новыя породы извѣстныхъ насѣкомыхъ, растеній, даже птицъ, что туристъ встрѣчаетъ безпрестанно новые предметы, обычаи, о которыхъ въ Европѣ никто и не слыхивалъ. На самомъ дѣлѣ это такъ... Мы обращаемъ вниманіе читателей на сочиненіе Бэтса, которое представляетъ неоспоримый интересъ для всѣхъ, кто желаетъ ознакомиться съ природой, произведеніями и современнымъ состояніемъ цивилизаціи въ самомъ замѣчательномъ краѣ Южной Америки».

Все это было очень далеко отъ «дѣтскихъ» книгъ. Даже сами переводчицы-издательницы говорили въ «Предисловіи» къ 1-му своему изданію: «Сочиненія Андерсена, въ особенности его «Сказки», даютъ ему неоспоримое блестящее мѣсто въ ряду великихъ поэтическихъ личностей XIX вѣка. Можно смѣло сказать, что ни въ одной литературѣ нѣтъ лучшаго въ этомъ родѣ по чрезвычайной силѣ воображенія, свѣжести образовъ, прелести разсказа...» И вотъ, благодаря этимъ нашимъ женщинамъ, ихъ изданія шли на пользу, на глубокое наслажденіе, на возмужаніе мысли именно все только самыхъ взрослыхъ, самыхъ развитыхъ и развивающихся нашихъ людей. Заслуга артели была тутъ велика и серьезна.

Впрочемъ, у артели шли тогда также и изданія для міра дѣтей, всегда столько важнаго и привлекательнаго для всѣхъ, особенно для женщинъ.

«Въ русской юной читающей публикѣ, говоритъ въ своей «Запискѣ» П. С. Стасова, которая впродолженіе многихъ годовъ ревностно исполняла въ Артели должность казначея и до сихъ поръ сохранила всѣ ея главные документы того времени, приходо-расход-

ныя книги, росписки и т. д.,—громко (*какъ никогда прежде*, прибавлю я отъ себя. *В. С.*), громко сказывалась, въ началѣ 60-хъ годовъ, потребность въ естественно-историческихъ знаніяхъ. Н. В. откликнулась и на это. Она выписываетъ изъ-за границы (1864) только-что появившуюся тамъ книгу извѣстнаго ученаго Германа Вагнера «Blicke in die Natur», комитетъ прочитываетъ и одобряетъ ее. Приступаютъ къ переводу (переводили на этотъ разъ: А. Н. Шульговская, г-жи Кудиновичъ, Вистеліусъ, Дзичковская, Энвальдъ, редактировали: М. В. Трубникова и Е. Г. Бекетова), и книга появляется въ свѣтъ подъ заглавіемъ: «Изъ природы». Но опять нужны иллюстраціи, и у Н. В. является новая мысль: иллюстрировать книгу рисунками *русской женщины*. Узнаетъ она, что есть хорошая художница Константинова, рисовальщица. Она разыскиваетъ ее и приглашаетъ къ себѣ. Но надо достать подходящіе оригиналы, которыми можно было-бы руководствоваться. Тогда Н. В. обращается къ профессорамъ университета, А. Н. Бекетову и Ф. В. Овсянникову, по ихъ указанію достаетъ изъ императорской публичной библіотеки великолѣпныя изданія по ботаникѣ и зоологіи, и г-жа Константинова превосходно исполняетъ нужные рисунки, и даже раскрашиваетъ ихъ для изданія. Оно скоро становится любимой, почти настольной книгой учащагося юношества.

«Въ 1865 году въ Артели участниковъ еще прибавилось. Всѣхъ налицо уже 54, а уставъ все еще не разрѣшонъ. Одна изъ главнѣйшихъ, А. П. Философова, беретъ на себя ходатайствовать въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ объ этомъ разрѣшеніи. Ей обѣщано, но втеченіе года—никакого признака жизни оттуда. А между тѣмъ, существованіе общества какъ-бы признано оффиціально: по ходатайству Н. В., «Сказки» Андерсена, «Разсказы о Меровингахъ» и «Изъ природы», внесены, какъ «*весьма полезныя сочиненія*», въ нормальный каталогъ женскихъ учебныхъ заведеній.

женскаго труда. Поэтому ея появленіе заслуживаетъ особаго вниманія. Выборъ книги удаченъ. Русская публика впервые настояще познакомится съ произведеніями замѣчательнаго и, можно сказать, единственнаго въ своемъ родѣ сказочника (!), познакомится съ этой оригинальной литературной формой, еще невиданной въ русской литературѣ, да и самыя сказки доставятъ читателямъ, незнакомымъ съ Андерсеномъ, большое удовольствіе—онѣ очень свѣжи и поэтичны... Переводъ въ большей части сказокъ удовлетворительный».

Въ то-же время «Книжный Вѣстникъ» писалъ, что «переводъ прекрасенъ и рисунки очень отчетливы, а все-бы лучше, еслибы они были раскрашены (!)». Къ сожалѣнію, и этотъ журналъ смотрѣлъ на сказки Андерсена только какъ на книжку для дѣтей, «которая, однакоже, можетъ быть прочтена съ удовольствіемъ и взрослыми...»

Но здѣсь я долженъ коснуться одной любопытной подробности изданія «Сказокъ» Андерсена, которую, кажется, не зналъ никто, или почти никто, изъ тогдашней публики и критиковъ. Издательницамъ пришлось отвѣдать одной горькой чаши: нѣкоторыхъ особенныхъ странностей тогдашней цензуры. Я уже не говорю о томъ, что были запрещены нѣкоторыя сказки, какъ напримѣръ, «Райскій садъ» и «Ангелъ»—это еще куда-бы ни шло. Но вѣдь дѣло состояло въ томъ, что цензоръ вдругъ призналъ невозможными, въ картинкахъ, всѣ крылья за спиной у «геніевъ» всѣ «короны» на головѣ у королей. Онъ велѣлъ вездѣ ихъ срѣзать. Напрасно ему представляли «переводчицы» (конечно всего болѣе моя сестра), что весь Петербургъ, да и другіе города на свѣтѣ наполнены изображеніемъ геніевъ съ крыльями за спиной, и никто не смѣшиваетъ ихъ съ «ангелами», и это нетолько въ книгахъ, на ихъ гравированныхъ страничкахъ, но и вездѣ на площадяхъ, у статуй изъ мрамора и бронзы; на-

писали письмо на нѣмецкомъ языкѣ, отъ русскихъ переводчицъ, и знаменитый авторъ отвѣчалъ тоже письмомъ и прислалъ свой портретъ, фотографію, превосходно снятую въ Копенгагенѣ. Этотъ портретъ Н. В. сейчасъ-же передаетъ нашему извѣстному художнику, граверу Сѣрякову, и тотъ отлично вырѣзываетъ его на деревѣ. Въ это-же время Н. В. заказываетъ для этихъ «Новыхъ сказокъ» (въ числѣ которыхъ впервые появились такія высоко-художественныя и поэтическія созданія, какъ наприм. «Сонъ стараго дуба» и «Муза новаго вѣка»)— 50 рисунковъ академику барону М. П. Клодту (прославившемуся въ 60-хъ годахъ своей глубоко-трогательной картиной «Послѣдняя весна»), а съ этихъ рисунковъ художницы Кочетова и Гаврилова (въ замужествѣ Сѣрякова) вырѣзывали гравюры на деревѣ, и къ этому новому литературному труду женщинъ-переводчицъ вкладываютъ художественный трудъ русскихъ женщинъ-артистокъ». «Новыя сказки» были переведены: А. Г. Маркеловой, Е. И. Цѣниной, М. Г. Ермоловой, М. И. Малышевой, А. Н. Шульговской. Редактировала А. Н. Шульговская.

Про всѣ эти работы моя сестра говоритъ: «Для перваго раза все было исполнено довольно удовлетворительно, но далеко не то, чего-бы можно желать». Она рѣдко удовлетворялась достигаемымъ, рѣдко восхищалась полученными результатами, и всегда стремилась къ дальнѣйшему, къ лучшему.

Моя сестра всегда особенно любила и уважала все, касающееся естественной исторіи, и находила себѣ постоянно откликъ и сочувствіе въ окружающихъ ее товаркахъ по дѣлу: всѣ вообще тогда у насъ—и мужчины и женщины, и старъ и младъ, жадно устремлялись ко всему естественно-историческому; это было въ тѣ годы общее любимое чтеніе, всѣ считали, что такія книги всего болѣе развиваютъ читателя, способнаго быть интеллектуальнымъ, расширяютъ его горизонты и понятія, и оттого-то, въ числѣ книгъ, переводимыхъ тог-

дили при нашей старинной еще предварительной цензурѣ, и наконецъ, не вѣчно-же продолжались. Нынче у насъ, довольно уже давно, есть Андерсенъ въ русскомъ переводѣ, совершенно полный, безъ всяческихъ урѣзокъ текста и картинокъ. И что-жь! Отъ этого съ тѣхъ поръ никому хуже не стало, ни малѣйшаго вреда ни для кого и ни для чего, не произошло.

Но какъ бы тамъ ни было, а изданіе наконецъ было доведено до вожделѣнной послѣдней страницы, и выпущено въ свѣтъ съ замѣчательной быстротой. Успѣхъ былъ со стороны публики значительный, рѣшительный, и менѣе чѣмъ черезъ 4 года, понадобилось отпечатать новое изданіе той-же книги, а потомъ явились переводы и «Новыхъ сказокъ» того-же автора. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сейчасъ-же явилось и множество подражателей, которые не только сами переводили Андерсена, но иногда пользовались, для своихъ изданій, чужимъ трудомъ. Въ 1872 году, когда моя сестра была заграницей, а М. В. Трубникова—довольно сильно больна, я, по ихъ просьбѣ и порученію, созывалъ въ частной квартирѣ (у Е. Н. Ахматовой) большое собраніе литераторовъ, ученыхъ и юристовъ (около 60 человѣкъ) и предлагалъ на ихъ обсужденіе два изданія сказокъ Андерсена: одно, выпущенное въ свѣтъ моими двумя довѣрительницами, въ 1868 году, и другое, выпущенное въ свѣтъ извѣстной писательницей, Маркомъ Вовчкомъ, въ 1872 году. Меня и многихъ другихъ сильно поражало какое-то необычайное сходство, какое-то изумительное *тожество* двухъ этихъ изданій. Послѣ разсмотрѣнія этого дѣла особою комиссіею, выдѣленною общимъ собраніемъ, это послѣднее выразило свое рѣшеніе 12-го ноября 1872 г., въ такихъ словахъ: «Изданіе 1872 года есть ничто иное, какъ *передѣлка* перевода тѣхъ-же сказокъ, изданнаго г-жами Трубниковой и Стасовой въ 1868 году». Это рѣшеніе подписали: К. Арсеньевъ, Е. Ахматова, В. Буренинъ, С. Буренина, Н. Вагнеръ, В. Гаевскій, В. Герардъ, И. За-

тамъ пробыть болѣе 5 лѣтъ; наконецъ, и главнымъ образомъ, крахъ одной книгопродавческой фирмы, гдѣ находились главные склады книгъ общества переводчицъ, роковымъ образомъ отразился на дѣлахъ его. Еще до отъѣзда Н. В., издана была книжечка доктора Бока: «О здоровьѣ дѣтей, въ школѣ и дома» *); послѣ ея отъѣзда, но съ ея вѣдома и согласія, изданы «Сказки Кота Мурлыки», профессора Н. П. Вагнера. Это изданіе было послѣднимъ громкимъ аккордомъ этого общества. Затѣмъ оно нѣсколько лѣтъ медленно и тихо угасало, издало втеченіе 4-хъ лѣтъ (1872—76) двѣ маленькія, переведенныя съ англійскаго повѣсти американской писательницы Луизы Олькотъ **), и въ 1879 году, вопреки желанію Н. В. и двухъ-трехъ лицъ, по большинству голосовъ—ликвидировалось. Но участницы получали постепенно, изъ суммъ продажи книгъ, всѣ свои паи и дивидендъ за много лѣтъ».

Въ своихъ «Запискахъ» моя сестра также разсказываетъ про печальное окончаніе этого общества. «Всѣ наши артельщицы-переводчицы, говоритъ она, получали паи. Они были такъ ничтожны, что не могли удовлетворять и четверти тѣхъ артельщицъ, которыя тутъ участвовали. На эти паи нельзя было существовать, не имѣя другого посторонняго заработка. Но все-таки впродолженіе 10 лѣтъ, пока М. В. Трубникова и я принимали живое участіе въ этомъ дѣлѣ, оно шло, хотя и не совсѣмъ удовлетворительно, но все-же шло. Къ намъ имѣли полное довѣріе всѣ силы артели. Всѣ эти женщины-труженицы съ нами хорошо ознакомились, видѣли, что мы лично хлопочемъ и пріискиваемъ трудъ и переводный, и переплетный, и наборный, и трудъ уроковъ, да, наконецъ, и шитья. Но

---

*) Переводили: А. Н. Энгельгардть и А. Н. Шульговская.

**) Первая изъ нихъ: „Старосвѣтская дѣвушка", переведена Е. Г. Бекетовой, вторую, „Маленькія женщины", переводили: О. И. Кларкъ, А. Г. Маркелова, М. В. Трубникова. Редактировала М. В. Трубникова.

обѣимъ намъ пришлось сложить съ себя это дѣло по домашнимъ обстоятельствамъ. Я должна была уѣхать (въ 1872 г.) заграницу съ больными близкими родными, М. В. сама была больная и тоже уѣхала (еще въ 1869 г.) заграницу. Послѣ того единство не сохранилось между членами артели, и мало-по-малу дѣло распалось. Характеръ общій измѣнился, настоящія работницы отпали, и почти всѣ стали брать свои паи обратно (впрочемъ, нѣкоторыя изъ нихъ, первая А. П. Философова, рѣшительно отказались отъ своихъ паевъ въ пользу общества)—и все замерло»... Моей сестрѣ было чрезвычайно жаль и тогда, и послѣ. «Но, прибавляетъ она (въ одномъ мѣстѣ своихъ «Записокъ», въ 1891-мъ году, вспоминая старое), постараюсь въ этотъ годъ какъ-нибудь что-либо затѣять. Надо денегъ, а откуда ихъ взять? Ну, да надо предпринимать журналъ, какъ это было у насъ назначено еще въ самомъ началѣ... Напишу Бѣлозерской»... Вотъ какъ ее постоянно наполняла мысль о женскомъ «коллективномъ трудѣ», вотъ какъ она не покидала ее, не взирая почти на сотню дѣлъ и заботъ, вновь возникшихъ съ 1879 года и по 1891 годъ, вотъ какъ она никогда не забывала своего дорогого «артельнаго начала», и все продолжала стремиться къ нему даже тогда, когда множество прежнихъ товарокъ отдалились отъ него среди вихря и сутолоки жизни, отвлеклись и забыли! Можно сказать навѣрное (и никто лучше меня этого не знаетъ, помня разговоры послѣднихъ лѣтъ ея жизни), что проживи она еще нѣсколько лѣтъ, участвуй она въ новомъ «Женскомъ обществѣ», она непремѣнно внесла-бы туда и зажгла-бы во многихъ эту самую идею о женской совмѣстной общей работѣ и о журналѣ.

X.

Здѣсь мнѣ нужно вернуться нѣсколько назадъ и разсказать ходъ дѣла въ «Обществѣ дешевыхъ квар-

тиръ», въ концѣ 60-хъ годовъ, впродолженіе 70-хъ и въ началѣ 80-хъ.

Какъ я уже говорилъ выше, *первою* предсѣдательницею этого общества была, конечно, по всѣмъ правамъ, М. В. Трубникова, отъ которой пошелъ первый починъ всего дѣла, и которая всѣхъ больше сдѣлала для его лучшихъ и важнѣйшихъ успѣховъ.

Второю предсѣдательницею была А. П. Философова, съ 1861 по 1863 годъ, по причинѣ болѣзни и отъѣзда М. В. Трубниковой заграницу въ началѣ 1869 года. Новая предсѣдательница была до глубины души предана своему дѣлу, не щадила ни трудовъ, ни усилій, дѣятельность ея была постоянно самая энергическая, бодрая, она никогда не отставала отъ самыхъ главныхъ, самыхъ дѣятельныхъ своихъ сотрудницъ, полныхъ иниціативы и всяческихъ полезныхъ начинаній, и придавала имъ много силы и успѣха при осуществленіи на практикѣ. Впродолженіе двухъ лѣтъ ея предсѣдательства, общество имѣло возможность употребить на нужды общежитія до 10 тысячъ рублей.

Послѣ нея, впродолженіе 4-хъ лѣтъ, предсѣдательницей была графиня В. Н. Ростовцева, всѣми уважаемая и достойно выполнявшая свою прекрасную задачу, часто при помощи своихъ обширныхъ связей, знакомствъ и вліянія въ высшихъ слояхъ. А. П. Философова состояла въ это время ея помощницей. Въ этотъ періодъ времени осуществлено, въ числѣ многихъ другихъ важныхъ дѣлъ, давно задуманное въ Обществѣ дѣло: открытіе *мастерской* для взрослыхъ работницъ, и *школы* и *рукодѣльни* для находившихся при нихъ дѣтей, какъ у меня уже выше сказано. Въ этомъ дѣлѣ особенно выдающуюся роль играла моя сестра.

Въ 1867 году снова была избрана въ предсѣдательницы А. П. Философова, которая потомъ занимала это мѣсто 12 лѣтъ. При ней исполнилось одно изъ самыхъ главныхъ желаній Общества, устройство своихъ *общественныхъ домовъ*, для водворенія тамъ неимущихъ, пре-

въ переводѣ уже появилась въ свѣтъ. Переводили съ англійскаго: А. Н. Шульговская, г-жи Шульцъ, Муншъ и Бабкина. Редактировала Пол. Ст. Стасова. Напечатана была книга въ типографіи Головачева. Рисунки для иллюстрацій были гравированы въ Петербургѣ, съ англійскихъ оригиналовъ, отличнымъ нашимъ граверомъ Гогенфельденомъ, и вышли отлично.

Къ книгѣ Бэтса, такъ хорошо устроенной у насъ, русскіе журналы и газеты отнеслись очень сочувственно. Конечно, «Современникъ» былъ нѣсколько черезчуръ сдержанъ, какъ и по поводу «Сказокъ» Андерсена, однако все-таки хвалилъ. «Переводчицы сдѣлали, говорилъ онъ, довольно удачный выборъ предмета для своей дѣятельности. Книга эта вѣроятно будетъ очень занимательна для любителей естествознанія, которыхъ теперь довольно много въ нашей читающей публикѣ... Читатель, даже не спеціалистъ по естественнымъ наукамъ, найдетъ въ ней любопытное чтеніе, тѣмъ болѣе, что описываемая страна принадлежитъ къ наименѣе извѣстнымъ, и Бэтсъ умѣетъ иногда очень наглядно рисовать дѣвственную природу тропической Америки... Вчитываясь въ книгу, читатель мало-по-малу создаетъ себѣ картину этой страны, въ которой до настоящей минуты столько первобытнаго въ природѣ и въ самомъ человѣкѣ, и которая еще ожидаетъ себѣ цивилизаціи... Переводъ сдѣланъ недурно...»

«Русское Слово» было въ своихъ приговорахъ гораздо горячѣе и симпатичнѣе. Тамъ было сказано: «Читатели «Русскаго Слова» отчасти знакомы съ книгой Бэтса по компиляціи ея, помѣщенной въ нашемъ журналѣ въ прошломъ году, насколько компиляція можетъ познакомить съ книгой, гдѣ каждая страница представляетъ необыкновенный интересъ и гдѣ собрана такая масса любопытнѣйшихъ наблюденій. Бэтсъ описываетъ страну, которую уже посѣщали многіе путешественники (Гумбольдтъ, Азара, проф. Видъ и др.), но до сихъ поръ не было еще такого хорошаго и инте-

въ корридоръ. Тутъ-же помѣщались отдѣленіе школьное и мастерская, сначала въ большихъ размѣрахъ. Но, откровенно говоря, все это были устроено не вполнѣ удачно. Такъ, наприм., домъ долго отапливался паровымъ способомъ, который не хорошъ, слишкомъ сухъ... Скоро общество увидало, что надо стараться добывать заказы или подряды, и мы стали получать ихъ (выше уже было говорено о помощи, въ этомъ отношеніи, Ал. Венед. Шакѣева). Дѣло пошло прекрасно, все расширяясь, и до такой степени, что наконецъ, въ 1871 году былъ взятъ огромный подрядъ на 100.000 штукъ всяческой военной аммуниціи.

«Это было устроено черезъ посредство одной изъ членшъ комитета, знаменитой и самоотверженной предсѣдательницы общества сестеръ Краснаго Креста, Юліи Өедоровнѣ Гамбургеръ, которая хорошо была знакома съ нѣкоторыми изъ высшихъ членовъ комиссаріатскаго управленія. И вотъ мы втроемъ, Юлія Өедор. Гамбургеръ, А. П. Философова и я, поѣхали на торги въ военное министерство, и взяли, или, точнѣе сказать, отняли съ боя у евреевъ, огромный подрядъ. Надо было внести залогъ, и Юлія Өедор. Гамбургеръ внесла свои собственныя акціи. Съ тѣхъ поръ работа не прекращалась по настоящую минуту (1892). Надо было дѣлать 100.000 мундировъ, столько-же панталонъ, шинелей, башлыковъ, сверхъ того, такое-же количество бѣлья въ лазареты на всю Россію, послѣ войны. Все было исполнено въ три года. Но для этой работы пришлось передѣлывать цѣлый этажъ въ домѣ, и изъ жилыхъ комнатъ устроить мастерскую, гдѣ могли-бы помѣщаться 300 и даже 500 человѣкъ работающихъ. Проломали стѣны, сдѣлали арки, и работа закипѣла. Надо было видѣть, какъ работницы стали приплывать со всѣхъ сторонъ, узнавъ, что работа взята *нами*. Работницы массами толпились у дверей. Комитетъ нашъ долженъ былъ впередъ удовлетворить живущихъ въ домѣ. Но тутъ произошло удивительное явленіе: боль-

шинство живущихъ по-маленьку стали отказываться отъ этой работы, говоря, что слишкомъ тяжелы швейныя машины. Это правда: 11 машинъ были намъ даны изъ министерства огромныхъ, для шитья мундировъ и шинелей, но вѣдь бѣлье шьется на обыкновенныхъ машинахъ, однако, фактъ тотъ, что работали большею частью приходящія. И насмотрѣлись мы при этомъ дѣлѣ много, много чего. Первыя *мы* имѣли возможность, по разсчету, увеличить заработную плату въ четыре раза противъ той, какая была установлена еврейскими подрядчиками, и все-же намъ оплачивалось помѣщеніе, вычисленное въ 3.000 р. самое малое. Тоже и остатокъ ежегодный большой бывалъ. Затѣмъ сколько неправильностей при полученіи матерьяла съ фабрикъ... Какія браковки происходили... Конечно, и надзирательницы, и сама Юлія Өедор. Гамбургеръ слѣдили всегда сами, чтобы работа исполнялась хорошо, и тотчасъ давали перешивать, когда что было худо. Но удивительное дѣло! Живущія у насъ въ домѣ женщины и теперь (1892) избѣгаютъ этой работы, а берутъ изъ рынка и со стороны, предпочитаютъ отыскивать работу, часто даже безъ нея остаются, а этой работы не берутъ—говорятъ, что невыгодно.

«Но, вообще говоря, что это за хлопотливое дѣло! Надо каждую работницу записать, взять ея паспортъ, а то, пожалуй, и работа пропадетъ; надо каждой дать часть работы, матерьялъ, сукно, нитки, шелкъ, пристроить къ извѣстному мѣсту, все это записать въ общую книгу работницы, которая ей выдается и по которой дѣлается каждую субботу разсчетъ: затѣмъ, принять изъ казны весь матерьялъ, разсчитать, сколько изъ него должно выйти вещей, сколько надо на каждую штуку нитокъ и всего; и все это опять еженедѣльно сдать въ казну. А главное еще, дать работницѣ столько нитокъ, чтобы хватило и не было затрачено лишняго, а также, чтобы не обидѣть работницу въ этой выдачѣ. Я, напримѣръ, слышала, что у одной завѣдующей,

которая была прежде работницей и стала потомъ несправедлива, работницы зачастую бывали принуждены прикупать свои нитки, потому-что получали иной разъ вмѣсто $2^1/_2$ катушекъ—только 2. Разъ какъ-то, когда работницы заявили объ этомъ, надзирательница отказала нѣсколькимъ изъ нихъ, такъ-что съ тѣхъ поръ всѣ замолчали, а она стала получать... Начальникъ ничего не прекратилъ послѣ жалобъ... Вотъ какъ бываютъ иногда запутаны самыя благонамѣренныя дѣла, и это все на счетъ бѣднаго люда! Какъ быть, какъ дѣйствовать?.. Надо было-бы приступить къ этому дѣлу, хорошо обдумавши... Вотъ, такимъ образомъ, наше дѣло выросло до огромныхъ размѣровъ, но много, много чего еще надо тутъ желать и улучшать. Прошло много лѣтъ отъ начала Общества дешовыхъ квартиръ. Комитетъ сколько разъ какъ калейдоскопъ перемѣнялся!...»

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Высшіе женскіе курсы.—Начало ихъ.

XI.

«Издательская дѣятельность, такъ начинаетъ моя сестра свой разсказъ о возникновеніи высшихъ женскихъ курсовъ, столкнула насъ со многими выдающимися труженицами, но тутъ-же выяснилось, какъ мало знанія у большинства, и что это большинство—недоучки-женщины, страшно не развитыя, хотя по природѣ стремящіяся сбросить съ себя рабство невѣжества и готовыя на всякій трудъ, лишь-бы стать на ноги. Послѣ освобожденія крестьянъ, мы столкнулись съ такимъ помѣщичьимъ пролетаріатомъ, о которомъ никогда прежде не могли имѣть и понятія. А мы, съ нашей стороны, желая придти имъ на помощь, ища имъ работы, увидали, что, прежде чѣмъ ихъ устраивать, надо ихъ учить. Для школы въ Обществѣ дешевыхъ квартиръ намъ нужны были учительницы, такъ-какъ намъ не было возможности самимъ продолжать по-очереди ѣздить аккуратно и учить дѣтей. Всѣ почти были обременены домашними дѣлами, а кто и уѣхалъ изъ Петербурга. Поэтому школа и стала подвергаться манкировкамъ. Такъ вотъ, ища учительницъ, мы долго, долго не могли найти для нашей школы образованной дѣвушки. И тутъ-то, на своихъ собраніяхъ, мы всѣ глубоко со-

знали, что русская женщина совсѣмъ не образована; что все, что ей предписывается по артикулу всѣхъ существующихъ женскихъ заведеній, все образованіе— равны нулю; что учатъ ее по какимъ-то учебникамъ нелѣпымъ, составленнымъ для «благородныхъ дѣвицъ», и никуда негоднымъ для примѣненія въ жизни. Только немногимъ счастливицамъ выпадала на долю возможность дѣйствительно чему-нибудь научиться. Но какимъ трудомъ приходилось завоевывать эту возможность! Всюду двери были заперты. Это сознаніе у каждой мало-мальски мыслящей женщины давно созрѣвало въ глубинѣ души, а тутъ потокомъ и вылилось...»

Кончивъ свои разсказы объ Обществѣ дешевыхъ квартиръ, воскресныхъ школахъ, издательской дѣятельности, моя сестра восклицаетъ въ своихъ «Запискахъ»: «Но все это были только преддверія къ высшимъ женскимъ курсамъ».

И дѣйствительно, въ началѣ второй половины 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, для лучшихъ и интеллигентнѣйшихъ русскихъ женщинъ, а вмѣстѣ съ ними и для моей сестры, пришла пора самой крупной, самой плодотворной для нашего отечества дѣятельности, пора самой могучей инициативы ихъ по части освобожденія женщины отъ тысячелѣтнихъ цѣпей и приниженія. По всему *мужскому* нашему міру шли тогда перемѣны и перевороты, которымъ ничего подобнаго не было во всей прежней нашей исторіи; въ эти-же самыя минуты выросшія вдругъ и разцвѣтшія духомъ и волей существа *женскаго* нашего міра, вся вторая половина русскаго народа, тоже почувствовали свою прежнюю горькую болѣзнь, взяли окрѣпшею рукою одръ свой, встали и пошли.

Коротки были у нихъ у всѣхъ годы оздоровленія и пришествія въ память, но могуча была юность духа и накопившаяся подъ тяжелымъ гнетомъ приваленнаго камня—молодая сила.

Разсматривая съ удивленіемъ и любовью этотъ но-

вый періодъ русской женской жизни и дѣятельности, мы видимъ опять то-же самое, что видѣли втеченіе предъидущаго періода (конца 50 хъ и начала 60-хъ годовъ): не то теперь начиналось и совершалось, что было надумано и придумано дома, въ тиши кабинетовъ, гостиныхъ и рабочихъ комнатъ въ томъ-то или томъ-то углу того-то или того-то нашего города, а то, что начало повсюду, капля за каплей, зерно за зерномъ, становиться громадной лавиной и волновать всѣ души. Это не капризы были праздныхъ барынь, это не мода у нихъ тутъ была, а горячая, свѣжая, искренняя потребность, вызванная обстоятельствами, а они—лучшій указчикъ, направитель и метрономъ. И вотъ, лучшія силы, лучшіе умы только ей покорялись и выносили ее къ свѣту, на солнце, къ просыпанію, къ работѣ, и выносили ее на молодыхъ рвущихся впередъ плечахъ.

Такія уже бываютъ, къ счастью рода людскаго, иныя минуты въ исторіи. Конечно, горячо просверкавъ и прогорѣвъ пламенемъ, онѣ потомъ затихаютъ и погружаются въ сонъ и летаргію (какъ, напримѣръ, теперь, у насъ), но это ничего! Пугаться и тосковать нечего! Время и молодыя силы опять придутъ и свое возьмутъ.

«Еще въ концѣ 50-хъ годовъ, пишетъ моя сестра, Вышнеградскій (Николай) задумалъ свою великую мысль: дать возможность всѣмъ русскимъ женскимъ сословіямъ учиться, и для того основать открытыя заведенія. И вотъ возникаетъ *первая женская* гимназія. Къ этому дѣлу отнеслась глубоко сердечно императрица Марія Александровна и дала разрѣшеніе на открытіе училищъ, куда могли идти учиться всѣ безъ исключенія наши дѣвушки. Тамъ не спрашивали даже и метрики, для того, чтобы дать возможность незаконнымъ дѣтямъ тоже туда поступать, и чтобы не было розни между дѣтьми, чтобы они не могли подозрѣвать, кто у нихъ товарка—генеральша, или кучерова дочь,

или незаконнорожденная: ничто не спрашивалось. Въ запискѣ Н. А. Вышнеградскаго этотъ глубоко-нравственный педагогическій пунктъ былъ хорошо и человѣчно выясненъ, и на подлинникѣ императрица сама своею рукою написала: «Совершенно согласна, и глубоко сочувствую вашей мысли. Дай Богъ вамъ облегчить участь невинныхъ дѣтей, которымъ тяжко живется во всѣхъ слояхъ общества. Готова вамъ помогать». И вотъ, просили императрицу позволить назвать эту первую женскую гимназію—*Маріинской*. На это было получено согласіе.

Тутъ-то я вскорѣ потомъ и познакомилась съ Вышнеградскими. Да, я помню, какъ, придя къ Н. А. Вышнеградскому, завѣдующему женскими гимназіями (ихъ было уже двѣ), я была удивлена необыкновенно скромною обстановкой этого столь выдающагося русскаго человѣка. Но еще скромнѣе онъ жилъ (съ братомъ Иваномъ Алексѣевичемъ) года за два передъ началомъ гимназій и когда были еще въ самомъ началѣ воскресныя школы. Они жили вдвоемъ, близь Технологическаго института, въ одной комнатѣ съ перегородкой. Мебель состояла изъ дивана, стола, нѣсколькихъ стульевъ и двухъ кроватей; даже не было ни шкапа, ни комода, а стоялъ какой-то сундукъ, и платье висѣло на гвоздикѣ. Н. А. Вышнеградскій былъ мнѣ очень симпатиченъ, несмотря на иныя свои слабости,—уменъ и добродушенъ до безконечности. Безконечное ему спасибо за женскія гимназіи! Онѣ тотчасъ дали огромный толчокъ женскому образованію и міру семьи. Были сброшены оковы замкнутости, а главное, что тоже было ужасно важно, стали сходиться вмѣстѣ всѣ сословія. Очень много родителей были недовольны тѣмъ, что всѣ сословія допускались въ гимназіи, но нельзя уже было этого запретить, молодежь стремилась, и ничѣмъ ея уже удержать нельзя было. Началась борьба, принесшая прекрасные результаты. Конечно, оказалось тутъ много и нехорошихъ сторонъ,

но это только мелочи, которыя можно прощать изъ-за той пользы, что принесло это установленіе открытыхъ заведеній.

«Программы гимназій были прекрасно составлены, вначалѣ, и написаны умно, но все-же онѣ были какъ-бы подготовительными только средствами для высшихъ знаній, ими давался только ключъ къ знанію и любовь къ наукѣ. Сами учащіяся чувствовали недостаточность своихъ знаній, надо было идти дальше, а какъ, куда? Вотъ тутъ-то и выступили мы всѣ—и молодежь, обращавшаяся къ намъ и искавшая и знанія, и занятій. Общественный строй перемѣнился. Послѣ освобожденія крестьянъ дворянскія семьи обѣднѣли, надо было искать труда, родители не были въ состояніи ни воспитывать дома дѣтей, ни выписывать изъ-за границы гувернантокъ, полуобразованныхъ или совершенныхъ невѣждъ, платя имъ тысячи. Надо было поневолѣ отдавать дѣвочекъ въ общественныя гимназіи. Но дѣти чувствовали, по выходѣ оттуда, свое малое знаніе, а вмѣстѣ росло сильное желаніе самостоятельности и желаніе заработывать, да къ тому толкала тоже и сама необходимость»...

«Основная задача лицъ, занятыхъ женскимъ вопросомъ, а именно поднятіе общаго уровня женскаго образованія, говоритъ Н. А. Бѣлозерская въ своей «Запискѣ», представлялась неразрѣшенной, несмотря на видимое стремленіе женщинъ къ пріобрѣтенію научныхъ знаній. Наиболѣе энергичныя между ними, при содѣйствіи профессора Грубера, проникли для практическихъ занятій въ Медико-хирургическую академію. Изъ нихъ Суслова впослѣдствіи окончила свое медицинское образованіе заграницей и была первой женщиной-медикомъ; Волкова изучала химію подъ руководствомъ профессора Лѣсного института А. Н. Энгельгардта; нѣсколько женщинъ, и въ томъ числѣ двѣ сестры Корсини и Богданова, были допущены (въ 1860 г.) въ университетъ, въ качествѣ вольно-

слушательницъ, и встрѣтили тамъ самое дружелюбное товарищеское отношеніе со стороны петербургскихъ студентовъ. Но профессорскія лекціи не могли принести особенныхъ результатовъ, потому-что были слишкомъ кратковременны, вслѣдствіе закрытія университета въ 1861 году, послѣ студенческихъ волненій (дѣло о принятіи «матрикулъ» и пр.). Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за газетной полемикой объ основаніи «вольнаго университета», поднятой Костомаровымъ и поведшей къ открытію въ Думѣ публичныхъ лекцій, гдѣ, при значительномъ наплывѣ слушателей, женщины составляли преобладающій элементъ. Но эти лекціи просуществовали всего только около двухъ мѣсяцевъ и были закрыты, какъ извѣстно, 9-го марта 1862 года».

Про эти-же самыя обстоятельства моя сестра разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ»: «Когда наступили счастливыя времена 60-хъ годовъ, стало возможно женщинамъ, хотя съ трудомъ, попадать на нѣкоторыя лекціи въ университетъ. Вотъ и на мою долю выпало это счастіе. Я стала бывать на лекціяхъ Костомарова. Читалъ онъ тогда про Великій Новгородъ; лекціи читались съ большимъ интересомъ, и мы съ мадмуазель Блюмеръ ихъ аккуратно посѣщали. Была я нѣсколько разъ на лекціяхъ другого профессора по философіи исторіи, но онѣ были намъ менѣе по вкусу. Но все это недолго продолжалось, пошли волненія въ университетѣ, онъ на годъ закрылся. Тутъ закрыли и воскресныя школы, вскорѣ потомъ сократили программу естественныхъ наукъ въ женскихъ гимназіяхъ, затѣмъ были двѣ публичныя лекціи Чернышевскаго, потомъ его ссылка, затѣмъ профессора: Костомаровъ, Утинъ, Стасюлевичъ, Кавелинъ и Пыпинъ вышли изъ университета, и пошло, пошло. Но все-же еще можно было дышать, думать и даже дѣйствовать.

«И вотъ тутъ-то общими силами мы додумываемся до мысли создать женскій университетъ. Вотъ тутъ-то

явилась у всѣхъ невообразимая энергія, весь нашъ кружокъ давно уже замыслилъ добиваться высшаго образованія, а тутъ явилась на подмогу такая масса стремящихся къ образованію, что намъ стало легче этого добиваться: было уже много рукъ, много помощниковъ, много знакомствъ»...

«Былъ моментъ, говоритъ М. Л. Песковскій *), когда двери высшихъ учебныхъ заведеній широко распахнулись передъ русскими женщинами, ищущими свѣта знанія. Но не долго. Въ 1864 году вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи окончательно замеръ даже въ печати и не возбуждался до конца 60-хъ гоговъ. Это не значить, однако, что замерла сама идея о необходимости высшаго женскаго образованія. Подъ вліяніемъ этой великой идеи, не находившей практическаго примѣненія и нормальнаго исхода въ Россіи, начало развиваться бѣгство русскихъ женщинъ заграницу. Во второй половинѣ 60-хъ годовъ, именно тогда, когда замолкла даже въ печати рѣчь о высшемъ женскомъ образованіи, сотни русскихъ женщинъ ежегодно направлялись заграницу въ поискахъ высшаго образованія. Туда отправлялись лица со средствами и безъ средствъ, получившія полное среднее образованіе и недоучившіяся, семейныя и безсемейныя, съ согласія мужей и родныхъ, и тайкомъ, какъ бѣглянки. Это бѣгство за границу вывело кое-кого изъ бѣжавшихъ— на торную дорогу; дало имъ высшее образованіе и обезпечило за ними право на самостоятельное, безбѣдное существованіе интеллигентнымъ трудомъ. Но масса устремившихся заграницу женщинъ, безспорно выдающихся по уму, характеру и силѣ воли, не попали на торную дорогу высшаго образованія, запутались въ дебряхъ житейскихъ дрязгъ и суеты, и погибли подъ бременемъ обстоятельствъ»...

*) „Наблюдатель“, 1882, апрѣль, „Очеркъ исторіи высшаго женскаго образованія въ Россіи“, стр. 77.

Это писано въ 1882 году, и потому здѣсь чувствуется нѣкоторый унылый и пессимистическій оттѣнокъ. Но въ концѣ 60 хъ годовъ общее расположеніе, общее настроеніе было свѣтлое, радостное, оно дышало бодрой надеждой, могучимъ упованіемъ, свѣтлыми ожиданіями. Среди добрыхъ намѣреній, но, покуда, малаго исполненія, вдругъ выступила на первый планъ женщина, неожиданно проявившая самый энергичный починъ, положившій основу всему дальнѣйшему движенію. Это была Евгенія Ивановна Конради.

До конца 60-хъ годовъ она была личностью очень мало, даже почти вовсе неизвѣстною. Е. И. Конради была урожденная Бочечкарова, родители ея были богатые тульскіе помѣщики, отецъ въ модости служилъ въ военной службѣ. Ихъ дочь, Евгенія Ивановна, воспитывалась дома, получила домашнее, т. е. довольно малое образованіе, но все-таки хорошо знала три европейскихъ языка: французскій, нѣмецкій и англійскій, и много всего того, что въ началѣ царствованія Александра II занимало лучшіе тогдашніе умы. Въ юности она бывала въ обществѣ московскихъ дворянъ, ничѣмъ не отличавшихся, кромѣ нѣкоторой родовитостью, но въ одномъ салонѣ встрѣчалась часто съ кружкомъ славянофиловъ. На 20-мъ или 21-мъ году жизни (родилась въ 1838 г.) поступила она классной дамой въ московскій Петровскій институтъ, но пробыла тамъ только годъ съ небольшимъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ она вышла замужъ за доктора Конради (вначалѣ онъ состоялъ при Пулковской обсерваторіи, а потомъ при Маріинской больницѣ), и стала заниматься переводами, въ томъ числѣ для «Заграничнаго Вѣстника» П. Л. Лаврова. Первый ея большой переведъ былъ—«Адамъ Бидъ», сильно всѣхъ интересовавшій тогда романъ Джорджа Элліота. Тогда-же она напечатала въ «Русскомъ Словѣ» статью «Рабство въ Америкѣ» и другія; въ «Женскомъ Вѣстникѣ» 1866 года — критическія статьи о книгахъ: «Новая атмосфера», американки

Гамильтонъ, «Совѣты молодымъ дѣвушкамъ» американскаго пастора Уэвера, и «Мысли женщины о женщинахъ», неизвѣстной англійской писательницы; потомъ—статью подъ заглавіемъ «Заграничная жизнь», гдѣ она разсматривала положеніе женскаго вопроса въ Германіи, говорила о новомъ органѣ общегерманскаго женскаго общества «Новые пути», о дѣятельности нѣмецкихъ женщинъ во время тогдашней войны, о митингѣ американскаго общества «Права женщинъ», о женскомъ университетѣ въ Лондонѣ, о венеціанской танцовщицѣ-патріоткѣ, объ итальянской дѣвушкѣ-гарибальдійкѣ, и т. д.; наконецъ въ томъ-же 1866 году писала большой и основательный разборъ новаго романа Жоржъ-Санда «Послѣдняя любовь». Вездѣ тутъ она являлась смѣлымъ и могучимъ женскимъ умомъ, перешагнувшимъ черезъ обычные предразсудки и узкость мысли оранжерейнаго воспитанія. Она и рѣшилась идти съ критическимъ ножомъ даже и во внутрь иныхъ новѣйшихъ поклоненій и фетишизмовъ, недостойныхъ тѣхъ великихъ дѣлъ и идей, къ которымъ они иной разъ приклеиваются. Такъ, напримѣръ, въ одной изъ своихъ статей она говорила: «Какая мысль высказывается, какъ въ романѣ Тэйлора, такъ и въ разбираемой нами книгѣ м-ссъ Гамильтонъ? Мысль эта вотъ какая: «Желательно, чтобы женщина получала болѣе серьезное образованіе, чѣмъ то, которое она получаетъ въ настоящее время; чтобы ей была дана возможность болѣе широкой дѣятельности; чтобы мужчина относился къ ней почтительнѣе и деликатнѣе, и пр.; но самая нравственная природа женщины ставитъ извѣстный предѣлъ ея развитію по этому пути; женщинѣ присуща потребность преклоняться передъ тѣмъ мужчиною, котораго она любитъ, благоговѣть передъ нимъ; она ничего лучшаго не желала бы, какъ взирать на него, снизу вверхъ, какъ сложить данью у ногъ его все свое богатство. Но что изъ этого выходитъ? Полная умственная самостоятельность противополагается

тѣмъ качествамъ, которыя составляютъ необходимое условіе счастья въ семейномъ быту; женщина, которая не ощущаетъ потребности преклоняться даже передъ любимымъ человѣкомъ и настолько дорожитъ результатами, до которыхъ она добралась, что не считаетъ себя въ правѣ превращать ихъ въ гекатомбу на алтарѣ Гименея, оказывается существомъ для семейной жизни негоднымъ и обрекается на сѣрое, вѣчное одиночество. Охотницъ до такого одиночества найдется не много, потому-что въ немъ, что́-бы тамъ ни говорили, атрофируется цѣлая сторона личности; жизненна только та теорія, которая принимаетъ въ соображеніе развитіе личности и стремится ему содѣйствать. А между тѣмъ, отнюдь еще не доказано, чтобы женщины, желающія и умѣющія мыслить и дѣйствовать самостоятельно, были исключеніями, какими-то выродками изъ своего пола; напротивъ, намъ кажется, что всѣ преобразованія въ воспитаніи и общественномъ положеніи женщины должны имѣть конечнымъ своимъ результатомъ именно ту полную умственную самостоятельность, при которой обоюдное вліяніе мужчины и женщины не распадается на двѣ, совершенно различныя функціи такъ, что одна сторона вліяетъ лишь обаяніемъ своего пола, пожалуй, своими качествами и талантами, какъ придатками, между тѣмъ, какъ другая подчиняетъ слабѣйшую сторону авторитету своей мысли. Для насъ непонятно, какой толкъ можетъ быть въ расширеніи программы женскаго образованія, въ допущеніи женщины къ новымъ отраслямъ дѣятельности, если всѣ эти благія мѣры не будутъ имѣть другой цѣли, какъ наполнить пустоту и праздность существованія дѣвушки, да внести разладъ и горечь сожалѣнія въ жизнь замужней женщины, которой, съ горя, ничего болѣе не остается, какъ пробавляться утѣшеніемъ, что она приноситъ жертву любимому существу, и что все богатство развитія, накопленное ею въ дѣвичествѣ, и уже болѣе непригодное для нея самой—непригодное

потому, что оно не находитъ для себя практическаго примѣненія,—все-же еще можетъ пригодиться для того, чтобы украсить и возвысить внутренній міръ этого любимаго существа»...

Но, работая усердно и успѣшно, Е. И. Конради была окружена цѣлой группой очень образованныхъ и развитыхъ литераторовъ и ученыхъ. Тутъ были сотрудники «Отечественныхъ Записокъ» и «Русскаго Слова», также разные профессора, критики, рецензенты (Демертъ, Н. С. Курочкинъ, Глѣбъ Успенскій П. Л. Лавровъ, С. А. Усовъ, В. Ѳ. Лугининъ, и многіе другіе). Послѣдніе двое, видя ея многоспособность и дарованіе, посовѣтовали ей взять на себя изданіе журнала и дали ей на то денегъ. Такъ первоночально основалась «Недѣля». Она сама завѣдывала всѣмъ, была дѣйствительнымъ редакторомъ (хотя оффиціальнымъ редакторомъ числился Н. Мундтъ), и много писала. Особенно значительными сотрудниками и знакомыми были у ней тутъ: Ю. А. Россель, Н. И. Бакстъ и отчасти П. Гайдебуровъ. «Недѣля» шла не бойко, но была одною изъ газетъ, вліявшихъ тогда на умы. Подписчиковъ у нея бывало иногда до 3000. По направленію, она имѣла много общаго съ знаменитымъ тогда «Голосомъ». Во вступительной статьѣ 1-го № (6 марта 1866 года) можно было читать такія заявленія: «...Пройдетъ еще нѣкоторое время, пока наше общество пріобрѣтетъ привычку серьезнаго размышленія, пока оно научится придавать болѣе цѣны хладнокровному обсужденію его существенныхъ интересовъ, чѣмъ заманчивымъ увлеченіямъ фантазіи и обличительному паѳосу, лишенному практической цѣли, пока исчезнутъ слѣды отрицательнаго направленія нашей литературы, и оно уступитъ мѣсто строгому анализу и творческому синтезу мысли. Только тогда, когда совершится такая перемѣна, общественное мнѣніе и литература пріобрѣтутъ у насъ дѣйствительное освобожденіе, т.-е. выйдутъ изъ-подъ тираническаго вліянія напускныхъ идей

и моднаго направленія, пріобрѣтутъ самостоятельную жизнь и внутреннюю независимость... Мы намѣрены сдѣлать нашу газету прямымъ отголоскомъ самого общества и его непосредственныхъ дѣятелей... Мы не намѣрены, для приданія искусственнаго интереса нашему изданію, приправлять его громкою, но безсодержательною фразеологіей, ни поставленными на ходули тенденціозными выходками. Мы не будемъ забѣгать впередъ и предрѣшать тѣхъ вопросовъ, развязка которыхъ не въ рукахъ настоящаго поколѣнія; но мы не упустимъ высказывать и уяснять потребности живой дѣйствительности и содѣйствовать ихъ признанію и осуществленію въ сферѣ государственной. Избѣгая излишнихъ увлеченій, «Недѣля» не желаетъ принадлежать ни къ какой крайней партіи, тѣмъ болѣе, что, говоря вообще, партій, въ строгомъ смыслѣ слова, въ русской жизни еще не существуетъ, а есть только литературные и бюрократическіе кружки, смотрящіе на событія сквозь узкую щель своего исключительнаго и предвзятаго направленія, или-же преслѣдующіе свои личные интересы...»

Читатель видитъ здѣсь, что въ новомъ журналѣ являлось полнѣйшее совпаденіе съ умѣренно-либеральной, крайне-осторожной и отчасти слабоватой и безцвѣтной программой «Голоса». Конечно, впрочемъ, никакой другой и быть не могло, среди столькихъ смутныхъ обстоятельствъ 1866 г., да еще для газеты вновь выступающей.

Но въ дѣлѣ женскаго вопроса, Е. И. Конради явилась уже иною женщиной, несравненно высшею противъ той, какою была въ роли литературнаго критика, и переводчицы, и обозрѣвательницы. Она, молодая женщина 27 лѣтъ, не взирая на то, что была обременена семействомъ и тяжкими обстоятельствами, выступила одна, ни съ кѣмъ не совѣтовавшись, и проявила, вдругъ, такую рѣшительность, такую силу характера, такую ширину мысли, такое глубокое пони-

маніе того, что нужно было тогдашней русской женщинѣ, какихъ въ ней самой до тѣхъ поръ никто не подозрѣвалъ. По словамъ моей сестры, «Е. И. Конради постоянно говорила, что единственная возможность женщинамъ выпутаться изъ ихъ страшнаго положенія—это учиться и учиться; что мы всѣ невѣжды, и это я первая-же сознавала, несмотря на то, что была въ счастливыхъ условіяхъ»...

Полная такого убѣжденія, Е. И. Конради въ декабрѣ 1867 года подала въ «Съѣздъ естествоиспытателей» (тогда еще первый у насъ) «Записку», горячую и энергичную, въ которой, основываясь на стремленіи рускихъ женщинъ къ высшему образованію, просила о разрѣшеніи для нихъ посѣщать университетъ.

Въ этой «петиціи» *) было сказано: «Комитетъ съѣзда русскихъ естествоиспытателей, приглашая принять участіе, въ предстоящихъ своихъ занятіяхъ разрозненныхъ дѣятелей науки, называетъ съѣздъ дѣломъ общимъ всѣмъ, кому дорого распространеніе естествознанія въ Россіи. Слова эти позволяютъ надѣяться, что почтенное собраніе не откажетъ принять къ свѣдѣнію голосъ изъ той среды русскаго общества, которая хотя до сихъ поръ и не имѣла возможности заявить себя активно на поприщѣ естествознанія, но тѣмъ не менѣе имѣетъ самыя уважительныя причины дорожить распространеніемъ этой важной отрасли образованія, какъ во имя собственнаго умственнаго преуспѣнія, такъ и во имя другихъ еще болѣе священныхъ интересовъ. Среда эта—русскія женщины, матери и воспитательницы подростающаго поколѣнія. Съѣзду, въ программу занятій котораго входитъ споспѣшествованіе не только ученой, но и учебной дѣятельности на поприщѣ естественныхъ наукъ, безъ сомнѣнія извѣстно, какое значеніе имѣетъ естествознаніе въ дѣлѣ воспи-

*) Эта „петиція" напечатана въ „Трудахъ I-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей". стран. 29.

танія. Тѣ изъ членовъ съѣзда, которые посвятили себя преимущественно педагогической дѣятельности, знаютъ, что вниманіе и пытливость ребенка сами собою направляются прежде всего на окружающіе его предметы, на внѣшнюю природу. Это вниманіе и эта пытливость проявляются задолго до поступленія въ школу, задолго даже до того времени, когда ребенку дадутъ въ руки первую книгу. Обязанность отвѣчать на безконечные вопросы ребенка и руководить этою любознательностью, которая составляетъ первый признакъ пробуждающагося сознанія, первый залогъ будущаго развитія, падаетъ естественнымъ образомъ на мать. Отъ той доли компетентности, которую она вноситъ въ исполненіе этой обязанности, въ большинствѣ случаевъ зависитъ весь успѣхъ послѣдующаго образованія; ея незнаніе отбиваетъ у ребенка охоту упражнять свои способности, и порождаетъ ту умственную вялость, на которую впослѣдствіи такъ часто жалуются наставники; ея полузнаніе засоряетъ голову ребенка кучею невѣрныхъ, сбивчивыхъ понятій, отъ которыхъ впослѣдствіи добросовѣстному учителю приходится очищать эту несчастную голову, что̀ усложняетъ задачу самою неблагодарною и малопроизводительною работой. Членамъ съѣзда безъ сомнѣнія не безъизвѣстно, что для толковой передачи самыхъ элементарныхъ научныхъ свѣдѣній необходимъ точно такой-же, если не большій, запасъ строго систематическаго знанія, какъ и для преподаванія болѣе взрослой аудиторіи. Но какъ-же подготовлены женщины къ великой обязанности, возлагаемой на нихъ самою природою и самымъ складомъ общественнаго быта? Едва-ли нужно доказывать, что громадное большинство женщинъ не только не обладаетъ систематическимъ, строго научнымъ запасомъ знанія, но даже чужды тѣхъ элементарныхъ свѣдѣній, безъ которыхъ всякое дальнѣйшее занятіе науками становится безотраднымъ блужданіемъ въ потемкахъ. Къ печальному сознанію своей

но это только мелочи, которыя можно прощать изъ-за той пользы, что принесло это установленіе открытыхъ заведеній.

«Программы гимназій были прекрасно составлены, вначалѣ, и написаны умно, но все-же онѣ были какъ-бы подготовительными только средствами для высшихъ знаній, ими давался только ключъ къ знанію и любовь къ наукѣ. Сами учащіяся чувствовали недостаточность своихъ знаній, надо было идти дальше, а какъ, куда? Вотъ тутъ-то и выступили мы всѣ—и молодежь, обращавшаяся къ намъ и искавшая и знанія, и занятій. Общественный строй перемѣнился. Послѣ освобожденія крестьянъ дворянскія семьи обѣднѣли, надо было искать труда, родители не были въ состояніи ни воспитывать дома дѣтей, ни выписывать изъ-за границы гувернантокъ, полуобразованныхъ или совершенныхъ невѣждъ, платя имъ тысячи. Надо было поневолѣ отдавать дѣвочекъ въ общественныя гимназіи. Но дѣти чувствовали, по выходѣ оттуда, свое малое знаніе, а вмѣстѣ росло сильное желаніе самостоятельности и желаніе заработывать, да къ тому толкала тоже и сама необходимость»...

«Основная задача лицъ, занятыхъ женскимъ вопросомъ, а именно поднятіе общаго уровня женскаго образованія, говоритъ Н. А. Бѣлозерская въ своей «Запискѣ», представлялась неразрѣшенной, несмотря на видимое стремленіе женщинъ къ пріобрѣтенію научныхъ знаній. Наиболѣе энергичныя между ними, при содѣйствіи профессора Грубера, проникли для практическихъ занятій въ Медико-хирургическую академію. Изъ нихъ Суслова впослѣдствіи окончила свое медицинское образованіе заграницей и была первой женщиной-медикомъ; Волкова изучала химію подъ руководствомъ профессора Лѣсного института А. Н. Энгельгардта; нѣсколько женщинъ, и въ томъ числѣ двѣ сестры Корсини и Богданова, были допущены (въ 1860 г.) въ университетъ, въ качествѣ вольно-

чтенія? Оставаясь добросовѣстною, она должна будетъ отвѣтить: ничего, кромѣ «сознанія, что, для пониманія и толковаго усвоенія наукъ, необходимо знакомство съ азами науки». Какъ-же намъ ознакомиться съ этими азами? Гдѣ намъ учиться, чтобы быть въ состояніи воспитывать нашихъ дѣтей? Вопросъ этотъ возникаетъ самъ собою, и возникаетъ не въ однихъ провинціальныхъ захолустьяхъ, но и въ университетскихъ центрахъ, и въ столицахъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ спеціальныхъ и общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, снабженныхъ всѣми необходимыми пособіями для изученія естественныхъ наукъ, гдѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ сословіи преподавателей нашлось-бы достаточное количество людей, готовыхъ подѣлиться своими знаніями съ посторонней публикой, не принадлежащею къ корпораціи ихъ настоящихъ слушателей. Настоящее заявленіе не имѣетъ цѣлью предрѣшать во всѣхъ его частностяхъ постановленный имъ вопросъ. Въ средѣ самого съѣзда, безъ сомнѣнія, найдутся для этого болѣе компетентные судьи. Состоя подъ покровительствомъ г. министра народнаго просвѣщенія, съѣздъ имѣетъ и возможность ходатайствовать передъ правительствомъ о проведеніи въ жизнь той или другой мѣры, которую онъ сочтетъ наилучшею для того, чтобы сдѣлать русскихъ матерей не номинальными, но дѣйствительными руководительницами первоначальнаго образованія ихъ дѣтей, насколько образованіе это соприкасается съ спеціальною отраслью знанія, составляющею цѣль самого съѣзда. Всякая подобная мѣра будетъ встрѣчена съ сочувствіемъ и благодарностью со стороны тѣхъ, которымъ она поможетъ стать вровень съ лежащею на нихъ великою отвѣтственностью. Безчисленными своими благотворными послѣдствіями она дастъ русскимъ естествоиспытателямъ новую возможность исполнить прекрасное начертаніе программы, для исполненія которой они созваны, и поработать на пользу Россіи, на пользу ея подростающихъ поколѣній».

Кто это все говорилъ? Конечно, русская женщина вообще, жаждущая просвѣщенія и стремящаяся къ нему всѣмъ сердцемъ, всѣмъ умомъ и всѣми способностями своими. Но, сверхъ того, это въ особенности говорила молодая русская мать, почувствовавшая *впервые*, быть можетъ ранѣе многихъ, всю великость наступившаго для нея дѣла образованія своихъ дѣтей и всю свою неприготовленность къ этому. Она отказывалась отъ прежняго, вѣковѣчнаго безмѣрно-легкаго отношенія къ этову дѣлу, и какъ-бы съ презрѣніемъ смотрѣла на то, какъ оно прежде у насъ шло. Почти вся «петицiя» наполнена рѣчью и соображеніями о *ребенкѣ* и *матери*. Е. И. Конради просила прямо для себя и для множества другихъ, находящихся въ одномъ съ нею положеніи, и оттого-то ея рѣчь была страстная, убѣдительная, шла изъ глубины возбужденной души и настоятельной, неотложной потребности. Она навѣки будетъ играть капитальную роль въ исторіи русской женщины. Она говорила: «Если, понявши, мы промолчимъ, камни закричатъ!» Она являлась, въ 1867-мъ году, тѣмъ-же, приблизительно, чѣмъ за семь лѣтъ раньше явился профессоръ Плат. Вас. Павловъ, поднявшій въ Кіевѣ, при помоши Пирогова, знамя воскресныхъ школъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ друзьямъ онъ писалъ въ 1862 году, изъ Ветлуги: «Пускай поминаютъ меня добрымъ словомъ люди новаго поколѣнія: я былъ однимъ изъ мостовъ, по которому молодежь вышла въ болѣе счастливую среду». Она имѣла тоже все право назвать себѣ «однимъ изъ мостовъ» для молодежи новаго поколѣнія и ждать себѣ помина добрымъ словомъ. Ни Павловъ, ни Конради не подумали, *первые*, о воскресныхъ школахъ и о женскомъ университетѣ. Были, *раньше* нихъ, и другіе, кто то-же самое думалъ; были, *позже* нихъ, и другіе, которые съ блескомъ, силою и страстью несравненною привели эти мысли въ исполненіе, но эти двое раньше всѣхъ рѣшились и начали.

Собраніе съѣзда естествоиспытателей происходило въ большой актовой залѣ университета, въ день общаго собранія съѣзда. Зала была полна. «Е. И. Конради, сама написавшая прошеніе, разсказываетъ моя сестра, подала его секретарю общества, профессору ботаники, А. Н. Бекетову. Предсѣдателемъ съѣзда былъ ректоръ университета, профессоръ К. Ѳ. Кесслеръ. Прошеніе было громко прочитано профессоромъ Андр. Серг. Фаминцынымъ, и за прочтеніемъ послѣдовали громкія несмолкаемыя рукоплесканія всей залы, можно сказать единодушныя». Съѣздъ очень сочувственно отнесся къ мысли о высшемъ женскомъ образованіи, изъявилъ готовность помогать ея осуществленію, но отклонилъ отъ себя *починъ* въ этомъ дѣлѣ, конечно, совершенно чуждомъ спеціальнымъ цѣлямъ съѣзда. Казалось-бы, чудный починъ Е. И. Конради остался безъ результатовъ, не повелъ ни къ чему. Но это могло только казаться, на самомъ-же дѣлѣ было что-то иное. Смѣлая, оригинальная выходка Е. И. Конради указала путь, выходъ, направленіе, дала окончательный толчокъ, сплотила и сосредоточила всѣхъ лучшихъ женщинъ, всѣ лучшія женскія помышленія, дала имъ тронуться съ мѣста. Такъ бываетъ во всѣхъ веснахъ міра. Стоитъ ледъ, слабѣетъ и покряхтываетъ, живыя струи сквозь него пробираются со всѣхъ сторонъ потихоньку. И такъ дѣло долго продолжается. Но наконецъ пронижетъ его насквозь послѣдній, могучій, рѣшительный лучъ солнца. Ледъ вздохнетъ и треснетъ—и рѣка пошла, понеслась. Весна наступила. Скоро лѣто будетъ, и ужь его никто не удержитъ.

Тотчасъ послѣ чуднаго почина Е. И. Конради, въ средѣ нашихъ женщинъ (разумѣется всего болѣе петербургскихъ, но также и женщинъ изъ другихъ городовъ) возникла и стала рости мысль о приданіи дѣлу необходимой внѣшней формы. Рѣшено было составить и представить надлежащему начальству прошеніе отъ наибольшаго, по возможности, количества русскихъ

женщинъ. «Приступлено было, говоритъ моя сестра, къ собиранію подписей подъ составленнымъ нами прошеніемъ, и что-же?—въ одну недѣлю было ихъ собрано 400. Двери у М. В. Трубниковой, у А. П. Философовой и мои не закрывались».

Коллективное прошеніе это было подано ректору университета 11-го мая 1868 года, и здѣсь говорилось: «Въ послѣднее время по городу распространились слухи, что нѣкоторые изъ гг. профессоровъ здѣшняго университета предполагаютъ устроить рядъ лекцій или курсовъ для женщинъ, и тѣмъ удовлетворить все болѣе и болѣе возростающей въ обществѣ потребности серьезнаго женскаго образованія... Не зная всѣхъ тѣхъ членовъ вашей уважаемой корпораціи, которые приняли участіе въ этомъ добромъ дѣлѣ, мы обращаемся къ вамъ, какъ къ ректору университета, съ покорнѣйшею просьбою передать имъ нашу горячую благодарность и увѣреніе въ томъ, что предполагаемыя лекціи встрѣтятъ въ насъ болѣе, чѣмъ праздное сочувствіе, вызванное минутнымъ увлеченіемъ. Мы надѣемся, что изъ массы русскихъ женщинъ, давно убѣдившихся въ недостаточности своего образованія, найдется не мало личностей, готовыхъ къ сознательному труду, и потому открытіе для нихъ вашихъ аудиторій будетъ истиннымъ благомъ...»

Въ дополненіе къ этому, тѣ-же женщины писали ректору Кесслеру, спустя два дня, 13-го мая того-же 1868 года: «Мы просимъ гг. профессоровъ ходатайствовать объ открытіи правильныхъ курсовъ для женщинъ по предметамъ историко-филологическихъ и естественныхъ наукъ. Просимъ о разрѣшеніи этихъ лекцій въ стѣнахъ университета, въ часы, свободные отъ занятій студентовъ, или въ другомъ зданіи, вмѣщающемъ тѣ-же учебныя пособія, какъ-то химическую лабораторію, физическій кабинетъ и проч... Плату и всѣ расходы, могущіе встрѣтиться при открытіи лекцій, слушательницы принимаютъ на себя...»

И такъ, русскія женщины просили себѣ входа въ университетъ. Но это было уже не для однѣхъ только *матерей* (какъ въ петиціи Е. И. Конради), но и для *самихъ себя*, не различая возраста и замужняго или незамужняго состоянія. Дѣло уже шло не объ одной педагогіи для другихъ, для маленькихъ, будущихъ своихъ дѣтей, въ своемъ семействѣ, но еще и о педагогіи для многихъ, для всѣхъ, а главное прямо для себя: прямо для своей непосредственной личности. Онѣ говорили (какъ мы выше видѣли): цѣль наша—поднять уровень женщинъ вообще, и, въ то-же время, дать возможность нѣкоторымъ способнымъ личностямъ достичь знанія, нужнаго для занятія мѣстъ преподавательницъ въ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. И такъ, у нихъ у всѣхъ была, конечно, также забота и о мѣстахъ «преподавательницъ въ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ»,—но это только для «нѣкоторыхъ», спеціально способныхъ для этого превосходнаго и почтеннаго дѣла личностей; главная же забота ихъ все-таки была: о поднятіи женскаго уровня образованія вообще, помимо всякой пользы и помощи для другихъ. О самихъ себѣ—вотъ о комъ онѣ теперь хлопотали.

Болѣе 400 сочувственныхъ подписей находилось на этомъ прошеніи въ петербургскій университетъ, въ маѣ 1868-го года; въ добавокъ, въ концѣ іюля, 63 женщины прислали ректору того-же университета, изъ Смоленска,—письмо, гдѣ говорили, что «спѣшатъ присоединить и свое заявленіе къ тѣмъ, которыя уже поданы ректору отъ петербургскихъ женщинъ, и выразить живѣйшую признательность гг. профессорамъ за то, что они человѣчно отнеслись къ женскому вопросу. «Мы радуемся, говорили онѣ въ заключеніе, не за себя, потому-что немногія изъ насъ настолько подготовлены, чтобы слушать университетскій курсъ, но радуемся за наше молодое поколѣніе, за женскія гимназіи и другія учебныя заведенія, которымъ данъ будетъ жиз-

ненный толчокъ, вслѣдствіе чего постепенное улучшеніе воспитанія женщинъ совершится быстро и легко». Вотъ и въ Смоленскѣ, значитъ, такъ-же, какъ въ Петербургѣ, дѣло шло всего болѣе о женскомъ воспитаніи вообще, для самихъ себя-же, для самихъ воспитывающихся личностей.

«Вотъ этимъ были наполнены всѣ наши бесѣды, всѣ наши соображенія, пишетъ моя сестра въ своихъ «Запискахъ». Скажу, что все это можно прямо сравнивать съ собраніями въ 30-хъ годахъ въ Москвѣ—Бѣлинскаго, Станкевича, Грановскаго, Кавелина и проч. Скажутъ, что я слишкомъ далеко махнула, а я на это отвѣчу, что «нѣтъ». (Тѣхъ высокихъ, историческихъ русскихъ людей, нечего, конечно, сравнивать съ начинающими русскими женщинами, но обстоятельства, потребности и стремленія были у тѣхъ и другихъ одинакія, прибавляю я отъ себя. *В. С.*). При томъ-же, тѣмъ не надо было пробиваться: имъ былъ университетъ открытъ, имъ говорили—«учитесь, вотъ вамъ все готово—и чины потомъ, и мѣста!» А намъ? Все было закрыто. Возьмешь газету—ты синій чулокъ, хочешь учиться не по «дамскимъ» учебникамъ—куда тебѣ! Ничего не сообщалось, ничего нельзя было достичь. Все стремленіе состояло въ томъ, чтобъ найти жениха, и ступай опять въ кабалу съ закрытыми глазами. Въ такое-то время взять на себя храбрость, маленькому кружку женщинъ, пробить дорогу и смѣть идти съ просьбою къ министру объ открытіи «университета для женщинъ», или допустить ихъ въ мужской университетъ! Это не шутка».

«Ректоръ отвѣчалъ намъ, говоритъ моя сестра, что они всѣ, профессора, принимаютъ наше прошеніе и образуютъ между собою комиссію для обсужденія этого вопроса, а потомомъ дадутъ намъ отвѣтъ. Ждемъ, ждемъ—ничего! Проходитъ мѣсяцъ, идетъ другой, насъ дѣло волнуетъ, мы начинаемъ узнавать, что такое! Можно сказать, тутъ заинтересованъ былъ весь Петербургъ; конечно, большую часть составляли трудящіеся, но

также и высшее общество, не говоря уже о нашемъ кружкѣ. Такъ, напримѣръ, жена и дочь военнаго министра Милютина, и самъ министръ, черезъ дочь, были заинтересованы дѣломъ. Къ намъ стало все больше и больше примыкать народа, стали получаться заявленія изъ провинціи, многіе профессора съ нами (или, скорѣе, мы съ ними) познакомились, А. Н. Бекетовъ выступаетъ тутъ первый, онъ-же и былъ выбранъ предсѣдателемъ комиссіи, которая составилась для вырабатыванія этого вопроса.

«Мы стали всюду хлопотать. Тутъ познакомился съ нами молодой Андр. Павл. Нарановичъ, бывшій лицеистъ и близкій съ нашимъ кружкомъ по обществу «Дешевыхъ квартиръ». Отецъ его въ то время былъ предсѣдателемъ Медицинской академіи; онъ намъ очень помогалъ, узнавалъ—какъ дѣло стоитъ. Наконецъ, былъ полученъ отвѣтъ изъ университета, что профессора и ректоръ готовы намъ содѣйствовать, но что они ничего не могутъ рѣшить сами, безъ разрѣшенія министра, и что мы съ нашей просьбой должны обратиться къ министру. Мы сильно этимъ отвѣтомъ огорчились, видя въ этомъ какъ-бы учтивый отказъ: отчего-же совѣтъ университетскій самъ не представилъ нашего прошенія министру. Но мы не унывали. Стали толковать: ка́къ быть? Денегъ нѣтъ, помѣщенія нѣтъ; въ виду только есть заявленія подписавшихся и желающихъ подписаться; но это шатко, а главное, намъ надо самимъ выработать весь планъ, ка́къ устроить, на что̀ разсчитывать, что просить? Первый вопросъ былъ: на какія деньги строить женскій университетъ? Да вѣдь это милліоны! Мы къ ректору Кесслеру: можно-ли надѣяться на помѣщеніе? Отвѣтъ (послѣ трехъ недѣль): «Нѣтъ!»—Что-же дѣлать? Думаемъ: надо собрать намъ совѣтъ профессоровъ, чтобы они научили, и составили намъ планъ учебной части, вѣдь надо подавать обстоятельное прошеніе министру. Судили, рядили и, по совѣту Нарановича-сына, поѣхали къ его отцу.

«Онъ принялъ М. В. Трубникову и меня въ высшей степени любезно, выслушалъ насъ обстоятельно. Конечно, онъ былъ подготовленъ сыномъ, который принималъ живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ. Мы съ нимъ толковали цѣлое утро, и онъ посовѣтовалъ намъ пригласить всѣхъ главныхъ профессоровъ университета, т.-е. составляющихъ совѣтъ, пріѣхать на совѣщаніе, а также и тѣхъ профессоровъ Медицинской академіи, которыхъ мы-бы хотѣли имѣть для чтенія лекцій. Онъ сказалъ, что онъ самъ предлагаетъ намъ свои услуги, готовъ пріѣхать на совѣщаніе, что, конечно, намъ будетъ, можетъ быть, трудно это устроить, но онъ полагаетъ, что хоть нѣкоторые да согласятся. Вотъ и закипѣло опять дѣло, мы уѣхали совершенно ободренныя. Сынъ Нарановича тоже предложилъ намъ свои услуги, какъ онъ сказалъ—«быть нашимъ курьеромъ». Милый человѣкъ, такъ рано умершій! И какъ долго онъ страдалъ! У него открылись впослѣдствіи раны на ногахъ, и я его встрѣтила въ Висбаденѣ, въ 1873 году, ходящимъ сначала на костыляхъ, а затѣмъ и совершенно безъ движенія ногъ; его катали въ колясочкѣ. Грустная была исторія вообще всей его жизни.

«Вотъ, наконецъ, намъ и удалось устроить собраніе профессоровъ. Въ этомъ намъ чрезвычайно много помогъ проф. А. Н. Бекетовъ, къ которому мы обратились за содѣйствіемъ въ приглашеніи совѣта профессоровъ. Мы съ нимъ стали уже знакомы черезъ его жену, Елизавету Григорьевну, которая была членомъ нашего кружка переводчицъ и была одной изъ лучшихъ нашихъ сотрудницъ. Надо отдать справедливость А. Н. Бекетову, что во все время устройства курсовъ и потомъ, впродолженіе всего времени ихъ существованія подъ нашимъ управленіемъ (съ 1867 по 1889 годъ), онъ всегда былъ ихъ самымъ сильнымъ соревнователемъ, сотрудникомъ и помощникомъ нашимъ во всѣхъ дѣлахъ, несмотря на массу дѣлъ по университету во время его ректорства, и заботъ объ

огромной его семьѣ, которая содержалась единственно его трудомъ. Правда, что жена была ему всегда большой помощницею; помню я ихъ еще съ 1864 года, когда они жили на маленькой квартирѣ на Васильевскомъ Острову, и было у нихъ уже трое дѣтей. Бекетовъ былъ только еще ординарнымъ профессоромъ. Застала я только его жену (онъ ушолъ тогда на лекціи), сидящую на диванѣ съ ребенкомъ у груди; подъ столомъ копошились двѣ старшія дочери, Катя и Соня, обѣ 3—2 лѣтъ, не больше, а она кормитъ ребенка и въ тоже время держитъ корректуру мужниной книги, тогда выходившей («Систематика ботаники», кажется), а на диванѣ подлѣ нея стоитъ цѣлая корзина чулокъ и разнаго бѣлья, которое надо чинить, такъ-какъ прислуга была единственная: кухарка, простая деревенская женщина, и ее тоже надо было учить. И на рынокъ-то она сама ходила, а что за возня была съ тремя крошками...

«Такъ вотъ, собрался совѣтъ профессоровъ, изъ 43-хъ человѣкъ, на квартирѣ у М. В. Трубниковой (на Б. Конюшенной, въ домѣ Утина), и на него были приглашены многія женщины (около 30) изъ подписавшихся на просьбѣ объ открытіи женскихъ курсовъ. Вотъ главныя имена: А. Н. Бекетовъ, Ф. В. Овсянниковъ, Д. И. Менделѣевъ, Ѳ. Ѳ. Петрушевскій, К. Ѳ. Кесслеръ, А. С. Фаминцынъ, Сергѣевскій, О. Ѳ. Миллеръ (тогда еще доцентъ), К. Н. Бестужевъ, А. Д. Градовскій, Ю. Э. Янсонъ, И. Т. Глѣбовъ, И. М. Сѣченовъ (тогда профессоръ Военно-Медицинской академіи), П. А. Нарановичъ (предсѣдатель Академіи), И. П. Бородинъ (кажется), К. А. Поссе, Н. А. Меншуткинъ, Н. С. Таганцевъ, Струве и много другихъ, которыхъ теперь не упомню, А. Н. Страннолюбскій, А. Н. Острогорскій.

«Да, это было замѣчательное собраніе! Какъ подумаешь теперь,—кружокъ женщинъ поднялъ на ноги цѣлый совѣтъ университета и двухъ академій: наукъ

и медицинской. Совѣтъ и дебаты долго продолжались. Сначала надо было тутъ-же выбрать предсѣдателя и секретаря для веденія засѣданія. Мы, конечно, вначалѣ конфузились—какъ это сдѣлать, но сами профессора намъ помогли. Кажется, Д. И. Менделѣевъ или А. Н. Бекетовъ сказалъ: «Надо приступить къ дѣлу, изберемъ предсѣдателя», и всѣ единогласно, какъ старшаго тутъ, выбрали Нарановича, почтеннаго человѣка, покрытаго сѣдинами, а въ секретари Сѣченова. Сейчасъ-же всѣ усѣлись, профессора съ одной стороны, мы, женщины, напротивъ; съ нашей стороны были выбраны: М. В. Трубникова, Е. И. Конради и я тоже, какъ уже больше знакомая съ дѣломъ. Вопросы задавалъ всего больше И. М. Сѣченовъ.

«Послѣ открытія засѣданія, маленькую рѣчь, очень задушевную, сказалъ Нарановичъ, съ пожеланіемъ намъ успѣха, «въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія, сказалъ онъ, такъ-какъ сегодняшнее собраніе можетъ послужить намъ вѣрнымъ доказательствомъ сочувствія и готовности служить нашему *великому* предпріятію (какъ онъ выразился)—со стороны всей ихъ корпораціи». Надо сказать, что въ числѣ женщинъ были тутъ: и дочь военнаго министра Милютина, и Вистеліусъ, тогда работавшая въ типографіи, дочь профессора рисованія, а также и Анненская, и сестра ея, и много труженицъ всѣхъ слоевъ. Первый вопросъ И. М. Сѣченова былъ: «Чего вы желаете и что устроить?» Тогда М. В. Трубникова заявила, что наше желаніе состоитъ въ томъ, чтобы поднять женское образованіе и довести его до такого уровня, какъ оно доведено и для мужчинъ; чтобы по всѣмъ отраслямъ науки по возможности не было-бы у женщинъ пробѣловъ; что мы хорошо знаемъ, что женскія среднія учебныя заведенія плохи, но желали-бы по возможности ихъ дополнить и идти дальше и дальше,—и что, какъ неопытныя въ дѣлѣ составленія плана всѣхъ программъ, мы и обращаемся за ихъ помощью.

«Вотъ тутъ выступилъ Д. И. Менделѣевъ и сказалъ: «Я становлюсь съ самаго начала на практическую почву, т. е. подымаю вопросъ о деньгахъ. По сейчасъ выслушанному вашему желанію, дѣло идетъ просто объ учрежденіи самаго широкаго женскаго *университета*; это—мысль великолѣпная, къ которой давно слѣдовало-бы приступить, и вы всѣ, здѣсь присутствующія, задавшись цѣлью осуществить эту мысль, достойны глубокаго уваженія. Я думаю, что мы всѣ, которымъ вы сдѣлали честь пригласить на обсужденіе этого вопроса, должны васъ благодарить, что вы пожелали имѣть насъ сотрудниками, и я первый васъ благодарю». И онъ всталъ и поклонился: конечно, всѣ послѣдовали его примѣру.—«Но затѣмъ, продолжалъ онъ, приступая къ обсужденію приведенія въ исполненіе этого дѣла,—первое, что представляется. А гдѣ деньги? Вотъ первое: квартира, такъ-какъ въ университетѣ это немыслимо; 2-ое—вся обстановка: а) мебель, б) кабинеты; 3-е—содержаніе прислуги; 4-ый и главный расходъ—плата профессорамъ». Мы отвѣчали, что у насъ *ничего нѣтъ*, но что единственный нами предвидимый источникъ дохода—это плата за слушаніе лекцій, что мы предполагаемъ брать въ годъ по 50 р., и что вотъ уже подписалось 400 слишкомъ человѣкъ. Д. И. Менделѣевъ, да и всѣ прочіе, улыбнулись, а онъ отвѣтилъ: «Какъ! вы затѣваете милліонное дѣло, а у васъ предвидится всего 6 тысячъ въ годъ?» Тутъ стали очень всѣ профессора возражать, что можно начать съ малаго понемногу. А у насъ при словахъ Д. И. Менделѣева просто опустились руки. Но мы скоро ободрились и спросили (кажется я): «А сколько надо будетъ платить каждому профессору?»—Тутъ произошло замѣшательство и каждый конфузился сказать. Тогда И. М. Сѣченовъ предложилъ этотъ вопросъ рѣшить закрытой баллотировкою, и это было принято. И что-же вышло? Всѣ написали: «*Первый годъ даромъ*». Это насъ ужасно переконфузило. Мы всѣ

стали говорить, что на это намъ нельзя согласиться, что надо иначе устроить, хотя чувствовали сами, что трудно, такъ-какъ денегъ въ виду наличныхъ нѣтъ. Но по долгомъ разсужденіи, рѣшили такъ: слушательницъ, конечно, будетъ много, такъ-какъ мы стали получать заявленія уже изъ разныхъ провинціальныхъ городовъ о желаніи присоединиться къ намъ, и этихъ заявленій набралось въ то время уже слишкомъ за 100. Опираясь на это, мы предложили вотъ что: все, что останется сверхъ устройства и найма помѣщенія, мы отдаемъ сполна профессорамъ, и они дѣлятъ уже сами между собою. Потомъ опять стали разсуждать— какъ и что устроить, какая должна быть учебная программа, и разошлись послѣ того, что рѣшили: все выработанное сообщить проф. Кесслеру (онъ былъ боленъ и на засѣданіи не былъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ, все дальнѣйшее также выработать, а его просить дать намъ отвѣтъ.

«Отвѣтъ долго не получался отъ ректора. Наконецъ, 5-го іюня 1868 г., онъ пришелъ, и былъ такого содержанія, что прежде чѣмъ дѣло предпринимать и писать программы, мы должны обратиться за разрѣшеніемъ къ министру графу Толстому. Здѣсь было сказано: «Совѣтъ с.-петербургскаго университета, по выслушаніи доклада особой коммиссіи, назначенной для обсужденія ходатайства лицъ женскаго пола о допущеніи ихъ къ слушанію лекцій по предметамъ историко-филологическихъ и естественныхъ наукъ, положилъ: 1) что совѣтъ университета выражаетъ свое полное сочувствіе стремленію организовать правильные, дѣльные, но отнюдь не популярные курсы по предметамъ историко-филологическихъ и естественныхъ наукъ; 2) что открытіе университетскихъ аудиторій для предполагаемыхъ курсовъ совѣтъ находитъ неудобнымъ, и вообще предоставляетъ матеріальную часть организаціи лекцій самимъ просительницамъ; 3) что, по полученіи просительницами отъ министерства народнаго просвѣщенія разрѣшенія на

открытіе сихъ кусовъ, а по представленіи въ совѣтъ университета подписавшимися полнаго плана матеріальной стороны дѣла, совѣтъ университета займется не только пересмотромъ этого плана, но и приметъ на себя съ удовольствіемъ устройство учебной части, такъ-какъ многіе члены ученаго университетскаго сословія выразили уже свое согласіе участвовать въ предполагаемыхъ курсахъ».

«Опять затрудненіе, опять собираемъ членовъ, чтобы рѣшить—какъ и кого уполномочивать на это. И вотъ выборъ падаетъ на А. П. Философову, Е. Н. Воронину и меня, а университетъ уполномочиваетъ съ своей стороны проф. А. Н. Бекетова.

«Опять составляется прошеніе, показывается университетской комиссіи и, наконецъ, министръ назначаетъ намъ аудіенцію. Это было уже черезъ годъ почти послѣ нашей первой просьбы въ университетъ въ декабрѣ 1867, и затѣмъ другой въ маѣ 1868 года».

Въ запискѣ, написанной теперь, въ концѣ 1868-го года, для министра, повторялись тѣ-же мотивы, которые были высказаны въ запискѣ, поданной въ маѣ ректору университета, но съ тою разницею, что петербургскія женщины не просили уже болѣе о «слушаніи курсовъ въ университетѣ», а о слушаніи ихъ совершенно отдѣльно, самостоятельно. Это былъ сильный и рѣшительный, еще новый шагъ впередъ. При ихъ прошеніи были приложены: листы съ 400 подписей, и, сверхъ того, особая записка, назначенная объяснить предполагаемое «устройство матеріальной части дѣла». Касательно продолжительности и объема курсовъ, тутъ не было включено никакихъ подробностей, на томъ основаніи, что совѣтъ университета предложилъ составить программы и представить ихъ на разсмотрѣніе и утвержденіе министра народнаго просвѣщенія только по полученіи его разрѣшенія на устройство лекцій. Въ запискѣ исключительно излагались соображенія «хозяйственмыя». Главнымъ источникомъ для покрытія

издержекъ принималась плата со слушательницъ. Разсчитывая на 200 слушательницъ и принимая за норму платы 30 рублей (въ женскихъ гимназіяхъ плата была 25 р., да за языки: французскій, нѣмецкій и англійскій по 5 р., всего = 40 рублей), получалась-бы сумма 6.000 рублей. Въ подспорье къ этому доходу, просительницы имѣли въ виду частныя пожертвованія, для сбора которыхъ ходатайствовали разрѣшить открытіе подписки въ газетахъ.

«Аудіенція у министра народнаго просвѣщенія, графа Дм. Андр. Толстого, была намъ назначена, разсказываетъ моя сестра, на 26-ое ноября 1868 года, въ Георгіевъ день, въ 10-мъ часу утра. За мною заѣхала А. П. Философова, съ докладной запиской. Въ пріемной у министра, мы уже нашли А. Н. Бекетова и Е. И. Воронину. Мы послали свои карточки, и минутъ черезъ десять вышелъ къ намъ министръ въ полной парадной формѣ—онъ ѣхалъ во дворецъ; онъ попросилъ насъ въ кабинетъ, пригласилъ сѣсть и первыя его слова были: «Наконецъ-то вы пріѣхали; я все слышу со всѣхъ сторонъ, что открывается женское заведеніе, даже Государь меня спросилъ какъ-то: «У тебя открывается женскій университетъ?» А я ничего не знаю. Что вамъ угодно?»

«Такъ-какъ я была самая старшая, то онъ обратился съ вопросомъ ко мнѣ, да и между нами было рѣшено, и этого же требовали всѣ на засѣданіи, что я представлю записку и буду ее излагать. Ну, такъ и было.

«Разговоръ былъ довольно странный. Первое, что́ министръ отвѣтилъ на нашу просьбу, было: «А деньги? Вы затѣваете милліонное дѣло, а говорите, что денегъ нѣтъ, и хотите содержать университетъ только сборами со слушательницъ. Да вѣдь это немыслимо; вѣдь каждый профессоръ получаетъ 3 тысячи въ годъ, а по вашей программѣ, т. е. какъ написано: словесное, историческое, юридическое, математическое и естественное

отдѣленія—для всего этого надо самое малое 20 профессоровъ. Это составитъ 60 тысячъ. А все прочее? Но министерство субсидіи не можетъ дать... никакъ». Тутъ А. Н. Бекетовъ заявилъ, что о профессорахъ нечего заботиться, что это будетъ улажено, но не сказалъ, что они будутъ читать *даромъ*, а только, что университетъ его уполномочилъ ходатайствовать о его, министра, разрѣшеніи и содѣйствіи нашей просьбѣ. Министръ, со своей стороны, много, много препирался, и говорилъ, что это затѣя нашего кружка, что этого совсѣмъ не надо для женщины, что она выйдетъ замужъ и всѣ науки въ сторону, и что этого только малое число желаетъ. Когда-же мы указывали на массу подписей заявившихъ желаніе женщинъ, онъ отвѣтилъ: «Да это все бараны! Вы запѣвалы, а имъ все равно, на что и куда идти—новость, вотъ и все».— Я едва держалась отъ досады. Потомъ я узнала, что и всѣ мои товарищи испытывали то-же негодованіе, особенно А. Н. Бекетовъ.

«Въ концѣ концовъ графъ Толстой сказалъ: «Я долженъ вамъ сказать, что навѣрное Императоръ не разрѣшитъ университета. Все, что можно будетъ устроить, я думаю, это публичныя лекціи». Это насъ опѣшило. Я стала къ нему приставать, и прямо сказала: «Мы всѣ хорошо знаемъ, что рѣшеніе этого вопроса всецѣло зависитъ отъ васъ: какъ вы доложите, какой колоритъ придадите, такъ и будетъ рѣшено». А онъ на это: «Видно, что дамы просятъ и не стѣсняются. Конечно, вы всѣ не сомнѣваетесь въ моемъ сочувствіи этому дѣлу. Я буду хлопотать, но почти увѣренъ, что не дозволятъ. Можно только разсчитывать на публичныя лекціи. Я пришлю вамъ отвѣтъ, а васъ, Андрей Николаевичъ, попрошу пріѣхать ко мнѣ завтра, чтобы вмѣстѣ прочесть вашу записку».

«Мы уѣхали. Начались ожиданія. Продолжались онѣ болѣе года. Мы со своей стороны старались узнать всюду въ министерствѣ—какъ стоитъ дѣло? А. Н. Бе-

кетовъ нѣсколько разъ ѣздилъ тоже узнавать, а иногда послѣ урока (онъ давалъ дѣтямъ гр. Толстого уроки ботаники, также и при дворѣ), если ему удавалось повидать за завтракомъ министра, то спрашивалъ его: «Что-же, можно-ли скоро ожидать отвѣта?» На это бывалъ довольно уклончивый отвѣтъ, что «да, скоро, скоро».

«Во время нашего томительнаго ожиданія, надо сказать, А. П. Философова и ея мужъ, Владиміръ Дмитріевичъ (тогда бывшій генералъ-аудиторъ военнаго министерства)—много помогали ускоренію отвѣта. При встрѣчахъ, въ свѣтѣ, съ министромъ, они всегда напоминали ему о нашемъ дѣлѣ, и даже, разъ на балу во дворцѣ, Анна Павловна, любезно и мило (какъ это всегда у ней было въ характерѣ), просто, можно сказать, пристала къ министру со словами: «Когда-же отвѣтъ?» Наконецъ, 21-го декабря 1868 года, вотъ и пришелъ отвѣтъ, на ея имя».

Графъ Д. А. Толстой говорилъ здѣсь: «По содержанію прошенія вашего превосходительства и госпожъ Ворониной и Стасовой, я нашелъ нужнымъ потребовать заключеніе попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа *). Полученное нынѣ мнѣніе попечителя заключается въ слѣдующемъ. (Сначала были изложены просьба 400 женщинъ въ университетъ и отвѣтъ профессоровъ, а потомъ было написано:) «Отвѣчая такимъ образомъ, члены университета, очевидно, имѣли въ виду только второе изъ приведенныхъ въ запискѣ соображеній, такъ-какъ указываемая въ запискѣ важнѣйшая и естественная обязанность женщинъ—«воспитаніе и первоначальное образованіе дѣтей» не нуждается собственно въ университетскихъ курсахъ. Не входя въ разсмотрѣніе, въ какой мѣрѣ полезно допустить женщинъ къ преподаванію въ высшихъ клас-

*) Попечителемъ былъ тогда князь Пав. Ив. Ливенъ. *В. С.*

сахъ женскихъ учебныхъ заведеній, совѣтъ университета изъявилъ согласіе устроить требуемые курсы, съ условіемъ, чтобы «курсы эти не имѣли популярнаго характера». Но для того, чтобы слушать съ пользою университетскіе курсы, излагаемые научнымъ образомъ, нужно быть достаточно къ тому подготовленнымъ. Единственнымъ-же ручательствомъ въ надлежащей подготовкѣ, служитъ установленный для поступленія въ университетъ экзаменъ. А такъ-какъ программы женскихъ учебныхъ заведеній не соотвѣтствуютъ сей цѣли, то въ настоящее время можетъ быть рѣчь объ устройствѣ для женщинъ не университетскихъ курсовъ, а такого учебнаго заведенія, по окончаніи курсовъ въ которомъ воспитывающіяся могли-бы быть достаточно приготовлены къ слушанію университетскихъ лекцій. Снисхожденіе для женщинъ въ этомъ отношеніи равносильно низведенію университетскихъ курсовъ до популярныхъ чтеній, что̀ прямо противорѣчитъ заявленію совѣта с.-петербургскаго университета. Что касается до устройства матеріальной части предположенныхъ курсовъ, то предположенія въ семъ отношеніи едва-ли достигнутъ цѣли. Источниками для покрытія всѣхъ предстоящихъ издержекъ служатъ сборъ за слушаніе лекцій, опредѣляемый въ 6,000 рублей, и добровольныя пожертвованія. На такія неопредѣленныя средства нельзя рѣшиться открыть не только университетскіе, но даже гимназическіе курсы. Въ прошеніи сказано, что 6,000 р. въ годъ достаточно для платы профессорамъ и для покрытія расходовъ на учебныя пособія. Опредѣляя вознагражденіе профессора, за чтеніе лекцій впродолженіе года, въ половину противъ получаемаго имъ университетскаго жалованья, т. е. въ 1,500 руб., оказывается, что изъ вышеприведенной суммы можно вознаградить за чтеніе лекцій только по *двумъ* предметамъ каждаго факультета; на вознагражденіе-же за чтеніе остальныхъ 9-ти предметовъ историко-филологическаго и

заведеній упомянутаго вѣдомства высшіе курсы наукъ тѣмъ удобнѣе, что для сего вѣроятно нашлось-бы готовое помѣщеніе, необходимый за воспитанницами этихъ курсовъ надзоръ изъ извѣстныхъ своею опытностью лицъ, и потребовались-бы не столь значительные расходы на прочія потребности». Къ этому отзыву попечителя министръ народнаго просвѣщенія присовокупилъ, что «сочувствуя стремленію женщинъ получить высшее образованіе, онъ полагалъ-бы въ настоящее время наиболѣе удобнымъ: устроить для сего общія публичныя лекціи, т. е. совокупно для мужчинъ и женщинъ, на основаніи существующихъ нынѣ о публичныхъ лекціяхъ постановленій, буде гг. профессора университета изъявятъ на это согласіе».

«Мы были совершенно убиты!—восклицаетъ моя сестра въ «Запискахъ».—Что дѣлать? Однако-же, мы, т. е. М. В. Трубникова, А. П. Философова и я, переговорили между собою. Надо замѣтить, что Евг. Ив. Конради, послѣ подачи прошенія на общемъ собраніи съѣзда естествоиспытателей, совершенно почти отстранилась отъ нашего дѣла и, по тяжкимъ семейнымъ обстоятельствамъ, должна была въ то время всецѣло посвятить себя труду и работать дни и ночи въ газетахъ и журналахъ. Но все-таки, во все это время она хлопотала для нашего общаго дѣла—у ней было много знакомыхъ между профессорами, особенно медико-хирургической академіи. Она вѣдь была такая умная женщина, такъ отлично говорила *). Итакъ, мы рѣшили собрать опять всѣхъ подписавшихся и уговаривать ихъ принять что даютъ. Но, прежде чѣмъ собрать ихъ, мы рѣшили повидаться съ П. А. Нарановичемъ и К. Ѳ. Кесслеромъ, и спросить ихъ совѣта, такъ-какъ во все время это, пока мы не получали

*) Изъ помѣщаемыхъ ниже извлеченій изъ писемъ М. В. Трубниковой къ моей сестрѣ видно, что даже и въ 1869 г. къ Е. И. Конради русскія женщины-дѣятельницы обращались по важнѣйшимъ вопросамъ. *В. С.*

Онѣ чувствовали свою силу, во-первыхъ, въ томъ, что, кромѣ своего собственнаго, внутренняго голоса, онѣ слышали за собою всю новую, только пробудившуюся Россію, глядящую на нихъ съ упованіемъ, увѣренностью и жаднымъ нетерпѣніемъ; во-вторыхъ, видѣли громадное сочувствіе лучшихъ русскихъ людей, тѣхъ, что полны ума, знанія, науки и высокаго сердца, наконецъ, онѣ слышали, словно далекій призывный благовѣстъ и изъ Европы.

10-ти предметовъ физико-математическаго факультетовъ, а также на покрытіе расходовъ на наемъ помѣщенія, на отопленіе и освѣщеніе его, на прислугу, учебныя пособія и другіе необходимые расходы, не предвидится источника. Если подписавшія прошеніе, быть можетъ, полагали, что испрашиваемые ими курсы могутъ быть устроены въ зданіи университета *), то подобное предположеніе не можетъ быть исполнено, такъ-такъ въ университетскомъ зданіи не оказалось даже свободнаго помѣщенія для испытательнаго комитета на званіе домашнихъ учителей и учительницъ. Вообще, разсчитывать на матеріальное пособіе со стороны министерства народнаго просвѣщенія, просительницы не могутъ, такъ-какъ и тѣ немногія среднія учебныя заведенія для женщинъ, которыя состоятъ въ вѣдѣніи министерства, находятся въ крайне затруднительномъ и неудовлетворительномъ состояніи, единственно вслѣдствіе матеріальнаго ихъ необезпеченія. Посему, главною заботою въ настоящее время должно быть не открытіе для женщинъ университетскихъ курсовъ, а устройство и поддержаніе такихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ-бы онѣ могли получать образованіе, преимущественно для женщины необходимое, пожелаетъ-ли она быть истинною матерью, или только полезнымъ членомъ своего или чужого семейства». Въ заключеніе своего мнѣнія, попечитель высказалъ, что «осуществленія въ извѣстной степени своего желенія петербургскія женщины могутъ ожидать съ большимъ вѣроятіемъ отъ того вѣдомства, въ которомъ главнѣйшимъ образомъ сосредоточено женское образованіе, и гдѣ имѣются для сего матеріальныя средства. Присоединить къ одному изъ учебныхъ

*) Замѣтимъ, еще разъ, что въ просьбѣ или въ запискѣ своей министру, петербургскія женщины вовсе не имѣли въ виду просить допущенія своихъ лекцій въ стѣнахъ университета, а также не просили никакой денежной помощи или субсидіи. *В. С.*

заведеній упомянутаго вѣдомства высшіе курсы наукъ тѣмъ удобнѣе, что для сего вѣроятно нашлось-бы готовое помѣщеніе, необходимый за воспитанницами этихъ курсовъ надзоръ изъ извѣстныхъ своею опытностью лицъ, и потребовались-бы не столь значительные расходы на прочія потребности». Къ этому отзыву попечителя министръ народнаго просвѣщенія присовокупилъ, что «сочувствуя стремленію женщинъ получить высшее образованіе, онъ полагалъ-бы въ настоящее время наиболѣе удобнымъ: устроить для сего общія публичныя лекціи, т. е. совокупно для мужчинъ и женщинъ, на основаніи существующихъ нынѣ о публичныхъ лекціяхъ постановленій, буде гг. профессора университета изъявятъ на это согласіе».

«Мы были совершенно убиты!—восклицаетъ моя сестра въ «Запискахъ».—Что дѣлать? Однако-же, мы, т. е. М. В. Трубникова, А. П. Философова и я, переговорили между собою. Надо замѣтить, что Евг. Ив. Конради, послѣ подачи прошенія на общемъ собраніи съѣзда естествоиспытателей, совершенно почти отстранилась отъ нашего дѣла и, по тяжкимъ семейнымъ обстоятельствамъ, должна была въ то время всецѣло посвятить себя труду и работать дни и ночи въ газетахъ и журналахъ. Но все-таки, во все это время она хлопотала для нашего общаго дѣла—у ней было много знакомыхъ между профессорами, особенно медико-хирургической академіи. Она вѣдь была такая умная женщина, такъ отлично говорила *). Итакъ, мы рѣшили собрать опять всѣхъ подписавшихся и уговаривать ихъ принять что даютъ. Но, прежде чѣмъ собрать ихъ, мы рѣшили повидаться съ П. А. Нарановичемъ и К. Ѳ. Кесслеромъ, и спросить ихъ совѣта, такъ-какъ во все время это, пока мы не получали

*) Изъ помѣщаемыхъ ниже извлеченій изъ писемъ М. В. Трубниковой къ моей сестрѣ видно, что даже и въ 1869 г. къ Е. И. Конради русскія женщины-дѣятельницы обращались по важнѣйшимъ вопросамъ. *В. С.*

отвѣта, мы безпрестанно обращались къ нимъ за совѣтами и помошью, — что не могуть-ли они какъ-нибудь толкнуть это дѣло впередъ? И вотъ, съ этихъ поръ начинается уже постоянная моя усиленная дѣятельность, ѣзда и хлопоты всюду и ко всѣмъ, къ министрамъ и профессорамъ».

Остановимся на минуту на этомъ фазисѣ дѣла.

Итакъ, русскія женщины не уныли. Не взирая на всѣ самыя тяжкія, удручающія обстоятельства, среди которыхъ не оставалось уже, казалось-бы, ни единой свѣтлой полоски голубого неба съ солнцемъ, и не было уже ни единаго самаго маленькаго луча свѣта, надежды для ихъ дорогого дѣла, онѣ все-таки не утратили вѣру въ него, и съ непобѣдимымъ фанатизмомъ продолжали идти на проломъ. Какъ онѣ похожи были на «барановъ»! Но откуда бралась у нихъ эта сила, это убѣжденіе, эта непреклонность, эта непоколебимая увѣренность въ побѣдѣ, когда-то, впослѣдствіи? Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, тѣ, которые имъ тогда противились, развѣ они не были тысячу разъ правы во многомъ, въ самомъ существенномъ? Развѣ ихъ предпріятіе могло двинуться съ мѣста со всего 6,000 р. въ карманѣ, да еще и тѣ 6,000 словно еще журавль въ небѣ? Развѣ сопротивлявшіеся ихъ дѣлу не истинную правду говорили, что все у нихъ, тутъ, петербургскихъ женщинъ, шатко, вилами на водѣ писано, не содержитъ ни малѣйшей прочности, что такъ дѣло нельзя вести, и солидному человѣку, или управленію, нельзя пускаться на такія химеры? Они были правы.

Но кромѣ правоты математической, той, которая сію секунду существуетъ, есть еще другая правота, та, которую не видать, но которая все-таки есть, которую иные глаза еще не нащупываютъ, но чувствуютъ впереди, и на которую всѣ лучшіе люди уповаютъ какъ на гранитныя и порфировыя стѣны. И эта правота несокрушима. Такъ было и на нынѣшній разъ, въ дѣлѣ русскихъ женщинъ.

Онѣ чувствовали свою силу, во-первыхъ, въ томъ, что, кромѣ своего собственнаго, внутренняго голоса, онѣ слышали за собою всю новую, только пробудившуюся Россію, глядящую на нихъ съ упованіемъ, увѣренностью и жаднымъ нетерпѣніемъ; во-вторыхъ, видѣли громадное сочувствіе лучшихъ русскихъ людей, тѣхъ, что полны ума, знанія, науки и высокаго сердца, наконецъ, онѣ слышали, словно далекій призывный благовѣстъ и изъ Европы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Сношенія съ заграницей.

Сношенія русскихъ женщинъ съ западно-европейскими писателями и писательницами, посвятившими себя дѣлу эмансипаціи, равноправія и возвышенія женщины, начались со второй половины настоящаго столѣтія, съ 50-хъ годовъ его, когда всяческое вообще движеніе въ пользу угнетенныхъ личностей и цѣлыхъ классовъ народа стало проявляться съ особенною силой.

Первая начала у насъ такія сношенія—М. В. Трубникова. И именно, она вступила въ сношеніе съ французской писательницей Женни д'Эрикуръ *).

Въ настоящую минуту, когда переворотъ давно совершился, эта женщина почти совсѣмъ забыта, и глубоко несправедливо. Немногіе знаютъ, не только у насъ, но и во Франціи, что-нибудь объ этой замѣчательной личности. Даже въ «Энциклопическомъ словарѣ» Ларусса, всегда столько полномъ и обстоятель-

*) Подробности о сношеніяхъ М. В. Трубниковой съ Женни д'Эрикуръ должны были бы, по настоящему, найти мѣсто въ настоящемъ изданіи выше, и именно въ § 5, гдѣ впервые выступаетъ на сцену М. В. Трубникова. Но главнѣйшія свѣдѣнія о ея сношеніяхъ съ Женни д'Эрикуръ сдѣлались мнѣ извѣстны лишь тогда, когда § 5 былъ уже отпечатанъ. Потому я нахожусь вынужденнымъ помѣстить эти свѣдѣнія лишь въ настоящемъ §, вмѣстѣ со свѣдѣніями о другихъ сношеніяхъ русскихъ женщинъ за границей. *В. С.*

номъ, особливо по части выдающихся французскихъ общественныхъ дѣятелей, мы встрѣчаемъ про эту особу всего только слѣдующія строки: «Г-жа Женни д'Эрикуръ сдѣлалась извѣстна своими политико-экономическими писаніями. Она завязала, въ 1856 году, въ «Revue philosophique», по части женскаго вопроса, довольно живую полемику съ Прудономъ, который третировалъ ее очень сурово.»

Но 50 лѣтъ тому назадъ, въ срединѣ и концѣ 50-хъ годовъ, она играла роль очень значительную. Въ своихъ «Воспоминаніяхъ изъ прошлаго и настоящаго» Шелгуновъ разсказываетъ: «Пріѣхавъ въ Парижъ въ 1856 году, я встрѣтилъ небольшой очажокъ недовольныхъ императорскимъ правительствомъ (Наполеона III), въ rue Michaudière, въ Hôtel Molière, гдѣ я остановился (по рекомендаціи, изъ Гейдельбера, русскаго извѣстнаго доктора Ловцова). Отель содержала m-me Maxime, вмѣстѣ съ Fauvety, редакторомъ маленькаго журнала «Revue phil sophique». У нихъ былъ свой кружокъ, въ которомъ принимала участіе также и извѣстная проповѣдница женской эмансипаціи, Женни д'Эрикуръ, и еще болѣе извѣстный Массоль, сенсимонистъ, товарищъ и ученикъ Анфантена».

Какъ я слышу теперь отъ Людм. Петр. Шелгуновой бывшей тогда со своимъ мужемъ, Н. В. Шелгуновымъ, въ Парижѣ, Женни д'Эрикуръ была въ то время женщина лѣтъ около 50-и, некрасивая собой, но чрезвычайно умная и образованная, и, въ добавокъ, необыкновенно живая. Она была, по занятіямъ своимъ, докторша, и именно гомеопатка. Весь кружокъ Hôtel Molière'а высоко цѣнилъ и уважалъ ее. Она начала литературную карьеру статьями объ эмансипаціи женщинъ—въ итальянскомъ извѣстномъ журналѣ «Raggione», а потомъ писала въ парижскомъ журналѣ «Revue philosophique». Своихъ сотрудниковъ она такъ описывала, впослѣдствіи, въ предисловіи къ главному своему сочиненію (о которомъ будетъ говорено ниже): «Раньше

всѣхъ благодарю васъ, Авзоніо Франки, представитель критической философіи въ Италіи, человѣкъ, столько же глубокій по идеаламъ, какъ и безпристрастный и возвышенный по характеру—вы великодушно и долгое время принимали мои писанья на столбцы вашего журнала «Raggione». Благодарю затѣмъ васъ, дорогіе мои сотрудники въ парижской «Revue philosophique», Шарль Лемоньо, Массоль, Гепенъ, Бротьо и другіе. Вы не усомнились снова поставить на очереди вопросъ объ эмансипаціи моего пола; вы стали принимать на столбцы ваши писанія женщинъ, съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ и всегда выказывали интересъ и симпатію ко мнѣ. Но еще болѣе благодарю васъ, Шарль Фовети, старѣйшій другъ мой, неутомимый искатель истины, чье изящное, остроумное и ясное перо всегда посвящено службѣ идей прогресса и великодушныхъ стремленій; богатая ваша библіотека, и ваши добрые совѣты, всегда къ услугамъ тѣхъ, кто хочетъ просвѣщать человѣчество. Благодарю также и васъ, Шарль Ренувьэ, ученѣйшій представитель критической философіи во Франціи... Въ вашихъ поощреніяхъ, въ вашемъ одобреніи, дорогіе друзья мои и сотрудники, почерпнула я силу, необходимую для той книги, которую теперь предпринимаю...» Въ этомъ-же предисловіи Женни д'Эрикуръ благодарила всѣ тѣ «журналы итальянскіе, англійскіе, голландскіе, американскіе, нѣмецкіе, которые въ разное время переводили статьи ея», а равно благодарила и всѣхъ тѣхъ «мужчинъ и женщинъ разныхъ странъ, а также французовъ, которые любезно выражали ей сочувствіе и поощряли ее среди борьбы, поднятой ею противъ враговъ женскаго права...»

Но именно въ 1856 году Женни д'Эрикуръ съ особенною силою выступила противъ Прудона, вслѣдствіе того, что познакомилась наконецъ вполнѣ со всѣми его безобразными и нелѣпыми нападками на женскую эмансипацію, разсѣянными по множеству раз-

ныхъ его сочиненіи, начиная еще съ 1841 года (первый «Мемуаръ о собственности»). Она глубоко уважала его глубокій умъ, его геніальный починъ по многимъ вопросамъ, его великій, поразительный художественный талантъ, но не могла равнодушно переносить его совершенно невозможный взглядъ на натуру и судьбу женщины. Вотъ она и напечатала, въ декабрѣ 1856 года, въ своей «Revue philosophique» статью подъ заглавіемъ: «Г. Прудонъ и женскій вопросъ». Аттака была горячая, умная и остроумная, мастерски написанная. Прудонъ тотчасъ-же отвѣчалъ. Началась ожесточенная журнальная перепалка, остановившая на себѣ вниманіе всего интеллигентнаго міра, особливо французскаго. Прудонъ нападалъ на Женни д'Эрикуръ со всею силою своего ума, таланта, со всѣмъ своимъ блескомъ ироніи, насмѣшки, и, однако же, печатно высказывалъ, что «ея умъ, характеръ и познанія ставятъ ее, конечно, внѣ сравненія съ безчисленнымъ множествомъ мужчинъ...»

Въ мартѣ 1857 года Прудонъ отказался продолжать эту полемику, и, конечно, остался при своемъ прежнемъ образѣ мыслей. Тогда, вскорѣ потомъ, Женни д'Эрикуръ напечатала цѣлое большое сочиненіе, въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: «La femme affranchie» (освобожденная женщина). Эта книга содержала подробное разсмотрѣніе мнѣній о правахъ, назначеніи и натурѣ женщины, высказанныхъ въ сочиненіяхъ Мишлэ, Прудона, Эмиля Жирардена, Огюста Конта и другихъ новѣйшихъ новаторовъ. Прудонъ, еще во время своей полемики съ Женни д'Эрикуръ, высказывалъ въ печати, что съ нетерпѣніемъ «ожидаетъ ея книги».

И дѣйствительно, книга того стóила *). Я не могу теперь сказать, знала ли Женни д'Эрикуръ, когда пи-

*) Вотъ главное ея содержаніе: *Томъ I.* Новѣйшіе коммунисты. Сен-Симонисты. Фузіонисты. Фаланстеріанцы. Эрнестъ Легувэ. Эмиль Жирарденъ. Г. Мишлэ. Огюстъ Контъ. Прудонъ. Резюмэ. *Томъ II.* Разумное воспитаніе (письма къ вос-

сала свои статьи и книгу, про Джона Стюарта Милля, и про знаменитую его статью, напечатанную, въ 1857 году, въ «Westminster Review», про которую я говорилъ выше, въ § IV, но она твердо знала про американское громадное движенie, въ пользу правъ женщины на конгрессахъ, митингахъ и съѣздахъ; твердо знала все про движенie 30-хъ и 40-хъ годовъ французскихъ сен-симонистовъ и фурьеристовъ, про ихъ противника и жестокаго врага, знаменитаго Огюста Конта, творца «позитивной философiи», котораго клеймила въ своей книгѣ прозвищемъ «отступника и поругателя» своего бывшаго учителя, Сен-Симона» (въ 50-хъ годахъ только что *впервые* вполнѣ изданнаго); очень твердо знала новую, тогда-же, книгу Мишлэ «О любви», которую называла второй половиной статей Прудона о женщинѣ; наконецъ, еще тверже знала то, чтó противъ женщины писалъ Прудонъ. И вотъ, какъ смѣлая, знающая, грозная, не желающая долѣе терпѣть позора и несправедливости женщина, она начала новый, второй перiодъ эмансипацiи: выступила со своею книгою, и получила великое значенie для всѣхъ тогдашнихъ сторонниковъ правъ женщины.

Въ своемъ предисловiи, Женни д'Эрикуръ говорила: «Моя цѣль—доказать, что женщина имѣетъ тѣ-же права, чтó и мужчина, и поэтому, требовать ея эмансипацiи, а наконецъ указать женщинамъ, раздѣляющимъ мой образъ мыслей, главнѣйшiя средства для достиженiя ими справедливости... Въ бракѣ—женщина *раба*; передъ лицомъ народнаго просвѣщенiя—она *жертва*; передъ лицомъ труда—она удержана на *низкой степени*; въ гражданскомъ отношенiи,—она *малолѣтокъ*; въ политическомъ—она вовсе *не существуетъ*. Она равна муж-

---

питательницѣ). Призывъ къ женщинамъ, проповѣдь, символъ вѣры. Резюмэ и заключенie.

Мнѣ не случилось видѣть 1-го изданiя этого сочиненiя. Мнѣ извѣстно только 2-е, отпечатанное въ Брюсселѣ, въ въ 1860 году. *В. С.*

чинѣ только въ томъ, гдѣ рѣчь идетъ о *наказаніи* или *уплатѣ налоговъ*. Я требую для женщины правъ, потому что пора стыдить нашъ XIX-й вѣкъ за его преступное отказываніе справедливости цѣлой половинѣ рода человѣческаго; потому что низменное состояніе, въ которомъ насъ держатъ, развращаетъ нравы, разлагаетъ общество, обезображиваетъ и разслабляетъ нашу расу; потому что успѣхъ просвѣщенія, въ которомъ участвуетъ женщина, превратилъ ее въ соціальную силу, и эта новая сила производитъ зло, вмѣсто добра, котораго ей не даютъ дѣлать; потому что прошло время, когда надо давать реформы, такъ какъ женщины протестуютъ противъ угнетающаго ихъ порядка вещей, и однѣ изъ нихъ презираютъ предразсудки, другія захватываютъ спорныя позиціи и организуются въ общества для полученія человѣческаго права, какъ это дѣлается въ Америкѣ; наконецъ, потому, что мнѣ кажется необходимымъ строго отвѣчать тѣмъ мужчинамъ, которые, испугавшись эмансипаціоннаго движенія, призываютъ себѣ на помощь какую-то фальшивую науку для того, чтобы доказать, что женщина—внѣ права, и простираютъ неприличіе и... и то что̀ противуположно храбрости, даже до самаго возмутительнаго поруганія и брани...» Своимъ противникамъ она отвѣчала, на ихъ укоры, что если она въ своихъ писаніяхъ «рѣзка» и не щадитъ ихъ, то потому только, что они враги разсудка и справедливости, и, имѣя силу и всяческое оружіе на своей сторонѣ, сурово и безпощадно нападаютъ на женскій полъ, который, только благодаря ихъ-же стараніямъ, робокъ и безоруженъ; наконецъ, потому что она считаетъ очень приличнымъ защищать слабость противъ тиранніи, дерзко и нагло выдающей себя за нѣчто законное.

Первое извѣстіе о книгѣ Женни д'Эрикуръ привезли къ намъ, воротясь изъ Парижа въ Петербургъ, въ 1856 году, Ник. Вас. и Людм. Петр. Шелгуновы.

Книга произвела у насъ сильное вліяніе на многихъ.

Уже первый томъ, какъ содержащій изложеніе теорій новѣйшихъ французскихъ соціалистическихъ писателей, а также критику и полемику противъ нихъ, способенъ былъ глубоко интересовать интеллигентнѣйшихъ изъ числа русскихъ женщинъ. Но второй томъ заключалъ въ себѣ такіе элементы, которые должны были, во времена начинавшагося у насъ, въ 50-хъ годахъ, могучàго подъема духа и развитія всѣхъ сторонъ самостоятельности, умственной и общественной дѣятельности, возбуждать въ высшей степени все новое поколѣніе русскихъ женщинъ, выступавщее тогда на сцену. Какъ будто прямо къ нимъ обращались слова Женни д'Эрикуръ въ этомъ II-мъ томѣ: «Прогрессивныя женщины, къ вамъ я обращаюсь. Обратите вниманіе на мои слова, во имя общаго блага, во имя вашихъ дочерей и сыновей. Вы говорите, что нравы худы, что законы, касающіеся женщины, требуютъ измѣненія. Это правда: но неужели вы думаете, что для того, чтобы излѣчить болѣзнь, довольно указать на нее? Не плакаться надо, а дѣйствовать. Васъ оскорбляютъ, васъ позорятъ, васъ отрицаютъ, или о васъ жалѣютъ, для того, чтобы порабощать васъ, а вы—вы еле-еле приходите въ негодованіе. Когда-же станетъ вамъ стыдно роли, на которую вы осуждены? Когда-же отвѣтите вы на призывъ, обращаемый къ вамъ интеллигентными и великодушными мужчинами?—Чтò дѣлать?—спрашиваете вы.—Чтó дѣлать, милостивыя государыни? Да то-же самое, что дѣлаютъ спеціально предавшіяся благочестію женщины. Посмотрите на тѣхъ, которыя посвятили всю свою душу которому-либо догмату. Онѣ организуются, учатъ, пишутъ, дѣйствуютъ на свою среду и на юныя поколѣнія, для того, чтобы доставить торжество своему вѣрованію. Зачѣмъ вы не поступаете точно такъ-же?... Вы должны основать журналъ, для поддержанія своихъ требованій.

Вы должны устроить энциклопедическій комитетъ, который издалъ-бы цѣлый рядъ трактатовъ о главнѣйшихъ отрасляхъ человѣческаго знанія, для просвѣщенія женщинъ и народа. Вы должны основать политехническій женскій институтъ. Вы должны помогать вашимъ сестрамъ, работницамъ, по части устройства мастерскихъ, на основаніи экономическихъ принциповъ, болѣе справедливыхъ, чѣмъ нынѣшніе. Вы должны помогать падшимъ женщинамъ, которыя станутъ просить у васъ помощи и совѣта,—на счетъ того, какъ-бы имъ воротиться къ добру. Вы должны всѣми силами своими хлопотать объ измѣненіи метода воспитанія. И вотъ, въ виду столь сложныхъ обязанностей, вы спрашиваете: что надо дѣлать? Ахъ, если у васъ сердце и храбрость, вставайте, взрослыя женщины! Вставайте! Вставайте! И помните, что единеніе родитъ силу!..»

Нѣсколько сотъ страницъ было посвящено подробному разсмотрѣнію всѣхъ этихъ вопросовъ и положеній, и Женни д'Эрикуръ кончала свою книгу словами: «Пока кровь наша не будетъ заморожена смертью, мы будемъ требовать справедливости для цѣлой половины рода человѣческаго»...

Пламенная проповѣдь Женни д'Эрикуръ произвела глубокое впечатлѣніе на массы женщинъ всей Европы, но въ томъ числѣ и на русскихъ женщинъ. Этотъ призывъ являлся для нихъ подтвержденіемъ и подкрѣпленіемъ того самаго призыва, который съ громадною мощью и вліяніемъ несся тогда изъ устъ одного русскаго геніальнаго человѣка, Пирогова. Интеллектуальная мощь русской женщины просыпалась и росла во всей своей красотѣ и силѣ. М. В. Трубникова была одна изъ нашихъ женщинъ, всего глубже почувствовавшихъ на себѣ вліяніе чудесной пропаганды.

Она была тогда молодой женщиной, всего 21 года, она только недавно была замужемъ, у нея было молодое семейство на рукахъ, мужъ и малолѣтнія дѣти, которымъ она отдавала всѣ сердечныя свои за-

боты, но ей было мало одной своей личной жизни и интересовъ, она глубоко чувствовала въ сердцѣ своемъ раздававшійся вокругъ нея призывъ, и—отвѣтила на него. Въ началѣ лѣта 1857 года она написала, отъ имени своего маленькаго общества, письмо къ Женни д'Эрикуръ, въ Парижъ, и тутъ разсказывала ей о впечатлѣніи, на нихъ всѣхъ, книги этой послѣдней, и о своемъ намѣреніи перевести эту книгу на русскій языкъ.

Письмо М. В. Трубниковой не сохранилось, но вотъ что отвѣчала ей Женни д'Эрикуръ въ письмѣ, на французскомъ языкѣ, отъ 16 іюля 1857 года: «Милостивая государыня, тысячу разъ благодарю васъ за ваше симпатичное письмо. Я тѣмъ болѣе сожалѣю, вмѣстѣ съ вами, что вы покинули Францію, не повидавшись со мной *), что г. Бушэ-Думенкъ разсказывалъ мнѣ много про васъ съ величайшими похвалами, а одна изъ вашихъ соотечественницъ, г-жа Шелгунова говорила мнѣ о вашемъ умѣ (votre intelligence) въ самыхъ лестныхъ для васъ выраженіяхъ.

«Одинъ изъ людей, поддерживающихъ то святое дѣло, котораго знамя я несу теперь во Франціи, г. Михайловъ, уѣзжаетъ завтра обратно въ Россію, и, по моей просьбѣ, вручитъ вамъ это письмо. Я буду очень рада, если моя книга будетъ переведена такою замѣчательною женщиною, какъ вы, и отъ всего сердца желаю, чтобы эта книга доставила вѣскіе доводы тѣмъ женщинамъ, которыя приняли близко къ сердцу эмансипацію лучшей половины рода человѣческаго, и заставила-бы размышлять тѣхъ женщинъ, которыя оставались до сихъ поръ индифферентными.

«Г-жа Шелгунова полагаетъ, что если-бы я поѣхала въ Петербургъ прочитать рядъ лекцій объ эмансипаціи женщинъ, я принесла-бы нашему дѣлу вели-

---

*) Здѣсь встрѣчается какое-то недоразумѣніе: въ 1857 и 1858 г. М. В. Трубникова вовсе не ѣздила за границу. *В. С.*

-кую пользу. Я ничего не имѣла-бы возразить противъ такого предпріятія, потому что всѣ женщины—сестры, не взирая на то, къ какой расѣ онѣ принадлежатъ, а ваша страна, по моему мнѣнію, предназначена на то, чтобъ цивилизовать Азію, офранцузить ее (à la franciser)—простите мнѣ это горделивое выраженіе — подобно тому, какъ Франція предназначена преобразить старый Западъ и молодую Америку; но я не знаю, моя рѣчь, сколько она ни была-бы осторожна по формѣ, не будетъ-ли она слишкомъ смѣла при нынѣшнемъ положеніи вещей? И эта боязнь дѣлаетъ меня нерѣшительною. Но если я не поѣду въ Россію въ 1862 году, я можетъ быть никогда туда не попаду, потому-что, по всей вѣроятности, черезъ 1 1/2 года (dans 18 mois) я поѣду въ Америку, гдѣ переводится моя книга, и куда меня зовутъ многія женщины, посвятившія себя эмансипаціи (où plusieurs émancipatrices m'appellent).

«Но, что-бы ни было впереди, буду-ли я далеко или близко отъ васъ, я сохраню о васъ, милостивая государыня, хорошее воспоминаніе, и если мои желанія могли-бы имѣть какое-нибудь вліяніе на вашу рѣшимость, я-бы вамъ сказала: организуйте эмансипаторское движеніе; окружите себя женщинами; образуйте комитеты; устройте большое образцовое учрежденіе (une grande institution modèle); заведите журналъ, но не мѣшайтесь въ общую политику; пускай исключительный мужской режимъ исчезнетъ самъ собой. Если вы станете нападать на него, онъ настолько силенъ въ Россіи, что раздавитъ васъ. У насъ, на Западѣ, онъ уже не настолько силенъ, чтобы насъ уничтожить.

«Вашею цѣлью должно быть, милостивая государыня, основывать *повсюду* женскіе центры, сливать ихъ всѣ вмѣстѣ въ одинъ организмъ, водворять тамъ одно и тоже теченіе мысли и жизни, и тѣмъ основывать братство народовъ, основывать миръ, потушать всѣ расовыя ненависти, всѣ предразсудки, разъединяющіе членовъ человѣческой семьи, и, посредствомъ воспита-

«Выраженное вами русскимъ женщинамъ сочувствіе драгоцѣнно для насъ въ двухъ отношеніяхъ, вопервыхъ потому, что оно исходитъ отъ писательницы, которой талантъ посвященъ популяризаціи идеи о нравственности болѣе чистой и болѣе справедливой, чѣмъ та, которая до сихъ поръ управляла дѣломъ любви и брака, а во-вторыхъ, потому, что идетъ отъ женщины, которой блестящій талантъ увеличиваетъ списокъ женскихъ знаменитостей, и представляетъ новое подкрѣпленіе женщинамъ, ищущимъ права на свое интелляктуальное развитіе... Ваше письмо пришло къ намъ въ такую минуту, гдѣ мы всего болѣе нуждались въ нравственной поддержкѣ: наше прошеніе, худо принятое министромъ народнаго просвѣщенія заставляло насъ ожидать полной неудачи, но послѣ очень многихъ сомнѣній и трудностей, горизонтъ, наконецъ, просвѣтлѣлъ, и мы получили то, о чемъ просили, хотя подъ другимъ именемъ. Съ будущаго семестра, т.-е. съ осени, намъ разрѣшено открыть публичные курсы, куда входятъ естественныя и историческія науки и филологія, по программамъ профессоровъ петербургскаго университета, благосклонно принявшихъ на себя трудъ преподаванія. Устроены также приготовительные курсы; они открылись 1-го апрѣля.

«Итакъ, сударыня, пророчествуемая вами заря начинаетъ уже заниматься, но мы не скрываемъ отъ себя того, что пройдетъ еще много времени прежде, чѣмъ появится день во всемъ своемъ великолѣпіи. Чтобы ускорить его нарожденіе, мы считаемъ своею обязанностью узнать, какъ дѣло идетъ въ другихъ земляхъ. Для этого мы желали-бы вступить въ непосредственныя сношенія съ личностями, занимающимися въ разныхъ странахъ вопросами женскаго образованія и труда. Мы знаемъ, милостивая государыня, что во Франціи вы стоите въ главѣ освободительнаго движенія, и поэтому никто лучше васъ не знаетъ по-

ны, съ М. В. Трубниковой во главѣ, начинали тутъ съ того, что̀ въ то время только и было возможно, доступно, по тогдашнему общему положенію, по тогдашнимъ нашимъ отношеніямъ — съ дѣятельности почти исключительно филантропической. Но всего важнѣе при этомъ было то, что наши женщины, какъ-бы по завѣту Женни д'Эрикуръ, но также и по тогдашней, въ тѣ годы повсемѣстной въ Россіи потребности и стремленію соединяться въ общества, общины, кружки, соединялись въ одну большую единомышленную группу, и устремляли всѣ свои силы, всю свою дѣятельность—на осуществленіе общихъ высокихъ и чудесныхъ цѣлей. Спустя немного времени, женскія мастерскія и школы въ «Обществѣ дешевыхъ квартиръ», воскресныя школы (поскольку онѣ касались собственно женщинъ), женская издательская артель, дѣятельность многихъ нашихъ женщинъ въ Калинкинской больницѣ и въ пріютѣ кающихся «Магдалинъ» графини Ламбертъ—все это являлось выполненіемъ, конечно, прежде всего, собственныхъ потребностей русскаго просыпавшагося и ростущаго общества, но также, отчасти, и выполненіемъ призывовъ издали и мощныхъ совѣтовъ Женни д'Эрикуръ.

Наконецъ, начавшееся съ 1867 года движеніе въ пользу высшаго женскаго образованія (будущихъ высшихъ женскихъ курсовъ, или женскаго университета) исходило также изъ собственныхъ внутреннихъ потребностей русскаго общества и мысли лучшихъ русскихъ людей, но также являлось, отчасти, осуществленіемъ призывовъ и указаній Женни д'Эрикуръ.

Не знаю, сношенія съ этою послѣднею, продолжались-ли послѣ 1857 года,—по крайней мѣрѣ, въ бумагахъ М. В. Трубниковой и моей сестры не осталось никакихъ слѣдовъ такой корреспонденціи со стороны русскаго женскаго общества, и лишь 12 лѣтъ позже, когда рѣчь пошла о международныхъ сношеніяхъ женщинъ (о чемъ будетъ еще говорено ниже) и объ уча-

стіи иностранныхъ писательницъ въ русскомъ журналѣ «Недѣля», М. В. Трубникова писала моей сестрѣ изъ-заграницы, $^2/_{14}$ октября 1869 г., что завязала новыя сношенія съ разными иностранками, и, въ томъ числѣ, «писала къ Женни д'Эрикуръ, приглашая ее въ корреспондентки нашего журнала».

Но въ какой степени иностранные дѣятели и дѣятельницы по части женскаго вопроса считали русское движеніе ничуть не *копіей*, не *подражаніемъ*, не *продолженіемъ чужого дѣла*, а чѣмъ-то оригинальнымъ, совершенно *своеобразнымъ* и *самостоятельнымъ*, вытекающимъ изъ коренныхъ потребностей русскаго оригинальнаго міра и общества,—мы узнаёмъ изъ писемъ разныхъ этихъ иностранныхъ дѣятелей.

Когда новыя начинанія русскихъ женщинъ двинулись уже впередъ, и однако-же на ихъ просьбы объ устройствѣ женскаго университета не послѣдовало согласія министра народнаго просвѣщенія, и онѣ всѣ «были убиты» (по словамъ моей сестры). И тутъ, вдругъ онѣ совершенно неожиданно получили письмо отъ знаменитаго Дж. Ст. Милля, великаго представителя и двигателя женскаго освобожденія въ Европѣ. Милль говорилъ имъ въ своемъ письмѣ, на французскомъ языкѣ, изъ Авиньона, отъ 18 декабря 1868 года:

Дамамъ организаторшамъ высшаго образованія въ С.-Петербургѣ.

«Милостивыя государыни. Я узналъ съ чувствомъ удовольствія, смѣшаннаго съ удивленіемъ и почтеніемъ, что въ Россіи нашлись просвѣщенныя и мужественныя женщины, рѣшившіяся ходатайствовать, для своего пола, объ участіи его въ разнообразныхъ отрасляхъ высшаго образованія, историческаго, филологическаго и научнаго, считая въ томъ числѣ и занятіе практическою медициной,—для того, чтобы пріобрѣсти въ пользу этого дѣла нужныя опоры со стороны научнаго міра. Это именно то, чего требуютъ, съ постоянно возрастающею настойчивостью, но до сихъ

поръ все еще не достигаютъ, всѣ просвѣщеннѣйшіе люди другихъ странъ Европы. Благодаря вамъ, милостивыя государыни, Россія можетъ быть скоро опередить ихъ; это доказало-бы, что націи сравнительно новѣйшей цивилизаціи воспринимаютъ иногда ранѣе прежнихъ великія идеи усовершенствованія.

«Равная доступность для обоихъ половъ интеллектуальной культуры, важна не только для женщинъ, что̀ является, конечно, уже и такъ достаточнымъ основаніемъ—но также и для всемірной цивилизаціи. Я глубоко убѣжденъ, что нравственному и интеллектуальному прогрессу мужского пола сильно грозитъ опасность остановки, а пожалуй и отступленія назадъ, до тѣхъ поръ, пока прогрессъ женщинъ будетъ сильно отставать, и это не потому только, что ничто не можетъ замѣнить матерей въ воспитаніи ихъ дѣтей, но также и потому, что вліяніе, и на самого мужчину, характера и идей подруги его жизни не можетъ быть незначительно. Необходимо, чтобъ женщина либо двигала его впередъ, либо задерживала его назади. И такъ, я отъ всего сердца апплодирую вашимъ усиліямъ, а также усиліямъ тѣхъ просвѣщенныхъ мужчинъ, которые поддерживаютъ ихъ, и надѣюсь, что доказанная уже вами настойчивость служитъ ручательствомъ того, что вы не потеряете мужества и постоите, всѣми возможными способами, за справедливость вашего дѣла, а дѣло это, въ нашъ просвѣтленный вѣкъ, обѣщаетъ въ недалекомъ будущемъ вѣрный успѣхъ.

Примите, милостивыя государыни, искреннее выраженіе высокаго моего уваженія и живой моей симпатіи» *).

---

*) *Aux dames organisatrices de l'enseignement supérieur à S.-Pétersbourg.*

«Mesdames. J'ai appris avec un plaisir mêlé d'admiration qu'il s'est trouvé en Russie des femmes éclairées et courageuses pour demander en faveur de leur sexe une participation dans les

И такъ, починъ русскихъ женщинъ вызвалъ не только горячее и симпатичное одобреніе Стюарта Милля, но еще признаніе его, что онѣ успѣли въ счастливыхъ результатахъ опередить другихъ женщинъ Европы, ищущихъ освобожденія, и достигнуть того, чего тѣ, въ другихъ странахъ, только еще желаютъ.

Скоро послѣ письма Стюарта Милля, русскія женщины получили еще письмо, съ выраженіемъ подобныхъ-же симпатій, отъ одной изъ знаменитѣйшихъ въ ту эпоху французскихъ писательницъ, представительницъ идеи женскаго прогресса. Это была Андрэ Лео, въ 60-хъ годахъ прославившаяся своими романами: «Le mariage scandaleux» (1863) и «Le divorce» (1865). Иные сравнивали ее даже, тогда, съ Жоржъ-

---

diverses branches du haut enseignement historique, philologique, et scientifique, y compris l'art pratique de la médecine, et pour gagner à cette cause des appuis importants dans le monde scientifique. C'est ce que demandent avec une instance toujour croissante, mais sans l'avoir encore atteint, les gens les plus éclairés dans les autres pays de l'Europe. Grâce à vous, Mesdames, la Russie va peut-être les gagner de vitesse; ce serait une preuve, que les civilisations relativement récentes recueillent quelquefois avant les anciennes les grandes idées d'amélioration. L'égal accès des deux sexes à la culture intellectuelle importe non seulement aux femmes, ce qui est assurément une recommandation suffisante, mais encore à la civilisation universelle. Je suis profondément convaincu, que le progrès moral et intellectuel du sexe masculin risque beaucoup de s'arrêter, sinon de reculer, tant que celui des femmes reste beaucoup en arrière; et cela non seulement parce que rien ne peut remplacer les mères pour l'éducation de leurs enfants, mais aussi parceque l'influence, sur l'homme lui-même, du caractère et des idées de la compagne de sa vie ne peut pas être insignifiante; il faut que la femme le pousse en avant ou qu'elle le retienne en arrière. J'applaudis donc de tout mon coeur à vos efforts, et à ceux des hommes éclairés qui les appuient, et je compte sur la persévérance dont vous avez déjà fait preuve comme garantie que vous ne vous découragerez pas et que vous ferez valoir par tous moyens la justice de votre cause, qui dans un siècle de lumières promet sous peu de temps un succès assuré.

«Veuill agréer, Mesdames, l'expression sincère de ma haute estime et de ma vive sympathie».

Сандомъ: это было совершенно невѣрно, и неправильно, и вотъ уже подлинно «не въ коня кормъ» У Андрэ Лео не было ни громаднаго таланта, ни силы, ни глубины, ни огня и блеска Ж.-Санда. Но все-таки она была сильно даровита и энергично выступала въ своихъ писаніяхъ за возвышеніе и освобожденіе женщины. Ея вліяніе на современное французское общество было чрезвычайно значительно. И вотъ, она прислала русскимъ женщинамъ слѣдующее письмо въ апрѣлѣ 1869 года:

«*Инціаторшамъ* (Aux initiatrices) *высшей женской школы въ С.-Петербургѣ.*

«Милостивыя государыни. Вы задумали превосходнѣйшее на свѣтѣ дѣло. Есть много способовъ бороться со зломъ, являющимся въ мірѣ подъ столькими видами. Но самый прямой и самый справедливый изъ всѣхъ, самый вѣрный — это распространеніе свѣта въ умахъ, особливо тамъ, гдѣ мракъ всего гуще, и гдѣ онъ такъ давно уже зарождаетъ столько слабости и печали. Противъ бѣдности, противъ порока, противъ страданій физическихъ и нравственныхъ, противъ предразсудковъ, противъ варварства—есть только одно средство: просвѣщеніе. Поднимите женщину, просвѣтите мать. Она распространитъ ваши благодѣянія. Хотя-бы вы начали съ самымъ ограниченнымъ числомъ воспитанницъ, вы знаете, какою силою размноженія обладаетъ мысль. Созданный вами очагъ свѣта будетъ распространять вокругъ себя все болѣе и болѣе широкіе и яркіе лучи, точно также, какъ заря гонитъ прочь мракъ, до общаго наступленія дневного свѣта. За вами останется та слава, что вы основали въ Россіи то, о чемъ мы здѣсь только мечтаемъ. Отъ всего сердца желаю вамъ успѣха и счастья».

По порученію своихъ товарокъ, М. В. Трубникова, находившаяся въ то время, по болѣзни, заграницей, отвѣчала Андрэ Лео слѣдующимъ письмомъ изъ Ниццы, отъ $^{16}/_{28}$ апрѣля 1869 г.:

«Выраженное вами русскимъ женщинамъ сочувствіе драгоцѣнно для насъ въ двухъ отношеніяхъ, вопервыхъ потому, что оно исходитъ отъ писательницы, которой талантъ посвященъ популяризаціи идеи о нравственности болѣе чистой и болѣе справедливой, чѣмъ та, которая до сихъ поръ управляла дѣломъ любви и брака, а во-вторыхъ, потому, что идетъ отъ женщины, которой блестящій талантъ увеличиваетъ списокъ женскихъ знаменитостей, и представляетъ новое подкрѣпленіе женщинамъ, ищущимъ права на свое интелляктуальное развитіе... Ваше письмо пришло къ намъ въ такую минуту, гдѣ мы всего болѣе нуждались въ нравственной поддержкѣ: наше прошеніе, худо принятое министромъ народнаго просвѣщенія заставляло насъ ожидать полной неудачи, но послѣ очень многихъ сомнѣній и трудностей, горизонтъ, наконецъ, просвѣтлѣлъ, и мы получили то, о чемъ просили, хотя подъ другимъ именемъ. Съ будущаго семестра, т.-е. съ осени, намъ разрѣшено открыть публичные курсы, куда входятъ естественныя и историческія науки и филологія, по программамъ профессоровъ петербургскаго университета, благосклонно принявшихъ на себя трудъ преподаванія. Устроены также приготовительные курсы; они открылись 1-го апрѣля.

«И такъ, сударыня, пророчествуемая вами заря начинаетъ уже заниматься, но мы не скрываемъ отъ себя того, что пройдетъ еще много времени прежде, чѣмъ появится день во всемъ своемъ великолѣпіи. Чтобы ускорить его нарожденіе, мы считаемъ своею обязанностью узнать, какъ дѣло идетъ въ другихъ земляхъ. Для этого мы желали-бы вступить въ непосредственныя сношенія съ личностями, занимающимися въ разныхъ странахъ вопросами женскаго образованія и труда. Мы знаемъ, милостивая государыня, что во Франціи вы стоите въ главѣ освободительнаго движенія, и поэтому никто лучше васъ не знаетъ по-

ложенія вопроса. Вы оказали-бы большую услугу дѣлу русскихъ женщинъ. т.-е. великому дѣлу всѣхъ вообще женщинъ, которому вы уже такъ много послужили, еслибъ любезно согласились доставить намъ свѣдѣнія о курсахъ въ Сорбоннѣ, объ экзаменахъ, на которые женщины могутъ разсчитывать въ вашихъ учрежденіяхъ для высшаго образованія, и о правахъ, даруемыхъ этими послѣдними. Для насъ было-бы также очень нужно узнать все касающееся положенія женскаго профессіональнаго образованія во Франціи, формы и числа женскихъ рабочихъ ассаціацій, если онѣ существуютъ. Въ случаѣ вашего согласія, я просила-бы позволенія на напечатаніе сообщенныхъ вами свѣдѣній въ журналѣ, издаваемомъ одною изъ моихъ товарокъ *) и занимающемся интереснымъ для насъ вопросомъ.

«Я была-бы, милостивая государыня, очень счастливая, еслибъ вы нашли нужнымъ предложить мнѣ также, со своей стороны, вопросы—я отвѣчала-бы на нихъ съ большимъ удовольствіемъ. Я боюсь, что въ Парижѣ далеко не вполнѣ вѣрны свѣдѣнія объ эмансипаціонномъ движеніи женщинъ въ Россіи: я такъ думаю, судя по письму одного изъ моихъ соотечественниковъ, г. Вырубова, къ г-жѣ Бутлеръ, которая мнѣ его сообщила. Г. Вырубовъ давно уже покинулъ Россію, и потому, конечно, я не могу ставить ему въ упрекъ невѣрность сообщаемыхъ имъ фактовъ, но очень жаль, что, будучи дурно освѣдомленъ, онъ такъ худо служитъ дѣлу, которому, конечно, вовсе не желалъ-бы вредить. У нашего дѣла есть столько невѣжественныхъ враговъ, что по крайней мѣрѣ просвѣщенные люди, находящіеся въ меньшинствѣ, люди прогресса, должны были-бы всѣ быть на нашей сторонѣ. Прося васъ, милостивая государыня, какъ отъ моего имени, такъ и отъ имени моихъ товарокъ, принять

---

*) Евг. Иван. Конради. *В. С.*

выраженіе нашего глубокаго почтенія, мы надѣемся, что вы протянете намъ еще разъ руку сестры».

Сверхъ указанныхъ выше, еще одни сношенія, гораздо болѣе обширныя и продолжительныя, завязались у русскихъ дѣятельницъ съ заграницей въ началѣ 1869 г.

Англичанка Жозефина Бутлеръ, жена директора одной частной, мужской школы въ Лондонѣ и предсѣдательница сѣверо-англійскаго совѣта для женскаго воспитанія, давно занятая женскимъ вопросомъ, рѣшила издавать международный женскій журналъ. Для полученія свѣдѣній о русскомъ женскомъ движеніи, она обратилась въ Парижъ, къ давно проживавшему тамъ извѣстному русскому ученому и писателю, Вырубову.

Нельзя было адресоваться хуже и болѣе не впопадъ. Григ. Ник. Вырубовъ былъ несомнѣнно выдающаяся личность, человѣкъ, пользовавшійся нетолько въ русскомъ, но и европейскомъ ученомъ мірѣ значительною репутаціей, съ тѣхъ поръ какъ въ 1864 году навсегда поселился въ Парижѣ. Онъ былъ пламеннымъ сторонникомъ Огюста Конта и проповѣдникомъ его «Положительной философіи»; съ 1868 года онъ принималъ живѣйшее участіе въ изданіи журнала Литтрэ «Philosophie positive». Но, по системѣ Огюста Конта, сами женщины никогда не требовали себѣ эмансипаціи, а тѣ мужчины, которые требовали эмансипаціи для женщинъ—ничто иное, какъ «испорченные утописты и ретрограды»; еслибъ женщины даже получили когда-нибудь равноправность съ мужчинами, отъ этого «потерпѣли-бы соціальныя гарантіи, да и самая нравственность женщинъ»; «женщина, достигающая благосостоянія собственнымъ трудомъ, а не мужнинымъ, нравственно падаетъ (souffre une dégradation morale)». Легко понять, что и русскій сторонникъ Огюста Конта могъ относиться лишь съ очень малымъ сочувствіемъ къ освободительному движенію женщины въ своемъ отечествѣ, Россіи.

Въ отвѣтѣ своемъ, письмѣ отъ 10-го мая (на французскомъ языкѣ), Вырубовъ вкратцѣ сообщилъ Жозефинѣ Бутлеръ о всемъ, предпринятомъ русскими женщинами (которыхъ онъ назвалъ, однакоже, совершенно ошибочно, «кружкомъ аристократокъ»): разсказалъ ихъ усилія устроить женскій университетъ, (или, какъ онъ называлъ—«свободную школу»); разсказалъ также о полученномъ имъ отъ министра народнаго просвѣщенія отказѣ, и дозволеніи имъ устроить напередъ «средніе школы» (écoles secondaires). Это предложеніе министра Вырубовъ находилъ вполнѣ резоннымъ. «Многое хорошее можетъ быть сдѣлано предполагаемою школою,—говорилъ Вырубовъ, если она будетъ преслѣдовать, въ своихъ программахъ, не химерическую идею «уравненія» женщины съ мужчиной, но развитіе женской интеллигенціи посредствомъ научной раціональной культуры. Конечно, невозможно въ короткомъ письмѣ объяснить въ точности смыслъ словъ «раціональная культура», и потому я позволю себѣ только послать вамъ одну изъ моихъ статей, написанную по поводу рѣчи Ст. Милля о новѣйшемъ воспитаніи. Къ несчастію, я очень опасаюсь, что новая школа, которой предстоитъ устроиться въ Петербургѣ, станетъ на ложную дорогу. Я не знаю, какія идеи проповѣдуются прогрессивными англійскими женщинами, но я довольно хорошо знаю, что онѣ вовсе не практичны. Чего желаютъ русскія женщины? Воспитанія спеціальнаго, которое давало-бы имъ доступъ къ профессіямъ либеральнымъ, особенно къ медицинѣ. Но, по моему мнѣнію, въ этомъ желаніи заключается великое заблужденіе, опасное для будущности народнаго образованія.

«Сосредоточивать всѣ свои усилія на образованіи спеціальномъ—значитъ работать на пользу тому, что второстепенно, во вредъ необходимому. Конечно, нѣсколько женщинъ, сдѣлавшихся докторшами, машинистками, аптекаршами, выиграютъ отъ такого об-

разованія, но что́ значитъ ихъ количество въ сравненіи съ массой женщинъ, не желающихъ достичь никакой опредѣленной карьеры, но жаждущихъ сдѣлаться образованными женщинами, хорошими женами, интеллигентными матерями семействъ? Онѣ не найдутъ въ этихъ школахъ достаточныхъ элементовъ для удовлетворенія своего законнаго желанія. И такъ, вы видите, какой интеллектуальный элементъ можетъ внести Россія въ «Международное Обозрѣніе» (Revue Internationale), которое вы желаете основать, и которое я считаю дѣломъ дѣйствительно полезнымъ для общества. Русскія женщины, по крайней мѣрѣ тѣ, которыя стоятъ во главѣ движенія, прежде всего добиваются права на занятіе такими профессіями, которыми до сихъ поръ исключительно занимались мучжины. Онѣ ищутъ вовсе не того, чего надо искать, т.-е. повышенія общаго уровня образованія: онѣ хотятъ сдѣлать изъ ибразованія—оружіе противъ того, что женщины называютъ мужскою несправедливостью.

«Вы просите меня доставить вамъ нѣсколько данныхъ на счетъ экономическаго положенія женщины въ Россіи. Я отвѣчу вамъ, что это положеніе, конечно, неудовлетворительно, но навѣрное лучше, чѣмъ въ западной Европѣ. Пролетаріатъ вовсе, такъ сказать, не существуетъ въ Россіи, потому-что мануфактурное производство почти равняется нулю, и нѣтъ тѣхъ громадныхъ центровъ населенія, которые такъ могущественно привлекаютъ деревенскихъ жителей. Среднее сословіе составляетъ, вездѣ въ Россіи, ничтожнѣйшее меньшинство. . Въ Россіи есть всего два дѣйствительно могущественныхъ сословія: дворянство, вообще не богатое, и народъ—вовсе неимущій, но котораго матеріальныя потребности такъ ограничены, что ему всегда есть чѣмъ жить.

«Если вы пожелаете имѣть подробности о предположеніяхъ петербургскихъ дамъ, я позволю себѣ порекомендовать вамъ адресоваться къ той изъ нихъ,

которая стоитъ во главѣ движенія, къ г-жѣ Трубниковой. Она теперь въ Ниццѣ (rue. St.-Etienne, 6). Со своей стороны, я совершенно предоставляю себя въ ваше полное распоряженіе относительно какихъ вы пожелаете свѣдѣній».

Конечно, г-жа Бутлеръ, при ея широкомъ направленіи, не могла согласиться съ ходячими вглядами и, какъ мы сейчасъ увидимъ, приняла во вниманіе лишь *одну, наименѣе важную* сторону его соображеній,— то, что относилось до *женщинъ достаточныхъ, обезпеченныхъ*. Но она послѣдовала совѣту Вырубова и адресовалась прямо къ М. В. Трубниковой, въ Ниццу. Въ письмѣ отъ 1 апрѣля 1864 г. (на англійскомъ языкѣ) она ей говорила: «Я надѣюсь, что вы меня извините въ томъ, что я обращаюсь къ вамъ письменно, не будучи извѣстна вамъ. Въ эти два послѣдніе года женскому воспитанію въ Англіи данъ былъ большой толчокъ. Точно такое-же движеніе было придано этому вопросу и въ другихъ странахъ. Я была въ перепискѣ съ наслѣдною принцессой прусской, урожденной принцессой англійской, о возможности устроить международную ассоціацію, съ цѣлью двинуть впередъ женское образованіе. Ея королевское высочество передала это предложеніе на обсужденіе нѣкоторыхъ изъ числа самыхъ мыслящихъ людей въ Пруссіи. Г. Стюартъ Милль и другіе англійскіе ученые заявили также сочувствіе этому предмету. Мы всѣ согласны въ томъ, что теперь, пока, лучше не останавливаться ни на какой опредѣленный схемѣ, въ настоящую минуту трудно исполнимой, и что намъ надо ограничиться письменными сношеніями съ людьми, интересующимися образованіемъ въ Германіи, Голландіи, Швейцаріи, Италіи, Россіи и Франціи, постараться узнать, по возможности, какъ можно лучше, настоящее положеніе женскаго образованія въ различныхъ странахъ, и собрать мнѣнія мыслящихъ людей на счетъ лучшихъ средствъ усовершенствованія его. Въ то-же время мы будемъ

очень рады всякому указанію, откуда-бы оно ни шло, на счетъ какой-бы то ни было практической основы дѣйствія. Наша цѣль—взаимная помощь и сочувствіе, а также общая выгода посредствомъ сравненія различныхъ плановъ, касающихся образованія, или улучшенія положенія женщинъ. Ея королевское высочество наслѣдная принцесса прусская одобряетъ мысль основать небольшой «Международный Журналъ» (International Review) по вопросу о женскомъ образозоніи.

«Это было бы ежемѣсячное періодическое обозрѣніе, издаваемое въ Лондонѣ. Оно должно заключать въ себѣ свѣдѣнія о женскихъ нуждахъ и трудѣ въ различныхъ странахъ, и печатать приглашенія къ помощи, или совѣты, или отвѣты на эти приглашенія. И потому я пишу къ вамъ теперь для того, чтобы попросить васъ сообщить мнѣ хотя что-нибудь изъ того, что вамъ извѣстно по собственному наблюденію. Вы видите изъ приложеній при настоящемъ письмѣ, какимъ образомъ меня обратили къ вамъ за свѣдѣніями и я особенно желала-бы знать: въ какомъ положеніи находится трудящееся женское сословіе въ Россіи? Такъ-ли, какъ въ Англіи, многія изъ нихъ должны сами себя пропитывать, и, не имѣя нужнаго на то образованія, совершенно справедливо ищутъ техническаго образованія и настаиваютъ на немъ; или-же, напротивъ, число женщинъ, принужденныхъ жить собственнымъ трудомъ, такъ незначительно, что выборъ какого-нибудь ремесла или профессіи есть дѣло прихоти.

«Въ послѣднемъ случаѣ, если женщины, ищущія образованія, независимы, общее образованіе должно-бы быть первою и главною ихъ цѣлью, какъ то указываетъ авторъ прилагаемаго письма. Надѣюсь, что вы дадите мнѣ объясненія на счетъ этого предмета, а я со своей стороны буду очень рада отвѣчать вамъ на всякій вопросъ вашъ».

Это письмо было напечатано, въ русскомъ переводѣ М. В. Трубниковой въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1869, № 94.

М. В. Трубникова отвѣчала г-жѣ Бутлеръ слѣдующимъ высоко-замѣчательнымъ письмомъ изъ Ниццы, отъ 1 (13) апрѣля 1869 года (на французскомъ языкѣ): «Начну, милостивая государыня, съ извиненія въ томъ, что отвѣчаю вамъ по-французски, но, къ сожалѣнію, я не достаточно знаю по-англійски для того, чтобы свободно писать на этомъ языкѣ; поэтому я и принуждена прибѣгнуть къ языку вамъ чуждому для того, чтобы высказать всю радость, доставленную мнѣ вашимъ письмомъ. Вы можете повѣрить мнѣ, милостивая государыня, что я оцѣняю, по всему достоинству, сообщаемый мнѣ вами проектъ вашъ основать международный журналъ, который далъ-бы женщинамъ разныхъ странъ возможность имѣть понятіе о состояніи въ ихъ отечествѣ женскаго образованія и воспитанія, какъ научнаго, такъ и профессіональнаго, обмѣниваться мыслями, подавать другъ другу совѣты и помощь, къ чему всегда обязаны люди, стремящіеся къ одинаковой цѣли—подъему соціальнаго уровня женщины, столько-же относительно интеллигенціи, какъ и оплаты; такой журналъ, конечно, уровняетъ много практическихъ затрудненій, такъ-какъ представитъ свободное поле для развитія и сравненія разнообразныхъ мнѣній и плановъ дѣйствія.

«Конечно, милостивая государыня, вы разрѣшите мнѣ сообщить ваше письмо моимъ достопочтеннымъ товаркамъ по части организаціи высшаго женскаго образованія въ Петербургѣ: я состою членомъ этой организаціи, но я не имѣю никакого патронатства надъ нею, какъ вамъ невѣрно сообщили. Вы, можетъ быть, дозволите намъ напечатать ваше письмо: оно послужитъ намъ нравственной опорой въ нашемъ дѣлѣ и явится рядомъ съ письмами, которыми насъ почтили г. Джонъ Стюартъ Милль и г-жа Андрэ Лео: мы

ками, плата за ихъ трудъ понижается до такой степени, что становится недостаточною, и наконецъ приходитъ такая минута, когда и тѣ и другія не находятъ себѣ болѣе работы. Прибавьте къ этому, что коль скоро потребность въ образованіи постоянно все болѣе и болѣе, то общество предпочитаетъ обращаться за образованіемъ, къ учителямъ, прошедшимъ курсъ наукъ въ высшихъ школахъ, какъ-то университетахъ, академіяхъ, а не къ наставницамъ, учившимся въ школахъ втораго разряда, которые, скажемъ мимоходомъ, стоятъ гораздо ниже второразрядныхъ мужскихъ школъ. Что касается семействъ, которыя не въ состояніи дозволить себѣ роскошь учителей по часамъ, они посылаютъ своихъ дѣтей именно въ тѣ-же второразрядныя школы, которыя не даютъ имъ ни прочнаго общаго образованія, ни какой-либо спеціальности. Единственная положительная выгода, доставляемая ученицамъ этими школами, состоитъ въ томъ, что открываетъ имъ возможность быть преподавательницами въ четыремъ низшихъ классахъ этихъ-же самыхъ учрежденій. Но такъ какъ въ Петербургѣ существуетъ всего только шесть второразрядныхъ школъ, гдѣ въ каждой есть четыре класса, куда допускаются женщины-преподавательницы,—то изъ этого становится ясно, что это—поле дѣйствія очень ограниченное, дающее занятія лишь небольшому числу женщинъ, и притомъ такъ, что ихъ вознагражденіе гораздо ниже вознагражденія преподавателей, которыхъ онѣ призваны замѣнять.

«Конечно, было сдѣлано нѣсколько попытокъ расширить кругъ женскихъ занятій: однѣ изъ женщинъ пошли въ типографщицы, стенографистки, другія принялись работать въ редакціяхъ въ качествѣ переводчицъ, но все это не доставляетъ еще занятія огромному количеству рукъ, требующихъ работы. При этомъ, вознагражденіе женщины до такой степени ниже вознагражденія мущины, что плата за переводъ упала почти до одинакой цифры съ вознагражденіемъ за

работу иглой. Нашлось нѣсколько женщинъ болѣе энергичныхъ, лучше приготовленныхъ, которыя попробовали получить доступъ въ университетъ и медицинскую академію: правительство не давало оффиціальнаго разрѣшенія, и въ періодъ времени отъ 1861 до 1864 г. лишь допускало это, но когда произошли впослѣдствіи нѣкоторыя политическія смуты, не имѣвшія впрочемъ никакого отношенія къ женскому ученью, то двери этихъ двухъ высшихъ учебныхъ заведеній совершенно закрылись для женщинъ. Одна изъ нашихъ дамъ, обладая болѣе другихъ средствами для существованія, г-жа Суслова, поѣхала добывать себѣ докторскій дипломъ въ Цюрихѣ: она прошла тамъ курсъ наукъ, закончила его, и въ нынѣшнемъ году воротилась къ намъ домой Въ настоящемъ году она занята практикой въ Петербургѣ. Другая дама, г-жа Кашеварова, втеченіе пяти лѣтъ прошла курсъ наукъ въ с.-петербургской медицинской академіи, благодаря исключенію, сдѣланному въ пользу одного маленькаго, башкирскаго племени, къ которому она принадлежала, котораго религіозныя вѣрованья не допускаютъ возможности лѣченія больныхъ женщинъ лицами мужскаго пола. Такимъ образомъ, мы имѣемъ, въ настоящее время, двухъ женщинъ-врачей. Но, за исключеніемъ этихъ двухъ примѣровъ, вопросъ о воспитаніи и расширеніи сферы женской дѣятельности, остался въ неподвижномъ положеніи начиная еще съ 1864 года и продолжая до начала прошлой зимы, какъ я разскажу вамъ это ниже. Но число женщинъ, имѣющихъ право на трудъ и стремящихся получить его, все только увеличивалось, и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣзненнѣе чувствовался недостатокъ средствъ, ощущаемый женщиною, лишенною прочнаго образованія, профессіи и спеціальности. Чтобъ дать вамъ понятіе о количествѣ личностей, ищущихъ себѣ какой-нибудь работы, я приведу вамъ одинъ частный фактъ. Правительство допустило женщинъ въ телеграфное вѣдомство, и менѣе чѣмъ въ

2 года, на службѣ по телеграфной части оказалось болѣ 200 женщинъ, да сверхъ того кандидатокъ—безконечное количество.

«Итакъ, милостивая государыня, у насъ въ Россіи, съ одной стороны значительное множество женщинъ, ищущихъ труда, съ другой стороны, полный недостатокъ (на который раздаются вѣчные жалобы) въ школьныхъ учителяхъ, врачахъ, деревенскихъ аптекаряхъ, арендаторахъ, просвѣщенныхъ земледѣлахъ, всякаго рода спеціалистахъ. Всѣ эти факты доказываютъ, что спеціальное образованіе не есть фантазія, а истинная настоятельная потребность. Мы прекрасно понимаемъ, что кромѣ спеціалистокъ по призванію, или по необходимости, есть масса женщинъ, жаждущихъ общаго образованія, которыя на немъ остановятся, и которыхъ вліяніе въ обществѣ и семействѣ будетъ столько же благодѣтельно и столько же благородно, какъ вліяніе женщинъ, посвятившихъ себя спеціальностямъ. Но мы желали бы, чтобы всякій человѣкъ имѣлъ право выбирать себѣ дорогу, безъ всякой помѣхи, ни загородки.

«Таковы, милостивая государыня, наши пожеланія и экономическое положеніе женщины въ Россіи. Если пролетаріатъ не существуетъ у насъ въ такомъ-же размѣрѣ, какъ въ Европѣ, то онъ уже формируется, мы видимъ его приближеніе, и мы хотимъ бороться противъ него, не только ради привилегированныхъ классовъ, т. е. тѣхъ классовъ, которымъ доступна культура, но также ради и рабочихъ классовъ. Спеціально для этихъ послѣднихъ устроилось нѣсколько ассоціацій прачекъ, портнихъ, переплетчицъ, башмашницъ и проч. Но эти пробы всѣ большею частью полопались, благодаря затрудненіямъ, отчасти со стороны правительства, а также благодаря невѣжеству предпринимательницъ и участницъ. Для того, чтобъ такія вещи удавались, надо болѣе знанія и развитія, чѣмъ ихъ есть у насъ. Мы думаемъ, что вопросъ объ уве-

личеніи вознагражденія за трудъ слишкомъ тѣсно связанъ съ соціальнымъ вопросомъ вообще, и частныя усилія не могутъ ему принести пользы. А потому, мы считаемъ себя вынужденными, ограничиться исканіемъ, ранѣе всего, уравненія женскаго воспитанія съ мужскимъ и допущенія женщины ко всѣмъ отраслямъ промышленности. Съ этою цѣлью, милостивая государыня, мы предполагаемъ устроить систематическіе курсы, которые будутъ заключать въ себѣ: естественныя науки, алгебру и геометрію, экспериментальную физику, общій курсъ химіи, анатомію, зоологію, ботанику. Что касается наукъ историко-филологическихъ, то сюда войдутъ: русская литература, русская исторія, всемірная исторія, статистика, политическая экономія, логика, языки: славянскій, греческій и латинскій, и исторія сравнительныхъ литературъ. Каждая студентка будетъ имѣть полную свободу идти по такой наукѣ, или по такой группѣ, которыя она сама выберетъ. Вы видите, все это только еще общее образованіе, но мы надѣемся и не скрываемъ отъ себя, что тѣ женщины, у которыхъ будетъ особое къ чему-нибудь призваніе, будутъ имѣть возможность, при помощи этихъ курсовъ, достаточно приготовиться ко вступительнымъ экзаменамъ, либо въ университетъ, либо въ медицинскую академію. Мы не можемъ измѣнить ходъ дѣла въ существующихъ второразрядныхъ школахъ, мы можемъ только дополнить ихъ чѣмъ-то, но только ихъ повысятъ до уровня второразрядныхъ мужскихъ гимназій, дополнительные курсы можно будетъ уничтожить. Съ недавняго времени есть частная второразрядная школа, основанная въ Петербургѣ, съ программою образованія, во всѣхъ пунктахъ соотвѣтствующею программѣ мужскихъ гимназій, но въ этой школѣ до сихъ поръ существуетъ всего только 4 маленькихъ класса, и она принимаетъ только дѣвочекъ отъ 9 до 12 лѣтъ. Для дѣвицъ были-бы крайне необходимы вышеуказанные курсы. Мы основываемъ на-

2 года, на службѣ по телеграфной части оказалось болѣ 200 женщинъ, да сверхъ того кандидатокъ—безконечное количество.

«Итакъ, милостивая государыня, у насъ въ Россіи, съ одной стороны значительное множество женщинъ, ищущихъ труда, съ другой стороны, полный недостатокъ (на который раздаются вѣчные жалобы) въ школьныхъ учителяхъ, врачахъ, деревенскихъ аптекаряхъ, арендаторахъ, просвѣщенныхъ земледѣлахъ, всякаго рода спеціалистахъ. Всѣ эти факты доказываютъ, что спеціальное образованіе не есть фантазія, а истинная настоятельная потребность. Мы прекрасно понимаемъ, что кромѣ спеціалистокъ по призванію, или по необходимости, есть масса женщинъ, жаждущихъ общаго образованія, которыя на немъ остановятся, и которыхъ вліяніе въ обществѣ и семействѣ будетъ столько же благодѣтельно и столько же благородно, какъ вліяніе женщинъ, посвятившихъ себя спеціальностямъ. Но мы желали бы, чтобы всякій человѣкъ имѣлъ право выбирать себѣ дорогу, безъ всякой помѣхи, ни загородки.

«Таковы, милостивая государыня, наши пожеланія и экономическое положеніе женщины въ Россіи. Если пролетаріатъ не существуетъ у насъ въ такомъ-же размѣрѣ, какъ въ Европѣ, то онъ уже формируется, мы видимъ его приближеніе, и мы хотимъ бороться противъ него, не только ради привилегированныхъ классовъ, т. е. тѣхъ классовъ, которымъ доступна культура, но также ради и рабочихъ классовъ. Спеціально для этихъ послѣднихъ устроилось нѣсколько ассоціацій прачекъ, портнихъ, переплетчицъ, башмачницъ и проч. Но эти пробы всѣ большею частью полопались, благодаря затрудненіямъ, отчасти со стороны правительства, а также благодаря невѣжеству предпринимательницъ и участницъ. Для того, чтобъ такія вещи удавались, надо болѣе знанія и развитія, чѣмъ ихъ есть у насъ. Мы думаемъ, что вопросъ объ уве-

«Въ прошломъ году, въ январѣ 1868 *), состоялся въ Петербургѣ съѣздъ русскихъ естествоиспытателей. Одной молодой женщинѣ пришла въ голову счастливая мысль, и, надо сказать, она имѣла на то довольно храбрости,—она представила ученому обществу петицію, прося ихъ сдѣлать нѣсколько шаговъ для того, чтобъ организовать курсы естественно-историческихъ наукъ, недостаточность которыхъ въ женскомъ воспитаніи дѣлаетъ матерей и преподавательницъ столь мало способными давать дѣтямъ раціональныя понятія о мірѣ и окружающей ихъ природѣ, и лишаетъ ихъ самихъ познанія одной изъ прекраснѣйшихъ отраслей науки, которою гордится человѣчество. Сверхъ того, она говорила, какъ давно и какъ горячо женщины желаютъ увидѣть повышеніе уровня ихъ познаній, и вмѣстѣ доказывала, столько выиграло-бы отъ того общество и семейство.

«Эта женщина. г-жа Конради, вовсе не принадлежитъ къ аристократіи. Она жена врача и живетъ своимъ литературнымъ трудомъ. Въ началѣ, ея выходка имѣла только тотъ результатъ, что возбудила всеобщую симпатію; съѣздъ не могъ заниматься спеціальными вопросами, но многіе изъ числа профессоровъ, тамъ присутствовавшихъ, обѣщали ей и нѣсколькимъ другимъ женщинамъ, присоединившимся къ ея просьбамъ, организовать курсы. Распространился объ этомъ слухъ по городу, и въ маѣ (1868) составлена была новая петиція, подписанная на этотъ разъ 400 женщинами. Ее послали въ университетъ съ просьбой, адресованной къ членамъ совѣта, организовать въ его стѣнахъ систематическіе курсы, состоящіе изъ естественныхъ, историческихъ и филологическихъ наукъ. Въ числѣ подписавшихся, принадлежавшихъ ко всѣмъ классамъ общества, была группа подписей также и аристокра-

*) Это не вполнѣ вѣрно. Не въ январѣ 1868, а въ декабрѣ 1867. *В. С.*

дежду на допущеніе въ университеты и другія высшія школы женщинъ, способныхъ выдержать экзаменъ—на томъ фактѣ, что единственное возраженіе, которое могло бы быть выставлено—а именно, неудобство совмѣстнаго воспитанія дѣвушекъ и юношей—не существуетъ болѣе съ той минуты, когда министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ дамамъ-организаторшамъ, что предполагаемые ими курсы для образованія однѣхъ женщинъ не будутъ дозволены иначе, какъ на условіи допущенія мужчинъ въ аудиторіи. Такимъ образомъ, вопросъ рѣшенъ въ принципѣ.

«Мотивы, заставляющіе насъ предпочитать допущеніе женщинъ въ учрежденія для высшаго мужскаго образованія—основанію спеціальнаго университета, слѣдующіе: 1) вопросъ денежный: основаніе и содержаніе отдѣльнаго университета потребовало бы по крайней мѣрѣ милліона. 2) Преподаваніе, спеціально назначенное для женщинъ, могло-бы подвергаться измѣненіямъ, лучшіе профессора были-бы, навѣрное, постоянно отнимаемы у женскаго университета для присоединенія ихъ къ короннымъ университетамъ, къ мужскимъ заведеніямъ, а мы не желали бы имѣть въ перспективѣ рискъ обезображеннаго низшаго образованія (nous ne voudrions pas courir le risque d'avoir un enseignement mutilé, inférieur). Мы желаемъ равенства, и это справедливо (et c'est de droit). Наконецъ, милостивая государыня, таковъ нашъ планъ дѣйствія, но будемъ ли мы имѣть счастіе довести его до благополучнаго окончанія—это другой вопросъ. Но мы твердо убѣждены въ томъ, что начатое дѣло не можетъ погибнуть, и если не мы, то наши дочери докончатъ его.

«Раньше, чѣмъ кончить это письмо, я считаю своею обязанностью отмѣтить нѣсколько заблужденій, высказанныхъ г. Вырубовымъ въ его письмѣ. Конечно, онъ былъ дурно освѣдомленъ, когда говорилъ, что иниціатива настоящаго движенія принадлежитъ одной дамѣ-аристократкѣ. Вотъ точная истина.

«Въ прошломъ году, въ январѣ 1868 *), состоялся въ Петербургѣ съѣздъ русскихъ естествоиспытателей. Одной молодой женщинѣ пришла въ голову счастливая мысль, и, надо сказать, она имѣла на то довольно храбрости,—она представила ученому обществу петицію, прося ихъ сдѣлать нѣсколько шаговъ для того, чтобъ организовать курсы естественно-историческихъ наукъ, недостаточность которыхъ въ женскомъ воспитаніи дѣлаетъ матерей и преподавательницъ столь мало способными давать дѣтямъ раціональныя понятія о мірѣ и окружающей ихъ природѣ, и лишаетъ ихъ самихъ познанія одной изъ прекраснѣйшихъ отраслей науки, которою гордится человѣчество. Сверхъ того, она говорила, какъ давно и какъ горячо женщины желаютъ увидѣть повышеніе уровня ихъ познаній, и вмѣстѣ доказывала, столько выиграло-бы отъ того общество и семейство.

«Эта женщина. г-жа Конради, вовсе не принадлежитъ къ аристократіи. Она жена врача и живетъ своимъ литературнымъ трудомъ. Въ началѣ, ея выходка имѣла только тотъ результатъ, что возбудила всеобщую симпатію; съѣздъ не могъ заниматься спеціальными вопросами, но многіе изъ числа профессоровъ, тамъ присутствовавшихъ, обѣщали ей и нѣсколькимъ другимъ женщинамъ, присоединившимся къ ея просьбамъ, организовать курсы. Распространился объ этомъ слухъ по городу, и въ маѣ (1868) составлена была новая петиція, подписанная на этотъ разъ 400 женщинами. Ее послали въ университетъ съ просьбой, адресованной къ членамъ совѣта, организовать въ его стѣнахъ систематическіе курсы, состоящіе изъ естественныхъ, историческихъ и филологическихъ наукъ. Въ числѣ подписавшихся, принадлежавшихъ ко всѣмъ классамъ общества, была группа подписей также и аристокра-

*) Это не вполнѣ вѣрно. Не въ январѣ 1868, а въ декабрѣ 1867. *В. С.*

ру, написанную мною нѣсколько времени тому назадъ, и гдѣ вы, можетъ быть, найдете что-нибудь для себя интересное. Вы увидите тамъ, что мы не такъ-то вполнѣ счастливы въ Англіи, какъ иной разъ думаютъ. У насъ надо побѣдить много предразсудковъ. Кругомъ насъ тѣснятся цѣлыя тысячи женщинъ, нуждающихся въ занятіяхъ,—худо образованныхъ и худо оплачиваемыхъ. Однако-же, у насъ есть въ Англіи, какъ вы справедливо говорите, право «свободнаго слова». Прилагаю при семъ записку о предполагаемомъ здѣсь нами международномъ женскомъ журналѣ. Если его можно будетъ продавать во Франціи или которыхъ-нибудь городахъ въ Европѣ, гдѣ книгопродавцы приняли-бы его для продажи, это подвинетъ наше дѣло впередъ. Я сама напишу статью для № 1, и тамъ-же буду имѣть удовольствіе включить и ваше столь интересное письмо, но безъ вашего имени, по вашему желанію. Вы не должны ожидать, на первыхъ порахъ, большого литературнаго интереса въ нашемъ маленькомъ изданіи, но мы надѣемся, что усовершенствуемъ его и представимъ хорошихъ писательницъ. Если вы сами, или кто-нибудь изъ вашихъ знакомыхъ будетъ отъ времени до времени присылать извѣстія о событіяхъ или движеніи впередъ въ Россіи, или изложеніе вашихъ собственныхъ мыслей и намѣреній, это будетъ для насъ очень пріятно и полезно...»

Въ приложенной къ этому письму «программѣ» было сказано: «1-го іюля 1869 года начнетъ выходить въ свѣтъ ежемѣсячный журналъ «Now-a-days» (Наше время), который соединитъ въ себѣ два до сихъ поръ отдѣльно существовавшіе журнала:—«Woman's world» (Женскій міръ) и «Kettledrum» (Барабанъ), съ прибавленіемъ «Хроники», касающейся всѣхъ предметовъ женскихъ интересовъ и воспитанія, какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ. Сотрудники журнала: миссъ Менелла Бьютъ Смедлей; мистриссъ Жозефина Бутлеръ; миссъ Джесси Букеретъ; миссъ Флоренсъ Гилль;

миссъ Ульстенгольмъ; Френсисъ Фрилингъ Бродерипъ; авторъ журнала «Дѣтскій міръ»; священникъ В. К. Р. Бедфордъ; священникъ Эбсуортъ; В. Фенъ и другіе. Подписная цѣна: 12 шиллинговъ въ годъ», Въ этомъ журналѣ появилось письмо М. В. Трубниковой.

Скоро потомъ, Жозефина Бутлеръ написала М. В. Трубниковой, изъ Ливерпуля, 18-го (30-го) іюня письмо (на англійскомъ языкѣ), и здѣсь сообщала разныя интересныя текущія новости по части женскаго вопроса. Такъ напримѣръ, она говорила. «У насъ въ Англіи, въ послѣднее время, произошло много интереснаго. Вопросъ о воспитаніи дѣвочекъ (а также и мальчиковъ), наконецъ-то, поступилъ на разсмотрѣніе парламента. Но все-таки намъ надо побѣдить еще много предразсудковъ...» Тутъ-же она сообщала о появленіи въ свѣтъ книги Джона Стюарта Милля «The subjection of women» (Подчиненность женщинъ), которая, по ея словамъ, «наэлектризовала публику своею смѣлостью», а также замѣчательнаго сборника статей: «Woman's culture and woman's work» (Женское образованіе и женскій трудъ); но сверхъ того, она прибавляла еще: «Нѣсколько дней тому назадъ, я произнесла рѣчь на митингѣ по части воспитанія, въ ливерпульской высшей школѣ, и тутъ привела, между прочимъ, многое изъ того, что вы мнѣ сообщили въ своемъ письмѣ. Когда я говорила о печальномъ и ужасномъ положеніи цѣлой массы женщинъ въ Россіи, благодаря органическимъ измѣненіямъ, нынѣ совершающимся въ странѣ, а также объ отсутствіи свободнаго промышленнаго труда, мои слушатели, и мужчины, и женщины, были очень тронуты...»

Въ іюнѣ того же года, было послано къ Жозефинѣ Бутлеръ письмо изъ Петербурга, отъ имени русскихъ женщинъ-организаторшъ. Текстъ былъ сочиненъ по-русски, а на англійскій языкъ переведенъ Е. И. Конради. Оно очень порадовало М. В. Трубникову, и она пи-

сала моей сестрѣ изъ Интерлакена 7-го (19-го) іюня: «Я послала къ Бутлеръ ваше письмо, по моему мнѣнію— превосходное». Въ этомъ письмѣ, русскія женщины-организаторши выражали Жозефинѣ Бутлеръ свое убѣжденіе въ необходимости полной солидарности всѣхъ женщинъ для достиженія потребныхъ имъ правъ, и прибавляли: «Мы нисколько не сомнѣваемся, что организація женской международной ассоціаціи, о проектѣ которой вы говорите въ вашемъ письмѣ къ М. В. Трубниковой, была-бы въ высшей степени значительна для удаленія преградъ, воздвигнутыхъ между націями разницею языка, нравовъ и историческаго развитія, но теперь уже вполнѣ неумѣстныхъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ интересахъ прогресса и цивилизаціи...»

Жозефина Бутлеръ отвѣчала, изъ Ливерпуля, слѣдущимъ письмомъ отъ 20-го іюня (1-го іюля) (на англійскомъ языкѣ):

«Милостивыя государыни. Я получила ваше любезное письмо черезъ посредство г-жи Трубниковой, и считаю долгомъ сказать, что я и мои сотрудницы глубоко желаемъ, чтобъ тотъ духъ, которымъ дышетъ ваше письмо, могъ распространиться во всѣхъ образованныхъ странахъ, потому-что мы убѣждены въ томъ, что это и есть тотъ самый духъ, которымъ должно быть одушевлено будущее время, для осуществленія той пользы и той благодати, которыхъ желаютъ и изъ за которыхъ работаютъ просвѣщенные люди всѣхъ странъ. Прошло уже то время, когда намъ можно было дѣйствовать въ духѣ исключительной народности, не вредя себѣ и другимъ. Англія, во многихъ отношеніяхъ, была самою исключительною, гордою и консерваторскою страною, и потому-то меньшинство англійскаго народа, желающее для цѣлаго міра водворенія болѣе космополитическаго и христіанскаго элемента, должно одно изъ первыхъ выказывать это желаніе. Можетъ быть, эти слова покажутся чѣмъ-то черезъ-

чуръ амбиціозными въ приложеніи къ нашимъ, покуда дѣтскимъ, усиліямъ относительно женщинъ. Тѣмъ не менѣе жизненная опытность и собственные инстинкты научатъ женщинъ не презирать «день маленькихъ вещей». Пускай еще мало то, чего мы достигли, за то принципъ, лежащій въ основаніи нашего дѣла, великъ и широкъ. Я думаю, что наши усилія въ пользу свободы труда, и интеллектуальнаго и общественнаго повышенія нашего пола, а также всѣ международныя комбинаціи, которыя мы можемъ предпринять для этой цѣли, способны достигнуть результатовъ далеко выходящихъ за предѣлы нынѣшней нашей цѣли. Мы—цѣлая половина рода человѣческаго, и, возвысившись надъ всѣми народными ревностями и ограниченіями, мы покажемъ себя стоящими немного болѣе впереди передъ другою половиною человѣческаго племени. И, конечно, нашъ примѣръ будетъ имѣть вліяніе.

«Много-ли женщины могутъ сдѣлать для того, чтобъ отвратить войну и распространить свободу торговли во всемъ мірѣ—это будетъ доказано тогда, когда будутъ уже дарованы тѣ права и преимущества, которыхъ мы теперь требуемъ, если только когда-нибудь предстоитъ такой день.

«Самая борьба за пришествіе этого дня придастъ силы и должна имѣть своимъ результатомъ утвержденіе той вѣчной истины, что Господь Богъ назначилъ міру и благоволенію царствовать на землѣ, и что Іисусъ Христосъ провозгласилъ равенство людей основою общественной философіи.

«Я не стану откладывать отсылку этого письма до полученія подписей прочихъ членовъ нашего Совѣта *, такъ-какъ онѣ теперь (лѣтній сезонъ) разсѣяны по всей Англіи, но я прошу васъ вѣрить общей ихъ симпатіи...»

---

* Сѣверо-англійскій Совѣтъ для образованія женщинъ предсѣдательницей котораго была тогда г-жа Бутлеръ. *В. С.*

Когда-же моя сестра, въ одномъ письмѣ этого времени къ М. В. Трубниковой, выразила свои опасенія на счетъ вреднаго, быть можетъ, вліянія англійскаго духовенства на журналъ г-жи Бутлеръ, М. В. Трубников отвѣчала ей, въ письмѣ изъ Цюриха отъ 26-го іюня (7-го іюля): «Чѣмъ-то будетъ этотъ журналъ, мудрено судить. Англійское духовенство не то-же самое, что наши попы, и дало изъ среды своей столько поборниковъ свободы и прогресса, что и свѣтскимъ сословіямъ другихъ странъ есть чему у нихъ поучиться. У англичанъ Библія и Евангеліе иначе толкуются, иначе примѣняются, и если они умѣютъ находить тамъ опору для рабовладѣльчества, то тамъ-же почерпаютъ и самые свѣтлые доводы въ защиту лучшихъ требованій человѣческаго разума и стремленій. Скажемте, какъ апостолъ Павелъ: «Ядый не ядущаго да не упрекаетъ, а не ядый ядущаго да не укоряетъ. Всѣ мы братіи—аще вѣруемъ». Вотъ, скажу вамъ, истинный мудрецъ былъ—практическій мудрецъ, умѣвшій доставить торжество своей цѣли! — Не забудьте, однакоже, что онъ дѣлалъ возможныя уступки,—только возможныя... онъ умеръ за вѣру свою».

Въ слѣдующемъ своемъ письмѣ, изъ Сен-Морица, отъ 5-го (17-го) іюля, М. В. Трубникова писала моей сестрѣ: «Вѣроятно около 20-го или 25-го августа мы свидимся съ г-жею Бутлеръ въ Женевѣ, или въ Роллѣ около Женевы. Я непремѣнно скрѣплю нашъ союзъ съ англійскими женщинами всевозможными узами: я вижу въ этомъ сильную опору для будущаго... Женское движеніе имѣетъ за себя лучшіе умы Европы. Фовети, Легувэ, Ришеръ, Гюго̀, Арно́, Рошфоръ—во Франціи, пишутъ въ «Droit des femmes» наряду съ Женни д'Эрикуръ, Marie Goegg (въ Женевѣ), Маріей Дерэмъ, Андрэ Лео, Анжеликой Арну, Амеліей Боскэ—словомъ въ Европѣ этотъ вопросъ уже не вопросъ, а дѣло, и кипучее, живое. Если у насъ будутъ препятствія и задержки, то все это—временное и про-

ходящее. Успѣхъ Европы — лучшій залогъ нашего успѣха, и скоро, скоро, на нашемъ вѣку, женщинамъ откроются всѣ пути науки, образованія и правъ. Ввиду этого неизбѣжнаго торжества, не будемъ огорчаться неудачами, сила солому ломитъ—а сила духъ, сознаніе человѣческихъ правъ должно переломать всѣ беззубыя, дрянныя преграды, какимъ-бы именемъ онѣ ни величались. Это вѣрно, какъ Божій день...»

Въ письмѣ изъ Мюррена (Швейцарія), отъ 28-го іюля (10-го августа) 1869 г. Жозефина Бутлеръ писала М. В. Трубниковой (по-англійски):

«...Будьте храбры! Мы навѣрное что-нибудь да выиграемъ нашими, хотя-бы даже и маленькими усиліями создать международную женскую помощь. Я думаю, что мужчины иныхъ странъ, можетъ быть устыдятся, или будутъ подстегнуты (might be shamed or stimulated) тѣмъ, что̀ уже начато мужчинами другихъ странъ въ пользу женщинъ. Я получаю письма изъ Берлина, гдѣ мнѣ разсказываютъ о точно такой-же нелѣпой оппозиціи, какую вы испытываете въ Петербургѣ. Но есть большое значеніе въ одновременномъ и широко распространенномъ характерѣ этого движенія. Есть-ли для насъ возможность къ тому, чтобы лучшія статьи по этому вопросу были переведены на другіе языки, и чтобы онѣ пошли въ ходъ? Потому что это такое дѣло, гдѣ мы должны помогать другъ другу нашимъ дѣломъ и кошелькомъ...»

Спустя еще нѣсколько недѣль, М. В. Трубникова писала моей сестрѣ, 2-го (14-го) октября 1869 года: «Бываетъ по нѣскольку сутокъ, что я не могу держать пера въ рукахъ *). Поэтому я и хочу воспользоваться хорошей минутой, чтобы сообщить вамъ, что̀ успѣла сдѣлать, и просить васъ передать по принадлежности нашимъ dames organisatrices, распорядитэль-

---

*) М. В. Трубникова страдала тогда нервными болѣзнями и сердцебіеніемъ, отъ чего и лечилась въ Швейцаріи. *В. С.*

ницамъ-издательницамъ и Евг. Ив. Конради то, что въ этомъ письмѣ будетъ относиться къ спеціальности каждой изъ нихъ. Извиняюсь передъ Евг. Ив., что не пишу ей отдѣльно: писаніе писемъ страшно утомляетъ меня, а многое пришлось-бы повторять. Я познакомилась съ г-жею Бутлеръ *) и съ членами «Интернаціональнаго женскаго общества», основаннаго Madame Marie Goegg въ Женевѣ. Общество это хотя и находится въ дружескихъ отношеніяхъ съ секціей женщинъ «Интернаціональнаго общества рабочихъ», но стоитъ отъ него особнякомъ. Оно упрекаетъ послѣднее въ односторонности, въ презрѣніи къ политическимъ правамъ женщины, а само несетъ упрекъ, и по моему заслуживаетъ его, въ чрезмѣрной заботѣ о провозглашеніи различныхъ правъ, и въ холодности къ рабочему вопросу. Дѣйствительно, у себя дома, швейцарская группа передовыхъ женщинъ не отличается практичностью. Она, напримѣръ, затѣваетъ устройство высшаго женскаго образовательнаго заведенія, программу котораго прилагаю **), и занимается сборомъ на этотъ предметъ денегъ, тогда какъ всѣ мужскія среднія и высшія заведенія къ услугамъ всѣхъ желающихъ, и швейцарки только изъ трусливости передъ грознымъ Qu'en dira-t-on не пользуются ими. Но это ихъ домашнія дѣла, а для иностранныхъ друзей, ихъ общество—кладъ. Къ нимъ присоединились англичанки; онѣ въ сношеніяхъ съ итальянками и имѣютъ нѣсколько друзей во Франціи и Германіи. Но та и другая страна предпочитаютъ, пока, дѣйствовать особнякомъ, и не считаютъ выгоднымъ для себя

---

*) Г-жа Бутлеръ принуждена была, около середины лѣта 1869 года, ѣхать въ Швейцарію лечиться. Она встрѣтилась и познакомилась съ М. В. Трубниковой въ Женевѣ. *В. С.*

**) Это заведеніе называлось: «Collège pour l'éducation rationnelle des jeunes filles». Устроилъ его „Центральный Комитетъ Международной Ассоціаціи женщинъ“ въ Женевѣ; предсѣдательницей этой Ассоціаціи была Марія Геггъ. *В. С.*

вступать въ интернаціональный союзъ. Не зная положенія дѣлъ въ настоящую минуту и боясь надѣлать хлопотъ, я не рѣшилась оффиціально заявить вступленіе всѣхъ dames organisatrices въ интернальную ассоціацію. Я ограничилась тѣмъ, что записала себя и васъ, Nadine, въ члены. Это членство даетъ вамъ и мнѣ право обращаться къ швейцаркамъ черезъ Madame Marie Goegg (rue du Mont-Blanc, 21, Genève) и къ англичанкамъ (Liverpool, 280, South Hill Park-Road: Madame I. Butler), съ разными просьбами и требованіями услугъ и одолженій, какія были-бы сочтены полезными для женскаго вопроса; конечно, это возлагаетъ и на насъ обязанность платить тѣмъ-же: обязанность эта принята, впрочемъ, обоюдно, съ оговоркою, что мы будемъ оказывать содѣйствіе лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это не связано съ ущербомъ или рискомъ для нашихъ домашнихъ, національныхъ дѣлъ. Въ настоящее время трудно было опредѣлить всѣ формы обоюдныхъ одолженій, но предвидѣны были слѣдующія: 1) обмѣнъ брошюръ, уставовъ, статей, книгъ, свѣдѣній, и т. п., относящихся до женскаго вопроса, женскаго труда и образованія; 2) коллегіальная подача петицій правительствамъ, оффиціальнымъ лицамъ и учебнымъ учрежденіямъ о допущеніи женщинъ въ существующія высшія учебныя заведенія, или о расширеніи ихъ правъ въ другихъ сферахъ общественной жизни. Нагляднымъ примѣромъ того, чего мы можемъ ожидать впослѣдствіи и для себя отъ такой солидарности—настоящая петиція, которую итальянки просятъ подать въ Палату депутатовъ черезъ итальянскаго министра народнаго просвѣщенія. Посылаю вамъ обѣ бумаги, т.-е. письмо къ министру и петицію въ палату, въ качествѣ образчика, и съ запросомъ: нельзя-ли было-бы и русскимъ присоединить свои подписи къ этой просьбѣ. Рѣшено, что каждая національность выставитъ двѣ подписи: подпишутъ предсѣдательницы и секретари секцій. У насъ, за неимѣніемъ тѣхъ и другихъ, прищ-

лось-бы титуловать русскихъ уполномоченныхъ «депутатками» или «делегатками» отъ комитета «des dames organisatrices». Но анонимно, инкогнито, подъ общей кличкой «dames organisatrices» выступить нельзя — лучше совсѣмъ отказаться.

«Хотя интернаціоналки и понимаютъ, что каждая страна имѣетъ свои условія, противъ которыхъ трудно идти, но тѣмъ не менѣе участіе въ итальянской петиціи пріобрѣло-бы намъ и упрочило-бы за нами право требовать помощи другихъ, буде она потребуется. А вѣдь еще неизвѣстно, добьемся-ли мы, безъ посторонней помощи, нашихъ лекцій. Онѣ всѣ еще entre ciel et terre, а въ русскомъ переводѣ, находимся въ зависимости отъ болѣе или менѣе правильнаго пищеваренія и прочихъ житейскихъ вдохновеній одного графа и одного профессора.

«И такъ, если сочтено будетъ удобнымъ дать двѣ русскія подписи, сообщите madame Goegg, кого вы избрали въ представительницы. Я отъ чести избранія не отказываюсь, но на нее и не напрашиваюсь.

«Для «Недѣли»*) тоже условлено съ Goegg и Butler, что будетъ высылаться все, что Евг. Ив. Конради отъ нихъ потребуетъ. Съ Madame Butler даже договорились мы очень опредѣленно, что въ концѣ каждаго года можно будетъ сводить счеты и покрывать передержки той стороны, которая потребовала въ этотъ промежутокъ наиболѣе матеріала. Она очень просила, чтобы ей доставляли, въ переводѣ на англійскій или французскій языкъ, все интересное въ русской литературѣ по женскому вопросу. Она просила, кромѣ того, уставы покойнаго «Общества женскаго труда», несостоявшейся издательской Артели и всѣхъ предпріятій женскаго труда, хотя-бы филантропическаго характера.

---

*) Въ 1869 г. Е. И. Конради сотрудничала въ „Недѣлѣ“. *В. С.*

«Кромѣ того, я предложила ей переводы, на англійскій языкъ, лучшихъ современныхъ русскихъ писателей; она взялась переговорить объ этомъ съ издателемъ Макъ-Миллáномъ. Въ Англіи извѣстны только Карамзинъ, Пушкинъ, и въ объявленіяхъ новыхъ книгъ нынѣшняго года я нашла, что недавно поступилъ въ продажу переводъ «Лизы» Жуковскаго (!). Ясное-же представленіе могутъ имѣть англичане объ умственномъ движеніи и стремленіяхъ современной Россіи, судя о ней по литературѣ 30-хъ годовъ. Въ Германіи и Франціи Тургеневъ, Чернышевскій и проч. кое-кому извѣстны, многое уже переведено на нѣмецкій и французскій языки, Тургеневъ даже популяренъ не менѣе Шпильгагена; что-же касается Англіи, то тамъ русская современная литература совершенно terra incognita. Не выищутся-ли между нашими барынями знатоки англійскаго языка, вѣдь это нетронутая руда и хорошій заработокъ. Я имѣла въ виду при этой комбинаціи обѣихъ дамъ Европеусъ, Е. И. Конради, и вообще хотѣла поискать желающихъ; сестру-же Вѣру хотѣла эксплуатировать въ качествѣ редактора: она очень недурно знаетъ языкъ. Если-же мысль окажется практичной, не теряйте времени, спишитесь съ Бутлеръ. Поле для выбора широкое, но мнѣ особенно улыбалась мысль, ознакомить англичанъ съ Тургеневымъ, Достоевскимъ, Толстымъ, Гончаровымъ и нѣкоторыми очерками Щедрина. Въ Америкѣ я тоже надѣюсь найти друзей, можетъ быть корреспондентокъ. Я писала къ Женни д'Эрикуръ, отвѣтъ получится, вѣроятно, въ Петербургѣ: я просила сестру Вѣру передать вамъ его. А вамъ, т.-е. вамъ и Е. И. Конради, даю carte blanche продолжать корреспонденцію, объяснивъ ей, что я нездорова и поэтому не пишу сама...» Въ концѣ письма М. В. Трубникова говорила, что посылаетъ, черезъ одну знакомую, брошюрку Андрэ Лео «Lettre à Duruy» (тогдашнему французскому министру народнаго просвѣщенія) и ея-же книгу: «La

femme et les moeurs», и сверхъ того, собранную ею самою, въ Швейцаріи, небольшую коллекцію минералловъ—для будущихъ женскихъ лекцій.

Всю зиму съ 1869 на 1870 годъ М. В. Трубникова прохворала въ Италіи, и потому, понятное дѣло, всѣ ея заграничныя корреспонденціи прекратились. Нѣсколько оправившись и возвратясь въ 1870 году на родину, она пробовала возобновить прежнія связи съ иностранными своими пріятельницами. Такъ, наприм., мы находимъ, въ ея бумагахъ, черновое письмо къ г-жѣ Маріи Геггъ, въ Женеву, изъ Петербурга, отъ 14—26 іюня 1870 г., гдѣ она говоритъ о своихъ недавнихъ невзгодахъ и сообщаетъ объ успѣхахъ курсовъ высшаго женскаго образованія въ Россіи (Аларчинскіе курсы). Точно также мы находимъ еще черновое ея письмо, изъ Петербурга въ Ливерпуль, къ г-жѣ Бутлеръ, отъ іюня 1870 г., подобнаго-же содержанія. Но отвѣтныхъ писемъ отъ г-жи Геггъ мы болѣе не встрѣчаемъ, а про г-жу Бутлеръ мы узнаемъ, изъ письма ея секретарьши, г-жи Розы Брукеръ, отъ 3-го іюля 1870 г., что г-жа Бутлеръ нездорова, отдыхаетъ и собираетъ новыя силы послѣ ея громадныхъ усилій и дѣятельности, восходившей даже до горячаго предстательства въ самомъ англійскомъ парламентѣ, по вопросу объ уничтоженія «женской проституціи».

Наконецъ, нѣсколько оправившись отъ личныхъ нервныхъ своихъ потрясеній, Жозефина Бутлеръ написала къ М. В. Трубниковой, изъ Ливерпуля, въ апрѣлѣ 1871 года, письмо, на французскомъ языкѣ, гдѣ говорила: «Моя корреспонденція съ друзьями была совершенно перервана продолжительною и страшною войною, которая, втеченіе полугода, завладѣла всѣмъ нашимъ вниманіемъ. Я горячо желаю снова завязать переписку со всѣми тѣми кто вѣровалъ вмѣстѣ со мною, что посредствомъ международнаго взаимодѣйствія мы послужимъ дѣлу сво-

боды и справедливости. Не можете-ли вы намъ посовѣтовать, намъ, англійскимъ женщинамъ, какъ-бы намъ теперь соединить наши усилія вмѣстѣ съ вашими? Что можемъ мы сдѣлать, чтобъ распространить наши мысли по всѣмъ странамъ, начиная съ водворенія моральнаго кодекса, основаннаго на достоинствѣ и эмансипаціи женщины?..» Далѣе г-жа Бутлеръ съ радостью сообщала объ уничтоженіи, Парижскою Коммуною, извѣстнаго «бюро нравовъ», и продолжала: «Нашъ первый министръ, Гладстонъ, и много другихъ членовъ парламента убѣждены теперь въ жестокости и безнравственности системы, отмѣны которой мы надѣемся достигнуть даже ранѣе іюля мѣсяца. ... Бой былъ страшный. Но всѣ, кто дѣйствительно религіозенъ, всѣ друзья свободы стали на нашу сторону. Что касается высшихъ классовъ, они—наши враги, и особенно лондонскіе фэшенебли, почерпающіе свои принципы въ нѣкоторыхъ гнусныхъ журналахъ и публикаціяхъ. Меня потребовали въ комитетъ палаты лордовъ парламента, для высказанія моихъ заявленій. Болѣе четырехъ часовъ я была подвергнута строгому разбору королевской коммиссіи. Я просто сказала, что въ Англіи произойдетъ революція, если высшіе классы осмѣлятся снова подвергнуть страну нашу несправедливымъ и тиранскимъ законамъ, угнетающимъ женщину и предоставляющимъ всѣ выгоды развратнымъ мужчинамъ. Послѣ того, мои судьи спросили меня: что́ можемъ мы, женщины, предложить парламенту для искоренія этихъ общественныхъ ранъ? Это—признаніе, наконецъ, доказывающее, что мужчины нуждаются въ мнѣніи женщинъ во всѣхъ вопросахъ домашней экономіи и законодательства, касающагося частной жизни каждаго отдѣльнаго человѣка. Наша побѣда почти обезпечена, мы желаемъ продолжать борьбу противъ всѣхъ этихъ бѣдствій какъ у себя, такъ и въ чужихъ краяхъ, и съ этою цѣлью я пишу вамъ, для того, чтобъ снова завязать сношенія, кото-

рыя могутъ оказать большую помощь въ такомъ важномъ и значительномъ вопросѣ».

И такъ, Жозефина Бутлеръ перенесла свою энергическую и горячую дѣятельность въ другую сферу, безъ сомнѣнія, въ высокой степени полезную, великодушную и благодатную—но иную. О женскомъ воспитаніи и равноправномъ съ мужчинами образованіи не было въ письмѣ уже ни слова. Отвѣчала-ли ей М. В. Трубникова—неизвѣстно: не сохранилось въ ея бумагахъ никакихъ слѣдовъ дальнѣйшей переписки съ г-жей Бутлеръ. Можно, однако же, полагать съ немалою вѣроятностью, что переписка не продолжалась. И усиленіе болѣзней М. В. Трубниковой, и неблагопріятныя личныя обстоятельства, а наконецъ, и большія заботы о важномъ, насущномъ для русской женщины дѣлѣ—заботы о новыхъ завоеваніяхъ у насъ по части женскихъ правъ и образованія, наполняли все ея время и занимали всѣ ея усилія.

Оканчивая эту главу, замѣчу, что приведенныя въ ней письма Женни д'Эрикуръ, Андрэ Лео, Жозефины Бутлеръ и М. В. Трубниковой (послѣднія въ черновыхъ набросках) находятся на храненіи въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ подлинникахъ. Подлинное-же письмо Джона Стюарта Милля, долгое время хранившееся то у моей сестры, то у Е. И. Конради, было отобрано, вмѣстѣ съ другими бумагами, у этой послѣдней, лѣтомъ 1872 года, во время обыска, произведеннаго въ ея квартирѣ, по ошибкѣ (отыскивался нѣкій г. Ободовскій, котораго Е. И. Конради никогда не знала и не видѣла), и съ тѣхъ поръ о подлинномъ письмѣ Д. С. Милля ничего не извѣстно. Въ 1882 году русскій переводъ съ него (довольно неточный) былъ напечатанъ въ «Наблюдателѣ» (Апрѣль, статья Песковскаго: «Очеркъ исторіи высшаго женскаго образованія въ Россіи»).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Публичные мужскіе и женскіе курсы. Аларчинскіе курсы.

XIII.

Въ концѣ параграфа XI мы остановились на томъ, что 21 декабря 1868 года министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Д. А. Толстымъ было разрѣшено русскимъ женщинамъ, вмѣсто просимаго ими доступа въ университетъ, «устраивать общія публичныя лекціи, т. е. лекціи совокупно для мужчинъ и женщинъ, на основаніи существующихъ о публичныхъ лекціяхъ постановленій».

«Прежде чѣмъ собрать всѣхъ подписавшихся на прошеніи женщинъ, пишетъ моя сестра, мы рѣшили повидаться съ П. А. Нарановичемъ и К. Ѳ. Кесслеромъ. Мы съ М. В. Трубниковой и поѣхали къ Нарановичу, прочли ему полученный нами отвѣтъ. Онъ пожалъ плечами и спросилъ, что и какъ мы думаемъ дѣйствовать? Мы отвѣтили, что наше желаніе—взять, что дозволяютъ, надѣясь, что современемъ можетъ и добьемся того, чего желаемъ. Онъ одобрилъ, и когда мы стали говорить о томъ, что не знаемъ, какъ быть съ наймомъ квартиры, то онъ сказалъ: «Я скажу министру Милютину; можетъ быть, какъ-нибудь васъ и устроимъ, а вы тоже, съ вашей стороны, поѣзжайте къ нему: вѣдь и жена его и дочь сдѣлались вашими членами, вотъ вы съ ними и потолкуйте объ этомъ. Онѣ премилыя барыни. Но только ничего—про меня».

и женщинъ, М. В. Трубникова, полу-больная, сильно заботилась объ этихъ послѣднихъ, и, за невозможностью имѣть въ ту минуту что-нибудь лучшее и полнѣйшее, старалась разъяснить публикѣ вообще, и учащейся женской молодежи въ особенности, настоящее значеніе этихъ лекцій, и надежды, которыя все-таки можно на нихъ возлагать. Она прислала мнѣ статью свою, прося помѣстить ее, какъ «передовую статью», въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ я тогда постоянно писалъ, и былъ близокъ съ редакторомъ, Валент. Ѳедор. Коршемъ. Я это исполнилъ, и статья появилась въ № 94 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1869 года, безъ подписи, какъ она сама того желала. Вотъ главныя мѣста этой очень замѣчательной, по энергіи и иниціативѣ, статьи.

«Мы вполнѣ убѣждены, что вопросъ высшаго образованія для женщинъ достигъ въ Россіи той степени зрѣлости и пустилъ достаточно глубокіе корни въ сознаніи общества, чтобъ не бояться безслѣднаго исчезновенія. Но рядомъ съ этимъ мы не можемъ забыть судьбу многихъ хорошихъ начинаній во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ Европы, не можемъ забыть, что они переходятъ не всегда быстро и правильно изъ сознанія въ жизнь, и что, наоборотъ, они по большей части встрѣчали и встрѣчаютъ разныя препятствія и задержки, которыя не только тормозятъ, но и пресѣкаютъ развитіе ихъ на болѣе или менѣе долгіе промежутки времени—хотя впослѣдствіи, конечно, они возникаютъ съ новою силой. Но эти колебанія въ примѣненіи къ важнѣйшихъ вопросамъ человѣческаго прогресса—фактъ, въ виду котораго не слѣдуетъ предаваться слишкомъ оптимистическимъ воззрѣніямъ на дѣло, занимающее насъ въ настоящую минуту, и къ предотвращенію этого факта необходимо приготовиться...

«Предположимъ даже, что въ данную минуту было-бы допущено въ университетъ и медицинскую акаде-

женщинъ—и какихъ ярыхъ: напр., г-жи Ткачева, А. В. Веберъ, О. И. Иванова, М. А. Тургенева, кн. Е. А. Макулова, Лесевичъ, Е. И. Цѣнина, Игнатьева, Борисова, да всѣхъ не перечтешь, и, конечно, мои доводы ни къ чему-бы не привели, да Д. И. Менделѣевъ изложилъ все въ двухъ словахъ, и я только подробно высказала всю эту мысль.

«Итакъ, согласились принять предложеніе, и все собраніе поручило тутъ-же М. В. Трубниковой и мнѣ, главное хлопотать объ устройствѣ курсовъ и пріискать для нихъ квартиру. Пало это дѣло всецѣло на меня, такъ-какъ М. В. Трубникова была больна, должна была скоро отправляться за-границу, лѣчиться, и ѣздить по Петербургу болѣе не могла. Но у меня былъ неоцѣненный помощникъ, А. Н. Бекетовъ. Надо было обдумать, какъ дѣйствовать? Денегъ не было налицо, а расходъ предстоялъ огромный.

«Нарановичъ тутъ намъ больше всѣхъ помогъ. Онъ выпросилъ у министра Милютина помѣщеніе въ Медицинской Академіи, и мы были отъ этого въ восторгѣ. Но тутъ нашлось опять препятствіе: профессора университета должны были испросить разрѣшеніе у своего министра, министра народнаго просвѣщенія, читать въ зданіи другого министерства. Ну, мы, конечно, тотчасъ къ А. Н. Бекетову. А пока шла эта проволочка, цѣлые мѣсяцы, профессора въ своей коммиссіи вырабатывали программы лекцій и рѣшили: такъ-какъ денегъ у насъ немного, то начинать не полный курсъ всѣхъ университетскихъ предметовъ, а нѣсколько, и именно вотъ какъ: русскую исторію будетъ читать—К. Н. Бестужевъ, русскую литературу—О. Ѳ. Миллеръ, анатомію человѣка—Ф. В. Овсянниковъ, ботанику (систематику)—А. Н. Бекетовъ, физіологію растеній—А. С. Фаминцынъ, химію—Д. И. Менделѣевъ, физику—Ѳ. Ѳ. Петрушевскій.

«Но во всѣ тѣ два года, пока шли наши хлопоты о разрѣшеніи лекцій, время не терялось даромъ,

устроены были въ разныхъ домахъ *лекціи*. Напримѣръ: у меня два раза въ недѣлю, въ четвергъ вечеромъ и въ воскресенье утромъ, А. Н. Страннолюбскій преподавалъ геометрію и алгебру: въ нашей залѣ, въ Моховой, собиралось человѣкъ 50 и всѣ усердно занимались. Между прочимъ тутъ бывали В. П. Тарновская, З. А. Генъ (сестра Н. А. Бѣлозерской), Ткачева, Е. Д. Милютина, Анненская, А. В. Веберъ, С. А. Усова (жена физика) и пр. У меня-же бывали практическія занятія три раза въ недѣлю по ботаникѣ, занимался съ желающими Крутицкій, консерваторъ университета и удивительный спеціалистъ для приготовленія разрѣзовъ: проф. А. С. Фаминцынъ и А. Н. Бекетовъ просто не могли существовать безъ него. Онъ былъ самый добросовѣстный труженикъ, прекрасный человѣкъ; умеръ въ 90-мъ году отъ ревматизма, бросившагося на сердце. Ботанику читалъ А. Я. Гердъ, минералогію—А. Я. Гердъ (у О. Н. Бутаковой), зоологію—тоже онъ. Бакстъ еще читалъ, также И. Т. Глѣбовъ; ну, словомъ, всѣ работали усердно—и учащіе, и учащіеся. Были занятія и съ микроскопомъ, у меня, два раза въ недѣлю, подъ руководствомъ Крутицкаго. Читали также и Ковалевскій и И. Мечниковъ—совершенно еще молодой человѣкъ.

«Сверхъ всего этого, лекціи по физикѣ читалъ у насъ, въ частныхъ домахъ, А. Ст. Усовъ, отличный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ. Онъ принималъ большое участіе въ дѣлѣ нашихъ курсовъ и былъ большой пріятель Лугинина, а этотъ послѣдній былъ химикъ и жилъ потомъ постоянно, много лѣтъ, въ Парижѣ: у него тамъ была своя лабораторія. Онъ давалъ намъ, впродолженіе многихъ лѣтъ, на курсы, ежегодно по 500 р., а при переѣздѣ въ Парижъ пожертвовалъ намъ большую часть своей петербургской лабораторіи. Жена А. С. Усова также принимала живѣйшее участіе въ курсахъ; она даже поступила на курсы вольнослушательницей и слушала ботанику и

филологію, русскую словесность и философію. Еще были лекціи и практическія занятія у профессора химіи П. П. Федорова, тоже пріятеля Усова, полковника артиллеріи при артиллерійской академіи: эти лекціи происходили сначала на квартирѣ у Андр. Андр. и Ел. Андр. Штакеншнейдеровъ (хорошо знакомыхъ съ Федоровымъ), но потомъ профессоръ нашелъ слишкомъ затруднительнымъ возить каждую среду, съ Выборгской на Знаменскую, на лекцію, всѣ приспособленія и инструменты, реторты и проч. (все перевозили въ [illegible] корзинахъ), поэтому онъ и предложилъ слушательницамъ приходить къ нему, для лекцій, въ его лабораторію. Федоровъ былъ тоже удивительно-интересная личность; жилъ онъ весь для науки, проводилъ съ ученицами, можно сказать, цѣлые дни, и сердился, если онѣ рано уходили. Главное дѣло шло у него по воскресеньямъ и праздникамъ (такъ-какъ днемъ занимались у него инженеры), а не въ будни по вечерамъ.

«Какой былъ тогда спросъ на книги! (продолжала моя сестра).—Всѣ свои копѣйки многія изъ женщинъ тратили на книги; издавалось и переводилось тогда почти гибель книгъ, почти всѣ работавшія женщины обращались за совѣтами къ профессорамъ. Сколько разъ профессоръ [illegible] тоже пріѣзжалъ къ намъ, указывалъ, что и какъ читать молодымъ особамъ, [illegible] совершенно въ потемкахъ: вѣдь тутъ были всевозможные слои общества—женщины и петербургскія [illegible], и изъ самыхъ захолустій россійскихъ провинцій, отовсюду—и изъ дальней Сибири, и съ юга.

«Между тѣмъ, въ то время и для будущихъ курсовъ и для уже существующихъ изданій нашего общества переводчицъ [illegible] продолжалось огромное сочувствіе. Напр., великая княгиня Елена Павловна шлетъ вдругъ свою фрейлину, баронессу Раденъ, къ намъ (какъ выше было уже упомянуто), чтобы сказать, [illegible]

disposition», дѣйствительно даетъ ихъ и указываетъ — какія книги, думаетъ она, будутъ полезны для переводовъ. Гр. Литке, президентъ академіи наукъ, выхлопатываетъ, особенно вслѣдствіе просьбъ А. П. Философовой, что наши изданія рекомендуются во всѣ заведенія, какъ наградныя книги. Типографія Общества Общественной пользы (вслѣдствіе стараній Мих. Степ. Воронина) при каждомъ изданіи дѣлаетъ огромную скидку. Всѣ пѣвцы итальянскіе и актеры французскіе (черезъ графа Николая и Михаила Яковлевичей Ростовцевыхъ) предлагаютъ намъ свои услуги. Однажды давался нашъ концертъ, и Пав. Степ. Федоровъ (начальникъ репертуарной части въ Императорскихъ театрахъ) нарочно назначилъ репетецію въ тотъ часъ, когда назначенъ нашъ концертъ. Актеры прислали намъ это сказать, публика уже сидитъ въ залѣ кн. Голицына, на Владимірской; тогда гр. Михаилъ Ростовцевъ, Николай тоже, братья Ольхины — забираютъ всѣ наши кареты и ѣдутъ во всѣ три театра и, можно сказать, отнимаютъ у Федорова съ бою театральныхъ актеровъ, и привозятъ ихъ въ залу. Но что мы перечувствовали между тѣмъ — ужасъ! Это было въ 1868 году.

«Итакъ, всюду шла подготовка къ слушанію лекцій, и даже такіе подготовительные курсы открылись въ гимназіи у Аларчина моста. Ихъ потомъ часто смѣшивали съ нашими, но напрасно: это были только «подготовительные уроки» въ объемѣ мужскихъ гимназій. Они были чрезвычайно тогда необходимы, такъ-какъ женскія гимназіи, по программѣ своей, многому еще не удовлетворяли».

О возникновеніи «Аларчинскихъ курсовъ» Е. А. Штакеншнейдеръ разсказываетъ въ своей «Запискѣ» слѣдующее: «Послѣ отвѣта совѣта петербургскаго университета 5-го іюня 1868 года, на прошеніе женщинъ, съ 400 подписей, отъ 11-го и 13-го мая того года, собраніе, происходившее въ домѣ у М. В. Трубниковой,

не остановилось ни на чемъ рѣшительномъ и окончательномъ, такъ-какъ участницы явились, конечно, далеко не всѣ. Наступило уже лѣто и Петербургъ пустѣлъ. Рѣшили только, отложивъ главнѣйшее до осени, образовать кружки, которые высылали-бы въ бубущія собранія депутатокъ, такъ-какъ всѣ 400 подписавшихся женщинъ никакъ не могли-бы являться. Районъ, въ которомъ циркулировали подписные листы, былъ очень обширенъ, такъ-что въ числѣ депутатокъ, кромѣ знакомыхъ другъ другу лицъ, явилось нѣсколько и новыхъ. Н. В. Стасова, конечно, также депутатка, взяла на себя впродолженіе лѣта заняться составленіемъ предварительной программы курсовъ, на случай, еслибы общее собраніе приняло предложеніе университетскаго совѣта, а также заняться изготовленіемъ прошенія министу. Наступила осень. Общее собраніе рѣшило принять предложеніе совѣта и уполномочило Н. В., А. П. Философову, Е. Н. Воронину, въ сопровожденіи проф. А. Н. Бекетова, лично подать бумагу министру.

«Собранія происходили въ это время на дому у Н. В. Стасовой каждую пятницу послѣ 1-го числа мѣсяца, но не всегда происходили мирно и гладко. Тысячи мелкихъ столкновеній, тщеславій и самолюбій тормозили дѣло. Опять повторилась исторія «Общества женскаго труда» 1864—1865 года. Опять стояли лицомъ къ лицу, съ одной стороны, нѣкоторыя личности, которыхъ, въ извѣстной части русской публики, прозывали тогда «нигилистками», съ другой стороны, другія личтности, которыхъ тѣ въ насмѣшку называли «аристократками». М. В. Трубникова ходила, иной разъ, какъ въ воду опущенная, но Н. В. Стасова, душа всего дѣла и всѣмъ сердцемъ ему отдавшаяся, не унывала, а между тѣмъ ей-то и готовился ударъ. Она работала больше всѣхъ и все сосредоточивалось на ней. Къ ней всѣ обращались, къ ней все стекалось, и, все сглаживая, никого не оскорб-

ляя, она шла неуклонно къ цѣли, вѣруя глубоко, что цѣль будетъ достигнута. Не разъ говорила она: «Какъ вспомню, что все это дѣлается на нашихъ глазахъ, что совершается такой важный шагъ, и что, можетъ быть, тысячи будутъ потомъ пользоваться тѣмъ, надъ чѣмъ мы теперь трудимся — тогда мнѣ никакихъ трудовъ не жаль! А я, прибавляла она болѣе тихимъ голосомъ, знаю, что положила въ это дѣло не мало своего труда. И такъ мнѣ пріятно объ этомъ думать!» Безпокойный элементъ нашихъ собраній, въ самомъ дѣлѣ, важнаго значенія не имѣлъ, но была одна депутатка, Солодовникова *), инцидентъ съ которою имѣлъ серьезныя и непріятныя (на первый взглядъ) послѣдствія. Будучи очень горячаго нрава, она однажды въ собраніи нашемъ вспылила по личному дѣлу. Она была арестована по подозрѣнію, которое потомъ оказалось со вершенно неосновательнымъ. Нѣкоторыя депутатки стали говорить, что послѣ ареста Солодовниковой не годится оставаться депутаткой. Услыхавъ это, она сочла себя обиженной и тотчасъ-же сложила съ себя званіе депутатки, и оказалась, такимъ образомъ, внѣ движенія. (*Далѣе слѣдуетъ описаніе аудіенціи у министра*)... Послѣ отвѣта гр. Толстого, всѣ у насъ пріутихли, но духомъ не пали, благодаря, главнымъ образомъ, энергіи Н. В. Рѣшили, такъ или иначе, но начатаго дѣла изъ рукъ не выпускать. Публичныя, такъ публичныя лекціи, а тамъ дальше — видно будетъ. Пригласили опять профессоровъ составитъ новую программу, лекцій публичныхъ. Внутреннія смуты шли, между тѣмъ, тоже своимъ чередомъ, и тѣ двѣ партіи, которыхъ столкновеніе погубило «Общество женскаго труда», стояли опять другъ противъ друга и крысились другъ на друга. «Нигилистки намъ все испортятъ, говорили аристократки.—«Не нужно намъ филантропокъ и покровительницъ», кричали нигилистки.

*) Теперь уже давно умершая. Ее звали: Екатерина, какъ по батюшкѣ—не знаю. *В. С.*

«М. В. Трубникова заболѣла и въ началѣ 1869 года уѣхала заграницу. Собранія у Н. В. Стасовой на дому продолжались, и Солодовникова присутствовала на нихъ, но не въ качествѣ депутатки. Программа была готова, даже профессора были готовы, оставалось только нанять помѣщеніе и открыть курсы, но не было главнаго—не было средствъ. Безъ денегъ нельзя было начинать, да деньги были нужны и для залога, такъ требовалъ министръ. Депутатка А. П. Философова предложила для этого дѣла свой домъ. «Не нужно намъ филантропокъ!» было отвѣтомъ на ея сердечное предложеніе. Но она этого отвѣта не слыхала; она продолжала ѣздить на собранія, блистая своими нарядами, звеня своимъ милымъ, молодымъ голоскомъ.

«Наступилъ великій постъ. Со всѣхъ сторонъ Россіи, и даже изъ-за границы, отъ Джона Стюарта Милля, француженки Андрэ Лео и англичанки Бутлеръ, получались сочувственныя письма, а дѣло ни жило, ни умирало, и денегъ все не было.

«Вдругъ, какъ громъ средь яснаго дня, поразила насъ вѣсть: Солодовникова устроила высшіе курсы, и для этого напередъ устроила концертъ въ ихъ пользу, съ участіемъ Лавровской. Зала дворянскаго собранія была полна, сборъ былъ великолѣпный, курсы полны, желающихъ попасть на нихъ такъ много, что приходится многимъ отказывать, мѣстъ нѣтъ. Н. В. и всѣ мы—были поражены. Н. В., не жалѣя своихъ силъ, боролась съ океаномъ препятствій, а другая—прошла по расчищенной дорожкѣ и раньше пришла къ цѣли! Колумбъ открылъ новую часть свѣта, но она она будетъ называться Америкой, а не Колумбіей! Всѣмъ намъ это было невыносимо.

«Не надо намъ филантропокъ и покровительницъ!» повторяла партія Солодовниковой и шла только на свои курсы. Они были открыты, съ Высочайшаго разрѣшенія, въ зданіи 5-й гимназіи у Аларчина моста. «Вотъ и вышло то, чего мы боялись, вотъ «нигилист-

ки и испортили все дѣло», говорили у насъ—«Чѣмъже испортили! утѣшали насъ другія. Вы добивались курсовъ, ну вотъ они и готовы. Не все-ли равно, кто ихъ устроилъ!» Но въ томъ-то и дѣло, что не все равно. Эти курсы—другой программы, низшей, какіе-то вродѣ приготовительныхъ, съ учителями вмѣсто профессоровъ. И мы остались съ нашей программой и профессорами, но безъ слушательницъ, потому-что всѣ побѣжали туда,—и безъ денегъ, потому-что на успѣхъ второго концерта, вскорѣ вслѣдъ за первымъ, разсчитывать было нельзя. Удивительно ловко, подъ шумокъ и втихомолку, дѣйствовала Солодовникова, присутствуя на нашихъ собраніяхъ, и никогда, ни единымъ словомъ не обмолвясь о своемъ предпріятіи.

«Какъ-то разъ, на Святой, я встрѣтилась съ нею на вечерѣ у Соковниныхъ, и прямо, безъ всякихъ предисловій, спросила ее, зачѣмъ она такъ поступила, зачѣмъ, присутствуя на нашихъ собраніяхъ, дѣйствовала особнякомъ, и, когда надо объединять и сплачивать всѣхъ, она разъединяла и устроила расколъ. Хотя я и зла на Солодовникову (1873), но она мнѣ нравится, такое у ней оживленное, умное лицо. Отъ моихъ словъ она вся вспыхнула, особенно слово «расколъ» задѣло ее за живое.

«Я не желаю раскола», отвѣчала она. «Напротивъ, я ищу сближенія и соединенія, и готова сойтись со Стасовой и ея партіей. Соковнина предлагаетъ вамъ свою залу для переговоровъ, но, прибавляла она, говорятъ, что ваша партія не хочетъ. Онѣ находятъ, что подобное сборище въ настоящее время можетъ только повредить дѣлу. (Студенты волновались тогда, изъ нихъ нѣкоторые, подстрекаемые Нечаевымъ, и производилось много арестовъ). «Я, со своей стороны, продолжала Солодовникова, не вижу, какая опасность можетъ быть въ томъ, что напримѣръ Соковнинъ, нашъ знакомый, пригласитъ къ себѣ человѣкъ 30. Что касается нашихъ курсовъ, то они вѣдь пригото-

вительные, ваша программа гораздо выше и обширнѣе, мы другъ другу мѣшать не можемъ. Желающихъ-же учиться такая масса, что хватитъ и на наши, и на ваши. Открывайте ваши, и они будутъ полны. А только Трубникова и Стасова филантропки!»

«Я передала этотъ разговоръ Н. В., и что было потомъ, состоялось-ли соединеніе тотчасъ, въ ту-же еще весну, не помню, знаю только, что въ концѣ концовъ оно состоялось. Наши курсы, первоначально открывшіеся въ 1870 году, въ домѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, помѣщались потомъ, временно, въ домѣ Историко-филологическаго иститута, и наконецъ, перешли въ помѣщеніе Владимірскаго уѣзднаго училища, гдѣ помѣщаются и теперь (1873), и называются «Владимірскими высшими курсами, а тѣ называются «Аларчинскими». Вражды между тѣми и другими нѣтъ никакой, и нѣкоторыя изъ слушательницъ посѣщаютъ и тѣ, и другіе. А въ настоящее время (1873) разрабатывается проектъ окончательнаго ихъ соединенія, такимъ образомъ, чтобы Аларчинскіе были какъбы подготовительными для Владимірскихъ, составлялибы начало, а Владимірскіе—продолженіе и конецъ» *).

Покуда шла въ Петербургѣ суматоха съ устройствомъ совмѣстныхъ публичныхъ лекцій для мужчинъ

---

*) Аларчинскіе курсы открылись 1-го апрѣля 1869 года. Директоромъ Аларчинской мужской гимназіи былъ П. П. Бѣляевъ. Отвѣтственнымъ распорядителемъ Аларчинскихъ женскихъ курсовъ сдѣлался І. И. Паульсонъ—извѣстный педагогъ; скоро потомъ его замѣстилъ извѣстный педагогъ П. П. Фанъ-деръ-Флиттъ. Физику преподавалъ профессоръ Фанъ-деръ-Флиттъ; Рашевскій—русскій языкъ, А. Н. Страннолюбскій—математику; Краевичъ—физику; А. Я. Гердъ—химію и естествознаніе; Розенбергъ—физику; Фанъ-деръ-Флиттъ — геометрію, Стрекаловъ — ариѳметику. Всѣ они преподавали безплатно. Слушательницъ было отъ 200 до 300. Курсы существовали съ 1869 по 1875 годъ, когда они уже исполнили свое назначеніе и становились болѣе не нужными. *В. С.*

и женщинъ, М. В. Трубникова, полу-больная, сильно заботилась объ этихъ послѣднихъ, и, за невозможностью имѣть въ ту минуту что-нибудь лучшее и полнѣйшее, старалась разъяснить публикѣ вообще, и учащейся женской молодежи въ особенности, настоящее значеніе этихъ лекцій, и надежды, которыя все-таки можно на нихъ возлагать. Она прислала мнѣ статью свою, прося помѣстить ее, какъ «передовую статью», въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ я тогда постоянно писалъ, и былъ близокъ съ редакторомъ, Валент. Θедор. Коршемъ. Я это исполнилъ, и статья появилась въ № 94 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1869 года, безъ подписи, какъ она сама того желала. Вотъ главныя мѣста этой очень замѣчательной, по энергіи и инициативѣ, статьи.

«Мы вполнѣ убѣждены, что вопросъ высшаго образованія для женщинъ достигъ въ Россіи той степени зрѣлости и пустилъ достаточно глубокіе корни въ сознаніи общества, чтобъ не бояться безслѣднаго исчезновенія. Но рядомъ съ этимъ мы не можемъ забыть судьбу многихъ хорошихъ начинаній во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ Европы, не можемъ забыть, что они переходятъ не всегда быстро и правильно изъ сознанія въ жизнь, и что, наоборотъ, они по большей части встрѣчали и встрѣчаютъ разныя препятствія и задержки, которыя не только тормозятъ, но и пресѣкаютъ развитіе ихъ на болѣе или менѣе долгіе промежутки времени—хотя впослѣдствіи, конечно, они возникаютъ съ новою силой. Но эти колебанія въ примѣненіи къ важнѣйшихъ вопросамъ человѣческаго прогресса—фактъ, въ виду котораго не слѣдуетъ предаваться слишкомъ оптимистическимъ воззрѣніямъ на дѣло, занимающее насъ въ настоящую минуту, и къ предотвращенію этого факта необходимо приготовиться...

«Предположимъ даже, что въ данную минуту было-бы допущено въ университетъ и медицинскую акаде-

імю нѣсколько женщинъ; но на это слѣдуетъ смотрѣть не болѣе, какъ на счастливую случайность, происшедшую съ одной стороны отъ исключительно благопріятныхъ условій, позволившихъ этимъ женщинамъ пріобрѣсти нужную подготовку, съ другой—отъ личнаго воззрѣнія лицъ, отъ которыхъ зависитъ допущеніе или недопущеніе женщинъ въ высшія учебныя заведенія. Пока право на допущеніе въ высшія учебныя заведенія не будетъ закрѣплено за женщинами уставами этихъ заведеній, до тѣхъ поръ дѣло шатко. И потому мы находимъ, что пока двери университета и медицинской академіи не откроются для всѣхъ, необходимо имѣть для массы женщинъ подспорье высшихъ учебныхъ заведеній, какими на нашъ взглядъ и представляются курсы, о которыхъ идетъ рѣчь.

«По нашему мнѣнію, женщинамъ прежде всего слѣдуетъ уяснить себѣ, что курсы эти, хотя и временное учрежденіе въ смыслѣ историческомъ, — въ смыслѣ практическомъ призваны просуществовать не одно 3-хъ или 4-хъ-лѣтіе, а, быть можетъ, послужить орудіемъ просвѣщенія для двухъ или трехъ поколѣній, пока, наконецъ, программы и преподаваніе въ женскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ не будутъ вполнѣ соотвѣтствовать мужскимъ учебнымъ заведеніямъ того же разряда, и воспитанницамъ не будетъ присвоено право поступать въ высшія учебныя заведенія»...

Теперь я хочу показать здѣсь, какъ отнеслась М. В. Трубникова съ Солодовниковскимъ курсамъ, когда услыхала про нихъ у себя за границей, и какъ обсуждала отказъ въ разрѣшеніи устроить высшіе женскіе курсы.

Въ концѣ весны 1869 года, моя сестра была постигнута горькимъ семейнымъ несчастіемъ: скончалась отъ дифтерита, проболѣвъ всего нѣсколько дней, нѣжно любимая ею младшая ея племянница. Это была дочь старшаго брата нашего Николая, жившая съ нею отъ перваго дня своего рожденія, вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ сво-

имъ семействомъ. М. В. Трубникова, бывшая по болѣзни (какъ я уже выше говорилъ) въ Швейцаріи, писала моей сестрѣ изъ Цюриха, 26 іюня: «Понимаю, голубушка, какъ тяжело, какъ больно изживать горе! Да, вы правы, въ жизни не разъ испытываешь, что живешь, потому что иначе нельзя. Вамъ еще помогаетъ то, что вы, выше личныхъ, выше семейныхъ отношеній, ставите общее дѣло, на которое отдаете себя всего, но бѣдная мать, что-то ей поможетъ встать? Я просто вспомнить не могу объ ней безъ слезъ!»...

Но, обращаясь затѣмъ къ общему ихъ дѣлу, къ высшимъ женскимъ курсамъ, М. В. Трубникова говорила моей сестрѣ: «Очень грустно было мнѣ узнать, что все идетъ такъ плохо въ нашей дѣловой сферѣ. Но съ лекціями надо еще обождать отчаяваться. Я думаю, дѣло еще перебродится. А если совсѣмъ откажутъ тутъ, какъ вы думаете, не приклеить ли намъ профессорскія лекціи къ приготовительнымъ солодовниковскимъ курсамъ, въ видѣ старшаго класса, что-ли? Конечно, это pis-aller. Но вѣдь не мытьемъ, такъ катаньемъ надо добиться. Только надо выждать окончательнаго фіаско, чтобы пойти на такое самопожертвованіе. Изъ всего, что̀ вы писали мнѣ раньше, я вижу, что эти барыни не совсѣмъ-то чисто вели себя, и становиться ихъ сотоварищами можно только ради необходимости, окончательно жертвуя личнымъ самолюбіемъ, отчасти и достоинствомъ. Но что̀ намъ за дѣло до насмѣшекъ, до торжества мелкаго тщеславія: оно, конечно, возликуетъ отъ этого, но пускай, лишь-бы дѣло пошло, укоренилось и пустило крѣпкіе корни. Люди — проходятъ, учрежденія — живутъ вѣчно, и только видоизмѣняются. Они не уничтожаются безслѣдно»...

Теперь станемъ продолжать нашъ разсказъ о ходѣ дѣла въ Петербургѣ.

«Разрѣшеніе на совмѣстныя женскія и мужскія лекціи,—продолжаетъ въ своихъ «Запискахъ» моя

сестра—было получено отъ министра графа Толстого въ декабрѣ 1869 года.

«Надо начинать дѣло, надо квартиру; министръ Милютинъ, какъ намъ сообщилъ П. А. Нарановичъ, ее даетъ намъ въ военной медико-хирургической академіи, но профессора университета сказали, что не могутъ начать читать лекціи въ помѣщеніи другого министерства, безъ разрѣшенія на то министра народнаго просвѣщенія. Отправляютъ къ нему депутатомъ А. Н. Бекетова. Графъ Толстой далъ сначала разрѣшеніе. Но заявленіе Бекетова о предложеніи Д. А. Милютина должно быть его конфузило, потому-что онъ тутъ-же сказалъ, что, кажется, ему можно будетъ дать намъ помѣщеніе, которое теперь свободно: это въ собственной министерской его квартирѣ, у Александринскаго театра, въ домѣ министерства внутреннихъ дѣлъ: что онъ только спишется съ этимъ министерствомъ и пришлетъ на-дняхъ отвѣтъ. И точно, на другой-же день. А. Н. Бекетовъ получилъ заявленіе отъ министра, что намъ уступаютъ квартиру въ нижнемъ этажѣ; что мы можемъ начать ее устраивать какъ намъ надо, а профессорамъ министръ даетъ разрѣшенія пользоваться, если надо, всѣми кабинетами изъ университета для нашихъ лекцій.

«Закипѣла работа. Тотчасъ былъ сдѣланъ проектъ и смѣта всего хозяйства. По дѣлу квартиры намъ очень помогалъ Собольщиковъ*. Надо было устраивать освѣщеніе— въ верхнемъ этажѣ былъ газъ, внизу его не было, а онъ былъ необходимъ для занятій, да и для освѣщенія аудиторій. Денегъ на все это министерство, конечно, намъ не давало; стоило-же это намъ 250 р., а въ карманѣ пока не было ничего. Потомъ надобна была мебель: все заказывается, и тутъ намъ много по-

*) Вас. Иван. Собольщиковъ, старинный хорошій знакомый нашего семейства, архитекторъ и библіотекарь императорской публичной библіотеки, былъ тогда въ то-же время и архитекторомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. *В. С.*

могалъ мой братъ Николай: онъ рекомендовалъ намъ дешеваго столяра *. Дѣлаемъ объявленія во всѣхъ газетахъ, печатаемъ билеты, и въ одну недѣлю они всѣ расхватаны. Поступаетъ 767 женщинъ, и это намъ даетъ разомъ изрядную сумму. Мы оживаемъ. Въ три недѣли все готово.

«Надо замѣтить, что вслѣдствіе поступленія такой суммы за слушаніе лекцій, сдѣлалось возможнымъ не прибѣгать къ великодушному предложенію профессоровъ—читать лекціи *безплатно*. Онѣ съ самого-же открытія курсовъ стали оплачиваться.

«20 января 1870 года, вечеромъ, въ 8 ч., служится молебствіе, на которое пріѣзжаетъ неожиданно и гр. Толстой, и чрезвычайно просто разговариваетъ съ нами, заправилами, а меня какъ-то въ особенности поздравляетъ и говоритъ: «Ну, ваше сердце радуется, вы торжествуете. Я говорилъ себѣ: Ce que femme veut—Dieu le veut.

«Все, что было на душѣ, передать нельзя. Я чувствовала, что я не только красная, но пунцовая, а сердце такъ и пляшетъ. А. Н. Бекетовъ началъ прекрасною рѣчью; жаль, что она не сохранилась, какъ и рѣчи всѣхъ профессоровъ».

Самый фактъ открытія курсовъ, 20-го января 1870-го года, Н. А. Бѣлозерская описываетъ въ своей «Запискѣ» слѣдующимъ образомъ: «Устройство публичныхъ лекцій (для мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ) было поручено нами десяти женщинамъ, выбраннымъ изъ разныхъ кружковъ. Это были: Н. В. Стасова, М. В. Трубникова, А. П. Философова, Е. И. Конради, В. П. Тарновская, Е. Н. Воронина, М. Г. Ермолова, М. А. Менжинская, А. В. Веберъ, Н. А. Бѣлозерская. Изъ нихъ, В. П. Тарновская, мало того, что наравнѣ съ другими принимала самое горячее участіе въ дѣлѣ,

---

*) Н. В. Стасовъ служилъ тогда бау-адъютантомъ при Императорскомъ Зимнемъ дворцѣ. *В. С.*

но еще, въ теченіе 25-ти лѣтъ, исключительно завѣдывала его денежными средствами и до настоящаго 1895) состоитъ казначеемъ Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ.

«Собранія тѣснаго женскаго кружка, взявшаго на себя устройство публичныхъ профессорскихъ лекцій, сначала происходили въ квартирѣ А. П. Философовой, а затѣмъ у Н. В. Стасовой, и были слишкома интимны, чтобы ихъ называть «засѣданіями»: дѣло настолько занимало всѣхъ, что не казалось особенно труднымъ. Между тѣмъ, предстояло не мало всякихъ хлопотъ, особенно со стороны пріисканія средствъ для вознагражденія профессорамъ, устройства лекцій и найма помѣщенія. Но здѣсь успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія, благодаря неутомимой энергіи и беззавѣтной преданности дѣлу Н. В. Стасовой, М. В. Трубниковой и А. П. Философовой. Средства были собраны и получено даровое помѣщеніе въ зданіи министерства внутреннихъ дѣлъ... Ко времени открытія лекцій расцредѣлены были наши дежурства на лекціяхъ (по числу учредительницъ), для продажи билетовъ, провѣрки ихъ при входѣ въ аудиторію, размѣщенія публики и пр. Лекція О. Ѳ. Миллера была назначена первою въ этотъ вечеръ (20-го января 1870). При открытіи лекцій, мнѣ пришлось быть дежурной, вмѣстѣ съ Н. В.—Никогда я не видала ее въ такомъ безпокойствѣ. Она безпрестанно мѣнялась въ лицѣ и выражала опасеніе, что публики не будетъ, и тогда все затѣянное дѣло, а съ нимъ и вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи, будетъ проигранъ, и надолго. Но это опасеніе оказалось напраснымъ: къ назначенному часу хлынула толпа, и аудиторія была переполнена, къ великой радости Н. В., лицо которой сіяло отъ удовольствія. Такъ-же успѣшно прошли и другія лекціи. Публика охотно посѣщала ихъ, хотя и бывали недоразумѣнія, вслѣдствіе крайне смѣшаннаго состава слушателей».

Про это-же время М. А. Менжинская разсказываетъ въ своей «Запискѣ»: «Дѣлать было нечего, приходилось довольствоваться, покамѣстъ, помѣщеніемъ въ домѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Комитетъ сообщилъ объ этомъ разрѣшеніи профессорамъ, которые, несмотря на совершенную перемѣну существа дѣла, все-таки изъявили свое согласіе читать хотя-бы и совмѣстныя лекціи. Профессоръ-же Бекетовъ предложилъ принять участіе даже въ самомъ нашемъ комитетѣ, и этимъ оказалъ великую пользу, во-первыхъ, выясняя многіе научные вопросы, потомъ, служа какъ-бы звеномъ, связующимъ нашъ комитетъ и университетъ.

«Были устроены по воскреснымъ днямъ демонстраціи по ботаникѣ, на которыя пріѣхало также еще нѣсколько профессоровъ, напр. М. С. Воронинъ, съ прекрасными собственными микроскопами. Профессоръ Овсянниковъ устроилъ также свои демонстраціи: онъ показывалъ препараты при газовомъ освѣщеніи Онъ же доставлялъ для лекцій скелеты, черепа, кости и многіе препараты изъ кабинетовъ Академіи Наукъ (онъ былъ академикомъ этой Академіи). Конечно, только при такомъ содѣйствіи профессоровъ и при полной ихъ готовности служить чѣмъ только можно, лекціи наши имѣли успѣхъ. Безъ сомнѣнія, многіе явились сначала только для того, чтобы посмотрѣть, что будетъ изъ этого дѣла, затѣмъ стали постоянными посѣтителями лекцій, заинтересовались предметомъ.

«Лекціи читались 4 раза въ недѣлю. Плата за полугодіе на каждый предметъ—2 р. 50 к., за разовые—25 коп. Мѣстъ было свыше 300, но вскорѣ пришлось раздавать болѣе билетовъ—такой былъ наплывъ слушателей».

Въ концѣ марта 1870 года, три депутатки, отъ лица комитета *), представляли министру внутреннихъ дѣлъ, А. Е. Тимашеву, что «такъ-такъ пріобрѣтеніе

*) А. П. Философова, М. В. Трубникова и Н. В. Стасова.

учебныхъ пособій и устройство учебныхъ кабинетовъ для разрѣшенныхъ министромъ народнаго просвѣщенія публичныхъ лекцій для женщинъ требуютъ значительныхъ расходовъ, то, по порученію всѣхъ женщинъ, принимающихъ участіе въ устройствѣ этихъ лекцій (общее число ихъ простирается до 400), онѣ считаютъ своею обязанностью обратиться къ г. министру съ просьбою дозволить имъ, тремъ депутаткамъ, публиковать въ газетахъ, что въ редакціи одной изъ петербургскихъ газетъ принимаются пожертвованія въ пользу лекцій, а также подписка на слушаніе оныхъ». На это, 5-го апрѣля, послѣдовалъ отвѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ, что учредительницамъ курсовъ «воспрещается публиковать въ газетахъ о пріемѣ пожертвованій для предполагаемаго общаго курса для мужчинъ и женщинъ, а также и о подпискѣ на слушаніе курсовъ *)».

«Для покрытія расходовъ по устройству лекцій, продолжаетъ М. А. Менжинская, нужны были тотчасъ деньги, а сборъ за слушаніе лекцій былъ все еще недостаточенъ, поэтому рѣшено было устроить въ пользу лекцій концертъ, литературное чтеніе и лоттерею. Въ концертѣ участвовали: скрипачъ Ауэръ, піанистъ Лешетицкій, пѣвица А. А. Хвостова и др. Кромѣ того, В. В. Мичурина прочла, со свойственнымъ ей талантомъ, сцену изъ «Псковитянки» Мея. Успѣхъ вечера

---

*) Въ своемъ „Очеркѣ исторіи высшаго женскаго образованія въ Россіи“ („Наблюдатель“, 1882, IV, стр. 82), М. Л. Песковскій говоритъ: „Въ Москвѣ, почти одновременно съ Петербургомъ, образовался кружокъ женщинъ, рѣшившихся добиться высшаго образованія. Московскій кружокъ, на первыхъ же порахъ, потерпѣлъ двѣ крупныя неудачи: 1) московская полиція, провѣдавъ о сходкахъ женщинъ, строжайше воспретила эти „сборища“, чѣмъ, разумѣется, обратила ихъ въ тайныя; 2) совѣтъ московскаго университета, прослышавъ стороною о намѣреніи обратиться къ нему съ просьбою содѣйствовать высшему женскому образованію, рѣшилъ: отвѣтить отказомъ, или—еще грубѣе—вовсе не отвѣчать“.

былъ полный. Всѣ билеты разошлись (большинство по знакомымъ). Этотъ сборъ помогъ намъ для первыхъ уплатъ.

«Вотъ какъ и при какихъ обстоятельствахъ начались высшіе женскіе курсы. Теперь (1895), входя въ великолѣпное зданіе ихъ, проходя по широкимъ корридорамъ въ прекрасныя аудиторіи, не вѣрится, что дѣло было *такъ* начато, небольшой кучкой женщинъ безъ всякихъ средствъ, встрѣчавшихъ въ самомъ обществѣ или недовѣріе, или осужденіе, или насмѣшки. Конечно, какъ я уже говорила раньше, безъ содѣйствія и участія профессоровъ, дѣло это провалилось бы, но тѣмъ не менѣе и на долю комитета выпало много хлопотъ, трудовъ и заботъ. Но скажу безъ преувеличенія, и всякій участникъ согласится съ этимъ, болѣе всѣхъ трудилась, работала Н. В. Всюду она ѣздила, вездѣ являлась, вездѣ помогала, и хотя иногда въ самый комитетъ являлись лица, не принимавшія участія въ дѣлѣ, такъ сказать наскокомъ, и боясь всякой регламентаціи, во всемъ видя желаніе наблюдать, боясь какого-то фиктивнаго начальства, относились съ недовѣріемъ ко всѣмъ постояннымъ членамъ; видя же общее уваженіе къ Н. В. и узнавъ, что она предсѣдательница комитета, особенно враждебно относились къ ней и мѣрамъ, ею предлагаемымъ, и это еще болѣе усложняло дѣло. Но мало-по-малу все это сложилось, сгладилось, и лекціи продолжались».

«Конечно, наше помѣщеніе было не изъ удобныхъ, говоритъ моя сестра въ своихъ «Запискахъ», но довольно просторное: двѣ залы и два кабинета, но никакихъ приспособленій; также и неумѣлая была тутъ прислуга—сторожа министерства внутреннихъ дѣлъ. И потому мы всѣ, дамы, дежурили поочередно при профессорахъ, я-же исполняла тройную, или лучше сказать, *всѣ* должности, такъ-какъ по вечерамъ, во время лекцій, дежурила, а цѣлый день устраивала и съ аудиторіями, и съ поступающими. Конечно, потомъ

черезъ мѣсяцъ все пришло въ обычную колею, но до тѣхъ поръ страшно я работала.

«Повторяю: торжественный день насталъ! Курсы, хотя и въ изуродованномъ видѣ, но начались. Всѣ работали добросовѣстно, хотя, конечно, большинство не умѣло сначала работать, такъ какъ тутъ приходилось работать самостоятельно: вѣдь въ гимназіяхъ все помогаетъ учитель, а тутъ надо было все дѣлать самому, и выбирать предметы по своему собственному желанію. Но одушевленіе было такъ сильно, такая была единодушная аудиторія, такъ женщины сплотились въ одну семью, такъ помогали другъ другу, что, несмотря на пришлый элементъ мужчинъ, въ большинствѣ явившихся—кто изъ любопытства, кто соглядатаемъ, а кто и за гнуснымъ поискомъ интриги,—онъ былъ моментально отчужденъ всею массою пришедшихъ, искренно ищущихъ просвѣщенія. Вся эта жалкая среда хорошо почувствовала свое униженіе въ глазахъ тѣхъ, можно сказать, святыхъ молодыхъ женщинъ, пришедшихъ со всею чистотою нравственною преклониться въ храмъ науки. Профессора точно такъ же отнеслись къ этому дѣлу. Они игнорировали навязанныхъ имъ слушателей мужчинъ, они всецѣло относились только къ женской аудиторіи, а тѣхъ терпѣли, какъ необходимое зло, и на демонстративныхъ лекціяхъ только обращались къ женщинамъ. Но надо сказать, что на нѣкоторыя лекціи приходили и занимающіеся дѣйствительно мужчины, только ихъ было мало, и ихъ хорошо можно было отличить отъ той грязной толпы.

«Я забыла сказать, что съ первой же лекціи проф. Овсянникова, на нихъ присутствовалъ самъ министръ гр. Толстой. Онъ приходилъ, садился на заднюю скамейку, и всегда приглашалъ меня садиться съ нимъ рядомъ. Но онъ бывалъ тутъ всегда частнымъ человѣкомъ, и сказалъ какъ-то мнѣ: «У меня въ моемъ

образованіи большой пробѣлъ: я совсѣмъ не знаю анатоміи и физіологіи».

«И такъ шли занятія въ этомъ помѣщеніи 1½ года, какъ вдругъ присылаетъ гр. Толстой за А. Н. Бекетовымъ и объявляетъ ему, что министерству внутреннихъ дѣлъ надобно это помѣщеніе, что тутъ предполагается помѣстить комитетъ для разбора польскихъ дѣлъ, и что мы должны его очистить ко второму полугодію. Но что онъ, графъ Толстой, намъ даетъ carte-blanche выбрать себѣ помѣщеніе въ одной изъ гимназій мужскихъ (женскихъ гимназій у министерства въ Петербургѣ не было).

«Конечно, мы были всѣ сильно огорчены, но дѣлать нечего. Потомъ, мы еще больше огорчились, когда узнали, что подкладка всего дѣла—недовольство нѣкоторыхъ распорядительныхъ лицъ министерства внутреннихъ дѣлъ... И вотъ начались наши странствія, какъ Вѣчнаго жида!

«И тутъ мы стали ѣздить съ Бекетовымъ по всѣмъ мужскимъ гимназіямъ, пріискивая помѣщеніе. Встрѣчали мы разные пріемы отъ директоровъ гимназій: одинъ изъ нихъ встрѣтилъ насъ весьма недружелюбно, но когда мы сказали, что министръ насъ уполномочилъ къ нему и къ другимъ обратиться, такъ измѣнился сильно, хотя думаю, что если-бы и я была на его мѣстѣ, мнѣ совсѣмъ-бы не улыбалось, можетъ быть, имѣть у себя совершенно чужое хозяйство.

«И вотъ, наконецъ, избѣгавши много гимназій, мы переѣхали со всѣмъ нашимъ скарбомъ, скелетомъ и кое-какихъ инструментовъ, физическаго и химическаго кабинетовъ, на Васильевскій островъ, въ историко-филологическую гимназію. Въ то время былъ тамъ управляющимъ домомъ Ѳ. К. Штейнеке, нашъ хорошій знакомый, и онъ намъ устроилъ дѣло помѣщенія нашего у нихъ въ аудиторіяхъ; и устроилъ это по возможности сносно. Но все-же намъ было тутъ въ высшей степени и тѣсно, и неудобно. Всѣ скамейки

пришлось поставить въ сарай, гдѣ онѣ и оставались все время. Мы такъ просуществовали съ января по май 1871 года.

«Въ тотъ годъ начали читать у насъ лекціи Н. С. Таганцевъ (уголовнаго права) и А. Г. Градовскій (государственнаго права), оба курса существовали только до 1873 года. Градовскій сдѣлался мнѣ близкимъ человѣкомъ сейчасъ же, какъ только я съ нимъ познакомилась, и мы оставались съ нимъ всегда близки до его кончины. Это былъ чудесный человѣкъ, горячо любившій Россію и науку. Онъ, можно сказать, обѣимъ молился, и хотя многіе его упрекали въ двуличности, но я этого никогда не находила. Всѣ его мысли въ частныхъ разговорахъ, всѣ его лекціи были пропитаны истиною и обрушивались безпощадно на всякую ложь и притѣсненіе. Какъ онъ душою страдалъ за всѣ мерзости, которыя происходили передъ его глазами»!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Владимірскіе курсы.

XVI.

Публичные профессорскіе курсы, совмѣстные для мужчинъ и женщинъ просуществовали въ помѣщеніи Филологической гимназіи (при Филологическомъ институтѣ), на Васильевскомъ Острову, близь Университета, всего одну зиму. Затѣмъ они были переведены, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, въ домъ нынѣшняго Владимірскаго уѣзднаго училища, на углу Загороднаго проспекта, на площади Владимірской церкви. При этомъ на ремонтныя работы, въ 1872-мъ году, было отпущено, изъ суммъ министерства, 1400 рублей, а въ слѣдующемъ 1873-мъ году еще 1000 р. Тутъ они просуществовали наиболѣе продолжительное время—два года—и тотчасъ-же получили названіе «Владимірскихъ курсовъ». Въ этотъ періодъ они узнали новый разцвѣтъ.

«Въ это время, замѣчаетъ въ своей «Запискѣ» В. П. Тарновская, они значительно развились. Количество слушателей, а главнымъ образомъ слушательницъ, сильно возросло, число предметовъ преподаванія увеличилось, занятія систематизировались».

«Со второго учебнаго года, говоритъ со своей стороны Н. [illegible]ерская, число профессоровъ, чи-

тавшихъ лекціи, значительно увеличилось, и устроены практическія занятія для слушателей и слушательницъ лекцій по естественнымъ наукамъ. Вслѣдствіе того, пришлось увеличить и число завѣдующихъ лекціями: оно было удвоено. Кромѣ того, выбрали нѣсколько кандидатокъ для замѣны отсутствующихъ и съ правомъ присутствовать на собраніяхъ. На ряду съ этимъ, расширеніе дѣла неизбѣжно требовало усиленныхъ расходовъ, а также пріисканія новыхъ средствъ для покрытія ихъ. Тогда, въ числѣ другихъ мѣръ предложено было прибавить 1 рубль взноса къ каждому 5-ти-рублевому годовому билету на слушаніе лекцій. Это вызвало горячій протестъ со стороны нѣкоторыхъ завѣдующихъ лекціями. Онѣ считали такую прибавку слишкомъ обременительною для неимущихъ. Н. В. Стасова, М. В. Трубникова, А. П. Философова, В. П. Тарновская и нѣкоторыя другія возразили противъ этого, что, если временно уменьшится число слушательницъ, то это не имѣетъ особеннаго значенія; что можно думать о будущемъ и напередъ устроить дѣло, а тѣ, кому трудно платить лишній 1 рубль въ годъ, не станутъ брать 5-ти рублевыхъ билетовъ. Вопросъ долженъ былъ рѣшиться большинствомъ голосовъ. Рѣшили: плату за слушаніе увеличить на 1 рубль. Обѣ стороны были правы со своей точки зрѣнія, но, при молодости большинства, споръ привелъ къ обоюдному раздраженію. Тогда-же, осенью 1871 года, Е. И. Конради и еще нѣсколько другихъ дамъ покинули собраніе, заявивъ, что «отказываются отъ дальнѣйшаго участія въ завѣдываніи лекціями, при томъ оборотѣ, какой принимаетъ дѣло».

«Это разногласіе, во всякомъ случаѣ, носило принципіальный характеръ. Насколько помню, оно было *единственнымъ* за все время существованія публичныхъ профессорскихъ лекцій, болѣе извѣстныхъ публикѣ подъ произвольнымъ названіемъ «Владимірскихъ курсовъ.

«На мѣсто выбывшихъ, въ общество завѣдующихъ лекціями поступили новые члены. Участіе нѣкоторыхъ изъ нихъ ограничилось посѣщеніемъ двухъ или трехъ собраній. Другія-же оставляли Общество по семейнымъ или другимъ, вполнѣ уважительнымъ причинамъ. Такъ, напримѣръ, г-жи Штоффъ и Гассе уѣхали изъ Петербурга для поступленія въ одинъ изъ заграничныхъ университетовъ, гдѣ былъ открытъ доступъ для женщинъ. Но многія оставались при дѣлѣ, служили ему, нетолько въ *это* время, но и позже, послѣ устройства высшихъ женскихъ курсовъ, и принесли ему не мало пользы; таковы были Анненская, О. А. Мордвинова, М. К. Цебрикова и др. Собранія Общества, все болѣе и болѣе многочисленныя, носили характеръ правильныхъ засѣданій. Для рѣшенія сложныхъ вопросовъ, касавшихся учебной части, приглашались попрежнему профессора с.-петербургскаго университета, а изъ преподавателей А. Я. Гердъ и А. Н. Страннолюбскій. На одномъ изъ этихъ собраній присутствовала С. В. Ковалевская, временно пріѣхавшая тогда въ Петербургъ изъ-за-границы».

Въ своемъ, приведеннымъ уже выше «Очеркѣ исторіи высшаго женскаго образованія въ Россіи» М. Л. Песковскій говоритъ: Большой интересъ представляютъ Владимірскіе курсы, какъ первый опытъ систематическихъ публичныхъ лекцій по предметамъ университетскаго курса. Въ самомъ составѣ предметовъ было нѣкоторое колебаніе, но за все время существованія курсовъ (до преобразованія ихъ въ высшіе женскіе курсы) довольно правильно, т.-е. съ незначительными, случайными перерывами, читались лекціи по слѣдующимъ предметамъ: русской словесности, всеобщей исторіи, русской исторіи, ботаникѣ (морфологіи и физіологіи растеній), анатоміи и физіологіи человѣка, зоологіи, химіи неорганической и органической, физики и геологіи. Два года (съ 1871 по 1873 учебный годъ) читались лекціи по государственному

и уголовному праву; но затѣмъ чтеніе по этимъ предметамъ прекратилось и болѣе не возобновлялось. Въ практикѣ Владимірскихъ курсовъ немаловажную особенность представляетъ санкціонированіе профессорскихъ программъ III-мъ отдѣленіямъ, куда онѣ обязательно представлялись для просмотра. Третье-отдѣленскій контроль нерѣдко задерживалъ начало чтенія по нѣкоторымъ предметамъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Это едва-ли не единственный опытъ педагогической практики приснопамятнаго III-го отдѣленія.

«Публичныя Владимірскія лекціи имѣли опредѣленный систематическій характеръ университетскаго преподаванія; чтеніе каждаго предмета разсчитано было на два года.

«... Несмотря на нѣкоторые серьезные недостатки Владимірскихъ и Аларчинскихъ курсовъ, (о которыхъ говорено будетъ ниже), они принесли весьма существенную пользу высшему женскому образованію. Они послужили къ окончательному примиренію правительства и общества съ мыслью о высшемъ женскомъ образованіи; дали весьма многимъ изъ поступившихъ на высшіе врачебные женскіе курсы (открывшіеся въ Петербургѣ въ 1872 году) солидную общеобразовательную подготовку; наконецъ, содѣйствовали сокращенію срока ученія тѣмъ женщинамъ, которыя отправлялись за границу.

«Не имѣя возможности собрать свѣдѣнія о количествѣ всѣхъ русскихъ женщинъ, получившихъ полное высшее образованіе въ заграничныхъ университетахъ, назовемъ слѣдующихъ женщинъ, окончившихъ тамъ курсъ со степенью доктора: г-жи Суслова, Яковлева, Евреинова, Ковалевская, Гончарова, Свѣтловская, Скворцова, Цишкевичъ, Лермонтова, Литвинова. Здѣсь есть доктора̀ правъ, математики, медицины, химіи и другихъ высшихъ наукъ. Г-жи Штоффъ, Гассе и Идельсонъ, прослушавъ сначала двухгодичный курсъ Владимірскихъ лекцій, и затѣмъ курсы заграничныхъ

университетовъ, съ успѣхомъ выдержали экзаменъ въ петербургскихъ врачебныхъ женскихъ курсахъ на степень врача...

«Въ заключеніе необходимо отмѣтить одну весьма серьезную черту—*женское самоуправленіе* на курсахъ. Владимірскіе курсы управлялись кружкомъ выборныхъ изъ среды учредительницъ курсовъ; Аларчинскіе—выборными изъ среды слушательницъ депутатками... Большую административную способность проявили женщины въ управленіи курсами. Несмотря на новизну и сложность дѣла, управленіе курсами и хозяйственная ихъ часть велись очень стройно, серьезно, разумно. Были и промахи, неизбѣжные въ важномъ дѣлѣ; но они такъ малозначущи, просто ничтожны въ общемъ ходѣ курсовъ, что на нихъ даже неумѣстно было-бы останавливаться».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Моя сестра за границей. Владимірскіе курсы (продолженіе).

XVII.

Дѣло шло въ новомъ помѣщеніи отлично, все только разростаясь, когда вдругъ моей сестрѣ, совершенно неожиданно, пришлось отъ него отойти въ сторону—и надолго. Въ нашемъ семействѣ сильно заболѣли двѣ молодыя племянницы, со всѣми нами вмѣстѣ жившія. Для нихъ сдѣлалось необходимо ѣхать за-границу, и къ этому маленькому каравану, бросивши всѣ свои самыя дорогія дѣла, присоединилась и моя сестра. Вдали отъ Россіи она прожила цѣлыхъ 5 лѣтъ.

Это было третье ея путешествіе въ чужіе края. Первое было въ 1857 году, когда она поѣхала, съ братомъ Александромъ и опасно больной старшей сестрой Софьей, чтобы стараться спасти ее южнымъ климатомъ, если это еще будетъ возможно. Но возможнымъ это не оказалось, и она только могла не покидать ее, ходить за нею какъ безгранично преданная и самоотреченная сестра милосердія, до послѣдней минуты ея жизни. Послѣ кончины сестры нашей Софьи, въ Венеціи, въ февралѣ 1858 года, оставшіеся въ живыхъ двое ея спутниковъ, братъ Александръ

и сестра Надежда, остались еще нѣсколько мѣсяцевъ за-границей, стараясь какъ-нибудь успокоиться путешествіемъ отъ пережитыхъ ужасныхъ впечатлѣній. Въ сентябрѣ 1858-го года они воротились въ Петербургъ, проѣхавъ множество городовъ въ Италіи, Франціи и Германіи (Верона, Миланъ, Генуя, Ливорно, Флоренція, Сіенна, Римъ, Неаполь, Палермо; потомъ, съ юга назадъ на сѣверъ—Lago Maggiore, Сенъ-Готардъ, Страсбургъ, Парижъ, Ахенъ, Кельнъ, Дрезденъ, Бреславль—Варшава). Нигдѣ они подолгу не останавливались, но вездѣ пробовали любоваться красотами природы, въ чудесныхъ знаменитыхъ мѣстностяхъ, и такими же красотами искусства, въ безчисленныхъ музеяхъ, коллекціяхъ, церквахъ, палаццахъ. Все это они видѣли еще въ первый разъ въ жизни, и путешествіе оказало и на нихъ свое обычное вліяніе: оно помагало хоть нѣсколько забывать перенесенное и отдыхать отъ тяжкихъ ударовъ судьбы.

Въ Петербургъ они пріѣхали 8-го сентября 1858 г., и, какъ моя сестра разсказываетъ въ «Запискахъ» своихъ, «ея братъ Владиміръ, прямо изъ экипажа, схватилъ ее на руки и понесъ вверхъ по лѣстницѣ, до дверей квартиры». Въ этомъ у него невольно выразилась не одна радость свиданія, но и радость благодарности за все, сдѣланное съ такимъ самоотверженіемъ для бѣдной покойной сестры ихъ. «Всю первую недѣлю, продолжаетъ она, я ходила какъ въ чаду, но наконецъ, когда я перевидала снова всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, когда все вошло въ обычную норму, тогда только я сознала во всей силѣ свою ужасную потерю и—свое одиночество. Но, говоритъ Левъ Толстой (въ «Войнѣ и мирѣ»), «мы думаемъ, что какъ насъ выкинетъ изъ привычной дорожки, все пропало; а тутъ только и начинается новое, хорошее. Пока есть жизнь, есть и счастье. Впереди много, много». Это буква въ букву осуществилось на моей сестрѣ. Она именно въ тѣ минуты думала, что все пропало, все кончилось; а

тутъ только и началось новое, хорошее, и была жизнь, значитъ, готовилось счастье. «Впереди было много, много». Ее ожидала новая, небывалая, неожиданная въ ея жизни дѣятельность—и тутъ только, послѣ злыхъ ударовъ судьбы, она начиналась.

Второе путешествіе моей сестры произошло десять лѣтъ спустя, лѣтомъ 1867 года.

Этотъ годъ былъ для нея однимъ изъ самыхъ дорогихъ и памятныхъ. Успѣхи, удачи, наслажденіе и восторгъ отъ достигаемаго всею Россіею, шли тогда у ней одни за другими непрерывной чередой. При однихъ изъ этихъ дѣлъ она была только восхищенною свидѣтельницею и радовалась на то, что другіе совершали на ея глазахъ важнаго и дорогаго; въ другихъ дѣлахъ, она сама была одушевленною, энергическою участницею и горячею дѣятельницею. Молодая русская художественная школа начинала въ это время праздновать свои лучшія торжества, все новые и новые таланты съ каждымъ днемъ выдвигались на арену; молодая русская музыкальная школа тоже съ каждымъ новымъ днемъ завоевывала себѣ почву, все глубже и дальше, и, послѣ блестящаго торжества «Жизни за царя» и «Руслана и Людмилы» въ предыдущемъ, 1866 году, въ Прагѣ, съ Балакиревымъ во главѣ музыкальныхъ силъ, давала въ Петербургѣ общеславянскіе концерты, изъ русскихъ сочиненій, для представителей всего славянскаго міра, съѣхавшихся въ Россію по поводу всеславянской этнографической выставки въ Москвѣ. Всѣ женскія силы въ Россіи тоже были въ благодатномъ, мужественномъ и вдохновенномъ напряженіи. Безчисленныя женскія работы и предпріятія были въ полномъ ходу: дѣло издательства, дѣло пріюта въ дешевыхъ квартирахъ, дѣло созданія новаго женскаго образованія—всѣ они шли громадными шагами впередъ и разростались въ такихъ громадныхъ размѣрахъ совѣщаній, бесѣдъ, взаимныхъ вліяній, что должны были, къ концу этого-же года, выразиться въ

составляющей у насъ эпоху «петиціи» Е. И. Конради. Моя сестра была отъ всего этого въ самомъ высокомъ состояніи счастія и наполняющей всю душу удовлетворенности.

И вотъ, въ эти-то блаженныя для нея минуты она стала получать мои письма изъ Парижа, гдѣ я, тоже глубоко счастливый отъ всего чудеснаго, что̀ у насъ тогда происходило, съ удвоеннымъ счастіемъ и восторгомъ писалъ къ себѣ домой про чудную, небывалую всемірную выставку, которая тогда совершалась въ великой французской столицѣ. Парижъ являлся тогда въ самомъ дѣлѣ тѣмъ, что̀ про него писалъ въ тѣ дни Викторъ Гюго: онъ былъ заправду истинной столицей всего міра, единственнымъ, несравненнымъ центромъ, словно сіяющее солнце, льющее на вселенную потокъ свѣта, таланта, красоты и творчества. Подобной выставки, какъ тогдашняя парижская, навѣрное никогда не было нигдѣ въ мірѣ, ни до нея, ни послѣ нея. Мои восхищенныя рѣчи сильно дѣйствовали на мою сестру, переворачивали у ней весь внутренній ея міръ, какъ она потомъ разсказывала, и вотъ, рѣшившись, она въ одинъ прекрасный день прискакала изъ Петербурга прямо въ Парижъ, къ намъ, своимъ двумъ братьямъ, Дмитрію и Владиміру, безмѣрно восторгавшимся Парижемъ и его выставкой, и плававшимъ въ какомъ-то необозримомъ океанѣ блаженства и наслажденія.

Гадка и отвратительна была тогдашняя эпоха Наполеона III, вся состоявшая изъ безконечнаго насилія, утѣсненія народа и его мысли, лишенія его всякаго права, злостнаго толканія его только на всяческое легкомысліе, ничтожество, распутство и гнилую испорченность. Но этому тупому деспоту новаго сорта все-таки не удалось окончательно и до самыхъ корней забить въ грязь управляемый имъ французскій народъ. Этотъ народъ продолжалъ, вопреки гнету, жить своею собственною жизнью, своимъ собственнымъ давно накопившимся капиталомъ геніа, предпріимчивости, твор-

чества, и выставка 1867 года просіяла какъ одно изъ самыхъ высокихъ и блестящихъ проявленій французскаго народнаго духа. Она была ослѣпительна. И мы ею втроемъ любовались до упоенія, до восторга.

Потомъ поѣхали мы вмѣстѣ въ Лондонъ, гдѣ насъ ожидали новые восторги и радости отъ колоссальнаго творчества, необычайно оригинальнаго почина великаго во всемъ англійскаго народа. Во всѣхъ областяхъ жизни, во всѣхъ сферахъ искусства у него шло тогда великое плодотворное движеніе, двигавшее впередъ народныя массы всей Европы.

Эта поѣздка 1867 года была и для моей сестры, какъ и для насъ, остальныхъ, безпрерывнымъ рядомъ наслажденій и любованій.

Но третье путешествіе моей сестры имѣло уже совершенно другой характеръ. Главною цѣлью его была, опять-таки, какъ въ первое путешествіе, помощь больнымъ, облегченіе страданій—и эту благотворную роль моя сестра исполняла, вмѣстѣ съ другими своими спутницами изъ нашего семейства, съ такою-же любовью и самоотверженіемъ, какъ въ первое путешествіе. «Все это время, пишетъ моя сестра въ одномъ мѣстѣ «Записокъ», въ мартѣ 1876 года, когда младшей больной племянницѣ приходилось уже очень плохо—я была въ такомъ страхѣ, что ни день, ни ночь покоя не знала, а мать бѣдной Оли—и говорить нечего...» И, подобно тому первому путешествію, и нынѣшнѣе, третье, тоже должно было окончиться смертью: изъ двухъ больныхъ нашихъ племянницъ, младшая, Ольга, скончалась лѣтомъ 1876 года во Фрейенвальде, отъ болѣзни сердца. Опять, какъ тогда, поѣхалъ изъ чужихъ краевъ въ Петербургъ гробъ съ тѣломъ еще одного молодого созданія, погибшаго раньше времени и наполнившаго глубокимъ горемъ душу близкихъ оставшихся.

Но, даже тогда, когда это несчастіе еще не совершилось, заботы семейныя, сколько ни были они важны и дороги для моей сестры, все-таки не въ состояніи

были отнять у нея все время и наполнить всю ея мысль. Она была наполовину въ Петербургѣ, и жаднымъ взоромъ продолжала слѣдить за всѣмъ тѣмъ, что́ тамъ происходило по части любезнаго ей женскаго дѣла. Но также она много читала иностранныхъ книгъ, газетъ и журналовъ и сильно интересовалась тѣмъ, что въ чужихъ земляхъ, гдѣ она была, дѣлалось, думалось и писалось по части народной участи, народной жизни и народнаго, особливо женскаго, образованія.

Еще за годъ до этого своего путешествія, моя сестра писала своей крестницѣ, а впослѣдствіи пріятельницѣ, А. Н. Шульговской, одной изъ лучшихъ сотрудницъ издательской Артели, и въ то время путешествовавшей въ чужихъ краяхъ,—настоящую программу надо всего того, что́ ей стараться увидѣть, узнать, на что обратить вниманіе. «Намъ показалось изъ твоего послѣдняго письма, Саша, говорила она въ своемъ письмѣ въ Вѣну, отъ 9-го іюня 1871 года, что ты сильно скучаешь. Правда ли это? Я не вѣрю, и никакъ не могу допустить мысли, чтобы это было возможно. Ты слишкомъ воспріимчива ко всему хорошему и новому, а въ путешествіи чего-чего не перечувствуешь! Только смотри, ничего не прозѣвай, а то тебѣ достанется потомъ отъ меня! Изволь увидѣть всѣ музеи, и общественные и частные;—что скажешь про «Бельведеръ»? Просмотри всѣ церкви, всѣ окрестности городовъ, всѣ рынки. Тутъ отлично можно знакомиться съ народомъ, особенно по утрамъ. Смотри всѣ зоологическіе и простые сады; смотри театры—народные, въ особенности, тоже. Побывай, если можешь, въ «пештскомъ собраніи», послушай, какъ они тамъ ругаютъ нѣмцевъ; ходи въ жидовскіе кварталы; въ синагоги старайся попадать. Во многихъ городахъ бываютъ интересные рыбные, цвѣточные и зеленные рынки. Теперь въ Вѣнѣ должна быть выставка картинъ, да еще должна быть и «постоянная», какъ у насъ, у Полицейскаго мос-

та*). Не забудь школы всякія, и народныя, и высшія, и дѣтскіе сады; нѣтъ-ли какого женскаго базара, какъ въ Берлинѣ; потомъ—общества рабочихъ; узнавай, какими работами занимаются женщины—можетъ, намъ это пригодится. Нѣтъ ли какихъ особыхъ пріютовъ? Старайся знакомиться съ *колоновожатыми* барынями, по школамъ, пріютамъ, изданіямъ, и смотри, ка̀къ и что̀ дѣло высшаго женскаго образованія тамъ, и ка̀къ на него смотрятъ... Ну, прощай. Буду читать Лассаля. Что за человѣкъ!..» Въ другомъ письмѣ, того-же лѣта, моя сестра ей писала: «Если у тебя не хватитъ денегъ ѣхать до Рима—поѣзжай ну хоть до Флоренціи, и тутъ объѣзжай всѣ окрестности: Фіезоле, Санъ-Миніато, Прато, Валломброза (правда, далеко!), а во Флоренціи—Giardino Boboli, Кашины, да мало ли что! Все тутъ—очарованіе; только смотри, ничего не откладывай, все хватай, не жалѣй ногъ! А въ Венеціи тоже—что церковь, то прелесть. А дворцы!..» Далѣе въ письмахъ всегда слѣдовала масса порученій насчетъ осмотра и покупки новыхъ хорошихъ книгъ, годныхъ для перевода у насъ, а также насчетъ покупки хорошихъ, интересныхъ и художественныхъ фотографій. Таковы были тогда интересы моей сестры относительно путешествія. Эта *программа заграничнаго путешествія* скоро потомъ, менѣе чѣмъ черезъ годъ, съ самаго же почти начала 1872 года, начала осуществляться у нея самой.

Но первыя впечатлѣнія путешествія 1872 года были почти все исключительно мрачныя. «Какъ меня поразили, пишетъ она въ своихъ «Запискахъ», въ тотъ годъ, что мы пріѣхали въ Берлинъ (1872)—бараки для простого народа. Я пріѣхала въ полной увѣренности, что страшная бѣдность существуетъ только у насъ и въ Лондонѣ, и была совершенно поражена тѣмъ, что̀

---

*) Постоянная выставка Общества поощренія художествъ помѣщалась тогда у Полицейскаго моста, въ домѣ Голландской церкви. *В. С.*

увидала въ самомъ Берлинѣ. На берегу Шпре, противъ Александровскаго пріюта, на пустомъ полѣ, расположился, можно сказать, таборомъ, несчастный людъ ремесленниковъ, выгнанный изъ квартиръ хозяевами, 1-го апрѣля, за то, что они не могли и не хотѣли платить повышенной до безобразія цѣны за квартиры, тогда какъ заработокъ не подымался, а всѣ необходимые жизненные предметы возвысились въ цѣнѣ. Вотъ и принуждены были 150 семействъ со всѣмъ своимъ скарбомъ переселиться въ поле; тамъ они сколотили себѣ изъ гнилыхъ досокъ бараки, у которыхъ были дырявыя кровли, а у другихъ и этого не было, и на нихъ набрасывались противъ дождн какія-нибудь лохмотья, если такія еще существовали, и хватало ихъ довольно, чтобы покрыть дрожащихъ отъ холода дѣтей, пріютившихся на землѣ. А на полъ положены были доски вмѣсто кровати въ томъ мѣстѣ, гдѣ устраивалось мѣсто для спанья. Все прочее мѣсто оставалось ничѣмъ не покрыто, просто земля, и въ это раннее время года совершенно сырая. И вотъ, вслѣдствіе этой сырости, холода, вони отъ скученности, отъ дурной пищи, произошла эпидемія, и дѣти стали умирать страшно. Въ тотъ день, что я тамъ была, было 20 покойниковъ, и можно было ожидать, что вымрутъ они всѣ, потому что время года становилось все теплѣе, а скученность усиливалась и зараза распространялась.

«Ужасно было смотрѣть на маленькихъ мертвецовъ, которые были скорѣе похожи на скелеты, а большая часть изъ нихъ начала уже разлагаться и смрадъ былъ ужасный. Лежали они въ простыхъ корзинахъ, за неимѣніемъ гробовъ, и покрыты были они чистою бумагою, за неимѣніемъ одежды. Вокругъ нихъ тѣснились и прыгали маленькія дѣти, которыя безсознательно смотрѣли на нихъ, дотрогиваясь до своихъ товарищей безъ всякаго страха, и многія пробовали раскрывать глаза, а матери и отцы не отгоняли ихъ, не боялись ихъ, не понимая заразы. Я многимъ изъ нихъ объ

этомъ говорила, но со страхомъ, потому что, должна признаться, не очень-то была увѣрена въ нихъ, они всѣ были ожесточены. Однако, побывъ съ ними нѣсколько времени, я стала совершенно покойна. Они мнѣ разсказывели свои исторіи, свою нужду, и эта нужда была такъ велика, что у нихъ не было даже возможности своихъ дѣтей хоронить на кладбищѣ, и они начинали готовить тутъ на полѣ ямы, чтобы зарывать своихъ дѣтей, а полиція, которая тутъ-же ходила, смотрѣла на все это совершенно равнодушно. Однако, впослѣдствіи, говорятъ, дѣтей похоронили на кладбищѣ; но зараза была уже передана, и ужасно много народа перемерло. Эти-то несчастные люди жили на полѣ до конца ноября. Депутація отъ нихъ ходила еще въ августѣ, въ Потсдамъ, и самому императору подала прошеніе объ ихъ положеніи, но, какъ и всегда, покровитель своего народа, блестящій побѣдитель французовъ, не удостоилъ удѣлить изъ полученныхъ милліардовъ кроху этимъ бѣднякамъ—они были назначены на постройку крѣпостей. И только въ ноябрѣ прибрали остальныхъ въ дома. Все это совершилось въ 1872 году, послѣ знаменитыхъ побѣдъ.—Ужасно! Но что-же самъ-то народъ?.. А женщины здѣсь—что за рабыни своихъ повелителей! Самое ужасное—то, что онѣ всѣ довольны своимъ положеніемъ»...

Такими нерадостными картинами встрѣтила мою сестру заграница. По счастью, скоро передъ ея глазами стали проходить сцены болѣе отрадныя и счастливыя. Въ Дрезденѣ она восхищалась тѣмъ, что увидала по части распространенія женскаго образованія въ народныхъ массахъ. Подобно тому, какъ всего за нѣсколько мѣсяцевъ до ея отъѣзда, поступлено было съ Аларчинскими и Владимірскими курсами, поступила и одна мужская гимназія въ Дрезденѣ: она пріютила у себя цѣлое общество учительницъ, которыя на свои собственныя средства устроили дешевые курсы (по 2 талера въ годъ); но это было уже для дѣвушекъ, кон-

чившихъ курсъ въ городскихъ школахъ и служащихъ въ магазинахъ, гостинницахъ,—словомъ, вообще для всѣхъ трудящихся и желающихъ продолжать ученье. Тамъ преподавали языки: англійскій, французскій, нѣмецкій, рисованіе, ариѳметику, счетоводство, какъ предметы, необходимые продавщицамъ въ магазинахъ, также какъ и англійскій и французскій языки...

Сверхъ всего этого, моя сестра сближалась, гдѣ могла, съ образованными и интеллигентными людьми, мужчинами и женщинами, и посѣщала публичныя лекціи, иныя изъ которыхъ иногда заканчивались правильными и серьезными дебатами между слушателями.

Въ одномъ мѣстѣ «Записокъ», разсказывая про свое пребываніе въ Дрезденѣ, она говоритъ: «Хочу сегодня (13-го февраля 1876 г.) записать вчерашній вечеръ, который доставилъ мнѣ столько удовольствія. Давно я собиралась сходить въ собраніе «Vorschrittsverein», на журналъ котораго я абонировалась вотъ уже другой мѣсяцъ, и въ которомъ я нахожу много интереснаго, важнаго, новаго и смѣлаго. Вотъ и пошла я туда съ нашей Эрни (компаньонка). Назначено было на этотъ разъ чтеніе о лунѣ, или, скорѣе нужно сказать, разсказывалось фантастическое, но основанное на научныхъ фактахъ, путешествіе на луну. Рѣчь сама была не важная, но когда начались потомъ дебаты по поводу прочитаннаго, вотъ тутъ сдѣлалось вдругъ необыкновенно интересно. Начали излагать свои мнѣнія, кто о дѣйствіи луны на растительность и человѣка, кто объяснялъ въ спорѣ составъ луны; одинъ изъ присутствующихъ, профессоръ астрономіи, слѣпой, сказалъ (что̀, впрочемъ, ныньче довольно общеизвѣстно), что земля отдѣлилась отъ солнца, а потомъ, луна отъ земли. Изложеніе его было отличное; но сейчасъ-же другой слушатель, юристъ по профессіи, заговорилъ: «какъ-же это, да вѣдь Библія насъ учитъ, что прежде была сотворена земля, а потомъ свѣтъ», и астрономъ отвѣчалъ ему, что онъ вполнѣ уважаетъ Библію, какъ

высшую религіозную, моральную и поэтическую книгу, но изслѣдованія натуралистовъ имѣютъ свою спеціальную цѣль и знанія, которыхъ нельзя смѣшивать съ Библіей. И затѣмъ пошли большія пренія, которыя коснулись и исторіи, и политики, и христіанства, и управленія народовъ, и все это высказывалось такъ просто, такъ свободно, такъ увлекательно и такъ человѣчно, что я совсѣмъ забыла, что сижу среди страшнаго табачнаго дыма, котораго я вовсе не выношу, даже и въ малыхъ дозахъ. Молодой ученый Клемихъ, предсѣдатель этого общества и редакторъ ихъ газеты, а вмѣстѣ директоръ коммерческаго училища въ Дрезденѣ, и его молодая жена, во всемъ его товарищъ и помощница, были истинно-великолѣпные люди по сердцу и по образованію»...

Въ одномъ письмѣ изъ этого самаго времени (1876), моя сестра писала мнѣ, что за одну свою горячую рѣчь, гдѣ онъ выступалъ за народъ и его права, Клемихъ былъ схваченъ и посаженъ въ крѣпость, въ Кюстринѣ, и черезъ 24 часа опять выпущенъ на волю, но съ обязательствомъ, что онъ больше публичныхъ рѣчей произносить не будетъ. Все это понятно станетъ, когда читаешь въ тѣхъ-же «Запискахъ» моей сестры, что въ одномъ изъ засѣданій того же «Vorschrittsverein», гдѣ она присутствовала, Клемихъ говорилъ, по поводу новой брошюры Арнима, что онъ къ ней, какъ и ко всѣмъ подобнымъ, совершенно равнодушенъ, и что онъ «ненавидитъ все, что есть дипломатія, потому-что тутъ все только люди и дѣла фальши и гнета, и всѣхъ бѣдствій народныхъ». Потомъ, говоря о недавнихъ дебатахъ въ рейхстагѣ, по поводу того, слѣдуетъ или не слѣдуетъ утвердить новый законъ о томъ, что крещеніе дѣтей не обязательно, Клемихъ указывалъ на то, что знаменитый графъ Мольтке еще недавно сказалъ германскому императору: «Нельзя проводить такого закона: тогда черезъ 20 лѣтъ нельзя будетъ набрать и 100 рекрутовъ»... И это по-

тому, что нельзя будетъ солдатамъ давать присягу: коль скоро они не крещены, значитъ не христіане— значитъ, клятва выполнять что имъ ни прикажутъ, для нихъ не обязательна. И, со своей точки зрѣнія совершенной независимости и прогрессивности, Клемихъ говорилъ, что обо всемъ этомъ надо трубить во всѣ трубы. Онъ это и дѣлалъ»...

Про жену Клемиха моя сестра пишетъ: «Какая это замѣчательная женщина! Еще такая молодая, а сколько успѣла уже произвести наблюденій и по части естественной исторіи, и медицины, и гигіены, и психическихъ болѣзней! Какъ она вообще слѣдитъ за здоровьемъ, сколько пользы своими совѣтами она принесла и нашему семейству! Ея взглядъ на прививку оспы, кажется, самый справедливый. Сколько должно быть, внесено заразы въ человѣческій родъ этою прививкою. Мнѣ надо будетъ непремѣнно поговорить объ этомъ съ хорошимъ докторомъ у насъ...»

Для объясненія этого, надо замѣтить, что въ 60-хъ и 70-хъ годахъ въ Германіи, Англіи, Италіи и Франціи шла сильная агитація *противъ* привитія оспы. Многіе ученые и врачи стали доказывать, что, прививая оспу, часто прививаютъ дѣтямъ и разныя зловреднѣйшія болѣзни, особенно золотуху и сифилисъ. Возникла цѣлая литература по этому предмету и даже издавался особый журналъ „Impfgegner (противникъ оспопририванія). Противъ оспопририванія сильно возставали не только врачи и ученые естественно-историки, но также пасторы, піетисты, соціалъ-демократы и другія разнообразнѣйшія личности. Но новѣйшія изслѣдованія снова доказывали, съ полною убѣдительностью, необходимость и пользу оспопририванія, и что при тщательной осторожности легко можно избѣгать нечаянной прививки золотухи, сифилиса и другихъ зловредныхъ болѣзней,

Читала въ это время очень усердно моя сестра также еще и другой независимый органъ, французскій,

«Rappel». Газета эта издавалась подъ непосредственнымъ вліяніемъ, можно сказать, подъ наитіемъ Виктора Гюго. Главнымъ редакторомъ былъ Локруа, одинъ изъ талантливѣйшихъ писателей и мыслителей Франціи, впослѣдствіи сенаторъ, человѣкъ, воспитанный въ школѣ Виктора Гюго и обладавшій честицею его огня, силы и непобѣдимой убѣдительности. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ «Rappel» былъ однимъ изъ тѣхъ могучихъ органовъ, которые всего болѣе способствовали паденію Наполеона III и приготовили паденіе ненавистнаго режима хищничества и всеобщаго развращенія Франціи. Въ 70-хъ годахъ нечего было бороться съ Наполеономъ III—онъ уже былъ сброшенъ прочь, но оставалось еще много, за что̀ надо было бороться, что̀ ниспровергать и что воздвигать на пользу народу, и «Rappel» выполнять это съ блескомъ и увлекательной талантливостью. Такой журналъ стоило читать среди собственныхъ несчастій и домашняго щемящаго горя. Эти горячіе листки давали новую вѣру въ будущее, укрѣпляли и бодрили умъ и питали его могучей здоровой пищей.

Вдобавокъ ко всей работѣ умомъ, моя сестра много работала и руками: прекрасно рисовала на фарфорѣ, дѣлала прекрасные искусственные цвѣты, много и прекрасно шила и вышивала,—на это она тоже была всегда великая мастерица. Вообще-же она никогда не была праздная. «Мнѣ противны бѣлоручки, барышни», пишетъ она въ разныхъ письмахъ, а также въ «Дневникѣ». «Я читаю много, пишетъ она изъ Висбадена А. Н. Шульговской 13-го февраля 1874 года: начинаю въ 5½ часовъ утра, въ постели, и до 7½, потому-что потомъ въ цѣлый день до вечера не удастся. Вечеромъ читаютъ мнѣ Оля и Эрнестина громко что-нибудь, а мы съ Маргаритой (невѣсткой) работаемъ: она мнѣ помогаетъ вышивать черную кофту, совершенно обносилась. Утромъ часа два я рисую...»

Въ своей «Запискѣ» Н. А. Бѣлозерская пишетъ:

«Лѣтомъ 1875 года, во время моего пребыванія заграницей, я, послѣ долгихъ поисковъ вслѣдствіе неточнаго адреса, наконецъ нашла Надежду Васильевну въ «Riesengebirge», на границѣ Силезіи и Богеміи (близь городка Warmbrunn въ живописной деревушкѣ Hermsdorf unter Kynast), гдѣ она жила съ семьей своего брата, Николая Васильевича. Тогда ей не было извѣсто, когда она вернется въ Россію, и сознаніе своего полнаго безсилія въ горячо занимавшемъ ее русскомъ женскомъ дѣлѣ было страшно тяжело для нея. Отсутствіе привычной общественной дѣятельности видимо томило ее; но, по обыкновенію, я не слышала отъ нея ни одной жалобы или ропота на судьбу. Втеченіе двухъ дней, которые я провела съ нею, она осыпала меня вопросами, заставила разсказать подробно обо всемъ, что касалось недавно закрытыхъ публичныхъ лекцій, вновь основанныхъ медицинскихъ курсовъ и другихъ общественныхъ нашихъ дѣлъ. Въ это время все остальное отошло для нея на второй планъ. Она какъ-будто забыла, что существуютъ личные интересы и дѣла».

И дѣйствительно, произошло у насъ, дома, много такого, что должно было глубоко волновать на чужбинѣ: одно сильно огорчать, другое сильно радовать ее. Извѣстія, доходившія до нея изъ Россіи, были постоянно довольно скудныя. Въ одномъ письмѣ изъ Фрейенвальде, отъ 12-го сентября 1872 года, въ Петербургъ, къ А. Н. Шульговской, моя сестра писала: «Я ничего почти не знаю, что у васъ тамъ въ Петербургѣ дѣлается, развѣ что по газетамъ: всѣ барыни, кромѣ А. П. Философовой и милой М. В. Трубниковой, мнѣ измѣнили. Эти двѣ точно меня любятъ. Да еще О. А. Бутакова и М. К. Цебрикова». Въ другомъ письмѣ, къ ней-же, отъ 3-го декабря 1872 года, изъ Дрездена, моя сестра писала: «Прошу тебя, Саша, пиши мнѣ все, все; вѣдь это ужасно, уѣхали люди, оторвались отъ всего дорогого, всего близкаго и интересующаго,

и только изрѣдка получай извѣстіе, которое хоть сколько-нибудь удовлетворитъ,—а большею частью ничего не знаешь, что дѣлается въ Петербургѣ, *не-газетнаго*. Я удивляюсь, какъ я до сихъ поръ совсѣмъ не изпустяковилась, а у меня силы есть. Одно еще, что меня поддерживаетъ, это то, что я чувствую, что нужна... Я всякій день все придумываю, какъ-бы и что-бы, и чѣмъ себя поддержать, чтобы совсѣмъ не упасть духомъ, чѣмъ-бы заинтересовать всѣхъ нашихъ. Вотъ и ходимъ вездѣ, все смотримъ...» Въ одномъ мѣстѣ «Дневника», въ маѣ 1876 года, написано: «Здѣсь (въ Дрезденѣ) я все чѣмъ-то недовольна, чего-то другого хочу; это хорошо было, такое положеніе, въ молодости, а ныньче, въ мои лѣта, пожалуй, это и глупо. Неужели обстоятельства меня совершенно исказили? Или это отъ праздности, отъ того, что я такъ сильно томлюсь своимъ бездѣйствіемъ и пустотой того, что меня окружаетъ?..»

XVIII.

Но что-же такое важное и сильно затрогивающее произошло въ періодъ съ 1872 года и впродолженіе всего начала 5-ти лѣтняго пребыванія ея заграницей?

Во-первыхъ, въ 1872 году открыты были въ Петербургѣ, при Медико-хирургической академіи, «курсы для образованія ученыхъ акушерокъ». Собственно говоря, тутъ дѣло шло о дозволеніи женщинамъ быть медиками. Но тогда боялись всякой частной инициативы, особенно со стороны женщинъ, и потому, для осторожности, имъ вначалѣ дозволено было быть только акушерками. Однако-же, вскорѣ рѣшились дозволить и большее, и «акушерскіе курсы» были переименованы въ «женскіе врачебные курсы». Военное министерство, т. е. министръ—Д. А. Милютинъ, дали имъ даровое помѣщеніе при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ и право пользоваться тамъ всѣмъ клиническимъ

матерьяломъ; сверхъ того, назначили имъ ежегодную субсидію въ 15.000 руб. Ну и что-же? Скоро женщины-врачи отблагодарили не только военное министерство, но всю Россію такими подвигами самопожертвованія, несравненной помощи и чуднаго участія въ турецкой войнѣ 1877 года, которыя будутъ навѣки стоять несокрушимыми алмазными буквами въ исторіи русской женщины XIX вѣка. Съ самаго-же начала возникновенія женскихъ медицинскихъ курсовъ, моя сестра слѣдила за ними съ горячей симпатіей, радовалась, что на эти курсы пошло множество владимірскихъ курсистокъ, что одна изъ прежнихъ этихъ курсистокъ, Лидія Алексѣевна Родственная, пожертвовала 50.000 рублей на созданіе медицинскихъ курсовъ, и что распорядительницей ихъ поступила одна изъ прежнихъ сотрудницъ и товарокъ ихъ всѣхъ, М. Г. Ермолова.

Во-вторыхъ, владимірскіе публичные курсы не удержались на своемъ новомъ помѣщеніи, на площади Владимірской церкви. Пробывъ тутъ два года, съ 1872 по 1874 годъ, они должны были еще новый разъ перекочевывать—да еще въ какую даль! Опять на Васильевскій островъ. «Въ 1874 году, говоритъ Н. А. Бѣлозерская, публичныя профессорскія лекціи были перенесены изъ Владимірскаго училища въ женскую Василеостровскую гимназію и открыты для однѣхъ женщинъ. Это новое переселеніе лекцій привело къ полному упадку дѣла, какъ со стороны ограниченнаго числа слушательницъ, такъ и матерьяльнаго убытка»...

В. П. Тарновская разсказываетъ это-же событіе нѣсколько подробнѣе, въ своей «Запискѣ»: «По истеченіи двухъ лѣтъ съ открытія Владимірскихъ курсовъ, пришлось разстаться и съ этимъ помѣщеніемъ. Къ счастью, начальникъ женскихъ гимназій, И. Т. Осининъ, изъявилъ согласіе предоставить курсамъ зданіе Василеостровской женской гимназіи, въ вечерніе часы, поставивъ при этомъ условіемъ, чтобы лекціи посѣща-

лись исключительно однѣми женщинами. Это вполнѣ отвѣчало первоначальному плану учредительницъ, и на этотъ разъ согласіе министра народнаго просвѣщенія послѣдовало въ самомъ скоромъ времени. Такимъ образомъ, такъ называемые «Владимірскіе курсы», контингентъ слушателей которыхъ и былъ всегда по преимуществу женскій, утратили окончательно свой смѣшанный характеръ».

Въ замѣчательной рѣчи, произнесенной 22-го сентября 1885 года, профессоромъ А. Н. Бекетовымъ, завѣдывавшимъ тогда высшими женскими курсами,— на торжествѣ открытія и освященія дома для помѣщенія курсовъ, онъ говорилъ: «Публичныя Владимірскія лекціи ясно показали, что существуетъ и потребность, и возможность правильно устроить высшіе научные курсы для женщинъ. Публичныя лекціи 1870—1873 гг., по справедливости, должно разсматривать какъ ядро, изъ котораго развились не только теперь существующіе высшіе курсы, но и врачебные курсы для женщинъ, успѣвшіе въ короткое время дать столько доблестныхъ женщинъ-врачей, ознаменовавшихъ себя какъ на полѣ битвъ, среди походныхъ лазаретовъ, такъ и въ нашихъ селахъ и деревняхъ, гдѣ изъ нашихъ слушательницъ многія съ успѣхомъ занимаютъ мѣста земскихъ врачей»...

Казалось-бы, чего-же лучше? Цѣль была достигнута, женскій элементъ оставался, наконецъ, одинъ налицо, помѣщеніе являлось чѣмъ-то вполнѣ упроченнымъ, профессора университета оставались попрежнему полны самого душевнаго расположенія къ женскимъ курсамъ и продолжали читать свои лекціи съ тѣмъ-же рвеніемъ и любовью, какъ читали-бы ихъ передъ мужскою молодежью въ университетѣ; слушательницы были полны прежней жажды къ серьезной наукѣ и не жалѣли никакихъ трудовъ, никакихъ усилій, чтобы быть достойными той высокой чести и внимательности, съ которыми обращалось къ нимъ высшее ученое наше сосло-

віе. Чего-же еще недоставало? Что мѣшало курсамъ идти попрежнему, бодро, прекрасно, одушевленно? Что повело ихъ такъ неожиданно, такъ внезапно, такъ невообразимо «къ полному упадку?»

Въ находящихся у меня передъ глазами писанныхъ и печатныхъ источникахъ, я встрѣчаю попытки объяснить это тѣмъ или другимъ способомъ, но эти попытки не кажутся мнѣ удовлетворительными.

Въ интересной, уже нѣсколько разъ приведенной мною статьѣ: «Очеркъ исторіи высшаго женскаго образованія въ Россіи», М. Л. Песковскій говоритъ про профессорскіе курсы: «Преподаваніе не могло быть успѣшно, потому что аудиторія была слишкомъ подвижна по составу и крайне разнообразна по уровню развитія и подготовкѣ слушающихъ; преподаватели не имѣли возможности познакомиться съ подготовкою слушательницъ, примѣниться къ ней; между преподавателями и аудиторіей не было и не могло быть живыхъ сношеній, органической связи, а слѣдовательно— не было и живой производительной работы. Дѣятельность Владимірскихъ курсовъ, какъ публичныхъ лекцій, заключалась въ простомъ чтеніи лекцій—и только. Такая постановка не только не удовлетворяла, но прямо тяготила и преподающихъ, и слушающихъ»...

Въ «Отчетѣ общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ», за 1885—1886 гг., было сказано: «Владимірскіе курсы прекратились потому, что опытъ, какъ и слѣдовало ожидать, показалъ, что самая организація ихъ не отвѣчала цѣли, которая имѣлась въ виду. Курсы были публичные, ихъ могли посѣщать и мужчины, и женщины, аудиторіи составлялись въ значительной мѣрѣ совершенно случайно, изъ слушателей не только разныхъ половъ и возрастовъ, но и съ весьма разнообразною подготовкою. Это послѣднее обстоятельство лишало профессоровъ всякой возможности внести въ свои курсы строгую систему, научность и полноту, надо было такъ или иначе приспо-

собляться къ разнородной и притомъ перемѣнной по составу, въ высшей степени подвижной, аудиторіи. Владимірскіе курсы не имѣли ни постояннаго учебнаго плана, ни постояннаго состава профессоровъ, не предъявляли къ своимъ слушателямъ никакихъ опредѣленныхъ требованій относительно предварительной научной подготовки; наконецъ, не назначали никакого срока для слушанія лекцій»...

Въ своей прекрасной «Запискѣ», В. П. Тарновская выражала, приблизительно, эти-же сображенія и замѣчала, въ концѣ: «Съ другой стороны, курсамъ приходилось терпѣть и матеріальную нужду, вслѣдствіе отсутствія правильной организаціи для сбора пожертвованій»...

Конечно, во всѣхъ этихъ замѣткахъ заключается своя доля правды и резонности. Но не всѣ выставленныя здѣсь причины имѣли и могли имѣть такую рѣшающую силу, какая имъ здѣсь приписывается.

Что на Владимірскихъ курсахъ «будутъ присутствовать лица разныхъ половъ и возрастовъ», что «аудиторія будетъ заключать составъ въ значительной мѣрѣ совершенно случайный», что эти лица будутъ имѣть «весьма разнообразную подготовку»,—это была не какая-нибудь новость, неожиданно вдругъ оказавшаяся: все это очень хорошо уже и впередъ знали и предвидѣли наши профессора, составлявшіе программу дѣйствій и занятій этихъ курсовъ,—и однако-же они не находили въ этомъ ничего слишкомъ мѣшающаго, зловреднаго, непреоборимаго. Напротивъ, они всѣ въ одинъ голосъ и какъ одинъ человѣкъ совѣтовали учредительницамъ: принять эту систему и вести курсы по программѣ, нарочно для того ими составленной. Ошибки въ ихъ соображеніи нельзя было ожидать—это были все люди давно опытные и знающіе въ педагогическомъ дѣлѣ, и притомъ сами факты скоро доказали, самымъ неопровержимымъ образомъ, вѣрность ихъ соображеній. Не говоритъ-ли одинъ изъ профессоровъ,

одинъ изъ самыхъ достойнѣйшихъ и заслуженнѣйшихъ передъ лицомъ науки и всей Россіи людей, А. Н. Бекетовъ, что «публичныя лекціи 1870—1873 гг. по справедливости должно разсматривать какъ ядро, изъ котораго развились нетолько теперь существующіе высшіе курсы, но и врачебные курсы для женщинъ?» Если такъ было за первые четыре года существованія публичныхъ Владимірскихъ курсовъ, то отчего-бы точно тому-же самому не быть и впродолженіе многихъ другихъ послѣдующихъ годовъ? Можно было-бы только сказать: «Что-же, дай Богъ этимъ Владимірскимъ, или какимъ инымъ такимъ-же курсамъ— добраго здоровья, счастья и успѣха и впередъ тоже! Чего еще желать лучшаго! Они сдѣлались ядромъ великаго и широкаго дѣла, они были виновниками появленія на свѣтъ множества высоко-замѣчательныхъ, высокодаровитыхъ, высоко-полезныхъ женщинъ (въ томъ числѣ цѣлаго легіона самоотверженныхъ, благородныхъ и глубоко-полезныхъ нашему отечеству женщинъ-врачей)—чего-же еще болѣе, чего съ курсовъ требовать еще лучшаго?»

Намъ говорятъ: «Владимірскіе курсы не предъявляли къ своимъ слушателямъ никакихъ опредѣленныхъ требованій относительно предварительной научной подготовки, не назначили никакого срока для слушанія лекцій». Пусть это было такъ (хотя нельзя быть вполнѣ въ томъ увѣреннымъ: наврядъ цѣлый конклавъ лучшихъ профессоровъ, составлявшихъ программы и уставы, опособенъ былъ допустить въ нихъ такіе недачеты). Но пусть это было такъ; ничуть не трудно было это исправить: сдѣлать и требованія строже и опредѣленнѣе, да и точные сроки курсамъ назначить. Главное-же возраженіе то, что выставленные тутъ неблагопріятные мотивы все-таки не помѣшали *множеству* женщинъ сдѣлаться женщинами замѣчательными въ научномъ отношеніи и принести громадную пользу своему отечеству. Но вдобавокъ ко

всему остальному, нельзя не спросить—вопросъ самъ собою такъ и напрашивается: «Какимъ-же образомъ всѣ эти неблагопріятныя условія и обстоятельства не мѣшали нисколько нашимъ молодымъ женщинамъ отлично идти въ разныхъ иностранныхъ университетахъ, куда онѣ въ это самое почти время поступали массами? Какимъ-же образомъ, эта самая «равносоставность и случайность аудиторіи», эта самая «недостаточная подготовка» не мѣшали, не препятствовали имъ отлично тамъ учиться и глубоконаучно образовываться, а иностраннымъ профессорамъ «вносить въ свои курсы строгую систему, научность и полноту»? Наши истинно достойные, замѣчательнѣйшіе профессора навѣрное ничѣмъ не ниже были тогда—профессоровъ иностранныхъ! Тутъ въ соображеніяхъ и доводахъ оказывается что-нибудь да не такъ.

Наконецъ, намъ еще говорятъ, въ числѣ разныхъ другихъ причинъ, что «преподаваніе на Владимірскихъ курсахъ не могло быть успѣшно также и потому, что между преподавателями и аудиторіей не было и не могло быть живыхъ сношеній, органической связи, а слѣдовательно не было и живой производительной работы». Мнѣ кажется, здѣсь говорится о чемъ-то совершенно фиктивномъ, что̀ очень аппетитно на словахъ, но почти всегда совершенно отсутствуетъ на дѣлѣ. «Живыя сношенія!» «Органическая связь!» Хорошо о нихъ говорить, но когда-же они бываютъ на самомъ дѣлѣ на свѣтѣ? Развѣ это не рѣдкій, не рѣдчайшій случай въ жизни! Случай, на который надо молиться какъ на райскую какую-то птицу, залетную изъ другого міра! Такая связь есть, она бываетъ, но родится и устанавливается она только тогда, когда профессоръ, на придачу къ своему истинному и глубокому знанью, талантливъ и горячъ, когда на придачу къ интересу великаго, истиннаго содержанія, онъ колоритенъ и художественъ, полонъ огня и увлекательности, и способенъ уносить съ собою

[illegible] министерству народ- [illegible]

Въ представленіи своемъ въ государственный совѣтъ, министръ народнаго просвѣщенія говорилъ: «Въ 1872-мъ году, по Высочайшему повелѣнію, было возложено на особую комиссію изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, и главнаго начальника III-го отдѣленія собственной Его императорскаго Величества канцеляріи, обсужденіе вопроса о мѣрахъ, вызываемыхъ постоянно возроставшимъ тогда приливомъ русскихъ женщинъ въ цюрихскій университетъ и тамошній политехническій институтъ, и прискорбными явленіями, совершавшимися въ ихъ средѣ. Эта комиссія признала чрезвычайно важнымъ и существенно необходимымъ учрежденіе въ нашемъ отечествѣ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, со строго опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ, основаннымъ на изученіи историко-филологическихъ предметовъ. Затѣмъ, Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 28-го сентября 1873-го года, образована была, для составленія проекта устава высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, новая комиссія, а 9-го апрѣля 1876-го года Высочайше утверждены, по всеподданнѣйшему докладу моему, предположенія мои о замѣнѣ, до нѣкоторой степени, не состоявшихся у насъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, проектированныхъ названною комиссіею, *высшими женскими курсами* въ университетскихъ городахъ»...

Въ промежуткѣ-же между 1872-мъ и 1876-мъ годами, правительство, въ обращеніи къ учащимся заграницею русскимъ женщинамъ, заявляло обѣщаніе: устроить для нихъ, въ предѣлахъ отечества, учебныя заведенія для высшаго образованія.

Въ Правительственномъ Вѣстникѣ 21-го мая 1873 года было напечатано слѣдующее оффиціальное извѣщеніе касательно русскихъ студентокъ въ Цюрихѣ: „Въ началѣ 60-хъ годовъ нѣсколько русскихъ дѣвушекъ отправились за-границу, для слушанія лекцій въ цюрихскомъ университетѣ. Первоначально число

ихъ оставалось крайне ограниченнымъ, но въ послѣднiе *два* года начало быстро возростать, и въ настоящее время въ цюрихскомъ университетѣ и тамошней политехнической школѣ считается *болѣе ста* русскихъ женщинъ. Между тѣмъ, до правительства начали доходить все болѣе и болѣе неблагопрiятныя о нихъ свѣдѣнiя. Одновременно съ возростанiемъ число русскихъ студентокъ, коноводы русской эмиграцiи избрали этотъ городъ центромъ революцiонной пропаганды и обратили всѣ усилiя на привлеченiе въ свои ряды учащейся молодежи. Подъ ихъ влiянiемъ, научныя занятiя бросались для безплодной политической агитацiи. Въ средѣ русской молодежи обоего пола образовались различныя политическiя партiи самыхъ крайнихъ оттѣнковъ. Славянское социально-демократическое общество, центральный революцiонной славянскiй комитетъ, славянская и русская секцiя интернацiональнаго общества открылись въ Цюрихѣ и считаютъ въ числѣ своихъ членовъ не мало русскихъ молодыхъ людей и женщинъ. Въ русской библiотекѣ, въ которую нѣкоторые наши издатели доставляютъ безплатно свои журналы и газеты, читаются лекцiи, имѣющiя исключительно революцiонный характеръ: „Пугачевскiй бунтъ", „Французская революцiя 1870 года"—вотъ обычныя темы лекторовъ. Посѣщенiе сходокъ рабочихъ сдѣлалось обычнымъ занятiемъ дѣвушекъ, даже такихъ, которыя не понимаютъ понѣмецки и довольствуются изустными переводами своихъ подругъ. Политическая агитацiя увлекаетъ молодыя неопытныя головы и даетъ имъ фальшивое направленiе. Сходки, борьба партiй довершаютъ дѣло и сбиваютъ съ толку дѣвушекъ, которыя искусственное, безплодное волненiе принимаютъ за дѣйствительную жизнь. Вовлеченныя въ политику, дѣвушки подпадаютъ подъ влiянiе вожаковъ эмиграцiи и становятся въ ихъ рукахъ послушными орудiями. Иныя по два, по три раза въ годъ ѣздятъ изъ Цюриха въ

Россію и обратно, перевозятъ письма, порученія, прокламаціи, и принимаютъ живое участіе въ преступной пропагандѣ. Другія увлекаются коммунистическими теоріями свободной любви, и подъ покровомъ фиктивнаго брака доводятъ забвеніе основныхъ началъ нравственности и женскаго цѣломудрія до крайнихъ предѣловъ. Недостойное поведеніе русскихъ женщинъ возбудило противъ нихъ негодованіе мѣстныхъ жителей, и даже квартирныя хозяйки неохотно принимаютъ ихъ къ себѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣвушекъ пали до того, что спеціально изучаютъ ту отрасль акушерскаго искусства, которая во всѣхъ странахъ подвергается и карѣ уголовныхъ законовъ, и презрѣнію честныхъ людей.

«Правительство сознаетъ свою обязанность бороться съ возникающимъ зломъ, и рѣшилось употребить всѣ зависящія отъ него мѣры, впрочемъ, преимущественно предварительныя... (*Далѣе говорилось о существованіи уже у насъ «педагогическихъ женскихъ курсовъ при учебныхъ заведеніяхъ», подвѣдомственныхъ IV отдѣленію Собственной Е. В. Канцеляріи, профессорскихъ курсовъ въ Петербургѣ и Москвѣ, въ объемѣ университетскаго образованія, о предполагаемыхъ акушерскихъ курсахъ при всѣхъ университетахъ, имѣющихъ медицинскій факультетъ, и затѣмъ говорилось*): «Независимо отъ сего, въ настоящее время Высочайше повелѣно представить проектъ учрежденія высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній со строго опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ.

«Такимъ образомъ, создавая и поддерживая учрежденія, удовлетворяющія существующей среди женщинъ потребности въ высшемъ образованіи, правительство дастъ желающимъ полную возможность пріобрѣсти научныя знанія въ предѣлахъ отечества. Но нѣтъ сомнѣнія, что не одна жажда знанія привлекаетъ русскихъ женщинъ въ Цюрихъ. Если западноевропейскія государства, значительно опередившія насъ

въ образованіи, между тѣмъ точно также не допускающія женщинъ въ высшія учебныя заведенія, доставляютъ цюрихскому университету самый ничтожный контингентъ слушательницъ, составляющій въ совокупности менѣе 20-ти процентовъ числа однѣхъ русстудентокъ (число студентокъ изъ Россіи доходитъ до 108-ми, изъ прочихъ-же государствъ Европы не составляетъ и 20-ти), то трудно не придти къ заключенію, что большинство нашихъ юныхъ соотечественницъ поступаетъ въ цюрихскій университетъ подъ вліяніемъ, не имѣющимъ ничего общаго со стремленіемъ къ образованію. Легкомысленная пропаганда нѣкоторой части нашей журналистики, ложное пониманіе назначенія женщины въ обществѣ, увлеченіе модными идеями — всѣ эти причины болѣе или менѣе вліяютъ на громадный, сравнительно, наплывъ русскихъ женщинъ въ Цюрихъ. Коноводы нашей эмиграціи ловко пользуются всѣми обстоятельствами и, увлекая молодыхъ, неопытныхъ дѣвушекъ въ вихрь политической агитаціи, губятъ ихъ безвозвратно. Правительство не можетъ допустить мысли, чтобы 2—3 докторскіе диплома могли искупить зло, происходящее отъ нравственнаго растлѣнія молодого поколѣнія, и потому признаетъ необходимымъ положить конецъ этому ненормальному движенію.

«Вслѣдствіе сего, правительство предупреждаетъ всѣхъ русскихъ женщинъ, посѣщающихъ цюрихскіе университетъ и Политехникумъ, что тѣ изъ нихъ, которыя послѣ 1-го января 1874 года будутъ продолжать слушаніе лекцій въ этихъ заведеніяхъ, по возвращеніи въ Россію не будутъ допускаемы ни къ какимъ занятіямъ, разрѣшеніе или дозволеніе которыхъ зависитъ отъ правительства, а также къ какимъ-бы то ни было экзаменамъ, или въ какое-либо русское учебное заведеніе»...

Вотъ данныя, уже вполнѣ несомнѣнныя и достаточно объясняющія тотъ фактъ, на которомъ мы оста-

новились теперь. Оставляя въ сторонѣ движеніе политическое, не входящее въ рамки нашей задачи, нельзя не констатировать, что отливъ русскихъ женщинъ заграницу былъ въ первой половинѣ 70-хъ годовъ—огроменъ. Самъ «Правительственный Вѣстникъ» называетъ его «громаднымъ», и поэтому Владимірскіе курсы (а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и Аларчинскіе—петербургскіе, и Лубянскіе—московскіе) не могли продолжать своего существованія. Но это—не по причинѣ разношерстности и неподготовленности учащихся, не по недостатку гармоніи и единенія между преподавателями и тѣми, кому они преподавали, а именно только потому, что слишкомъ громадныя массы молодыхъ русскихъ женщинъ покидали, однѣ за другими, толпами, свое отечество, и ѣхали учиться на Западъ, въ Европу. Выгоды переѣзда заграницу были тогда слишкомъ ощутительны для каждаго, самый переѣздъ сдѣлался даже чѣмъ-то вродѣ «моды» и повѣтрія — вотъ всѣ наши молодыя женщины и ѣхали въ Швейцарію, Германію, Францію—болѣе всего въ Швейцарію. Въ «Отчетѣ общества для доставленія средствъ с.-петербургскимъ высшимъ женскимъ курсамъ» за 1885—1886 г. говорится: «Въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ русскія женщины были вынуждены уѣзжать изъ Россіи заграницу, гдѣ женщины пользуются значительною свободою въ пріобрѣтеніи какъ общаго, такъ и спеціальнаго высшаго научнаго образованія *). Въ послѣдніе годы, дѣло высшаго женскаго образованія въ западной Европѣ, не говоря уже объ Америкѣ, получило широкое развитіе. Женщинамъ тамъ нетолько открытъ доступъ во многіе университеты и высшія учебныя заведенія, но и спеціально

*) Вспомнимъ еще разъ указанное выше, въ статьѣ М. Л. Песковскаго, существовавшее одно время у насъ, въ 70-хъ годахъ, цензурованіе профессорскихъ программъ для Владимірскихъ курсовъ вѣдомствомъ III-го отдѣленія—фактъ, совершенно невѣдомый въ западной Европѣ.

для нихъ еще недавно учрежденъ въ Англіи женскій университетъ. Въ Швейцаріи, которую можно считать разсадникомъ высшаго женскаго образованія въ Европѣ, число женщинъ, посѣщающихъ университетскіе курсы, составляетъ 1/10 всѣхъ вообще лицъ, получающихъ университетское образованіе!..»

Устремленіе нашихъ женщинъ заграницу цѣлыми массами для полученія тамъ прочнаго образованія — это былъ фактъ нетолько самъ по себѣ совершенно нормальный, но еще и глубоко коренящійся въ нашей исторіи. Нетолько Петръ I, но даже его предшественники начали посылать русское юношество заграницу, учиться, когда у себя дома нельзя еще этого было дѣлать, когда собственныхъ средствъ на то не хватало. При Петрѣ множество молодыхъ людей, вмѣстѣ со своими родителями, горько жаловались на деспотическую посылку, плакали и ревѣли, а все-таки ѣхали и учились заграницей по цѣлымъ годамъ — и, конечно, не всегда, а часто, это выходило къ лучшему. Въ первой половинѣ прошлаго вѣка, при императрицахъ, эта ѣзда въ иностранные университеты на ученье превратилась даже въ привычку, въ моду, и нетолько люди низшаго и средняго сословія (Ломоносовъ, Третьяковскій и множество другихъ) жадно искали заграничной науки, но и субъекты высшаго сословія тоже, наконецъ, проснулись и сдвинулись съ мѣста, и поѣхали одинъ за другимъ по заграницамъ. Ко времени послѣдней императрицы XVIII вѣка, Екатерины II, уже почти весь ея блестящій антуражъ состоялъ изъ баричей, учившихся кто въ Лейденѣ, кто въ Страсбургѣ, кто въ Геттингенѣ, кто гдѣ, Голицыны, Шуваловы, Воронцовы, Дашковы, Олсуфьевы, Трубецкіе и множество другихъ князей, графовъ и всяческихъ иныхъ титулованныхъ и родовитыхъ личностей проводили свои юношескіе годы въ чужихъ краяхъ и вывозили изъ тамошнихъ университетовъ не только моды, умѣнье держать себя по-барски, les

belles manières и la belle conversation, но иногда также и настоящую образованность и знанія. Въ періодъ отъ Екатерины II до половины царствованія Николая I, вѣра въ иностранные университеты и высокое клеймо, прикладываемое ими къ низкопробному русскому воспитанію,—продолжала царствовать во всей силѣ, и наши научные университеты, художественныя академіи такъ часто и такъ много посылали русской молодежи заграницу, что въ концѣ-концовъ вездѣ твердо вбито было въ голову, какъ гвоздь въ стѣну, несокрушимое мнѣніе, что если хорошенько учиться—то значитъ заграницей, и нигдѣ больше.

Когда-же вдругъ по всей Европѣ пронесся слухъ, что въ швейцарскихъ университетахъ хорошо, что тамъ учиться привольно, что тамъ наука въ почетѣ, и никакимъ кастраціямъ и преслѣдованіямъ не подвергается, что и американки, и самыя нѣмки ѣдутъ теперь учиться въ Швейцарію (хотя далеко не особенно громадными массами),—а вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовался у себя дома великій гнетъ на науку и учащихся, особливо изъ молодыхъ женщинъ, и что особенно въ загонѣ тутъ и презрѣніи у многихъ начальствъ—естественныя науки, къ которымъ всего болѣе въ ту пору именно тянуло нашъ вѣкъ и новыя поколѣнія,—тогда, естественнымъ образомъ, пришлось искать себѣ новыхъ дорогъ. Лежитъ на дорогѣ камень, котораго ни за что не сдвинешь —что̀ тогда дѣлаютъ живыя воды, свѣжія струи и потоки, идущіе съ горъ? Назадъ, наверхъ скалъ и стремнинъ, имъ воротиться уже нельзя, впередъ—загорожена дорога. И тогда ручейки и потоки раздѣляются вдругъ направо и налѣво, весело бѣгутъ мимо неподвижныхъ препятствій, и несутъ свою жизнь, свои сверкающія волны по новымъ бороздкамъ, по новымъ русламъ. Швейцарскіе университеты были такими руслами и бороздками.

Не разъ обвиняли въ тѣ времена русскихъ женщинъ за кажущееся «бѣгство» изъ отечества, за ка-

жущуюся «измѣну» ему. Иные говорили, что это худое и постыдное дѣло, другіе—что это дѣло просто безплодное, не принесшее въ результатѣ никакихъ плодовъ. Въ статьѣ своей М. Л. Песковскій говорилъ, какъ мы выше видѣли, что «во второй половинѣ 60-хъ годовъ, когда замолкла даже въ печати рѣчь о высшемъ женскомъ образованіи, сотни русскихъ женщинъ ежегодно направлялись заграницу въ поискахъ женскаго образованія... Но масса устремившихся заграницу женщинъ, безспорно, выдающихся по уму, характеру и силѣ воли, не попала на торную дорогу высшаго образованія, запутались въ дебряхъ житейскихъ дрязгъ и суеты, и погибла подъ бременемъ обстоятельствъ»...

Съ своей стороны, министръ народнаго просвѣщенія, въ своемъ представленіи 1876 года, говорилъ государственному совѣту, что «отбытіе русскихъ женщинъ заграницу есть явленіе прискорбное», и что при немъ «онѣ не могутъ возвращаться обратно иначе, какъ съ идеями и направленіемъ, несоотвѣтствующими строго нашей жизни», а потому надо заботиться о предотвращеніи такихъ отбытій.

Отчетъ общества для доставленія средствъ с.-петербургскимъ высшимъ женскимъ курсамъ за 1885—1886 года также говорилъ, что «русскія женщины, по невозможности получить образованіе (какъ медицинское, такъ и вообще высшее), вынуждены были, для полученія такого образованія, покидать свою родину. Это было явленіе, глубоко обидное для нашего національнаго чувства и наносящее прямой ущербъ нашимъ семейнымъ, общественнымъ и государственнымъ интересамъ»...

И эти разнообразныя обвиненія были частью справедливы. Что русскія женщины не понапрасну устремлялись заграницу, а тамъ серьезно и много учились, и принесли вмѣстѣ съ собою, назадъ въ наше отечество, плоды глубокой, богатой и великой жатвы—въ

томъ не можетъ быть сомнѣнія. Это доказывается несомнѣннымъ поднятіемъ женскаго уровня вообще, и тѣми крупными научными репутаціями, которыя были завоеваны заграницей нашими женщинами, по различнымъ отраслямъ знанія. Главнѣйшіе примѣры указаны были уже здѣсь выше. Но все-таки остается справедливымъ, что бывали и злоупотребленія, даже крупныя злоупотребленія (гдѣ-же ихъ нѣтъ и не было, въ какой отрасли человѣческой дѣятельности и жизни)? Въ самомъ дѣлѣ, надо признаться, что встрѣчались такіе факты, которые бывали и печальны, и напрасны, и вредны. Но коль скоро они существовали, справедливость требовала смотрѣть на нихъ не какъ на общее правило, а лишь какъ на исключеніе, условленное нашей исторіей и нашими особенными національными обстоятельствами. И тутъ всего лучше было плакаться не на траурные результаты, а на тѣ корни, которые были причиной и исходной точкой траурныхъ результатовъ. Надо было лѣчить самые корни, давать новую дорогу жизненнымъ силамъ. И эту высокую, благодѣтельную роль раздѣлили между собою—министръ и новое русское женское поколѣніе. Это послѣднее оставило пустыми многія мѣста въ русскихъ школахъ и курсахъ, и пошло учиться заграницу, — но учиться строго, дѣльно, серьезно, настойчиво и безпримѣрно-усердно. Министръ-же замѣтилъ, увидалъ и разсмотрѣлъ это зоркимъ, внимательнымъ взглядомъ и сказалъ: «Ну, хорошо, въ такомъ случаѣ, пускай наши женщины учатся и дома, точно такъ-же какъ заграницей». Его уступчивость была съ одной стороны великодушна, съ другой—дальнозорка. Этою уступчивостью онъ помогалъ самымъ глубокимъ народнымъ и государственнымъ интересамъ нашимъ.

И потому, теперь, когда недоразумѣнія и рознь кончились, когда дѣло получило свои настоящія права, когда все пошло по естественному, законному, благодатному руслу, мы можемъ уже безъ всякой вражды

своего слушетеля. Тогда вмѣстѣ съ нимъ сожжены его огнемъ и всѣ присутствующіе, и тутъ-то между ними и имъ устанавливается чудная, непонятная связь, которая уже потомъ на всю жизнь тверда и непотрясаема, и которую весь вѣкъ свой вспоминаютъ, говоря: «Мы тогда въ самомъ дѣлѣ—*жили!*» Но когда-же это бываетъ, когда гдѣ! Не рѣдчайшее-ли это событіе въ жизни школъ и университетовъ? Какъ чего-нибудь подобнаго ожидать всегда и вездѣ, въ каждомъ курсѣ? Конечно, это только праздная идеальность, напрасная фантазія!

И за что станемъ мы обвинять одни только бѣдные Владимірскіе или Василеостровскіе курсы въ отсутствіи того, чего нигдѣ нѣтъ? За что станемъ мы воображать, что это нашъ спеціально недочетъ, когда точь-въ-точь то самое постоянно существуетъ въ каждой школѣ, въ каждомъ университетѣ? Никакой связи, никакихъ дѣйствительно живыхъ сношеній! Но неужели-же эта самая не дающаяся въ руки связь, эти самыя отсутствующія у насъ живыя сношенія съ профессорами какъ разъ существовали во всей силѣ и красѣ только въ тѣхъ чужестранныхъ университетахъ, куда наша женская молодежь устремлялась тогда толпой, гдѣ находила себѣ полное удовлетвореніе и гдѣ курсы и всяческая наука шли какъ по маслу?

Нѣтъ, все это доводы, и выводы, и доказательства, и рѣшенія вопроса—отъ ногъ до головы невѣрные, все это только слова и призраки. Сущность дѣйствительности не сходится съ корнями и причинами дѣла.

Настоящее рѣшеніе мы получимъ тогда, когда оставимъ въ сторонѣ идеи и предположенія, и обратимся къ фактамъ. Они говорятъ совсѣмъ другое. И это факты неопровѣржимые.

Мы ихъ находимъ въ оффиціальномъ источникѣ, въ «Сборникѣ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія» за 70-е годы.

Въ представленіи своемъ въ государственный совѣтъ, министръ народнаго просвѣщенія говорилъ: «Въ 1872-мъ году, по Высочайшему повелѣнію, было возложено на особую комиссію изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, и главнаго начальника III-го отдѣленія собственной Его императорскаго Величества канцеляріи, обсужденіе вопроса о мѣрахъ, вызываемыхъ постоянно возроставшимъ тогда приливомъ русскихъ женщинъ въ цюрихскій университетъ и тамошній политехническій институтъ, и прискорбными явленіями, совершавшимися въ ихъ средѣ. Эта комиссія признала чрезвычайно важнымъ и существенно необходимымъ учрежденіе въ нашемъ отечествѣ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, со строго опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ, основаннымъ на изученіи историко-филологическихъ предметовъ. Затѣмъ, Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 28-го сентября 1873-го года, образована была, для составленія проекта устава высшихъ женскихъ учебныхъ заведѣній, новая комиссія, а 9-го апрѣля 1876-го года Высочайше утверждены, по всеподданнѣйшему докладу моему, предположенія мои о замѣнѣ, до нѣкоторой степени, не состоявшихся у насъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, проектированныхъ названною комиссіею, *высшими женскими курсами* въ университетскихъ городахъ»...

Въ промежуткѣ-же между 1872-мъ и 1876-мъ годами, правительство, въ обращеніи къ учащимся заграницею русскимъ женщинамъ, заявляло обѣщаніе: устроить для нихъ, въ предѣлахъ отечества, учебныя заведенія для высшаго образованія.

Въ Правительственномъ Вѣстникѣ 21-го мая 1873 года было напечатано слѣдующее оффиціальное извѣщеніе касательно русскихъ студентокъ въ Цюрихѣ: „Въ началѣ 60-хъ годовъ нѣсколько русскихъ дѣвушекъ отправились за-границу, для слушанія лекцій въ цюрихскомъ университетѣ. Первоначально число

своего слушетеля. Тогда вмѣстѣ съ нимъ сожжены его огнемъ и всѣ присутствующіе, и тутъ-то между ними и имъ устанавливается чудная, непонятная связь, которая уже потомъ на всю жизнь тверда и непотрясаема, и которую весь вѣкъ свой вспоминаютъ, говоря: «Мы тóгда въ самомъ дѣлѣ—*жили!*» Но когда-же это бываетъ, когда гдѣ! Не рѣдчайшее-ли это событіе въ жизни школъ и университетовъ? Кáкъ чего-нибудь подобнаго ожидать всегда и вездѣ, въ каждомъ курсѣ? Конечно, это только праздная идеальность, напрасная фантазія!

И за что станемъ мы обвинять одни только бѣдные Владимірскіе или Василеостровскіе курсы въ отсутствіи того, чего нигдѣ нѣтъ? За что станемъ мы воображать, что это нашъ спеціально недочетъ, когда точь-въ-точь то самое постоянно существуетъ въ каждой школѣ, въ каждомъ университетѣ? Никакой связи, никакихъ дѣйствительно живыхъ сношеній! Но неужели-же эта самая не дающаяся въ руки связь, эти самыя отсутствующія у насъ живыя сношенія съ профессорами какъ разъ существовали во всей силѣ и красѣ только въ тѣхъ чужестранныхъ университетахъ, куда наша женская молодежь устремлялась тогда толпой, гдѣ находила себѣ полное удовлетвореніе и гдѣ курсы и всяческая наука шли какъ по маслу?

Нѣтъ, все это доводы, и выводы, и доказательства, и рѣшенія вопроса—отъ ногъ до головы невѣрные, все это только слова и призраки. Сущность дѣйствительности не сходится съ корнями и причинами дѣла.

Настоящее рѣшеніе мы получимъ тогда, когда оставимъ въ сторонѣ идеи и предположенія, и обратимся къ фактамъ. Они говорятъ совсѣмъ другое. И это факты неопровѣржимые.

Мы ихъ находимъ въ оффиціальномъ источникѣ, въ «Сборникѣ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія» за 70-е годы.

Россію и обратно, перевозятъ письма́, порученія, прокламаціи, и принимаютъ живое участіе въ преступной пропагандѣ. Другія увлекаются коммунистическими теоріями свободной любви, и подъ покровомъ фиктивнаго брака доводятъ забвеніе основныхъ началъ нравственности и женскаго цѣломудрія до крайнихъ предѣловъ. Недостойное поведеніе русскихъ женщинъ возбудило противъ нихъ негодованіе мѣстныхъ жителей, и даже квартирныя хозяйки неохотно принимаютъ ихъ къ себѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣвушекъ пали до того, что спеціально изучаютъ ту отрасль акушерскаго искусства, которая во всѣхъ странахъ подвергается и карѣ уголовныхъ законовъ, и презрѣнію честныхъ людей.

«Правительство сознаетъ свою обязанность бороться съ возникающимъ зломъ, и рѣшилось употребить всѣ зависящія отъ него мѣры, впрочемъ, преимущественно предварительныя... (*Далѣе говорилось о существованіи уже у насъ «педагогическихъ женскихъ курсовъ при учебныхъ заведеніяхъ», подвѣдомственныхъ IV отдѣленію Собственной Е. В. Канцеляріи, профессорскихъ курсовъ въ Петербургѣ и Москвѣ, въ объемѣ университетскаго образованія, о предполагаемыхъ акушерскихъ курсахъ при всѣхъ университетахъ, имѣющихъ медицинскій факультетъ, и затѣмъ говорилось*): «Независимо отъ сего, въ настоящее время Высочайше повелѣно представить проектъ учрежденія высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній со строго опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ.

«Такимъ образомъ, создавая и поддерживая учрежденія, удовлетворяющія существующей среди женщинъ потребности въ высшемъ образованіи, правительство даетъ желающимъ полную возможность пріобрѣсти научныя знанія въ предѣлахъ отечества. Но нѣтъ сомнѣнія, что не одна жажда знанія привлекаетъ русскихъ женщинъ въ Цюрихъ. Если западноевропейскія государства, значительно опередившія насъ

ихъ оставалось крайне ограниченнымъ, но въ послѣдніе *два* года начало быстро возростать, и въ настоящее время въ цюрихскомъ университетѣ и тамошней политехнической школѣ считается *болѣе ста* русскихъ женщинъ. Между тѣмъ, до правительства начали доходить все болѣе и болѣе неблагопріятныя о нихъ свѣдѣнія. Одновременно съ возростаніемъ число русскихъ студентокъ, коноводы русской эмиграціи избрали этотъ городъ центромъ революціонной процаганды и обратили всѣ усилія на привлеченіе въ свои ряды учащейся молодежи. Подъ ихъ вліяніемъ, научныя занятія бросались для безплодной политической агитаціи. Въ средѣ русской молодежи обоего пола образовались различныя политическія партіи самыхъ крайнихъ оттѣнковъ. Славянское соціально-демократическое общество, центральный революціонной славянскій комитетъ, славянская и русская секція интернаціональнаго общества открылись въ Цюрихѣ и считаютъ въ числѣ своихъ членовъ не мало русскихъ молодыхъ людей и женщинъ. Въ русской библіотекѣ, въ которую нѣкоторые наши издатели доставляютъ безплатно свои журналы и газеты, читаются лекціи, имѣющія исключительно революціонный характеръ: „Пугачевскій бунтъ", „Французская революція 1870 года"—вотъ обычныя темы лекторовъ. Посѣщеніе сходокъ рабочихъ сдѣлалось обычнымъ занятіемъ дѣвушекъ, даже такихъ, которыя не понимаютъ понѣмецки и довольствуются изустными переводами своихъ подругъ. Политическая агитація увлекаетъ молодыя неопытныя головы и даетъ имъ фальшивое направленіе. Сходки, борьба партій довершаютъ дѣло и сбиваютъ съ толку дѣвушекъ, которыя искусственное, безплодное волненіе принимаютъ за дѣйствительную жизнь. Вовлеченныя въ политику, дѣвушки подпадаютъ подъ вліяніе вожаковъ эмиграціи и становятся въ ихъ рукахъ послушными орудіями. Иныя по два, по три раза въ годъ ѣздятъ изъ Цюриха въ

Россію и обратно, перевозятъ письма, порученія, прокламаціи, и принимаютъ живое участіе въ преступной пропагандѣ. Другія увлекаются коммунистическими теоріями свободной любви, и подъ покровомъ фиктивнаго брака доводятъ забвеніе основныхъ началъ нравственности и женскаго цѣломудрія до крайнихъ предѣловъ. Недостойное поведеніе русскихъ женщинъ возбудило противъ нихъ негодованіе мѣстныхъ жителей, и даже квартирныя хозяйки неохотно принимаютъ ихъ къ себѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣвушекъ пали до того, что специально изучаютъ ту отрасль акушерскаго искусства, которая во всѣхъ странахъ подвергается и карѣ уголовныхъ законовъ, и презрѣнію честныхъ людей.

«Правительство сознаетъ свою обязанность бороться съ возникающимъ зломъ, и рѣшилось употребить всѣ зависящія отъ него мѣры, впрочемъ, преимущественно предварительныя... (*Далѣе говорилось о существованіи уже у насъ «педагогическихъ женскихъ курсовъ при учебныхъ заведеніяхъ», подвѣдомственныхъ IV отдѣленію Собственной Е. В. Канцеляріи, профессорскихъ курсовъ въ Петербургѣ и Москвѣ, въ объемѣ университетскаго образованія, о предполагаемыхъ акушерскихъ курсахъ при всѣхъ университетахъ, имѣющихъ медицинскій факультетъ, и затѣмъ говорилось*): «Независимо отъ сего, въ настоящее время Высочайше повелѣно представить проектъ учрежденія высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній со строго опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ.

«Такимъ образомъ, создавая и поддерживая учрежденія, удовлетворяющія существующей среди женщинъ потребности въ высшемъ образованіи, правительство даетъ желающимъ полную возможность пріобрѣсти научныя знанія въ предѣлахъ отечества. Но нѣтъ сомнѣнія, что не одна жажда знанія привлекаетъ русскихъ женщинъ въ Цюрихъ. Если западно-европейскія государства, значительно опередившія насъ

для нихъ еще недавно учрежденъ въ Англіи женскій университетъ. Въ Швейцаріи, которую можно считать разсадникомъ высшаго женскаго образованія въ Европѣ, число женщинъ, посѣщающихъ университетскіе курсы, составляетъ 1/10 всѣхъ вообще лицъ, получающихъ университетское образованіе!..»

Устремленіе нашихъ женщинъ заграницу цѣлыми массами для полученія тамъ прочнаго образованія — это былъ фактъ нетолько самъ по себѣ совершенно нормальный, но еще и глубоко коренящійся въ нашей исторіи. Нетолько Петръ I, но даже его предшественники начали посылать русское юношество заграницу, учиться, когда у себя дома нельзя еще этого было дѣлать, когда собственныхъ средствъ на то не хватало. При Петрѣ множество молодыхъ людей, вмѣстѣ со своими родителями, горько жаловались на деспотическую посылку, плакали и ревѣли, а все-таки ѣхали и учились заграницей по цѣлымъ годамъ — и, конечно, не всегда, а часто, это выходило къ лучшему. Въ первой половинѣ прошлаго вѣка, при императрицахъ, эта ѣзда въ иностранные университеты на ученье превратилась даже въ привычку, въ моду, и нетолько люди низшаго и средняго сословія (Ломоносовъ, Третьяковскій и множество другихъ) жадно искали заграничной науки, но и субъекты высшаго сословія тоже, наконецъ, проснулись и сдвинулись съ мѣста, и поѣхали одинъ за другимъ по заграницамъ. Ко времени послѣдней императрицы XVIII вѣка, Екатерины II, уже почти весь ея блестящій антуражъ состоялъ изъ баричей, учившихся кто въ Лейденѣ, кто въ Страсбургѣ, кто въ Геттингенѣ, кто гдѣ, Голицыны, Шуваловы, Воронцовы, Дашковы, Олсуфьевы, Трубецкіе и множество другихъ князей, графовъ и всяческихъ иныхъ титулованныхъ и родовитыхъ личностей проводили свои юношескіе годы въ чужихъ краяхъ и вывозили изъ тамошнихъ университетовъ не только моды, умѣнье держать себя по-барски, les

belles manières и la belle conversation, но иногда также и настоящую образованность и знанія. Въ періодъ отъ Екатерины II до половины царствованія Николая I, вѣра въ иностранные университеты и высокое клеймо, прикладываемое ими къ низкопробному русскому воспитанію,—продолжала царствовать во всей силѣ, и наши научные университеты, художественныя академіи такъ часто и такъ много посылали русской молодежи заграницу, что въ концѣ-концовъ вездѣ твердо вбито было въ голову, какъ гвоздь въ стѣну, несокрушимое мнѣніе, что если хорошенько учиться—то значитъ заграницей, и нигдѣ больше.

Когда-же вдругъ по всей Европѣ пронесся слухъ, что въ швейцарскихъ университетахъ хорошо, что тамъ учиться привольно, что тамъ наука въ почетѣ, и никакимъ кастраціямъ и преслѣдованіямъ не подвергается, что и американки, и самыя нѣмки ѣдутъ теперь учиться въ Швейцарію (хотя далеко не особенно громадными массами),—а вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовался у себя дома великій гнетъ на науку и учащихся, особливо изъ молодыхъ женщинъ, и что особенно въ загонѣ тутъ и презрѣніи у многихъ начальствъ—естественныя науки, къ которымъ всего болѣе въ ту пору именно тянуло нашъ вѣкъ и новыя поколѣнія,—тогда, естественнымъ образомъ, пришлось искать себѣ новыхъ дорогъ. Лежитъ на дорогѣ камень, котораго ни за что не сдвинешь -что̀ тогда дѣлаютъ живыя воды, свѣжія струи и потоки, идущіе съ горъ? Назадъ, наверхъ скалъ и стремнинъ, имъ воротиться уже нельзя, впередъ—загорожена дорога. И тогда ручейки и потоки раздѣляются вдругъ направо и налѣво, весело бѣгутъ мимо неподвижныхъ препятствій, и несутъ свою жизнь, свои сверкающія волны по новымъ бороздкамъ, по новымъ球 русламъ. Швейцарскіе университеты были такими руслами и бороздками.

Не разъ обвиняли въ тѣ времена русскихъ женщинъ за кажущееся «бѣгство» изъ отечества, за ка-

жущуюся «измѣну» ему. Иные говорили, что это худое и постыдное дѣло, другіе—что это дѣло просто безплодное, не принесшее въ результатѣ никакихъ плодовъ. Въ статьѣ своей М. Л. Песковскій говорилъ, какъ мы выше видѣли, что «во второй половинѣ 60-хъ годовъ, когда замолкла даже въ печати рѣчь о высшемъ женскомъ образованіи, сотни русскихъ женщинъ ежегодно направлялись заграницу въ поискахъ женскаго образованія... Но масса устремившихся заграницу женщинъ, безспорно, выдающихся по уму, характеру и силѣ воли, не попала на торную дорогу высшаго образованія, запутались въ дебряхъ житейскихъ дрязгъ и суеты, и погибла подъ бременемъ обстоятельствъ»...

Съ своей стороны, министръ народнаго просвѣщенія, въ своемъ представленіи 1876 года, говорилъ государственному совѣту, что «отбытіе русскихъ женщинъ заграницу есть явленіе прискорбное», и что при немъ «онѣ не могутъ возвращаться обратно иначе, какъ съ идеями и направленіемъ, несоотвѣтствующими строго нашей жизни», а потому надо заботиться о предотвращеніи такихъ отбытій.

Отчетъ общества для доставленія средствъ с.-петербургскимъ высшимъ женскимъ курсамъ за 1885—1886 года также говорилъ, что «русскія женщины, по невозможности получить образованіе (какъ медицинское, такъ и вообще высшее), вынуждены были, для полученія такого образованія, покидать свою родину. Это было явленіе, глубоко обидное для нашего національнаго чувства и наносящее прямой ущербъ нашимъ семейнымъ, общественнымъ и государственнымъ интересамъ»...

И эти разнообразныя обвиненія были частью справедливы. Что русскія женщины не понапрасну устремлялись заграницу, а тамъ серьезно и много учились, и принесли вмѣстѣ съ собою, назадъ въ наше отечество, плоды глубокой, богатой и великой жатвы—въ

томъ не можетъ быть сомнѣнія. Это доказывается несомнѣннымъ поднятіемъ женскаго уровня вообще, и тѣми крупными научными репутаціями, которыя были завоеваны заграницей нашими женщинами, по различнымъ отраслямъ знанія. Главнѣйшіе примѣры указаны были уже здѣсь выше. Но все-таки остается справедливымъ, что бывали и злоупотребленія, даже крупныя злоупотребленія (гдѣ-же ихъ нѣтъ и не было, въ какой отрасли человѣческой дѣятельности и жизни)? Въ самомъ дѣлѣ, надо признаться, что встрѣчались такіе факты, которые бывали и печальны, и напрасны, и вредны. Но коль скоро они существовали, справедливость требовала смотрѣть на нихъ не какъ на общее правило, а лишь какъ на исключеніе, условленное нашей исторіей и нашими особенными національными обстоятельствами. И тутъ всего лучше было плакаться не на траурные результаты, а на тѣ корни, которые были причиной и исходной точкой траурныхъ результатовъ. Надо было лѣчить самые корни, давать новую дорогу жизненнымъ силамъ. И эту высокую, благодѣтельную роль раздѣлили между собою—министръ и новое русское женское поколѣніе. Это послѣднее оставило пустыми многія мѣста въ русскихъ школахъ и курсахъ, и пошло учиться заграницу, — но учиться строго, дѣльно, серьезно, настойчиво и безпримѣрно-усердно. Министръ-же замѣтилъ, увидалъ и разсмотрѣлъ это зоркимъ, внимательнымъ взглядомъ и сказалъ: «Ну, хорошо, въ такомъ случаѣ, пускай наши женщины учатся и дома, точно такъ-же какъ заграницей». Его уступчивость была съ одной стороны великодушна, съ другой—дальнозорка. Этою уступчивостью онъ помогалъ самымъ глубокимъ народнымъ и государственнымъ интересамъ нашимъ.

И потому, теперь, когда недоразумѣнія и рознь кончились, когда дѣло получило свои настоящія права, когда все пошло по естественному, законному, благодатному руслу, мы можемъ уже безъ всякой вражды

и гнѣва смотрѣть на выселеніе цѣлыхъ массъ русскихъ женщинъ изъ Россіи заграницу, въ иностранные университеты. Это было явленіе лишь временное. Оно было печально, но необходимо и неизбѣжно. Оно было въ высокой степени благодѣтельно и благопріятно для сущности дѣла. Не будь громаднаго, поразительнаго отлива русской женской молодежи заграницу, никогда-бы—или, по крайней мѣрѣ, очень-очень долго не было-бы въ Россіи «высшихъ женскихъ курсовъ» и «высшаго женскаго образованія».

Какъ сказано въ Библіи — «изъ горькаго изыде сладкое».

Всего этого не знала и, конечно, никогда-бы не могла отгадать моя сестра. Доходившія до нея, заграницу, свѣдѣнія о томъ, что и какъ у насъ идетъ, были малы и рѣдки, въ высшей степени недостаточны. И вдругъ, въ 1875 году она узнаетъ, что «кружокъ лицъ, стоявшихъ близко къ дѣлу Владимірскихъ курсовъ, пришелъ къ сознанію, что они не удовлетворяютъ требованіямъ, и потому прогрессировать не могутъ; убѣдившись въ то-же время, на опытѣ, что существуетъ и потребность, и возможность правильно организовать высшіе научные женскіе курсы, этимъ кружкомъ рѣшено было временно пріостановить чтеніе лекцій, впредь до болѣе благопріятнаго времени и выработки плана новой постановки дѣла». Какой это былъ ужасный ударъ для нея! Любимое ея дѣтище—пало, всѣ прежнія, общія усилія—пошли прахомъ! Одна какая-то смутная надежда на неопредѣленное, далекое будущее, всего одна маленькая крошечная свѣтлая звѣздочка на горизонтѣ—въ утѣшеніе за утрату, кажется невозвратную, невознаградимую! Каково было ей это видѣть, сознавать, переносить. Само собою разумѣется, она должна была думать, что причины были не внѣшнія, принудительныя, а зависѣли отъ недостаточно прочной организаціи, отъ недостаточно энергической дѣятельности дѣйствующаго персонала. Но это

было совершенно невѣрно —это скоро потомъ доказали обстоятельства. Кто глубоко потрясенъ печальнымъ исходомъ сильно любимаго дѣла, да еще дѣла, связаннаго со всѣми корнями жизни, всегда наклоненъ быть слишкомъ быстръ и скороспѣлъ въ приговорѣ своемъ, иногда бываетъ даже неправъ. Такъ было на этотъ разъ и съ моей сестрой. Она горько тосковала о прекращеніи Владимірскихъ курсовъ, а тосковать — не надо было. Она думала, что все пропало, а на дѣлѣ—ничего не пропало.

Еще новый разъ оправдывались слова Льва Толстого: «Мы думаемъ, что какъ насъ выкинетъ изъ привычной дорожки, все пропало; а тутъ только начинается новое, хорошее. Пока есть жизнь, есть и счастье. Впереди много, много».

Еслибъ только она знала эти великія слова во́-время, въ минуты своихъ бѣдъ и отчаяній!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Разрѣшеніе высшихъ женскихъ курсовъ.—Устройство ихъ.

XIX.

Высочайшее повелѣніе 9-го апрѣля 1876 года, которымъ предоставлялось министру народнаго просвѣщенія открывать высшіе женскіе курсы въ университетскихъ городахъ, при содѣйствіи профессоровъ университетовъ,—было самымъ рѣшительнымъ шагомъ въ дѣлѣ русскаго женскаго образованія. Почти все совершавшееся до того времени въ этой области, имѣло характеръ опыта, пробы, являлось приготовительною ступенью, носило характеръ чего-то несовершеннаго и недоконченнаго. Даже такое важное явленіе въ исторіи нашего женскаго образованія, какъ учрежденіе, съ 1-го ноября 1872 года, Высшихъ женскихъ курсовъ профессора Герье, въ Москвѣ, носило на себѣ отчасти этотъ-же характеръ. Эти курсы, по времени *первые* изъ всѣхъ, были, по первоначальной просьбѣ самого-же учредителя, профессора Герье, учреждены *въ видѣ опыта*, всего только на четыре года, имѣли отчасти большой и заслуженный успѣхъ, потому-что существовали при московскомъ университетѣ, состояли подъ ближайшимъ руководствомъ такого опытнаго педагога и многозаслуженнаго профессора, какъ профессоръ Герье, и пользовались дѣятельнымъ участіемъ многихъ знаменитѣйшихъ москов-

скихъ профессоровъ,—и, тѣмъ не менѣе, эти курсы далеко не имѣли такого значенія, распространенія и вліянія, какое имѣли впослѣдствіи петербургскіе Высшіе женскіе курсы.

Въ «Замѣткѣ о Высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ» (см. журналъ «Женское Образованіе», 1878, мартъ, стр. 270), мы читаемъ: «За преподаваніе на курсахъ взялись профессора московскаго университета; лекціи свои они *до извѣстной степени* сообразовали съ уровнемъ развитія дѣвушекъ, окончившихъ среднеучебное заведеніе». Въ отчетѣ Общества для доставленія средствъ с.-петербургскимъ высшимъ женскимъ курсамъ за 1885—6 г., мы читаемъ (стр. 5—6): «Программа преподаванія на московскихъ женскихъ курсахъ была первоначально разсчитана на двухъ-лѣтній срокъ, и на первый планъ въ ней были выдвинуты предметы словесно-историческіе, а математическія и естественно-историческія науки были введены *только для желающихъ*, и притомъ, сравнительно, *въ незначительномъ объемѣ, при элементарномъ характерѣ изложенія*. Съ 1879 — 80 учебнаго года преподаваніе физико-математическихъ наукъ и гигіены на курсахъ профессора Герье, какъ видно изъ отчетовъ, прекратилось, и они окончательно спеціализировались въ высшее учебное заведеніе съ характеромъ словесно-историческаго факультета».

Въ своемъ «Очеркѣ», М. Л. Песковскій говоритъ: «Московскіе и казанскіе курсы не вполнѣ соотвѣтствуютъ историко-филологическому факультету университета, какъ по сроку ученія, такъ и по составу предметовъ; преобладаніе въ нихъ исторической спеціальности съуживаетъ общеобразовательное значеніе курсовъ, а ограниченность учебнаго срока если и не низводитъ высшее образованіе на степень *полуобразованія*, то, во всякомъ случаѣ, дѣлаетъ его отрывочнымъ, недостаточно-законченнымъ... Послѣ перваго выпуска изъ казанскихъ курсовъ, въ 1878 г., совѣтъ

преподавателей (профессоровъ казанскаго университета) категорически высказался за необходимость придать «факультетскій характеръ» казанскимъ курсамъ»... («Наблюдатель», 1882, V, стр. 172—3). Наконецъ, въ приведенномъ уже выше «Отчетѣ Общества доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ» за 1885—6 гг. (стр. 10) сказано: «Не умаляя достоинства другихъ высшихъ женскихъ курсовъ (московскихъ, казанскихъ, кіевскихъ), невозможно не признать, что въ матеріальномъ отношеніи с.-петербургскіе курсы (возникшіе послѣ трехъ лѣтъ) обставлены несравненно прочнѣе и шире, нежели другія подобныя учрежденія». Громадная сила сочувствія къ нимъ, съ перваго-же момента ихъ существованія, проявилась какъ со стороны всей нашей женской молодежи, тотчасъ-же устремившейся въ Петербургъ, ради нихъ, со всѣхъ пунктовъ Россіи, такъ и со стороны уже взрослыхъ поколѣній, выражавшихъ къ нимъ такія горячія симпатіи и жертвовавшихъ такія большія, многочисленныя суммы на ихъ поддержаніе и ростъ, какихъ не было въ пользу ни однихъ изъ другихъ высшихъ женскихъ курсовъ».

Въ своемъ «Очеркѣ» М. Л. Песковскій говоритъ также: «Горько бѣдствуютъ кіевскіе и казанскіе курсы во все время ихъ существованія. Кіевскимъ курсамъ (основаннымъ въ 1878 году), оказана была небольшая матеріальная поддержка бессарабскимъ и черниговскимъ земствами; казанскіе (основанные два года раньше, въ 1876 году), не имѣютъ никакой посторонней матеріальной помощи. Въ Кіевѣ, по крайней мѣрѣ, оказалось возможнымъ учредить попечительство, или общество для доставленія средствъ слушательницамъ курсовъ, въ Казани-же до такой степени неразвита общественная жизнь, что почти вовсе невозможно вызвать пожертвованія со стороны въ пользу курсовъ, невозможно сплотить около ихъ кружокъ жертвователей, которые заботились-бы о ма-

теріальной сторонѣ курсовъ, о доставленіи средствъ. Здѣсь профессора университета являются и преподавателями, и администраторами курсовъ, и исключительными жертвователями. Очень часто и очень многіе преподаватели отказываются отъ вознагражденія въ пользу недостатоснымъ слушательницъ. Наконецъ, необходимо замѣтить, что, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціальныхъ городахъ, мѣстное городское управленіе проявляло позорнѣйшее равнодушіе къ положенію о нуждахъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній во все время ихъ существованія. Нѣкоторое исключеніе представляетъ петербургское город ское управленіе, да и то лишь въ самое недавнее время». («Наблюдатель», 1882, іюнь, стр. 118).

О дѣятельности и участіи петербургского городскаго управленія по этой части будетъ еще говорено ниже.

По первоначальной мысли коммиссіи 1873-го года, составлявшей проектъ устава высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, высшіе женскіе курсы въ Россіи должны были имѣть совершенно другой характеръ, чѣмъ какой они впослѣдствіи получили въ дѣйствительности. Этотъ проектъ подвергся, весь, отъ начала и до конца, самой коренной критикѣ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, главноуправляющаго IV-мъ отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи. Въ своемъ отзывѣ онъ говорилъ, что «комиссія задавалась въ своемъ проектѣ исключительно педагогическими цѣлями и упустила изъ виду, что въ большинствѣ случаевъ не желаніе *приготовляться въ учительницы* влечетъ нашихъ женщинъ за-границу, въ высшія женскія учебныя заведенія, а желаніе *основательно изучить какую нибудь отрасль наукъ*, подъ руководствомъ опытныхъ профессоровъ, чтобъ прилагать впослѣдствіи къ практикѣ пріобрѣтенныя познанія (какъ напримѣръ, при изученіи наукъ медицинскихъ), — или-же вообще *докончить свое образо-*

ваніе болѣе глубокимъ изученіемъ предметовъ, съ которыми онѣ уже имѣли возможность, въ сжатомъ видѣ, познакомиться въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ»; далѣе, «нельзя ожидать, что въ возрастѣ отъ 17 до 20 лѣтъ и старше, трехгодичныя занятія *латинскимъ языкомъ* будутъ имѣть вполнѣ образовательное значеніе для послѣдующей дѣятельности учениць; спеціальное-же изученіе ими одного изъ двухъ новѣйшихъ языковъ, французскаго или нѣмецкаго, исторіи или отечественнаго языка со словесностью, не удовлетворяло-бы ни научнымъ, ни практическимъ потребностямъ учащихся, такъ-какъ, въ большинствѣ случаевъ, отъ учительницъ и воспитательницъ, приглашаемыхъ для занятій въ частные дома, требуютъ свѣдѣній не по одной лишь изъ названныхъ спеціальностей, а вообще по предметамъ общеобразовательнаго курса».

Вслѣдъ затѣмъ, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій не одобрялъ также и мысли устроить всего только *два* высшія женскія училища въ Россіи (одно въ Петербургѣ, другое въ Москвѣ). «Было-бы нежелательно, говорилъ онъ, чтобы изъ провинцій съѣзжалось слишкомъ много дѣвушекъ въ Петербургъ, какъ по причинѣ возникающихъ при этомъ матерьяльныхъ затрудненій для недостаточнаго класса общества (къ которому попреимуществу принадлежатъ лица, избирающія себѣ педагогическую дѣятельность), такъ и потому, что дѣвицы, разъ привыкнувъ къ столичной жизни, затѣмъ неохотно будутъ мѣнять ее на жизнь въ провинціи. Въ хорошо приготовленныхъ воспитательницахъ нуждается вся Россія. Желательно потому, чтобы нетолько столицамъ, но и губернскимъ городамъ дана была возможность удовлетворить стремленіямъ бѣдныхъ молодыхъ дѣвицъ, по части приготовленія къ педагогической дѣятельности». Въ заключеніе, принцъ предлагалъ свои мѣры для усовершенствованія образованія тѣхъ молодыхъ женщинъ, ко-

торыя предназначали себя для педагогической карьеры. «А чтобы, помимо педагогическихъ цѣлей, говорилъ онъ, дать нашей женщинѣ возможность удовлетворить стремленію къ высшему образованію, по всѣмъ отраслямъ университетскихъ наукъ, слѣдовало-бы въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть университеты, лицеи и вообще достаточный ученый персоналъ, учреждать профессорскіе курсы или лекціи для женщинъ».

Эти широкія, свѣтлыя и гуманныя мысли шли совершенно въ разрѣзъ съ тѣмъ, что въ тѣ времена по преимуществу исповѣдывалось какъ непреложный законъ и правило дѣятельности въ главныхъ нашихъ правительственныхъ сферахъ. Но со стороны принца Ольденбургскаго тутъ проявлялся на свѣтъ первый опытъ рѣшительнаго возстанія противъ общепринятыхъ въ то время банальныхъ предразсудковъ и общеупотребительныхъ трусливыхъ опасеній. Въ 1872 году были разрѣшены женскіе медицинскіе курсы при петербургской медико-хирургической академіи, но, точь-въ-точь какъ было съ курсами Герье, этимъ курсамъ было подброшено подъ ноги нѣтколько увѣсистыхъ бревенъ. Во-первыхъ, они были разрѣшены тоже только «въ видѣ опыта», всего на 4 года, заглавіе имъ было дано: «курсы для образованія ученыхъ акушерокъ», и могли они существовать, въ матеріальномъ отношеніи, только потому, что Л. Н. Родственная пожертвовала на нихъ капиталъ въ 50,000 рублей. Главное-же, согласно «временному положенію» объ этихъ курсахъ, медицинскіе предметы предполагалось преподавать тутъ въ очень ограниченномъ объемѣ. На это, конечно, не согласились люди образованные, люди науки — профессора медицинской академіи, читавшіе лекціи на новыхъ странныхъ курсахъ: они мало-по-малу стали читать настоящія лекціи, по полной научной программѣ, какъ для студентовъ. Они и сами чувствовали въ томъ собственную внутреннюю потребность, да и слушатель-

ницы ихъ рвались, къ настоящей, полной наукѣ,
такимъ жаромъ и самоотверженіемъ, съ такимъ
кренннимъ прилежаніемъ и упорнымъ трудомъ,
благороднымъ, честнымъ людямъ науки не оставал
ничего другого, какъ дѣлать такъ, какъ они нача
дѣлать. Но осуществленіе клинической практики встр
чало, по существующимъ порядкамъ, громадное пр
пятствіе для женщинъ. Кто-же тогда первый прише
имъ на помощь? Тотъ-же принцъ П. Г. Ольденбу
скій ·Сначала, онъ далъ медицинскимъ курсисткамъ д
ступъ въ дѣтскую больницу, носившую его имя
состоявшую подъ его вѣдѣніемъ. Вскорѣ потомъ, др
гой высокопросвѣщенный и великодушный русск
человѣкъ, военный министръ Д. А. Милютинъ, за н
сколько лѣтъ передъ тѣмъ пожелавшій дать прію
въ домѣ медико-хирургической академіи первымъ же
скимъ курсамъ, не находившимъ себѣ нигдѣ ни помо
ни помѣщенія, позволилъ устроить, для курсисток
пропедевтическую клиннику внутреннихъ болѣзней
Николаевскомъ военномъ госпиталѣ. Ужѣ послѣ то
разрѣшено было медицинскимъ курсисткамъ изуча
сифилитическія и накожныя болѣзни въ Калинки
ской больницѣ, а въ 1876 году, съ начала учебна
года, лекціи и занятія медицинскихъ курсисто
окончательно перенесены въ Николаевскій военн
госпиталь.

Не буду подводить итога чудной и свѣтлой дѣ
тельности графа Д. А. Милютина—для славы и чес
нашего отечества онъ еще живъ, но относитель
принца П. Г. Ольденбургскаго приму на себя см
лость сказать, что, по моему мнѣнію, тѣ глубоко-пр
дивыя и благодѣтельныя мысли, которыя онъ выск
залъ по поводу созданія у насъ высшихъ женски
курсовъ, должны считаться однимъ изъ главны
правъ принца Ольденбургскаго на вѣчную призн
тельность и безпредѣльную симпатію всѣхъ будущи
русскихъ поколѣній. Ему уже и теперь воздвигну

въ Петербургѣ памятникъ. Но онъ посвященъ только воспоминанію о его трудахъ и усиліяхъ помочь немощамъ и страданіямъ человѣчества въ его физической жизни: памятникъ поставленъ предъ фасадомъ Маріинской больницы, и это вполнѣ справедливо и законно. Тоже и на этомъ поприщѣ принцемъ Ольденбургскимъ сдѣлано много чудеснаго, превосходнаго, симпатичнаго и незабвеннаго. Но мнѣ кажется, долженъ однажды прійти и тотъ день, когда будетъ поставленъ народный монументъ принцу Ольденбургскому на память о его несравненной великодушной помощи дѣлу возвышенія и расширенія интеллекта русской женщины.

Совѣтъ насчетъ женскихъ высшихъ курсовъ, поданный принцемъ Ольденбургскимъ министру народнаго просвѣщенія, былъ, по счастью, принятъ этимъ послѣднимъ, вопреки мнѣнію коммиссіи, предварительно разсматривавшей этотъ вопросъ. По счастью, также и этотъ совѣтъ принца Ольденбургскаго былъ одинаково принятъ и утвержденъ императоромъ Александромъ II, и такимъ образомъ, съ 9-го апрѣля 1876 г., участь высшаго женскаго образованія въ Россіи была навсегда рѣшена въ самой благопріятной и разумной формѣ. Нужды нѣтъ, что на первыхъ порахъ курсы эти должны были терпѣть разныя ограниченія, иногда мелкія, но въ иныхъ случаяхъ и очень крупныя. Такъ напримѣръ, курсы должны были носить характеръ непремѣнно *частный*, такъ-что имъ было предписано называться: «курсы учрежденные въ такомъ то городѣ такимъ-то лицомъ», и было воспрещено прибавлять къ этому названію слова: «учрежденные при такомъ-то Императорскомъ университетѣ». Съ другой-же стороны, еще ранѣе открытія с.-петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, министръ народнаго просвѣщенія заявилъ, 13-го марта 1878 года, что «онъ не признаетъ возможнымъ удовлетворить ходатайство учредителя петербургскихъ женскихъ курсовъ о пре-

доставленіи слушательницамъ курсовъ, по окончаніи ими тамъ образованія, права преподавать во всѣхъ классахъ женскихъ гимназій, лишь за одно успѣшное прослушаніе курсовъ», и что «право это могло-бы быть пріобрѣтаемо женщинами наравнѣ съ лицами, ищущими званія учителей среднихъ учебныхъ заведеній, по особому испытанію въ университетѣ, причемъ экзаменующіяся подвергались-бы, во всякомъ случаѣ, полному испытанію и высшіе женскіе курсы моглибы служить хорошимъ къ сему подспорьемъ». Изъ всего преведеннаго здѣсь ясно, какъ мало еще возлагалось надежды на высшіе женскіе курсы, какъ мало еще довѣряли и ихъ ученію, и знанію, и ихъ экзаменамъ, и какъ много за нихъ и отъ нихъ всего боялись. Ясно, что курсы всетаки продолжали считаться чѣмъ-то очень еще далекимъ отъ настоящаго женскаго университета, и скорѣе всего приравнивались къ *среднимъ* учебнымъ заведеніямъ, только нѣсколько иного вида и на нѣсколько процентовъ повыше. Но нужды нѣтъ, что имъ не давали никакихъ особыхъ правъ и преимуществъ, что имъ не предоставлялось выдавать никакихъ дипломовъ,—нужды нѣтъ! Главный крупный шагъ всетаки былъ сдѣланъ, и теперь все остальное, все дальнѣйшее должно было зависѣть отъ самихъ курсовъ, ихъ зачинателей и руководителей, отъ ихъ духа, состава, дѣятельности.

Почти тотчасъ послѣ появленія Высочайшаго повелѣнія 9-го апрѣля 1877 года, началось необыкновенное оживленіе во всѣхъ русскихъ интеллигентныхъ центрахъ, вездѣ тамъ, гдѣ горячо тлѣла мысль о высшемъ женскомъ образованіи. Кромѣ Москвы,—Казань и Кіевъ тотчасъ отозвались и обратились къ министру народнаго просвѣщенія, прося позволить имъ немедленно-же открыть у себя женскіе курсы. Петербургъ, конечно, тоже встрепенулся. Послѣ закрытія профессорскихъ курсовъ, сначала Владимірскихъ, а потомъ Василеостровскихъ, петербургскіе курсы были въ без-

дѣйствіи болѣе года: съ мая 1877 года по сентябрь 1878 г. Главныя дѣятельницы, первоначальныя учредительницы, пріостановились-было на время и ожидали болѣе благопріятнаго времени. Теперь это благопріятное время наступило. И переселеніе русскихъ женщинъ заграницу значительно сократилось, и женскимъ курсамъ позволено было быть полнѣе, обширнѣе, получать болѣе научное значеніе, и, въ томъ числѣ это было позволено даже естественно-историческимъ наукамъ. Всѣ прежнія устроительницы и дѣятельницы опять съ разныхъ концовъ устремились къ своему любезному, никогда незабываемому милому дѣтищу, попрежнему оставили въ сторонѣ часть своего личнаго дѣла, и принялись опять за работу на пользу общему дѣлу, на пользу русскому обществу и русскому народу. Всѣ эти женщины все еще были полны того великаго, могучаго духа, который наполнялъ ихъ, когда онѣ впервые сошлись и сплотились вмѣстѣ еще въ 60-хъ годахъ.

Въ это самое время случай сдѣлалъ то, что и моя сестра, изъ-за границы (гдѣ семейныя обстоятельства не требовали долѣе ея присутствія) должна была вернуться на родину и уже навсегда, послѣ 5½ лѣтъ отсутствія. Еще осенью 1877 года пріѣзжала она на короткое время въ Петербургъ и видѣла, съ великою радостью, какое снова началось у насъ движеніе въ пользу женскихъ курсовъ. То, къ чему онѣ всѣ вмѣстѣ такъ дружно начали стремиться еще 10 лѣтъ тому назадъ, то, что встрѣчало все это время, каждую минуту, на каждомъ шагу, все только новыя препятствія, теперь вдругъ подвинулось впередъ; въ воздухѣ запахло осуществленіемъ. Уже и самое дѣло разрослось и раздвинулось, уже повсюду оно пріобрѣтало у насъ громадный авторитетъ, уже въ него всѣ привыкали вѣрить, видя, впродолженіе многихъ лѣтъ, несокрушимую женскую настойчивость и массу дѣйствительной, животворной пользы, принесенной въ

русскій міръ этими женщинами: онѣ стали сначала непобѣдимы, а потомъ превратились въ побѣдоносныхъ; наконецъ, и самая масса русскихъ женщинъ, стремящихся къ свѣту, все только росла, вмѣсто того чтобъ хилѣть и мельчать. Какой восторгъ, какое счастье! И вотъ, пріѣхавъ въ Петербургъ въ концѣ мая 1878 г., моя сестра попала въ самый развалъ движенія. Только-что поставивъ ногу въ Петербургъ, она тотчасъ подхватила тяжкія носилки, въ которыхъ уже шли прежнія ея товарки, подставила тоже и свое плечо — и дѣло стало у нихъ сильными шагами впередъ двигаться. «Съ прекращеніемъ публичныхъ лекцій (Владимірскихъ и Василеостровскихъ), говоритъ въ своей «Запискѣ» В. П. Тарновская, не умерла идея, во имя которой онѣ были задуманы. Энергія лицъ, стремившихся къ практическому осуществленію ея, возростала пропорціонально, такъ сказать, встрѣчавшимся препятствіямъ».

Въ эти минуты, среди всѣхъ женщинъ-товарищей самую сильную инициативу проявила А. П. Философова. Она, горячая дѣятельница женскаго дѣла, еще съ начала 60-хъ годовъ бодро и энергично дѣйствовавшая, иногда наравнѣ съ другими, иногда во главѣ другихъ, какъ предсѣдательница и въ Обществѣ дешевыхъ квртиръ, и въ воскресныхъ школахъ, и въ Обществѣ переводчицъ, болѣе всѣхъ остальныхъ стояла теперь на томъ, что надо, надо и надо, пора и пора снова приняться за устройство высшихъ женскихъ курсовъ, выдвинутое на первый планъ, впервые, еще Е. И. Конради, и что теперь этому самое время. Конечно, она видѣла вокругъ себя самыхъ преданныхъ дѣлу помощницъ, самыхъ одушевленныхъ и интеллигентныхъ русскихъ женщинъ, но другія не имѣли такой возможности дѣйствовать и вести къ осуществленію дорогое дѣло, какъ она. У ней, напротивъ, были всѣ нужные элементы дѣйствія въ рукахъ: бодрость, рѣшимость, способность инициативы, большія

знакомства и связи въ высшемъ свѣтѣ и въ кругу многихъ правительственныхъ лицъ. Наконецъ, у ней была великая способность умѣло, ловко и изящно пользоваться всѣми этими средствами. И скоро она достигла своей цѣли. Было дано разрѣшеніе на учрежденіе высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ.

«Дѣятельность лицъ, взявшихся за организацію высшихъ женскихъ курсовъ Петербургѣ, говоритъ профессоръ А. Н. Бекетовъ въ своей рѣчи 22 сентября 1885 года, возобновилась составленіемъ полнаго плана преподаванія, выработаннаго профессорами университета. Планъ этотъ и самый проектъ курсовъ былъ представленъ на разсмотрѣніе и утвержденіе министра народнаго просвѣщенія, гр. Д. А. Толстаго. Графъ, уже оказавшій поддержку публичнымъ (профессорскимъ) лекціямъ, разрѣшилъ и устройство курсовъ, но съ тѣмъ, чтобы они были учреждены на имя одного изъ профессоровъ. При этомъ онъ самъ указалъ на профессора К. Н. Бестужева-Рюмина».

Для занятія этого мѣста «учредители курсовъ» имѣлось тогда въ виду три профессора петербургскаго университета: А. Н. Бекетовъ, А. М. Бутлеровъ и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Изъ нихъ А. Н. Бекетовъ былъ признанъ неподходящимъ къ этому дѣлу въ настоящую минуту, потому-что состоялъ ректоромъ петербургскаго университета и былъ поглощенъ сложною и многостороннею дѣятельностью; А. М. Бутлеровъ самъ отказался,—и потому выборъ министра остановился на третьемъ кандидатѣ, К. Н. Бестужевѣ-Рюминѣ.

Замѣтимъ, что высшіе женскіе курсы были разрѣшены графомъ Толстымъ, но представленный проэктъ устава ихъ никакого разрѣшенія не получилъ, и курсы оставались безъ устава до 1889 года, т.-е. втеченіе цѣлыхъ 11-ти лѣтъ.

Не странное-ли это было дѣло: никакое новое учрежденіе, даже самое малѣйшее, никогда не об-

ходится у насъ безъ устава: уставъ требуется непремѣнно, и дается съ великою готовностью, раньше, чѣмъ этому учрежденію начать дѣйствовать. А высшіе женскіе курсы, это учрежденіе, исторически-важное, имѣющее значеніе глубоко-государственное, остается 11 лѣтъ безъ устава и существуетъ (относительно внѣшней формы) словно на воздухѣ!

Вмѣсто *устава курсамъ*, было сочинено и утверждено два совершенно другихъ документа, которые должны были какъ бы сторонкой замѣнить его. Это были: «*Уставъ общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ*» и «*Правила для слушательницъ с.-петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ*». «Уставъ» этотъ былъ утвержденъ министомъ внутреннихъ дѣлъ,—«Правила»—составлены педагогическимъ совѣтомъ курсовъ, на основаніи предписанія попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа. Познакомимся съ ихъ главнѣйшими пунктами.

Съ сентября 1871 года, т.-е. съ первыхъ мѣсяцевъ по открытіи Владимірскихъ курсовъ и по 1 мая 1877 года—время закрытія Василеостровскихъ курсовъ—министерство народнаго просвѣщенія ежегодно отпускало на эти курсы по 1 000 руб.; въ 1878-мъ году оно отпустило на нихъ 1 500 рублей, а потомъ, начиная съ 1879-го года, оно стало отпускать на нихъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія государственнаго совѣта, по 3 000 рублей въ годъ. «Это былъ единственный примѣръ матеріальной помощи курсамъ со стороны министерства народнаго просвѣщенія, говоритъ М. Л. Песковскій: провинціальные курсы, несмотря на крайне бѣдственное матеріное положеніе, не получаютъ отъ министерства никакой помощи». Но эта маленькая сумма явно была слишкомъ недостаточна—она была, можно сказать совершенно ничтожна, въ сравненіи съ тѣми десятками тысячъ рублей, которые были потребны на такое большое дѣло. Взносы за слушаніе лекцій пред-

видѣлись также недостаточные. И вотъ учредительницы стали думать, какъ-бы помочь дѣлу. Тогда снова выступила А. П. Философова, и снова предложила такую идею, которая самымъ удовлетворительнымъ образомъ разрѣшала трудность положенія. Она предложила устроить «Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ». Эта мысль была тотчасъ-же съ восторгомъ принята всѣмъ женскимъ кружкомъ, заботившимся о созданіи высшихъ женскихъ курсовъ, живо составленъ былъ проектъ устава, и онъ былъ утвержденъ 4-го октября 1878 года министромъ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантомъ Тимашевымъ.

Въ «Уставѣ» было сказано, что Общество имѣетъ цѣлью доставлятъ средства для поддержанія высшихъ женскихъ курсовъ, учреждаемыхъ въ С.-Петербургѣ профессоромъ Бестужевымъ-Рюминымъ. Объ учрежденіи такихъ курсовъ было говорено, такимъ образомъ, въ первый разъ въ «Уставѣ общества» для помощи имъ. Далѣе сказано было, что Общество составляется изъ лицъ обоего пола, всѣхъ состояній и званій; число членовъ не ограничено; размѣръ взноса для дѣйствительныхъ членовъ—5 рублей ежегодно, или 100 рублей единовременно; средства Общества образуются изъ ежегодныхъ взносовъ дѣйствительныхъ членовъ, изъ пожертвованій и изъ сборовъ отъ устраиваемыхъ въ въ пользу Общества литературныхъ вечеровъ, концертовъ, спектаклей и т. п. Что-же касается состава Общества, то онъ первоначально долженъ былъ образоваться ихъ учредителей, которые въ первый разъ изберутъ Комитетъ изъ 12-ти членовъ, на 3 года, а потомъ этотъ Комитетъ будетъ избираться общимъ собраніемъ. Члены Комитета избираютъ ежегодно изъ своей среды: предсѣдателя, его товарища, казначея и секретаря.

Въ «Правилахъ-же» для слушательницъ с.-петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ мы узнаемъ о-

существованіи «Педагогическаго совѣта», и о правахъ и обязанностяхъ слушательницъ. Про Педагогическій совѣтъ здѣсь было сказано: «Общее управленіе курсами ввѣряется Педагогическому совѣту курсовъ и предсѣдателю его, который считается завѣдующимъ курсами, Ближайшее наблюденіе за слушательницами поручается распорядительницѣ курсовъ и ея помощницамъ. Лица, желающія поступать въ постоянныя слушательницы и вольнослушательницы курсовъ, обязаны представить аттестатъ объ окончаніи полнаго курса въ женской гимназіи, или институтѣ, или другомъ женскомъ учебномъ заведеніи, дающемъ права домашней учительницы» и т. д. Плати за годичный курсъ для постоянныхъ слушательницъ назначается 50 р.; вольнослушательницы платятъ за каждый предметъ по 10 р. въ годъ».

Сообразно съ этимъ, 4-го же октября 1878 года (т.-е. въ самый день утвержденія устава Общества министромъ внутреннихъ дѣлъ) состоялось общее собраніе членовъ Общества, и здѣсь былъ избранъ, по большинству голосовъ, Комитетъ для завѣдыванія общими дѣлами Общества. Предсѣдательницей избрана А. П. Философова, товарищемъ ея — О. Н. Рукавишникова, казначеемъ — В. П. Тарновская, секретаремъ А. Н. Анненская. Кромѣ того, Комитетъ нашелъ необходимымъ избрать «распорядительницу курсовъ», лицо, которому поручено ближайшее завѣдываніе курсами, т.-е. надзоръ за порядкомъ въ аудиторіяхъ, веденіе списковъ слушательницъ, распоряженіе текущими хозяйственными дѣлами. На эту должность была избрана—моя сестра. Она-же выразила желаніе имѣть двухъ помощницъ, хорошо ей извѣстныхъ по прежнимъ еще курсамъ: О. А. Мордвинову и З. Ю. Яковлеву. Это и состоялось.

Учредительницы высшихъ курсовъ въ Петербургѣ имѣли сначала въ виду, по части финансовой и хозяйственной, взять себѣ за образецъ ту самую систему

попечительнаго совѣта, которая существовала при московскихъ женскихъ курсахъ профессора Герье, а потомъ скопирована была съ нихъ и на кіевскихъ высшихъ женскихъ курсахъ. Но именно эти два предшествующихъ опыта показали, говоритъ «Отчетъ общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ въ Петербургѣ», за 1888—6 г., «неудобства передачи завѣдыванія хозяйственной и финансовой частью подобныхъ учрежденій попечительному совѣту, со случайнымъ составомъ членовъ, не подчиненному въ своей дѣятельности никакимъ опредѣленнымъ правиламъ. Это и привело къ мысли: организовать, для поддержанія курсовъ, особое общество, дѣйствующее на основаніи утвержденнаго правительствомъ устава».

Въ самомъ началѣ, при учрежденіи этого общества въ ноябрѣ 1878 года было 89 членовъ. Черезъ 2 года, въ 1880 году, ихъ было 584, въ 1885 — 6 году — 785, въ 1886 — 7 году — 1,010, въ 1888 — 9 году—1,026.

Но гдѣ-же помѣстились новые курсы? Предшествовавшіе имъ Василеостровскіе курсы дѣйствовали, какъ уже выше было сказано, на Васильевскомъ острову, въ помѣщеніи 5-й женской гимназіи (до закрытія ихъ 1-го мая 1877-го года) благодаря благоволенію начальника петербургскихъ женскихъ гимназій, И. Т. Осинина, и вслѣдствіе ходатайства у него той-же А. П. Философовой. Ныньче, спустя годъ, эта неутомимая, истинно неугомонная рачительница о женскомъ дѣлѣ, снова упросила его. «При открытіи курсовъ, въ сентябрѣ 1878 года *), говоритъ отчетъ Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ», за 1878-й — 1879-й годъ, завѣдывавшія этимъ дѣломъ, не зная, на какое число слушательницъ можно разсчитывать, и каковы будутъ

*) Въ печатномъ „Отчетѣ" ошибочно стоитъ „1877" вмѣсто „1878". *В. С.*

денежныя средства курсовъ, не рѣшились нанимать для нихъ помѣщенія, а исходатайствовали у И. Т. Осинина разрѣшеніе читать лекціи въ залахъ и классахъ Александровской женской гимназіи и педагогическихъ курсовъ на Гороховой».

Въ своемъ «Дневникѣ» или «Запискахъ» (откуда были уже приведены выше отрывки объ образованіи Аларчинскихъ курсовъ и проч.), Е. А. Штакеншнейдеръ записала подробности про первые дни существованія высшихъ женскихъ курсовъ въ этомъ новомъ помѣщеніи:

«*3 ноября 1878.* Вчера была у А. П. Философовой. Собирался старый комитетъ учредительницъ высшихъ женскихъ курсовъ. Послѣ-завтра открывается новое, утвержденное министромъ внутреннихъ дѣлъ, «Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ». Насъ, старыхъ, собралось немного, но толковали много. Столпы наши: Стасова, Философова, Тарновская, Мордвинова, конечно остаются въ новомъ Комитетѣ, — Бѣлозерская, Трубникова и я выходимъ изъ Комитета, но членами остаемся. И Филисофова предсѣдательницей не остается и предлагаетъ вмѣсто себя выбрать Рукавишникову. Говорили, какіе-то слухи ходятъ о курсахъ. Разсказываютъ, что будто одна изъ слушательницъ становилась на столъ и проповѣдывала соціализмъ; что принцъ Ольденбургскій замѣтилъ при своемъ посѣщеніи курсовъ, какое множество окурковъ валяется тамъ на полу. Тарновская, Стасова и Мордвинова увѣряютъ, что все это вздоръ. Онѣ вѣдь дежурятъ тамъ ежедневно, и одно, на что жалуются, такъ это только на стремительность, съ которою студентки врываются въ двери, когда аудиторія открывается; во всѣхъ-же другихъ отношеніяхъ онѣ ведутъ себя необыкновенно благопристойно. Но каждой, конечно, хочется занять мѣсто поближе къ каѳедрѣ. Мордвинова называетъ ихъ за то «башибузуками» и по маленьку отучаетъ отъ подобной жажды

къ просвѣщенію. Тарновская дѣйствительно видѣла у одной папиросу, но по первому-же слову студентка ее затушила и сказала: «покорно благодарю, что предупредили». Много хлопотъ на первыхъ порахъ бѣднымъ Стасовой, Тарновской и Мордвиновой. Мало того, что нужно переписать 800 человѣкъ, т.-е., записать имя, званіе, лѣта, гдѣ кончила образованіе, кто родители и прочее, но надо еще сидѣть съ ними ежедневно съ 6 до 10-ти часовъ вечера, т.-е., не пообѣдавъ какъ слѣдуетъ, такъ-какъ, исключая Мордвиновой, которая живетъ одна и можетъ свои трапезы устраивать какъ ей угодно, остальныя двѣ связаны семьями и не могутъ измѣнить положенный строй своей домашней жизни...»

«*14 ноября 1878.* Профессоръ новороссійскаго университета Цитовичъ издалъ брошюру «Отвѣтъ ученымъ людямъ», въ которой не только со страстью, но яростно, нападаетъ на «журнальную науку», преподаваемую молодому, учащемуся поколѣнію. Въ брошюрѣ есть иной разъ правда, но правда, выставленная нетолько ярко, но яростно. Она взволновала молодое учащееся поколѣніе. Молодежь имѣла слабость всѣ нападки принять на свой счетъ и откликнуться. У насъ на нашихъ юныхъ женскихъ курсахъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ насилу остановилъ демонстрацію, т.-е. коллективное посланіе Цитовичу, да и то вняли его увѣщеваніямъ не всѣ *). Спасибо, студентка Кравченко много помогала ему и уговаривала своихъ товарокъ сдерживаться ради юнаго учрежденія, которое можетъ изъ-за нихъ пострадать. Одна часть успокоилась и примкнула къ ней, другая-же, вѣроятно еврейки изъ математическаго отдѣленія Тарновской, не унимаются. Стасова и прочія въ боль-

---

*) Особенно горячо дѣйствовала въ этомъ дѣлѣ караимка Казасъ, красивая, оригинальнаго и самостоятельнаго ума женщина—какъ я слышалъ отъ ея товарокъ-однокурсницъ. *В. С.*

денежныя средства курсовъ, не рѣшились нанимать для нихъ помѣщенія, а исходатайствовали у И. Т. Осинина разрѣшеніе читать лекціи въ залахъ и классахъ Александровской женской гимназіи и педагогическихъ курсовъ на Гороховой».

Въ своемъ «Дневникѣ» или «Запискахъ» (откуда были уже приведены выше отрывки объ образованіи Аларчинскихъ курсовъ и проч.), Е. А. Штакеншнейдеръ записала подробности про первые дни существованія высшихъ женскихъ курсовъ въ этомъ новомъ помѣщеніи:

«*3 ноября 1878.* Вчера была у А. П. Философовой. Собирался старый комитетъ учредительницъ высшихъ женскихъ курсовъ. Послѣ-завтра открывается новое, утвержденное министромъ внутреннихъ дѣлъ, «Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ». Насъ, старыхъ, собралось немного, но толковали много. Столпы наши: Стасова, Философова, Тарновская, Мордвинова, конечно остаются въ новомъ Комитетѣ, — Бѣлозерская, Трубникова и я выходимъ изъ Комитета, но членами остаемся. И Филисофова предсѣдательницей не остается и предлагаетъ вмѣсто себя выбрать Рукавишникову. Говорили, какіе-то слухи ходятъ о курсахъ. Разсказываютъ, что будто одна изъ слушательницъ становилась на столъ и проповѣдывала соціализмъ; что принцъ Ольденбургскій замѣтилъ при своемъ посѣщеніи курсовъ, какое множество окурковъ валяется тамъ на полу. Тарновская, Стасова и Мордвинова увѣряютъ, что все это вздоръ. Онѣ вѣдь дежурятъ тамъ ежедневно, и одно, на что жалуются, такъ это только на стремительность, съ которою студентки врываются въ двери, когда аудиторія открывается; во всѣхъ-же другихъ отношеніяхъ онѣ ведутъ себя необыкновенно благопристойно. Но каждой, конечно, хочется занять мѣсто поближе къ каѳедрѣ. Мордвинова называетъ ихъ за то «башибузуками» и по маленьку отучаетъ отъ подобной жажды

къ просвѣщенію. Тарновская дѣйствительно видѣла у одной папиросу, но по первому-же слову студентка ее затушила и сказала: «покорно благодарю, что предупредили». Много хлопотъ на первыхъ порахъ бѣднымъ Стасовой, Тарновской и Мордвиновой. Мало того, что нужно переписать 800 человѣкъ, т.-е., записать имя, званіе, лѣта, гдѣ кончила образованіе, кто родители и прочее, но надо еще сидѣть съ ними ежедневно съ 6 до 10-ти часовъ вечера, т.-е., не пообѣдавъ какъ слѣдуетъ, такъ-какъ, исключая Мордвиновой, которая живетъ одна и можетъ свои трапезы устраивать какъ ей угодно, остальныя двѣ связаны семьями и не могутъ измѣнить положенный строй своей домашней жизни...»

«*14 ноября 1878*. Профессоръ новороссійскаго университета Цитовичъ издалъ брошюру «Отвѣтъ ученымъ людямъ», въ которой не только со страстью, но яростно, нападаетъ на «журнальную науку», преподаваемую молодому, учащемуся поколѣнію. Въ брошюрѣ есть иной разъ правда, но правда, выставленная нетолько ярко, но яростно. Она взволновала молодое учащееся поколѣніе. Молодежь имѣла слабость всѣ нападки принять на свой счетъ и откликнуться. У насъ на нашихъ юныхъ женскихъ курсахъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ насилу остановилъ демонстрацію, т.-е. коллективное посланіе Цитовичу, да и то вняли его увѣщеваніямъ не всѣ *). Спасибо, студентка Кравченко много помогала ему и уговаривала своихъ товарокъ сдерживаться ради юнаго учрежденія, которое можетъ изъ-за нихъ пострадать. Одна часть успокоилась и примкнула къ ней, другая-же, вѣроятно еврейки изъ математическаго отдѣленія Тарновской, не унимаются. Стасова и прочія въ боль-

*) Особенно горячо дѣйствовала въ этомъ дѣлѣ караимка Казасъ, красивая, оригинальнаго и самостоятельнаго ума женщина—какъ я слышалъ отъ ея товарокъ-однокурсницъ. *В. С.*

шомъ смятеніи. Жаль добраго К. Н. Бестужева, который стоитъ во главѣ курсовъ...»

«Молодежь имѣла слабость принять всѣ нападки на свой счетъ»! «Молодежь хотѣла дѣлать демонстрацію, послать коллективное посланіе Цитовичу»! Что-же тутъ мудренаго, когда служитель науки, цѣлый профессоръ, позволилъ себѣ печатать о тогдашнихъ молодыхъ женщинахъ вотъ какія вещи: «Вы хвалитесь, говорилъ онъ въ своей брошюрѣ, *новымъ* журналистамъ и *новымъ* ученымъ, что будущій историкъ русской литературы помянетъ васъ, т.-е. ваше сословіе, за ваши подвиги на пользу озаренія Россіи «новымъ свѣтомъ». Я тоже думаю, что помянетъ— особенно разсчитывайте на поминовеніе за разработку женскаго вопроса; только плохія это будутъ поминки. Во имя вашихъ послѣднихъ выводовъ науки и рефлексовъ съ борьбой за дармоѣдство, вы надолго искалѣчили нетолько нравственный обликъ, но даже наружный образъ русской женщины. Вы, «раздаятели, живой воды», развратили ея умъ и растлили ея сердце. Въ этомъ умѣ была игривость — изъ нея сдѣлали блудливость; въ этомъ сердцѣ было увлеченіе—его превратили въ похоть. Она была способна на жертву — изъ нея сдѣлали искательницу приключеній; она живо соображала — ее научили бредить. Полюбуйтесь-же на нее: мужская шапка, мужской плащъ, грязныя юбки, оборванное платье, бронзовый или зеленоватый цвѣтъ лица, подбородокъ впередъ, въ мутныхъ глазахъ все: безцѣльность, усталость, злоба, ненависть, какая-то глубокая ночь съ отблескомъ болотнаго огня—что это такое? По наружному виду—какой-то гермафродитъ, по нутру — подлинная дочь Каина. Она остригла волосы, и не напрасно: ея мать такъ мѣтила своихъ Гапокъ и Палашекъ «за грѣхъ»... Теперь она *одна*, съ могильнымъ холодомъ въ душѣ, съ гнетущей злостью и тоской въ сердцѣ. Ее некому пожалѣть, объ ней некому помолиться—

всѣ бросили. Что-жъ, быть можетъ, и лучше: когда умереть отъ родовъ или тифа, не будетъ скандала на похоронахъ... Пошли въ ходъ коммуны, конечно для большаго удобства въ научныхъ занятіяхъ; но послѣ обработки анатомическаго препарата вообще, обыкновенно происходило «срываніе созрѣвшаго плода». Кажется, плоды срывались даже въ ученыхъ лабораторіяхъ, во всякомъ случаѣ, тамъ происходила осязательная подготовка для окончанія на-дому. Научная работа или другое «общее дѣло», напримѣръ переводъ книжки, обработка системы таракана,—такова наживка для тѣхъ изъ *товарищей* въ капотахъ и юбкахъ, у которыхъ уцѣлѣло какое-нибудь чувство стыда и приличія».

Неужели всѣ эти пошлости и мерзости достойнѣйшаго профессора могли не волновать молодежь и не приводить ее въ яростное негодованіе! Оставаться равнодушными къ злобнымъ выходкамъ тупого человѣка, неспособнаго понимать никакое свѣтлое стремленіе и только пробующаго замарать своею противною желчью самые горячіе, самые благородные порывы молодого сердца! Конечно, молодежь горячо и негодовала. Но молодежь 1878 года еще не знала и не могла подозрѣвать, что не дальше, какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ срединѣ 1879 года, появится еще новый писатель, въ десять разъ противнѣе и пошлѣе Цитовича, и далеко превзойдетъ своего друга и учителя. Этотъ человѣкъ былъ *Незлобинъ*, напечатавшій тогда подъ этимъ псевдонимомъ свою «*Кружковщину*», а впослѣдствіи извѣстный подъ настоящимъ своимъ именемъ *Дьякова*. Но молодое поколѣніе все-таки со своей дороги не сошло, и ни одного вершка земли не уступило своимъ злобнымъ врагамъ.

XX.

Въ помѣщеніи Александровской женской гимназіи (5-й) высшіе женскіе курсы прожили не долго. Ока-

залось, уже съ самыхъ первыхъ мѣсяцевъ, что слишкомъ много тутъ неудобствъ, начиная съ большой тѣсноты. Главное-же изъ нихъ было то, что опять, какъ въ Василеостровской гимназіи, можно было слушать лекціи и заниматься—только по вечерамъ. Стали думать о какомъ-нибудь другомъ помѣщеніи, и скоро обратились въ петербургскую городскую думу, съ просьбой отвести курсамъ одно изъ городскихъ зданій. Дума отнеслась сначала къ этой просьбѣ очень сочувственно, и однако должна была черезъ нѣсколько времени отвѣтить, что ни одного свободнаго зданія въ ея распоряженіи въ настоящую минуту не оказывается.

«Но переходные экзамены съ перваго курса на второй, имѣвшіе мѣсто въ апрѣлѣ 1878 года, продолжаетъ «Отчетъ общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ за 1878—79 годъ», еще яснѣе доказали неудовлетворительность помѣщенія, занимаемаго курсами въ зданіи Александровской гимназіи. Педагогическій совѣтъ профессоровъ заявилъ, что находитъ необходимымъ, со слѣдующаго учебнаго года, нанять для курсовъ отдѣльную квартиру, гдѣ лекціи могли-бы читаться днемъ, а не вечеромъ. Комитетъ не рѣшился взять на себя отвѣтственность за эту мѣру, которая должна была вызвать очень значительные расходы, и созвалъ въ маѣ 1878 года чрезвычайное общее собраніе, на разсмотрѣніе котораго представилъ вопросъ о наймѣ квартиры. Общее собраніе постановило большинствомъ голосовъ, что квартира для курсовъ должна быть нанята къ сентябрю мѣсяцу, и что, кромѣ того, слѣдуетъ озаботиться пріисканіемъ дома, который-бы можно купить въ пользу курсовъ на выгодныхъ условіяхъ. Для осуществленія этихъ постановленій, общимъ собраніемъ выбрана коммисія изъ 5 лицъ, которыя, совмѣстно съ членами комитета, приступили немедленно къ исполненію возложенной на нихъ обязанности. По наведеннымъ справкамъ, въ данное время не представлялось дома, выгод-

наго для покупки; изъ многихъ осмотрѣнныхъ квартиръ одна только оказалась удовлетворительною: квартира въ домѣ Е. А. Боткиной, на Сергіевской улицѣ *). Какъ члены коммиссіи, избранной Общимъ собраніемъ, такъ и члены Комитета, рѣшили нанять домъ Е. А. Боткиной, несмотря на значительные расходы, обусловленные этимъ наймомъ. Квартирная плата равняется 8,000 рублей въ годъ; передѣлки, оказавшіяся необходимыми для приспособленія новаго помѣщенія къ потребностямъ курсовъ, взяли 1,152 р., меблировка болѣе 3,000 р., и плата прислугѣ будетъ на 500 рублей въ годъ значительнѣе, чѣмъ при помѣщеніи курсовъ въ казенномъ заведеніи».

Подробности о водвореніи курсовъ въ домѣ Е. А. Боткиной я нахожу въ письмахъ моей сестры къ ея пріятельницѣ, А. П. Философовой. Въ одномъ изъ нихъ, отъ 10-го августа 1879 г., моя сестра писала: «Намъ отдали-таки верхній этажъ и мы тамъ дѣлаемъ передѣлки, — даже очень много, слишкомъ на 1,000 рублей. Заказали мебель тоже на большую сумму, но надѣемся, что все устроится хорошо. Курсы должны начаться въ первыхъ числахъ сентября; я надѣюсь,

---

*) Изъ числа многихъ домовъ, осмотрѣнныхъ тогда членами комитета, всѣ остановились преимущественно на двухъ домахъ, болѣе другихъ казавшихся удобными для курсовъ. Одинъ изъ нихъ былъ домъ богача Громова, находившійся на Фонтанкѣ, между Цѣпнымъ и Симеоновскимъ мостами другой — Е. А. Боткиной, на углу Сергіевской и Моховой улицы. Этотъ домъ, тогда отдававшійся внаймы, былъ указанъ моей сестрѣ ея братомъ Александромъ, и всѣмъ Комитетомъ признанъ наиболѣе подходящимъ. Съ 1838 года этотъ домъ (конечно не въ нынѣшнемъ своемъ видѣ) принадлежалъ знаменитому графу М. М. Сперанскому, создателю „Свода Законовъ". Впослѣдствіи, послѣ смерти Сперанскаго, онъ былъ проданъ Эмм. Дм. Нарышкину, который, въ свою очередь, перепродалъ его генералъ-адъютанту С. П. Сумарокову а этотъ впослѣдствіи завѣщалъ его своей внучкѣ княжнѣ Е. А. Оболенской, въ замужествѣ Боткиной (Баронъ М. А. Корфъ: „Жизнь графа Сперанскаго", т. II, стр. 355).

что вы пріѣдете на освященіе нашей квартиры... К. Н. Бестужевъ поправляется, но все еще въ Ливадіи; А. Н. Бекетовъ тоже въ деревнѣ еще, да онъ хорошо отвѣтилъ—хорошій онъ человѣкъ! Много мнѣ все это лѣто было хлопотъ съ квартирой, я ѣздила въ городъ, съ дачи, по два раза въ недѣлю, а вотъ съ 14-го начинается пріемъ, и чаще придется ѣздить. Да я не жалѣю себя, лишь-бы дѣло шло. Въ комитетѣ «Дешевыхъ квартиръ» я теперь рѣдко бываю, просто нѣтъ времени. Мнѣ ужасно жаль, что дѣлали гулянье въ Демидовомъ саду. Такъ нехорошо звучитъ. Постарайтесь, чтобъ больше тамъ въ нашу пользу ничего не бывало, даромъ что былъ хорошій барышъ. О. Н. Рукавишникова очень удачно устраивала въ пользу курсовъ гулянье въ Павловскѣ *). Оно дало чистаго дохода двѣ тысячи, которыя сейчасъ-же и отдали за квартиру. Е. А. Боткина сказала, что остальныя подождетъ, до взноса слушательницъ». Въ другомъ письмѣ, отъ 7-го сентября того-же года, она писала. «Хлопотъ у насъ ужасно много. Конечно, вся черная работа на мнѣ. Устройство квартиры взяло у меня все лѣто, я бывала по два, а больше по три раза въ недѣлю въ городѣ. Сдѣлала, конечно, сколько могла и умѣла. Что-то скажетъ Комитетъ? Начнется критика, какъ всегда бываетъ! О. Н. Рукавишникова тоже часто бывала въ городѣ, пріѣзжала смотрѣть за работами каждыя двѣ недѣли. А съ 14-го августа у меня все былъ пріемъ, да и теперь продолжается, но уже въ помѣщеніи курсовъ. Квартира хороша, но всѣ корридоры остались грязными. Это непростительно со стороны хозяйской: взять 8,000, и такъ мало сдѣлать! Поправки на нашъ счетъ — это ужасно! Теперь идутъ экзамены—довольно хорошо, но мало еще при-

*) Изъ „Отчета“ за этотъ годъ видно, что гулянье въ Павловскѣ, съ музыкальнымъ вечеромъ и лотереею-аллегри, состоялось 28-го іюля 1879 года и дало чистаго дохода 2,083 руб. 15 коп. *В. С.*

ходить на нихъ. Всѣ еще не собрались, и поступило немного. Очень стѣснили правилами. Прощайте, дорогая. Я почти не бываю въ Комитетѣ Общества дешевыхъ квартиръ и не знаю, что тамъ дѣлается...»

Наконецъ, послѣ всѣхъ хлопотъ и приготовленій, 9-го сентября 1879 года, происходило торжественное освященіе новаго помѣщенія курсовъ, въ присутствіи профессоровъ университета, членовъ Общества и очень многихъ слушательницъ. Съ 10-го сентября началось чтеніе лекцій.

Теперь обратимся къ самой дѣятельности курсовъ.

«С.-петербургскіе высшіе женскіе курсы, говоритъ въ своей «Запискѣ» В. П. Тарновская, возникли снова въ 1878 году при совершенно иной противъ прежняго организаціи. Опытъ предшествующихъ курсовъ вполнѣ подтвердилъ, что женщины, стремящіяся къ высшему образованію, ищутъ серьезнаго систематическаго и строго-научнаго знанія, въ области какъ словесно-историческихъ, такъ и физико-математическихъ наукъ. А потому с.-петрбургскіе высшіе женскіе курсы были учреждены съ *тремя* отдѣленіями: словесно-историческимъ, физико-математическимъ и спеціально-математическимъ. При этомъ министръ народнаго просвѣщенія указалъ на профессора университета, К. Н. Бестужева-Рюмина, какъ на лицо, которое онъ желалъ-бы видѣть во главѣ вновь разрѣшеннаго учрежденія. Маститый ученый съ готовностью принялъ на себя званіе «учредителя» высшихъ женскихъ курсовъ, и втеченіе четырехъ лѣтъ безвозмездно несъ на себѣ эти крайне отвѣтственныя и обременительныя обязанности. Онъ сложилъ ихъ съ себя только по болѣзни, вынудившей его уѣхать изъ Петербурга въ 1882 году.

«Всѣ лучшія въ то время научныя силы с.-петербургскаго университета не отказались принять дѣятельное участіе въ преподаваніи на курсахъ. Имена слѣдующихъ профессоровъ неразрывно связаны съ

исторіей этого учрежденія: *по словесно-историческому отдѣленію*: Бестужевъ-Рюминъ, Бауеръ, Батюшковъ, Васильевскій, А. Градовскій, Каринскій, О. Миллеръ, Пахманъ, прот. Тихоміровъ, Сомовъ, Ягичъ, Янсонъ, Шеборъ; по *физико-математическому отдѣленію*: Бекетовъ, Бутлеровъ, Богдановъ, Билибинъ, Бородинъ, Боргманъ, Вагнеръ, Гезехусъ, Имшенецкій, Иностранцевъ, Львовъ, Менделѣевъ, Овсянниковъ, Поссе, Сѣченовъ, Сомовъ, Фаминцынъ и др. Имена этихъ ученыхъ дороги не одному поколѣнію молодыхъ женщинъ, которымъ они съумѣли передать горячую любовь къ серьезному умственному труду, развить въ нихъ самодѣятельность и привычку къ систематической, самостоятельной работѣ».

Изъ среды этого ученаго персонала избраны были тогда-же и потомъ постоянно всегда избирались члены Педагогическаго совѣта, которому ввѣрено было общее управленіе курсами. Предсѣдателемъ этого совѣта былъ всегда завѣдующій курсами, т.-е. директоръ. «Члены Комитета, говоритъ «Отчетъ» за 1878—79 года, находились въ постоянныхъ непосредственныхъ сношеніяхъ со слушательницами, и имѣли возможность узнавать ихъ потребности и желанія. А чтобы познакомить съ этими потребностями и желаніями членовъ Педагогическаго совѣта, Комитетъ испросилъ у Педагогическаго совѣта разрѣшеніе присылать одного изъ своихъ членовъ на засѣданія совѣта. Съ другой стороны, на засѣданія Комитета постоянно приглашались члены Совѣта, почетные члены Общества, профессора Бекетовъ и Бестужевъ-Рюминъ. Такимъ образомъ, между дѣятельностью Совѣта и Комитета устанавливалась связь, которая давала имъ возможность помогать другъ другу при стремленіи къ общей цѣли». Спустя лишь всего нѣсколько мѣсяцевъ, въ Совѣтѣ сталъ присутствовать не *одинъ* членъ Комитета, а *два*: моя сестра (какъ распорядительница) и А. Я. Гердъ. Это устроилось такъ по постановленію самого Педагогическаго

совѣта. «Кромѣ того, говоритъ въ своей «Запискѣ» В. П. Тарновская, живымъ звѣномъ между Педагогическимъ совѣтомъ и Комитетомъ былъ, втеченіе многихъ лѣтъ, А. Н. Бекетовъ. Избранный предсѣдателемъ Комитета, послѣ отъѣзда А. П. Философовой изъ Петербурга, онъ цѣлыхъ 6 лѣтъ принималъ самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ «Общества доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ».

Богатый научный педагогичный персоналъ, представляемый на курсахъ профессорами университета, разъ установившись, не подвергался уже болѣе измѣненіямъ—иначе какъ на разстояніи многихъ лѣтъ, да и то случалось рѣдко. Не такъ было съ комитетомъ, управлявшимъ дѣлами общества доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. Тамъ личный составъ, съ самого-же начала, подвергался много разъ измѣненіямъ.

Такъ, напримѣръ, А. П. Философова, избранная предсѣдательницей Общества, оставалась на своемъ постѣ всего только годъ, и на Общемъ собраніи 21 октября 1879 г. отказалась отъ званія члена комитета, а вскорѣ потомъ принуждена была даже уѣхать заграницу. Этотъ отказъ былъ тяжкимъ ударомъ для моей сестры, которая впродолженіе цѣлыхъ 20-ти лѣтъ работала съ нею вмѣстѣ и привыкла видѣть въ ней одну изъ самыхъ горячихъ, ревностнѣйшихъ и полезнѣйшихъ двигательницъ женскаго дѣла. «Ну, вотъ ужъ точно, вы меня сильно огорчили вашимъ отказомъ, милая и дорогая Анна Павловна, писала она 7-го октября 1879 г. — Зачѣмъ это? Я такъ всегда любила съ вами работать! Если мы и не сходились иногда, такъ по вспыльчивости насъ обѣихъ. Я всегда знала, что найду въ васъ искренность и задушевность. А теперь все чужое! Жаль, сильно жаль, и я все еще думаю, что вы къ намъ возвратитесь, хорошій человѣкъ!» Когда это было писано, моя сестра еще не знала настоящихъ причинъ

этого отказа, но когда узнала, то увидѣла, что тутъ нечего дѣлать. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, М. В. Трубникова, тоже глубоко огорченная выходомъ А. П. Философовой изъ Комитета и ея отъѣздомъ заграницу, писала ей 5-го мая 1880 года, въ Висбаденъ: «Понимаю, голубчикъ мой, дорогая Анна Павловна, какъ вамъ все это тяжело. Дѣйствительно, нашла на васъ черная полоса. Со всѣхъ сторонъ все невзгоды, и когда-то наконецъ придетъ конецъ, и вы опять будете сами распоряжаться свою жизнью! Отъ жизни не уйдешь, и волей-неволей приходится мириться съ обстоятельствами... Пожалуйста, дорогая моя, не говорите никому (о такомъ-то дѣлѣ). Я видѣла на опытѣ, какъ раговорами все раздуваютъ и изъ ничтожнаго случая дѣлаютъ казусъ, который потомъ и отражается различными послѣдствіями. Я увѣрена, напримѣръ, что городскіе толки повредили вамъ и заставили на васъ смотрѣть какъ на человѣка опаснаго»... М. В. Трубникова была совершенно права, совѣтуя осторожность и прося о ней: она и сама въ тѣ годы испытала, на своемъ семействѣ, зловредное отраженіе праздной болтовни и городскихъ сплетническихъ толковъ. Вся пустота и ничтожность такихъ толковъ и сплетенъ, съ ихъ печальными послѣдствіями, скоро обнаружилась относительно А. П. Философовой, и она воротилась въ Петербургъ къ своей прежней благотворной, свѣтлой дѣятельности. Со времени-же ея выхода изъ Комитета, мѣсто ея занялъ профессоръ А. Н. Бекетовъ, избранный предсѣдателемъ Комитета на общемъ собраніи 23 октября 1879 года, и оставался въ этой должности три года, до 1882 года.

Другія измѣненія въ составѣ Комитета были слѣдующія. Какъ уже выше было сказано, секретаремъ Комитета была избрана, на общемъ собраніи 4-го октября 1878 года—А. Н. Анненская. Но въ слѣдующемъ году, общимъ собраніемъ 21 октября 1879 года, секретаремъ Комитета была избрана В. Д. Самарская-

Быховецъ, но въ концѣ того-же года на ея мѣсто поступилъ секретаремъ Комитета А. Н. Страннолюбскій, который послѣ того занималъ эту должность впродолженіе цѣлыхъ 12-ти лѣтъ.

Со времени переселенія высшихъ женскихъ курсовъ въ домъ Е. А. Боткиной, въ 1879 году, библіотекой (свыше 1,300 томовъ) завѣдывала членъ Комитета и помощница распорядительницы (моей сестры) З. Ю. Яковлева. Въ слѣдующемъ 1880 году она отказалась отъ этой должности и замѣщена была Е. I. Лихачевой *).

Сверхъ всего этого, также и моя сестра одно время должна была отчасти отдалиться отъ своей должности распорядительницы курсовъ. Нѣкоторыя изъ высшихъ правительствднныхъ личностей въ иныя времена смотрѣли на нее и на ея дѣятельность съ очень малой симпатіей, недовѣріемъ, подчасъ даже какъ-бы съ враждебностью. Такъ было однажды и въ 1881 году. Въ этомъ году (какъ мнѣ это разсказывала О. А. Мордвинова, членъ Комитета высшихъ женскихъ курсовъ и помощница моей сестры, какъ распорядительницы: она дала мнѣ при этомъ право напечатать ея разсказъ), завѣдующій курсами, профессоръ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, призванный однажды къ министру внутреннихъ дѣлъ, генералъ - адъютанту Тимашеву, по разнымъ дѣламъ курсовъ, услышалъ отъ него, что «правительство никогда не будетъ, конечно, серьезно смотрѣть на курсы, пока главною заправительницею тамъ будетъ такая «сумбурная личность», какъ Стасова». Профессоръ Бестужевъ-Рюминъ, очень удивленный такими словами, спросилъ, надо-ли ему считать это за оффиціальный приказъ и долженъ-ли комитетъ уда-

*) Замѣтимъ, что въ домѣ Александровской женской гимназіи помѣщеніе было такое тѣсное, что негдѣ было пріютить маленькую библіотеку, и потому, какъ мы читаемъ въ „Отчетѣ“ за 1878—79 годъ, „библіотека находилась въ квартирѣ Н. В. Стасовой“.

лить Стасову отъ ея должности распорядительницы—министръ отвѣчалъ, что нѣтъ, что это только «частный разговоръ». Моя сестра немедленно поѣхала къ министру и просила его объяснить, въ чемъ ее обвиняютъ, но онъ отвѣчалъ, что онъ ничего не говорилъ про нее. Вслѣдъ затѣмъ, ревизіонная коммиссія (состоявшая изъ членовъ: Н. С. Таганцева, И. И. Боргмана, Н. А. Гезехуса и Н. Е. Славянскаго), въ своемъ отчетѣ о ревизіи за 1880 — 1881 г., представленномъ общему собранію 13 декабря 1881 года, высказалась такъ: «По отношеніи къ Н. В. Стасовой, ревизіонная коммиссія считаетъ долгомъ обратить вниманіе общаго собранія на то, что она съ искреннимъ сожалѣніемъ узнала изъ протоколовъ Комитетета общества, что Н. В. Стасова, которая до сихъ поръ съ полнымъ самоотверженіемъ предавалась веденію этого серьезнаго для русскаго общества дѣла, — вынуждена нынѣ, по разстроенному здоровью и нѣкоторымъ обстоятельствамъ, отказаться отъ этого званія. Помня, что Н. В. Стасова нетолько съ начала учрежденія настоящихъ курсовъ, но и вообще со времени открытія въ Петербургѣ первыхъ высшихъ курсовъ въ видѣ публичныхъ лекцій (такъ-называемыхъ «Владимірскихъ») втеченіе 8 лѣтъ и до настоящаго времени почти всецѣло посвящала себя трудной, и многосложной обязанности распорядительницы курсовъ, и въ то-же время постоянно и неусыпно заботилась объ увеличеніи средствъ этого учрежденія *, ревизіонная коммиссія предлагаетъ общему собранію выразить Надеждѣ Васильевнѣ искреннюю и глубокую признательность, какъ за минувшую полезную дѣятельность ея по высшимъ женскимъ курсамъ, такъ и за горячую преданность этому дѣлу. Ревизіонная коммиссія надѣется, однако, что

*) По сдѣланной изъ документовъ выборкѣ, г-жею Стасовою предложено въ члены Общества доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ 228 лицъ, которые ежегодно вносятъ въ кассу этого Общества болѣе 2,000 рублей.

Н. В. оставляетъ званіе распорядительницы курсовъ лишь только *временно*, и что по милованіи упомянутыхъ причинъ, вынудившихъ ее оставить обязанности распорядительницы курсовъ, Н. В. вновь посвятитъ себя этой дѣятельности, такъ-какъ по глубокому убѣжденію нетолько ревизіонной коммиссіи, но и значительнаго большинства членовъ учрежденія, Н. В. Стасова, какъ распорядительница курсовъ,—незамѣнима».

Въ этотъ учебный годъ, 1880—1881, моя сестра числилась только «завѣдующей хозяйственною частью курсовъ», а помощница ея, О. А. Мордвинова, ею самою избранною еще въ самомъ началѣ курсовъ—состояла «исполняющею обязанности распорядительницы курсовъ».

Въ слѣдующемъ учебномъ году, произошло новое измѣненіе въ составѣ управленія и веденіи дѣлъ курсовъ: профессоръ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, вслѣдствіе разстроеннаго, давно уже шаткаго, здоровья своего, долженъ былъ оставить курсы и уѣхать заграницу лечиться. Его замѣстилъ на курсахъ, въ должности завѣдующаго ими, профессоръ А. Н. Бекетовъ, состоявшій до тѣхъ поръ предсѣдателемъ Общества доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ; на мѣсто этого послѣдняго избранъ былъ бывшій товарищъ предсѣдателя—А. Я. Гердъ. Около того-же времени, должность распорядительницы курсовъ снова заняла моя сестра.

Нѣсколько подробностей о работахъ, заботахъ, вообще о дѣятельности, интересахъ и настроеніи моей сестры въ этотъ періодъ времени мы узнаемъ изъ письма ея къ А. П. Философовой, въ Висбаденъ, отъ 27 апрѣля 1880 г.: «Я была недавно въ концертѣ у Рубинштейна, который чудесно исполнялъ, какъ и всегда, а во вторникъ ѣду смотрѣть «Женитьбу» Гоголя, которая будетъ исполняться въ частномъ театрѣ у Жербиныхъ, любителями, въ пользу неимущихъ слушательницъ В. Ж. К., а число ихъ — легіонъ.

Когда подумаешь объ ихъ стойкости, такъ и стыдно Лазаря пѣть!» (*Эти слова относятся къ приведеннымъ, выше, въ томъ-же письмѣ, разсказамъ о нѣкоторыхъ печальныхъ событіяхъ тогдашняго времени, происшедшихъ съ разными членами нашего семейства. Далѣе слѣдуетъ:*) «Причины—мы никто не знаемъ, авось когда-нибудь и узнаемъ. Подождемъ, еще жизни у насъ много впереди, а если не доживемъ, тогда и дѣла мало. Впрочемъ, не все-ли равно, хорошо-ли живется, дурно-ли, все-таки кончится четырьмя досками, куда ни счастье, ни несчастье не уложишь. Оставимъ ихъ въ полное наслѣдство оставшимся послѣ насъ, но зато съ полною увѣренностью, что и подлости никакой не оставимъ, и каждому прямо въ глаза посмотримъ. Все прочее вздоръ!... Вопреки всѣмъ своимъ невзгодамъ, курсистки отлично сдаютъ экзаменъ. Представьте себѣ, что изъ 120 человѣкъ, экзаменовавшихся по химіи у Менделѣева, въ пятницу 25-го, 58 человѣкъ I-го курса получили 5 пятерокъ и только 3 тройки, а прочія всѣ — 4. Каково? Вотъ это моя жизнь и поддержка. А сколько изъ нихъ больныхъ,—и все больше тифъ, да вдобавокъ тифъ-то вслѣдствіе катарровъ отъ дурной пищи, т.-е. просто отъ голода. И какъ мы ни стараемся помогать, а все-же всѣмъ не помочь! Да многія, вновѣ, и не обращаются за помощью, не знаютъ довольно меня, думаютъ встрѣтить холодный начальническій тонъ, а я-то! Я считаю ихъ моими дорогими дѣтьми! Такъ-бы ихъ всѣхъ и оградила отъ всѣхъ невзгодъ и напастей!.. Жаль, что вы обѣ не здѣсь! Вотъ вѣдь и Висбаденъ не спасаетъ отъ болѣзней. Пустоты въ немъ много, а дѣла общаго мало...».

Но въ домѣ Е. А. Боткиной скоро помѣщеніе стало оказываться невыгоднымъ. «Отчетъ» за 1879—80 годъ говорилъ: «По мѣрѣ развитія дѣятельности курсовъ, помѣщеніе въ домѣ Е. А. Боткиной становится замѣтно неудовлетворительнымъ. Независимо отъ обнаруженнаго уже опытомъ нѣкотораго неудобства въ

самомъ размѣщеніи комнатъ, является надобность въ расширеніи особыхъ помѣщеній для практическихъ занятій слушательницъ, по физикѣ, химіи, естествознанію, для физическаго, анатомическаго и другихъ кабинетовъ, для химической лабораторіи, библіотеки, канцеляріи и т. д. Всѣмъ этимъ нуждамъ, существующимъ и вновь возникающимъ, настоящее помѣщеніе далеко не удовлетворяетъ, а расширеніе квартиры въ томъ-же домѣ представляется крайне затруднительнымъ, такъ-какъ Комитетъ уже имѣетъ заявленіе со стороны домовладѣлицы, что, по истеченіи контрактнаго срока, плата за теперешнюю квартиру *) будетъ повышена до 12,000 руб.» — Наилучшимъ выходомъ изъ всѣхъ затрудненій было признано Комитетомъ: пріобрѣтеніе для курсовъ постояннаго своего собственнаго помѣщенія.

Но какъ было покупать свой собственный домъ, или строить новый, когда средствъ у курсовъ было такъ мало? Въ 1878 г., они начались при существованіи въ наличности всего 222 р., оставшихся въ наслѣдство отъ Владимірскихъ и Аларчинскихъ курсовъ. Была еще небольшая субсидія отъ министерства народнаго просвѣщенія, лишь съ 1879 года повышенная, вслѣдствіе Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта, до 3,000 руб. Да и то много-ли составляло въ сравненіи съ нуждами курсовъ? Взносы курсистокъ за лекціи, за первый годъ курсовъ, 1878—79 гг., составляли: отъ постоянныхъ слушательницъ и вольнослушательницъ (свыше 800) — 31,998 руб., за второй, 1879—80 г., 34,185 руб.; за третій, 1881—82 г. (отъ 881 постоянныхъ слушательницъ и 60 вольнослушательницъ, за первое полугодіе — 23,050; отъ 788 постоянныхъ слушательницъ и 52 вольнослушательницъ, за второе полугодіе—20,540)—всего 43,590;

*) Одинъ верхній этажъ; бель-этажъ былъ присоединенъ къ остальной нанимаемой квартирѣ—лишь въ 1882 году. *В. С.*

за четвертый, 1882—83 (отъ 827 постоянныхъ слушательницъ и 45 вольнослушательницъ, за первое полугодія—21,280 руб., отъ 723 постоянныхъ слушательницъ и 36 вольнослушательницъ, за второе полугодіе — 18,635 руб.), всего 39,915 руб. Эти суммы, сами по себѣ довольно значительныя, все-таки далеко не вполнѣ удовлетворяли насущнымъ потребностямъ. Но взносы членовъ Общества, постоянныя пожертвованія со стороны очень многихъ изъ числа преподающихъ профессоровъ *), наконецъ значительныя пожертвованія со стороны многихъ лицъ изъ среды русскаго общества **), выручки отъ концертовъ, баловъ, базаровъ, гуляній, лекцій и т. д., въ пользу курсовъ—все это мало-по-малу увеличивало суммы, которыми курсы могли располагать. Но они были теперь поставлены въ необходимость позаботиться немедленно

---

*) Такъ, напримѣръ, въ „Отчетѣ“ за 1879 — 80 г. показано: отъ профессора Менделѣева въ запасный капиталъ Общества—300 р.; отъ профессора Бутлерова, на химическую лабораторію- 200 р.; въ „Отчетѣ“ за 1881 — 2 г., отъ профессора Сѣченова — 150 р.; въ „Отчетѣ“ за 1887 - 8 г., отъ него-же—500 р.; въ „Отчетѣ“ за 1883—4 г., отъ профессора Овсянникова — 100 р.; въ „Отчетѣ“ за 1887 — 8 г., отъ него-же—250 р.; въ „Отчетѣ“ за 1887 — 8 г., отъ профессора Боргмана—100 р.; въ „Отчетѣ“ за 1880—81 г. показано пожертвованій отъ профессоровъ - 1,650 р.

**) Впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ (1879 — 82) баронъ О. І. Гинцбургъ жертвовалъ ежегодно 1,000 р., В. Ф. Лугининъ (1880—87) по 500 р. О. Н. Рукавишникова неоднократно дѣлала пожертвованія, по нѣскольку тысячъ рублей (напримѣръ, 6,000 р. на химическую лабораторію), также дѣлали значительныя пожертвованія многія личности, не объявлявшія своихъ фамилій. Сверхъ всего этого, „Общество доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ“ не разъ пользовалось, для облегченія своихъ дѣйствій, значительными долгосрочными ссудами, на выгодныхъ для него условіяхъ. Напримѣръ, отъ Н. В. Попова было получено 10,000 р., отъ Ю. А. Варгуниной—20,000 р., отъ И. М. и Л. М. Сибиряковыхъ—42,000 р. и т. д. Часть этихъ ссудъ была впослѣдствіи погашена самими заимодавцами.

о постройкѣ собственнаго дома. И это потому, во первыхъ, что с.-петербургская городская управа, хотя и сочувственно отнеслась, въ 1880—81 г., къ ходатайству «Общества доставленія средствъ В. Ж. К.» уступить курсамъ безвозмездно городской участокъ земли для постройки дома, но затруднилась отвести участокъ земли въ собственность Общества: «городскія земли вообще не многочисленны, а между тѣмъ онѣ могутъ несомнѣнно понадобиться городу для своихъ надобностей»; поэтому управа и предпочла оказать Обществу денежное пособіе для покупки земли, въ размѣрѣ 12,000 р. Во-вторыхъ-же, собственница дома на Сергіевской, гдѣ помѣщались курсы, Е. А. Боткина, рѣшительно заявила о несогласіи своемъ продлить контрактъ (послѣ 1882 г.) на какихъ-бы то ни было условіяхъ.

XXI.

На общемъ собраніи 11-го декабря 1883 г. единогласно было рѣшено: имѣть для высшихъ женскихъ курсовъ собственный домъ. И что-же? Спустя менѣе чѣмъ черезъ 2 года, домъ этотъ, большой, снабженный всѣми научными удобствами для курсовъ, построенный, специально соображаясь со всѣми нуждами высшихъ женскихъ курсовъ, и стоившій 227,000 рублей, былъ уже готовъ.

На торжествѣ открытія этого дома, 22-го сентября 1883 г., профессоръ А. Н. Бекетовъ, завѣдующій курсами и предсѣдатель ихъ Комитета, говорилъ съ глубокимъ воодушевленіемъ: «Торжество, на которомъ мы присутствуемъ сегодня, многозначительно для всей страны:— это освященіе и открытіе перваго зданія, воздвигнутаго въ Россіи высшему женскому образованію, и притомъ — на частныя средства русскаго общества. Суммы, собравшіяся въ нашемъ Комитетѣ, на постройку этого дома, стеклись со всѣхъ концовъ Имперіи: съ береговъ Амура, изъ Восточной и Западной

Сибири, изъ Средней Азіи, съ Кавказа, изъ всѣхъ почти европейскихъ губерній, и даже отъ русскихъ, живущихъ въ Пекинѣ...

«Пусть первое слово, произнесенное съ каѳедры среди перваго зданія, поставленнаго русскимъ обществомъ высшему женскому образованію, будетъ словомъ благодарности всѣмъ тѣмъ, которые наполнили нашу строительную кассу. Изъ числа ихъ, К. М. Сибиряковъ пожертвовалъ 10,000 р.; В. П. Варгунинъ—500 р.; Е. П. Кузнецова—1,000 р.; М. С. Воронинъ—1,000 р.; К. Х. Лушникова—500 р. Три лица, пожелавшія остаться неизвѣстными, пожертвовали одно 11,000 р., другое—1,000 р., третье—500 р. Изъ внутреннихъ губерній и изъ Сибири поступило до 9,500 руб., изъ Кяхты, собранныхъ г-жею Лушниковою—523 руб. Всего, съ суммами ниже 500 р., получено до 57,000 р.

«Построеніе дома для с.-петербургскихъ в. ж. к., будучи залогомъ прочности этого учрежденія, служитъ въ то-же время осязательнымъ, вещественнымъ доказательствомъ того, что задуманное и втеченіе многихъ лѣтъ веденное дѣло не есть что-либо легкомысленное, основанное на мимолетной модѣ или фантазіи. Исторія нашего учрежденія подтверждаетъ это какъ нельзя лучше...»

Затѣмъ, напомнивъ. съ выраженіемъ сердечной симпатіи, заслугу Е. И. Конради, которая сдѣлала первый шагъ къ осуществленію мысли о высшихъ женскихъ курсахъ, а затѣмъ высказавъ глубокую благодарность бывшему министру народнаго просвѣщенія, гр. Д. А. Толстому, который столько способствовалъ осуществленію идеи объ этихъ курсахъ, профессоръ А. Н. Бекетовъ напомнилъ всѣмъ присутствовавшимъ на торжествѣ открытія дома, значительные и достойные самаго глубокаго уваженія труды всѣхъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Общества, постоянно ведшихъ дѣло курсовъ. Онъ указалъ на вице-предсѣда-

теля Общества, А. Я. Герда, распорядительницу курсовъ Н. В. Стасову, казначея В. П. Тарновскую, неизмѣнно занимавшую эту должность впродолженіе всего существованія курсовъ, членовъ Комитета: О. Н. Рукавишникову, Ю. А. Варгунину, Е. І. Лихачеву, М. К. Цебрикову, А. Р. Воронину, Е. А. Овсянникову, секретаря Общества—А. Н. Страннолюбскаго и К. С. Шварсалона.

Приэтомъ онъ сказалъ еще: «Въ первые годы, предсѣдательницею Комитета была А. П. Философова: ея изумительная энергія и любовь къ дѣлу немало способствовали учрежденію курсовъ.

«Нельзя также пройти молчаніемъ изъ ряду вонъ выходящую дѣятельность Н. В. Стасовой, отъ самаго начала курсовъ связавшей съ ними свою жизнь. Подъ скромнымъ названіемъ распорядительницы курсовъ, Н. В. есть собственно директриса. Эта дѣятельность, независимая отъ должности ея, какъ члена Комитета, дозволяетъ мнѣ высказать здѣсь нашу общую и глубочайшую благодарность Н. В.—Всякій, знакомый съ ея дѣятельностью, безъ сомнѣнія, присоединится къ намъ въ выраженіи ей этой благодарности».

XXII.

Итакъ, высшіе курсы получили, наконецъ, прочное помѣщеніе, въѣхали въ свой собственный домъ. Правда, были недоброжелатели, иногда люди съ сильнымъ вліяніемъ, которые таинственно и злобно улыбались и произносили съ важнымъ видомъ (я самъ это отъ нихъ слыхалъ): «Преждевременно, преждевременно! Къ чему это было строить такой громадный домъ, тратить на него такую кучу денегъ, — легкое дѣло сказать – 200,000! Кажется, благоразумнѣе было-бы эти громадныя деньги употребить на что-нибудь прочное, солидное, полезное на долгіе годы. А то, что такое эти женскіе курсы? Сегодня они есть, а

можетъ быть—можетъ быть ихъ завтра и не будетъ! Преждевременно, — да, преждевременно!» Но другіе люди, менѣе таинственные, но болѣе сообразительные, потому что стояли ближе къ курсамъ, знали всю ихъ чудесную, свѣтлую сторону, ясно видѣли всю пользу, которую они уже и въ ту минуту приносили и которая могла современемъ все болѣе и болѣе разростаться,—эти другіе люди, которыхъ по счастію было много, говорили другъ другу: «Ну, тамъ что-то еше будетъ, того не знаемъ, а покуда нечего намъ терять куражъ и бодрость! Наша задача—дѣлать что можно, покуда руки двигаются и ноги ходятъ, покуда умъ шевелится въ головѣ и сердце живо бьется. Дѣлать, дѣлать! А тамъ, вѣдь не клиномъ-же свѣтъ сошелся. Вѣдь есть тоже и добро на свѣтѣ? Вѣдь въ концѣ концовъ, рано или поздно, а оно возьметъ свое, и солнце просіяетъ наперекоръ всѣмъ чернымъ тучамъ, всей жалкой и несчастной слякоти жизненной!» И эти люди шли и дѣлали, не хотѣли лежать на теплыхъ лежаночкахъ, покрывшись заячьимъ, или хоть-бы даже соболинымъ тулупчикомъ; они шли и дѣлали, шли и дѣлали. И ихъ руками воздвигался собственный домъ, собственная храмина для женскихъ курсовъ, богатая привѣтомъ и уютностью палата, приготовленная для живой, непобѣдимой, все только разростающейся дѣятельности женскаго ума, женской любознательности и знанія. Вотъ уже болѣе 10 лѣтъ прошло, и сколько тутъ, на ихъ плечахъ, пронеслось невзгодъ, трудныхъ обстоятельствъ, недочетовъ физическихъ и нравственныхъ, клеветъ, наговоровъ, подозрѣній, и всетаки, все прошло, все пронеслось мимо, и домъ стоитъ, и жизнь въ немъ идетъ, и ничего «преждевременнаго» тутъ не оказалось.

А какъ подумаешь, не чудо-ли это, что столько разъ на свѣтѣ что-то худое, неудачное, неблагопріятное, бываетъ крестнымъ отцомъ и попечителемъ того, что́ хорошо, что́ полезно, что́ должно быть! «Тяже-

лый млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ». Русскія женщины 70-хъ и 80-хъ годовъ вышли вдругъ, вмѣсто хрупкаго стекла, какимъ столько столѣтій казались, прочнымъ, могучимъ булатомъ, какимъ никто ихъ не подозрѣвалъ. И, оставляя на секунду въ сторонѣ главное, большое ихъ дѣло, взглянемъ хотя на внѣшнее, второстепенное — домъ курсовъ. Какое нужно было чудо, какая потребна была храбрость, чтобы съ двумя стами рублей въ карманѣ затѣять и выстроить домъ въ 200.000! Это уже не смѣлость, а просто какая-то нестерпимая дерзость! Но она была,—и творила свои изумительныя чудеса, на которыя даже отдаленные потомки не перестанутъ никогда дивиться.

Свой домъ! Что за важность такая — свой домъ! Что тутъ особеннаго, что тутъ удивительнаго, о чемъ-бы стоило много говорить! Мало-ли «своихъ домовъ» на свѣтѣ. Ихъ сотни тысячъ, ихъ, можетъ быть, милліоны во всей Россіи. Отчего не быть «своему дому» и у женскихъ курсовъ? Да, но дѣло въ томъ, что такого дома, какъ вотъ этотъ, у насъ отроду еще не бывало, съ тѣхъ поръ что Россія стоитъ на свѣтѣ. Вѣдь это такой домъ, на который всѣ рубли, большіе и малые, дала вся наша страна. Такой домъ, съ которымъ связаны были самыя золотыя ожиданія всѣхъ русскихъ, самыя свѣтлыя надежды тысячей удивленныхъ, уже благодарныхъ и уповающихъ нашихъ людей. Всѣ говорили: «Вы, молодое наше поколѣніе, такія славныя, такія хорошія, вы столько уже доказали, мы столько еще и впереди отъ васъ ждемъ, что на-те вамъ наши рубли, стройте себѣ домъ и цвѣтите въ немъ какъ дорогіе цвѣтики, — мы объ васъ похлопочемъ, а вы только продолжайте спокойно дѣлать свое чудесное дѣло!» Такого дома еще у насъ никогда-бы не было, никто изъ нашихъ женщинъ не посмѣлъ-бы о немъ и подумать, еслибы у нихъ, по этой части, т.-е. по части помѣщенія, сразу была удача. Въ своей бѣдности, въ своемъ недостаткѣ средствъ, онѣ должны

были слоняться по чужимъ домамъ, казеннымъ, уже занятымъ другими учрежденіями. И слава Богу, что были еще на свѣтѣ добрые люди, которые въ самомъ началѣ дѣла давали добрый пріютъ, теплое гнѣздышко только-что народившемуся птенчику. Но въ чужихъ гнѣздахъ мало еще было отрады: гдѣ холодно, гдѣ тѣсно, гдѣ трудно, гдѣ непріютно, гдѣ колется, гдѣ шершавится. Вотъ и приходилось искать чего-нибудь другого, получше и потеплѣе: хоть на грошъ, да своего. «Дешево да гнило»—это новымъ работницамъ и ихъ заботливымъ опекуньшамъ уже болѣе не годилось. Тошно было. И слава Богу, что такъ, слава Богу, что онѣ всѣ сразу не успокоились на дешевыхъ лаврахъ. Наняли на свои малые достатки (все-таки между тѣмъ кое-какъ выросшіе) — наняли большой домъ, даже на большой парадной улицѣ, цѣлой Сергіевской, вмѣсто прежнихъ далекихъ улусовъ и закоулковъ. Будь, опять-таки, и въ этомъ домѣ все умѣренно-хорошо и ладно, для самостоятельности курсовъ было-бы, пожалуй, вовсе не хорошо. Они успокоились-бы въ изрядномъ, сносномъ житьѣ, и не искали-бы ничего лучшаго. Всякая посредственность ужасно усыпляетъ и разжижаетъ. По счастью, этого на нынѣшній разъ не случилось. Несговорчивость, неуступчивость хозяевъ, дороговизна наемной квартиры, все только повышающаяся, отказъ хозяевъ дѣлать что-либо со своей стороны на пользу курсамъ—вдругъ рѣшили дѣло. И вотъ явился громадный домъ, *первый женскій домъ въ Россіи*.

Это былъ домъ, прямо задуманный и приспособленный для курсовъ и всѣхъ ихъ потребностей, а это такое чудо въ Россіи! Вѣдь почти всегда самыя лучшія, самыя важныя у насъ учрежденія поселяются гдѣ случится, въ какомъ-нибудь совершенно нечаянномъ, неожиданномъ помѣщеніи: судебныя мѣста — въ бывшемъ арсеналѣ, университетъ — въ бывшемъ присутственномъ мѣстѣ (12 коллегій), школа или музей—

въ бывшихъ роскошныхъ палаццахъ, первоначально созданныхъ для совершенно другихъ цѣлей, училище правовѣдѣнія—въ домѣ богатаго свѣтскаго человѣка, Румянцевскій музей—въ домѣ прежняго московскаго барича, артиллерійскій складъ ядеръ—въ драгоцѣнномъ дворцѣ среднеазіатскаго владыки Тамерлана и т. д. Здѣсь было иначе: весь домъ былъ задуманъ, сочиненъ и созданъ спеціально для цѣлей учебныхъ и научныхъ, и оттого произошло на свѣтъ нѣчто такое, чего не найдешь нигдѣ даже во всей нашей Россіи.

Отчетъ Общества для вспоможенія курсамъ за 1885—86 г. говоритъ: «Обществу удалось обставить курсы, относительно учебныхъ пособій, библіотеки (до 5.000 томовъ), лабораторій и кабинетовъ, приборовъ, которыхъ общая стоимость простирается до 60.000 р., такъ, что курсы въ настоящее время вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ высшаго университетскаго преподаванія и имѣютъ полную возможность широко развивать практическія занятія слушательницъ».

Но спрашивается: какой-же толкъ вышелъ изъ всѣхъ этихъ усилій, хлопотъ, заботъ и стараній? Пошли-ли они въ самомъ дѣлѣ въ прокъ? Какъ отвѣтили наши воспитывающіяся женщины на всѣ попеченія о нихъ? Стоила-ли игра свѣчь? Вѣдь не мало у насъ людей, которые долго считали все это дѣло затѣей праздныхъ барынь, которымъ подчиняетсл «стадо барановъ».

На это всего лучше отвѣчаетъ то отношеніе, въ какомъ стояли къ курсамъ почти всѣ безъ изъятія наши профессора. Вначалѣ, когда дѣло еще было на степени зародыша, они, видя въ корню его полезность и будущность, прилѣпились къ нему всей душой и сердцемъ, и стали самыми ревностными его помощниками. Но, когда дѣло осуществилось и стало на свои ноги, тутъ-то они убѣдились, что всѣ ихъ предвидѣнья были справедливы, что въ самомъ дѣлѣ идетъ

рѣчь о чемъ-то вовсе не шуточномъ, а о такомъ, которое имъ самимъ лично приноситъ великую отраду, утѣшеніе и научную радость. Въ доказательство этого, я изъ числа многихъ другихъ примѣровъ, приведу нѣсколько самыхъ поразительныхъ и идущихъ изъ устъ крупнѣйшихъ представителей и свѣтилъ русской науки. А эти съ дѣломъ науки, со своимъ святымъ, главнымъ дѣломъ своей жизни никогда не шутили.

Въ минуту важнаго перелома въ своей жизни, профессоръ Д. И. Мендѣлѣевъ писалъ моей сестрѣ, 21 февраля 1881 года: «Обстоятельства жизни и дѣятельности, условія здоровья и спокойствія заставили меня, въ эти дни, оставить если не навсегда, то временно, чтеніе лекцій въ университетѣ, и принуждаютъ ѣхать заграницу, на что я уже получилъ благосклонное согласіе всѣхъ тѣхъ, отъ кого зависѣло оно; а потому ѣду въ отпускъ на-дняхъ. Съ этимъ сопряжено, конечно, и прекращеніе моего курса, немного незаконченнаго, въ Бестужевскихъ курсахъ. Что дѣлать, иначе нельзя. Прошу васъ, Н. В., какъ настоящую водительницу благого дѣла—высшихъ женскихъ курсовъ,—во-первыхъ, извѣстить о томъ кого слѣдуетъ по начальству курсовъ,—во-вторыхъ, извинить меня передъ моими столь усердными слушательницами, которыя внимали моимъ необстоятельнымъ и краткимъ рѣчамъ съ такимъ постоянствомъ, которое указало мнѣ ясно, что ищутъ онѣ и рвутся услышать правду, и узнать черезъ нее истину во всемъ и всякомъ, а не стремятъ лишь отбыть необходимое, какъ привыкли многіе думать объ нашемъ высшемъ образованіи. Скажите имъ, что оставляя ихъ, я уношу съ собой увѣренность въ томъ, что только и есть одинъ путь достичь въ дѣлѣ улучшенія общественныхъ условій—образованность женщинъ, подругъ и матерей, образованность, опирающаяся на исканіи сперва простой правды, а потомъ черезъ нее—истины, ведущая къ усердному труду, прощающая, а не требова-

тельная, свободная, а не взыскательная, любящая, а не проклинающая. Увѣрившись въ томъ, что высшіе курсы этому будутъ содѣйсвовать, я не стану смущаться случайностями, могущими произойти отъ тѣхъ вліяній и вѣяній, которыя теперь господствуютъ и кончатся-же когда-нибудь. Хочется вѣрить, что скоро. Хочется думать, что поворотъ уже есть. Если силы и обстоятельства жизни позволятъ мнѣ продолжать участіе въ томъ дѣлѣ, которое такъ много вамъ обязано, Н. В., я стану помогать вамъ по мѣрѣ возможности».

Точно также другой русскій профессоръ, равнымъ образомъ въ минуту крупнаго перелома въ его жизни, И. М. Сѣченовъ, писалъ моей сестрѣ, 15 сентября 1889 года: «Печалиться по поводу выхода моего изъ университета мнѣ не было ни малѣйшаго повода; сочувствія ни откуда я не ожидала; зналъ, что обо мнѣ пожалѣютъ только наши барышни на высшихъ женскихъ курсахъ съ ихъ старой начальницей. Все это случилось. Чего-же еще горевать, когда получаешь именно то, на что разсчитываешь? Вотъ еслибы измѣнили барышни и прочія особы, то осталась-бы горечь!» Присылая также моей сестрѣ, изъ Москвы, въ 1889 г., свою знаменитую вступительную лекцію «Объ основныхъ положеніяхъ общей физіологіи нервной системы и ученія объ органахъ чувствъ», профессоръ Сѣченовъ надписалъ на ней: «Эту лекцію я каждый годъ читалъ нашимъ милымъ барышнямъ, и вы всегда на ней присутствовали».

Сколько надо было со стороны нѣсколькихъ послѣдовательныхъ поколѣній курсистокъ русскихъ — горячей идеи, самоотверженія, твердости, непоколебимой любви къ дѣлу подвижническаго труда, чтобъ завоевать себѣ такую любовь и уваженіе людей, подобныхъ Менделѣеву и Сѣченову!

Въ своей блестящей рѣчи 22-го сентября 1885 года, при открытіи и освященіи дома высшихъ жен-

скихъ курсовъ, профессоръ А. Н. Бекетовъ говорилъ: «Сознаніе необходимости высшаго образованія для женщинъ возникло въ западной Европѣ уже давно, а въ Америкѣ оно давно перешло въ дѣло. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Россіи, гдѣ, по законамъ и по нравамъ общества, женщина пользуется значительно бо́льшими правами, чѣмъ въ большинствѣ европейскихъ странъ,—это сознаніе выразилось особенно опредѣленно и ярко. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что она, и при томъ не со вчерашняго дня, гораздо просвѣщеннѣе женщинъ такихъ странъ, цивилизація которыхъ несравненно древнѣе русской, напримѣръ: Испаніи, Италіи, даже Франціи. Это зависитъ отъ бо́льшей ея самостоятельности въ государствѣ и въ обществѣ. Благодѣтельное учрежденіе женскихъ гимназій, одно изъ лучшихъ украшеній великаго времени Александра II, было гигантскимъ шагомъ не только въ дѣлѣ женскаго образованія, но и въ дѣлѣ образованія народа вообще. Женскія гимназіи естественнымъ путемъ ведутъ къ высшему образованію; это явствуетъ уже изъ того, что онѣ суть заведенія среднія, посредствующія между низшими и высшими. Высшіе женскіе курсы являются неизбѣжнымъ логическимъ послѣдствіемъ болѣе широкаго и раціональнаго распространенія средняго женскаго образованія въ Россіи. Этимъ опредѣляется и цѣль, и значеніе высшихъ женскихъ курсовъ. Цѣль ихъ ясна и проста: она состоитъ въ пріобрѣтеніи высшихъ знаній въ кругу наукъ, избранныхъ слушательницею, безъ всякихъ заднихъ мыслей, безъ всякихъ утилитарныхъ, практическихъ видовъ, словомъ — это та-же цѣль, которая преслѣдуется университетами. Если наши высшіе женскіе курсы еще далеки отъ университета, то причиною тому меньшій размѣръ преподаванія въ женскихъ гимназіяхъ, сравнительно съ мужскими, и вообще вѣковые предразсудки, все еще осуждающіе женщину на относительное невѣже-

ство... Цѣль высшихъ женскихъ курсовъ, также какъ и цѣль университетовъ, не въ томъ, чтобы образовать учительницъ или ученыхъ, или вообще какихъ-либо спеціалистокъ, а въ томъ, чтобы дать Россіи женщинъ въ возможно широкомъ смыслѣ образованныхъ. Слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ поступаютъ на нихъ, ранѣе всего, для пополненія своихъ познаній, для развитія своего ума».

Разсмотрѣніе статистическихъ данныхъ, касающихся высшихъ женскихъ курсовъ, даетъ результаты истинно неожиданные и въ высшей степени важные.

Вотъ что мы находимъ на страницахъ отчета за 1885—1886 годъ.

«Сопоставляя цифры оффиціальныхъ отчетовъ, приходимъ къ заключенію, что успѣхи слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ нетолько не уступаютъ успѣхамъ студентовъ с.-петербургскаго университета, но, по всей вѣроятности, превосходятъ ихъ. Такъ-какъ въ университетѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ многіе профессора одни и тѣ-же, то сдѣланное сравненіе пріобрѣтаетъ значительную вѣроятность. Допускать, что одни и тѣ-же лица дѣлаютъ разную оцѣнку въ университетѣ и на курсахъ, едва-ли возможно. Изъ таблицъ при отчетахъ прямо слѣдуетъ, что экзаменаторы на высшихъ женскихъ курсахъ вовсе не стѣсняются ставить неудовлетворительныя отмѣтки, коль-скоро слушательница ихъ заслуживаетъ. Но изъ тѣхъ-же таблицъ является и еще одинъ очень утѣшительный и важный выводъ, а именно, что по мѣрѣ перехода съ курса на курсъ, успѣхи слушательницъ возростаютъ. На «словесномъ отдѣленіи» число высшихъ отмѣтокъ, напримѣръ, за послѣдній учебный годъ (1885), выражавшееся для I курса цифрою 48%, на послѣднемъ IV курсѣ поднимается до 55½%. Подобное-же явленіе, но еще сильнѣе, обнаруживается и на отдѣленіи физико-математическомъ, гдѣ та-же цифра съ 48% поднимается почти до 63%. Это прямо

свидѣтельствуетъ, что курсы оказываютъ на слушательницъ благотворное вліяніе, и что, по мѣрѣ пребыванія на нихъ, учащіяся болѣе и болѣе заинтересовываются занятіями и дѣлаютъ все бо́льшіе и бо́льшіе успѣхи... Изъ всего сказаннаго о занятіяхъ и успѣхахъ слушательницъ видно, что немного найдется у насъ такихъ учебныхъ заведеній, которыя могли-бы похвалиться одинаковыми съ высшими женскими курсами успѣхами учащихся. Замѣчательно, и въ высшей степени отрадно, что самые лестные отзывы о занятіяхъ слушательницъ даютъ и профессора другихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Ссылаемся, напримѣръ, на отзывы профессоровъ казанскихъ высшихъ женскихъ курсовъ («Новости», 16 августа 1886 г.: письмо профессора И. Смирнова, и 25 августа: письмо профессора Богородицкаго)».

Но не надо думать, что слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ довольствовались только тѣмъ, что хорошо *учились*, внимательно выслушивали лекціи, ревностно и умѣло усвоивали преподанное имъ профессорами, а впослѣдствіи, въ пору экзаменовъ, воспроизводили все это въ своихъ отвѣтахъ экзаменаціонному персоналу. Нѣтъ, онѣ дѣлали то самое, что дѣлали университетскіе студенты. Онѣ должны были писать сочиненія на заданныя имъ профессорами темы, и, не взирая на строжайшее и серьезнѣйшее отношеніе профессоровъ къ этимъ работамъ, онѣ оказывались, въ большинствѣ случаевъ, на всей высотѣ своего университетскаго положенія.

Такъ, напримѣръ, на актѣ 20 сентября 1882 г., Педагогическій Совѣтъ курсовъ указалъ на заслуживающія особеннаго вниманія работы и сочиненія слушательницъ. Наиболѣе выдающимися признаны: работы г-жи Давыдовой—по химіи, г-жи Сердобинской и Шиффъ—по математикѣ. Сочиненіе г-жи Александровой по русской исторіи: «Критическій разборъ «Записокъ о Россіи, Манштейна», по отзыву профессора

Бестужева-Рюмина, заслуживаетъ быть напечатаннымъ. Г-жи Давыдова и Сердобинская, когда онѣ кончили курсъ въ 1882 году, были допущены къ продолженію своихъ занятій въ лабораторіяхъ курсовъ, и Педагогическій Совѣтъ поручилъ имъ самостоятельное руководительство практическими занятіями слушительницъ въ лабораторіяхъ (Давыдовой—въ химической, Сердобинской—въ физической). Заслуживающими особаго одобренія Педагогическій Совѣтъ призналъ, въ 1883 г., работы: г-жи Варгуниной — по механикѣ, «О равновѣсіи гибкой нитки»; г-жъ Масалитиновой, Латкиной и Герценштейнъ—по исторіи. Въ отчетѣ за 1884—1885 годъ было сказано: «Рефераты слушательницъ III-го и IV-го курсовъ по русской исторіи представляли (по отзыву профессора К. Н. Бестужева-Рюмина) не простую комплекцію изъ указанныхъ слушательницамъ источниковъ, а критическую обработку матерьяла и обнаруживали, не только начитанность въ русской исторической литературѣ, но и знакомство съ первыми источниками русской исторіи, умѣнье располагать и излагать научный матерьялъ, освѣщая и группируя ихъ съ помощью *многихъ* историко-юридическихъ трудовъ. Большая часть рефератовъ отличались и вполнѣ литературнымъ, при всей сжатости, языкомъ... Доказательствомъ силы и прочности вліянія курсовъ на развитіе въ ихъ питомицахъ серьезнаго склада мыслей и любви къ умственному труду служитъ, между прочимъ, и тотъ постоянно изъ года въ годъ повторяющійся фактъ, что нѣкоторыя слушательницы и по окончаніи курса продолжаютъ работать, съ разрѣшенія профессора, подъ его руководствомъ. Такъ, напримѣръ, изъ работъ послѣдней категоріи, въ 1884—5 году представлены сочиненія: г-жи Сиряцкой — «Развитіе легенды объ Амлетѣ», г-жи Петерсонъ—«О Ѳеодосіи Печерскомъ», г-жи Балабановой—«Разборъ Оссіана». Г-жи Голубцова, Ефронъ и Чайчинская представили работы по

физико-математическому отдѣленію курсовъ: первая— «О природѣ растворовъ, вторая — «Исторія простого эѳира», третья — «О дипропаргилѣ и бензолѣ». Въ журналѣ «Русскаго физико-химическаго общества» напечатана работа г-жи Рудинской: «О дѣйствіи амміака на парабановую кислоту». Съ особенною похвалою отзывался, позже, профессоръ Бестужевъ-Рюминъ о статьѣ г-жи Щепкиной: «Популярная литература въ срединѣ XVIII вѣка», напечатанной въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», 1886, № 4. Другая слушательница, г-жа Пѣнкина, составила любопытное обозрѣніе литературы о Полѣсьѣ»... «Самъ профессоръ Бестужевъ-Рюминъ, стоявшій во главѣ высшихъ женскихъ курсовъ, высказывался о рефератахъ по русской исторіи такъ: Съ истиннымъ удовольствіемъ слѣдилъ я за преніями слушательницъ: видно было, что и та, которая читала, и та, которая возражала, прочли все, что только нужно прочесть, и много поработали мыслью. Такія-же содержательные рефераты были у профессора Васильевскаго, по части всеобщей исторіи...» Лекціи составлялись слушательницами такъ хорошо, что литографированные ими курсы служили иногда и университетскимъ студентамъ. Про «Курсъ средней исторіи», составленный княгинею Дабижа, проф. Бестужевъ-Рюминъ писалъ: «Слушательницы многихъ выпусковъ съ благодарностью поминаютъ этотъ превосходный трудъ».

Когда состоялся *первый выпускъ* высшихъ женскихъ курсовъ, въ маѣ 1882 года, Совѣтъ курсовъ говорилъ, что, «конечно, нельзя еще указать на какія-либо положительныя данныя, свидѣтельствующія о пользѣ, приносимой обществу и государству двумя стами молодыхъ женщинъ, получившихъ высшее образованіе, до сихъ поръ недоступное ихъ полу. Но, по мѣрѣ того, какъ съ каждымъ годомъ изъ курсовъ будутъ выходить все новыя и новыя группы образованныхъ

женщинъ, непремѣнно обнаружится, что онѣ вносятъ самый благодѣтельный элементъ въ русское общество, и притомъ во всѣ слои и во всевозможныя сферы частной и общественной жизни. Вышедшія съ курсовъ молодыя женщины (по имѣющимся о нихъ свѣдѣніямъ) распредѣлились въ качествѣ учительницъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы и провинціи, нѣкоторыя избрали скромную должность городской и сельской учительницы. Пятнадцать бывшихъ слушательницъ поступили на женскіе врачебные курсы, другія, съ разрѣшенія Совѣта высшихъ женскихъ курсовъ, остались при курсахъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ своихъ спеціальностяхъ подъ руководствомъ профессоровъ. Наконецъ, тѣ, которыя вернулись въ свою семью, или которыя посвятятъ себя воспитанію чужихъ дѣтей, непремѣнно внесутъ въ свои или чужія семьи болѣе просвѣщенное, болѣе гуманное отношеніе къ людямъ и жизни. Всякій шагъ въ улучшеніи женскаго образованія долженъ имѣть громадное значеніе въ глазахъ государства и общества, а такимъ шагомъ слѣдуетъ признавать учрежденіе высшихъ женскихъ курсовъ, прямо поставившихъ себѣ эту высокую цѣль».

Нѣсколькими годами позже, въ 1885 году, отчетъ Комитета говорилъ: «Большинство бывшихъ курсистокъ обращается къ педагогической дѣятельности. Онѣ занимаются въ институтахъ и женскихъ гимназіяхъ, казенныхъ и частныхъ, въ частныхъ пансіонахъ и учебныхъ заведеніяхъ, духовныхъ училищахъ, нетолько православныхъ, но и иновѣрческихъ церквей, въ городскихъ школахъ въ Петербургѣ и провинціальныхъ городахъ, въ сельскихъ и земскихъ школахъ и учительскихъ семинаріяхъ; нѣкоторыя имѣютъ собственныя учебныя заведенія въ Петербургѣ и другихъ городахъ: нѣсколько бывшихъ слушательницъ поставлены во главѣ учебныхъ заведеній; наконецъ, нѣкоторыя изъ нихъ посвятили себя воспитанію, въ

качествѣ воспитательницъ и гувернантокъ. Нѣкоторыя живутъ при родителяхъ, помогая имъ въ хозяйствѣ и воспитанiи младшихъ братьевъ и сестеръ; еще иныя занимаются сельскимъ хозяйствомъ въ собственномъ имѣнiи...»

Высшимъ женскимъ курсамъ не разъ дѣлали упрекъ, что многiя изъ числа слушательницъ не кончаютъ курса. Комитетъ курсовъ возражалъ на это: «Лица, дѣлающiя подобный упрекъ, обнаруживаютъ нетолько совершеное незнанiе того, чтó дѣйствительно происходитъ на курсахъ, но и недостаточное знакомство со статистикой учебнаго дѣла въ Россiи. Профессоръ Бестужевъ-Рюминъ по этому поводу говорилъ въ своей статьѣ о высшихъ женскихъ курсахъ (напечатанной въ 1886 году въ «Новомъ Времени»): «Развѣ есть заведенiя, гдѣ число кончающихъ курсъ было-бы хотя приблизительно равно числу начинающихъ? Напримѣръ, когда я былъ на I-мъ курсѣ юридическаго факультета московскаго университета, насъ поступило 200 человѣкъ, а кончило курсъ 90. Слѣдуетъ помнить приэтомъ, что для насъ окончанiе курса соединялось съ правами, а для слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ правъ никакихъ нѣтъ. Мало-ли причинъ, по которымъ можно не кончить курса: иныя выходятъ по болѣзни, другiя выходятъ замужъ и уѣзжаютъ съ мужьями въ провинцiю; есть конечно, и такiя, которыя находятъ курсъ для себя слишкомъ тяжелымъ». Изъ отчетовъ министерства народнаго просвѣщенiя за прежнiе годы видно, что число оканчивавшихъ полный курсъ гимназiй во многихъ случаяхъ доходило не болѣе какъ до 4% поступавшихъ въ заведенiе. Съ тѣхъ поръ не произошло ничего такого, чтó могло-бы поднять эту цифру, и, напротивъ, произошло многое, что должно было ее понизить. Статистическiя цифры показываютъ, что петербургскiе высшiе женскiе курсы имѣютъ въ этомъ отношенiи значительное преимущество передъ петер-

бургскимъ университетомъ. Слушательницы выбываютъ съ курсовъ въ гораздо меньшей степени, нежели студенты изъ университета, а между тѣмъ окончаніе курса въ университетѣ сопряжено съ пріобрѣтеніемъ очень существенныхъ и важныхъ для послѣдующей жизни правъ. Высшіе-же женскіе курсы никакихъ правъ не даютъ. Сверхъ того, студенту гораздо легче окончить курсъ, нежели курсисткѣ. Оставляя даже въ сторонѣ очень тяжелую (нерѣдко) борьбу съ предразсудками, которую приходится иногда выдерживать курсисткѣ, и отъ которой совершенно свободенъ студентъ, самое матеріальное положеніе студента вообще гораздо болѣе благопріятно, въ сравненіи съ положеніемъ курсистки. Въ университетѣ существуетъ масса стипендій казенныхъ и частныхъ; при университетѣ существуетъ особое общество для вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ. На высшихъ женскихъ курсахъ нѣтъ никакихъ никакихъ стипендій *)... Никакого общества для пособія недостаточнымъ слушательницамъ курсовъ не существуетъ. Все это ставитъ курсистокъ въ положеніе несравненно болѣе трудное сравнительно съ положеніемъ студентовъ...»

Энергичную, иногда даже потрясающую картину трудной, невыносимо тяжелой жизни курсистокъ рисовала, въ началѣ 80-хъ годовъ, одна изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ писательницъ, М. К. Цебрикова, впродолженіе многихъ лѣтъ состоявшая членомъ комитета высшихъ женскихъ курсовъ, близко знавшая жизнь курсистокъ, потому что видѣла ее собственными

---

*) Съ 1886 года, когда эти слова были писаны, на высшихъ женскихъ курсахъ мало-по-малу образовалось нѣсколько стипендій, на частныя пожертвованія, а отчасти вслѣдствіе подписокъ цѣлыми группати интеллигентныхъ и великодушныхъ доброжелателей и доброжелательницъ. Но, какъ такія стипендіи ни благодѣтельны, какъ ни превосходны, а все ихъ въ сущности еще очень немного.

В. С.

глазами, и много старавшаяся объ улучшеніи печальнаго положенія бѣдствующихъ. Въ статьѣ, напечатанной въ «Дѣлѣ» (1882, апрѣль), подъ названіемъ «Высшіе женскіе курсы», и, къ сожалѣнію, въ настоящее время не по достоинству почти совсѣмъ позабытой, эта писательница говорила:

«Упрочить курсы невозможно, не улучшая въ то-же время положенія учащихся женщинъ. Большинство не имѣетъ никакого обезпеченія, или крайне ничтожное, которое надо пополнять заработкомъ. Заработокъ годъ отъ года становится скуднѣе, запросъ на него ростетъ. Надрываться надъ работой и учиться—двойная затрата силъ, и сколько сламывается силъ! Число нервно-больныхъ ростетъ, и доктора приписываютъ это преимущественно дурному питанію. Надо еще взять и то въ соображеніе, что, благодаря дурной подготовкѣ женскихъ учебныхъ заведеній, слушаніе высшихъ женскихъ учебныхъ курсовъ требуетъ усиленнаго умственнаго напряженія. Высшее образованіе покупается, многими, цѣною дорогихъ жертвъ. Эти сырые и холодные углы, гдѣ набиваются по три, по четыре слушательницы, нерѣдко одна постель на троихъ, которою пользуются по очереди; этотъ, въ трескучій морозъ, плэдъ поверхъ пальто, подбитаго вѣтеркомъ; эти обѣды грошовыхъ кухмистерскихъ, а зачастую колбаса съ черствымъ хлѣбомъ и чаемъ; эти безсонныя ночи надъ оплачиваемой грошами перепиской вмѣсто отдыха! Общественная помощь приноситъ ничтожную крупицу. И все это выносится геройски, съ надеждой на лучшее, и съ каждымъ годомъ прибываютъ свѣжія молодыя силы на ту-же битву съ нищетой и голодомъ, во имя ученья. А громадная масса русскаго общества выноситъ это равнодушно. Изъ отчетовъ Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ видно, что изъ 627 членовъ его—всего 148 иногородныхъ. Между тѣмъ, изъ числа слушательницъ, одна треть—жительницы Петер-

бурга, двѣ трети—пріѣзжія со всѣхъ сторонъ Россіи. Курсы — учрежденіе общественное, существующее не для одного Петербурга, но и для всей Россіи, и потому имѣютъ право ожидать поддержки хотя отъ тѣхъ мѣстностей, которыя посылаютъ имъ слушательницъ, и сами слушательницы должны-бы находить такую поддержку для себя. А ея нѣтъ, когда находятся сотни тысячъ на безумную роскошь. Находятся люди, которые на призывъ помочь этой вопіющей нуждѣ, говорятъ: «Вольно имъ! Зачѣмъ бросили семью сами пошли!» Хорошо знаютъ жизнь эти люди! Семья, имѣющая средства и обрекающая «бросившую» ее дочь на лишенія — уродливая семья; одинъ фактъ этотъ говоритъ противъ такой семьи и за помощь дочери. Дочь, «бросающая» нѣжную, человѣческую семью,— уродство, созданное фантазіей нашей докладывающей литературы. Уѣхать учиться не значитъ бросить семью; ни въ Англіи, ни въ Америкѣ не взводятъ такого обвиненія на учащихся дѣвушекъ. Тамъ понимаютъ, что семья не имѣетъ крѣпостного права надъ дѣтьми, тамъ ей не даютъ права убивать умъ, талантъ дочерей. Учащіяся женщины, которыя «бросаютъ» семьи свои, бросаютъ ихъ съ надеждой стать опорой семьи. Мы знаемъ не одну учащуюся женщину, которая добивалась извѣстности своимъ знаніемъ, содержитъ мать, воспитываетъ сестеръ. Пора русскому обществу имѣть глаза на то, чтобы видѣть, и уши на то, чтобы слышать вопіющую правду; пора ему, отрѣшившись отъ темныхъ предубѣжденій, помочь дѣлу новому и вѣковому, дѣлу высшаго женскаго образованія, съ которымъ неразрывно связано развитіе всего русскаго общества».

Кромѣ этихъ упрековъ, бывали еще и другіе. Курсы обвиняли въ «дурномъ вліяніи на слушательницъ» въ нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ. Но спрашивается: если и въ самомъ дѣлѣ встрѣчались неблагопріятные и даже непохвальные слу-

чаи, какимъ-же образомъ можно выхватывать отдѣльные случаи, для того, чтобы бросать обвиненія, иногда очень тяжелыя, нетолько противъ отдѣльныхъ личностей, но и еще противъ цѣлыхъ учрежденій? Хорошо-ли, позволительно-ли это? А между тѣмъ это, къ несчастію, самый обыкновенный самый завсегдашній пріемъ у людей мало понимающихъ, мало способныхъ дѣйствовать умомъ и разсудкомъ, и наклонныхъ, по ограниченности или бѣдности и злобности своей натуры, искать во что-бы-то ни стало нѣчто худое и вредное тамъ, гдѣ его нѣтъ. Комитетъ отвѣчалъ, въ «Докладной запискѣ» особой Коммиссіи о женскомъ образованіи (октябрь 1886 г.) подробно и на этотъ клеветническій, ничѣмъ неоправданный въ дѣйствительности упрекъ. Онъ энергично указывалъ на неоспоримые, исторически основанные факты, что «если и бываютъ (случай, впрочемъ, рѣдкій) нежелательныя проявленія «ложныхъ идей и стремленій», то они обнаруживаются обыкновенно лишь вскорѣ послѣ поступленія на курсы. По мѣрѣ того какъ преподаваніе становится серьезнѣе, слушательницы начинаютъ все болѣе и болѣе увлекаться имъ, и въ старшихъ курсахъ *научные интересы* стоятъ для нихъ на первомъ планѣнѣ. Почти все ихъ время поглощено лекціями или практическими работами въ лабораторіяхъ и кабинетахъ, на что̀ отводится очень много часовъ,—или разработкой, у себя дома, лекцій и составленіемъ записокъ, приготовленіемъ записокъ и рефератовъ, для чего надо прочитать много книгъ и много поработать». Наконецъ, прибавивъ ко всему этому ежегодные экзамены, и, въ большинствѣ случаевъ, частные уроки на сторонѣ, въ окончательномъ результатѣ оказывается, что «огромное большинство слушательницъ просто не имѣетъ даже и свободнаго времени, чтобы отвлекаться отъ серьезнаго дѣла»...

Итакъ, комитетъ, въ согласіи съ педагогическимъ совѣтомъ, отражалъ сыпавшіяся съ разныхъ сторонъ

на курсы обвиненія и клеветы. Имъ обоимъ нельзя было, имъ не слѣдовало молчать, и въ гордомъ, величавомъ презрѣніи смотрѣть издали на своихъ враговъ, не удостоивая ихъ отвѣта. Это бываетъ и хорошо, и возможно — иногда, но не всегда. Для комитета, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, при великомъ количествѣ непріязненныхъ людей, обязанность состояла въ томъ, чтобы не давать слишкомъ уже укореняться и разростаться враждебнымъ крикамъ. Онъ и отвѣчалъ, — но только одною рукою. Другою, съ еще большею силою, комитетъ и совѣтъ продолжали свое дѣло пользы и помощи высшему женскому образованію. «Дѣло, которому служитъ Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, говорилъ Комитетъ въ особой «Запискѣ» при отчетѣ за 1885—6 годъ, пользуется живымъ и дѣятельнымъ сочувствіемъ всего образованнаго русскаго общества и является несомнѣнною, вполнѣ уже созрѣвшей въ немъ и ясно сознаваемой имъ потребностью. Совершенно очевидно, что собственно Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, при весьма незначительномъ (5 руб.) размѣрѣ членскаго взноса, само по себѣ, какова-бы ни была энергія его членовъ и напряженіе личнаго труда ихъ на пользу дѣла, не могло-бы достигнуть являющихся передъ нашими глазами утѣшительныхъ результатовъ, если-бы не встрѣчало дѣятельной и разносторонней поддержки и участія извнѣ. Пожертвованія на поддержаніе курсовъ, отъ копѣекъ и до тысячъ и десятковъ тысячъ рублей, шли изъ разныхъ слоевъ русскаго общества, отъ лицъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, притомъ жителей нетолько столицъ и большихъ провинціальныхъ городовъ, но и самыхъ скромныхъ уголковъ нашего отечества и его отдаленнѣйшихъ окраинъ— закавказскаго и закаспійскаго краевъ Сибири и отъ русскихъ проживающихъ заграницей. Притомъ самая форма содѣйствія и помощи, оказанныхъ курсамъ

множествомъ лицъ, является въ высшей степени разнообразной. Кромѣ пожертвованій деньгами, многіе давали въ распоряженіе Общества свое время и трудъ; книгопродавцы и писатели жертвовали книгами, фабриканты и торговцы—своими произведеніями и товарами, художники — картинами, женщины — деньгами и золотыми и бриллiантовыми уборами; при постройкѣ дома архитекторы и различные техники оказали съ полнѣйшимъ безкорыстiемъ самыя существенныя услуги... Живымъ выразителемъ сочувственнаго отношенія русскаго общества высшимъ женскимъ курсамъ служитъ и наша печать, которая въ большинствѣ лучшихъ и серьезнѣйшихъ своихъ органовъ всегда высказывалась въ пользу высшаго образованія женщинамъ — дружно и энергически защищала его отъ неосновательныхъ обвиненій и клеветъ, всякій разъ, какъ они публично высказывались противниками его. Нельзя, конечно, отрицать, что были и есть противники этого образованія. Но развѣ можно, въ какомъбы то ни было вопросѣ, а тѣмъ болѣе въ такомъ новомъ, какъ вопросъ о женскомъ образованіи, притомъ затрогивающемъ массу вѣками укоренившихся, упорныхъ предразсудковъ, ожидать полнаго единодушія? Впрочемъ, нападки на курсы противниковъ женскаго образованія принесли дѣлу гораздо болѣе пользы, чѣмъ вреда. Они заставили и общество, и печать, и, наконецъ, лицъ, близкихъ къ курсамъ, строго разсмотрѣть дѣло со всѣхъ сторонъ, вникнуть во всѣ его подробности, изслѣдовать всѣ выставляемыя противъ него обвиненія. Это критическое отношеніе къ вопросу, конечно, много способствовало его разъясненію, и, что всего важнѣе, укрѣпило въ людяхъ, стоящихъ у самаго дѣла, убѣжденіе въ его полезности и важности и въ полной несостоятельности большинства взводимыхъ на него обвиненій»...

Когда только было возможно, едва время оказывалось хотя немного болѣе благопріятнымъ, и Совѣтъ, и

Комитетъ дѣлали всевозможныя усилія къ тому, чтобы смягчить иныя изъ тѣхъ основъ курсовъ, которыя были недостаточно удовлетворительны для веденія дѣла высшаго женскаго образованія, и иногда вовсе не соотвѣтствовали истиннымъ его потребностямъ.

Такъ, напримѣръ, смѣшанная коммисія 1881 (3 мая), состоявшая изъ членовъ Педагогическаго Совѣта и членовъ комитета «Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ» (въ числѣ послѣднихъ, одну изъ важнѣйшихъ ролей въ рѣшеніяхъ и предположеніяхъ коммисіи играла моя сестра) — коммисія эта выработала, между прочимъ, слѣдующія предложенія: о необязательности для всѣхъ слушательницъ занятій на курсахъ латинскимъ и иностранными языками, какъ предметовъ факультетскихъ; объ исходатайствованіи для слушательницъ менѣе стѣснительныхъ правилъ для поступленія на курсы; объ исходатайствованіи для слушательницъ, успѣшно кончившихъ полный курсъ и выдержавшихъ испытаніе, опредѣленныхъ правъ—minimum ихъ: право преподавать извѣстные предметы во всѣхъ классахъ, хотя бы однѣхъ только женскихъ гимназій; объ исходатайствованіи увеличенія ежегодной субсидіи курсамъ отъ министерства народнаго просвѣщенія.

Къ сожалѣнію, не всегда были достижимы благія цѣли, и добрѣйшія, нужнѣйшія и полезнѣйшія предположенія оставались неисполненными, не взирая на всю очевидную, иногда, ихъ необходимость. Никакихъ особенныхъ правъ курсистки не получили ни въ началѣ 80-хъ годовъ, ни во всѣ годы, прошедшіе съ тѣхъ поръ; никакого увеличенія субсидіи онѣ также не достигли; разнообразныя «стѣснительности» при поступленіи на курсы — остались во всей своей силѣ попрежнему. Но, по крайней мѣрѣ, и Совѣту, и Комитету удалось достигнуть того, что латинскій языкъ, долгое время, втеченіе 60-хъ и 70-хъ годовъ, казавшійся альфой и омегой всяческаго настоящаго образо-

ванія, а теперь начавшій казаться мало обязательнымъ и потребнымъ, получилъ менѣе суровыя рамки и остался неизбѣжнымъ условіемъ лишь для слушательницъ словеснаго курса.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Закрытіе высшихъ женскихъ курсовъ.

XXIII.

Но пришли тяжелыя времена для курсовъ. Въ маѣ 1886 года состоялось распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія, которымъ прекращенъ былъ пріемъ слушательницъ на Высшіе Женскіе Курсы, въ виду разсмотрѣнія общаго вопроса о женскомъ образованіи особою коммиссіею, учрежденною при министерствѣ.

«Въ ожиданіи разрѣшенія вопроса о дальнѣйшей судьбѣ своей, говоритъ въ своей «Запискѣ» В. П. Тарновская, курсамъ пришлось перенести тяжелый кризисъ, затянувшійся на три года. Постепенное закрытіе младшихъ курсовъ, всегда самыхъ многолюдныхъ, въ корнѣ разрывало бюджетъ учрежденія, а между тѣмъ ему предстояла нелегкая задача справиться съ долговыми обязательствами, заключенными при постройкѣ дома и достигавшими въ общей сложности 126,000 рублей, ежегодные проценты съ которыхъ составляли 8,000 рублей. Путемъ усиленной экономіи, насколько это было возможно безъ ущерба дѣлу, и главнѣйшимъ образомъ благодаря тому, что нѣкоторые изъ кредиторовъ отказались, въ виду стѣсненнаго положенія курсовъ, отъ процентовъ, жертвуя или отсрочивая

ихъ на неопредѣленное время, Комитетъ избѣжалъ дефицита. Это дало возможность предоставить всѣмъ слушательницамъ окончить курсъ, не смотря на то, что въ послѣдній годъ каждая изъ нихъ обходилась Обществу въ 226 рублей, вмѣсто 75 рублей, какъ было при полномъ составѣ курсовъ. Нельзя не отмѣтить отраднаго факта, что въ этотъ тяжелый періодъ число новыхъ членовъ, вступавшихъ въ ряды Общества, нетолько не сократилось, но даже возросло, въ доказательство того, что образованное русское общество не сомнѣвалось въ близкомъ возрожденіи учрежденія, съ существованіемъ котораго связаны драгоцѣннѣйшіе интересы молодого женскаго поколѣнія» *)...

При наступленіи новыхъ тяжкихъ обстоятельствъ, Комитетъ счелъ своею обязанностію представить въ комиссію, образованную при министерствѣ народнаго просвѣщенія, докладную записку, назначенную подробно разъяснить возникновеніе и развитіе Высшихъ Женскихъ Курсовъ, ихъ настоящее положеніе, ихъ стремленія, степень достигнутыхъ результатовъ и — ожиданія въ будущемъ. Записка эта была подана пять мѣсяцевъ спустя послѣ распоряженія министерства, въ октябрѣ 1886 года.

Это есть истинный chef d'oeuvre мысли и изложенія, знанія и убѣдительности доводовъ. Записка эта—

---

*) Число членовъ Общества втеченіе 80-хъ годовъ было таково:

Въ	1880 – 1	году	438
„	1881 — 2	„	584
„	1882 — 3	„	669
„	1883 — 4	„	700
„	1884 — 5	„	763
„	1885 – 6	„	785
„	1886 — 7	„	1,010
„	1887 – 8	„	1,019
„	1888 — 9	„	1,026
„	1889—90	„ поступило вновь	28

цѣлая книга, приложенная къ отчету Общества доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, за 1885—6 годъ. Если всѣ уже и прежніе отчеты и историческія обозрѣнія общества, писанные А. Н. Странолюбскимъ, за все время исполненія имъ должности секретаря Общества, отличались высокими качествами, то эта записка проявляетъ ихъ въ еще несравненно высшей степени. Время было тяжкое, и Комитету надо было напрягать всѣ свои силы, чтобы стараться помочь этому и выставить въ яркомъ свѣтѣ весь глубокій смыслъ, значеніе и потребности курсовъ. Записка Комитета—произведеніе истинно образцовое, достойное изученія. Изъ нея я многое почерпнулъ и привелъ на предъидущихъ страницахъ.

Въ концѣ ея было сказано: «На основаніи всего изложеннаго, Комитетъ Общества позволяетъ себѣ выразить твердую надежду, что просвѣщенными трудами комиссіи, разрабатывающей вопросъ о женскомъ образованіи въ Россіи, существующія уже у насъ пока весьма еще немногочисленныя и юныя учрежденія для высшаго образованія женщины будутъ нетолько поддержаны, но и упрочены, и получатъ возможность безпрепятственно, правильно и широко развиваться и совершенствоваться, на благо просвѣщенія въ отечествѣ нашемъ. Восьмилѣтняя дѣятельность Комитета, всецѣло связанная съ существованіемъ С.-петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ, ознакомила его близко какъ съ ходомъ дѣла на курсахъ, такъ и со взглядами, желаніями и потребностями общества, и, въ особенности, тѣхъ семей, которыя ближайшимъ образомъ заинтересованы судьбою женскаго образованія въ Россіи. Это налагаетъ на Комитетъ обязанность высказать тѣ основныя начала организаціи высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, при осуществленіи которыхъ эти учрежденія будутъ наиболѣе отвѣчать своему назначенію:

«1) Высшее образованіе женщинъ не должно пре-

слѣдовать никакой спеціальной, профессіональной цѣли. Оно должно быть общимъ и обнимать собою всѣ главнѣйшіе и основные предметы человѣческихъ знаній, въ области наукъ словесно-историческихъ и физико-математическихъ.

«2) Для поддержанія уровня образованія въ женскомъ высшемъ учебномъ заведеніи на надлежащей высотѣ, необходимо: чтобы къ преподаванію въ немъ привлекались лучшія ученыя силы и опытные профессора; чтобы форма и характеръ преподаванія въ немъ были такіе-же, какъ въ университетахъ, и чтобы въ число постоянныхъ слушательницъ принимались лица, окончившія полный обще-образовательный курсъ средняго учебнаго женскаго заведенія, безъ ограниченія права поступленія срокомъ окончанія гимназическаго курса.

«3) Было-бы вполнѣ справедливо и полезно, для дѣла женскаго образованія вообще, предоставить лицамъ, окончившимъ курсъ высшаго женскаго учебнаго заведенія, право держать особый экзаменъ при университетѣ, или въ иномъ компетентномъ учрежденіи, на званіе учительницы гимназіи, по программѣ, установленной съ этою цѣлью для лицъ мужского пола. Выдержавшимъ успѣшно такое испытаніе, справедливо было-бы представить право преподаванія во всѣхъ классахъ, по крайней мѣрѣ, женскихъ гимназій и равныхъ съ ними учебныхъ заведеній».

Въ заключеніе, Комитетъ говорилъ въ «Запискѣ»: «Во имя священнѣйшихъ интересовъ народныхъ, Комитетъ признаетъ себя обязаннымъ обратиться въ комиссіи съ просьбою содѣйствовать скорѣйшему, а именно съ будущаго-же учебнаго года, разрѣшенію пріема слушательницъ на высшіе женскіе курсы. Дѣятельность учрежденій, существующихъ для общественнаго образованія, не можетъ прерываться безъ нанесенія явнаго и чувствительнѣйшаго ущерба самымъ жизненнымъ, самымъ законнѣйшимъ интересамъ общества.

По основному закону жизни, все новыя и новыя поколѣнія людей нарождаются непрерывно; отказать которому-нибудь изъ нихъ въ образованіи, когда оно сдѣлалось уже его потребностью и основою всей его дальнѣйшей жизни, значило-бы нанести этому поколѣнію неизцѣлимую рану».

Ко всему этому, Комитетъ указывалъ на всѣ учебныя наши заведенія и говорилъ, что ихъ никогда не закрывали во время составленія проектовъ, ихъ преобразованія и осуществленія этихъ проектовъ «Теперь мы видимъ также, что фактъ учрежденія комиссіи для разсмотрѣнія вопроса о женскомъ образованіи не повлекъ за собою распоряженія о прекращеніи пріема ученицъ въ женскія гимназіи, а между тѣмъ вопросъ объ организаціи ихъ, безъ сомнѣнія, подлежалъ разсмотрѣнію комиссіи... Пять лѣтъ тому назадъ прекращенъ пріемъ на существовавшіе въ Россіи «врачебные женскіе курсы», и русскія женщины, ищущія медицинскаго образованія, вынуждены были покидать свою родину и искать образованія въ чужихъ краяхъ. Это глубоко обидное для нашего національнаго чувства и наносящее прямой ущербъ нашимъ семейнымъ, общественнымъ и государственнымъ интересамъ явленіе грозитъ еще болѣе развиться и охватить еще большую массу лицъ нашего молодого женскаго поколѣнія, если подобная-же мѣра будетъ примѣнена и къ Высшимъ Женскимъ Курсамъ».

Эта «Записка» не имѣла никакого вліянія на рѣшеніе комиссіи для разсмотрѣнія вопроса о женскомъ образованіи, пріемъ на высшіе женскіе курсы не былъ разрѣшенъ, и втеченіе трехъ лѣтъ, отъ 1886 до 1889 года, курсы постепенно одинъ за другимъ закрывались. Къ лѣту 1889 года на курсахъ не осталось уже ни одной курсистки.

Враждебная курсамъ часть русскаго общества и таковая-же печать — торжествовали. Послѣдняя, еще

ранѣе окончательнаго закрытія курсовъ, апплодировала уже начавшемуся этому дѣлу и яростно выражала надежду, что ничьи и никакія усилія не остановятъ уничтоженія курсовъ. Они «вредны», и съ ними «мириться нельзя», восклицала она, и къ этому прибавляла цѣлую ораву гнуснѣйшихъ клеветъ. Авторъ «Дневника» въ газетѣ «Гражданинъ» писалъ 18 февраля 1889 года (№ 49): «Вчера я писалъ въ «Дневникѣ» о краснорѣчіи, излитомъ кѣмъ-то изъ ораторовъ, надъ могилою Бородина, въ честь Высшихъ Женскихъ Курсовъ *. Тутъ-же были и эти гордыя представительницы слабаго пола, стриженныя и въ шапочкахъ. Ораторъ, сказывали мнѣ, говорилъ о золотомъ вѣкѣ этихъ Высшихъ Курсовъ, а затѣмъ упомянулъ о томъ, что, благодаря узкимъ людямъ, померкъ этотъ золотой вѣкъ.

«Померкъ, это правда, но могу въ утѣшеніе оратору сказать, что они, то-есть эти Высшіе Женскіе Курсы, имѣютъ очень дѣятельныхъ и заботливыхъ апостоловъ въ разныхъ высшихъ сферахъ общества. Я знаю одну титулованную даму, которая носится съ хлопотами о Высшихъ Женскихъ Курсахъ до того усердно, что и записки подаетъ вліятельнымъ лицамъ, и болтаетъ про нихъ три короба. Ces pauvres jeunes filles, плачется она, comme c'est mal de les priver de science, nous vivons au siècle du progrès и т. д. И пожалуй, чего добраго, добьется какихъ-нибудь уступокъ въ пользу приговоренныхъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ.

«Это будетъ очень жаль.

---

* 19 февраля 1887 хоронили на кладбищѣ Александро-Невской Лавры, профессора химіи и знаменитаго композитора Ал. Порф. Бородина, принимавшаго огромное участіе въ созданіи, устройствѣ и ходѣ Женскихъ Медицинскихъ Курсовъ. Спустя два года, въ 1889 году, послѣдовало открытіе его надмогильнаго памятника, при очень многочисленномъ собраніи публики. *В. С.*

«Видалъ-ли кто-нибудь, когда-нибудь красивую и граціозную бестужевку-курсистку? Я много ихъ вивидѣлъ, но никогда не видѣлъ не то что красивую, но мало-мальски сносную. Всѣ онѣ какъ-будто сговариваются быть нетолько некрасивыми, но отвлекательными... И кромѣ того, у каждой изъ нихъ на лицѣ и въ манерахъ сквозитъ забота показать, что она не слабый полъ, а какой-то сильный умъ... И это выходитъ ужасно противно... Это не бездѣлица, это черта: не будь ея, можно было-бы мириться съ высшими женскими курсами.

«А съ этой главной чертой немыслимо мириться. Эта черта главная причина ихъ вреда; да, прямо ихъ вреда, и вотъ почему. Какъ дѣвушка поступила въ курсистки, то-есть въ стриженныя, такъ сейчасъ она проникается и переполняется заботою показать міру, что она не слабый полъ, и что въ этомъ ея призваніе. Эта мысль царитъ въ ея духовномъ существѣ... и не допускаетъ къ соперничеству никакой другой мысли. И тогда вотъ что происходитъ: является профессоръ: она уже впередъ его ненавидитъ, подъ вліяніемъ своей главной мысли, за то, что онъ мужчина, то-есть сильный полъ, и совсѣмъ его слушать не хочетъ, или, точнѣе, вѣрить въ него не хочетъ; слушать-то слушаетъ, но только для того, чтобы своимъ сильнымъ умишкомъ изобрѣтать что-нибудь умнѣе профессорскаго сообщенія, или-же, чтобы критиковать его съ точки зрѣнія *чистѣйшаго* разума. И выходитъ нѣчто скверное; мозги-то мизерные: малокровные, а натуги умишка громадныя, и смотришь, начинается раздраженіе мозга. Раздраженіе мозга начинаетъ переходить во всевозможные виды, одинаково непріятные и непроизводительные, а затѣмъ раздраженіе переходить на мозжечекъ... Тогда начинается, опять-таки подъ вліяніемъ главной мысли — показать-де, что она не слабый полъ — всевозможныя эквилибраціи мозговыхъ органовъ; и борьба съ мужчиною, и борьба съ

обществомъ, и борьба съ предразсудками; ненависть къ предразсудкамъ начинаетъ принимать эротическія проявленія; вдругъ является нужда *сильнаго* духа, доказать мужчинѣ, что она не терпитъ предразсудковъ стыда, стыдливости и приличія, и тогда она дѣлается несообразно циничною въ сношеніяхъ съ мужчинами; ни искры поэзіи не допускается, ни искры чувства, а просто нужда показать силу своего пола въ презираніи предразсудковъ стыда — и больше ничего... и вотъ тутъ уже стриженная совсѣмъ пропадаетъ; съ разстроенными нервами, съ утомленнымъ мозгомъ, съ больнымъ часто мозжечкомъ, — куда ей до науки? Она ходитъ на курсы, но уже и не слушаетъ; уже на второй, на третій годъ приходитъ охота къ критикѣ, охота перехитрить профессора, просто какое-то тупое, тоскливое состояніе, раздраженіе противъ всѣхъ и недовольство всѣмъ, и по выходѣ изъ курсовъ дѣвушка, сдѣлавшись еще болѣе гадкою, какъ женщина не находитъ ни мѣста, ни жениха... повянетъ, посохнетъ и пропадаетъ...

«И для этого процвѣтали Высшіе Женскіе Курсы... Въ Медицинскихъ Курсахъ совсѣмъ было другое: тамъ живое тѣло, страданіе, эмпирическій методъ изученія, все это до того увлекаетъ собою дѣвушку, что она забываетъ думать объ уничтоженіи своего пола и вообще о своемъ умѣ, учится, оставаясь женщиною, дѣлается иногда отличною матерью, женою и врачемъ».

XXIV.

Среди сложной и разнообразной дѣятельности моей сестры, какъ распорядительницы Высшихъ Женскихъ Курсовъ, ей приходилось испытывать тяжелыя и печальныя минуты не только со стороны оппозиціи лучшимъ стремленіямъ и предпріятіямъ на пользу высшему женскому образованію — оппозиціи, дававшей знать себя иной разъ очень чувствительными уколами

и шершавыми толчками. Ей приходилось испытывать отъ времени до времени подобные-же толчки и больные уколы также и съ такой стороны, съ которой ожидать ихъ было всего труднѣе и неожиданнѣе: со стороны самихъ курсистокъ. По счастью, такіе случаи бывали рѣдки. Мы узнаемъ о такихъ порицаніяхъ и враждебности — во первыхъ, изъ нѣкоторыхъ писемъ, иной разъ даже анонимныхъ, но до сихъ поръ сохранившихся. Они были полны упрека, требованій и выговоровъ, и свидѣтельствовали только о недостаткахъ мыслительной способности и характера, о заносчивости и раздражительности людей, не желающихъ ничего знать, ничего соображать, не согласныхъ принимать въ разсчетъ никакія обстоятельства. Съ другой стороны, мы получаемъ объ этомъ понятіе изъ разсказовъ курсистокъ совершенно иного настроенія и понятія противъ предыдущихъ. Въ «Воспоминаніяхъ» о моей сестрѣ, написанныхъ тотчасъ послѣ ея смерти одною изъ бывшихъ курсистокъ, Л. Я. Гуревичъ, и принадлежащихъ къ числу самаго лучшаго и самаго сердечнаго, что̀ писано о моей сестрѣ, мы читаемъ: «Молодое учрежденіе, обставленное сравнительно хорошими профессорскими и преподавательскими силами, привлекавшее слушательницъ со всѣхъ концовъ Россіи, жило полною, кипучею, возбужденною жизнью. Толпы учащихся дѣвушекъ, часто не вполнѣ хорошо подготовленныхъ средними учебными заведеніями къ научнымъ занятіямъ, но чуткихъ ко всякимъ погрѣшностямъ руководителей и учителей, нервно отзывавшихся на всѣ общественныя настроенія и вѣянія, представляли взрывчатую стихію, съ которой не легко было совладать людямъ, отвѣтственнымъ за учрежденіе. Съ одной стороны, приходилось всячески оберегать самое учрежденіе, еще не прочное, утвержденное только какъ-бы въ видѣ пробы; съ другой стороны, нельзя было не становиться на сторону молодыхъ, живыхъ, несклонныхъ къ компромиссу умовъ. Въ та-

комъ положеніи, очень часто даже самые мягкіе по природѣ люди, думая быть добросовѣстными исполнителями «ввѣренныхъ имъ обязанностей», надѣваютъ на себя маску начальственной суровости и мало-по малу входятъ въ роль почти полицейскихъ утѣснителей. Н. В. Стасова, стараясь дѣйствовать на студентокъ умиротворительно, непрестанно убѣждая ихъ отложить всѣ интересы, не связанные съ научными занятіями, до окончанія курса, чтобы не повредить учрежденію, никогда не хотѣла и не умѣла смотрѣть на какія-бы то ни было умственныя вѣянія какъ на нѣчто зловредное по существу и несовмѣстимое съ прохожденіемъ курса наукъ въ стѣнахъ заведенія. Она была снисходительна, сдержана и мягка даже тогда, когда ей самой приходилось выслушивать несдержанныя рѣзкости отъ разгорячившихся дѣвушекъ. Чуждая какихъ-бы то ни было сословныхъ и національныхъ предразсудковъ, она вѣрила, что просвѣщеніе сотретъ въ молодыхъ душахъ все то, что является продуктомъ общественной некультурности... Но были и люди, которые упрекали ее за то, что въ своихъ сношеніяхъ съ молодежью она не была достаточно «тверда». Пусть люди съ иной закваской, съ иными понятіями дѣйствуютъ «тверже»!

По счастью—такіе факты и такія враждебности составляли лишь исключенія. Личности, ближе ее знавшія, постоянныя свидѣтельницы ея дѣятельности, личности, способныя смотрѣть глубже и видѣть дальше, цѣнили ее иначе.

«Съ перваго момента возникновенія Общества для доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ, пишетъ въ своей «Запискѣ» В. П. Тарновская, Н. В. работала неустанно въ его рядахъ. Избранная въ составъ Комитета въ 1878 г., она до конца жизни состояла членомъ его, и буквально *ни одно* начинаніе, крупное-ли, мелкое-ли, не обошлось безъ ея дѣятельнаго участія. Несмотря на сложныя обязанности рас-

порядительницы, она находила время участвовать во *всѣхъ* комиссіяхъ, разрабатывавшихъ тотъ или другой вопросъ, касавшійся курсовъ. Она принимала самое живое участіе въ хлопотахъ по пріисканію, сначала наемной квартиры, а потомъ мѣста для постройки собственнаго дома Курсовъ. Впродолженіе производства этой постройки, она, въ качествѣ члена строительной комиссіи, съ поразительной неутомимостью слѣдила за ходомъ дѣла, интересовалась всѣми подробностями, отъ самыхъ крупныхъ до самыхъ мелкихъ, и всегда подавала голосъ за лучшее, хотя-бы и болѣе дорого выполненіе плана постройки. Ее никогда не смущалъ недостатокъ средствъ: она была увѣрена, что они найдутся, притекутъ, и сама дѣятельно этому способствовала. Ея непоколебимая вѣра въ будущность Высшихъ Женскихъ Курсовъ и ихъ насущную необходимость невольно передавалась другимъ и вербовала все новыхъ и новыхъ приверженцевъ. По ея рекомендаціи вступило въ члены Общества болѣе 250 человѣкъ.

«Нѣтъ возможности перечислить всего, что сдѣлала Н. В. для дорогихъ ея сердцу курсовъ, но нельзя не вспомнить съ глубокимъ умиленіемъ о томъ времени, когда она, совсѣмъ больная, еле передвигающаяся, съ неразрѣшившимся воспаленіемъ легкаго, ежедневно пріѣзжала на Сергіевскую, чтобъ направлять сложное хозяйство курсовъ, находившееся въ ея завѣдываніи! Такія заслуги не могли не встрѣтить искренней оцѣнки, и въ 1881 году она была единогласно избрана почетнымъ членомъ Общества «за долголѣтнее энергическое и плодотворное служеніе дѣлу высшаго женскаго образованія».

Въ день освященія и открытія дома курсовъ, 22-го сентября 1885 года, былъ товарищескій обѣдъ, на которомъ присутствовали всѣ члены какъ педагогическаго совѣта, такъ и комитета «Общества для доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ». На этомъ обѣдѣ, среди многихъ привѣтственныхъ и благодар-

ственныхъ рѣчей, профессору А. Н. Бекетову, столько лѣтъ посвящающему съ беззавѣтною любовью и преданностью всю жизнь свою дѣлу курсовъ, и архитектору А. Ѳ. Красовскому, превосходно выстроившему истинно примѣрный домъ курсовъ, были поднесены, отъ товарищей, богатые и очень художественно сочиненные И. П. Ропетомъ золотые жетоны съ прелестной эмалевой работой, моей-же сестрѣ — браслетъ, съ надписью изъ бриллiантовъ: «Отъ товарищей».

Спустя три года, на актѣ 20 сентября 1888 года, моей сестрѣ былъ поднесенъ, отъ курсистокъ, покрытый множествомъ подписей, адресъ такого содержанiя:

«Дорогая, всѣми любимая и уважаемая Надежда Васильевна! Сегодня, въ день торжественнаго акта, мы собрались почтить десятилѣтiе существованiя нашихъ курсовъ и пользуемся случаемъ выразить вамъ то горячее чувство благодарности, которое возбуждаетъ въ насъ ваша многолѣтняя неустанная дѣятельность на пользу высшаго женскаго образованiя въ Россiи. Благодаря вашему самоотверженному труду, поддерживалось существованiе дорогого намъ учрежденiя, гдѣ уже столько женщинъ могли развить свои умственныя силы и найти удовлетворенiе своимъ высшимъ духовнымъ потребностямъ. Время пребыванiя на курсахъ составляетъ и будетъ составлять для насъ одно изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминанiй, и слѣды этого пребыванiя останутся въ насъ на всю жизнь. Вы, дорогая Надежда Васильевна, своимъ горячимъ къ судьбѣ каждой изъ насъ, участiемъ, въ которомъ никто никогда не видѣлъ отказа, заставите навсегда вспоминать вашу свѣтлую и незабвенную для насъ личность».

Весной 1889 года кончалъ свой курсъ послѣднiй выпускъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ, такъ-какъ прiемъ слушательницъ былъ прекращенъ (какъ уже выше ска-

зано) въ 1886 году. «Въ это грустное для курсовъ время, пишетъ мнѣ одна изъ бывшихъ курсистокъ I-го выпуска, М. В. Величко, мы ничего не знали о будущей судьбѣ ихъ. Извѣстно было только то, что *прежняя* жизнь курсовъ не возобновится. И вотъ, естественно у насъ явилось желаніе выразить еще разъ, на прощанье, нашу горячую благодарность всѣмъ, принявшимъ участіе въ созданіи и веденіи курсовъ. Мы выбрали изъ своей среды нѣсколько лицъ, которымъ поручили организацію прощальнаго вечера. Рѣшено было устроить его на Святой, на курсахъ. Кромѣ общихъ адресовъ профессорамъ и Комитету, рѣшено было поднести отдѣльные адресы: Н. В. Стасовой, В. П. Тарновской, А. Н. Бекетову и К. Н. Бестужеву-Рюмину. Послѣ прочтенія адресовъ, былъ чай и небольшой ужинъ, и вечеръ закончился танцами».

Адресъ моей сестрѣ, съ массою подписей, былъ слѣдующаго содержанія:

«Дорогая и глубокоуважаемая Надежда Васильевна!

Мы уже привѣтствовали и благодарили васъ, въ числѣ другихъ передовыхъ женщинъ, учредительницъ курсовъ. Но этимъ не исчерпывается ваша плодотворная и безкорыстная дѣятельность на пользу высшаго женскаго образованія, и благодарность наша была-бы не полна, если-бы мы не привѣтствовали васъ еще какъ распорядительницу дорогого намъ учрежденія. Вы были душою курсовъ за все время ихъ существованія, вы были лучшимъ другомъ русской учащейся женщины. Съ неослабѣвающей энергіей служили вы дѣлу высшаго женскаго образованія, съ любовью вникая во всѣ его стороны, интересуясь и учебной, и хозяйственной частью, принимая горячее участіе въ матеріальной и духовной жизни слушательницъ. Безъ колебаній обращались мы къ вамъ въ болѣзняхъ, въ горѣ, въ нуждѣ, увѣренныя, что вы протянете намъ руку помощи; на вашемъ живомъ примѣрѣ учились мы жить ради идей, откликаться на все хорошее и

честное, любить людей и вѣрить въ нихъ; въ тяжелыя минуту разочарованій и сомнѣній вы укрѣпляли и увлекали насъ своей твердой вѣрой въ лучшее будущее.

«Оглянувшись на истекшія 10 лѣтъ вашей жизни, вы можете быть увѣрены, что они не прошли безслѣдно, что недаромъ пріобрѣтены вами любовь и уваженіе десятковъ и сотенъ образованныхъ русскихъ женщинъ.

«Истинное пониманіе вашей дѣятельности и вѣрная оцѣнка ея послужитъ лучшимъ выраженіемъ нашей живой признательности вамъ. Среди насъ возникла мысль, въ ознаменованіе сегодняшняго торжества, учредить на курсахъ стипендію вашего имени: начало этой стипендіи уже положено.

«Привѣтствуемъ слѣдующее за нами поколѣніе слушательницъ, желаемъ и имъ быть свидѣтельницами безкорыстнаго, самоотверженнаго и благотворнаго труда вашего!»

Наверху огромнаго листа, содержавшаго этотъ адресъ, И. Е. Рѣпинъ, пріятель моей сестры, нарисовалъ, спустя нѣсколько времени, на память, тушью, сцену, изображающую ту овацію, которую въ тотъ день сдѣлали моей сестрѣ профессора, члены Комитета и курсистки. Она — по серединѣ картины, идетъ со сложенными у локтей руками, съ глазами полными слезъ и глубоко тронутымъ лицомъ; вокругъ нея — толпа апплодирующихъ ей мужчинъ и женщинъ — профессоровъ и курсистокъ. Многіе изъ портретовъ, даромъ что сдѣланы были на память, очень удались.

20 сентября 1888

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Возстановленіе высшихъ женскихъ курсовъ.—Интернатъ.— Изгнаніе Н. В. Стасовой съ Высшихъ Женскихъ Курсовъ.— Общество вспоможенія бывшимъ курсисткамъ.

XXV.

Выше я уже указывалъ на то, что «Записка», поданная въ октябрѣ 1886 года отъ Комитета Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ комиссію, образованную при министерствѣ народнаго просвѣщенія для разсмотрѣнія вопроса о женскомъ образованіи, не имѣла никакого вліянія на рѣшенія этой комиссіи относительно судьбы Высшихъ Женскихъ Курсовъ. Но Комитетъ не унылъ отъ неудачи, онъ не сложилъ руки въ пришибленной покорности, и пробовалъ дѣлать какія только возможно попытки для спасенія своего дорогого дѣтища—курсовъ.

Въ ноябрѣ 1888 года Комитетъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбой о разрѣшеніи пріема слушательницъ съ сентября 1889 года, хотя-бы въ видѣ временной мѣры, впредь до утвержденія правительствомъ новаго положенія о женскомъ образованіи. Подобная-же просьба также подана была министру народнаго просвѣщенія и со стороны Педагогическаго Совѣта. Но неопредѣленное положеніе курсовъ продолжалось и съ наступленіемъ второго, т.-е. послѣдняго полугодія курсовъ. Курсы должны были

погибнуть, и, казалось, не оставалось для нихъ никакого спасенія.

Но тутъ, за немного мѣсяцевъ до закрытія курсовъ, произошло вдругъ необычайное, неожиданное событіе: оказалась возможность помочь курсамъ. Одна изъ членовъ Комитета выступила впередъ, и, посреди общей горести и безнадежности всѣхъ товарокъ своихъ, сказала: «Кажется, я могу сдѣлать что-нибудь на пользу курсамъ. Можетъ быть, мнѣ еще удастся!» Всѣ радостно примкнули къ ней, и скоро дѣло поворотило на совсѣмъ другую дорогу, пошло новымъ ходомъ.

Личность, оказавшая неожиданную помощь и совершившая крутой поворотъ въ дѣлѣ курсовъ, была баронесса Варвара Ивановна Икскуль. Она была, уже впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, однимъ изъ ревностнѣйшихъ членовъ Комитета Общества для пріисканія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ. Она хорошо знала все ихъ дѣло, глубоко сознавала высокую и благодѣтельную цѣль курсовъ, собственными глазами видѣла неизмѣримую пользу, приносимую ими русскому обществу, и съ сердечнымъ увлеченіемъ рѣшилась помочь имъ въ трудную минуту. У ней было много знакомствъ и связей въ высшихъ сферахъ Петербурга, и среди нихъ она нашла сильныхъ помощниковъ задуманному ею благодѣтельному и великодушному дѣлу. Всѣхъ болѣе помогъ ей генералъ-адъютантъ П. А. Черевинъ, лицо приближенное къ Императору Александру III. Онъ принялъ на себя великую обязанность—представить Императору всеподданнѣйшую просьбу Комитета курсовъ о дарованіи курсамъ возможности не погибнуть, какъ это было имъ предназначено, и продолжать свое существованіе. Его чудесная рѣшимость увѣнчалась блестящимъ и высокимъ успѣхомъ.

10-го января 1889 года было подано Государю прошеніе, подписанное тогдашнею предсѣдательницей

Общества, Е. I. Лихачевой, и здѣсь высказывалось, между прочимъ, слѣдующее:

«Потребность въ такомъ учебномъ заведеніи, какъ Высшіе Женскіе Курсы, давно уже живо чувствовалась многими русскими семьями, убѣжденными, что истинно образованная женщина есть вѣрнѣйшая хранительница религіозности, нравственности и порядка въ семьѣ и обществѣ. Для поддержанія курсовъ со стороны матеріальной, образовалось, въ 1878 году, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, особое частное общество изъ лицъ, сочувствующихъ женскому образованію въ указанномъ духѣ. Бывшій министръ народнаго просвѣщенія, графъ Толстой, испрашивая въ 1878 году ежегодное пособіе отъ правительства С.-петербургскимъ Высшимъ Курсамъ, которое и было Высочайше даровано, засвидѣтельствовалъ передъ государственнымъ совѣтомъ, что «курсы эти прямо отвѣчаютъ видамъ правительства, какъ потому, что вообще способствуютъ развитію женской дѣятельности на педагогическомъ поприщѣ, такъ и потому, что могутъ служить къ предотвращенію прискорбныхъ явленій отбытія русскихъ женщинъ заграницу для пріобрѣтенія высшаго образованія, причемъ онѣ не могутъ возвращаться обратно иначе, какъ съ идеями и направленіемъ, несоотвѣтствующими строю нашей жизни». Общій итогъ суммъ, положенныхъ на Высшіе Женскіе Курсы, не считая массы безвозмезднаго труда многихъ лицъ, нынѣ простирается свыше 740 000 рублей, изъ коихъ 32 500 руб. отпущено изъ государственнаго казначейства. Имущество Общества для доставленія средствъ курсамъ состоитъ изъ обширнаго зданія, земли, обстановки и учебныхъ пособій, въ общей сложности на сумму 300 000 руб.».

Далѣе, Комитетъ указывалъ на то, что «весною текущаго года дѣятельность этого учебнаго заведенія прекратится, и вслѣдствіе того, Общество, поддерживающее курсы, вынуждено будетъ приступить къ про-

даже всего имущества. Собранное долговременнымъ трудомъ, съ принесеніемъ многихъ жертвъ, имущество это, въ цѣломъ его составѣ, представляетъ весьма цѣнное подспорье для высшаго женскаго учебнаго заведенія; разрозненное-же и распроданное въ разныя руки, потерявъ все свое значеніе, погибнетъ безвозвратно и безплодно для дѣла просвѣщенія. Созданіе, въ будущемъ, высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній потребуетъ опять новыхъ многолѣтнихъ трудовъ и огромныхъ затратъ, и принесенныя уже правительствомъ и частными лицами значительныя жертвы не послужатъ на пользу этого важнаго дѣла. По сему Общество для доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ пріемлетъ смѣлость повергнуть на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшую просьбу о разрѣшеніи пріема ученицъ на означенные курсы съ сентября текущаго 1889 года, хотя-бы въ видѣ временной мѣры, впредь до утвержденія правительствомъ новаго положенія о женскомъ образованіи».

Императоръ Александръ III внялъ этой мольбѣ и обратилъ самое душевное и заботливое вниманіе какъ на высокую цѣль курсовъ, такъ и на необычайныя усилія русскаго общества къ поддержанію этихъ курсовъ. Онъ обратилъ также особенное вниманіе и на свидѣтельство графа Д. А. Толстого, передъ государственнымъ совѣтомъ, о томъ, что курсы эти прямо отвѣчаютъ видамъ русскаго правительства, почему правительство и давало имъ субсидію впродолженіе 10 лѣтъ. Вслѣдствіе того, предсѣдательница комитета, Е. І. Лихачева, получила 3-го марта 1889 года извѣщеніе попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа отъ 28-го февраля того года, что Государь Императоръ Высочайше повелѣлъ г. министру народнаго просвѣщенія представить его мнѣніе по всеподданнѣйшей просьбѣ Комитета Высшихъ Курсовъ. Въ самое короткое время таковое мнѣніе министра народнаго просвѣщенія было

представлено на Высочайшее усмотрѣніе, и Государь Императоръ утвердилъ его. Высшіе Женскіе Курсы были снова открыты, и 28-го сентября 1889 г. произошло начало лекцій.

Итакъ, дѣло высшихъ курсовъ было счастливо выиграно: они не погибли, они были спасены и вновь зажили своею полезною для нашего отечества жизнью. Но во многомъ, и притомъ самомъ существенномъ, условія ихъ жизни совершенно измѣнились. Прежній самостоятельный ихъ строй, близко уподоблявшійся строю университетовъ, пересталъ существовать, и почти приблизился къ общему строю женскихъ гимназій.

Во «Временномъ положеніи о С.-петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ» говорилось: § 2. «Высшіе женскіе курсы составляютъ частное учебное заведеніе, въ которомъ ни учащіе, ни учащіеся не пользуются никакими особыми правами». § 5. «Устройство и завѣдываніе Высшими Женскими Курсами, въ хозяйственномъ отношеніи, а равно и заботы объ обезпеченіи ихъ матеріальными средствами, возлагаются на особый попечительный совѣтъ, состоящій изъ предсѣдателя и членовъ, назначаемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія». § 7. «Непосредственное управленіе Высшими Женскими Курсами, съ находящимися при нихъ интернатомъ или общежитіями, ввѣряется директору, который назначается министромъ народнаго просвѣщенія изъ опытныхъ педагоговъ, или изъ преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній». § 10. «Непосредственный надзоръ за слушательницами и непосредственное завѣдываніе устраиваемыми при курсахъ интернатомъ или общежитіями возлагается на инспектрису, которая избирается директоромъ и утверждается министромъ народнаго просвѣщенія». § 15. «Директоръ курсовъ приглашаетъ на вакантныя каѳедры профессоровъ и прочихъ преподавателей и лицъ учебнаго состава, и представляетъ объ утвержденіи ихъ въ должностяхъ министру народнаго просвѣщенія».

Сверхъ того, къ числу существеннѣйшихъ измѣненій въ организаціи курсовъ принадлежало то, что «преподаваніе на курсахъ должно состоять изъ двухъ отдѣленій: по наукамъ историко-филологическимъ и физико-математическимъ, но съ прекращеніемъ преподаванія физіологіи человѣка и животныхъ, естественной исторіи и гистологіи, какъ предметовъ, прямо входящихъ въ кругъ тѣхъ естественныхъ и медицинскихъ наукъ, кои будутъ преподаваться въ проектируемомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ».

Какъ дѣятельный членъ Комитета, какъ ревностная участница во всѣхъ его ходатайствахъ, представленіяхъ, соображеніяхъ и всего ближе знакомая со всѣмъ, что дѣлалось, творилось и приготавливалось, моя сестра, конечно, издалека видѣла, какая туча на нее шла, и какое паденіе ей готовилось, но по всегдашней неизмѣнной рѣшимости прежде всего заниматься главнымъ дѣломъ, общимъ, а не своимъ, она продолжала дѣйствовать, какъ-будто ни въ чемъ не бывало, какъ-будто ничего худого для нея самой не готовилось. Курсы! Курсы! — вотъ о чемъ была вся ея забота. Все остальное она отодвигала изъ своей мысли прочь.

Въ первой половинѣ 1889 года, начиная съ марта, выдвинулся на одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ вопросъ объ интернатѣ или общежитіи—она за него и принялась тотчасъ-же съ ревностью и энергіей.

Объ интернатѣ давно уже задумывались всѣ лучшіе и доброжелательнѣйшіе люди въ Комитетѣ. У нихъ, въ продолженіе долгихъ лѣтъ, стояла передъ глазами такая картина бѣдноты и нищеты дорогихъ имъ курсистокъ, что сердце поворачивалось отъ жалости, а иногда и отъ ужаса. Не одинъ разъ случалось, что курсистка падаетъ вдругъ въ обморокъ и лежитъ блѣдная, помертвѣлая, безъ чувствъ, а когда придетъ въ себя, то обступившая толпа товарокъ узнаетъ, среди плача и рыданій, послѣ долгаго и упор-

наго молчанія, что эта бѣдняга вотъ уже 2—3 дня не ѣла ничего, черезъ силу приплелась на лекцію и погибаетъ — просто отъ голода, точь-въ-точь какъ несчастная какая-нибудь бездомница подъ мостами въ Лондонѣ. Ну, тотчасъ однѣ ухаживаютъ за бѣдной товаркой, окружаютъ ее такими чудными попеченіями, какъ дорогую милую сестру, другія уже сыскали и несутъ ей что поѣсть, третьи отошли въ сторонку и складываютъ свои бѣдныя трудовыя копѣйки на то, чтобы этой несчастной было чѣмъ пожить и сегодня, и завтра, и на будущей недѣлѣ. Комитетъ, конечно, тоже не отставалъ отъ своей чудной молодежи, давалъ и помогалъ, какъ только могъ. Но вѣдь случай-то былъ не одинъ, а много, значитъ лучшимъ изъ комитетскихъ все больше и больше стало хотѣться помочь такъ часто повторяющейся бѣдѣ. Вотъ и пошли собранія и пренія, какъ помочь дѣлу. Порѣшили устроить, все на свои-же частныя средства, общежитіе; стали хлопотать ка̀къ начать, ка̀къ выполнить свое хорошее новое дѣло. Но съ 1886 года, когда вышло распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія: прекратить пріемъ, нечего было задумываться объ общежитіи какомъ-нибудь, коль скоро черезъ немного лѣтъ, въ 1889 году, и вся-то машина курсовъ должна была сдѣлать свой окончательный «стопъ». Они и перестали объ общежитіи думать. Уже о чемъ-то болѣе грозномъ и существенномъ шла теперь рѣчь.

Но для интерната пришолъ вдругъ, въ 1889 году, новый фазисъ.

Въ 5-мъ пунктѣ Высочайше одобренныхъ главныхъ условій, на основаніи которыхъ разрѣшенъ былъ въ 1889 году пріемъ слушательницъ на Высшіе Курсы, было постановлено, чтобы «слушательницы изъ иногородныхъ, не имѣющія въ С.-Петербургѣ близкихъ родственниковъ, въ семьяхъ которыхъ онѣ могли-бы проживать, допускались къ пріему только при условіи устройства для нихъ интерната, или общежитій». Во

«Временномъ положенiи о с.-петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ», § 1, примѣчанiе, было сказано: «При С.-петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ устраивается интернатъ и общежитiе, преимущественно для иногородныхъ слушательницъ, а въ § 29: «Жительство въ наемныхъ частныхъ квартирахъ дозволяется слушательницамъ не иначе, какъ съ разрѣшенiя и подъ отвѣтственностью директора и инспектрисы Высшихъ Женскихъ Курсовъ». Такимъ образомъ, устройство интерната было, для Комитета курсовъ, вполнѣ неизбѣжно и обязательно: большинство слушательницъ на курсахъ всегда было изъ числа иногородныхъ. Комитетъ и приступилъ тотчасъ-же къ усройству интерната. Теперь, когда существованiе интерната поставлено было однимъ изъ главныхъ условiй существованiя курсовъ, комитетъ, конечно, съ любовью и ревностью могъ приняться за выполненiе этого дѣла. Рѣшено было нанять для этого помѣщенiе въ частномъ домѣ. Прежде всего, еще весною 1889 года Комитетъ поручилъ моей сестрѣ и еще другому члену, А. М. Калмыковой, ознакомиться съ существующими въ Петербургѣ общежитiями и собрать подробныя свѣдѣнiя о ихъ устройствѣ, расходахъ на ихъ содержанiе и условiяхъ пользованiя ими. На основанiи этихъ изысканiй, устроенъ былъ интернатъ въ домѣ профессора Куинджи, смежномъ съ домомъ курсовъ, а позже въ собственномъ домѣ курсовъ. Хлопоты по приспособленiю квартиръ къ нуждамъ общежитiя и по снабженiю ихъ всѣми необходимыми вещами взяли на себя члены комитета: Е. И. Страннолюбская, А. М. Калмыкова и Н. Р. Кремкова. «Не обошлось, конечно, безъ участiя Н. В. устройство общежитiя, говоритъ въ своей «Запискѣ» В. П. Тарновская. Состоя членомъ строительнаго комитета, она даже лѣтомъ не позволяла себѣ пропускать засѣданiй, и, несмотря ни на разстоянiе, ни на погоду, еженедѣльно прiѣзжала для этого съ дачи въ городъ, И на этотъ разъ она неизмѣнно стояла

за расширеніе и улучшеніе зданія во всѣхъ отношеніяхъ».

Любопытно замѣтить, мимоходомъ, какъ, подъ вліяніемъ горести, мало значенія придавала своимъ трудамъ сама моя сестра. Въ «Запискахъ» своихъ она говоритъ про это время: «15-го октября 1889. Сегодня день открытія интерната на Курсахъ. Я, какъ и другія изъ нашихъ, была приглашена на открытіе. Насъ, и меня въ особенности, выброшенную вонъ, приглашаютъ—куда? На открытіе—чего? Того, что сдѣлано было—кѣмъ? Нами. Впрочемъ, правда, въ устройствѣ общежитія я почти не принимала участія, только нашла помѣщеніе... Елена Ивановна Страннолюбская учень усиленно работала при устройствѣ интерната. Она все сдѣлала, Александра Михайловна Калмыкова тоже...»

Но вотъ налетѣла гроза. Курсы возобновились, но въ то-же время моей сестрѣ суждено было утратить на нихъ цѣлую половину—даже больше—своей горячей, кипучей, оживленной дѣятельности.

XXVI.

«Новое положеніе, говоритъ въ своей «Запискѣ» В. П. Тарновская, повлекло за собою оставленіе Н. В. Стасовой прежней ея обязанности «распорядительницы» на Высшихъ Женскихъ Курсахъ. Это былъ жестокій ударъ судьбы, и можно было опасаться, что Н. В., несмотря на весь запасъ своихъ душевныхъ силъ, не перенесетъ его. Но она оказалась еще сильнѣе, чѣмъ это думали даже близкіе ей люди, и продолжала, безъ минутнаго колебанія, работу на пользу курсовъ даже и въ новыхъ условіяхъ!.. Столь-же аккуратно, какъ и прежде, посѣщала она засѣданія Комитета (какъ членъ его), съ неизмѣннымъ рвеніемъ участвовала во всѣхъ его работахъ, съ особенной охотой взяла также на себя наблюденіе за цѣлостью и порядкомъ бездѣйствовав-

шихъ кабинетовъ естественныхъ наукъ, твердо увѣренная, что въ недалекомъ будущемъ эти кабинеты понадобятся снова».

Другая личность, тоже бывшая всегда очень близкою съ моею сестрою, Ал. Мих. Калмыкова, такъ описывала въ своей надгробной рѣчи, впослѣдствіи, на похоронахъ моей сестры, ея положеніе, ея муку и ея чувство въ тѣ минуты, когда наступилъ трагическій поворотъ въ ея жизни: «Добрыя дѣла и труды Н. В. являются лишь незначительною частью того, чѣмъ она была, того, что она понимала, о чемъ скорбѣла, чего хотѣла, чему беззавѣтно была предана. Упомяну лишь объ одномъ моментѣ въ жизни Н. В., но такомъ, въ которомъ она предстала во всемъ своемъ величіи.

«Въ 65 лѣтъ, въ ту пору, когда большинство хорошихъ людей вспоминаетъ о давно минувшей порѣ благородныхъ увлеченій и работы, въ жизни Н. В. совершилась неожиданная перемѣна: силой обстоятельствъ она была отторгнута отъ дѣла, во главѣ котораго стояла, которому всецѣло были отданы ея силы уже цѣлый десятокъ лѣтъ. Она, работавшая безъ устали, оказалась безъ дѣла, далекой отъ дѣтища, которое выростила. Всѣ знавшіе Н. В., всѣ близкіе ея смотрѣли на нее съ тревогой, ожидали, что этотъ ударъ судьбы будетъ для нея смертельнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, было отъ чего сжаться и разорваться сильно бившемуся горячему сердцу!.. Но сердце Н. В. оказалось сильнѣе удара, а она сама—больше той большой мѣрки, которою мѣрили ее уважавшіе и любившіе ее. На глазахъ у всѣхъ она выдержала ударъ, не дрогнувъ, не пошатнувшись. Она не потерялась, но стала искать, чѣмъ наполнить неожиданный досугъ, чѣмъ забыться, разогнать душевную боль.

«Что́-же дало этой 65-лѣтней старухѣ, съ надорваннымъ годами здоровьемъ, почти лишенной зрѣнія, силы устоять, продолжать жить и работать? — То была—ширина, сознательность и стройность ея нрав-

ственнаго міросозерцанія. Для Н. В. не было новыхъ дѣлъ, — для нея существовало всего лишь одно признанное дѣло, за которое она готова была стоять на любомъ мѣстѣ боевой линіи. Дѣло это было—борьба съ невѣжествомъ, съ тьмою и всѣми дѣлами ея. Оставивъ постъ руководительницы Высшихъ Женскихъ Курсовъ, она немедленно, рука объ руку съ только-что вступающими въ ряды работницъ женщинами, идетъ въ народную воскресную школу, идетъ устраивать «ясли» для дѣтей фабричныхъ работницъ, создавая общество взаимопомощи окончившимъ Высшіе Курсы, чтобы сплотить и сохранить эти силы для русской жизни. Надежду Васильевну не могла сокрушить злоба дня, потому-что ея духовному взору всегда было открыто слишкомъ обширное поле жизни человѣчества, и взоръ этотъ привѣтствовалъ вдали грядущее: путь къ нему она ясно видѣла и твердо слѣдовала ему, увлекая за собой и другихъ...»

Эти слова вѣрно и прекрасно рисуютъ положеніе и настроеніе моей сестры. Только къ нимъ надо прибавить еще нѣсколько другихъ словъ. Во всѣхъ этихъ добрыхъ, честныхъ отзывахъ говорится лишь о «злобѣ дня» и о тяжкихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, — и это истинная, глубокая правда. Всего этого было въ достаточномъ количествѣ вокругъ моей сестры, во всѣ годы ея общественной дѣятельности. Но къ «злобѣ дня» иногда присоединялась еще «злоба людская», а къ «тяжести обстоятельствъ» — «тяжкій мракъ непониманія», неспособность многихъ людей соображать, что̀ хорошо и что̀ дурно, что̀ полезно и что̀ вредно въ дѣятельности другихъ, что̀ приноситъ честь и что̀ безславіе отечеству и обществу. Вотъ это-то, всего чаще, портитъ самыя важныя, самыя значительныя дѣла, вотъ это-то иногда вырываетъ почву изъ-подъ ногъ полезнѣйшихъ, лучшихъ дѣятелей. Кому-бы, по здравому, ясному уму, надо было-бы оставаться глубоко благодарнымъ, на кого слѣдовало-бы только ра-

доваться, на того слишкомъ часто смотрятъ какъ на врага и злодѣя, какъ на существо вредное и опасное, которое надо поскорѣе искалѣчить, сдѣлать бездѣятельнымъ, безруким, глухимъ, слѣпымъ и нѣмымъ, а если можно, то изгнать и уничтожить. Нѣчто подобное случилось на ея вѣку и съ моей сестрой. Мы видѣли, что въ началѣ иные смотрѣли на предпринятое ею, вмѣстѣ съ другими друзьями, товарками, сочувственницами и помощницами, великое дѣло созданія высшаго женскаго образованія въ нашемъ отечествѣ— какъ на пустую, ненужную затѣю, какъ на безсмысленный капризъ праздныхъ дамъ; что позже, когда дѣло разросталось, ширилось и крѣпло, другіе люди признавали, что пусть это дѣло, можетъ быть, и хорошо, но только никогда правительственная власть не будетъ смотрѣть на него серьезно, пока во главѣ его стоитъ такая «сумбурная женщина», какъ Надежда Стасова; спустя еще нѣсколько времени «Гражданинъ» и единомышленники его объявляли, что курсистки и курсы — дѣло вредное, съ которымъ надо бороться и уничтожать его, съ которымъ мира быть не можетъ и не должно; еще иные радовались сверженію моей сестры, а когда это совершилось, то еще иные отрадно вздыхали полной грудью. Въ своихъ «Запискахъ» моя сестра пишетъ, что незадолго до совершившейся съ нею катастрофы, А. П. Философова, одна изъ главныхъ и самыхъ крѣпкихъ дѣятельницъ ихъ общаго дѣла, принуждена была выслушать, на балѣ у Жербиныхъ, такія слова отъ одного довольно вліятельнаго и «дѣятельнаго» тогда лица: «Да, Трубникова и Стасова сдѣлали много вреда молодежи и Россіи». «Вреда!» Каковы понятія, какова злоба, каковъ мракъ! Какая безотрадность, для насъ, ожидавшихъ чего-нибудь свѣтлаго, здороваго и хорошаго со стороны такого дѣятеля, сколь ни малъ, можетъ быть, былъ кругъ его дѣятельности. Какъ въ его рукахъ должны были хорошо цвѣсти и идти въ гору, къ великимъ результа-

тамъ, многія лучшія дѣла его отечества! А сколько у этого г. *** было въ тѣ времена и другихъ товарищей по мраку мысли, по черному недоброжелательству и ограниченности пониманія!

Но что думала, что говорила тогда моя сестра? Она ни на что не жаловалась, ни о чемъ не тосковала, кромѣ какъ о налетѣвшей на нее невыносимой, обязательной бездѣятельности. Ни о какомъ узкомъ самолюбіи, ни о какой «обидѣ» у ней и помина не было въ головѣ. Ее ужасало только одно: остановка въ томъ, что ей надо было, что ей хотѣлось дѣлать хорошаго, полезнаго, чудеснаго.

Въ ту самую минуту, когда съ ней совершилось изгнаніе изъ распорядительницъ курсовъ, она начала, отъ боли и муки сердца, отъ перелома въ жизни, новую книгу своихъ «Записокъ», которую назвала:

«ПЕРЕЖИТОЕ»

и первая страница тутъ была такая: «Начну сегодня записывать пережитое и переживаемое. Пошла сегодня (15-го октября 1889 г.), вмѣсто открытія интерната,— на открытіе технической воскресной и вечерней школы для рабочихъ—въ ужасномъ настроеніи духа *(рѣчь идетъ объ открытіи, въ этотъ самый день, какъ мною приведено—интерната, и о полученномъ приглашеніи на его открытіе)*. Меня совершенно отстраняютъ. И кто-же? Даже иные члены нашего-же комитета!.. Вотъ гдѣ грусть! И, конечно, потому я и не поѣхала на открытіе интерната, а пошла въ техническую школу. И что-же? О, торжество! Восторгъ! То, что я чувствовала на молебнѣ, при открытіи воскресной школы — было чистое торжество. Я сознавала, что польза курсовъ во-очію. Кто настоялъ, кто хлопоталъ объ устройствѣ школъ для фабричнаго несчастнаго народа? Наша бывшая курсистка, С. Ѳ. Горянская. Она хлопотала въ Техническомъ Обществѣ, съ февраля мѣсяца, все устроила, достала квартиру, ну, словомъ, школа осу-

ществилась благодаря ея энергіи. И вотъ, 107 фабричныхъ женщинъ и мужчинъ, начиная съ 9-ти лѣтъ и до 40, стояли на молебнѣ, слушали рѣчь священника, сердечную, простую, и ждали начало ученія. И кто-же будетъ участвовать въ преподаваніи? Курсистки! Одиннадцать человѣкъ учительницъ, трудящихся всю недѣлю, пришли давать свой трудъ, безвозмездно, трудящемуся народу. Бо́льшаго счастья и я не могла себѣ ожидать. Вѣдь лучшаго примѣненія своихъ знаній онѣ не могли избрать. Моего душевнаго наслажденія не могутъ отнять никакіе *** и «Гражданины» — пусть себѣ тѣшатся. Дай Богъ побольше такихъ школъ, а учительницы найдутся! Лишь-бы и тутъ не запретили и не замѣстили тупицами... Нѣтъ, это не опасно! Вѣдь даровой трудъ даютъ только развитые люди...»

Быть можетъ, она невольно въ эти минуты думала, что авось и ея собственный примѣръ хоть капельку пошолъ въ прокъ для ея дорогимъ бывшихъ курсистокъ,—примѣръ ея, вотъ уже болѣе 30 лѣтъ отдавшей «даровому труду» на пользу народную всѣ свои силы и помышленія, всю свою жизнь!

Воскресная школа, о которой шла сейчасъ рѣчь,— это была Лиговская воскресно-вечерняя школа для взрослыхъ и малолѣтнихъ работницъ, возникшая по мысли бывшей курсистки высшихъ курсовъ І-го выпуска, Софьи Ѳедоровны Горянской. Окончивъ свой курсъ въ 1882 году, она потомъ пять лѣтъ была сельской учительницей въ Екатеринославской губерніи и бодро вынесла всѣ трудности этой тяжкой жизни и дѣятельности, а съ 1887 по 1889 годъ завѣдывала читальной въ Петербургѣ, на Выборгской сторонѣ. Въ 1889 году она рѣшилась основать «воскресную народную школу», и ея энергіи удалось достигнуть предположенной цѣли. А дѣло было не легкое: воскресныя школы обречены были на безпробудный сонъ еще въ 1862 году, и находились въ немъ цѣлыхъ 27

лѣтъ. Но мысль С. Ѳ. Горянской встрѣтила горячее сочувствіе среди нѣкоторыхъ прежнихъ ея товарокъ по высшимъ курсамъ—сестеръ Львовыхъ (Лидія Дмитріевна и Антонина Дмитріевна) и другихъ. Вся эта ревностная молодежь сдѣлалась ближайшими сотрудницами С. Ѳ. Горянской. Школа поступила въ вѣдѣніе постоянной комиссіи по техническому образованію при Императорскомъ Техническомъ Обществѣ, и была открыта въ 1889 году съ разрѣшенія петербургскаго уѣзднаго земства, въ помѣщеніи учительской школы на Лиговкѣ, гдѣ существуетъ и по сейчасъ.

Въ эти дни, конечно, сильная мука наполняла сердце моей сестры и заставляла ее глубоко страдать. На многихъ страницахъ этого и другихъ послѣдующихъ годовъ «Записокъ» встрѣчаешь такія строки глубокаго отчаянія, безисходнаго горя и страшной боли, какъ напримѣръ слѣдующія: 18-го октября: «Тоска! Ужасная тоска! Я кое-какъ убиваю время! Бездѣйствіе! Убійственно на меня дѣйствуетъ видѣть то, каковы иные программы и преподаватели... Какъ убійственно думать и видѣть все это, особенно когда читаешь, какъ дружно и успѣшно идетъ во Франціи дѣло образованія. Читаю я «отчетъ», или лучше, «докладъ» на всемірной парижской выставкѣ m-r Henri Néarion'а о томъ, что̀ сдѣлано во Франціи по образованію съ начала послѣдней республики, какъ всѣ дружно стремятся *просвѣтлять* народъ, чувствуя, что въ немъ вся сила и закрѣпа отечества. А въ разныхъ другихъ мѣстахъ — какъ-бы поработить, затемнить... И не мыслятъ, какое клеймо своею іезуитскою фальшью кладутъ и на себя, и на государство»...

Въ своей прекрасной, глубоко-сочувственной надгробной рѣчи по моей сестрѣ, одна изъ бывшихъ курсистокъ, Е. И. Борхсеніусъ, говорила: «Нельзя было видѣть безъ слезъ, какъ тосковала Н. В., когда, по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ, ей пришлось оставить свою безпримѣрную дѣятельность руководи-

тельницы курсовъ». И это совершенная правда. Въ «Запискахъ» моей сестры много разъ мы встрѣчаемъ, въ эту пору, такія слова и рѣчи: «Убиваю время и себя обманываю. Цѣлые дни перехожу отъ волненія къ волненію, то радуюсь, сознавая въ себѣ еще много силы нравственной, то прихожу въ полнѣйшее уныніе и провожу дни и ночи въ ужасномъ отчаяніи». Но свѣтлый, могучій и бодрый элементъ постоянно одерживалъ у ней верхъ надъ мрачнымъ, пассивнымъ, тоскливымъ элементомъ муки и ослабленія. «Чѣмъ все это кончится? писала она.—Неужели, помаленьку я стану совершенно безполезна? Теперь еще продолжается моя связь съ окончившими курсъ, а потомъ?.. Онѣ увидятъ, что существенной пользы, кромѣ нравственной поддержки, я оказывать не могу, а онѣ всѣ живутъ трудомъ,—и что тогда? Но что за люди, всѣ эти кончившія! Какое сремленіе быть полезными! Я вижу, что мое вліяніе—важное. Я всегда искала внушить любовь къ труду и прежде курсовъ, дома, кому могла около себя. Я всегда всѣмъ говорила: «трудъ—это единственное, что можетъ человѣка всегда поддержать и сдѣлать полезнымъ и себѣ, и обществу»...

19 октября моя сестра писала въ своихъ «Запискахъ»: «Сейчасъ пришла телеграмма — Чернышевскій умеръ. Еще однимъ любящимъ глубоко Россію меньше!..»

Спустя мѣсяцъ, она писала, 8 ноября: «Еще одинъ дѣятель погибъ! Вчера была на панихидѣ по Градовскомъ (Александрѣ). Во время службы, въ головѣ у меня проходила цѣлая вереница лицъ, сошедшихъ теперь съ поприща! Миллеръ, Щедринъ, и еще другіе. И все болѣзнь сердца, и все замученные жизнью люди, страдающіе за безбожные поступки другихъ съ прочими людьми. Сколько въ нихъ было стремленія на благо ближняго — и все это заѣдено ужасно жестокими слѣпцами. Ужасъ!»

Скоро потомъ она еще писала: «Неужели кому-бы

то ни было удастся обезобразить и обезличить когда-нибудь молодое поколѣніе? Нѣтъ, нѣтъ! Вѣдь идетъ-же рука объ руку съ безобразіемъ и великое дѣло— всеобщая народная школа! На нее вся надежда, народъ русскій съ большими задатками, и какъ опомнится отъ рабства, оживетъ! Женщина поможетъ! Вѣдь она-же сильно помогла въ «военныхъ поселеніяхъ». Въ ней душа, самоотверженіе! Сколько силы потрачено было съ 61-го года на воскресныя школы. Но тогда дѣло могло идти, личности были сильныя умомъ, духомъ и честнымъ убѣжденіемъ. А теперь! Все лакейство, подозрительность и шкурный вопросъ. О, великій Щедринъ!»

14 декабря 1889 г. она писала: «Пришло извѣстіе о новой потерѣ: 12-го числа не стало Боткина! Страшная потеря для науки, для молодежи, для русскихъ! Въ «Новомъ Времени», къ удивленію, прекрасная статья! Сгорѣлъ опять и этотъ человѣкъ, слишкомъ горячо работалъ за правду въ наукѣ, въ обществѣ; сколько боролся, чтобы отстоять права русскихъ у себя дома, уменьшить силу нѣмцевъ, желавшихъ захватить власть въ академіи, и по всѣмъ правамъ»...

15 февраля 1890 года: «Глаза мнѣ много мѣшаютъ. Вотъ, сегодня хотѣла читать, и не могла прочесть нѣкоторыхъ статей, мелко напечатанныхъ. Странно, однако, что мое положеніе такъ мало меня пугаетъ—слѣпота въ будущемъ! А развѣ не храбро я переношу мое отчужденіе отъ курсовъ! Почему это? Сила-ли характера, или, напротивъ, можетъ—это безхарактерность, можетъ — все по мнѣ скользитъ безслѣдно? Хоть-бы проведенные мною 23 года среди профессоровъ и ихъ чтеній! Развѣ я была-бы такъ мало образована, какъ я теперь, развѣ я не могла-бы быть чрезвычайно образованною, еслибы я глубже была? Конечно, я кое-что знаю, но слишкомъ мало. Конечно, послѣ моей болѣзни, у меня и память, и способности

ослабли, и можетъ отъ того я и могла такъ мало себѣ усвоить изъ всего слышаннаго. Но сообщество Миллера, какъ человѣка-гражданина, Сѣченова, какъ ученаго и мыслителя, Градовскаго, какъ соціолога, Менделѣева, какъ геніальнаго человѣка, — обогатило мою натуру и оживило мое существованіе. Скажу, что мнѣ на долю пришлось много счастливыхъ дней. А вся любовь молодого поколѣнія, и то, что я вижу, какъ курсы ихъ обогатили, какую пользу онѣ приносятъ обществу!—Вотъ моя поддержка!

«Вчера я была у Варгунина на заводѣ, въ школѣ у Черницкой и Лениной. Какое наслажденіе было видѣть ихъ отношеніе къ дѣтямъ, какъ дѣти сознательно отвѣчаютъ, съ какой любовью идутъ въ школу. А какъ школа поставлена, какая обстановка,—тутъ и читальня и рукодѣльный классъ! Спасибо Варгунинымъ! Еслибы они и работниковъ такъ *очеловѣчили*, какъ ихъ дѣтей! Но тутъ еще надо многаго желать—заработная плата плоха! А почему? Не смѣютъ противъ другихъ фабрикантовъ! Но такъ-ли это? Еслибы хотѣли точно, могли-бы товарищей заставить. Вотъ по этому экономическому вопросу помню большой споръ между идеалистомъ Миллеромъ, гражданиномъ Градовскимъ и политико-экономомъ Янсономъ: оба были противъ Янсона, и они его разбили, но этотъ споръ былъ такъ буренъ, что потомъ уже эти три человѣка никогда больше не возвратились къ товарищескимъ отношеніямъ. Янсонъ сталъ имъ тяжелъ!

«Но могу сказать, что они всѣ относились ко мнѣ чрезвычайно дружески. А Сѣченовъ? Этотъ просто меня балуетъ. Телеграмма отъ 28-го января (1890) изъ Москвы съ подписью профессоровъ—развѣ не его изобрѣтеніе! Какое задушевное посланіе, и это все, чтобы меня ободрить. Въ то время, какъ человѣкъ такъ широко занятъ, не забываетъ меня! А вотъ и еще доказательство памяти—присланная на-дняхъ (въ

февралѣ 1890) лекція съ надписью! *). Все это для меня драгоцѣнно, и я все это завѣщаю Библіотекѣ Публичной. Это документы будущей исторіи—исторіи о томъ, какъ трудно было укрѣпиться женскому высшему образованію, что для этого дѣлало общество, и какъ на него ополчались разные сильные враги».

Къ этому-же времени относится первое знакомство моей сестры съ «Крейцеровой сонатой», Льва Толстого, которая тогда ходила по рукамъ еще въ видѣ рукописи.

«Прочла «Крейцерову сонату»! пишетъ моя сестра.—Правда—правда, родъ человѣческій погибнетъ, если только будутъ обоюдно гоняться за джерсеями; пора поднять немного идеалъ любви, отойти немного отъ животнаго, которое гораздо выше человѣка въ своихъ животныхъ отправленіяхъ; и собаки, и кошки, и всѣ прочія, въ извѣстную только эпоху года стремятся къ половымъ потребностямъ. А человѣкъ? — Безъ удержу, вѣчно. Неужели это высшее животное, такъ высоко себя считающее, кромѣ половыхъ потребностей у него—ничего! Ужасно!

«Много женщинъ сами виноваты. Зачѣмъ однѣ разыгрываютъ вѣчно *паву*, а другія отъ этого чувствуютъ омерзѣніе!

«Скажу про себя, что съ молодыхъ лѣтъ поняла весь ужасъ и отвращеніе ко всему подобному, — во всемъ видѣла обманъ, грязь и полное отсутствіе идеальнаго чувства.

«И подъ этимъ чувствомъ сложилась дальнѣйшая моя жизнь!—Для меня исчезло очарованіе семьи, своей собственной, я почувствовала любовь къ всемірной семьѣ; это стало моимъ идеаломъ, я съ нимъ и умру!— Но какъ я мало могу для этой семьи, все такъ ни-

*) Это—упомянутая мною уже выше печатная лекція, первая лекція въ московскомъ университетѣ, профессора И. М. Сѣченова, 6 сент. 1879. Надпись: «Н. В. Стасовой на память».

В. С.

чтожно — что̀ я въ силахъ сдѣлать? Для этого надо геній, волю, умъ! А у меня только безпредѣльная любовь! Знанія мало и глубины тоже. То, что я дѣлаю, точно-ли впослѣдствіи будетъ полезно женщинамъ?

«Моя мысль — дать знаніе, оно уничтожитъ предразсудки,—а чистая любовь даетъ силу воли! Хотя я отставлена отъ моего дорогого дѣтища, но я все хочу себя образовать. Вотъ была на выставкѣ — сколько художественныхъ силъ! «Христосъ и Пилатъ» Гѐ. Христосъ невыносимъ, — нѣтъ ни глубокаго взгляда, ни любви, ни силы, которая вотъ ужъ сколько вѣковъ двигаетъ народами!—Но свѣтъ на картинѣ чудесенъ! Я хочу думать, что Гѐ хотѣлъ изобразить, что свѣтъ происходитъ отъ Христа, хотя хорошо знаю, что онъ съ другой стороны.—Безъ этого предположенія картина ничего не даетъ.

«Какъ разнорѣчивы мнѣнія о «Сонатѣ». Мужчины, почти всѣ, съ которыми мнѣ приходилось говорить, всѣ противъ, а они авторитетъ. Такъ, наприм., X., который, вообще не любитъ Толстого, сказалъ, что Достоевскій въ драмѣ сильнѣе; то-же говоритъ Y. Они всѣ не признаютъ въ «Сонатѣ» художественной силы, говорятъ: неряшливо написано. Неужели я такъ мало смыслю? «Соната» меня страшно захватила своею правдою, простотою и силою—вѣдь это-же и художественно. Чего-же имъ надо? Женщины-же почти всѣ *за*. И женщины — люди этого мнѣнія, не куклы. Въ «Сонатѣ» поднятъ великій вопросъ — можетъ-быть не доступный человѣчеству. Нѣтъ, очень доступенъ, но человѣчество слишкомъ себя развратило добровольно, и трудно сознаться въ своемъ упадкѣ ниже животнаго. Какъ-бы хотѣла я знать мнѣніе Сѣченова, напишу ему. Хотѣлось-бы вѣрное постановленіе вопроса, но не донкихотская борьба съ мельницами. Семья должна быть, но вѣдь это не джерсей; она должна быть безъ него, не можетъ-же быть, чтобы все на свѣтѣ былъ только разсчетъ. Если-же безъ джерсея

немыслимо ничего, то пусть этотъ родъ человѣческій исчезнетъ.

«Какой ужасъ я сказала! А что-же тогда всѣ науки, все, все? Вѣдь тогда опять хаосъ, тьма! Теперь едва прозрѣли, и уже такое ужасное паденіе. Да что-же и гдѣ-же истина!—Вѣдь истина—свѣтъ! А джерсей—тьма! Развѣ не слѣдствіе общаго поклоненія джерсею — эти безконечно часто повторяющіяся убійства, эта пустота, это ничтожество, вялость и только оживленіе посредствомъ джерсея. Вѣдь всѣ, всѣ, и сильные умы и таланты, и даже геній. Неужели женщина и джерсей неразлучны? Неужели она только—какъ шампанское, или кальянъ? Нѣтъ, нѣтъ, долой рабство.

«17-го февраля 1890 года. Была вчера у С.-Милая! Но какая она блѣдная, больная, и потомъ безличная: кажется только и есть, что обожаніе своего мужа! Но что все это изображаетъ, да и сама мать? Хотя видна дружба и любовь къ внуку, и всѣ они на *ты*, но чувствуется какая-то натянутость, что-то дѣланное! О, бѣдные подражатели слабой стороны Толстого! Къ чему эта игра приведетъ? Это нельзя даже назвать фанатизмомъ! Хотѣла-бы я знать ихъ духовныя чувства! Сумбуръ это, или недомысліе? Вѣдь гораздо легче подражать, чѣмъ додуматься. Простота ихъ обстановки мнѣ была-бы пріятна, если-бы только не проглядывала утрировка и безтолковость.. Надо посмотрѣть ихъ воспитанницъ, что это такое? Намѣреніе хорошее, но не калѣчатъ-ли они дѣтей...»

«25 февраля 1890. Я прочитала надгробную рѣчь NN. Я задыхаюсь. Неужели это вѣчно такъ было и будетъ? Гонкуры тоже задыхались отъ окружающей ихъ атмосферы. Они говорятъ: «Мало того, что убили мысль, мало того, что искоренили всякое умственное движеніе, потворствуя лишь сплетнямъ, имперія Наполеона III-го убила здоровую веселость, все искренно-прямодушное -- она развратила общество. Обществен-

ная атмосфера такова, что въ ней можно задохнуться!» А теперь вездѣ? Молодежь стрѣляется! Прочіе танцуютъ. А кругомъ голодъ насущный, голодъ нравственный! Къ чему все это идетъ? Наука шагаетъ! Эдиссоны геніально работаютъ, а кругомъ ихъ что?

«Пигмеи давятъ человѣчество.

«Я пишу давно извѣстныя истины, но неужели нѣтъ возможности другого теченія?..»

«Конецъ февраля 1890. Мы прочли въ московской газетѣ, что въ Москвѣ сдѣланы огромныя пожертвованія всѣми, всѣми, и дворянствомъ, и городомъ (земля и домъ), чтобы спасти «женское образованіе». Говорятъ, уже и уставъ сдѣланъ! Будетъ устроено женское закрытое заведеніе для дворянокъ! Опять запоръ, опять теремъ со всѣми послѣдствіями убыли тѣлесной и душевной...»

Вотъ чѣмъ была полна, въ минуты личнаго несчастія и страшной для себя потери, вотъ о чемъ думала, къ чему стремилась, вотъ чѣмъ пламенно горѣла «сумбурная женщина», та, что «сдѣлала столько вреда и молодежи, и Россіи!»

XXVII.

Среди того, что способно было утѣшать мою сестру въ ея скорбные годы, послѣ изгнанія ея изъ высшихъ женскихъ курсовъ, что сильно могло ее радовать, занимать ея духъ дѣятельности и возвышать все ея существо — одну изъ главныхъ ролей играло Общество бывшихъ курсистокъ, во главѣ котораго она давно уже и прежде стояла. Прекрасный разсказъ о началѣ и ростѣ этого общества сообщаетъ одна изъ значительнѣйшихъ товарокъ этого Общества, Ек. Ник. Щепкина.

«Еще ранѣе перваго выпуска на Высшихъ Курсахъ, гостиная Н. В. Стасовой была открыта для совѣщаній насъ, курсистокъ. Здѣсь собирались курсовыя депутатки поговорить о результатахъ благотворительныхъ

вечеровъ и концертовъ; сюда приходили побесѣдовать о практическихъ занятіяхъ на курсахъ; тутъ происходилъ свободный обмѣнъ мыслей, помогавшій болѣе ясному усвоенію того, что схватывалось въ вѣчной толпѣ и суматохѣ переполненныхъ аудиторій и кабинетовъ тѣснаго помѣщенія курсовъ въ домѣ Боткиной, на Сергіевской.

«Послѣ перваго выпуска (май, 1882), связи между окончившими и продолжавшими курсы не порвались. Составъ посѣтительницъ знакомой гостиной сталъ разнообразнѣе: ее посѣщали теперь и учащіяся, и окончившія. Окончившія приходили къ любимой распорядительницѣ справляться о мѣстахъ и занятіяхъ, зная, что ихъ встрѣтятъ всегда участливо и тепло, приходили просить личной рекомендаціи, необходимой для занятій; иныя просто приносили сюда свои стремленія и заботы.

«Кружокъ могъ повременамъ ссужать товарищей маленькими суммами денегъ. На имя Н. В. Стасовой, какъ дѣйствительной распорядительницы курсовъ, такъ и бывшей, постоянно высылались изъ провинцій предложенія мѣстъ и занятій для слушательницъ. Ихъ читали въ кружкѣ, подыскивали кандидатокъ, или отклоняли...»

Это Общество, его бодрая и энергическая дѣятельность сильно радовали мою сестру и поддерживали ее. Но даже и тутъ ее посѣщали разочарованіе и страхи за ненарушимость дѣла, важнаго нетолько для нея, но и для всѣхъ. Лишь только происходило, или только казалось ей, что происходитъ, ослабленіе дѣятельности, или хотя малѣйшее охлажденіе со стороны участвующихъ, она уже пугалась и готова была бить тревогу, даже считала себя виноватой. Такъ наприм., 2 ноября 1889 года, она пишетъ въ «Запискахъ» своихъ: «Все распадается! Что за вялое было вчера собранье! Вѣдь я-же въ этомъ виновата. Не умѣю ничего двинуть. Всѣ какъ-то по угламъ толкуютъ, и об-

щаго ничего. Рефераты уничтожены, чувствую, что все пропадетъ. Какой интересъ имъ собираться! Надо дѣло иначе поставить...» Ка́къ ей было не тревожиться, не пугаться, когда у ней было передъ глазами столько примѣровъ изъ прежняго времени, примѣровъ того, ка̀къ у насъ легко распадаются, иной разъ, самыя превосходныя и дорогія начинанія, ка́къ часто равнодушіе и безучастность выползаютъ изъ какихъ-то гадкихъ норъ, и потихоньку, помаленьку душатъ, какъ воры и разбойники, самое что ни есть дорогое и честное. По счастью, на этотъ разъ страхи моей сестры были напрасны. Дѣло не пошатнулось и не рушилось, а только вступило въ новый фазисъ жизни, продолжало существовать, но нѣсколько иначе. Слишкомъ большая горсточка хорошей славной женской молодежи русской стояла тутъ въ постромкахъ и весело трогала впередъ.

Въ своей прекрасной запискѣ «О возникновеніи Общества вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на СПБ. высшихъ женскихъ курсахъ», Ек. Ник. Щепкина, одна изъ членовъ-учредительства, говорила:

«Одно время на нашихъ собраніяхъ упорно старались занять общество рефератами и сообщеніями. Но то, что могло занимать недавно окончившихъ курсистокъ, становилось все менѣе и менѣе занимательнымъ по мѣрѣ того, какъ годы отдѣляли насъ отъ времени, когда мы наполняли аудиторіи курсовъ. Служба, спеціальности, повседневныя занятія раздѣляли насъ. Но насъ стало связывать нѣчто иное: интересъ къ жизни и дѣятельности каждаго товарища, интересъ къ той обстановкѣ, среди которой приходится жить и дѣйствовать нашимъ товарищамъ по высшимъ курсамъ.

«Вмѣсто спокойныхъ книжно-литературныхъ рефератовъ, явились рефераты иного рода: письма бывшихъ слушательницъ изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ провинцій.

«Изъ одного письма мы узнавали, какія препят-

ствія встрѣтили попытки къ педагогической дѣятельности одной семейной курсистки въ уѣздномъ городкѣ дальняго Поволжья: тамъ мѣстные жители находили возможнымъ обучать дѣвицъ только чтенію и приводили удивительные, но очень серьезные, съ ихъ точки зрѣнія, доводы къ тому, что ихъ не слѣдуетъ учить писать. Другой товарищъ сообщалъ, какъ трудно прививалась гимнастика и понятіе о физическомъ воспитанія къ гимназисткамъ и школьницамъ изъ туземнаго населенія Кавказа.

«По вызову нашей предсѣдательницы, Н. В., изъ Одессы, въ небольшомъ письмѣ получены были свѣдѣнія о десяти слушательнацахъ, служившихъ въ Одессѣ; занятія ихъ крайне были разнообразны: однѣ служили при сельско-хозяйственномъ обществѣ, другія состояли въ городскихъ учительницахъ; были жившія частными уроками, двѣ перешли въ зубные врачи. Изъ Закавказья получались особенно подробныя свѣдѣнія; съ городомъ Баку завязались у насъ постоянни очень тѣсныя сношенія. Изъ Тифлиса, сообщая о занятіяхъ слушательницъ, прибавляли, кто сколько зарабатываетъ: тамъ оказывались особенно выгодные частные уроки, дававшіе до тысячи рублей въ годъ, иногда на готовомъ содержаніи. Любопытны также были удивительные переломы, происходившіе въ существованіи нашихъ товарищей подъ давленіемъ всяческихъ условій мѣстной жизни и обстановки!

«Какихъ только запросовъ не ставила имъ жизнь!..

«Всѣ извѣстія, какъ о себѣ, такъ и о товарищахъ, сообщались всегда съ большой охотой; многія горячо увѣряли, что имъ въ глуши доставляетъ большое удовольствіе знать, что старые товарищи прочтутъ письма, поговорятъ о писавшихъ, о ихъ судьбѣ и дѣлахъ.

«Конечно, писемъ у насъ перебывало всетаки немного, крайне интересныя свѣдѣнія сообщались случайно и отрывочно; но и по нимъ можно было судить, что свѣдѣнія о женскомъ трудѣ и женскихъ

заработкахъ представили-бы много полезныхъ данныхъ, если-бы оказалось возможнымъ поставить дѣло шире.

«Такъ устроились сами собой простыя, крайне немногосложныя занятія кружка...

«11 лѣтъ просуществовалъ крошечный кружокъ почти безъ средствъ и безъ опредѣленныхъ связей, и просуществовалъ только потому, что было всегда что-то, что̀ не давало ему распасться, всегда оказывалось, что онъ бывалъ нуженъ». (Отчетъ Общества вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на Спб. Высшихъ Женскихъ Курсахъ. Годъ первый. Отчетъ за 1894 г.).

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Памятникъ Ковалевской.

XXVIII.

Въ «Запискахъ» своихъ моя сестра пишетъ 30 января 1891 г.: «Ковалевская умерла! Какое горе! Не оцѣнили ее у насъ. Ей прямо слѣдовало-бы на курсы, но нѣтъ... Предложу, чтобы дочь ея сдѣлали стипендіаткой...» *) Спустя два дня, 1 февраля, она пишетъ: «Сегодня непремѣнно возбужу вопросъ: надо дочь ея образовать и воспитать. Но какъ это сдѣлать? Софья Васильевна чрезвычайно была довольна взглядомъ шведовъ на воспитаніе. Но не ошибалась-ли она? Не узко-ли тамъ образованіе, а главное—воспитаніе? Надо узнать: какъ тамъ смотрятъ на женщину. Но вѣдь намъ лучшее доказательство, что тамъ женщину цѣнятъ—то, что С. В. была профессоромъ въ Стокгольмѣ! Увы! Все кончено...»

Въ отчетѣ Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, за 1891 годъ, было сказано:

«О заслугахъ С. В. Ковалевской, какъ замѣчательнаго научнаго и общественнаго дѣятеля, было уже столько высказано въ русской и иностранной печати,

---

*) Софья Васильевна Ковалевская умерла 2 января (ст. ст.) 1891 г., въ Стокгольмѣ, гдѣ была профессоромъ университета.

что не здѣсь мѣсто, на страницахъ краткаго отчета, говорить о томъ, что должно быть хорошо извѣстно всѣмъ русскимъ образованнымъ людямъ. Комитетъ не можетъ, однако-же, не вспомнить съ чувствомъ глубокой благодарности, о томъ участіи, которое покойная, вошедшая въ составъ перваго-же Комитета (1878 г.), всегда проявляла по отношенію къ Курсамъ и къ нашему Обществу. Уже въ послѣднее время своей жизни, С. В. мечтала о томъ, что приступитъ къ чтенію лекцій по математикѣ на Высшихъ Женскихъ Курсахъ; смерть ея, лишившая науку выдающагося дѣятеля, лишила такимъ образомъ и наши Курсы выдающагося профессора».

Прекрасныя надежды! Но спрашивается: она-то, можетъ быть, и дѣйствительно желала читать лекціи на русскихъ Курсахъ, но еще неизвѣстно, взяли-ли-бы ее, пустили-бы ее туда? Развѣ Ковалевская не писала, въ 1883 году, своему пріятелю, профессору Миттагъ-Лефлеру: «Я глубоко признательна стокгольмскому университету, который, *одинъ единственный* изъ *всѣхъ* европейскихъ университетовъ, милостиво распахиваетъ для меня свои двери. Я заблаговременно расположена привязаться ко Стокгольму и Швеціи, какъ къ родной странѣ!..» Что значитъ родиться человѣкомъ, выходящимъ изъ ряду вонъ! Всего чаще онъ оказывается никуда негоднымъ для большинства всякихъ заправилъ, и они передъ нимъ не распахиваютъ, а стремительно захлопываютъ всѣ двери. Значитъ, читала-ли-бы Ковалевская свою математику у насъ на курсахъ, это еще бабушка на-двое сказала.

Но такъ или сякъ, а Общество доставленія средствъ курсамъ полно было, наперекоръ принятымъ порядкамъ, добрыхъ надеждъ, потому-что, хотя и не читало тогда писемъ С. В. Ковалевской къ кому-бы то ни было, но знало ея общее настроеніе духа, то самое, которое выразилось въ одномъ изъ ея писемъ къ тому-же профессору Лефлеру (іюнь 1881):

«Я жажду возможности приложить свои познанія къ высшему преподаванію, для того, чтобы раскрыть женщинамъ двери университетовъ. Этотъ входъ дозволяется имъ, до сихъ поръ, только въ особенныхъ случаяхъ, и въ видѣ исключительной милости, которую можно у нихъ пожалуй и отнять, столь-же легко и произвольно, какъ это произошло во многихъ нѣмецкихъ университетахъ. Я не богата, но имѣю средства на то, чтобы жить независимо, и вопросъ о жалованьѣ не будетъ играть никакой роли въ моей рѣшимости. Что я всего болѣе имѣю въ виду—это служить дѣлу, мнѣ дорогому, и, въ то-же время, упрочить для себя самой возможность посвятить себя труду въ средѣ, гдѣ идутъ такія-же работы, а этого счастья я никогда не достигала, да его мнѣ недостаетъ и въ Россіи. Имъ я пользовалась до сихъ поръ только въ Берлинѣ».

Но не этого-ли самаго желало и добивалось весь свой вѣкъ Общество для доставленія средствъ высшимъ курсамъ? Не для этого-ли жило оно и существовало на свѣтѣ? Значитъ, какъ ему дорога приходилась такая женщина, которая тоже жила тѣмъ-же! Какимъ должна была прійтись ему жестокимъ ударомъ смерть Ковалевской, этой геніальной, по признанію всей ученой Европы, женщины, этого драгоцѣннаго цвѣта и украшенія женскаго пола! И въ позднія, невозградимыя минуты утраты Общество сдѣлало, что могло, чтобы выразить свою горесть и жалость.

Моя сестра была, конечно, тутъ вмѣстѣ со своими товарками по комитету.

«Горячо привѣтстоовала она, пишетъ въ своей «Запискѣ» Варв. Павл. Тарновская, иниціативу комитета по сбору пожертвованій на памятникъ С. В. Ковалевской и стипендію ея имени. Громкая извѣстность, достигнутая Ковалевской, общее признаніе ея выдающихся научныхъ заслугъ, несказанно радовали Н. В., всегда любовно слѣдившую за каждымъ шагомъ жен-

щинъ на общественномъ или научномъ поприщѣ. Ставъ во главѣ комиссіи, избранной для сбора пожертвованій и постановки памятника, она со свойственною ей энергіею и неутомимостью вникала во всѣ подробности дѣла, вела обширную переписку въ Россіи (съ Ю. В. Лермонтовой, ближайшей пріятельницей покойной) и за-границей (съ профессоромъ Миттагъ-Лефлеромъ въ Стокгольмѣ), и настойчиво торопила скорѣйшее осуществленіе этого дѣла».

Въ своихъ «Запискахъ», моя сестра пишетъ 9-го апрѣля 1891 года: «Вечеръ въ память Ковалевской. Зала Думская полна. Общество своимъ духомъ напомнило 70-е года. Я ожидала немного. Впечатлѣніе было прекрасное. Я просила Е. П. Султанову (одну изъ членовъ комиссіи), еще передъ началомъ вечера, чтобы пригласить публику, вставаніемъ почтить память Ковалевской. А. Н. Бекетовъ, какъ всегда готовый на хорошее, исполнилъ это. Впечатлѣніе было превосходное! Изъ чтеній самое лучшее было С. А. Андреевскаго...»

Отчетъ Общества для доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ за 1890—91 годъ говоритъ: «По почину Варв. Павл. Тарновской, начавшійся среди лицъ сборъ на фондъ имени С. В. Ковалевской сосредоточенъ былъ въ Комитетѣ Общества. Нынѣ фондъ этотъ достигъ суммы 2,214 р. 14 к. и составился путемъ сборовъ по книжкамъ, и устроеннаго въ залѣ городской думы 9-го апрѣля сего года вечера. Назначеніе фонда двоякое: 1) устройство памятника на могилѣ С. В. Ковалевской и 2) учрежденіе стипендіи ея имени на физико-математическомъ отдѣленіи курсовъ. Комитетомъ пріобрѣтенъ также портретъ Софіи Васильевны, и его предположено повѣсить на Курсахъ».

Все это осуществилось спустя нѣсколько времени. Учреждена стипендія имени С. В. Ковалевской при Спб. Высшихъ Женскихъ Курсахъ, повѣшенъ на Кур-

сахъ портретъ знаменитой русской ученой и поставленъ памятникъ на ея могилѣ въ Стокгольмѣ. Но послѣднее осуществилось уже только послѣ кончины моей сестры. Памятникъ Ковалевской, въ видѣ креста, выполненъ (по проекту архитектора Н. В. Султанова) изъ чернаго финляндскаго гранита, но необыкновенная крѣпость этого камня и трудность обработки его затянули работу на довольно долго время. Памятникъ могъ быть открытъ лишь лѣтомъ 1896 года, и моей сестрѣ не удалось осуществить своего горячаго желанія—лично присутствовать на открытіи памятника великой соотечественницы, о сооруженіи котораго она такъ много постаралась.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Выставка въ Чикаго.

XXIX.

Теперь у меня должна пойти рѣчь объ участіи моей сестры и ея товарищей на чикагской выставкѣ. Тутъ произошелъ нѣкоторый инцидентъ, въ такой степени неожиданный и странный, что мнѣ надобно остановиться съ особенною подробностью на нѣкоторыхъ деталяхъ.

Всемірная американская выставка 1893 года, въ Чикаго, произошла при совершенно особенныхъ условіяхъ и имѣла совершенно особенное значеніе для насъ. Бывшія до нея подобныя-же выставки явились на свѣтъ просто и единственно потому, что идея всемірныхъ выставокъ была новая, небывалая, привлекала къ себѣ всѣ умы, возбуждала новыя стремленія: какъ идеальныя, безкорыстныя, великія идеи пользы и славы, такъ и стремленія эгоистическія, очень корыстныя,—идеи разсчета, наживы и богатой выгоды. Таковы были всемірныя выставки: лондонскія (1851 и 1862), парижскія (1855, 1867, 1878, 1889), вѣнская (1873), и даже американская филадельфійская. Съ чикагской было иначе. Правда, еще съ начала 80-хъ годовъ бродила въ умѣ у многихъ сѣверо-американцевъ мысль о томъ, что какъ хорошо было-бы достойнымъ образомъ

отпраздновать 400-лѣтіе открытія новаго, за-атлантическаго міра однимъ европейцемъ, Христофоромъ Колумбомъ (это говорили американцы, все потомки пришельцевъ изъ Европы), и какъ хорошо было-бы для этого соорудить громадную, небывалую какую-то международную выставку у себя на родинѣ, вмѣсто того, чтобы все только ѣздить черезъ океанъ въ Европу и съ досадой только пощелкивать зубами на то, что дѣлается у другихъ. Писались о томъ многочисленныя, часто громадныя статьи въ американскихъ газетахъ, подобныхъ цѣлымъ простынямъ, созывались клубы, соединялись вмѣстѣ многіе изъ этихъ клубовъ,—и все-таки изъ того не выходило ничего рѣшительнаго и опредѣленнаго. Въ концѣ 80-хъ годовъ, статьи, клубы и пренія мало-по-малу замолкли, и идея всемірной американской выставки какъ-то совсѣмъ у нихъ стушевалась.

Но парижская всесвѣтная выставка 1889 г. зажгла тамъ снова всѣ умы и поставила крѣпко на ноги прежнюю идею. Успѣхъ Сѣверной Америки на этой выставкѣ былъ неожиданный, громадный. На этой выставкѣ оказалось 9 000 американскихъ посѣтителей, 1 750 экспонентовъ и, изъ этихъ послѣднихъ, 941 человѣкъ получили почетныя отличія—медали. Такихъ цифръ никто не ожидалъ въ Америкѣ. Всѣ тамъ обрадовались, возгордились и далеко унеслись въ горячихъ мечтахъ о несравненной славѣ и необходимости воздвигнуть ее еще выше. «Выставка 1889 года, говоритъ «Предисловіе» большого сочиненія о чикагской выставкѣ,—была колоссальнымъ успѣхомъ для Америки, и полу-забытый проектъ великой Колумбовой выставки вдругъ ожилъ съ новою силой»... Еще годъ не дошелъ до конца, а у американцевъ все уже было рѣшено и подписано, совершились громадныя сходки, собранія; безчисленные клубы, мужскіе и женскіе, дѣйствовали съ небывалой энергіей, и дѣло кипѣло. Съ 1890 года уже пошли новыя постройки, а коми-

теты сидѣли и работали, исчисляли, назначали персоналы и разсылали программы и приглашенія.

Одну минуту произошла-было рознь между тремя крупнѣйшими городами: Нью-Іоркомъ, Вашингтономъ и Чикаго, о томъ, гдѣ быть выставкѣ, въ которомъ изъ этихъ трехъ городовъ, республиканскихъ столицъ. Но тогда безъ особеннаго труда побѣдилъ Чикаго. И въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ самый сильный, самый могучій и самый энергичный изъ трехъ. Тѣ двое давно уже сложились, еще въ предыдущемъ столѣтіи, и шли со своею жизнью какъ по привычному, твердо выкопанному руслу. Чикаго-же создался еще недавно, всего нѣсколько десятковъ лѣтъ, съ 1833 г., а если считать настоящею его исходною точкой колоссальный пожаръ 1871 г., то жизнь его была еще моложе. Втеченіе первыхъ своихъ 40 лѣтъ, Чикаго успѣлъ превратиться изъ дрянной индѣйской деревушки въ городъ, а потомъ, спустя немного времени, въ цвѣтущій и сильно ростущій городъ, громадною лапою загребающій вокругъ себя широкія и далекія версты земли, тысячи людей, и творящій изъ нея и изъ нихъ какую-то сказочную, ростущую не по днямъ, а по часамъ, красавицу-столицу, скоро получившую даже граціозное прозвище: «Царица озеръ». Пожаръ 1871 года уничжилъ все это, но только на время. Очень скоро городъ Чикаго снова возникъ, какъ волшебный фениксъ, изъ своего пепла, и выросъ еще богаче, роскошнѣе и могучѣе прежняго. Съ этою новою, цвѣтущею и энергично двигающеюся силой мудрено было справляться, и Чикаго побѣдилъ. Въ два-три года всемірная выставка сложилась и устроилась подъ его могучей рукой, и если не превзошла всѣ прежнія, какъ горячо мечтали всѣ чикагцы, то все-таки явилась одною изъ самыхъ необыкновенныхъ и величественныхъ. На ней поражали, кромѣ всего, выставленнаго Европой, нетолько несмѣтныя богатства, изобрѣтенія и всяческія свидѣтельства необычайнаго почина и творческаго дара

Сѣверо-Американскихъ Штатовъ по всѣмъ отраслямъ человѣческой промышленной, технической и механической дѣятельности,—нѣтъ, глубоко поражало также то, что выдвинуты были тутъ, впервые, на арену всемірной выставки, нѣкоторыя отрасли человѣческой дѣятельности, такія задачи, и на прибавку къ нимъ, такіе конгрессы, которые были какъ-то забыты или опущены прежними всемірными выставками. Сюда относятся, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ, всесвѣтный конгрессъ «моральной и соціальной реформы», представлявшій нѣчто въ высокой степени характерное и значительное, во множествѣ своихъ подраздѣленій и программъ, всесвѣтный конгрессъ «религіозный», и другіе.

Но одну изъ еще болѣе крупныхъ и необычайныхъ особенностей чикагской выставки представлялъ ея «женскій отдѣлъ», и связанный съ нею «женскій всесвѣтный конгрессъ». Это было нѣчто совершенно новое, это былъ элементъ, впервые еще появлявшійся на всемірной выставкѣ. И, конечно, по всей справедливости. Американскія женщины, цѣлой громадной, сплоченной толпой, первыя начали, въ дѣйствительности, на практикѣ, походъ за женскія права, онѣ первыя представили колоссальное по размѣрамъ и вліянію доказательство того, что̀ женщина можетъ и должна дѣлать на своемъ вѣку, къ чему способна кромѣ заботъ (впрочемъ, безконечно почтенныхъ) о мужѣ, семьѣ и хозяйствѣ. Что̀ великіе умы Франціи XVIII вѣка, Вольтеръ, Кондорсэ и другіе, провидѣли своимъ свѣтозарнымъ умомъ еще въ началѣ того столѣтія, то̀ онѣ начали осуществлять у себя дома, позади пучинъ океана, и не вѣдая ничего о томъ, что говорится и пишется въ Европѣ,—уже около середины того-же столѣтія. У тѣхъ шло, покуда, за нѣсколько десятилѣтій до «объявленія правъ женщины», дѣло только о *теоріи*, у этихъ творилась—*практика*. У тѣхъ стояло на дворѣ, еще покуда, мирное, такъ сказать, штатское

время, у этихъ—самое что ни есть злючее, трепетное, военное. Тѣмъ хотѣлось только поучать людей на добро и правду, мирно, спокойно, тихо и кротко, у этихъ—все было дрожь и громъ, корни жизни шатались и трещали на всѣхъ своихъ основахъ. Надо было отдѣлаться отъ злыхъ враговъ, деспотовъ англичанъ, насѣвшихъ имъ на шею, словно тяжелый мужикъ Чубъ у Солохи, сѣвшій въ мѣшкѣ «почти на голову дьяку и помѣстившій свои намерзнувшіе сапоги по обѣимъ сторонамъ его висковъ». Но американцы середины XVIII вѣка были не тщедушные, перепуганные малороссійскіе дьячки. Это было могучее, бодрое, смѣлое, гордое племя. Они уже не могли долго сносить намерзнувшіе сапоги тяжелаго мужика у себя на вискахъ. Они встали и стряхнули съ себя жаднаго Чуба. У нихъ не было къ злому деспоту ни почтенія, всученнаго воспитаніемъ, ни близорукихъ предразсудковъ, ни затемняющихъ преданій. Гёте сказалъ про нихъ: «Америка, у тебя лучше, чѣмъ у насъ на континентѣ-старикѣ. У тебя нѣтъ ни разрушающихся замковъ, ни крѣпкихъ базальтовъ. Твоего духа, внутри груди, не смущаетъ, въ минуту дѣла, никакое праздное воспоминаніе, никакой напрасный споръ» *). И кто-же всего болѣе помогалъ имъ? Американскія женщины. Въ своемъ превосходномъ «Предисловіи» къ переведенной ею, четверть вѣка тому назадъ, книгѣ мистриссъ Эллетъ: «Американки XVIII вѣка», М. К. Цебрикова, такъ непозволительно и постыдно у насъ теперь позабытая, говорила:

---

*) Amerika, du hast es besser
Als unser Continent, das alte.
Hast keine verfallene Schlösser
Und keine Basalte.
Dich stört nicht im Innern,
Zu lebendiger Zeit,
Unnützliches Errinnern
Und vergeblicher Streit.

«Общее одушевленіе, поднявшее народъ, было возбуждено и поддержано женщинами. Американки, посылая въ огонь мужей и сыновей, дѣля съ ними труды и опасности, воскресили въ себѣ образъ древней спартанки, которая говорила, вручая сыну щитъ: «Иль со щитомъ, иль на щитѣ». Это вліяніе было признано и американцами, и непріятелемъ. Не найдете ни одной страны, гдѣ-бы вліяніе женщины было такъ сильно, прочно и благотворно, какъ въ Америкѣ...» «...Въ колоніяхъ жена была для мужа не предметъ роскоши, не гаремная одалиска, какъ свѣтскія барыни, содержаніе которыхъ раззоряетъ мужа; она была въ полномъ смыслѣ этого слова его помощницей. Американки того времени были достойными подругами тѣхъ неустрашимыхъ піонеровъ, которые, съ ружьемъ въ одной рукѣ и топоромъ въ другой, расчищали непроходимыя дебри и складывалисвои бревенчатые блокгаузы, зародыши будущихъ цвѣтущихъ многолюдныхъ городовъ Америки. Женщины мужественно переносили всѣ трудности и лишенія жизни, чуждой комфорта горожанъ: обработывали землю, завѣдывали многосложнымъ хозяйствомъ и домашними производствами. По прекращеніи привоза товаровъ изъ Европы, даже достаточнымъ пришлось самимъ валять шерсть, выдѣлывать бумагу и ленъ, ткать матеріи и изготовлять одежду себѣ и войску. Женщины многихъ округовъ сами обработывали землю, сбирали и молотили хлѣбъ и т. д. «Часто, въ отсутствіе мужей, приходилось защищаться отъ нападеній кочующихъ сѣверо-американскихъ дикихъ племенъ и дикихъ звѣрей. Силы ихъ закалялись въ трудѣ и привычкѣ къ опасностямъ... Американки выросли на преданіяхъ о притѣсненіяхъ, которыя перенесли ихъ предки, въ ихъ геройской борьбѣ съ опасностями и лишеніями. Онѣ сами умѣли живо чувствовать каждое нарушеніе правъ народа. Матери передавали сыновьямъ своимъ ненависть къ притѣснителямъ, и въ то время, когда одни только

дальновидные политики могли угадывать грядущія событія, у скромнаго семейнаго очага колонистовъ росла любовь къ свободѣ, которая вспыхнула потомъ яркимъ пламенемъ, освѣтившимъ весь міръ. «Матери-патріотки вскормили дѣтство свободы, говоритъ мистриссъ Эллеть. Онѣ дали отечеству гражданъ, которые отстояли его независимость своею кровью»...

Таковы были американки въ ту пору, когда шло дѣло объ одолѣніи тяжелаго, ненавистнаго врага, и о созданіи независимости. Втеченіе ста лѣтъ, прошедшихъ съ тѣхъ поръ, ихъ наслѣдницы прожили не понапрасну. Первая половина этихъ ста лѣтъ прошла въ томъ, что американцы и американки отдыхали отъ своего великаго героическаго періода *освобожденія*, и, какъ-будто немного утомленные колоссальными усиліями, на время замерли духомъ, покоились, безцвѣтно жили и не мечтали о перестройкѣ и расширеніи своего нравственнаго и интеллектуальнаго долга. Еще выше (въ своемъ IV-мъ параграфѣ) я говорилъ:

«Несмотря на свое освобожденіе отъ чужеземныхъ, англійскихъ и своихъ собственныхъ, домашнихъ, пуританскихъ цѣпей, еще въ концѣ прошлаго столѣтія Сѣверная Америка (такъ великолѣпно уразумѣвшая тогда женскія *обязанности*) долго была совершенно чужда пониманія женскихъ *правъ*. Она не хотѣла ни знать ихъ, ни признавать; и относилась даже очень враждебно къ первымъ проявленіямъ женскаго истиннаго самосознанія. Но время взяло свое, и энергія женскихъ отдѣльныхъ личностей восторжествовала надъ косностью американскихъ правительствъ и массы, и въ концѣ 40-хъ годовъ нашего столѣтія, особливо послѣ парижской революціи 1847 года, Сѣверная Америка глубоко прониклась идеями о женской эмансипаціи, приносившимися къ ней изъ Англіи и Франціи. Эти идеи распространили теперь неудержимый пожаръ...»

Въ этомъ огнѣ, въ этомъ пожарѣ прошли вторыя

50 лѣтъ нашего столѣтія. Втеченіе ихъ, Сѣверная Америка наполнена была безчисленными женскими митингами и собраніями, иногда колоссальными, манифестами, изданіями, трактами, книгами, газетами и журналами, гдѣ «женскій вопросъ» и «женская эмансипація» трактовались, проводились, доказывались и вооружались усиліями цѣлаго легіона американокъ. Прежнія заботы, преимущественно филантропическаго характера, госпитали, пріюты, школы для бѣдныхъ, всякія другія попеченія о благодѣтельныхъ, полезныхъ учрежденіяхъ, продолжались, но къ нимъ присоединились цѣли и требованія еще болѣе широкаго характера. Рѣчь шла уже не о «грамотности» женщинъ вообще, а о правѣ ихъ воспитываться во всякихъ училищахъ, не однихъ низшихъ, но и высшихъ, въ университетахъ, медицинскихъ, юридическихъ и другихъ учрежденіяхъ, а значитъ и о дѣятельности женщинъ по всѣмъ отраслямъ, прежде доступнымъ для одного только мужчины; въ то-же время рѣчь шла и объ участіи женщины, совершенно равномъ съ участіемъ мужчины, въ производительной промышленности, въ трудѣ и заработкѣ, наконецъ равное участіе въ составленіи законовъ и въ администраціи, въ государственныхъ и національныхъ дѣлахъ, въ законодательныхъ собраніяхъ, судахъ и т. д. Подобнаго, по ширинѣ, движенія нельзя было бы указать во всемъ остальномъ мірѣ, даромъ что и тамъ вездѣ, въ лучшихъ странахъ, во Франціи, Англіи и Швейцаріи, Россіи, частью даже Германіи,—могучія и многочисленныя женскія силы были посвящены тому-же вопросу, тому-же дѣлу.

И все это движеніе получило вдругъ себѣ блистательное завершеніе и увѣнчалось въ лицѣ «женскаго отдѣла» и «женскаго конгресса» чикагской выставки. Весь женскій міръ былъ призванъ взглянуть на сдѣланное, на совершенное до сихъ поръ, и подумать о продолженіи великаго дѣла.

Въ IX-й главѣ своего текста оффиціальная «Исторія чикагской выставки» говоритъ: «Необычайное значеніе (prominence), приданное женщинѣ на Колумбовой выставкѣ, обозначаетъ собою очень замѣчательное уклоненіе отъ того, что́ до сихъ поръ совершалось относительно мѣста, отводимаго женскому полу. Еще *впервые* въ его исторіи, наше правительство признало, въ какомъ-бы то ни было отношеніи, «женщину» иначе, чѣмъ въ видѣ «исключеній», въ оффиціальныхъ документахъ, установляющихъ привилегіи и обозначающихъ права гражданъ». Далѣе, объясняя составъ и управленіе «женскаго отдѣла», «Исторія» упрекала организаціонную комиссію всемірной выставки въ томъ, что она совершенно ошибочно назвала женскій распорядительный комитетъ «дамскимъ» (Board of Lady Managers), вмѣсто того, чтобы назвать его «женскимъ» (Board of Women Managers).

Это управленіе состояло изъ президентши, 8-ми вице-президентшъ (по отдѣламъ), одной *общей* вице-президентши (Vice-President at-Large) и одной секретарши. Распорядительницъ *общихъ* было назначено 8 и при нихъ 8 помощницъ. Распорядительницъ частныхъ было назначено отъ каждаго изъ 50 штатовъ по 2, и того было 100 распорядительницъ, и при нихъ 100 помощницъ. Спеціально отъ Чикаго было еще назначено 17 особыхъ распорядительницъ съ ихъ помощницами. Исполнительный комитетъ состоялъ изъ 24 мистриссъ и миссъ. Уже однѣ эти громадныя цифры даютъ понятіе о размѣрахъ обширной дѣятельности отдѣла.

«Вначалѣ, говоритъ «Исторія», раздалось много критикъ противъ огромнаго распорядительнаго персонала, и высказывались сомнѣнія въ пользѣ и успѣхѣ ихъ дѣятельности, но результаты доказали, что общій организаціонный комитетъ выставки былъ правъ, вѣруя въ американскихъ женщинъ и предоставивъ имъ полную свободу и самостоятельность дѣйствія...

«Женскій комитетъ оказалъ очень значительную

помощь общимъ интересамъ предпріятія и достигъ такихъ успѣховъ въ своихъ различныхъ отдѣлахъ, что они возбудили изумленіе даже самыхъ пламенныхъ людей, вѣрующихъ въ способность женскаго пола равняться съ мужскимъ во всѣхъ отрасляхъ умственныхъ стремленій и мастерского производства».

Президентшей «Женскаго отдѣла» состояла мистриссъ Поттеръ Пальмеръ, истинная красавица по своей внѣшности и блестящая свѣтская дама, но вмѣстѣ одна изъ образованнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ сѣверо-американокъ, соединявшая въ себѣ сильный умъ, административныя способности и непоколебимую энергію. Благодаря ея личнымъ стараніямъ, Женскій отдѣлъ чикагской выставки привлекъ къ себѣ симпатіи всѣхъ значительнѣйшихъ европейскихъ правительствъ. Во всѣхъ главныхъ странахъ континента образовались женскіе комитеты, рѣшившіе содѣйствовать успѣху Женскаго отдѣла выставки. Англійскій комитетъ образовался подъ непосредственнымъ покровительствомъ королевы Викторіи и подъ президентствомъ принцессы Христины. Во Франціи, во главѣ комитета стала г-жа Карно, супруга президента республики. Германскій комитетъ имѣлъ своею главою супругу принца Фридриха - Карла. Итальянскій отдѣлъ состоялъ подъ спеціальнымъ покровительствомъ королевы Маргариты, и въ особенности отличился несравненною историческою выставкою кружевъ, изъ эпохъ, начиная съ Египта и Этруріи, и до настоящаго времени. Во главѣ бельгійскаго отдѣла стала королева, президентство-же приняла графиня Фландрская. Даже изъ Мексики, Китая и Японіи явилось сочувственное содѣйствіе женскому отдѣлу въ Чикаго. Русскій комитетъ имѣлъ во главѣ своей Императрицу Марію Θеодоровну.

Наконецъ, нельзя забыть и того, что дворецъ «Женскаго отдѣла» былъ сооруженъ по планамъ и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ американской женщины-архитекторши, Софіи Гайденъ, а всѣ скульп-

турныя и женскія работы для этого дома были произведены по рисункамъ и проектамъ американскихъ художницъ.

Россія играла блестящую роль на чикагской выставкѣ, въ Женскомъ отдѣлѣ, по части женскихъ художественныхъ работъ, и этимъ завѣдывалъ отдѣльный, прекрасно составленный комитетъ, гдѣ сплотилась (какъ я тогда писалъ въ «Новостяхъ») цѣлая группа русскихъ женщинъ, любящихъ русскую женскую работу, цѣнящихъ свою національность въ художествѣ, умѣющихъ создавать новыя, современныя произведенія по законамъ ея красоты и вкуса». Тутъ явились замѣчательныя работы. Изъ дерева: отъ Т. Б. Сѣмечкиной—рѣзной и выжженный «шкафъ гр. Льва Толстого»; отъ княжны М. А. Шаховской—рѣшотка и входныя двери въ русскій отдѣлъ, въ нашемъ національномъ стилѣ XII вѣка; отъ М. В. Дурново—оригинальныя царскія двери; отъ М. А. Васильчиковой—двери; отъ Е. М. Бемъ—русскій шкапчикъ-кіотецъ; отъ М. А. Мамонтовой—русская мебель и посуда. Изъ стекла: отъ Е. М. Бемъ—сосуды въ русскомъ стилѣ; отъ Т. Б. Сѣмечкиной—росписныя стекла; ковры—отъ Маріинской школы кружевницъ, состоящей подъ вѣдѣніемъ ея основательницы, С. А. Давыдовой, и подъ управленіемъ начальницы этой школы, Е. Е. Новосильцевой, также ковры, тканые въ имѣніи А. Н. Нарышкиной и подъ непосредственнымъ ея руководствомъ; затѣмъ громадная выставка русскихъ кружевъ, старой и новой работы, изъ разныхъ коллекцій русскихъ любителей, а также изъ Маріинской школы кружевницъ; наконецъ, можно сказать, цѣлый *музей* русскихъ женскихъ работъ, выполненныхъ Н. Л. Шабельской съ ея дочерьми и другими помощницами, и воспроизводящихъ разные высокохудожественные предметы древне-русской женской работы, иглой, крючкомъ и накладкой, каковы: ковры, столешники, полотенца, шитыя портьеры и т. д.

Прекрасная иниціатива и значительныя, создан-

ныя въ народномъ духѣ, представленныя нашими женщинами на этомъ поприщѣ вещи были всѣми замѣчены на чикагской выставкѣ и заслужили блестящее признаніе и одобреніе всемірной публики. Точно такова-же могла и должна была-бы быть участь русскихъ женщинъ, вознамѣрившихся представить на американской всемірной выставкѣ ходъ просвѣтительнаго движенія русской женщины, научнаго и вообще интеллектуальнаго. Къ этому призывали ихъ достигнутые съ великимъ трудомъ, общими ихъ усиліями, результаты, быть можетъ еще не полные, но уже блестящіе; къ этому призывало ихъ сходство новаго русскаго женскаго движенія съ американскимъ—можно даже сказать, родство обоихъ между собою.

Но удача была на этотъ разъ совсѣмъ другая. Все задуманное и приготовленное русскими женщинами, по этой части, для чикагской выставки—не состоялось!

«Въ концѣ октября, или въ началѣ ноября 1892 г., пишетъ мнѣ Екат. Павл. Султанова (въ то время одна изъ кандидатокъ въ члены Комитета Общества для доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ, ревностно работавшая въ общемъ женскомъ дѣлѣ), у насъ въ Комитетѣ заговорили объ участіи на выставкѣ въ Чикаго. Тотчасъ-же была избрана комиссія изъ слѣдующихъ членовъ: Ел. Іос. Лихачева (въ то время предсѣдательница Общества В. Ж. К.), В. П. Тарновская, баронесса В. И. Икскуль, О. К. Нечаева, Н. В. Стасова и я, какъ дѣлопроизводительница. 12-го ноября я была у Н. В. на совѣщаніи, а 15 го уже были разосланы нами съ нею членамъ Комиссіи программы дѣйствія. Программы эти состояли въ томъ, чтобы дать на американской выставкѣ возможно полную картину женскаго интелллектуальнаго труда въ Россіи. Для этого рѣшено было тотчасъ-же собрать матеріалы и написать возможно большее (по краткости времени) число біографій русскихъ интеллектуально-трудив-

шихся женщинъ. У меня ясно сохранилось въ памяти, какъ душою и этого дѣла была Н. В.».

Изъ числа предположенныхъ задачъ, баронесса Икскуль взяла на себя представить краткій очеркъ русской женской интеллектуальной дѣятельности, начиная съ конца XVII-го и втеченіе всего XVIII-го столѣтія: очеркъ этотъ начинался съ сестеръ Петра Великаго, высоко образованныхъ и высоко дѣятельныхъ царевнъ Софіи и Наталіи Алексѣевнъ, и продолжался русскими женскими писательницами временъ императрицъ Елизаветы Петровны и Екатерины II. Варв. Павл. Тарновская написала очеркъ дѣятельности Высшихъ Женскихъ Курсовъ. Моя сестра—написала сама, или продиктовала кому-то, исторію первоначальнаго возникновенія этихъ курсовъ. Въ одномъ мѣстѣ своего дневника, въ 1894 году, она именно говоритъ: «Какъ и кто хлопоталъ у насъ съ курсами, повторяю всю эту исторію здѣсь вкратцѣ, тѣмъ болѣе, что она есть у меня вся написанная и посланная въ Чикаго...» Другіе члены Комитета, а также нѣкоторыя женщины-писательницы, не принадлежавшія къ составу Комиссіи, даже находившіяся въ другихъ городахъ Россіи, получили приглашеніе написать біографіи разныхъ русскихъ женщинъ, получившихъ значеніе въ наукѣ, искусствѣ и литературѣ.

Сюда принадлежали слѣдующія личности: *Евреинова* (Анна Михайл.), докторъ правъ лейпцигскаго университета (1877), извѣстная нѣсколькими сочиненіями по европейскому вообще, и славянскому, въ особенности, праву; *Ефименко* (Алекс. Яковл.), авторъ «Народно-юридическихъ воззрѣній на бракъ» (1874), «Словаря архангельскихъ провинціализмовъ» (1876), «Изслѣдованія народной жизни. Обычное право» (1884), и т. д.; *Ковалевская* (Соф. Вас.), сначала докторъ математики берлинскаго университета (1874), позже профессоръ математики въ стокгольмскомъ университетѣ (1883), авторъ многихъ трактатовъ по математикѣ, знаменитыхъ въ Европѣ;

Лермонтова (Юлія Всевол.), докторъ химіи геттингенскаго университета (1874), авторъ нѣсколькихъ химическихъ изслѣдованій, между которыми особенно извѣстна докторская диссертація: «Zur Kenntniss der Methylenverbindungen» (1874) и «Sur l'action de l'jodure tertiaire sur l'isobutyène en présence d'oxydes métalliques» (1878); *Переяславцева* (Софія Михайл.), авторъ сочиненій: «Нѣкоторыя свѣдѣнія о чешуекрылыхъ Воронежской губерніи» (1871—2), «Нѣкоторыя свѣдѣнія объ инфузоріяхъ, встрѣчающихся въ окрестностяхъ г. Харькова» (1872); «О формѣ и строеніи обонятельнаго органа рыбъ» (1878), «Къ вопросу о пищевареніи у турбеллярій» (1879), «Le développement de Caprella Ferox» (1889); *Соломко* (въ замужествѣ *Сатиріадисъ*, Ев. Виктор.), докторъ философіи и геологіи цюрихскаго университета, диссертація которой: «Welche sind die artenreichsten Mollusken-Gattungen welche schon im Silur auftreten und noch recent vorkommen?» (1887), заслужила ей докторскій дипломъ; *графиня Уварова* (Прасковья Сергѣевна), сотрудница своего супруга гр. А. С. Уварова въ его археологическихъ путешествіяхъ, изслѣдованіяхъ, раскопкахъ и изданіяхъ, послѣ его кончины предсѣдательница московскаго археологическаго общества, авторъ книги: «Кавказъ. Путевыя замѣтки» (1887); *Давыдова* (Софья Алекс.), авторъ изслѣдованія: «Русское кружево» и необыкновенно замѣчательной «Записки о женскихъ работахъ въ Нижегородской г.» (во время голода 1892—1893 гг.) (1894), основательница «Маріинской практической школы кружевницъ», созданной для подъема павшаго русскаго кружевного производства; *Брюллова* (Софья Конст.), дочь знаменитаго профессора К. Д. Кавелина и его высокодаровитая воспитанница, про которую, послѣ ея кончины въ 1877 году, авторъ ея замѣчательнаго некролога въ «Вѣстникѣ Европы» выразился такъ: «При высокомъ умственномъ развитіи и твердо направленной волѣ, рѣдкія ея ка-

чества дѣлали ее какимъ-то феноменальнымъ явленіемъ, среди всеобщей дряблости, усталости и колебаній... Во времена, когда «женскій вопросъ» занималъ всѣ умы, во времена горячихъ споровъ о немъ, знавшіе ее не разъ говорили: «Вотъ, Кавелина—это живое рѣшеніе женскаго вопроса, и вмѣстѣ фактическое возраженіе всѣмъ его противникамъ...»; значительнѣйшія сочиненія ея: «Общественные идеалы въ Екатерининскую эпоху» (1876), и «Новая теорія о происхожденіи Франціи» (1877); *Срезневская* (Ольга Измайловна), дочь извѣстнаго профессора-слависта Срезневскаго, которой послѣ кончины ея отца, въ 1880 году, Императорская Академія Наукъ поручила приготовить къ изданію и печатать его посмертное сочиненіе: «Словарь древнерусскаго языка по письменнымъ памятникамъ» («Отдѣленіе русскаго языка и словесности, сказано въ предисловіи къ этому изданію, зная, что покойный академикъ предназначалъ дочь свою, Ольгу Измайловну Срезневскую, быть ему помощницею при выполненіи имъ этого труда, обратилось къ ней съ просьбою заняться приведеніемъ въ порядокъ сдѣланныхъ Изм. Ив. выписокъ изъ памятниковъ, съ тѣмъ, чтобы мало-по-малу приготовлять словарь къ печатанію»); двѣ замѣчательныя русскія художницы: *Бемъ* (Елиз. Мерк.) и *Полѣнова* (Елена Дмитр.) и другія.

Большинство этихъ біографій было уже вполнѣ выработано, переведено на англійскій языкъ и отослано въ Америку, ранней весной 1893 г., съ двумя упомянутыми выше «Очерками». При біографіяхъ были приложены хорошіе фотографическіе портреты. Немногія, недоконченныя еще біографіи должны были немедленно слѣдовать за первыми и поспѣть въ Чикаго ко времени открытія выставки.

Но тутъ произошло событіе, которое положило конецъ всему предпріятію. Американская писательница Изабель Хабгудъ, проведшая передъ тѣмъ два года въ Россіи и издавшая потомъ въ Америкѣ многое изъ

сочиненій графа Льва Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Островскаго, Гаршина и др., въ переводахъ на англійскій языкъ, взяла на себя обязанность лично представить на всемірный женскій конгресъ въ Чикаго присланные ей изъ Россіи вышеозначенные документы о женской интеллектуальной дѣятельности въ Россіи и прочесть о нихъ лекцію на конгрессѣ. По окончаніи всемірной выставки, всѣ эти русскіе документы должны были напечататься, по обѣщанію чикагскаго женскаго комитета, въ ихъ общемъ изданіи. Къ несчастію, въ маѣ 1893 г. г-жа Хабгудъ заболѣла въ Нью-Іоркѣ, постоянномъ мѣстѣ своего пребыванія, и не могла сама ѣхать въ Чикаго, почему и отправила по почтѣ все ей присланное изъ Россіи въ Чикаго, на имя распорядителей русскаго отдѣла. Эта посылка была исправно получена чикагской почтой и сдана тамъ русскому матросу, присланному за нею на почту (многіе изъ матросовъ съ русскаго военнаго судна «Дмитрій Донской», стоявшаго въ Нью-Іоркѣ, прикомандированы были къ русскому отдѣлу выставки и исполняли тамъ разныя послуги). Затѣмъ, всякій слѣдъ этой посылки совершенно исчезъ. Тщетно миссъ Хабгудъ и Татьяна Борисовна Сѣмечкина, комиссаръ русскаго отдѣла по части женскихъ работъ, наводили справки и производили розысканія на почтѣ, въ канцеляріи русскаго отдѣла и т. д., первая письменно, вторая лично—все это ровно ни къ чему не повело. Навсегда осталось глубокою неизвѣданною тайной, куда дѣвались русскіе документы и портреты. Все кануло какъ въ воду. Ничего не было представлено женскому конгрессу, ничего не было прочитано передъ всемірной женской публикой и ничего не было напечатано въ американскихъ томахъ Трудовъ выставки. Труды и работы петербургской Комиссіи остались втунѣ.

Ничего подобнаго не случилось ни съ одною другою народностью на всемірной выставкѣ. Да не случалось, кажется, никогда и нигдѣ.

XXX.

Черезъ немного времени послѣ чикагскаго событія, моей сестрѣ пришлось принять самое дѣятельное участіе въ одномъ общемъ дѣлѣ русскихъ женщинъ. Это—въ громадной манифестаціи французскимъ женщинамъ.

Безчисленны были симпатичныя заявленія и подарки, со стороны французскаго народа, русской эскадрѣ въ Тулонѣ, осенью 1893 года. Но громче и ярче всѣхъ остальныхъ, проявилось и прогремѣло на весь свѣтъ, то заявленіе, которое состоялось по иниціативѣ Жюльетты Аданъ, очень извѣстной французской писательницы и издательницы журнала «Nouvelle Revue». Въ своей роскошно изданной иллюстрированной книгѣ «Les marins russes en France», Маріюсъ Вашонъ разсказываетъ: «Которая-нибудь женщина, француженка сердцемъ и умомъ, страстная поклонница искусства и поэзіи, должна была взять на себя иниціативу такого созданія, которое резюмировало-бы собою въ деликатной и оригинальной формѣ мысль, инстинктивно приходившую въ голову всѣмъ: дать русскимъ женщинамъ, женамъ русскихъ моряковъ, офицеровъ и матросовъ, участвовать въ заявленіяхъ энтузіазма и благодарности нашей страны. Только-что пришло извѣстіе объ отправленіи русской эскадры во Францію, Жюльетта Аданъ устроила комитетъ для открытія подписки женщинъ, назначенный осуществить эту мысль. Призывъ былъ повсюду услышанъ, подписка дала значительную сумму. Тогда г-жа Аданъ тотчасъ-же пригласила нѣсколько парижскихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ собраться въ техническую коммисію, чтобъ помочь комитету быстро исполнить его программу. Въ то-же время она организовала жюри художниковъ, подъ предсѣдательствомъ знаменитаго живописца Пювисъ-де Шавань, для разсмотрѣнія проектовъ, на типы:

браслетъ, медаль, брошь-медаль и крестъ руской церковной формы (этотъ послѣднiй для церковнослужителей эскадры). Были вскорѣ утверждены лучшiе проекты, заказано 2.138 золотыхъ браслетовъ, столько-же золотыхъ медалей, 130 серебряныхъ брошей-медалей вьель-оръ, и 6 золотыхъ крестовъ. Сверхъ того, сдѣланы были, для женъ морскихъ офицеровъ, брилліантовыя вѣточки изъ незабудокъ, а для дочерей адмирала Авелана, главнаго командира эскадры, двѣ брошки и двѣ вѣточки изъ незабудокъ, составленныя изъ бирюзы и брилліантовъ. Въ день прiѣзда эскадры въ Тулонъ, г-жа Аданъ торжественно поднесла адмиралу Авелану всѣ эти подарки отъ общества «Oeuvre du Souvenir».

Извѣстія о томъ, что дѣлалось во Франціи въ честь нашихъ моряковъ, сильно волновали русское общество, особливо женщинъ, и въ скоромъ времени многія изъ нихъ энергично отозвались въ разныхъ краяхъ нашего отечества.

Первою выступила А. Г. Бородина, супруга извѣстнаго нашего профессора ботаники И. П. Бородина, и сама одна изъ замѣчательныхъ русскихъ писательницъ 60-хъ и 70-хъ годовъ, по части женскаго вопроса, сотрудница многихъ газетъ и изданій («Современное Слово», «Спб. Вѣдомости», «Сѣверная Почта», «Иностранные Беллетристы» и др.). Она напечатала въ газетахъ, въ первой половинѣ октября, горячее обращеніе къ русскимъ женщинамъ, и оно имѣло немедленнымъ послѣдствіемъ своимъ то, что у ней въ домѣ, въ Лѣсномъ корпусѣ, собралось 14-го октября около 20 петербургскихъ дамъ, которыя рѣшили: образовать особый женскій комитетъ и поставить во главѣ его—мою сестру.

Полное понятіе о тогдашнемъ настроеніи нашихъ женщинъ и о починѣ ихъ дѣятельности дастъ письмо главной иниціаторши дѣла, А. Г. Бородиной, къ моей сестрѣ, написанное на другой день засѣданія, 15 ок-

тября. Здѣсь говорилось: «Обращаюсь къ вамъ, какъ ваша бывшая курсистка, въ сердцѣ которой, какъ и у всѣхъ знающихъ васъ, глубоко и неизгладимо запечатлѣно воспоминаніе о вашей свѣтлой личности. Васъ хотѣли просить и другія, но я все-таки не могу отказать себѣ въ удовольствіи присоединить и свой голосъ къ ихъ, моля васъ не отказать принять на себя главную роль въ веденіи дѣла о поднесеніи подарка г-жѣ Аданъ и объ устройствѣ во Франціи русской стипендіи (bourse de collège). Вчера, какъ только произнесли ваше святое для всякой русской женщины имя, всѣ единогласно воскликнули: «Просить, просить Надежду Васильевну». Еслибы вы слышали это единодушное признаніе вашей безпримѣрной на общественномъ поприщѣ дѣятельности, вы навѣрное-бы умилились и на все согласились. Говорили, что вы слабы, больны, и поэтому, вѣроятно, откажетесь, но тѣ, которыя имѣли честь лично знать васъ, не вѣрили этому отказу нашей духовной матери и восклицали: «Никогда Н. В. не откажется отъ общественнаго дѣла, гдѣ замѣшана русская женщина!» Не такъ-ли, родная, безцѣнная, вѣдь вы не откажете своимъ духовнымъ дѣткамъ и дадите свое всѣмъ столь дорогое имя для общаго патріотическаго дѣла? Еслибъ я была хотя немного крѣпче, я вчера сама поскакала-бы къ вамъ, но я такъ устала вчера, что послѣ засѣданія и отсылки телеграммы принуждена была тотчасъ-же лечь въ постель. Но все-таки какъ-нибудь въ скоромъ времени надѣюсь лично побывать у васъ и передать вамъ всѣ собранныя мною до сихъ поръ деньги»...

Моя сестра приняла столь лестное и дорогое ей порученіе, и работа закипѣла. Спустя 5 дней, въ газетахъ было напечатано слѣдующее воззваніе: «На совѣщаніи петербургскихъ дамъ, состоявшемся 14-го октября у г-жи Бородиной, предложено было: послать подарокъ г-жѣ Аданъ и учредить, если окажется возможнымъ, русскую образовательную стипендію въ

одномъ изъ женскихъ учебныхъ заведеній Франціи. Всѣхъ сочувствующихъ этому дѣлу просятъ пожаловать въ Морской музей, въ Адмиралтействѣ, въ субботу, 23 октября, въ 8 ч. вечера, для обсужденія вопроса о подаркѣ и стипендіи. Сборъ пожертвованій: у А. Г. Бородиной, Н. В. Стасовой и М. П. Пилкиной» *.

На собраніе явилось свыше 300 дамъ, и онѣ постановили слѣдующій протоколъ: «1) Предсѣдательница предложила: согласны-ли будутъ присутствующія на подарокъ г-жѣ Аданъ, отъ 500 до 1000 рублей?— Присутствующія согласились. 2) В. П. Шкотъ предложила выбрать Коммиссію изъ тѣхъ лицъ, которыя съ самаго начала стали хлопотать о выраженіи сочувствія французскимъ женщинамъ. Присутствующія согласились. Выбрана, подъ предсѣдательствомъ Н. В. Стасовой, Коммиссія изъ слѣдующихъ лицъ: М. П. Пилкина, А. Г. Бородина, О. А. Старицкая, М. О. Торопова, А. И. Брюллова, М. А. Мельгунова, К. Д. Безмѣнова. 3) Подаркомъ заняться, какъ только подписка дойдетъ до 500 рублей. 4) Напечатать во всѣхъ газетахъ, что срокъ подписки ограничивается временемъ до новаго года. 5) Просить предсѣдательницу обратиться ко всѣмъ

* Морской музей былъ избранъ для этого собранія потому, что вообще дѣло первоначально касалось русскихъ моряковъ, и, притомъ, супругъ одной изъ дамъ-членовъ коммиссіи принадлежалъ къ высшей морской администраціи и имѣлъ возможность получить разрѣшеніе обществу воспользоваться этой большой залой для предположеннаго засѣданія.– Первоначально воззваніе начиналось такими строками: „Тотъ удивительный энтузіазмъ, который выказали французскія женщины по отношенію къ Россіи, вызвалъ и въ насъ, русскихъ, горячее желаніе отвѣтить имъ такими-же чувствами сердечной симпатіи. Обращаемся ко всѣмъ нашимъ соотечественницамъ съ горячимъ призывомъ соединиться всѣмъ вмѣстѣ и откликнуться со своей стороны на ихъ порывъ“. Но эти строки были потомъ выпущены и въ печати не появились.

г-жамъ губернаторшамъ съ просьбою о содѣйствіи на подарокъ и на стипендію».

Между тѣмъ, совершенно самостоятельно отъ этого, очень большого кружка русскихъ женщинъ, въ Петербургѣ дѣйствовалъ еще другой кружокъ, гораздо менѣе многочисленный.

Въ «Запискѣ», написанной по моей просьбѣ, Ольга Андр. Шапиръ говоритъ: «Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1893 года, О. А. Шапиръ собрала небольшой кружокъ лицъ съ цѣлью послать адресъ французскимъ женщинамъ. Вначалѣ предположено было, чтобы каждая корпорація женщинъ, какъ то: учительницы, художницы, писательницы, артистки и пр., составили свой собственный адресъ, и затѣмъ всѣ эти адресы съ подписями вложить въ художественный альбомъ. Каждый листъ долженъ былъ быть украшенъ рисунками и орнаментами, работы русскихъ художницъ. Съ этой цѣлью О. А. Шапиръ привлекла къ дѣлу многихъ извѣстныхъ художницъ: онѣ отнеслись къ дѣлу съ величайшимъ сочувствіемъ. О. А. Шапиръ заручилась также согласіемъ членовъ всѣхъ главнѣйшихъ женскихъ профессій: женщинъ-врачей, ученицъ консерваторіи, писательницъ, ученицъ академіи художествъ, учительницъ, артистокъ Императорскихъ театровъ и др. Въ квартирѣ г-жи Шапиръ происходили засѣданія главныхъ участницъ, которыя выбрали распорядительницами О. А. Шапиръ и О. К. Граве. Вначалѣ, кружокъ не сочувствовалъ манифестаціи, обращенной лично къ мадамъ Аданъ, и желалъ обратиться ко всѣмъ французскимъ женщинамъ черезъ посредство супруги президента республики, какъ представительницы французскихъ женщинъ передъ лицомъ Европы. Но впослѣдствіи, узнавъ о намѣреніи большинства обратиться ко *всѣмъ* французскимъ женщинамъ, кружокъ усмотрѣлъ въ этомъ почву для объединенія всѣхъ женщинъ и для взаимной работы комиссіи и кружка. Тогда распорядительница кружка явилась отъ его

имени съ предложеніемъ соединиться и работать со вмѣстно».

Въ «Отчетѣ», о своихъ дѣйствіяхъ, Коммисія говорила: «На первомъ-же засѣданіи Коммисіи (23 октября 1893 г.) внесено было и принято предложеніе О. А. Шапиръ о присоединеніи ея кружка, заранѣе выработавшаго проектъ художественнаго адреса.

«Одновременно со сборомъ денегъ въ Петербургѣ были разосланы (въ началѣ ноября) письма, за подписью предсѣдательницы, Н. В. Стасовой, въ провинцію, супругамъ губернаторовъ, предводителей дворянства и городскихъ головъ, съ просьбой содѣйствовать этому дѣлу».

Эти циркулярныя письма были слѣдующаго содержанія:

«Милостивая государыня. Безпримѣрное въ исторіи братское сочувствіе, коимъ Франція почтила нашихъ моряковъ, ознаменовалось, между прочимъ, какъ извѣстно, трогательнымъ эпизодомъ: 12 тысячъ французскихъ женщинъ откликнулись на призывъ г-жи Аданъ, чтобы выразить посѣтившимъ ихъ гостямъ, ихъ женамъ, а въ лицѣ послѣднихъ и намъ, русскимъ женщинамъ, ихъ сердечное вниманіе по поводу незабвеннаго событія. Такой горячій энтузіазмъ вызываетъ и въ насъ, русскихъ, желаніе отвѣтить имъ такимъ-же сочувствіемъ и выразить радость по поводу установившагося единенія во имя мира.

«По почину г-жи Бородиной, жены извѣстнаго и уважаемаго профессора, образовался кружокъ дамъ, взявшій на себя задачу выполнить это и избравшій меня своею предсѣдательницею.

«На общемъ собраніи сочувствующихъ этому дѣлу, въ залѣ Морского музея, 23-го октября, пришли къ рѣшенію послать лично г-жѣ Аданъ подарокъ—серебрянную эмальированную изящную вешь *въ русскомъ стилѣ*, а черезъ посредство г-жи Аданъ, посланъ будетъ французскимъ женщинамъ, отъ русскихъ, худо-

дожественный альбомъ *въ древнерусскомъ стилѣ*, шитый золотомъ и шелками, съ сочувственнымъ адресомъ, какъ отъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и отъ различныхъ женскихъ корпорацій. Имѣется также въ виду, въ память дружнаго единенія Россіи и Франціи, учредить образовательную стипендію въ одномъ изъ женскихъ учебныхъ заведеній Франціи.

«Вѣря, что между русскими женщииами, живущими въ провинціи, найдутся желающія примкнуть къ такому сердечному предпріятію, имѣю честь покорнѣйше просить васъ оказать содѣйствіе къ распространенію этого предложенія, причемъ считаю необходимымъ замѣтить, что главной цѣлью является нестолько размѣръ пожертвованія, сколько привлеченіе къ дѣлу возможно большаго количества участницъ. Выполненіе этого предпріятія предполагается въ текущемъ 1893-мъ году.

«Если на призывъ почтенной иниціаторши откликнулось столько тысячъ французскихъ женщинъ, то будемъ надѣяться, что и среди нашихъ соотечественницъ, всегда отзывчивыхъ на доброе и благое, найдется много желающихъ выполнить сердечный долгъ вѣжливости, признательпости и сочувствія».

Этотъ призывъ немедленно-же вызвалъ горячій откликъ на всемъ пространствѣ Россіи. Со всѣхъ концовъ нашего отечества полетѣли къ моей сестрѣ громадныя массы писемъ и телеграммъ, выражавшихъ сочувствіе предпріятію, и сопровождаемыхъ денежными взносами. Почти цѣлыхъ 5 мѣсяцевъ продолжалось это движеніе, и результатъ его выраженъ «Отчетомъ Коммисіи по сбору пожертвованій на адресъ французскимъ женщинамъ, на подарокъ г-жѣ Аданъ и на «стипендію» въ слѣдующихъ цифрахъ:

Приходъ. Изъ конторы «Новаго Времени» . . . . 635 р. 60 к.
Черезъ А. Г. Бородину. . 1,237 » 56 »
Отъ лицъ, собиравшихъ по-

жертвованія по квитанціоннымъ книжкамъ . .	8,980 р. 70 к.
% по текущему счету отъ волжско-камскаго банка	1 » 75 »
Итого . . .	10,855 р. 61 к.

Съ самаго начала ноября, въ Комиссіи происходили оживленныя пренія: о текстѣ адреса и о художественной сторонѣ какъ самаго адреса, такъ и подарка, назначеннаго для г-жи Жюльетты Аданъ, наконецъ, о стипендіи.

Разсмотрѣніе различныхъ проектовъ адресовъ, представленныхъ съ разныхъ сторонъ, происходило въ трехъ засѣданіяхъ. Принятъ былъ текстъ, сочиненный О. А. Шапиръ, и помѣщенъ на главномъ листѣ альбома, на двухъ языкахъ, русскомъ и французскомъ: въ два столбца рядомъ. Онъ былъ слѣдующій:

«Блистательный и задушевный пріемъ, какимъ почтила Франція русскую эскадру, является первымъ въ исторіи примѣромъ братскаго единенія двухъ великихъ народовъ во имя мира. Въ этомъ знаменательномъ событіи мы нетолько привѣтствуемъ единодушный обмѣнъ искреннихъ взаимныхъ симпатій Франціи и Россcіи, но и видимъ въ немъ залогъ торжества гуманныхъ стремленій современнаго человѣчествб: мы хотимъ вѣрить, что высокій идеалъ братства народовъ будетъ насущной задачей грядущаго вѣка!

«Мы, женщины, не умираемъ на поляхъ битвъ, но обречены видѣть, какъ гибнутъ, защищая насъ, наши отцы, мужья, сыновья и братья. Мы раздѣляемъ всѣ превратности ихъ судьбы, за исключеніемъ одной этой роковой опасности. Вотъ что всего болѣе обязываетъ насъ, женщинъ, служить великой идеѣ мира. Вотъ что даетъ намъ неоспоримое право провозглашать, что величайшимъ въ исторіи будетъ тотъ день, когда цивилизація побѣдитъ наконецъ кровавое наслѣдіе варварства; когда общими усиліями лучшихъ умовъ создана

будетъ возможность избѣгать въ будущемъ всѣхъ неисчислимыхъ бѣдствій войны — этого вѣчнаго источника разоренія народовъ и отчаянія семей, этой величайшей преграды торжеству прогресса. Да пріидетъ миръ!

«Вамъ, женщины Франціи, шлемъ мы это завѣтное пожеланіе вмѣстѣ съ выраженіемъ нашей горячей симпатіи и глубокаго чувства любви и уваженія къ великой французской націи».

«Le brillant et cordial accueil, dont la France entière a honoré l'escadre russe, accueil qui a pénétré nos coeurs de vive reconnaissance, offre dans l'histoire un exemple unique dc l'union fraternelle de deux grandes nations au nom de la paix. Cet échange chaleureux de sincères sympathies forme désormais un lien intime entre nos deux peuples et nous le saluons comme uu présage du triomphe des idées humanitaires. L'idéal sublime de la fraternité des peuples sera le grand problème social du siècle naissant.

Femmes, nous ne mourons pas sur les champs de bataille, où périssent nos époux, nos fils et nos frères, défenseurs du foyer; partageant avec eux toutes les vicissitudes du sort, nous ne courons pas ce danger suprême; c'est là surtout ce qui nous impose le devoir de plaider la cause sacrée de la paix. C'est à nous de proclamer au monde, que le plus grand jour de l'histoire sera celui où l'humanité rejettera son héritage sanglant de barbarie. Qu'elle sonne donc, l'heure bienheureuse où grâce aux efforts réunis de l'intelligence et du génie moderne, on supprimera à jamais la guerre—source éternelle de ruines et de deuil, fatale entrave au triomphe du progrès.

Advienne la paix! Vive la paix!

Ce voeu sacré, c'est à Vous que nous l'adressons, femmes de la France! Nous Vous l'adressons avec l'hommage de notre chaleureuse sympathie et de la profonde admiration que nous portons à la grande nation française».

Русскій текстъ былъ написанъ архитекторомъ Ив. Павл. Ропетомъ, въ оригинальномъ стилѣ буквъ знаменитой русской рукописи «Апокалипсисъ» XV-го вѣка, принадлежащей Императорской публичной библіотекѣ. Французскій текстъ былъ написанъ имъ-же, буквами, подражающими тому-же стилю. Заставка вверху адреса была сочинена и нарисована Еленой Дмитріевной Полѣновой * и изображала разсвѣтъ дня надъ Россіей, олицетворенной московскимъ Кремлемъ— Кремль одна изъ главныхъ святынь и исторически-великихъ мѣстностей нашего отечества. Весь фонъ заставки, вокругъ средней картинки, былъ наполненъ орнаментикой изъ русской растительности.

Передъ адресомъ былъ помѣщенъ листъ, съ заглавной заставкой для всего адреса, рисованный Ел. Павл. Самокишъ-Судковской. Эта заставка изображала фигуру Россіи въ древне-царскомъ одѣяніи, стоящую среди разверзтыхъ торжественныхъ вратъ, держащую развернутое полотенце съ надписью: НА ПАМЯТЬ. Направо и налѣво отъ вратъ находились двѣ сидящія фигуры: русской крестьянки въ древне-русскомъ костюмѣ и французской женщины въ костюмѣ бретонской крестьянки. Вверху, надъ двуглавымъ орломъ, надпись: LES FEMMES RUSSES AUX FEMMES FRANÇAISES».

За адресомъ шли слѣдующіе листы: 1) Листъ съ изображеніемъ нѣсколькихъ изъ числа замѣчательнѣйшихъ своею историческою, писательскою и научною дѣятельностью русскихъ женщинъ: св. Ольга, Евфросинія Полоцкая, Евфросинія Суздальская, сестра Петра Великаго царевна Софія, Екатерина II, императрица Марія Θеодоровна,—изъ новаго времени: графиня Растопчина (женщина-поэтъ), С. В. Ковалевская

* Г-жа Полѣнова и упоминаемыя ниже г-жи Бёмъ и Шнейдеръ были приглашены Комиссіей по предложенію моей сестры.

(профессоръ математики). Рисовали листъ Ел. Мерк. Бёмъ и В. П. Шнейдеръ.—2) Листъ съ подписями женъ, сестеръ, матерей и дочерей русскихъ моряковъ (Видъ Кронштадта съ моря, рис. Н. В. Онуфріева).—3, 4, 5 и 6)—четыре листа съ подписями отъ петербургской публики, заставки рисовали: М. А. Федорова, Л. И. Срезневская, Н. И. Алмазова, О. П. Семенова, А. Н. Константинова.—7) Листъ съ подписями русскихъ общественныхъ дѣятельницъ: членовъ Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, членовъ Общества вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на Спб. Высшихъ Женскихъ Курсахъ, начальницъ женскихъ и частныхъ гимназій и школъ, начальницъ разнообразныхъ женскихъ благотворительныхъ заведеній, одной директорши банка—ташкентскаго, членовъ вольнаго экономическаго общества, начальницъ «Ясель» и фребелевскихъ садовъ, начальницы и членовъ Общества Краснаго Креста, и т. д. (заставку рисовала П. П. Куріаръ).—8) Листъ съ подписями женщинъ-учительницъ (заставку рисовала Е. С. Кавосъ).—9) Листъ съ подписями женщинъ-врачей (заставку рисовала О. А. Туркулъ). — 10) Листъ съ подписями драматическихъ артистокъ: здѣсь вверху была изображена сцена первобытной, народной русской драмы—пляска «козы», ниже—представленіе комедіи Мольера у царевны Софіи; внизу листа: сцена Ксеніи съ царемъ Борисомъ и мамушкой изъ «Бориса Годунова» Пушкина; по сторонамъ портреты: М. Г. Савиной, М. Н. Ермоловой и П. А. Стрепетовой (картинки рисовала Ел. Мерк. Бёмъ, рамку и орнаментику В. П. Шнейдеръ).—11) Листъ съ подписями артистокъ русской оперы и піанистокъ (картину рисовала Е. С. Самокишъ-Судковская).—12) Листъ съ подписями ученицъ консерваторіи (заставку рисов. Э. Ф. Шванкъ).—13) Листъ съ подписями женщинъ-художницъ (картинку рисов. Т. Р. Ліандеръ).—14) Листъ съ подписями ученицъ Академіи Художествъ (картинку рисов. М. И. Педошен-

ко).—15) Листъ съ подписями ученицъ частной художественной школы Кочетовой (картинку рисов. О. А. Кочетова).—16) Листъ съ подписями женщинъ разныхъ великорусскихъ губерній (заставку рисов. Э. В. Гюбнеръ-Симонисъ). — 17—23) Семь листовъ съ подписями женщинъ разныхъ русскихъ провинцій и городовъ: Харьковъ и Смоленскъ; Пермская и Уфимская губерніи; Одесса, Керчь, Николаевъ, Өеодосія; Петроковская губернія; Вятская губернія; Витебская губернія; Екатеринославская губернія (заставки рисовали: А. К. Ламанская, Ванда Феликс. Терлецкая, Н. В. Кулибина, О. И. Карпинская, В. П. Рупини).

Когда пришла пора подписывать адресъ, въ Комиссіи стали происходить споры о томъ: на какомъ языкѣ подписываться всѣмъ? Однѣ изъ дамъ стояли за французскій языкъ, другія за русскій. Первыя заботились о француженкахъ, которыя будутъ видѣть и читать адресъ, вторыя имѣли всего болѣе въ виду тѣхъ, кто подписывается, и думали, что это уже дѣло читающихъ позаботиться о способѣ прочтенія. Моя сестра сообщила при этомъ Комиссіи записку, поданную ей со стороны, слѣдующаго содержанія: «Дочь кіевскаго великаго князя Ярослава Мудраго, *Анна Ярославна*, была замужемъ за французскимъ королемъ Генрихомъ и была матерью французскаго короля Филиппа. Овдовѣвъ и будучи регентшей королевства, она подписывала государственныя грамоты французскаго королевства *по-русски* (во Франціи), такъ: **Анна Рѣина** (т.-е. Regina — королева). Это было въ XI вѣкѣ. Неужели русскія женщины XIX вѣка будутъ подписываться на адресахъ «французскимъ женщинамъ» *по-французски* въ Россіи? Черезъ 800 лѣтъ послѣ Анны Ярославны?» Но и эти слова, подобно прочимъ доводамъ, дѣйствовали очень неравномѣрно, и въ концѣ концовъ подписи на листахъ, простиравшіяся до 4000 тысячъ, были написаны на двухъ языкахъ: нѣкоторыя—на французскомъ языкѣ (меньшинство и

притомъ все только подписи дамъ города Петербурга), прочія-же всѣ—на русскомъ языкѣ (это были подписи женщинъ изъ разныхъ краевъ всей Россіи, а также и множества петербургскихъ жинщинъ). Что-же касается содержанія подписей, то преобладающее большинство ихъ состояло только изъ имени и фамиліи подписывающейся женщины; лишь немногія подписи (и почти исключительно на листѣ «общественныхъ дѣятельницъ») обозначали мѣсто служенія подписывающейся и званіе или общественное положеніе ея мужа. Приэтомъ считаю себя обязаннымъ упомянуть, что именно на этомъ самомъ листѣ моя сестра подписалась по-русски такъ: «Да пріидетъ миръ. Н. Стасова». Эти слова новый разъ выражали ея искреннюю вѣру, надежду и любовь въ тѣ послѣднія минуты, когда столь дорогія для нея адресъ и альбомъ уѣзжали изъ Петербурга въ Парижъ.

Адресъ, заглавный листъ и 23 листа съ подписями были вложены въ великолѣпную обложку или переплетъ, громадныхъ размѣровъ, изъ малиноваго бархата. Посерединѣ, внутри медальона, вышитъ былъ, шелками по золотому глазету, русскій государственный орелъ; надъ нимъ распростиралась, въ видѣ вѣнца или сѣни, огромная корона, имѣющая форму древне-русскаго кокошника, вышитаго жемчугомъ и украшеннаго множествомъ крупныхъ сафировъ, изумрудовъ и рубиновъ. По сторонамъ вились вверхъ, вышитыя серебромъ изящныя вѣтви, на которыхъ помѣщались волшебныя птицы. Въ самомъ верху была надпись большими эмалевыми разноцвѣтными выпуклыми буквами: «Отъ русскихъ женщинъ французскимъ женщинамъ». Застежки альбома сбоку были также разноцвѣтныя эмалевыя. Обложка или переплетъ была выложена старинной парчей. Рамка вокругъ всего, состоящая изъ звѣздочекъ и русскаго орнамента, была вышита золототъ и серебромъ.

Рисунокъ для обложки или переплета былъ сочи-

ненъ, по предложенію моей сестры, И. П. Ропетомъ. Шитье золотомъ, серебромъ и вышивки жемчугомъ, съ драгоцѣнными камьями, были произведены тремя искуснѣйшими въ Петербургѣ золотошвейками, въ Маріинской практической школѣ кружевницъ, подъ наблюденіемъ директрисы этой школы, Е. Е. Новосильцевой; шитье шелкомъ и плетеніе золотыхъ и серебряныхъ кружевъ были выполнены ученицами этой-же школы, подъ надзоромъ также Е. Е. Новосильцевой. Переплетная работа была произведена извѣстнымъ переплетнымъ мастеромъ Петерсономъ.

Большая чернильница, вь древне-русскомъ стилѣ, назначенная для поднесенія г-жѣ Жюльеттѣ Аданъ, была сдѣлана изъ серебра, покрытаго позолотой и украшеннаго разноцвѣтною эмалью. Фундаментомъ для чернильницы служила толстая плита изъ краснаго «римскаго мрамора». Позади чернильницы возвышался щитокъ, съ прорѣзнымъ эмалевымъ шифромъ г-жи Аданъ; онъ былъ украшенъ по сторонамъ и вверху эмалевыми незабудками; подъ шифромъ шла эмалевая надпись; «A Madame Juliette Adam les femmes Russes». Съ обѣихъ сторонъ щитка помѣщалось по богатому орнаментированному эмалью канделябру, со стекляннымъ шаромъ наверху, заключающимъ электрическій приводъ и дающимъ просвѣчивать надпись: «TOULON»—«KRONSTADT»; тутъ-же рядомъ помѣщались прорѣзныя курильницы для духовъ. Передъ чернильницей лежало большое золотое перо, украшенное эмалью и увѣнченное вверху букетомъ изъ павлиньихъ перьевъ. Чернильницу и перо сочинялъ, по предложенію моей-же сестры, И. П. Ропетъ; исполнялъ изъ серебра и эмали—золотыхъ дѣлъ мастеръ Н. М. Рахмановъ.

Въ началѣ марта 1894 года были докончены всѣ работы по адресу и чернильницѣ, а тотчасъ-же они были выставлены, для обозрѣнія публикой, въ одной изъ залъ Императорскаго Общества поощренія художе-

жествъ, причемъ переплетъ или обложка альбома помѣщенъ былъ подъ стекломъ, посерединѣ залы, а всѣ листы были развѣшены, подъ стеклами-же, по стѣнамъ вокругъ. Выставка продолжалась двѣ съ половиною недѣли (отъ 6 до 24 марта), и 12-го марта ее посѣтилъ Императоръ Александръ III. Онъ выразилъ полное свое удовлетвореніе моей сестрѣ, которая, какъ представительница Комиссіи, сопровождала его и давала объясненія. По желанію-же Императрицы Маріи Өеодоровны, не выѣзжавшей въ то время, по нездоровью, изъ дворца, альбомъ съ адресомъ и подписными орнаментированными листами были привезены въ Аничковъ дворецъ и представлены моею сестрою, для обозрѣнія, Государынѣ.

Въ тотъ-же день, альбомъ съ адресомъ и подписными листами былъ свезенъ, прямо изъ дворца, во французское посольство, и врученъ супругѣ посланника, графинѣ Монтебелло, тремя членами комиссіи: моей сестрой, какъ предсѣдательницей, О. А. Шапиръ и О. А. Старицкой.

При этомъ, ими же была представлена посланницѣ сумма въ 18 000 франковъ (6 953 р. 67 к.), при слѣдующемъ письмѣ на имя французскаго министра народнаго просвѣщенія, за подписью членовъ Комиссіи:

«Monsieur le Ministre.

«Les dames Russes, désirant offrir à leurs soeurs de France un témoignage de fraternelle sympathie, Vous adressent la prière de bien vouloir en être le bienveillant intermédiaire.

«La somme de 18 000 francs que nous joignous ici, a été recueillie parmi nous dans l'intention de fonder dans l'un des lycées de jeunes filles de France, une bourse à laquelle nous désirerions rattacher l'idée de la paix universelle, chère au coeur de toutes les femmes. Cette idée étant indissolublement liée à celle du progrès dont l'instruction publique a toujours été le plus puissant moteur, nous espérons, Monsieur le Ministre, que Vous ne refu-

serez pas Votre bienveillant et puissant concours à la réalisation de notre voeu.

«Veuillez agréer, Monsieur le Ministre, l'hommage de notre haute considération *».

Альбомъ съ адресомъ и подписными листами былъ, впродолженіе нѣсколькихъ дней, выставленъ во французскомъ посольствѣ, для обозрѣнія петербургскою французскою публикою, а потомъ свезенъ графинею Монтебелло въ Парижъ и переданъ супругѣ президента французской республики, г-жѣ Карно.

30 мая / 11 іюня русскій женскій альбомъ былъ представленъ графинею Монтебелло президенту республики и его супругѣ, во «Дворцѣ промышленности», въ Парижѣ. Присутствовали при этомъ: все русское посольство, всѣ французскіе министры съ ихъ супругами, президенты обѣихъ палатъ, генералы Соссье, Февріе, де-Буадефръ, адмиралъ Жервэ, графъ Монтебелло, сенскій префектъ и президентъ полиціи, г-жа Брошэ, президентша синдиката женщинъ рынка (Dames de la Halle), и г-жа Мезьеръ, секретарша этого синдиката, также нѣсколько дамъ, участвовавшихъ во франко-русскихъ празднествахъ: г-жи Аданъ, Фушэ-де-Карель, Кёхлинъ-Шварцъ, Жоржъ-Бержэ, и др.

---

* Господинъ министръ.

„Русскія женщины, желая представить своимъ сестрамъ во Франціи свидѣтельство братской любви, обращаются къ вамъ съ просьбой благосклонно передать имъ это ихъ чувство. Сумма въ 18 000 франковъ, прилагаемая нами при семъ, была собрана между нами съ цѣлью основать, въ одномъ изъ французскихъ женскихъ лицеевъ, стипендію (une bourse), съ которою мы желали-бы связать мысль о всесвѣтномъ мирѣ, дорогую сердцу всѣхъ женщинъ. Эта мысль неразрывно связана съ прогрессомъ, котораго могущественнѣйшимъ двигателемъ было всегда народное просвѣщеніе, и потому мы надѣемся, господинъ министръ, что вы не откажете намъ въ своемъ благосклонномъ и существенномъ содѣйствіи для осуществленія нашего обѣта“.

Альбомъ былъ затѣмъ выставленъ, для обозрѣнія публикою, втеченіе $1^1/_2$ мѣсяца, во «Дворцѣ промышленности», а потомъ переданъ, по желанію Коммиссіи русскихъ женщинъ (вслѣдствіе предложенія моей сестры), въ Національную публичную библіотеку, въ Парижѣ, на вѣчное храненіе.

Въ іюнѣ 1894 г., графиня Монтебелло оффиціально сообщила моей сестрѣ, для передачи о томъ коммисіи и во всеобщее свѣдѣніе, что она исполнила возложенное на нее русскими женщинами порученіе, и ихъ альбомъ съ адресомъ и подписными листами, возбуждающій всеобщее удивленіе и восторгъ, будетъ помѣщенъ въ Національной Публичной Библіотекѣ въ Парижѣ, а сумма въ 18.000 франковъ принята французскимъ министромъ народнаго просвѣщенія для стипендіи въ женскомъ лицеѣ Мольера, въ Парижѣ, и первою стипендіаткой назначена малолѣтняя дочь заслуженнаго и отставного артиллерійскаго полковника Реньяра.

Альбомъ помѣщается теперь, въ одной особой, очень обширной и роскошной залѣ библіотеки, посреди, на столѣ. Нѣкоторые же листы, отличающіеся наибольшимъ изяществомъ, помѣщены, за стеклянными рамками, вертикально, постѣнамъ кругомъ залы.

Между тѣмъ чернильница отъ русскихъ женщинъ была отправлена Коммиссіей, по почтѣ, къ г-жѣ Жюльеттѣ Аданъ, съ приложеніемъ также серебряной дощечки съ адресами и подписями всѣхъ дамъ 100-го пермскаго полка: она была прислана изъ Гродно, черезъ посредство жены командира этого полка, Н. Е. Засуличъ,—для передачи г-жѣ Аданъ. Эта послѣдняя отвѣчала Коммиссіи полнымъ симпатіи благодарственнымъ письмомъ.

По печатному отчету Коммиссіи расходы вообще по всему этому дѣлу были слѣдующіе:

Чернильница съ футляромъ	1.304 р. — к.
Упаковка и пересылка чернильницы .	108 » 34 »

Альбомъ съ футляромъ	1.975 р. 15 к.
Расходы по выставкѣ	39 » — »
Канцелярскіе расходы	22 » — »
Стипендія	6.953 » 67 »
Итого . .	10.402 р. 16 к.

Остатокъ отъ этихъ расходовъ (прибавивъ къ нимъ еще небольшой расходъ на напечатаніе отчета и на почтовыя пересылки) составилъ 400 руб. Они были переданы коммисіею, въ маѣ 1894 г., въ Благотворительное общество при французской колоніи въ С.-Петербургѣ.

При отчетѣ Коммиссіи былъ напечатанъ полный списокъ (въ алфавитномъ порядкѣ) всѣхъ русскихъ женщинъ, участвовавшихъ своими приношеніями въ устройствѣ Альбома, поднесеннаго «Французскимъ жанщинамъ».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Ясли.

XXXI.

О началѣ «Яслей» Александра Семеновна Усова разсказываетъ мнѣ (въ письмѣ изъ Венеціи, отъ 17 сентября 1896 года) слѣдующее: «Въ 1881 году, въ мою бытность въ Неаполѣ, мнѣ пришлось, черезъ посредство профессора неаполитанскаго университета, доктора Шрена, познакомиться съ учрежденіемъ г-жи Салисъ-Швабе для дѣтей, не знавшихъ ни рода, ни племени, и брошенныхъ на улицѣ, на произволъ судьбы. Это достойная и умная женщина, полу-англичанка, полу-нѣмка, съумѣла создать, несмотря на неблагопріятныя условія, учрежденіе грандіозное и по замыслу, и по полученнымъ результатамъ. Громадное зданіе, оставшееся послѣ упраздненнаго монастыря, заключало въ себѣ ясли, дѣтскій садъ, школу, гимназію и нѣчто вродѣ публичныхъ лекцій. Мой визитъ въ этотъ изумительный интернаціональный институтъ послужилъ первымъ побужденіемъ къ открытію «Яслей» у насъ въ Петербургѣ, на Сампсоніевскомъ проспектѣ.

«Неаполитанскій институтъ заинтересовалъ меня. А съ кѣмъ, болѣе всѣхъ остальныхъ, могла я подѣлиться, вернувшись въ Россію, впечатлѣніями, какъ не съ Н. В., обладавшей способностью интересоваться

каждымъ шагомъ на пути добра, особенно если носительницей его явилась женщина, хотя-бы и иностранка. Въ долгихъ бесѣдахъ, происходившихъ по этому поводу, мы съ нею отъ безродныхъ дѣтей переходили къ ихъ матерямъ, очевидно работницамъ, вынужденнымъ, голода ради, бросать ихъ на мостовую. Разговоры эти у насъ часто возобновлялись. Н. В. полагала тогда всѣ силы свои на Высшіе Женскіе Курсы, и потому не обладала достаточнымъ количествомъ свободнаго времени, чтобы дѣятельно отдаться интересовавшему обѣихъ насъ вопросу. Пришлось, притомъ-же, мнѣ оставить Петербургъ на цѣлыя 6 лѣтъ.

«Я вернулся сюда въ 1887 г. и, будучи вольнослушательницей на высшихъ Женскихъ Курсахъ, вилась съ Н. В. почти каждый день. Но «Ясли» отодвинулись на заднiй планъ—жестокая гроза висѣла тогда надъ Курсами. Кто пережилъ эти годы, помнитъ, конечно, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ всѣ женщины, жаждавшія просвѣщенія, слѣдили изъ всѣхъ концовъ Россіи за рѣшеніемъ вопроса.

«Курсы уцѣлѣли, хотя и въ измѣненномъ видѣ. Но въ управленіи ими не нашлось мѣста женщинѣ, служившей имъ беззавѣтно цѣлый десятокъ лѣтъ. Наступили тяжелые дни (1889), мы опять видѣлись съ Н. В. Ея исхудалое, пожелтѣвшее лицо пугало меня. Казалось, вотъ-вотъ она захвораетъ, сляжетъ. Нервы ея были натянуты до-нельзя, разговора о Курсахъ я сознательно избѣгала, напомнить ей объ «Ясляхъ» я боялась, такимъ слабымъ казалось ея тѣло, а «Ясли» требовали усиленныхъ хлопотъ, а, стало быть, и большого запаса здоровья. Такъ прошло нѣсколько времени, когда вдругъ, въ одно утро, не въ обычный часъ, Н. В. заѣхала ко мнѣ. Разстроена она была ужасно, вся ея бодрость и энергія, казалось, пропали совершенно. У меня душа упала при взглядѣ на нее. «Скучаю страшно, сказала она; я привыкла работать, а самую дорогую работу вырвали изъ рукъ. Вы

помните, прибавила она, наши мечты о «Ясляхъ»? Я готова. И чѣмъ больше надо будетъ заботы, работы и хлопотъ, тѣмъ легче будетъ мнѣ. Начнемте-же!..» И она дѣйствительно начала, и взвалила на свои слабыя плечи всю обузу.—Мы начали съ 76 рублей, и, кромѣ насъ двухъ, не было тутъ ни одного человѣка»...

Дальнѣйшія свѣдѣнія о работѣ моей сестры по части «Ясель» я нахожу въ рѣчи, прочитанной Ал. Сем. Усовой въ экстренномъ собраніи общества «Дѣтская помощь» 14 ноября 1895 года. Тутъ было сказано:

«Осенью 1892 года около Н. В. уже сгруппировался, какъ около своей предсѣдательницы, небольшой кружокъ, сочувствовавшій ея желанію открыть дневной пріютъ для дѣтей работницъ. Пока шли обсужденія и дебаты, пока члены кружка дѣлились результатами своихъ справокъ и посѣщенія учрежденій того-же рода, начались пожертвованія, членскіе взносы, и уже 15-го января 1893 г. состоялось первое гласное собраніе, въ составѣ 20 человѣкъ.

«Это первое собраніе выяснило, что кружокъ будетъ дѣйствовать самостоятельно, не примыкая ни къ кому, и будетъ принимать въ свои «Ясли» дѣтей до 7-лѣтняго возраста, включая и грудныхъ, въ количествѣ 15 человѣкъ ежедневно. Всю отвѣтственность за «Ясли» взяла на себя, въ качествѣ предсѣдательницы, Н. В. Сколько безпрерывной энергіи требовалось, чтобы бороться съ каждой мелочью, съ каждой канцелярской бумагой, сколько засѣданій было собрано, сколько часовъ было взято изъ личной жизни, чтобы обсудить наиболѣе дешевую и полезную затрату каждой общественной копѣйки. Изъ всѣхъ протоколовъ засѣданій нашелся всего *одинъ*, гдѣ помѣчено, что Н. В. не была—за болѣзнью. Мы всѣ, знавшія ее, помнимъ, что болѣзнью она признавала только строгій приказъ врача лежать въ постели... Намъ всѣмъ, ея

сотрудницамъ, не разъ приходилось заставать ее въ состоянiи почти полнаго упадка силъ; но для обсужденiя всякой мелочи, касающейся нашего учрежденiя, силы у ней вдругъ находились, находилась и полная готовность ѣхать, несмотря на разстоянiе, утомленiе и физическую слабость. Ея силы, необычныя для ея преклоннаго возраста, черпались изъ глубокой вѣры въ пользу того дѣла, которому она служила. Это дѣло—«просвѣщенiе и помощь малымъ и слабымъ»—грандiозно по той широкой формѣ, которую оно обнимаетъ. Дѣло это требуетъ всего человѣка безраздѣльно, не оставляя передышки для себя, для своихъ личныхъ интересовъ. А дѣлалось оно ею тихо и просто, безъ фразъ, съ душевнымъ привѣтомъ всѣмъ и каждому, съ готовностью перенести даже личное оскорбленiе — лишь-бы дѣло не страдало.

«5 мая 1893 г., послѣ долгихъ мытарствъ и входящихъ и исходящихъ бумагъ, получено было разрѣшенiе открыть частныя «Ясли» имени Н. В. Стасовой, а 15-го мая кружокъ, открывъ ихъ на Выборгской сторонѣ, разъѣхался по дачамъ. Предсѣдательница, жившая сама внѣ Петербурга, въ Парголовѣ, почти единолично управляла прiютомъ съ мая по сентябрь. Зная каждаго ребенка въ лицо, она слѣдила за правильнымъ посѣщенiемъ имъ «Яслей» въ рабочiе дни, и отсутствiе его вызывало тотчасъ вопросы и справки съ ея стороны. Вернувшимся осенью сотрудницамъ Н. В. въ первое-же засѣданiе представила рядъ соображенiй о желательныхъ дежурствахъ въ прiютѣ и посѣщенiи семей призрѣваемхъ дѣтей. Соображенiя эти ясно указывали, что никакая подробность не ускользала отъ ея вниманiя.

«Въ сентябрѣ 1893 года Н. В. предложила членамъ кружка выработать уставъ для дальнѣйшаго обезпеченiя и процвѣтанiя ихъ Общества. Весь ноябрь былъ посвященъ этой работѣ, и 25 января 1894 года министръ внутреннихъ дѣлъ утвердилъ уставъ общества,

которому дано было названіе «Дѣтская помощь». 20 апрѣля «Ясли» Н. В. Стасовой перешли въ его вѣдѣніе. Но въ нихъ ничто не измѣнилось, и Н. В. работала безъ устали до самаго конца»...

Приведенное выше письмо свое ко мнѣ изъ Венеціи, А. С. Усова кончала словами: «Послѣ смерти Н. В., въ память ея къ «Яслямъ» присоединенъ былъ «пріютъ» на 10 человѣкъ. Быть можетъ, дѣло будетъ развиваться дальше, но отъ себя прибавлю, что будь жива Н. В., я сказала-бы съ увѣренностью, что видѣнное мною въ Неаполѣ учрежденіе г-жи Салисъ-Швабе для дѣтей—выросло-бы въ Петербургѣ въ неменьшихъ размѣрахъ и съ неменьшими результатами»...

XXXII.

Въ «Запискѣ», написанной по моей просьбѣ Ек. Ив. Гарднеръ, про начало Русскаго женскаго общества сказано слѣдующее:

«17 октября 1893 г. Анна Николаевна Чарноцкая, жена инженеръ-подполковника и бывшая воспитанница Патріотическаго Института, напечатала въ «Новомъ Времени» обращеніе къ русскимъ женщинамъ, призывая ихъ организовать, въ память 17 октября 1888 г. (день спасенія Императорской фамиліи отъ желѣзно-дорожнаго крушенія подъ Борками), Русское женское общество, съ цѣлью сближенія между собою женщинъ и для оказанія другъ другу духовной и матеріальной помощи. Идея учрежденія женскаго общества впервые пришла ей на мысль подъ вліяніемъ свѣдѣній о женскихъ клубахъ въ Америкѣ, переданныхъ ей ея институтской подругой, по мужу американской гражданкой, г-жею Деляно. Послѣдняя прислала г-жѣ Чарноцкой краткій уставъ Бостонскаго женскаго клуба, который и послужилъ образцомъ для перваго устава Русскаго женскаго общества. Представленъ былъ проектъ этого устава г-жею Чар-

ноцкою, за подписями 12—14 дамъ, на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ, чрезъ с.-петербургскаго градоначальника генерала фонъ-Валя, въ февралѣ 1894 года.

«2 марта того-же года, отъ послѣдняго полученъ былъ отвѣтъ, что въ виду неполноты представленнаго проекта, онъ не находитъ возможность представить его на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ, и предлагаетъ учредительницамъ составить новый уставъ примѣнительно къ нормальному уставу общественныхъ собраній. Около этого времени, къ кружку лицъ, собиравшихся у г-жи Чарноцкой для выработки устава, примкнули еще новые члены, и избрана была комиссія для выработкки новаго устава. Проектъ ея предложенъ былъ на слѣдующемъ собраніи комиссіи, въ концѣ марта 1894 г., въ квартирѣ А. Н. Чарноцкой, и послужилъ основой для того проекта, который, въ окончательной редакціи, представленъ былъ на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ.

«Въ мартѣ-же 1894 г., одна изъ учредительницъ Общества и составительница проекта, К. И. Гарднеръ, проведшая нѣсколько лѣтъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и хорошо знакомая съ организаціей женскихъ обществъ въ Америкѣ, явилась къ Н. В. Стасовой, съ просьбою принять участіе во вновь организуемомъ Обществѣ. Н. В. немедленно изъявила свое согласіе присоединиться къ Обществу и, съ этихъ поръ, всегда уже участвовала во всѣхъ засѣданіяхъ комиссіи по выработкѣ устава. Она много помогла въ этихъ трудахъ прочимъ основательницамъ своею обширной опытностію и подавала примѣръ неутомимой энергіи, досиживая, часто до поздняго часа, до конца затягивавшихся преній.

«На общемъ собраніи приписавшихся членовъ и многихъ, впервые приглашенныхъ на засѣданіе женщинъ, 4 мая 1894 г., состоявшемся въ квартирѣ А. Н. Чарноцкой, Н. В. избрана была почетной предсѣ-

дательницей этого засѣданія. Въ концѣ его, большая часть присутствовавшихъ записалась въ члены Общества, и проектъ устава былъ представленъ министру внутреннихъ дѣлъ.

«27 сентября 1894 г., г-жею Чарноцкою была получена бумага изъ министерства, увѣдомляющая учредительницъ, что такъ-какъ по § 1 устава общественныхъ собраній, лица женскаго пола не могутъ быть членами этихъ собраній, то въ силу этого онѣ не имѣютъ права быть членами женскаго собранія, и учредительницамъ Русскаго женскаго общества предлагается снова переработать уставъ, съузивъ ихъ цѣли и область дѣятельности. Начались новыя работы, и въ нихъ Н. В. принимала самое горячее участіе. Но какъ ни старались всѣ члены, впродолженіе нѣкотораго времени дѣло не спорилось; потому-то вслѣдствіе возникавшихъ затрудненій, мало было надежды на его осуществленіе. Однако-же, не взирая на это, проектъ новаго устава былъ составленъ, подписанъ 42 учредительницами, и, въ половинѣ марта 1895 г., представленъ министру внутреннихъ дѣлъ двумя депутатками: Н. В. Стасовой и А. Н. Шабановой.

«Самое горячее участіе въ учрежденіи Общества и осуществленіи его дѣятельности оказала фрейлина Государыни Императрицы, Екатерина Сергѣевна Озерова. Благодаря ея могучему и великодушному содѣйствію, дѣло устава вдругъ получило новое движеніе и быстрый ходъ. Для устава пришла пора надежды. Онъ былъ подвергнутъ разсмотрѣнію въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и отъ министерства былъ назначенъ чиновникъ особыхъ порученій, Ф. Ф. Оомъ, для переговоровъ о содержаніи и формѣ устава съ тремя уполномоченными отъ общества дамами. Обсужденіе происходило на квартирѣ у Н. В. Стасовой. Результатомъ всей этой дѣятельности явился уставъ Русскаго женскаго общества, которое было утверждено, но при этомъ получило новое названіе: «Русское женское взаимноблаготворительное общество».

«23 мая 1895 года, за два дня до оффиціальнаго открытія общества, на собраніи учредительницъ, въ квартирѣ у А. Н. Шабановой, для предварительныхъ выборовъ кандидатокъ въ совѣтъ общества, Н. В. обратилась къ учредительницамъ съ рѣчью, гдѣ говорила о томъ, что идея организаціи такого общества не новая, что объ образованіи Общества мечтали и прежде такіе піонеры женскаго дѣла, какъ М. В. Трубникова и А. П. Философова, но за разными причинами не успѣли въ своемъ дѣлѣ *; что теперь учредительницы должны беречь свое Общество и дѣйствовать въ духѣ единенія.

«25 мая состоялось открытіе Общества, подъ предсѣдательствомъ Н. В., которая предложила собранію избрать въ почетные члены Общества фрейлину Ея Величества Е. С. Озерову, что немедленно и состоялось единогласно. Предсѣдательницей Общества избрана Н. В. безъ баллотировки и единогласно. Всѣ избирательницы одушевлены были мыслью, что ей, старѣйшему и лучшему піонеру женскаго дѣла, подобала честь быть главою Русскаго женскаго общества.

«За наступившимъ лѣтнимъ временемъ, работы по устройству помѣщенія были временно пріостановлены, но съ первыхъ чиселъ августа Н. В. стала часто пріѣзжать съ дачи изъ Парголова, для пріисканія, а потомъ устройства квартиры къ сентябрю, для участія въ засѣданіяхъ совѣта, собиравшагося у нея на дому. Задача Общества были Н. В. безконечно близки, и она не уставала говорить и писать о нихъ тѣмъ изъ своихъ сочленовъ, къ которымъ относилась съ особенною симпатіей и довѣріемъ, во время совмѣстной усердной и упорной работы по дѣлу «Русскаго женскаго общества». «Многія, кому я предлагала войти въ наше Общество,— писала она К. И. Гарднеръ 24 іюня 1895 года,—отказываются и говорятъ, что это *«мертвое общество»*. Не-

---

*) См. выше, стр. 69.

ужели мы не докажемъ имъ противнаго? Сколько есть великихъ вопросовъ, которые, я думаю, мы обязаны отстаивать. Неужели у насъ не будетъ единства и гуманнаго, свѣтлаго, правдиваго взгляда на вещи? Неужели мы не поможемъ также нашимъ, можно сказать, оплеваннымъ труженицамъ-переводчицамъ, о которыхъ такъ вѣрно и правдиво было во вчерашнемъ фельетонѣ «Новаго Времени» написано Сигмой? Будемте работать непреклонно, хотя-бы мы съ вами, — если прочія равнодушно отнесутся»...

Это она тутъ чудесное слово написала: «непреклонно». Оно глубоко вѣрно выражало не то, что тогдашнюю ея работу и дѣятельность за немного недѣль до смерти, но работу и дѣятельность ея за всѣ семь десятковъ лѣтъ жизни. Она весь вѣкъ свой была «непреклонна», и вотъ уже про кого по всей правдѣ надо сказать слова пословицы: «ни крестомъ, ни пестомъ». Разъ когда она почувствовала потребность пойти на то или на это великое и справедливое, по ея мысли, дѣло, она на него шла, и тутъ была вся ея душа, и все помышленіе, и вся сила, и всѣ способности, и ничто не могло уже своротить ее съ дороги. Она двигалась впередъ, словно войско, идущее спасать и освобождать, и уже никакой мракъ, никакая темь и ночь, никакой ураганъ, громъ и молнія, свистъ и вой вѣтра, никакой дремучій лѣсъ и ухабы по дорогѣ не властны были развлечь и остановить ее. Только такія настроенія и даютъ торжество и «на враги-же побѣду и одолѣніе». Она себя никогда не обманывала, твердо видѣла, чего недостаетъ, чего не хватаетъ у многихъ дѣйствующихъ лицъ по общему ихъ дѣлу, и такъ, напримѣръ, въ послѣднемъ своемъ починѣ, столько для нея важномъ и всю ее захватывающемъ, говаривала своей бывшей курсисткѣ, а потомъ близкой своей знакомой, Л. Я. Гуревичъ, всего за мѣсяцъ какой-нибудь до своей смерти: «Я думаю, что общеніе женщинъ въ новомъ нашемъ Обществѣ будетъ полезной

школой для женщинъ. Слишкомъ многаго еще имъ недостаетъ. Самообладанія слишкомъ мало, сдержанности, столько суеты, пустыхъ мелочныхъ препирательствъ... И потомъ — еще не отъучились женщины быть рабами мужчинъ. Во всемъ держатся за нихъ, пугаются, подчиняются... Нехорошо это, очень нехорошо! Много еще работы надъ самою собою предстоитъ женщинѣ, прежде чѣмъ она добьется своего освобожденія, и многихъ привычекъ имъ не хватаетъ. Можетъ быть, наше Общество поможетъ имъ оглянуться на себя и пріучить себя кое къ чему, необходимому для общественной дѣятельности».

И всетаки, не взирая на такіе недочеты, она оставалась тверда и полна упованія на русскую женщину вообще и на «Русское женское общество» въ особенности. Я говорилъ уже лишь о томъ, какъ глубоко обожала и цѣнила моя сестра личность, геній, творенія и мышленіе графа Л. Н. Толстого. Теперь, полная заботы о новомъ женскомъ Обществѣ, она написала ему письмо, гдѣ высказывала свои надежды и опасенія, и просила великаго писателя дать ей услышать и его мнѣніе объ этомъ предметѣ. Графъ Толстой отвѣчалъ ей слѣдующимъ письмомъ:

«Простите пожалуйста, Надежда Васильевна, если то, что я скажу вамъ по случаю вашего Общества, будетъ вамъ непріятно. Никогда не видалъ, чтобы изъ общества съ уставомъ и т. п. выходило-бы что-нибудь настоящее, и потому думаю, что и изъ вашего Общества ничего не выйдетъ. То, что по отношенію женщинъ и ихъ труда существуетъ много очень вредныхъ, изъ древности укоренившихся предразсудковъ, совершенно справедливо, и еще болѣе справедливо, что надо бороться противъ нихъ. Но не думаю, чтобы общество въ Петербургѣ, которое будетъ устраивать читальни и помѣщенія для женщинъ, было-бы средствомъ борьбы. Меня не то возмущаетъ, что женщина получаетъ меньше жалованья, чѣмъ мужчина: цѣны устанавли-

ваются достоинствомъ труда. А если (на службѣ) дадутъ мужчинѣ больше чѣмъ женщинѣ, то это не оттого, что женщинѣ даютъ слишкомъ мало, а оттого, что мужчинѣ даютъ слишкомъ много. Меня возмущаетъ то, что на женщину, которая носитъ, кормитъ, воспитываетъ маленькихъ дѣтей, наваленъ еще трудъ кухни, жариться у печи, мыть посуду, стирать бѣлье, шить одежды, мыть столы, полы, окна. Почему весь этотъ трудъ, страшно тяжелый, наваленъ исключительно на женщинъ? Мужику, фабриканту, чиновнику и всякому мужчинѣ бываетъ дѣлать нѐчего, но онъ будетъ лежать и курить, предоставляя женщинѣ—и женщина покоряется — часто беременной, больной, съ дѣтьми, жариться у печи, или нести страшный трудъ стирки бѣлья, или ночного ухаживанья за больнымъ ребенкомъ. И все это отъ суевѣрія, что есть какой-то бабій трудъ. Это страшное зло, и отъ этого неизчислимыя болѣзни несчастныхъ женщинъ, преждевременная старость, смерть, отупѣніе самихъ женщинъ и дѣтей. Вотъ съ чѣмъ надо бороться и словами, и дѣломъ, и примѣромъ.

Простите, что отвѣтилъ можетъ быть не то, что вы хотѣли.

Уважающій васъ Л. Толстой».

«4 сентября 1895».

Переписка моей сестры съ гр. Л. Н. Толстымъ не продолжалась. Спустя три недѣли послѣ этого письма, моей сестры не было болѣе на свѣтѣ.

27 сентября 1895 года она внезапно скончалась, Русское женское общество было открыто черезъ мѣсяцъ послѣ ея смерти, 25 октября.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Смерть.

XXXIII.

«Наканунѣ смерти Надежды Васильевны, 26-го сентября, — сказала М. В. Величко въ своей рѣчи на экстренномъ общемъ собраніи Общества вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на Высшихъ Женскихъ Курсахъ (3 октября 1895), — днемъ состоялось засѣданіе нашего совѣта, и Н. В. съ неизмѣнно присущей ей сердечной заботливостью занималась текущими дѣлами Общества, принимая, какъ всегда, живое участіе въ преніяхъ. Мы уѣхали съ засѣданія вмѣстѣ, и вечеромъ я опять была у Н. В., читала ей вслухъ. Всю длинную дорогу съ Торговой на Знаменскую, и потомъ весь вечеръ, Н. В. была очень оживлена и разговорчива. Какъ искренно радовалась она выходу въ свѣтъ I-й книжки изданія въ пользу нашего Общества («Семейство Бронтѐ», трудъ О. Н. Петерсенъ), какъ тепло отзывалась объ авторѣ! Сокрушалась о нуждахъ бывшихъ слушательницъ, придумывала, какъ-бы помочь имъ кореннымъ образомъ. Встрѣчая иногда нѣкоторое равнодушіе, или просто небрежность бывшихъ слушательницъ въ отношеніи товарокъ, Н. В. нѣсколько разъ повторяла съ горечью: «Неужели курсы даютъ такъ мало большинству?» Далѣе разговоръ коснулся

живописи. Н. В. передавала мнѣ, какое впечатлѣніе произвели на нее новыя прекрасныя работы г-жи Бёмъ, которую она посѣтила передъ нашимъ засѣданіемъ; вспомнила, что ей хотѣлось-бы видѣть всѣ новыя картины, пріобрѣтенныя для Эрмитажа, звала меня туда съ собой, и мы условились о днѣ. «Какъ я счастлива, говорила она,—что до этихъ поръ сохранила любовь и интересъ къ искусству! Оно доставляло мнѣ большое утѣшеніе и поддерживало бодрость духа во всѣ тяжелыя времена жизни».

Въ своей запискѣ: «Послѣдній день и послѣднія минуты Н. В. Стасовой», наша племянница, Нат. Ѳед. Пивоварова, много лѣтъ прожившая съ нами, и въ дѣтствѣ непосредственно воспитанная моею сестрою, разсказываетъ про свои подробныя справки о послѣднихъ событіяхъ, и пишетъ: «По-утру 27 сентября, въ среду, Н. В. была весела и бодра, говорила за чаемъ о любимой своей статьѣ Мопассана «Sur l' eau» и о новомъ «Русскомъ женскомъ обществѣ», наполнявшемъ тогда всѣ ея мысли. Около 12 часовъ дня, она поѣхала къ своей знакомой, Е. Я. Корсаковой, съ которою должна была ѣхать на Васильевскій островъ, на Высшіе Женскіе Курсы, пересмотрѣть анатомическій кабинетъ, для новыхъ лекцій. На улицѣ, у дома Мурузи, гдѣ жила Е. Я. Корсакова, уголъ Литейной и Спасской, Н. В. почувствовала себя дурно, заплатила извощику, но велѣла ему ждать, чтобы ѣхать дальше; онъ немного отъѣхалъ въ сторону, а она вошла въ сѣни. Но швейцара не было—онъ ушелъ въ сливочную. Воротясь съ кувшиномъ молока въ рукахъ, онъ нашелъ входную съ улицы дверь отпертою, и неизвѣстную ему даму, сидящую на одной изъ ступенекъ, идущихъ внизъ, къ нему, въ швейцарскую. Н. В. была уже безъ движенія и почти въ безпамятствѣ, сидѣла опершись объ стѣну и стонала. Кто это такое, онъ не зналъ, потому-что всего за немного дней поступилъ на службу въ тотъ домъ. Онъ позвалъ управ-

ляющаго, дворниковъ и городового. Они подняли Н. В. и положили ее сначала на кровать въ швейцарской. Ее два раза вырвало—ей подавали тазъ. Она все стонала и ничего не говорила. Потомъ, посовѣтовавшись всѣ вмѣстѣ, они ее посадили на извощика. Дворникъ, сѣвши рядомъ, поддерживалъ ее сзади подушкой, а ноги ея лежали у дворника на колѣняхъ.

«По его словамъ, во всю дорогу до Маріинской больницы Н. В. глазъ не открывала, все стонала и только расъ спросила: «Куда везете?» Онъ ничего не отвѣчалъ. Пріѣхавъ во дворъ Маріинской больницы, дрожки были подвезены къ дверямъ «Разборочной палаты», и служителя внесли ее туда. Ее снова рвало. Ее спросили, гдѣ она живетъ? Она отвѣчала: «На Знаменской», а когда спросили домъ, она отвѣчала: «Не знаю». Ее отнесли во 2-ую палату, въ лѣтнемъ помѣщеніи, и положили на кровать у дверей. Въ карманѣ у Н. В. нашли визитную карточку, но безъ адреса, и потому тотчасъ написали на листѣ: «Н. В. Стасова. Неизвѣстнаго званія. Прибыла въ 12 1/2 часовъ». Между тѣмъ, Е. Я. Корсакова, долго не видя Н. В., рѣшилась ѣхать на Васильевскій островъ одна, сошла внизъ, и говоритъ швейцару: «Пріѣдетъ Н. В. Стасова, попросите, чтобы...» Швейцаръ не далъ ей договорить и разсказалъ про пріѣхавшую неизвѣстную даму, про нанятаго ею на Васильевскій островъ извощика, который заѣхалъ потомъ за нею, послѣ увоза ея въ больницу. Г-жа Корсакова мгновенно поняла все, сама поѣхала тотчасъ-же въ Маріинскую больницу, давши напередъ знать семейству Н. В., и скоро всѣ они одинъ за другимъ прилетѣли въ Маріинскую больницу. А тамъ Н. В. лежала не открывая глазъ и не говорила. Сначала она стонала, а потомъ издавала какіе-то хрипы, и все тѣло, казалось, какъ-будто переливалось. Въ больницѣ ей ставили клизму, на голову клали мѣшокъ со льдомъ, дѣлали подкожное впрыскиваніе мускусомъ въ лѣвое предплечіе, подъ конецъ производили иску-

ственное вдыханіе посредствомъ подушки съ кислородомъ. Но мало-по-малу она стала холодѣть, и тихо, совсѣмъ незамѣтно—скончалась. Это было около $3^1/_2$ часовъ дня. На листѣ докторъ написалъ: «Кровоизліяніе въ мозгъ». Нѣсколько часовъ она осталась въ разборочной палатѣ...»

Вечеромъ того-же дня, когда было получено, по моей просьбѣ, разрѣшеніе отъ градоначальника, генерала фонъ-Валя, на переносъ тѣла въ домъ, наши близкія домашнія совершили въ «покойницкой», куда Н. В. была перенесена подъ-вечеръ,—послѣднее омовеніе тѣла и одѣли усопшую въ послѣднюю ея одежду. Но какъ и въ чемъ было возвратить ее домой? Въ экипажѣ? На рукахъ? Все это было затруднительно и неудобно. Я предложилъ употребить для этого тотъ самый футляръ, нѣчто въ родѣ огромнаго футляра для скрипки, въ которомъ переносятъ, въ больницѣ, тѣла усопшихъ изъ палатъ въ особо стоящую, въ дворѣ, «покойницкую». Такъ и сдѣлали. Часовъ въ 9 вечера, по темнымъ улицамъ, два больничныхъ служителя пронесли, незамѣтно для всѣхъ, футляръ, и минутъ черезъ 20 моя сестра воротилась въ послѣдній разъ домой, откуда всего нѣсколько часовъ тому назадъ выѣзжала такая веселая, бодрая, храбрая, полная добрыхъ думъ на пользу своимъ дорогимъ курсисткамъ.

На слѣдующее утро она уже лежала на серебряномъ катафалкѣ, окруженная цвѣтами и растеніями, и толпою народа, начавшаго прибывать съ самаго утра, по первому извѣстію газетъ. Впродолженіе всѣхъ трехъ дней, отъ четверга 28-го и до субботы 30-го сентября, эта толпа все только увеличивалась, и цѣлая масса женщинъ, сотрудницъ, товарокъ и почитательницъ покойной образовали между собою непрерывное дежурство; онѣ чередовались вокругъ гроба впродолженіе всѣхъ трехъ послѣднихъ дней и ночей. Дежурили нѣкоторые и мущины. Было нѣчто трогательное и патетическое въ этихъ смѣняющихся, на разстояніи дол-

гихъ часовъ, шести черныхъ статуяхъ, молчаливыхъ и неподвижныхъ, ставшихъ вокругъ гроба, среди полумрака темно-краснаго огня высокихъ свѣчей и сѣраго дыма ладана.

Утромъ похоронъ, вся масса присутствующихъ женщинъ собиралась нести серебряный гробъ изъ дома, на Знаменской, на кладбище Александро-Невской лавры. Думали уже браться за носилки и нести, подобно тому какъ на похоронахъ знаменитаго химика и композитора Ал. Порф. Бородина, медицинская молодежь, мужчины и женщины, несли на то-же кладбище тѣло своего глубоко любимаго профессора, заступника, защитника и направителя. Но по телефону отъ градоначальника дано было знать, что несеніе гроба не дозволяется. Тѣло повезли на траурной колесницѣ. Однако же, изъ церкви до могилы несли гробъ женщины, бывшія курсистки. Надъ могилой было произнесено много живыхъ рѣчей. Онѣ всѣ напечатаны въ книгѣ: «Памяти Надежды Васильевны Стасовой. С.-Петербургъ. 1896. Эта книга съ портретомъ и факсимиле, была напечатана, въ пользу фонда имени Н. В. Стасовой, Обществомъ вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ.

Въ этой книгѣ заключались слѣдующіе отдѣлы: 1) газетные некрологи на языкахъ: русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ, числомъ 10); 2) отчеты о панихидахъ; 3) отчеты о похоронахъ; 4) надгробныя рѣчи; 5) газетныя замѣтки *; 6) Выписка изъ журнала С.-Петербургской Городской Думы, состоявшагося въ засѣданіи 4-го октября 1895 г. 7) Экстренное собраніе въ Обществѣ вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на Высшихъ Женскихъ Курсахъ, 8 октября 1895 г.; 8) журналь-

*) Въ числѣ этихъ газетныхъ замѣтокъ находится небольшая статья, напечатанная въ газетѣ „Кавказъ" и подписанная: NN. Она перепечатана мною въ „Приложеніи", какъ особенно ярко и рельефно изображающая отношенія моей сестры къ бывшимъ слушательницамъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ. *В.С.*

ные некрологи; 9) статья С. А. Ольхина: «Объ участіи Н. В. Стасовой въ воскресныхъ школахъ 1860-62 г.»; 10) статья профессора А. Н. Бекетова; 11) статья профессора К. Н. Бестужева—Рюмина; 12) статья О. А. Шапиръ; 13) статья Л. Я. Гуревичъ; 14) статья въ «Вѣстникѣ Европы»; 15) статья Е. И. Гарднеръ; 16) статья В. И. Бородаевской—Ясевичъ; 17) рѣчь А. С. Усовой въ экстренномъ собраніи Общества «Дѣтская помощь» 14 ноября 1895 г.

Моя сестра погребена въ одной могилѣ съ старшей нашей сестрой Софьей, скончавшейся въ 1858 году, въ Венеціи, откуда тѣло ея было привезено въ Петербургъ. Въ послѣдніе годы своей жизни, моя сестра Надежда много разъ высказывала желаніе, чтобы ее похоронили, когда смерть ея придетъ, въ одной могилѣ съ дорогой старшей сестрой. Мы исполнили ея завѣщаніе: глубоко, внизу могилы, покоится прахъ нашей сестры Софьи; вверху, поверхъ раздѣляющаго ихъ свода, покоится прахъ нашей сестры Надежды. Надъ общей ихъ могилой возвышается холмикъ, весь засаженный цвѣтами и образующій миніатюрной садикъ. Два деревянныхъ большихъ креста, стоящихъ другъ къ другу спинками, содержатъ надписи съ именами и годами рожденія и смерти похороненныхъ. Кругомъ садика возвышается воздвигнутая мною рѣшотка изъ кованаго желѣза, съ позолоченными украшеніями. Эта рѣшотка—чудесной стройности и красоты. Сочинена она была нашимъ пріятелемъ, талантливымъ архитекторомъ Ив. Павл. Ропетомъ. На входныхъ дверцахъ, красиво сплетенная монограмма Н. С.; кругомъ рѣшотки, въ кругахъ, годы: 1822. 1858. 1860. 1863. 1868. 1893. 1894. 1895. Первый годъ—день рожденія, послѣдній—годъ смерти. Прочіе годы—годы замѣчательнѣйшихъ событій изъ дѣятельности моей сестры. На задней сторонѣ рѣшотки—большой красивый щитъ, желѣзный, съ золотыми надписями, содержащими даты, относящіяся къ обѣимъ сестрамъ.

Мо[illegible] Н. [illegible]

на кл[illegible]

Памятникъ соч. Н. П. [illegible] [illegible] Зоммеръ.

Могила Н. В. Стасовой
на кладбищѣ Александро-Невской Лавры.

Памятникъ соч. И. П. Ропетъ. Гравир. Кар. Авг. Зоммеръ.

Во время болѣе чѣмъ 35-лѣтней общественной дѣятельности моей сестры,—въ минуты упадка духа, и силъ, въ минуты неудачъ, притѣсненій, бывали у ней жестокія минуты унынія, и она сама себя спрашивала, и писала въ своихъ «Запискахъ»: «Неужели русскимъ женщинамъ еще долго придется уѣзжать въ иностранные университеты? Какъ мало я могу для этой нашей женской семьи, какъ ничтожно все, что я могу сдѣлать! Для этого надо талантъ, надо волю, надо умъ! А у меня ничего этого нѣтъ, одна только безпредѣльная любовь. И потомъ, точно-ли то, что̀ я сдѣлаю, впослѣдствіи будетъ полезно женщинамъ?»... Но потомъ она снова чуствовала бодрость, смѣлость, храбрость, и писала: «Моя мысль — дать знаніе; оно уничтожитъ предразсудки, а чистая любовь даетъ силу воли!.. Я постараюсь, чтобъ учащейся молодежи было лучше, чѣмъ мнѣ»...—«Мнѣ на долю пришлось много счастливыхъ дней. А вся любовь молодого поколѣнія, и то, что я вижу, какъ курсы ихъ обогатили! Вотъ моя поддержка!..» «Нѣтъ, нѣтъ, зерно глубоко запало въ землю, ростки пошли по всей землѣ Русской!»...

Таковы были утѣшенія среди невзгодъ, неудачъ и помѣхъ. Но кто и что ей давало эту силу неукротимой надежды, ожиданія и вѣры? Это—глубокое сочувствіе такихъ людей, ея глубоко-почитаемыхъ помощниковъ и совѣтниковъ, какъ англичанинъ Стюартъ Милль въ Англіи, какъ русскіе Бекетовы, Менделѣевы и Сѣченовы, сочувствіе лучшихъ людей «всей земли Русской», ее никогда не покидавшее, наконецъ—глубокое сочувствіе этой несравненной нынѣшней русской женской молодежи, которая все только ростетъ, расцвѣтаетъ и хорошѣетъ душою и дѣлами, и въ минуты своего великаго энтузіазма сотворила для своей помощницы и защитницы, Надежды Стасовой, такую почетную стражу вокругъ гроба, такія похороны, полныя чувства и восторженности, какихъ не бывало въ нашемъ отечествѣ для женщины съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ стоитъ Россія.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Памяти Н. В. Стасовой.

«Завтра слушательницы Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ служатъ панихиду по Надеждѣ Васильевнѣ Стасовой, бывшей учредительницѣ курсовъ.

«Вся долгая жизнь этой женщины (73 года) прошла предъ нами, тѣсно прикоснувшись къ самымъ дорогимъ для насъ интересамъ: образованію женщинъ и народа.

«Нашъ Тифлисъ тоже не былъ чуждъ сердцу усопшей, жившія и живущія здѣсь бывшія слушательницы не переставали имѣть съ нею сношенія. Въ октябрѣ 1889 года, въ годъ вторичнаго открытія С.-Петербургскихъ Женскихъ Курсовъ, желая почтить Надежду Васильевну своимъ вниманіемъ и выраженіемъ чувствъ признательности за инціативу основанія на Руси женскаго университета, онѣ послали ей адресъ, въ которомъ стояли слова; «Ваши заслуги не забудутся, и передадутся будущимъ поколѣніямъ; ваше имя всегда будетъ произноситься съ благодарностью, наряду съ самыми дорогими именами нашего отечества.

«Въ отвѣтъ было получено письмо самаго трогательнаго содержанія: «Не знаю, какъ выразить вамъ

всѣмъ, дорогимъ мнѣ, бывшимъ слушательницамъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ, приславшимъ мнѣ задушевный привѣтъ, то, что чувствовала я, читая его Еслибы можно было, я всѣхъ бы васъ крѣпко прижала къ сердцу и расцѣловала бы. Скажу одно, что связь между всѣми нами никогда и ничѣмъ не можетъ быть расторгнута. Всѣ мы вмѣстѣ работали для одного высокаго дѣла — образованія русской женщины, и цѣль достигнута: ей есть гдѣ учиться у себя дома, не уѣзжая за границу... Въ васъ, М. Ф., я вижу представительницу учебнаго заведенія, а всѣ прочія?.. Сколько свѣта и добра вносятъ онѣ въ общество! Спасибо вамъ, это самая дорогая мнѣ награда. Я живу ею и торжествую».

«Съ тѣхъ поръ, т. е. съ 1889 года, разъ-два въ годъ Н. В., уже потерявшая (почти) зрѣніе, писала, собственноручно, едва разбираемыми знаками, и просила сообщать о каждой изъ тѣхъ, кого она «такъ много любила и любитъ. Мнѣ чистое наслажденіе знать, что хотятъ дѣлиться со мной своими жизненными радостями и тяжелыми чувствами».

«Послѣднее письмо, отъ 5-го марта настоящаго 1895 года, къ уѣхавшей изъ Тифлиса во внутреннюю Россію курсисткѣ было переслано сюда для прочтенія. Оно полно симпатіи и участія къ избранному дѣлу сельской учительницы. «Какъ бы я хотѣла знать, какъ вы тамъ устроились, въ какомъ состояніи ваша школа, какова постройка, есть ли пособія? Вообще, милая М. А., я была бы вамъ крайне обязана, еслибы вы мнѣ дали полное описаніе всего-всего, начиная съ вашего положенія: что вы получаете, какимъ пользуетесь помѣщеніемъ, отъ кого зависите, и каково отношеніе къ вамъ завѣдующаго. Про себя пишите больше. Съ кѣмъ вы отводите душу, есть ли около васъ люди образованные? Есть ли въ селѣ умныя бабы, матери? Какъ онѣ относятся къ школѣ, къ грамотѣ? Понимаютъ ли онѣ, что значитъ чистота въ

избѣ для ребенка и для всего дома? Какъ живутъ дѣвушки, нельзя-ли ихъ заинтересовать въ нравственномъ уходѣ за дѣтьми»?...

«Вотъ слова, характеризующія личность той, которую мы потеряли и завтра поминаемъ.

«Но не только интересы курсовъ и курсистокъ были дороги Надеждѣ Васильевнѣ, — ей было дорого каждое проявленіе просвѣщенія въ жизни нашего отечества, каждое такое начинаніе, и оно сразу захватывало ее всю, если былъ поводъ ей самой сблизиться съ дѣломъ.

«Съ какимъ сердечнымъ удовольствіемъ я готова быть членомъ вашего полезнаго Общества», писала она въ 1890 году одной изъ членовъ Тифлисскаго Общества вспоможенія учительницамъ и воспитательницамъ. Болѣе всего меня радуетъ въ немъ то, что вы устроили читальню, и библіотеку, и чтеніе лекцій. Это такъ необходимо. А знаете ли, что еще слѣдовало-бы вамъ прибавить? Разъ, что у васъ читается физіологія (не сомнѣваюсь, что анатомію вы уже прошли, иначе лекціи физіологіи были бы игрушкой), необходимо, чтобы читали гигіену и первую помощь, какъ-то: леченіе ушиба, раны, обжога, кровотеченія—все, что можетъ случиться неожиданно съ кѣмъ-нибудь при васъ, напр., упалъ кто нибудь съ конки, поранилъ руку и т. п. А толкуете-ли вы въ народныхъ школахъ о необходимости чистоты тѣла, одежды, жилища и—что тоже важно—толкуете-ли городскимъ рабочимъ и ремесленникамъ, гдѣ гнѣздится зараза, какъ часто она зависитъ отъ ихъ страшной безпечности? Сколько бы жизней сохранилось, еслибъ удалось убѣдить ихъ, какое благодѣяніе можетъ принести опрятность. Что, еслибы въ вашемъ обществѣ нашлись такія самоотверженныя піонерки, которыя взяли бы на себя разъ въ недѣлю, въ мѣсяцъ, наблюдать, да почистить, хотя въ двухъ, трехъ жилищахъ? Мои мечты заставятъ васъ улыбнуться, но скажу вамъ: мы дѣлали это до

открытія курсовъ, когда времени свободнаго у насъ было еще много.»

«Въ заключеніе скажемъ, что между бывшими слушательницами Высшихъ Женскихъ Курсовъ, живущими въ Тифлисѣ, возникла мысль составить капиталъ (въ 250 руб.) и послать его въ Комитетъ грамотности, для учрежденія сельской библіотеки, имени Надежды Васильевны Стасовой.»

Газета „Кавказъ" 13 Октября 1895 г., № 270. **N. N.**

II.

Послѣдніе годы жизни М. В. Трубниковой.

Выше, въ предыдущихъ главахъ настоящей книги, я разсказывалъ дѣятельность М. В. Трубниковой по части женскаго дѣла — впродолженіе ея молодыхъ лѣтъ. Въ главѣ VI-й (§ XII, стр. 236) было говорено о томъ, что по возвращеніи, въ 1870 году, изъ-за границы, гдѣ она лечилась отъ нервныхъ болѣзней и сердцебіенія, М. В. Трубникова принуждена была испытывать и тягость болѣзни, и тяжкія семейныя обстоятельства, а это сильно препятствовало ея обычной энергической дѣятельности. Поэтому, съ этой поры я могъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ говорить объ ея участіи въ дѣлѣ русскаго женскаго движенія. Но это участіе стало все болѣе и болѣе сокращаться, а наконецъ и вовсе прекратилось. Многочисленныя письма М. В. къ моей сестрѣ, до послѣдняго времени мнѣ неизвѣстныя, ярко рисуютъ эту печальную картину,—картину медленнаго потуханія значительныхъ силъ, которыя, не будь гнетущихъ, непобѣдимыхъ внѣшнихъ вліяній, имѣли-бы, навѣрное, судя по всѣмъ даннымъ, воз-

можность еще долго-долго работать на пользу женскаго дѣла въ Россіи. М. В. угасала, какъ лампа, гдѣ все менѣе и менѣе остается масла или керосина. И все-таки М. В. сопротивлялась, бодрилась и продолжала надѣяться на воскрешеніе прежнихъ силъ.

Письма М. В. Трубниковой, съ 1871 по 1893 годъ включительно, кажутся мнѣ необыкновенно интересными и важными для полнаго уразумѣнія всего интеллектуальнаго и нравственнаго облика этой великодушной, сильной, чудесной и высокоодаренной женщины. Поэтому я и рѣшился привести здѣсь главнѣйшія выписки изъ нихъ.

12 іюля 1871 года М. В. Трубникова писала: «.... Что касается меня самой, то я въ очень удовлетворительномъ состояніи, хотя не могу сказать, чтобы силы еще вполнѣ вернулись; все еще при малѣйшей усталости сказывается слабость. Ну, да это уже пустяки въ сравненіи съ остальнымъ...».

Бѣдная! Она все еще воображала, что силы у ней однажды «вполнѣ воротятся». Но онѣ никогда не воротились. Уже съ 70-хъ годовъ онѣ стали идти подъ гору. Это была медленная смерть. Только сама больная этого не сознавала.

Начиная съ 1871 года, М. В. Трубникова работала въ «Вѣстникѣ Европы»: здѣсь она переводила съ англійскаго—корреспонденціи изъ Лондона, съ французкаго—парижскія письма Золà. Съ 1876 года она переводила, въ «Новомъ Времени», съ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языка, политическія извѣстія, романы, обзоры иностранной журналистики; но сверхъ того, она продолжала принимать участіе въ изданіяхъ Общества переводчицъ, выпускавшаго свои книги подъ фирмою: «изданія Стасовой и Трубниковой». Объ этихъ изданіяхъ она иногда писала въ то время моей сестрѣ за границу, но прибавляла, въ письмѣ отъ 13 декабря 1876 года: «Я прямо скажу, что вести это дѣло мнѣ некогда... У меня свободнаго

времени отъ работы для газеты не болѣе получаса до обѣда. Потомъ надо снова садиться за работу...». И, не взирая на такой недосугъ, М. В. Трубникова всетаки находила время дѣлать не мало на пользу Обществу переводчицъ. Въ этомъ-же самомъ 1876 году она участвовала въ переводѣ и редактировала повѣсть Луизы Олькотъ (№ 2): «Маленькія женщины», переведенную съ англійскаго ею, О. И. Кларкъ и Ал. Гр. Маркеловой; въ 1878 году она редактировала повѣсть «Маленькіе мужчины», переведенную съ англійскаго А. Н. Шульговской, но оставшуюся неизданною, потому что въ это время эта самая повѣсть была выпущена въ свѣтъ другою издательницею, г-жей Бутеневой.

Между тѣмъ, въ приведенномъ уже выше письмѣ отъ 13 декабря 1876 года, М. В. Трубникова писала про извѣстную «Казанскую исторію: «.... Еще очень много толковъ и недоумѣній производитъ демонстрація, бывшая 6-го декабря у Казанскаго собора. Состояла она въ слѣдующемъ: толпа молодежи вышла послѣ молебна на площадь собора, кто-то сказалъ рѣчь седиціоннаго характера. Полиція стала разгонять съ помощью дворниковъ и извозчиковъ толпу. Завязался рукопашный бой. Съ физической стороны пострадали обѣ воюющія стороны равно: было безобразное мордобитіе и нещадные побои. Затѣмъ, конечно, кучка человѣка въ 43 отвезена подъ арестъ. Темнымъ вопросомъ остается до сихъ поръ: кто былъ эта молодежь. Ни одного студента не было. Студентокъ тоже. И то слава Богу. Но тѣмъ не менѣе исторія прескверная, безпочвенная, безцѣльная, а послѣдствія ея—опять недовѣріе къ учащейся молодежи...».

Въ своей «Запискѣ» о М. В. Трубниковой, составленной, по моей просьбѣ, ея сестрою, Вѣрой Васильевной Черкесовой, эта послѣдняя говоритъ: «Въ концѣ 1880 года моя сестра заболѣла нервнымъ разстройствомъ, вслѣдствіе переутомленія и разныхъ треволне-

ній. Въ первыхъ числахъ января 1881 года оно перешло въ психозъ. Потребовалось помѣстить ее въ больницѣ на Удѣльной, и здѣсь она оставалась до 23 декабря 1881 года: ее перевезли въ Поповку *). Здѣсь, въ отдѣльномъ флигелѣ, подъ присмотромъ спеціальной сидѣлки, она мало по малу приходила въ нормальное состояніе. Вполнѣ оправившись, она въ маѣ 1882 года переселилась во Владимірскую губернію, въ имѣніе Горьково, къ дочери Марьѣ Константиновнѣ, въ замужествѣ за С. А. Вырубовымъ. Тамъ она прожила нѣсколько лѣтъ, помогая дочери по хозяйству и по присмотру за дѣтьми. Эти мало свойственныя и мало привычныя ей занятія въ извѣстной степени утомляли ее, и, сверхъ того, она вообще въ разныхъ отношеніяхъ слабѣла. Но не ослабѣвалъ ея духъ, и она продолжала еще принимать живое участіе во многомъ изъ того, что̀ въ прежней жизни было ей дорого и составляло главную цѣль всей ея дѣятельности.

24 іюля 1884 года она писала моей сестрѣ: «.... Я совсѣмъ перемѣнила сферу дѣятельности. Работы у меня вдоволь, хотя эта работа чисто муравьинаго свойства. На моихъ рукахъ забота о прокормленіи нашей семьи, которая лѣтомъ довольно многочисленна, а затѣмъ также о прокормленіи рабочаго персонала нашего сельскаго обихода. У Сергѣя (зятя) 5 человѣкъ рабочихъ, скотница и домашней прислуги 4 человѣка. Работа моя состоитъ въ томъ, чтобы добыть во-время провіантъ, сберечь все собранное и купленное, и въ надзорѣ за двумя кухнями и скотнымъ дворомъ. Это по части хозяйства. Затѣмъ у меня-же на рукахъ трое дѣтей, двое Вырубовыхъ, Маша и Володя, и третій— Оличкинъ сынокъ, Леонидъ **). Для помощи моей имѣются двѣ дѣвочки, съ которыми я пускаю дѣтей

---

*) Имѣніе В. В. Черкесовой, близь Колпино. *В. С.*

**) Старшая дочь М. В., Ольга Константиновна, вышла въ 1882 году замужъ за А. П. Буланова. *В. С.*

гулять, но дѣти спятъ со мною, и вообще я постоянно имѣю ихъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ.... Теперь я совсѣмъ не читаю—некогда, но зимой мы получаемъ изъ Ковровской библіотеки * журналы и газеты. Бѣда моя, что глаза стали плохи. Собираюсь съѣздить въ Москву за очками, а главное: хочу повидаться съ Катей и ея сынишкой...». Здѣсь рѣчь идетъ о третьей дочери М. В., Екатеринѣ Константиновнѣ, кончившей курсъ фельдшерицъ при Екатерининской больницѣ въ Москвѣ, и вышедшей тамъ замужъ за К. К. Решко. Но когда, въ концѣ 1887 г., или началѣ 1888 года, эта новая семья поселилась въ Смоленской губерніи, гдѣ они арендовали имѣніе Храповицкихъ, село Троицкое, и гдѣ К. К. Решко занимался сельскимъ хозяйствомъ, М. В. Трубникова рѣшила переселиться къ нимъ, тѣмъ болѣе, что ее тянуло туда по двумъ причинамъ: во-первыхъ, ей хотѣлось жить вмѣстѣ, не только съ Ек. Конст., но и съ четвертою своею дочерью, Еленой Конст., въ замужествѣ за Ник. Никит. Никоновымъ (жили эти послѣдніе недалеко въ тѣхъ же мѣстахъ); но сверхъ того, ей хотѣлось быть вмѣстѣ съ воспитательницей ея дѣтей и своей старинной пріятельницей Екат. Яковл. Храповицкой.

Изъ Троицкаго М. В. писала моей сестрѣ 22 декабря 1888 года: «....Мой милый, старый другъ, у меня накопился цѣлый ворохъ впечатлѣній, которыми хотѣлось-бы подѣлиться съ вами, и не менѣе изобильный запасъ вопросовъ, на которые хотѣлось-бы выслушать подробные отвѣты. Мы наканунѣ праздниковъ, слѣдовательно вы, относительно, будете свободнѣе, и авось удосужитесь отвѣтить мнѣ; съ другой стороны, и я сегодня чувствую себя бодрѣе и лучше, что позволяетъ мнѣ поболтать съ вами, съ перомъ въ рукахъ, съ нѣкоторымъ комфортомъ. Вѣроятно вы слы-

* Коврово—уѣздный городъ Владимірской губерніи.

шали отъ моей сестры Вѣры, или отъ Н. А. Бѣлозерской, что я была очень больна: теперь мнѣ давно уже лучше, но силы плохо возвращаются, и я рѣдкій день не вожусь съ какимъ-нибудь дополнительнымъ недугомъ: то мигрени, то головокруженіе, то ревматизмы одолѣваютъ меня. Такая скука, что и сказать не могу. Ничего не успѣваешь сдѣлать во время съ этими несносными нездоровьями, такъ что во всемъ и вездѣ являешься какъ горчица послѣ ужина. ....Перейдемъ къ тому, что я хотѣла написать вамъ ровно три мѣсяца тому назадъ, когда прочла въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» отчетъ объ актѣ Бестужевскихъ курсовъ (какъ на зло, я слегла именно на другой день послѣ полученія нами № отъ 27 сентября). Рѣчь А. Н. Бекетова привела меня въ восторгъ, въ томъ отношеніи, что въ ней я увидѣла почву, на которой возможно продолжать начатое дѣло, за существованіе котораго мы отчаявались. Десять лѣтъ для «опыта»—не шуточное дѣло выторговать, и если такой срокъ удалось дѣйствительно добыть, то я вѣрю въ побѣду. Конечно, я оговариваюсь, что издалека многое можетъ казаться не тѣмъ, что оно есть на самомъ дѣлѣ, и потому очень хотѣла бы услышать ваше мнѣніе и узнать вашъ взглядъ на это... Вѣдь вы меня знаете не со вчерашняго дня, и потому лишнее вамъ говорить, что ни перемѣна образа жизни, ни удаленіе въ деревенскую обстановку не могли заглушить и убить во мнѣ интересъ и любовь къ общему дѣлу. Я не говорю фразы, когда скажу вамъ, что читая отчетъ, я чуть не плакала отъ страха, что это, можетъ быть, лебединая пѣснь нашихъ Курсовъ. Издалека, вмѣстѣ со слушательницами, въ толпѣ, апплодировала изъ всѣхъ силъ и вамъ, и милой Ольгѣ Александровнѣ Мордвиновой, и всѣмъ нашимъ профессорамъ, столько лѣтъ—цѣлыхъ 20 лѣтъ выносившимъ на своихъ плечахъ курсы. Что-бы я дала, чтобы дѣйствительно перенестись въ то время въ Петербургъ, и послушать, и поглядѣть своими гла-

зами на все это. Но... остается вернуться къ дѣйствительности и ждать, чтобы вы утолили мое желаніе знать où nous en sommes. Вообразите, мой другъ, что только теперь мы читаемъ «Вѣстникъ Европы» за прошлый годъ (какова отсталость! Живемъ цѣлымъ годомъ позже), и я, наконецъ, познакомилась со статьей В. В. о Крамскомъ. Вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, что это одна изъ самыхъ удачныхъ статей его. Пожалуйста, передайте ему, что я очень благодарна ему за тѣ хорошіе часы, которые доставило мнѣ знакомство съ личностью Крамского. Въ этомъ освѣщеніи вполнѣ понимаешь настоящее мѣсто, какое занимаетъ этотъ даровитый человѣкъ въ русскомъ искусствѣ и обществѣ... Я попросила-бы васъ спросить у X., въ какомъ видѣ находится мой долгъ ему? Я занимала у него 1000 рублей: кажется, если не ошибаюсь, что уплатила изъ нихъ 500. Но положительно не помню, когда въ послѣдній разъ платила % на оставшуюся сумму. Не удивляйтесь, что я собираюсь платить и не смѣйтесь моей самоувѣренности. Конечно, въ настоящую минуту у меня нѣтъ и гроша за душой, но я съ этимъ не мирюсь, и если не отправляюсь въ лучшій міръ раньше чѣмъ предполагаю, то надѣюсь расквитаться хотя частью со старыми долгами.—Еще вопросъ. Что наша покойная «издательская артель? Совсѣмъ-ли прекратила свое существованіе, или Полина все еще предполагаетъ издавать? Спрашиваю я это съ цѣлью узнать: не могу-ли я, въ послѣднемъ случаѣ, разсчитывать на нее какъ на издателя одной вещи Верна, переведенной мною, и помѣщенной въ прибавленіи къ «Новому Времени»? Дѣло идетъ о «паровомъ домѣ». Въ этомъ разсказѣ Ж. Верна интересны этнографическія свѣдѣнія объ Индіи и очеркъ возстанія сипаевъ. Право перепечатки отдѣльною книгой—принадлежитъ мнѣ. Вопросъ, конечно въ томъ: не являюсь-ли я, съ моимъ предложеніемъ, опять какъ и во многомъ другомъ, десять лѣтъ спустя послѣ спроса? Ей Богу комично...».

Въ началѣ 1889 года, М. В. провела нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ.

Въ письмѣ отъ 28 октября 1889 года М. В. Трубникова писала Н. А. Бѣлозерской: «...Причина моего долгаго молчанія лежала, то въ волненіи отъ разныхъ жизненныхъ осложненій, то въ не досугѣ. Еслибы ты знала, сколько разъ я мысленно приносила тебѣ повинную, сколько разъ собиралась засѣсть вечеромъ и написать тебѣ, и все не удавалось справиться то съ силами, то съ душевнымъ настроеніемъ. Когда меня что-нибудь волнуетъ, я просто не въ состояніи писать, а въ это время поводовъ къ волненію было безъ конца... (далѣе М. В. разсказывала про болѣзни и разныя неудачи своихъ дочерей, ихъ мужей, и ея внуковъ и внучекъ, а также своей сестры). «Да, не везетъ нашимъ дѣтямъ (продолжала она). Но я думаю, что не имъ однимъ. А какъ поглядишь кругомъ: всѣмъ жизнь дается теперь съ большими осложненіями»...

2 марта 1890 года она писала моей сестрѣ, послѣ изгнанія ея съ курсовъ: «...Зная, дорогая моя, что вы скучаете и томитесь въ невольномъ бездѣйствіи, я отъ всей души скорблю о васъ. Я же со своей стороны оттого такъ долго не писала, что все у насъ были разныя тревоги и неурядицы. Всю зиму у насъ настоящій лазаретъ, и я такъ утомлена была нравственно и физически, что не хватало энергіи браться за перо. Не люблю я писать, когда тяжело живется, а добрыхъ и свѣтлыхъ впечатлѣній не откуда было взять...»

Но, не взирая на такія печальныя внѣшнія обстоятельства, М. В. все таки не переставала жить интеллектуальными интересами и даже помышляла объ автобіографіи. Она писала 12 іюня 1890 года моей сестрѣ изъ хутора Залѣсья (Смоленской губерніи): «...Крейцерову сонату только недавно удалось мнѣ прочесть. Вещь страшно потрясающая. Въ ней масса разбросанныхъ живыхъ и вѣрныхъ струнъ, но главная идея— проповѣдь или совѣтъ: «добровольнаго пресѣченія су-

ществованіе рода человѣческаго»—мнѣ кажется совершенною дичью. Не знаю, какого вы мнѣнія объ этомъ.—Что сказать вамъ о себѣ? Мои планы писать мои «Воспоминанія» пока остались планами, и не предвижу, когда они могутъ осуществиться. Все мое время уходитъ, съ утра до ночи, на моихъ внучатъ и на помощь по хозяйству моимъ дочерямъ. Мы переѣхали, двѣ недѣли тому назадъ изъ Троицкаго (Смоленской губерніи) въ хуторъ Залѣсье (той-же губерніи), имѣніе меньшей моей дочери Лены Никоновой, гдѣ и будемъ жить съ Катей до полученія мѣста ея мужемъ. Помѣщаемся мы въ трехъ комнатахъ и небольшой избушкѣ, выстроенной на дворѣ; живетъ насъ, въ этомъ помѣщеніи, 11 человѣкъ, не считая прислуги. Вы поймете, голубчикъ, что въ такомъ ульѣ не только не мыслима какая-нибудь умственная работа, но дай Богъ выбрать моментъ для писемъ... Главное наше мѣстопребываніе—лѣсъ, которымъ окруженъ со всѣхъ сторонъ нашъ домъ. Тамъ мы проводимъ почти весь день, когда позволяетъ погода. Здоровье мое очень удовлетворительно, и я чувствую себя очень бодрой съ тѣхъ поръ, какъ мы переѣхали въ Залѣсье... Вообще у меня на душѣ было-бы совсѣмъ благополучно, еслибы не мысль о бѣдной Z. Бѣдная, какое горе пришлось переживать ей!..»

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 18 іюля, изъ Залѣсья, она снова говорила съ глубокимъ сожалѣніемъ о вынужденномъ бездѣйствіи, какъ моей сестры, такъ и о своемъ собственномъ: «...Томились вы, моя голубушка, тоской по украденному у васъ дѣлу. Тяжело и до сихъ поръ сознаніе, что дѣло, которому было посвящено столько времени и силъ, въ которое положена была вся душа ваша, отнято у васъ, такъ сказать, насильственно, и не только не продолжается, но калѣчится и тормозится, подъ фирмой «улучшенія». Но все-же во сто кратъ тяжелѣе смотрѣть на это, сложа руки, и чувствуя въ себѣ силу, которую дѣвать некуда.

Теперь, по крайней мѣрѣ, есть утѣшеніе: вы снова вступили на поприще общественнаго служенія, снова нашли, куда приложить тотъ избытокъ любви къ человѣчеству, какой будетъ горѣть въ васъ, дорогая моя, до послѣдняго дыханія. Разница въ томъ, что тамъ вы работали надъ верхнимъ слоемъ, надъ вѣнцомъ зданія, прилагали путь къ высшему образованію женщины, и, слѣдовательно, къ ея равноправію въ сферѣ юридической и соціальной, а здѣсь трудитесь на нижней ступени того-же дѣла. Распространяете грамотность между темнымъ и холоднымъ потомствомъ холоднаго, голоднаго, обойденнаго судьбою люда. Рада, что условія работы оказываются сносными. Правда евангельскаго слова сказывается и тутъ: Тамъ, гдѣ соберутся двое или трое во имя имя Мое—тамъ и церковь Моя. Перефразируя это чудесное изрѣченіе, скажу: достаточно, чтобы въ любой средѣ, какой-бы то ни было, нашлось два-три хорошихъ и умныхъ человѣка, для того, чтобы любое дѣло повернуть въ смыслѣ добра и истины. Радуюсь за васъ, что вы нашли дѣло, и радуюсь за Общество дешевыхъ квартиръ, которое, я слышала въ мою бытность въ Питерѣ *), шло къ упадку, не по недостатку средствъ, или недостатку людей хорошихъ и съ добрымъ намѣреніемъ, а по недостатку людей, знающихъ близко и понимающихъ нужды темной среды,—и, скажемъ прямо: жизненной прозы, — на пользу которой они собрались работать. По этому, какъ я слышала, и были такія нарушенія устава, что только руками разводишь: какъ это возможно допустить?.. Я все это слышала, но провѣрять было некогда. Бороться съ этимъ зломъ, если оно существуетъ, можно только путемъ личнаго участія въ дѣлѣ, и привлеченіемъ, въ комитетское присутствіе, законнаго числа членовъ, и зоркаго наблюденія за тѣмъ, чтобы не было уклоненій отъ устава. Законъ не человѣкъ,

*) Зимой съ 1888-го на 1889-й годъ, *В. С.*

его ни выгнать нельзя, ни замолчать не заставишь. Разъ вы попали въ члены, надѣюсь, попадете въ комитетъ, и тогда вѣрно, и знаю — навѣрное, научите N N, если у этой личности есть умъ и нѣтъ лѣни, вести дѣло какъ слѣдуетъ, а не поручать его безконтрольно разнымъ... Другъ вы мой, сказать ли вамъ правду: во мнѣ подъ-часъ шевелится къ вамъ зависть. Вы до конца, какъ честный часовой, простоите съ оружіемъ въ рукахъ на стражѣ общественныхъ интересовъ. Я-же десятый годъ — нѣтъ, чуть-ли не двадцатый—живу лишь для своей семейной ячейки, похоронивъ прежнія свои, лучшія человѣческія стремленія, сознавая, что безсильна побороть условія жизни, и, что всего хуже, неувѣрена въ томъ, что еслибы они измѣнились къ лучшему, т. е. явились и досугъ и деньги, обезпечивающія право на досугъ, — то всѣмъ этимъ я все по прежнему съумѣю воспользоваться. Ни голова работать по прежнему не можетъ, ни силъ на умственную дѣятельность не хватитъ. Вотъ, въ чемъ я почти убѣждена, и въ этомъ моя болячка. Не говорить этого никому, это признаніе пусть останется между нами. Но помогите мнѣ попробовать выяснить себѣ самой этотъ вопросъ: я попрошу достать мнѣ переводной работы. На ней я хочу убѣдиться, насколько еще упругости сохранилось въ моихъ мозгахъ? Или нужно помириться съ тѣмъ, что есть, и поставить навсегда точку въ этомъ направленіи,—довольствоваться тѣмъ, что могу еще работать физически, какъ любая деревенская старуха? И то еще утѣшеніе, не совсѣмъ калѣка и неба не коптишь.—Не бойтесь, что я переутомлюсь. Я буду работать исподволь. Если окажется, что не могу, передамъ работу А. Никонову, а проредактирую— сама. Предложите, пожалуйста, Павленкову издать, на какихъ ему угодно условіяхъ, переводъ книги Летурно: «L'evoluton du mariage et de la famille, или, если она уже переведена, и я прозѣвала, то поговорите съ нимъ о книгѣ Гюйо (Huyot), изданной въ 1890 г., въ Парижѣ: «Edu-

cation et hérédité». Пожалуйста, приготовьте отвѣтъ къ сентябрю, когда Катя будетъ въ Питерѣ!»

18 сентября 1890 г. М. В. Трубникова писала моей сестрѣ изъ Нижняго-Новгорода, во время небольшой поѣздки по Волгѣ, къ Булановымъ и къ стариннымъ ея знакомымъ ея, Веселкиньимъ, въ Саратовѣ: «...Я не могла прочесть сама вашего письма, потерявъ очки, какъ думается, въ Вольскѣ. Я заставила Олю прочитать мнѣ ваше посланіе, и порадовались мы вмѣстѣ съ ней, что нашъ взаимный съ нею другъ В. В. выздоравливаетъ. Дай-то Богъ. Такимъ людямъ, дѣятельнымъ и юнымъ до старости душой и умомъ, нужно жить долго, но для этого нужно и собственное маленькое вниманіе къ своей особѣ. Не надо забывать въ наши годы, что только юности дано злоупотреблять силами и рабочей энергіей безнаказанно. А намъ нужно знать мѣру. Трудное дѣло для тѣхъ, у кого душа не износилась вмѣстѣ съ тѣломъ. Напишите намъ, каковъ онъ вернется изъ за-границы, и передайте ему самое крѣпкое и дружеское shakehands отъ матери и дочери Трубниковыхъ... Вчера (17-го сентября) вспоминали мы съ Олей нашихъ именинницъ, и хотя ничего не пили за ваше здоровье, но желали вамъ не менѣе искренно и горячо, съ кистями винограда въ рукахъ, вмѣсто бокаловъ шампанскаго, многія лѣта и здоровья на радость вашихъ друзей и на пользу русскихъ женщинъ и дѣтей. Дорогая, милая, хорошая моя, желаю я всего горячѣе, для васъ и для себя, чтобы опытъ раскрылъ глаза слѣпыхъ, чтобы они убѣдились, что грѣхъ передъ Богомъ и человѣчествомъ калѣчить хорошее, какъ искалѣчили наши курсы. Желаю, чтобы наши курсы воспрянули во всей полности и красѣ еще при жизни нашей, и чтобы опять вы стали на нихъ тѣмъ руководящимъ центромъ, какимъ по справедливости и по заслугамъ вамъ быть надлежитъ. Мечты это—очень можетъ быть, что мечты, но все-ли, что воплощается и живетъ—плоды мечты и слова человѣческаго! Соп-

cevoir et penser c'est déjà vouloir, et vouloir—souvent c'est pouvoir, хотя послѣднее, безъ сомнѣнія, ограничивается волей и дѣйствіями другихъ людей, и обстоятельствами. Но будущаго не разгадаешь, и потому обратимся къ настоящему...» (Далѣе М. В. благодарила мою сестру за хлопоты по части доставленія ей переводной работы, и, указывая на свое желаніе переводить книги научныя, говорила:) «Вообще это будетъ моей первой работой въ этой области. Какъ вы знаете, до сихъ поръ я переводила преимущественно беллетристику, такъ что не могу сослаться, въ видѣ рекомендаціи (которому-нибудь издателю), ни на одну спеціальную работу, хотя, конечно, научныхъ мелочей по всѣмъ отраслямъ приходилось переводить не мало...

«...Относительно вашихъ понуканій (на счетъ «автобіографіи») скажу одно. Я буду писать нынче зимой, если, Богъ дастъ, пристрою К. К. Решке къ мѣсту. Тогда моя роль няньки и «Figaro çà, Figaro là—кончится. Рабочій кабинетъ у меня есть. Матеріалы тоже кое-какіе имѣются и приведены въ порядокъ... (Перечисляя, затѣмъ, эти «матеріалы, всѣ сохранившіеся въ цѣлости до настоящаго времени, М. В. Трубникова упоминаетъ также нѣкоторые теперь болѣе неизвѣстные, и невѣдомо когда и куда исчезнувшіе. Она говоритъ): «Нѣтъ у меня... писемъ Л. Д. Милютиной и копій съ моихъ отвѣтовъ: это, если вы помните, переписка велась собственно Великой Княгиней Еленой Павловной, и Л. Д. Милютина очевидно служила только секретаремъ; нѣтъ и письма нынѣ царствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, тогда еще Цесаревны Наслѣдницы. Не попало-ли что-нибудь изъ этихъ бумагъ къ вамъ? Какъ я была бы рада! Это все документы, и документы не только важные, по историческому значенію, для исторіи издательской Артели и Курсовъ, но и весьма цѣнныя орудія борьбы въ защиту первоначальнаго плана, по которому создались, усиліями столькихъ гласныхъ и негласныхъ сотрудниковъ и до-

брожелателей, покойные врачебные и бестужевскіе курсы. Ахъ, какъ-бы нужно мнѣ было все это розыскать! Если мнѣ удастся сѣсть за работу въ ноябрѣ или декабрѣ я, конечно, займусь прежде всего воспоминаніями моего дѣтства *, слѣдовательно эпохой, ничего общаго не имѣющей съ упомянутыми бумагами, но хотѣлось-бы тѣмъ временемъ розыскать то, что уцѣлѣло. Помогите мнѣ въ этомъ... Чего мнѣ жалко болѣе всего, это письмо Цесаревны, если оно не у васъ. Съ него копій нѣтъ. А какъ оно могло-бы помочь при случаѣ, если представится возможность реставрировать наши курсы еще намъ съ вами. Вотъ видите, какая я неугомонная, о чемъ помышляю! Смѣйтесь, или не смѣйтесь, а мнѣ что-то говоритъ, что наша пѣсенка съ вами еще не спѣта. Я отдохнула, и хочу понемногу, и соразмѣрясь съ силами, средствами, браться за гужъ. Только не говорите этого никому. Начну съ переводовъ. Это заработокъ. Слѣдовательно, деньги и досугъ. А вмѣстѣ съ досугомъ явится и возможность опять дѣйствовать такъ или иначе на томъ поприщѣ, которое было и есть моя любимая сфера жизни. Смѣшно самой, что въ 55 лѣтъ я еще надѣюсь и мечтаю, какъ въ былые годы молодости и полнаго разцвѣта энергіи. А если не удастся, то и помечтать хорошо, потому что я убѣдилась, въ эти 20 лѣтъ бездѣйствія по части общественной дѣятельности, что мои личные взгляды и чувства раздѣляетъ уже не тѣсный, узкій кружокъ знакомыхъ и друзей, но цѣлый легіонъ молодыхъ, зрѣлыхъ и сильныхъ женщинъ; слѣдовательно, такъ или иначе, наше дѣло только заторможено и не умерло.... Радуюсь за «Дешевыя квартиры», что онѣ васъ пріобрѣли...».

9 апрѣля 1891 года М. В. Трубникова писала моей сестрѣ изъ села Оржевки, Тамбовской губерніи, гдѣ жила тогда у своей дочери Екат. Конст. Решко (мужъ

* Это предположеніе никогда не осуществилось. *В. С.*

ея управлялъ этимъ имѣніемъ гг. Нарышкиныхъ): «...Три дня тому назадъ, отправила я на имя моей сестры рукопись переведенной мною (для Павленкова) книги Карно * и просила передать ее вамъ, только въ такомъ случаѣ, если вы теперь здоровы и васъ не затруднитъ доставка заказа по назначенію... Еще разъ благодарю васъ за доставленную работу, которую я сдѣлала съ большимъ удовольствіемъ, хотя не мало волновалась, что, благодаря разнымъ неустройствамъ, не успѣю доставить ее въ срокъ. Но, по счастью, къ дѣтямъ взяли бонну и я могла по нѣскольку часовъ въ день удѣлять на переводъ. Не знаю только, останутся-ли довольны работой: поотвыкла я отъ этого дѣла, да и вообще условія нашей жизни мало способствуютъ спокойной кабинетной работѣ. Очень хотѣлось-бы и впредь получить какой-нибудь заказъ, но не смѣю и просить объ этомъ, зная, какъ это трудно добывать, и, вдобавокъ, при томъ условіи, что я не могу взяться ни за что, кромѣ переводовъ съ французскаго, такъ какъ остальные языки я очень перезабыла **, и у меня нѣтъ лесиконовъ.... Жилось мнѣ все это время, и теперь еще живется, такъ неувѣренно и неспокойно, что тяжело объ этомъ говорить... Нужно много философіи и терпѣнія, чтобы жить au jour le jour, не задумываясь о будущемъ... Не сердитесь, голубчикъ мой, на мое лаконическое письмо. Впечатлѣній такъ мало, жизнь идетъ такъ однообразно, а внутри себя чувтвуешь такую массу заботъ и безпокойства, что дѣлиться такими впечатлѣніями нѣтъ охоты...».

1 августа 1891 года М. В. Трубникова писала: «...Удивили вы меня, сказавши мнѣ, мой другъ, свои

---

* Эта книга напечатана подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Карно*, Исторія французской революціи. Спб. 1893.

** Такой-же отказъ написала М. В. Трубникова моей сестрѣ въ октябрѣ того-же года. Но ниже мы увидимъ, что это были опасенія, съ ея стороны совершенно напрасныя.

В. С.

лѣта. Я-бы никогда не дала вамъ столько, по вашей подвижности и душевной свѣжести. Дѣйствительно, вы молодецъ, какихъ мало, и я вѣрю, что при запасѣ жизненныхъ силъ, какія у васъ въ наличности, вы справитесь съ вашимъ недугомъ (сердце) и онъ пройдетъ...»

Въ послѣдующихъ письмахъ М. В. Трубникова всего долѣе и чаще останавливалась на свѣдѣніяхъ о своихъ работахъ по части переводовъ, составлявшихъ тогда такой важный для нея вопросъ, а также много говорила о голодовкѣ въ Тамбовской губерніи. Но въ письмѣ отъ 12 октября 1891 года, изъ Оржевки, она опять заговорила про свою «автобіографію», на писаніи которой постоянно настаивала моя сестра: «Я должна вамъ признаться, что не чувствую себя въ силахъ приняться за самостоятельный трудъ, и писать мои «Воспоминанія» не буду, такъ какъ для этого нужна возможность сосредоточиться, чего я не могу сдѣлать среди шума и суеты большого семейства, живущаго въ тѣсномъ помѣщеніи. Въ условіяхъ, въ которыхъ я живу, можно только переводить, а не писать самостоятельно. Объ этомъ вы особенно не грустите, потому что право не много потеряютъ люди, если я не оставлю послѣ себя моихъ «Записокъ»: о нашемъ времени, конечно, будетъ написано много, болѣе талантливыми и наблюдательными лицами, чѣмъ я, въ этомъ я глубоко убѣждена, и потому помирилась съ вѣроятностью, что ничего не напишу. У насъ теперь въ нашемъ краю живется очень уныло. Кругомъ — голодъ и дифтеритъ. Въ нашемъ селѣ готова больница, и надѣятся ею прервать эпидемію, изолируя больныхъ...».

Въ письмѣ 1 марта 1892 года, изъ Оржевки, М. В. еще новый разъ сообщала печальныя вѣсти о голодѣ въ Тамбовской губерніи, и съ грустью прибавляла: «Костя (зять ея) хоть отводитъ душу тѣмъ, что принялся за помощь, а мы ровно ничего не дѣлаемъ, да и дѣлать ничего не въ состояніи, кромѣ какъ безплодно сожалѣемъ о бѣдствующихъ...».

Лѣто 1892 года М. В. провела у своей дочери Елены Конст. Никоновой, въ Смоленской губерніи. Это житье пришлось ей очень по сердцу. «Я цѣлыми днями, со старшими внуками брожу по лѣсу, окружающему дачу, писала она 23 мая 1892 года. Я наслаждаюсь вполнѣ всѣми прелестями весны и лѣса. Особенно это чувствуешь по сравненію съ нашимъ тамбовскимъ modus vivendi. Тамъ, лѣтомъ, даже и въ концѣ весны, утомительно жарко. Затѣмъ черноземная пыль, унылая равнина полей — домъ въ срединѣ торговаго села, съ базарнымъ и людскимъ гомономъ, подъ самымъ носомъ, и это еженедѣльно по понедѣльникамъ. Правда, около дома большой тѣнистый садъ, но прогулки по одному и тому-же саду прiѣдаются, а за садомъ кругомъ все гладко какъ ладонь, а подъ палящими лучами солнца до лѣсу не всегда хватитъ энергіи дотащиться. Я говорю, что вездѣ мирюсь съ жизнью, а наслаждаюсь ею вполнѣ—только въ Залѣсьѣ. Это мой любимый уголокъ. Лишь-бы друзья не забыли меня въ немъ...».

Какъ мы видѣли, нѣсколькими строками выше, въ мартѣ 1892 года М. В. жаловалась на свое бездѣйствіе по части голода и голодающихъ. Но ея энергическая, дѣятельная натура не была способна долго оставаться въ бездѣйствіи. Она стала писать въ Петербургъ, къ моей сестрѣ и другимъ ближайшимъ знакомымъ, прося прійти на помощь голодающимъ ихъ смоленской губерніи, и если деньги найдутся, поручить ей распредѣленіе и раздачу ихъ. Моя сестра горячо принялась исполнять эту просьбу, и въ очень короткое время собрала и отослала М. В. Трубниковой сумму въ нѣсколько сотъ рублей: изъ нихъ 500 рублей вручилъ ей, по первой-же ея просьбѣ, американскій пасторъ Фрэнсисъ (Francis) въ Петербургѣ, отъ лица американскаго комитета. М. В. Трубникова писала въ отвѣтъ 20 іюня 1892 года, изъ Смоленской губерніи: «Спасибо вамъ, дорогой другъ мой, тысячу

разъ спасибо, за все вами сдѣланное. Не даромъ я прежде всего обратилась къ вамъ, съ полной увѣренностью, что если что еще возможно сдѣлать, то вы непремѣнно сдѣлаете. Какъ и слѣдовало ожидать, на мой призывъ *первыми* откликнулись вы и Вѣра, сестра моя. Я въ восторгѣ отъ счастливой мысли, какая тогда мнѣ пришла въ голову, обратиться циркулярно къ старымъ моимъ товарищамъ по общей дѣятельности. Еще разъ выручили вы, а затѣмъ увидимъ, что Богъ дастъ дальше! Результатъ превзошелъ мои ожиданія...».

Но, обращаясь затѣмъ къ личнымъ своимъ дѣламъ она писала: «Ахъ, дорогая моя, какъ я бранила себя за трусость, что не рѣшилась тогда взять переводъ Теккерея, который, какъ вы писали, наклевывался въ прошломъ октябрѣ у Павленкова. Я просто вообразила, что забыла англійское! Сѣла я здѣсь за переводъ *, и работала такъ-же легко, какъ во дни оны. А это просто какая-то блажь на меня нашла тогда. Вообще мнѣ часто кажется, что я страшно опустилась и отупѣла за послѣдніе годы, безъ умственной пищи и работы. Вотъ почему я побоялась за свою работу, не имѣя возможности провѣрить себя на чтеніи англійской книги: у меня въ Оржевкѣ нѣтъ ни единой строчки на иностранныхъ языкахъ. Я побаивалась взяться за переводъ и представить неудовлетворительную работу... Теперь, я безъ всякихъ конфузовъ буду подыскивать переводовъ со всѣхъ трехъ языковъ: нѣмецкаго, англійскаго и французскаго...».

Въ письмѣ отъ 16 августа 1892 года изъ Владимірской губерніи, села Мѣховицы, гдѣ она гостила у дочери Маріи Константиновны Вырубовой, М. В. говорила моей сестрѣ, сильно жалѣя о ея нездоровьѣ: «Вы вѣроятно простудились опять, моя дорогая, неугомонная и неизмѣнная Н. В. Вѣдь я не даромъ знаю

---

* Спѣшный заказъ, переводъ съ англійскаго романа. М. С. кончила его въ одну недѣлю. *С. Б.*

васъ 30 лѣтъ и потому, на основаніи этой юбилейной и прочной дружбы, голубчикъ мой, позволяю себѣ нѣсколько наставительный тонъ. Право въ наши лѣта пора немножко помнить, что капиталу у насъ съ вами осталось не много. И что попадать подъ дождь и въ такомъ видѣ разъѣзжать цѣлый день, хотя-бы и ради голодающихъ, которымъ вы доставили 500 р. изъ американскихъ кармановъ, можно развѣ въ 16 лѣтъ, которыя у насъ съ вами давно за плечами! И такъ, голубчикъ, позвольте мнѣ просить васъ отъ имени вашихъ друзей и во имя всего того, что вамъ остается совершить еще, потому что пока вы живы, вы всѣмъ и всему нужны — поберегать себя и не тратить безъ оглядки своихъ дорогихъ и слабыхъ силъ. Милая и дорогая моя, зачѣмъ вы все скачете сами къ Павленкову, котораго успѣемъ еще и осенью потормошить, и пишете мнѣ опять сами, когда болятъ глаза? Я увѣрена, что подъ вашу диктовку и X, и Y, и Z, всѣ съ радостью написали бы все, что вы пожелаете мнѣ сообщить. Право, голубчикъ, не пренебрегайте этимъ моимъ совѣтомъ и берегите ваши силы и глаза pour les grandes occasions.»

Желаніе были милы и совѣты — превосходны, но М. В. Трубникова, кажется, на эту минуту забыла то, что, конечно, очень хорошо всегда знала,—а именно, что есть натуры, для которыхъ внутреннія глубокія задачи—все, а какія-бы ни было внѣшнія помѣхи, вреды и неподѣлки—ничто! Оттого моя сестра читала, конечно, съ великимъ удовольствіемъ добрыя, сочувственныя строки своей искренней, старинной пріятельницы и товарки, а продолжала горячо дѣлать—какъ 70 лѣтъ дѣлала, по своему собственному своду законовъ.

24 октября 1893 года, т. е. болѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ предъидущаго письма, М. В. Трубникова писала изъ Саратова, гдѣ она гостила у своей дочери Ольги Константиновны Булановой: «...Вы меня глубоко растрогали вашимъ письмомъ и присылкой устава «Об-

щества вспоможенія кончившимъ Высшіе Женскіе Курсы». Я чувствовала себя кругомъ виноватой за долгое молчаніе и собиралась писать и просить прощенія за мою неаккуратность, вызванную главнымъ образомъ сквернѣйшимъ состояніемъ здоровья моего за прошлую зиму и весну, которое отражалось и на состояніи духа. Теперь я значительно поправилась, окрѣпла и снова пришла въ состояніе человѣка, на что-нибудь годнаго. Справляюсь легко и спокойно съ работой, какая оказывается нужной вокругъ меня—и не хандрю. Удивляюсь и восхищаюсь вами, мой безцѣнный другъ, что вы такъ стоически переносите перспективу опасности, грозящей вашему зрѣнію, и все по прежнему работаете безустанно для общественной пользы. Дай то Богъ, чтобы болѣзнь глазъ приняла счастливый оборотъ, и во всякомъ случаѣ, чтобы васъ не покидало ваше обычное мужество...»

Въ письмѣ отъ 30 декабря 1893 года, изъ Саратова-же, М. В. Трубникова желала моей сестрѣ сохраненія всѣхъ ея силъ, продолженія успѣха Высшихъ Женскихъ Курсовъ, и «воскресенія изъ мертвыхъ и другаго, хотя не нашего кровнаго (говорила она), но тѣмъ не менѣе дорогаго учрежденія: Женскаго Медицинскаго Института... Когда-то удастся мнѣ снова попасть къ вамъ? Не знаю. Во всякомъ случаѣ, очень не скоро. На этотъ годъ (1894), хотя загадывать впередъ и мудрено, я имѣю цѣлую программу дѣятельности, для выполненія которой мнѣ слѣдуетъ остаться въ Саратовѣ до весны, а лѣто провести у Кати... Я думала заняться пропагандированіемъ въ здѣшнемъ обществѣ устава «Общества пособія нуждающимся лицамъ, кончившимъ высшее образованіе» (точнаго наименованія его не запомню), а между тѣмъ захворала инфлуэнцой въ первыхъ числахъ ноября и просидѣла дома эти 1½ мѣсяца по требованію доктора... Но пришли мы съ О. М. Веселкиной *) къ заключенію,

*) Сестра тогдашняго саратовскаго губернатора М. М. Веселкина и пріятельница М. В. Трубниковой. *В. С.*

что на вербовку членовъ здѣсь нечего разсчитывать, потому что Саратовъ переполненъ мѣстными благотворительными обществами, и всѣ карманы, способные вывертываться ради помощи ближнему, уже вывернуты. Болѣе шансовъ представляетъ сборъ на подписныхъ листахъ, дозволяющій всякому давать сколько захочетъ и можетъ, не налагая на себя никакихъ обязательствъ впредь... Далѣе года за свои ресурсы не ручаюсь, ибо они составляютъ и для меня совершенно неизвѣстный X. Запишите меня, если это возможно, въ члены соревнователи... Обнимаю васъ крѣпко, моя дорогая, и прошу васъ не смѣяться надъ моей копеечностью (*М. В. говоритъ тутъ про свой малый взносъ*): по одежкѣ протягивай ножки. А финансовая моя одежка представляетъ родъ Тришкина кафтана...» Это было послѣднее письмо М. В. Трубниковой къ моей сестрѣ. Она еще мечтала о помощи другимъ, о свиданіи въ Петербургѣ съ дорогими людьми, о счастливыхъ еще дняхъ. Но она не знала, бѣдная, что страшная громовая туча уже висѣла надъ нею.

«Два раза въ эту зиму (съ 1893-го на 1894-й годъ), говоритъ въ своей «Запискѣ» Вѣра Вас. Черкесова, моя сестра М. В. подверглась инфлуэнцѣ, съ воспаленіемъ легкихъ, сильно повліявшимъ на ея здоровье. Для поправки ея, дочь ея Екат. Конст. Решко перевезла ее къ себѣ въ деревню, въ Вяжлу, но тамъ, въ февралѣ 1894 года, проявился у ней рецидивъ психической болѣзни, вслѣдствіе чего она была помѣщена въ тамбовскую земскую психіатрическую больницу. Врачи объявили, что уже болѣе нѣтъ надежды на ея выздоровленіе. «Дорогая Анна Павловна, писалая моя сестра 28 іюня 1895 г. А. П. Философовой, тамбовскій докторъ сказалъ, что наша М. В. уже никогда не поправится, но что въ остальномъ она здорова: т. е. легкія и кашель не хуже какъ годъ тому назадъ, но умственно—она *погибла навсегда*. Это ужасно. Не хочу этому вѣрить...» Вмѣстѣ съ ближайшими род-

ственницами и пріятельницами М. В., моя сестра стала думать и заботиться о возможности перевоза несчастной больной въ Петербургъ, но, спустя три мѣсяца, ея и самой не стало.

Въ тамбовской больницѣ М. В. пробыла два года. Ей было тамъ, сравнительно говоря, хорошо—эта больница довольно давно уже пользуется превосходной, широко распространенной репутаціей—но все-таки родственники и друзья ревностно заботились о перемѣщеніи ея въ Петербургъ, гдѣ ее могли-бы посѣщать близкіе, и это имъ удалось. Въ январѣ 1896 года М. В. была привезена своею сестрою и ея сыномъ изъ Тамбова въ Петербургъ, и помѣщена въ Больницу Всѣхъ Скорбящихъ, на Петергофской дорогѣ. Спустя мѣсяца полтора, дозволено было роднымъ и близкимъ людямъ посѣщать ее. Мнѣ, въ числѣ другихъ, тоже удалось посѣтить ее въ мартѣ 1896 года вмѣстѣ съ моею невѣсткой, Пол. Степ. Стасовой. Мы нашли ее въ прекрасной, удобной, свѣтлой и высокой комнатѣ, съ окномъ вверху, выше человѣческаго роста. Она знала и помнила, гдѣ она находится, но только думала, что это простая лечебница. Она была очень довольна директоромъ, докторомъ Черемшанскимъ, отзывалась о немъ съ большой симпатіей, насъ двухъ, пріѣзжихъ, очень хорошо узнала, навѣдывалась съ большимъ интересомъ о старыхъ друзьяхъ и близкихъ, всего болѣе о болѣзни своего брата Петра Васильевича—не зная, что онъ уже годъ какъ скончался. Она разсказывала намъ про надежду на скорое выздоровленіе и возвращеніе къ своимъ, говорила намъ, что проводитъ время то въ чтеніи (газетъ и книгъ), то въ занятіяхъ небольшими женскими работами (вязаніе крючкомъ и вышиваніе). Но всѣ ея вязанія и вышиванія были совершенно спутаны и представляли какой-то хаосъ. Намъ она съ какимъ-то самодовольствіемъ разсказывала, что сама краситъ бумагу, изъ которой вяжетъ, и это именно—сокомъ

апельсинныхъ корокъ. Мы, конечно, ничего не возражали. Одно только лишь удивило насъ: когда мы, съ дозволенія доктора Черемшанскаго, съ большими предосторожностями, и постепенно, въ отвѣтъ на нѣсколько разъ повторенные ею вопросы, сказали ей, наконецъ, что моя сестра Надежда скончалась уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, она вдругъ сдѣлалась какъ-будто совсѣмъ холодна и равнодушна, ничего не сказала, лишь секунду помолчала, и потомъ стала говорить о другомъ. О своей бывшей пріятельницѣ она потомъ уже не спросила ни слова. Но у меня былъ съ собою оттискъ I-й моей статьи «Воспоминанія о моей сестрѣ», напечатанной въ январьской книжкѣ «Недѣли» 1896 г. Съ разрѣшенія доктора, я далъ ей въ руки эту зеленую тетрадку, прося просмотрѣть ее потомъ. Она положила ее на столикъ, сказала, что прочтетъ и сообщитъ свои замѣчанія, но потомъ опять стала говорить о совершенно другихъ дѣлахъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, уже послѣ смерти М. В., моя печатная тетрадка возвратилась ко мнѣ (привезла мнѣ ее изъ больницы В. В. Черкесова): въ ней оказались замѣтки, писанныя на поляхъ карандашомъ, но замѣтки совершенно выдуманныя, фантастическія, съ подробностями о событіяхъ 14-го декабря на Дворцовой площади, будто-бы видѣнныхъ и разсказанныхъ ей моею покойною сестрою Надеждой—но тутъ не было и тѣни какой-нибудь правды, такъ какъ моей сестрѣ было тогда всего 3 года, и, конечно, ей не приходилось быть ни на какой площади.

Во время нашего посѣщенія, М. В. была совершенно спокойна, говорила съ нами безъ всякаго напряженія, преувеличенности и волненія, говорила вполнѣ логично и послѣдовательно, но зато, какъ я волновался внутри себя, увидѣвъ вдругъ, послѣ долгихъ лѣтъ старую мою пріятельницу, худою, пожелтѣвшею и сморщившеюся, съ распущенными по пле-

брожелателей, покойные врачебные и бестужевскіе курсы. Ахъ, какъ-бы нужно мнѣ было все это розыскать! Если мнѣ удастся сѣсть за работу въ ноябрѣ или декабрѣ я, конечно, займусь прежде всего воспоминаніями моего дѣтства *, слѣдовательно эпохой, ничего обшаго не имѣющей съ упомянутыми бумагами, но хотѣлось-бы тѣмъ временемъ розыскать то, что уцѣлѣло. Помогите мнѣ въ этомъ... Чего мнѣ жалко болѣе всего, это письмо Цесаревны, если оно не у васъ. Съ него копій нѣтъ. А какъ оно могло-бы помочь при случаѣ, если представится возможность реставрировать наши курсы еще намъ съ вами. Вотъ видите, какая я неугомонная, о чемъ помышляю! Смѣйтесь, или не смѣйтесь, а мнѣ что-то говоритъ, что наша пѣсенка съ вами еще не спѣта. Я отдохнула, и хочу понемногу, и соразмѣрясь съ силами, средствами, браться за гужъ. Только не говорите этого никому. Начну съ переводовъ. Это заработокъ. Слѣдовательно, деньги и досугъ. А вмѣстѣ съ досугомъ явится и возможность опять дѣйствовать такъ или иначе на томъ поприщѣ, которое было и есть моя любимая сфера жизни. Смѣшно самой, что въ 55 лѣтъ я еще надѣюсь и мечтаю, какъ въ былые годы молодости и полнаго разцвѣта энергіи. А если не удастся, то и помечтать хорошо, потому что я убѣдилась, въ эти 20 лѣтъ бездѣйствія по части общественной дѣятельности, что мои личные взгляды и чувства раздѣляетъ уже не тѣсный, узкій кружокъ знакомыхъ и друзей, но цѣлый легіонъ молодыхъ, зрѣлыхъ и сильныхъ женщинъ; слѣдовательно, такъ или иначе, наше дѣло только заторможено и не умерло.... Радуюсь за «Дешевыя квартиры», что онѣ васъ пріобрѣли...».

9 апрѣля 1891 года М. В. Трубникова писала моей сестрѣ изъ села Оржевки, Тамбовской губерніи, гдѣ жила тогда у своей дочери Екат. Конст. Решко (мужъ

* Это предположеніе никогда не осуществилось. *В. С.*

ея управлялъ этимъ имѣніемъ гг. Нарышкиныхъ): «...Три дня тому назадъ, отправила я на имя моей сестры рукопись переведенной мною (для Павленкова) книги Карно * и просила передать ее вамъ, только въ такомъ случаѣ, если вы теперь здоровы и васъ не затруднитъ доставка заказа по назначенію... Еще разъ благодарю васъ за доставленную работу, которую я сдѣлала съ большимъ удовольствіемъ, хотя не мало волновалась, что, благодаря разнымъ неустройствамъ, не успѣю доставить ее въ срокъ. Но, по счастью, къ дѣтямъ взяли бонну и я могла по нѣскольку часовъ въ день удѣлять на переводъ. Не знаю только, останутся-ли довольны работой: поотвыкла я отъ этого дѣла, да и вообще условія нашей жизни мало способствуютъ спокойной кабинетной работѣ. Очень хотѣлось-бы и впредь получить какой-нибудь заказъ, но не смѣю и просить объ этомъ, зная, какъ это трудно добывать, и, вдобавокъ, при томъ условіи, что я не могу взяться ни за что, кромѣ переводовъ съ французскаго, такъ какъ остальные языки я очень перезабыла **, и у меня нѣтъ лесиконовъ.... Жилось мнѣ все это время, и теперь еще живется, такъ неувѣренно и неспокойно, что тяжело объ этомъ говорить... Нужно много философіи и терпѣнія, чтобы жить au jour le jour, не задумываясь о будущемъ... Не сердитесь, голубчикъ мой, на мое лаконическое письмо. Впечатлѣній такъ мало, жизнь идетъ такъ однообразно, а внутри себя чувутвуешь такую массу заботъ и безпокойства, что дѣлиться такими впечатлѣніями нѣтъ охоты...».

1 августа 1891 года М. В. Трубникова писала: «...Удивили вы меня, сказавши мнѣ, мой другъ, свои

---

* Эта книга напечатана подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Карно*, Исторія французской революціи. Спб. 1893.

** Такой-же отказъ написала М В. Трубникова моей сестрѣ въ октябрѣ того-же года. Но ниже мы увидимъ, что это были опасенія, съ ея стороны совершенно напрасныя.

В. С.

Въ одномъ изъ этихъ отрывковъ она говорила: «..То, что вамъ разсказывали о блескѣ моего прирожденнаго общественнаго положенія, преувеличено. Моя мать вовсе не была урожденной княжной Несвицкой: она была просто дѣвица Цеслинская. Княжной Несвицкой была моя бабушка съ материнской стороны. Значитъ, родство съ литовской титулованной знатью, а черезъ нее и съ московской титулованной знатью отодвигается нѣсколько далеко, вглубь временъ и поколѣній. Бабушка моя вышла замужъ за простого офицера поляка, такъ-же, какъ и мать моя вышла замужъ за простого русскаго офицера. Отецъ мой, такъже, какъ и дѣдъ съ материнской стороны, принадлежали къ старому, что называется «столбовому», но вовсе не знатному и не титулованному дворянству.

«Точно также неправда, будто родители мои были богаты. Хотя дѣтство и первая юность моя и прошли среди достатка, граничавшаго въ иныхъ отношеніяхъ съ роскошью, но это былъ не прочный достатокъ, а обычная, безтолковая, раззорительная помѣщичья роскошь. Съ тѣхъ поръ какъ я себя помню, дѣла моихъ родителей были довольно запутаны, а тутъ еще несчастная претензія тягаться съ дѣйствительно богатой и знатной родней! Чтобъ удовлетворить этимъ претензіямъ, безъ которыхъ жизнь была не въ жизнь, мой отецъ задумалъ завести фабрику, и, надо отдать ему справедливость, впрягся онъ въ эту лямку ради того, въ чемъ ему мерещилось благополучіе семьи, очень самоотверженно и съ замѣчательной выдержкой. Откинувъ всѣ свои дворянскія и прежнія офицерскія привычки, онъ втеченіе многихъ лѣтъ велъ жизнь приказчика, ставя свой личный комфортъ ни во что. Но, въ концѣ концовъ, все это оказалось праздною игрою: онъ всетаки попался въ тиски къ купцу, который и прибралъ понемногу къ рукамъ все наше состояніе. Ко времени смерти моего отца (мнѣ было въ то время лѣтъ 20) раззоренье было полное. Не я о томъ жалѣть буду...»

Лѣто 1892 года М. В. провела у своей дочери Елены Конст. Никоновой, въ Смоленской губерніи. Это житье пришлось ей очень по сердцу. «Я цѣлыми днями, со старшими внуками брожу по лѣсу, окружающему дачу, писала она 23 мая 1892 года. Я наслаждаюсь вполнѣ всѣми прелестями весны и лѣса. Особенно это чувствуешь по сравненію съ нашимъ тамбовскимъ modus vivendi. Тамъ, лѣтомъ, даже и въ концѣ весны, утомительно жарко. Затѣмъ черноземная пыль, унылая равнина полей — домъ въ срединѣ торговаго села, съ базарнымъ и людскимъ гомономъ, подъ самымъ носомъ, и это еженедѣльно по понедѣльникамъ. Правда, около дома большой тѣнистый садъ, но прогулки по одному и тому-же саду пріѣдаются, а за садомъ кругомъ все гладко какъ ладонь, а подъ палящими лучами солнца до лѣсу не всегда хватитъ энергіи дотащиться. Я говорю, что вездѣ мирюсь съ жизнью, а наслаждаюсь ею вполнѣ—только въ Заллѣсьѣ. Это мой любимый уголокъ. Лишь-бы друзья не забыли меня въ немъ...».

Какъ мы видѣли, нѣсколькими строками выше, въ мартѣ 1892 года М. В. жаловалась на свое бездѣйствіе по части голода и голодающихъ. Но ея энергическая, дѣятельная натура не была способна долго оставаться въ бездѣйствіи. Она стала писать въ Петербургъ, къ моей сестрѣ и другимъ ближайшимъ знакомымъ, прося прійти на помощь голодающимъ ихъ смоленской губерніи, и если деньги найдутся, поручить ей распредѣленіе и раздачу ихъ. Моя сестра горячо принялась исполнять эту просьбу, и въ очень короткое время собрала и отослала М. В. Трубниковой сумму въ нѣсколько сотъ рублей: изъ нихъ 500 рублей вручилъ ей, по первой-же ея просьбѣ, американскій пасторъ Фрэнсисъ (Francis) въ Петербургѣ, отъ лица американскаго комитета. М. В. Трубникова писала въ отвѣтъ 20 іюня 1892 года, изъ Смоленской губерніи: «Спасибо вамъ, дорогой другъ мой, тысячу

разъ спасибо, за все вами сдѣланное. Не даромъ я прежде всего обратилась къ вамъ, съ полной увѣренностью, что если что еще возможно сдѣлать, то вы непремѣнно сдѣлаете. Какъ и слѣдовало ожидать, на мой призывъ *первыми* откликнулись вы и Вѣра, сестра моя. Я въ восторгѣ отъ счастливой мысли, какая тогда мнѣ пришла въ голову, обратиться циркулярно къ старымъ моимъ товарищамъ по общей дѣятельности. Еще разъ выручили вы, а затѣмъ увидимъ, что Богъ дастъ дальше! Результатъ превзошелъ мои ожиданія...».

Но, обращаясь затѣмъ къ личнымъ своимъ дѣламъ она писала: «Ахъ, дорогая моя, какъ я бранила себя за трусость, что не рѣшилась тогда взять переводъ Теккерея, который, какъ вы писали, наклевывался въ прошломъ октябрѣ у Павленкова. Я просто вообразила, что забыла англійское! Сѣла я здѣсь за переводъ *, и работала такъ-же легко, какъ во дни оны. А это просто какая-то блажь на меня нашла тогда. Вообще мнѣ часто кажется, что я страшно опустилась и отупѣла за послѣдніе годы, безъ умственной пищи и работы. Вотъ почему я побоялась за свою работу, не имѣя возможности провѣрить себя на чтеніи англійской книги: у меня въ Оржевкѣ нѣтъ ни единой строчки на иностранныхъ языкахъ. Я побаивалась взяться за переводъ и представить неудовлетворительную работу... Теперь, я безъ всякихъ конфузовъ буду подыскивать переводовъ со всѣхъ трехъ языковъ: нѣмецкаго, англійскаго и французскаго...».

Въ письмѣ отъ 16 августа 1892 года изъ Владимірской губерніи, села Мѣховицы, гдѣ она гостила у дочери Маріи Константиновны Вырубовой, М. В. говорила моей сестрѣ, сильно жалѣя о ея нездоровьѣ: «Вы вѣроятно простудились опять, моя дорогая, неугомонная и неизмѣнная Н. В. Вѣдь я не даромъ знаю

---

* Спѣшный заказъ, переводъ съ англійскаго романа. М. С. кончила его въ одну недѣлю. *С. В.*

васъ 30 лѣтъ и потому, на основаніи этой юбилейной и прочной дружбы, голубчикъ мой, позволяю себѣ нѣсколько наставительный тонъ. Право въ наши лѣта пора немножко помнить, что капиталу у насъ съ вами осталось не много. И что попадать подъ дождь и въ такомъ видѣ разъѣзжать цѣлый день, хотя-бы и ради голодающихъ, которымъ вы доставили 500 р. изъ американскихъ кармановъ, можно развѣ въ 16 лѣтъ, которыя у насъ съ вами давно за плечами! И такъ, голубчикъ, позвольте мнѣ просить васъ отъ имени вашихъ друзей и во имя всего того, что вамъ остается совершить еще, потому что пока вы живы, вы всѣмъ и всему нужны — поберегать себя и не тратить безъ оглядки своихъ дорогихъ и слабыхъ силъ. Милая и дорогая моя, зачѣмъ вы все скачете сами къ Павленкову, котораго успѣемъ еще и осенью потормошить, и пишете мнѣ опять сами, когда болятъ глаза? Я увѣрена, что подъ вашу диктовку и X, и Y, и Z, всѣ съ радостью написали бы все, что вы пожелаете мнѣ сообщить. Право, голубчикъ, не пренебрегайте этимъ моимъ совѣтомъ и берегите ваши силы и глаза pour les grandes occasions.»

Желаніе были милы и совѣты — превосходны, но М. В. Трубникова, кажется, на эту минуту забыла то, что, конечно, очень хорошо всегда знала,—а именно, что есть натуры, для которыхъ внутреннія глубокія задачи—все, а какія-бы ни было внѣшнія помѣхи, вреды и неподѣлки—ничто! Оттого моя сестра читала, конечно, съ великимъ удовольствіемъ добрыя, сочувственныя строки своей искренней, старинной пріятельницы и товарки, а продолжала горячо дѣлать—какъ 70 лѣтъ дѣлала, по своему собственному своду законовъ.

24 октября 1893 года, т. е. болѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ предъидущаго письма, М. В. Трубникова писала изъ Саратова, гдѣ она гостила у своей дочери Ольги Константиновны Булановой: «...Вы меня глубоко растрогали вашимъ письмомъ и присылкой устава «Об-

щества вспоможенія кончившимъ Высшіе Женскіе Курсы». Я чувствовала себя кругомъ виноватой за долгое молчаніе и собиралась писать и просить прощеніе за мою неаккуратность, вызванную главнымъ образомъ сквернѣйшимъ состояніемъ здоровья моего за прошлую зиму и весну, которое отражалось и на состояніи духа. Теперь я значительно поправилась, окрѣпла и снова пришла въ состояніе человѣка, на что-нибудь годнаго. Справляюсь легко и спокойно съ работой, какая оказывается нужной вокругъ меня—и не хандрю. Удивляюсь и восхищаюсь вами, мой безцѣнный другъ, что вы такъ стоически переносите перспективу опасности, грозящей вашему зрѣнію, и все по прежнему работаете безустанно для общественной пользы. Дай то Богъ, чтобы болѣзнь глазъ приняла счастливый оборотъ, и во всякомъ случаѣ, чтобы васъ не покидало ваше обычное мужество...»

Въ письмѣ отъ 30 декабря 1893 года, изъ Саратова же, М. В. Трубникова желала моей сестрѣ сохраненія всѣхъ ея силъ, продолженія успѣха Высшихъ Женскихъ Курсовъ, и «воскресенія изъ мертвыхъ и другаго, хотя не нашего кровнаго (говорила она), но тѣмъ не менѣе дорогаго учрежденія: Женскаго Медицинскаго Института... Когда-то удастся мнѣ снова попасть къ вамъ? Не знаю. Во всякомъ случаѣ, очень не скоро. На этотъ годъ (1894), хотя загадывать впередъ и мудрено, я имѣю цѣлую программу дѣятельности, для выполненія которой мнѣ слѣдуетъ остаться въ Саратовѣ до весны, а лѣто провести у Кати... Я думала заняться пропагандированіемъ въ здѣшнемъ обществѣ устава «Общества пособія нуждающимся лицамъ, кончившимъ высшее образованіе» (точнаго наименованія его не запомню), а между тѣмъ захворала инфлуэнцой въ первыхъ числахъ ноября и просидѣла дома эти 1½ мѣсяца по требованію доктора... Но пришли мы съ О. М. Веселкиной *) къ заключенію,

*) Сестра тогдашняго саратовскаго губернатора М. М. Веселкина и пріятельница М. В. Трубниковой. *В. С.*

что на вербовку членовъ здѣсь нечего разсчитывать, потому что Саратовъ переполненъ мѣстными благотворительными обществами, и всѣ карманы, способные вывертываться ради помощи ближнему, уже вывернуты. Болѣе шансовъ представляетъ сборъ на подписныхъ листахъ, дозволяющій всякому давать сколько захочетъ и можетъ, не налагая на себя никакихъ обязательствъ впредь... Далѣе года за свои ресурсы не ручаюсь, ибо они составляютъ и для меня совершенно неизвѣстный X. Запишите меня, если это возможно, въ члены соревнователи... Обнимаю васъ крѣпко, моя дорогая, и прошу васъ не смѣяться надъ моей копеечностью (*М. В. говоритъ тутъ про свой малый взносъ*): по одежкѣ протягивай ножки. А финансовая моя одежка представляетъ родъ Тришкина кафтана...» Это было послѣднее письмо М. В. Трубниковой къ моей сестрѣ. Она еще мечтала о помощи другимъ, о свиданіи въ Петербургѣ съ дорогими людьми, о счастливыхъ еще дняхъ. Но она не знала, бѣдная, что страшная громовая туча уже висѣла надъ нею.

«Два раза въ эту зиму (съ 1893-го на 1894-й годъ), говоритъ въ своей «Запискѣ» Вѣра Вас. Черкесова, моя сестра М. В. подверглась инфлуэнцѣ, съ воспаленіемъ легкихъ, сильно повліявшимъ на ея здоровье. Для поправки ея, дочь ея Екат. Конст. Решко перевезла ее къ себѣ въ деревню, въ Вяжлу, но тамъ, въ февралѣ 1894 года, проявился у ней рецидивъ психической болѣзни, вслѣдствіе чего она была помѣщена въ тамбовскую земскую психіатрическую больницу. Врачи объявили, что уже болѣе нѣтъ надежды на ея выздоровленіе. «Дорогая Анна Павловна, писалая моя сестра 28 іюня 1895 г. А. П. Философовой, тамбовскій докторъ сказалъ, что наша М. В. уже никогда не поправится, но что въ остальномъ она здорова: т. е. легкія и кашель не хуже какъ годъ тому назадъ, но умственно—она *погибла навсегда*. Это ужасно. Не хочу этому вѣрить...» Вмѣстѣ съ ближайшими род-

ственницами и пріятельницами М. В., моя сестра стала думать и заботиться о возможности перевоза несчастной больной въ Петербургъ, но, спустя три мѣсяца, ея и самой не стало.

Въ тамбовской больницѣ М. В. пробыла два года. Ей было тамъ, сравнительно говоря, хорошо—эта больница довольно давно уже пользуется превосходной, широко распространенной репутаціей—но все-таки родственники и друзья ревностно заботились о перемѣщеніи ея въ Петербургъ, гдѣ ее могли-бы посѣщать близкіе, и это имъ удалось. Въ январѣ 1896 года М. В. была привезена своею сестрою и ея сыномъ изъ Тамбова въ Петербургъ, и помѣщена въ Больницу Всѣхъ Скорбящихъ, на Петергофской дорогѣ. Спустя мѣсяца полтора, дозволено было роднымъ и близкимъ людямъ посѣщать ее. Мнѣ, въ числѣ другихъ, тоже удалось посѣтить ее въ мартѣ 1896 года вмѣстѣ съ моею невѣсткой, Пол. Степ. Стасовой. Мы нашли ее въ прекрасной, удобной, свѣтлой и высокой комнатѣ, съ окномъ вверху, выше человѣческаго роста. Она знала и помнила, гдѣ она находится, но только думала, что это простая лечебница. Она была очень довольна директоромъ, докторомъ Черемшанскимъ, отзывалась о немъ съ большой симпатіей, насъ двухъ, пріѣзжихъ, очень хорошо узнала, навѣдывалась съ большимъ интересомъ о старыхъ друзьяхъ и близкихъ, всего болѣе о болѣзни своего брата Петра Васильевича—не зная, что онъ уже годъ какъ скончался. Она разсказывала намъ про надежду на скорое выздоровленіе и возвращеніе къ своимъ, говорила намъ, что проводитъ время то въ чтеніи (газетъ и книгъ), то въ занятіяхъ небольшими женскими работами (вязаніе крючкомъ и вышиваніе). Но всѣ ея вязанія и вышиванія были совершенно спутаны и представляли какой-то хаосъ. Намъ она съ какимъ-то самодовольствіемъ разсказывала, что сама краситъ бумагу, изъ которой вяжетъ, и это именно—сокомъ

апельсинныхъ корокъ. Мы, конечно, ничего не возражали. Одно только лишь удивило насъ: когда мы, съ дозволенія доктора Черемшанскаго, съ большими предосторожностями, и постепенно, въ отвѣтъ на нѣсколько разъ повторенные ею вопросы, сказали ей, наконецъ, что моя сестра Надежда скончалась уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, она вдругъ сдѣлалась какъ-будто совсѣмъ холодна и равнодушна, ничего не сказала, лишь секунду помолчала, и потомъ стала говорить о другомъ. О своей бывшей пріятельницѣ она потомъ уже не спросила ни слова. Но у меня былъ съ собою оттискъ I-й моей статьи «Воспоминанія о моей сестрѣ», напечатанной въ январьской книжкѣ «Недѣли» 1896 г. Съ разрѣшенія доктора, я далъ ей въ руки эту зеленую тетрадку, прося просмотрѣть ее потомъ. Она положила ее на столикъ, сказала, что прочтетъ и сообщитъ свои замѣчанія, но потомъ опять стала говорить о совершенно другихъ дѣлахъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, уже послѣ смерти М. В., моя печатная тетрадка возвратилась ко мнѣ (привезла мнѣ ее изъ больницы В. В. Черкесова): въ ней оказались замѣтки, писанныя на поляхъ карандашомъ, но замѣтки совершенно выдуманныя, фантастическія, съ подробностями о событіяхъ 14-го декабря на Дворцовой площади, будто-бы видѣнныхъ и разсказанныхъ ей моею покойною сестрою Надеждой—но тутъ не было и тѣни какой-нибудь правды, такъ какъ моей сестрѣ было тогда всего 3 года, и, конечно, ей не приходилось быть ни на какой площади.

Во время нашего посѣщенія, М. В. была совершенно спокойна, говорила съ нами безъ всякаго напряженія, преувеличенности и волненія, говорила вполнѣ логично и послѣдовательно, но зато, какъ я волновался внутри себя, увидѣвъ вдругъ, послѣ долгихъ лѣтъ старую мою пріятельницу, худою, пожелтѣвшею и сморщившеюся, съ распущенными по пле-

чамъ сѣдыми волосами, со стекляннымъ какъ-будто неподвижнымъ взглядомъ, лишь изрѣдка оживляющимся, но почти все время печальнымъ и угрюмымъ. Она иногда вставала, ходила по комнатѣ, брала со стола и показывала намъ какую-нибудь свою работу, потомъ опять клала ее на мѣсто, возвращалась къ намъ, садилась и—курила. Она всю жизнь была великая охотница до куренья. Какъ мнѣ было больно и мучительно, среди всѣхъ нашихъ разговоровъ, сравнивать ее, мысленно, увядшую и утомленную, съ тою живою, вѣчно движущеюся, ни на минуту не посидѣвшею спокойно, словно она вся сдѣлана изъ ртути, маленькою тоненькою фигуркою, какою я зналъ ее впродолженіе столькихъ лѣтъ, и какою она запечатлѣлась у меня въ головѣ на вѣки!

Я болѣе ее не видалъ въ живыхъ. Увидалъ я ее уже—мертвую, когда на нее надѣвали, въ часовнѣ Дома Всѣхъ Скорбящихъ, послѣднюю ее одежду, послѣдніе ея чулки и башмаки, и послѣднее ея верхнее похоронное платье, и ноги ея, словно деревянные обрубки, какъ-то нечаянно вырвались изъ рукъ одѣвавшихъ ее близкихъ родственницъ, и съ глухимъ шумомъ ударили по желѣзной доскѣ, на которой она лежала. И это была передо мною та самая Марья Васильевна, на взглядъ которой, и жизнь, и улыбку, и могучія слова, полныя мысли, мы въ прежнее время бывало такъ любовались и были счастливы. Ахъ, бѣдная, бѣдная!

Она скончалась въ своей больницѣ 17 апрѣля 1897 года. Спустя два дня, мы пѣшкомъ провожали оттуда ея серебряную похоронную колесницу съ серебрянымъ гробомъ, до кладбища Новодѣвичьяго женскаго монастыря, и тамъ опустили ее въ могилу, рядомъ съ могилой ея брата Петра.

III.

Дополнительныя свѣдѣнія о Евг. Ив. Конради.

Печатая, въ 1896 году, въ книжкахъ «Недѣли» свои «Воспоминанія о моей сестрѣ», а въ нынѣшнемъ году настоящую книгу, я сообщалъ тамъ, относительно Евгеніи Ивановны Конради, всѣ свѣдѣнія, какія мнѣ удалось до тѣхъ поръ собрать съ разныхъ сторонъ. Но въ послѣднее время мнѣ посчастливилось болѣе прежняго: я получилъ довольно много еще новыхъ свѣдѣній объ Евг. Ив., которыя кажутся мнѣ очень интересными и важными для ея біографіи, а потому я и рѣшаюсь помѣстить ихъ здѣсь.

Послѣ кончины Евг. Ив. Конради, въ ея бумагахъ были найдены черновые наброски письма, которое она писала ко мнѣ въ 1896 г., изъ Парижа, въ отвѣтъ на мою просьбу: сообщить мнѣ замѣчанія и поправки къ тому, что у меня было напечатано въ томъ году про нее, въ моихъ статьяхъ: «Воспоминанія о моей сестрѣ». («Недѣля», 1896, іюнь, стран. 175—179). Это письмо никогда не было доведено до конца и не было послано мнѣ, но начало его осталось въ *девяти* разныхъ набраскахъ или редакціяхъ. Про это письмо, очень характерное и интересное, я буду подробно говорить ниже, но здѣсь, покуда, приведу оттуда лишь нѣкоторые выписки автобіографическаго характера.

Всѣ девять черновыхъ писемъ начинались заявленіемъ, что она крайне не любитъ автобіографій и считаетъ вполнѣ ненужнымъ говорить въ печати о собственной, слишкомъ незначительной особѣ. Но такъ-какъ въ моихъ «Воспоминаніяхъ о моей сестрѣ» было уже писано о ней, то она считаетъ долгомъ исправить, по крайней мѣрѣ, тѣ невѣрности и неточности, которыя оказались въ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ мнѣ нѣкоторыми изъ старинныхъ ей знакомыхъ.

Въ одномъ изъ этихъ отрывковъ она говорила: «..То, что вамъ разсказывали о блескѣ моего прирожденнаго общественнаго положенія, преувеличено. Моя мать вовсе не была урожденной княжной Несвицкой: она была просто дѣвица Цеслинская. Княжной Несвицкой была моя бабушка съ материнской стороны. Значитъ, родство съ литовской титулованной знатью, а черезъ нее и съ московской титулованной знатью отодвигается нѣсколько далеко, вглубь временъ и поколѣній. Бабушка моя вышла замужъ за простого офицера поляка, такъ-же, какъ и мать моя вышла замужъ за простого русскаго офицера. Отецъ мой, такъже, какъ и дѣдъ съ материнской стороны, принадлежали къ старому, что называется «столбовому», но вовсе не знатному и не титулованному дворянству.

«Точно также неправда, будто родители мои были богаты. Хотя дѣтство и первая юность моя и прошли среди достатка, граничавшаго въ иныхъ отношеніяхъ съ роскошью, но это былъ не прочный достатокъ, а обычная, безтолковая, раззорительная помѣщичья роскошь. Съ тѣхъ поръ какъ я себя помню, дѣла моихъ родителей были довольно запутаны, а тутъ еще несчастная претензія тягаться съ дѣйствительно богатой и знатной родней! Чтобъ удовлетворить этимъ претензіямъ, безъ которыхъ жизнь была не въ жизнь, мой отецъ задумалъ завести фабрику, и, надо отдать ему справедливость, впрягся онъ въ эту лямку ради того, въ чемъ ему мерещилось благополучіе семьи, очень самоотверженно и съ замѣчательной выдержкой. Откинувъ всѣ свои дворянскія и прежнія офицерскія привычки, онъ втеченіе многихъ лѣтъ велъ жизнь приказчика, ставя свой личный комфортъ ни во что. Но, въ концѣ концовъ, все это оказалось праздною игрою: онъ всетаки попался въ тиски къ купцу, который и прибралъ понемногу къ рукамъ все наше состояніе. Ко времени смерти моего отца (мнѣ было въ то время лѣтъ 20) раззоренье было полное. Не я о томъ жалѣть буду...»

Въ другомъ отрывкѣ Е. И. говоритъ: «Точно также вамъ невѣрно передали, будто я получила хорошее образованіе. Образованіе я получила самое плохое, или вѣрнѣе—ровно никакого. Судите сами: ученье мое, собственно говоря, кончилось, когда мнѣ было 14 лѣтъ. До этого, меня, изъ тщеславія, буквально морили уроками, не давали ни минуты вздохнуть, но изъ всей этой муштры я ровно ничего не вынесла, и первымъ дѣломъ, какъ только кончилась муштра, превратилась изъ образцовой дѣвочки въ отчаянную лѣнтяйку и шалунью. Года четыре я ровно ничего не дѣлала и только наверстывала дѣтство, которое у меня отняли. Тѣмъ не менѣе, эти годы я не считаю потерянными. Затѣмъ, тотъ балластъ, который я вынесла изъ своего домашняго образованія, заключался въ слѣдующемъ: я болтала бойко на трехъ иностранныхъ языкахъ, но, какъ и у всѣхъ барышенъ, воспитанныхъ, какъ была воспитана я, это кажущееся многоязычіе сводилось къ небольшому числу вокабулъ, совершенно достаточныхъ для выраженія того ограниченнаго количества мыслей, изъ которыхъ состоялъ мой умственный обиходъ. Позднѣе, я дѣйствительно овладѣла вполнѣ иностранными языками до тонкости, вполнѣ, но это уже гораздо позднѣе. По-русски я въ 18 лѣтъ еще писала безграмотно...»

Еще въ другомъ отрывкѣ Е. И. говоритъ: «Полное раззореніе нашего семейства и заставило меня послѣ смерти отца жить своимъ трудомъ. Другой выходъ, вернуть утраченное общественное положеніе посредствомъ выгоднаго замужства,—къ чему меня самымъ доброжелательнымъ образомъ склоняли дамы «нашего круга»,—былъ для меня уже не мыслимъ. Я въ то время была уже тронута «вѣяніемъ времени», и жизнь своимъ трудомъ нетолько не пугала меня, но, напротивъ, манила, какъ освобожденіе отъ безчисленныхъ мелкихъ стѣсненій, спутывавшихъ мое существованіе кисейной барышни. Но въ этомъ переходѣ изъ одно-

го положенія въ другое не было ничего героическаго, драматическаго. Все обошлось очень просто...»

Ни въ одномъ изъ черновыхъ отрывковъ нѣтъ свѣдѣній о поступленіи Е. И. Конради на службу въ Петровскій женскій Институтъ въ Москвѣ, классной дамой и преподавательницей, но свѣдѣнія эти я получаю изъ записки, написанной въ недавнее время (1899) Софьей Александровной Усовой, вдовой покойнаго, очень извѣстнаго профессора физики, Ал. Степ. Усова, и въ своей ранней молодости воспитывавшейся именно въ этомъ институтѣ. Вотъ разсказъ С. А. Усовой:

«Въ 1858 году, или въ началѣ 59, въ Москвѣ, въ Петровскій женскій институтъ поступила, въ качествѣ классной дамы и преподавательницы англійскаго языка въ старшихъ классахъ, Евгенія Ивановна Бочечкарова. Одно уже появленіе ея произвело у насъ сенсацію. Насъ, ея будущихъ воспитанницъ, поразила ея удивительная красота и молодость, да и не насъ однихъ поразила ея красота. Попечительница заведенія, Варвара Евграфовна Чертова (кажется еще живая) видимо любовалась и какъ-бы гордилась ею, и сама привезла ее представить и начальницѣ заведенія, и намъ воспитанницамъ, чего никогда не дѣлала раньше. Но красота Евгеніи Ивановны была только первымъ толчкомъ къ тому, чтобы мы отнеслись къ ней иначе, чѣмъ къ остальнымъ классным дамамъ и преподавателямъ.

«Очень скоро ея умственное и нравственное вліяніе на насъ выдвинулось на первый планъ, и вліяніе это она пріобрѣла не постепенно, не системой, или педагогическими пріемами (которые, вѣроятно, въ то время и самой ей были чужды), а сразу въ силу своей личности. Она была, да и всегда такой оставалась, та̀къ впечатлительна, та̀къ воспріимчива, такъ переполнена мыслями и идеями, что у нея у самой была потребность и высказаться, и возбудить другихъ, расширить

ихъ умственный кругозоръ, такъ-же, какъ и ея собственнымъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ умственнымъ силамъ и прекрасному домашнему образованію былъ данъ толчокъ въ домѣ извѣстной тогда, въ Москвѣ, очень развитой и образованной женщины, Бахметевой, гдѣ Евгенія Ивановна, до своего поступленія въ институтъ, часто бывала, и гдѣ встрѣчала всѣхъ выдающихся тогда въ Москвѣ людей литературнаго и ученаго міра; между прочими, встрѣчала она тамъ и братьевъ К. и И. Аксаковыхъ.

«Врядъ-ли, на первыхъ порахъ по крайней мѣрѣ, Евгенія Ивановна задавалась вопросомъ, на-сколько мы подготовлены понять ее и воспринять ея идеи и убѣжденія. И дѣйствительно, довольно продолжительное время, только человѣка 4 или 5 изъ насъ, не съ ранняго дѣтства поступившія въ институтъ, или гораздо лучше одаренныя, могли не только слушать ее, но и бесѣдовать съ нею, и задаваться вопросами по поводу слышаннаго; другія-же (и я въ томъ числѣ) были ошеломлены слышаннымъ ими: ихъ какъ-бы озаряла и въ то-же время ослѣпляла молнія. Все прежнее затуманивалось, а новое оставалось съ едва замѣтными и трудно уловляемыми очертаніями. Но Евгенія Ивановна высказывалась съ такой горячностью и страстностью, что разъ подойдя, уйти уже не возможно было: какъ-то невольно и жутко тянуло опять въ эту еще не понятную атмосферу. Она вводила большинство изъ насъ въ совершенно новый міръ понятій: говорила о Гарибальди, объединеніи Италіи, о Герценѣ, о возмутительности крѣпостнаго права, читала намъ «Современникъ», политическія, критическія статьи. Въ институтѣ не было даже библіотеки, а журналы были запрещены, библіотека начала организоваться только въ 59-мъ году. Изъ бельлетристики она прочла намъ, какъ только появилась, повѣсть Тургенева «Наканунѣ», которой тогда придавали большое значеніе и разсматривали почти какъ выдающееся событіе, вслѣдствіе уже начавшаго-

ся тогда движенія въ пользу женской самостоятельности и равноправности, въ пользу которыхъ, въ отношеніи равнаго высшаго образованія женщинъ, такъ много потомъ и впереди всѣхъ сдѣлала и сама Евгенія Ивановна.

«Каждую свободную нашу минуту мы окружали Евгенію Ивановну въ дни ея дежурства, и часто она отдавала много времени намъ изъ дней своего отдыха и личныхъ занятій. Вотъ одинъ изъ примѣровъ, какъ было сильно и непосредственно ея вліяніе на насъ. Я уже упоминала, что Евгенія Ивановна встрѣчала Аксаковыхъ у Бахметевой, но ни тогда, ни впослѣдствіи Евгенія Ивановна не была склонна къ славянофильству, съ Аксаковыми только встрѣчалась, но очень цѣнила Константина Аксакова и какъ писателя, и какъ человѣка.

«Разъ во время ея съ нами урока англійскаго языка, ее вызвали въ пріемную; въ ея отсутствіи мы шумѣли и дурачились; черезъ четверть часа она вернулась, блѣдная, взволнованная, и сказала глухимъ голосомъ: «Знаете, Константинъ Аксаковъ умеръ». Мы тотчасъ затихли и невольно ощутили какую-то громадную потерю, хотя очень многія изъ насъ и произведеній С. Т. Аксакова не читали, а о дѣятельности Константина Аксакова и понятія не имѣли.

«Присутствуя по своей обязанности при урокахъ учителей, она заставляла насъ глубже вдумываться въ то, что говорилъ учитель, такъ какъ по ея выразительному лицу мы ясно видѣли, когда на немъ отражалось неодобреніе, нисколько ею не скрываемое, искаженія или невѣрнаго освѣщенія событій учителемъ исторіи, или-же замѣчали ея неодобреніе выражаемаго мнѣнія учителя, или отношенія къ намъ какого-нибудь учителя, или кого-либо изъ насъ къ тому или другому учителю. Вообще она не уставала желать сдѣлать насъ лучше въ всѣхъ отношеніяхъ, а

это очень рѣзко разнилось отъ чисто-формальнаго отношенія почти всѣхъ другихъ.

«Она-же положила начало нашему отношенію къ націонализму, что ярко потомъ проявилось во время польскаго возстанія: мы могли устоять противъ всеобщаго почти возбужденія, а часто и ненависти, къ полякамъ, которыя господствовали тогда во многихъ кружкахъ Москвы.

«Въ религіозномъ отношеніи она никогда не шла противъ самой вѣры, но страшно возмущалась, когда видѣла, что вѣра наша проявляется, а часто и ограничивается, только внѣшнимъ идолопоклонствомъ: стремленіемъ добыть святой воды, повѣшенной у иконы, чтобы имѣть ее на урокахъ для будто-бы болѣе успѣшныхъ отвѣтовъ, или проползаніе подъ иконой, которую всегда «подымали» въ учебныхъ заведеніяхъ передъ экзаменами.

«Къ нашему великому горю, все это скоро сдѣлало, въ глазахъ начальства, пребываніе Евгеніи Ивановны въ учебномъ заведеніи невозможнымъ, что она и сама увидѣла, и потому, пробывъ не больше года, отказалась и уѣхала гувернанткой въ Ярославль, гдѣ тоже боролась со всѣмъ, что считала вреднымъ и возмутительнымъ въ общественномъ и нравственномъ смыслѣ и, конечно, тоже оставалась тамъ не долго.

«Вернувшись въ Москву, она скоро вышла замужъ за доктора Конради, и переѣхала въ Петербургъ, гдѣ и началась ея литературная и общественная, въ смыслѣ женскаго вопроса, дѣятельность. Впрочемъ, еще будучи въ институтѣ, она занималась переводами, и прекрасно перевела романъ Дж. Элліотъ «Адамъ Бидъ» (не помню, что еще перевела). На первыхъ порахъ ея литературной дѣятельности, ей помогалъ своими указаніями и своимъ знакомствомъ съ писателями и редакторами журналовъ полковникъ Лавровъ (впослѣдствіи извѣстный публицистъ и эмигрантъ)».

И такъ, по выходѣ изъ московскаго женскаго

института Е. И. короткое время прослужила гувернанткой въ одномъ частномъ домѣ, а въ началѣ 1860 годовъ вышла замужъ за доктора Конради и переѣхала въ Петербургъ. Какіе были въ это время ея занятія, планы, намѣренія, мысли и предпринятія, мы узнаемъ изъ ея писемъ.

Незадолго до своей кончины, въ августѣ 1897 года, Елена Андреевна Штакеншнейдеръ передала мнѣ, въ числѣ многихъ писемъ къ ней отъ разныхъ личностей, бывшихъ ревностными дѣятелями 60-хъ и 70-хъ годовъ по женскому вопросу, два письма Евг. Ив. Конради, заключающихъ не мало интереснаго и рисующихъ многія стороны тогдашней ея жизни.

Въ одномъ изъ этихъ писемъ, относящихся (по словамъ Елены Андреевны) къ веснѣ 1863 или 1864 года, Евг. Ив. говоритъ: «...А теперь о нашихъ бабьихъ дѣлахъ. Я передавала кое-кому наши мечты объ устройствѣ башмачной. Кажется, есть надежда, что это не останется мечтою, но для этого мнѣ необходимо переговорить съ вами и со Стасовой. Вы, кажется, бываете у ней по воскресеньямъ: устройте, пожалуйста, такъ, чтобы мнѣ съ нею увидѣться у васъ. Пускай она назначитъ день, когда будетъ, только, если можно, въ до-обѣденное время, и я приду. Передайте ей также, что я говорила съ Благовѣщенскимъ о Быковой *, и онъ обнадежилъ меня работою для нея въ «Русскомъ Словѣ», только, разумѣется, работа будетъ дана въ видѣ пробы... На счетъ Бенедиктова, мы съ вами какъ-нибудь поѣдемъ къ нему en députées. Я на это уполномочена. Онъ, конечно, un cavalie galant, прочитаетъ намъ не одно свое стихотвореніе, и намъ можно будетъ выбрать что-нибудь подходящее. Записку эту разорвите, а то она, почемъ знать, можетъ

---

* Марья Арсеньева Быкова, урожденная Богданова, очень извѣстная въ тѣ годы, очень образованная и интеллигентная преподавательница. *В. С.*

дать поводъ къ подозрѣнію. Какъ-же? Башмачная! Не государственный-ли какой-нибудь переворотъ затѣвается? И вообще, не разговаривайте объ этомъ планѣ ни съ кѣмъ, кромѣ Стасовой, а то, прежде, чѣмъ мы успѣемъ что-нибудь сдѣлать, други и недруги навяжутъ намъ такія забористыя стремленія, что все дѣло пойдетъ къ чорту. Фи! въ какое глупое время мы живемъ, просто страшно заглянуть...» (*продолженіе письма не сохранилось*).

Въ другомъ письмѣ того-же приблизительно времени, Е. И. писала: «Я уѣзжаю на-дняхъ и пробуду въ деревнѣ все лѣто. Вамъ уже, конечно, извѣстно, что у меня на-дняхъ была Стасова. Говорили съ нею о ея проектѣ школы, и, какъ обыкновенно бываетъ, ни до чего не договорились. Сочувственно я къ этому дѣлу отнестись не могла по многимъ причинамъ: во-первыхъ, все дѣло основано на благотворительности, самомъ шаткомъ основаніи, какое только можно придумать, а во-вторыхъ, самая благотворительность выходитъ какая-то копеечная. Десять человѣкъ дѣвочекъ хотятъ кормить 3-мя фунтами мяса въ день, на томъ основаніи, что у нихъ дома и этого не бываетъ. Конечно, бѣдные не имѣютъ права быть взыскательными, но, съ другой стороны, надо-же и съ ними немножко поцеремониться. Пробовала я ей представить свои возраженія въ возможно мягкой формѣ, но изъ этого ничего не вышло...»

Е. И., по словамъ ея хорошихъ и близкихъ знакомыхъ, вовсе не имѣла способности ни къ чему хозяйственному, разсчетливому, экономическому, любила бросать деньги, когда они у ней были въ рукахъ. Поэтому, когда для школы, затѣваемой въ то время моею сестрою, средствъ на лицо было мало, и надо было, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, сильно сжиматься, Е. И. не хотѣла слышать никакихъ резоновъ, и требовала всякаго для будущихъ учеництъ комфорта, удобствъ и благосостоянія. Исполнить ея

желаніе не было возможности, — и она на приняла участія въ предпріятіи. Школа была заведена помимо нея; обставлена она была сначала довольно бѣдно, потомъ устроилась лучше. Это та самая школа, устроенная при «дешевыхъ квартирахъ», про которую было говорено у меня выше, въ § 5-мъ, на стр. 70 и 71. Она принесла не мало пользы на своемъ вѣку. Этого впередъ не ожидала Евг. Ив. Конради.

Въ теченіе 60-хъ годовъ Е. И. довольно много занята была литературой, писала критическія статьи и обозрѣнія, иногда компиляціи, но также много переводила съ иностранныхъ языковъ для разныхъ петербургскихъ журналовъ (см. выше, стр. 161—164), наконецъ, въ декабрѣ 1867-го года совершила тотъ подвигъ—подала въ съѣздъ естествоиспытателей знаменитую свою «петицію» о высшемъ женскомъ образованіи, которая есть, безъ сомнѣнія, главный фактъ ея жизни. Объ этой «петиціи» достаточно подробно говорено у меня выше, въ главѣ V-й, на страницахъ 166—171.

Какъ было у меня указано уже выше, въ 1869 и 1870 годахъ Е. И. Конради довольно много участвовала въ дѣлѣ устройства въ Петербургѣ публичныхъ лекцій для женщинъ, совмѣстно съ мужчинами, сначала на Васильевскомъ острову, а потомъ въ домѣ министерства внутреннихъ дѣлъ у Александринскаго театра. Въ письмѣ отъ 5 января настоящаго (1899) года, М. К. Цебрикова говоритъ мнѣ: «Напомню вамъ, что Е. И. была въ числѣ первой серіи дамъ и дѣвицъ, дежурившихъ на вечернихъ курсахъ въ домѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. На учебный курсъ 1870—71 года предполагалось читать болѣе предметовъ, и число 12-ти дежурныхъ женщинъ оказалось недостаточнымъ. Каждая дежурная пригласила себѣ помощницу. Е. И. Конради пригласила меня. Лѣтомъ того-же года, я, вмѣстѣ съ нею, бывала у «главной настоятельницы» (какъ Над. Вас. Стасову называли сторожа), на

дачѣ въ Парголовѣ, вмѣстѣ съ другими «дежурными», для совѣщаній по нашимъ дѣламъ. Такъ началось первое мое знакомство съ Н. В. Стасовой».

Осенью 1871 года Е. К. Конради вышла изъ Общества, вмѣстѣ съ нѣкоторымы другими товарками, вслѣдствіе происшедшаго несогласія мнѣній *.

Что касается меня, мое знакомство съ Е. И. Конради относится къ 1869 году, и я нахожу свѣдѣнія о томъ въ одномъ письмѣ М. В. Трубниковой, изъ-за границы, гдѣ она лечилась. Она писала моей сестрѣ 7/19 апрѣля: «Напишите мнѣ, что подѣлываетъ знакомство В. В. съ Евг. Ив. Конради? Какъ-же онъ, совершенно-ли очарованъ, или совершенно разочарованъ? При моемъ отъѣздѣ былъ еще хаосъ, но должна-же была наступить «суббота» (совершенно не по порядку мірозданія), въ которую «бысть свѣту»... Пусть онъ напишетъ мнѣ самъ, что сказалъ ему сфинксъ, такъ долго тревожившій его любопытство...»

Эти слова относятся къ тому, что, познакомившись съ Евг. Ив. Конради, скоро послѣ ея дѣла съ «петиціей», я иногда бывалъ у нея по субботамъ, на ея маленькихъ литературныхъ собраніяхъ, гдѣ обыкновенно присутствовали ея литературные товарищи, друзья и товарищи по редакціи газеты «Недѣля». Она производила тогда на всѣхъ знакомыхъ своихъ очень сильное впечатлѣніе и умомъ, и образованностью своею, и сильнымъ, рѣшительнымъ характеромъ, и иниціативою.

Елизавета Петровна Свѣшникова, близкая пріятельница Евгеніи Ивановны въ 70-хъ годахъ, очень вѣрно рисуетъ (въ письмѣ ко мнѣ) интеллектуальный и моральный обликъ ея въ слѣдующихъ строкахъ:

«Евгенія Ивановна ярко воспринимала впечатлѣнія, и столь-же ярко передавала ихъ, страстно откликаясь на всякую общественную несправедливость, и на вся-

---

* См. выше, стр. 261. *В. С.*

кое проявленіе зауряднаго общественнаго равнодушія. Она увлекала однихъ и раздражала другихъ своею прямотой и рѣзкостью своихъ сужденій. Въ ней было много обаятельности для людей, не пугавшихся ея «страшныхъ» словъ, когда она входила въ паѳосъ и брала черезъ мѣру. Всюду, гдѣ требовалось живое участіе въ общественномъ дѣлѣ, она горячо бросалась впередъ, съ огромной вѣрой въ свои личныя силы, и безъ оглядки на мнѣнія другихъ, но не вслѣдствіе самомнѣнія и самообольщенія, какъ могло иногда казаться, а вслѣдствіе самаго искренняго стремленія достичь цѣли. Она не владѣла ровнымъ, упорнымъ, методическимъ трудомъ — тѣмъ трудомъ, который, по пословицѣ, «долбитъ камень». Въ ея характерѣ было—бросаться на приступъ. Она всегда кипѣла, и особенно тогда, когда принимала сдержанный, чинный видъ, такъ неподходившій къ ея живой натурѣ. Быть безпристрастной къ событіямъ и къ людямъ для нея было трудно, почти невозможно, хотя она умѣла и видѣть, и думать. Помимо ея воли, то, что она видѣла, и хорошо, ясно видѣла, выростало въ ея глазахъ въ хорошую или дурную сторону. Воображеніе работало у нея чрезвычайно живо, и въ связи съ этимъ, надо сказать, что лучшія статьи ея—статьи не написанныя. Постоянно случалось, что по поводу каждаго волновавшаго ее явленія (а волновавшихъ явленій было много), она говорила: «я напишу». Но вмѣсто того, чтобы писать, она говорила; ея рѣчь лилась свободная, блестящая сильная, стройная. Хотѣлось не ждать, когда она *напишетъ*, а сейчасъ-же *записать*, стенографировать привычной, искусной рукой. Устный слогъ ея былъ легкій, образный, сжатый; подъ перомъ онъ расплывался и тяжелѣлъ. Помню, что разъ она импровизировала превосходный фельетонъ о писателяхъ и ихъ роли въ общественной жизни, о типѣ писателя, какимъ мы жаждемъ его имѣть, и о тѣхъ суррогатахъ, которые идутъ повсюду вмѣсто него. Попробовала она этотъ

фельетонъ написать, и онъ расплылся, сталъ длиненъ, скученъ. Прочла она его вслухъ, чтеніе заняло три часа съ чѣмъ-то; но это былъ уже и не фельетонъ, и не статья, а такъ что-то неудачное. Евгенія Ивановна не шутя опечалилась, и недоумѣвала, какъ это случилось. Она разсчитывала «переписать» его, но увѣренности уже не было, трудъ пропалъ, а съ нимъ и ожидаемый гонораръ. А между тѣмъ забота о завтрашнемъ днѣ стояла передъ нею всегда грозою. Являлись деньги, она тратила ихъ порывисто, разомъ, не жалѣла ихъ ни для себя, ни для другихъ, увѣренная, что всѣмъ затрудненіямъ пришелъ конецъ, что черезъ недѣлю она заработаетъ столько-же, или, пожалуй, еще гораздо больше, что это ничего не стоитъ, ничего не требуетъ, кромѣ ея личной воли. И она обсчитывалась почти постоянно...

«На редакторскихъ субботахъ, когда собирались къ Евг. Ив. для совѣщанія по дѣламъ газеты и для литературнныхъ бесѣдъ, всѣ сотрудники, а частью и друзья Евгеніи Ивановны, было слишкомъ ясно то, насколько выдавалась она между всѣми и по умственнымъ силамъ, и по блеску своего образованія и начитанности, что всѣ, можетъ быть и безсознательно, какъ-бы признавали именно ее редакторомъ и руководителемъ дѣла, да довольно скоро и самъ издатель передалъ ей оффиціальное редакторство. Когда дѣла издателя «Недѣли», Генкеля, пришли въ упадокъ и онъ не могъ продолжать изданіе газеты, «Недѣля» и совсѣмъ перешла къ Евгеніи Ивановнѣ и она, всегда вѣрная себѣ, не смотря на то, что газета была ея, ни за что не хотѣла быть единоличной владѣтельницей газеты, а привлекла нѣсколько человѣкъ къ совмѣстной работѣ и равнымъ съ нею правамъ. Но, къ сожалѣнію, неудача газеты въ матеріальномъ отношеніи скоро заставила, какъ сотрудниковъ ея, кромѣ Гайдебурова, такъ и самое Евгенію Ивановну оставить газету совсѣмъ.»

Я испытывалъ къ Е. И. такую-же симпатію, какъ

и всѣ; я съ удовольствіемъ встрѣчался съ нею, бывалъ у нея, любилъ ее слушать, съ нею разговаривать, часто также и спорить о литературныхъ и тогдашнихъ общественныхъ дѣлахъ, но это знакомство какъ-то у насъ не клеилось: всѣ ея гости и посѣтители были мнѣ совершенно чужды и далеки, и скоро я пересталъ у ней бывать.

Слышалъ я о ней въ тѣ годы очень мало, и только зналъ въ очень общихъ чертахъ, что она сдѣлалась редакторшей купленнаго ею журнала «Недѣля» и ведетъ его совершенно самостоятельно. Позже, въ 1884 году, я слышалъ, только, что она уѣхала заграницу, жила сначала въ Цюрихѣ, потомъ въ Парижѣ, и занималась тамъ переводами съ иностранныхъ языковъ, писала литературныя и иныя обозрѣнія, а также иногда компиляціи.

Но когда въ первой половинѣ 1895 года, послѣ смерти моей сестры Надежды, я обратился къ Е. И. Конради въ Парижъ съ просьбой (какъ у меня выше уже сказано) сообщить мнѣ свои замѣчанія на мои «Воспоминанія о моей сестрѣ», она писала мнѣ, въ своемъ недоконченномъ и не посланномъ мнѣ письмѣ:

«Только-что получила ваше письмо и спѣшу отвѣтить вамъ. Я, впрочемъ, все равно написала-бы вамъ на-дняхъ, такъ какъ у меня былъ отъ вашего имени г. Антокольскій и передалъ мнѣ ваше желаніе имѣть обо мнѣ вѣсти. Я, конечно, раньше знала о кончинѣ Надежды Васильевны. Было-бы излишне говорить вамъ о глубокомъ сочувствіи моемъ къ вашему горю. Н. В. была одна изъ тѣхъ чистыхъ личностей, передъ которыми и посторонніе останавливаются съ уваженіемъ. Этого мало,—нравственная безупречность ея была согрѣта такой добротой, что къ уваженію примѣшивалось чувство невольнаго умиленія. И главное, въ этой добротѣ не было ничего дѣланнаго, надуманнаго, ни самомалѣйшаго разсчета тщеславія или честолюбія. Она, навѣрное, и сама не подозрѣвала въ себѣ этого

свойства, и если оно проявлялось въ ея поведеніи и поступкахъ, то это выходило непосредственно, вовсе не потому, чтобъ она изъ какого-нибудь разсчета, или даже принципа считала нужнымъ такъ поступать, а потому, что она иначе поступать не умѣла и не могла. Словомъ, она была тотъ человѣкъ, про котораго Шиллеръ говоритъ: «Der gute Mann in seinem inneren Drange ist des rechten Weges stäts bewusst». Я не знала ее въ молодости. Когда я познакомилась съ нею, она была уже пожилой дѣвушкой, но для того, чтобы уцѣлѣть такимъ чистымъ и добрымъ человѣкомъ, нужно было и въ молодости быть до мозга костей хорошимъ человѣкомъ. Что касается собственно (такъ называемаго) «женскаго высшаго образованія», съ которымъ ея, а отчасти и мое имя связано, то j'aurais bien des réserves à faire, относительно плодотворности результатовъ, достигнутыхъ этимъ дѣломъ. Я потому и устранилась отъ него впослѣдствіи, что увидѣла, что при данныхъ общихъ условіяхъ, оно не можетъ развиваться въ желательномъ для меня направленіи. Но мой выходъ изъ того первоначальнаго дамскаго кружка, который поднялъ этотъ вопросъ, отнюдь не имѣлъ характера личной ссоры съ кѣмъ-либо изъ членовъ этого кружка, и, всего менѣе, съ Надеждой Васильевной. Для этого всѣ мы были слишкомъ порядочные люди: мы могли расходиться во взглядахъ на общіе принципіальные вопросы, но никакихъ личныхъ дрязгъ между нами не было. Поэтому, и послѣ моего выхода, я съ отдѣльными членами, оставшимися въ кружкѣ, сохранила добрыя отношенія. Я уважала ихъ лично, и, думаю, и онѣ меня уважали. Что касается вашей сестры, то я всего болѣе оцѣнила ее именно въ то время, когда, уже совершенно помимо меня, возникнули Бестужевскіе курсы. Не въ ея власти было сдѣлать изъ нихъ нѣчто лучшее. Но она многимъ мерзостямъ помѣшала. Цѣлыя 10 лѣтъ она, женщина пожилая и достаточная, не имѣвшая надобности работать изъ-за денегъ,

да и не получавшая за свой каторжный трудъ ни копейки (вѣрнѣе, она своего прикладывала), изо-дня въ день и изъ года въ годъ несла обузу этого мелочнаго, неблагодарнаго «распорядительства.» Были, правда, и другія личности, столь-же неутомимо подвизавшіяся въ однородныхъ должностяхъ, напримѣръ, г-жа X. (на другихъ учебныхъ стадіяхъ): эта трудилась много, но ублажалась своею ролью начальства и была просто-напросто квартальнымъ въ юбкѣ; за то ее и ненавидѣли, и ни въ грошь не ставили. И были правы. Но лучшая и симпатичнѣйшая сторона Н. В. именно въ томъ и состояла, что она совсѣмъ не была начальствомъ: ей это даже и въ голову не приходило. А между тѣмъ, вся ея кропотливая, неблагодарная дѣятельнсcть была стиснута съ трехъ сторонъ: съ одной стороны—высшеначальственные bâtons dans les roues, съ другой стороны — Лиса-Патрикѣевна Бестужевъ, съ третьей стороны—слушательницы, между которыми, конечно, были всякія, но которыхъ нельзя-же было отдавать на съѣденіе... И въ этихъ тискахъ она все-таки умѣла извиваться такъ, чтобы никому не сдѣлать зла, и, по возможности, мѣшать злу, которое безъ нея непремѣнно совершилось-бы. Какъ жаль, что въ настоящее время нельзя разсказать нѣкоторыя черты именно изъ этой стороны ея дѣятельности, которыя мнѣ извѣстны даже вовсе не отъ нея, а совсѣмъ стороною. Я съ величайшимъ удовольствіемъ готова сообщить вамъ все, что я о ней знаю, а также всю исторію того періода, когда мы съ нею работали вмѣстѣ...»

Къ несчастію, это обѣщаніе никогда не исполнилось.

Впрочемъ, именно про этотъ самый періодъ ея жизни и жизни моей сестры, она мнѣ писала въ другомъ черновомъ отрывкѣ того-же письма: «На многіе изъ вопросовъ, которые вы мнѣ предлагаете, я не могу отвѣтить, просто потому, что забыла подробности той старины стародавней, когда, отчасти по моему по-

чину, былъ поднятъ, выражаясь высокимъ слогомъ, вопросъ о высшемъ женскомъ общемъ образованіи. Такъ много воды утекло съ тѣхъ поръ, такъ много другихъ событій заслонили въ моей памяти этотъ эпизодъ моей жизни,—гдѣ-жь мнѣ было упомнить всѣ частности и мелочи, хронологическую послѣдовательность разныхъ этаповъ, по которымъ надвигалось дѣло. Въ этомъ отношеніи вы сдѣлали въ своихъ «Воспоминаніяхъ» о вашей сестрѣ, высокоуважаемой Н. В., все что можно было сдѣлать. Вы возстановили исторію этого эпизода по тѣмъ документальнымъ слѣдамъ, которые онъ оставилъ въ нашей прессѣ *, и сдѣлали это такъ обстоятельно, что мнѣ къ сообщеннымъ вами подробностямъ добавить рѣшительно нечего. Вы упомнили и напомнили эти подробности гораздо лучше, чѣмъ то могла-бы сдѣлать я...».

Въ другомъ отрывкѣ она также говорила мнѣ: «Въ Парижѣ, откуда я вамъ пишу, я не имѣю возможности возстановить пробѣлъ моей памяти по газетамъ и журналамъ того времени, да и надобности въ томъ нѣтъ: всю документальную часть этого эпизода вы воспроизвели съ такою обстоятельностью, къ которой я едва-ли могла-бы что-нибудь прибавить. То, что я могу сообщить вамъ изъ сохранившихся у меня воспоминаній, касается скорѣе другихъ фактовъ, не засвидѣтельствованныхъ никакими документами: въ нихъ сказывается связь этого частнаго эпизода съ общимъ настроеніемъ того времени, а потому, какъ мнѣ кажется, разсказъ мой не потеряетъ, а скорѣе выиграетъ отъ того, что въ него не войдутъ позабытыя мною подробности; сущность того, что я хочу сказать, выступитъ, быть можетъ, благодаря этому, даже болѣе

---

* Евг. Ив. Конради нѣсколько ошиблась въ этомъ мѣстѣ. Наибольшее количество моихъ документовъ были не документы *печатные*, а *письменные*, записки моей сестры и очень многихъ ея товарищей и друзей. *В. С.*

отчетливо и рельефно *)... Прекраснѣйшія намѣренія въ счетъ не идутъ, не идетъ даже въ счетъ сознаніе, что никакой ошибки съ твоей стороны не было, и что, при данныхъ условіяхъ, ничего бо́льшаго и сдѣлать было нельзя. Такъ вотъ, примѣняя это мѣрило къ себѣ, я не могу быть особенно довольна результатами своей тогдашней иниціативы; не то, чтобъ я имѣла причины раскаиваться въ ней, или, тѣмъ паче, стыдиться ея; не то, чтобы мой тогдашній взглядъ на этотъ предметъ измѣнился въ существенныхъ своихъ чертахъ. Нѣтъ! А просто потому, что достигнутые результаты слишкомъ далеки отъ моихъ тогдашнихъ и теперешнихъ «desiderata». Поэтому я и не могу, по совѣсти, признать себя заслуживающей большія похвалы, когда въ дѣйствительности было сдѣлано такъ мало. Вы мнѣ позволите отложить поясненія вышесказаннаго—до второй половины моего письма **). Въ этой второй половинѣ наши съ вами оцѣнки, не только относительно моей «Kleine Wenigkeit», но и вообще относительно значенія этого женско-вопроснаго нашего движенія, не совсѣмъ совпадутъ, но вы, конечно, первый признаете за мною право высказать мой взглядъ на это дѣло, тѣмъ болѣе, что именно этотъ взглядъ былъ причиною того, что я отъ женскаго вопроса впослѣдствіи устранилась. Я предпочла-бы остаться вовсе позабытой. Но разъ вы воскресили меня изъ моего забвенія, надо-же мнѣ сказать, почему я, положивши начало дѣлу, затѣмъ отошла въ сторону...».

Этого обѣщаннаго объясненія Евг. Ив. никогда не дала, но, кажется, мы имѣемъ все право прійти къ тому заключенію, что въ 1896 году она осталась тою самою благородною, но упорною и неизлечимой идеалисткой, какою была въ 1863 году, когда отказалась

---

*) Это намѣреніе никогда не было исполнено. *В. С.*

**) Эта вторая половина письма вовсе не была написана. *В. С.*

участвовать въ устройствѣ школы (см. выше, стр. 487), и, какъ разсказывается въ Эзоповой баснѣ, выпускала изъ ргу дѣйствительный реальный кусокъ мяса, стараясь схватить въ водѣ фантастическую тѣнь.

Про свои ближайшія, интимныя отношенія, Евг. Ив. писала мнѣ, въ одномъ изъ этихъ-же черновыхъ отрывковъ: «... Я доживаю свой вѣкъ старой бобылихой. Смерть, а также и жизнь, выкосили вокругъ меня пустое пространство. Семьи, которой сами собою передаются разсказы о своемъ прошломъ, у меня нѣтъ. Правда, я настолько счастлива, что еще сохранила друзей, которыхъ не успѣли у меня отнять ни смерть, ни жизнь. Я ихъ горячо люблю, и мнѣ отрадно думать, что и они меня не разлюбили. Но изъ нихъ никто не былъ свидѣтелемъ всей моей жизни. Изъ немногихъ, уцѣлѣвшихъ друзей моей первой молодости, самый лучшій, самый драгоцѣнный—моя сестра. Судьба разбросила насъ, совсѣмъ еще молоденькими женщинами, на далекое географическое разстояніе. Мы съ нею свѣковали свой вѣкъ на двухъ противоположныхъ концахъ Россіи, она—на югѣ, я—на сѣверѣ. Друзья позднѣйшаго періода моей жизни очень мало знаютъ о моей первой молодости, и какъ-то такъ случилось, что именно отъ той поры моей жизни, о которой вы говорите, т. е. отъ конца 60-хъ годовъ, у меня не осталось никого близкаго. Поэтому неудивительно, что доставленныя вамъ свѣдѣнія оказались не вѣрны (отчасти). Ну, словомъ: грѣхъ пополамъ. Я вамъ принесла свою «mea culpa» за свое глупое, русское, прекраснодушное собиранье писать, и гаданье на пальцахъ *), а теперь принесите вашу «mea culpa», попросту говоря, исправьте тѣ ошибки, въ которыя васъ ввели невѣрныя сообщенія» **).

---

*) Въ началѣ своего письма, Е. И. довольно пространно каялась мнѣ, что слишкомъ долго собиралась отвѣчать мнѣ, по русскому неряшеству. *В. С.*

**) Я такъ и сдѣлалъ въ настоящемъ изданіи. *В. С.*

Про свои отношенія къ прежнимъ товарищамъ по изданію «Недѣли», Е. И. говорила: «...Раза два за послѣдніе годы случалось, что господа, съ которыми сталкивали меня разныя житейскія случайности, но съ которыми я близка никогда не была, и которые о моей личной жизни знали столько же, сколько могъ знать и дворникъ моей квартиры, а пожалуй и того меньше, преподносили публикѣ, съ изумительной развязностью, разные анекдоты и характеристики моей особы. Всего противнѣе было то, что въ оправѣ этихъ анекдотовъ и характеристикъ, самая общественная моя дѣятельность (если только выраженіе это не слишкомъ пышно въ примѣненіи ко мнѣ) выступала въ самомъ извращенномъ видѣ. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Гайдебуровъ-отецъ, печатая въ книжкахъ «Недѣли» свою автобіографію, счелъ нужнымъ удѣлить и моей особѣ *) нѣсколько листовъ біографическихъ фамиліарностей, на которыя его никто не уполномочивалъ, разсказалъ исторію возникновенія «Недѣли» и моего самоустраненія въ такомъ видѣ, что люди, знавшіе, какъ было дѣло, были возмущены. Возмутилась и я, и сгоряча хотѣла было разсказать правду: по настоящему это давно слѣдовало-бы сдѣлать. Благодаря тому, что я молча ушла изъ «Недѣли», и что никто, кромѣ небольшого кружка людей, близкихъ мнѣ въ то время, никто не зналъ того, что предшествовало,—меня не разъ дѣлали отвѣтственной за то, чѣмъ стала эта газета послѣ того, какъ моя подпись была съ нея снята, и приписывали мнѣ солидарность съ такими вещами, отъ которыхъ я могу только открещиваться. Надо-же было положить конецъ этому недоразумѣнію. Но тутъ меня начали разбирать обычные мои scrupules de conscience. Для того, чтобы объяснить, какимъ образомъ г. Гайдебуровъ могъ очутиться *solo*-хозяиномъ «Недѣ-

---

*) Книжки „Недѣли“: январь, февраль и мартъ 1893 г., статьи подъ заглавіемъ: „Изъ прошлаго „Недѣли“. *В. С.*

ли», нужно было разсказать тѣ затрудненія, съ которыми мнѣ приходилось бороться, а для этого пришлось-бы коснуться нѣкоторыхъ подробностей личной моей жизни, о которыхъ я не желала распространяться публично. *) Положимъ, это затрудненіе еще можно было обойти, но являлось и другое сомнѣніе: да стòитъ-ли поднимать эту старину стародавнюю? Вѣдь въ сущности, «Недѣля» и при мнѣ далеко не была тѣмъ, чѣмъ я желала ее сдѣлать. Все мое вліяніе сказывалось лишь отрицательными результатами, мое *veto* многому мѣшало, что послѣ моего ухода стало проявляться безпрепятственно, но въ сущности и тогда, настоящаго, положительнаго толку не было (вслѣдствіе какого стеченія обстоятельствъ такъ вышло—о томъ разсказывать здѣсь было-бы слишкомъ долго): вѣдь я потому и ушла, что̀ меня не удовлетворяли такіе отрицательные результаты. Такъ что-жь я теперь-то стану воскрешать эту старую исторію? Такъ думала я, по русской прекраснодушной привычкѣ, гадала на пальцахъ: стоитъ, или не стоитъ игра свѣчъ? И кончила я тѣмъ, что плюнула и махнула рукой. Вы скажете, или, если изъ вѣжливости не скажете, то подумаете, что я поступила глупо. Совершенно согласна съ вами. Но все (*дальше текста нѣтъ...*)».

Оставивъ «Недѣлю» въ первой половинѣ 1874 г., Е. И. Конради продолжала заниматься литературой,

---

*) По разсказамъ, слышаннымъ мною изъ устъ самой Е. И. Конради, а также по утвержденію многихъ изъ числа знакомыхъ ея, когда „Недѣля" перешла отъ г. Генкеля къ Е. И. Конради, эта послѣдняя получила на это дѣло, заимообразно, 2000 р. отъ В. Θ. Лугинина и 1000 р. отъ проф. А. С. Усова. Объ этомъ у меня было уже напечатано еще въ 1896 г., и повторено выше, на стр. 164. Журналъ она вела хотя и на свою собственную основную сумму, но на артельныхъ началахъ. Эти деньги, писала мнѣ въ одномъ письмѣ М. К. Цебрикова, я въ 80-хъ годахъ напрасно старалась, по согласію Усова и Лугинина, выцарапать у Г. на постройку дома „Высшихъ Женскихъ Курсовъ." *В. С.*

писать статьи въ разныхъ журналахъ, много переводила, но все это, впрочемъ, доставляло ей лишь скудныя средства для жизни.

Въ 1884 году, она уѣхала заграницу, для того, чтобы слѣдить за леченьемъ своего сына, 21 года, студента технологическаго института, сильно страдавшаго отъ грудной болѣзни. Онъ скоро скончался въ Цюрихѣ, а она навсегда осталась заграницей. Сначала жила въ Швейцаріи, а потомъ въ Парижѣ. Во время моихъ заграничныхъ поѣздокъ въ чужіе края, я нѣсколько разъ видѣлся съ нею въ Парижѣ, въ теченіе 90-хъ годовъ. Она жила бѣдно, получала очень мало за свои статьи, печатаемыя въ Парижѣ, въ газетѣ «Temps», а дома у насъ, въ русскихъ журналахъ, и за уроки русскаго языка, даваемые нѣсколькимъ французскимъ и американскимъ любознательнымъ юношамъ. Она мнѣ не разъ съ горечью говорила про уроки, даваемые ею за «четыре или шесть гривенниковъ». Самою существенною помощью ей была небольшая пенсія, выдаваемая ей нашимъ литературнымъ фондомъ. Постоянно помогала ей также, въ послѣдніе годы, одна родственница, имени которой она такъ никогда и не узнала. Она была очень горда и самобытна, и это въ такой степени, что когда скончался ея мужъ (съ которымъ она разсталась еще въ 60-хъ годахъ, послѣ 5-ти всего лѣтъ супружества), она никогда не согласилась хлопотать о пенсіи, на которую имѣла право. Лѣтомъ 1898 года, находясь въ Парижѣ, я нерѣдко видѣлся съ нею, и, точно въ прежніе годы, былъ восхищенъ ея умомъ, образованностью, широкими и глубокими взглядами на все. Только, бывши и всегда прежде изрядной пессимисткой и раздражительной особой, она теперь еще болѣе прежняго смотрѣла на слишкомъ многое мрачно и безутѣшно, слишкомъ во многое уже не вѣрила и не надѣялась, и даже на собственное участіе въ русскомъ женскомъ дѣлѣ, 30 лѣтъ тому назадъ, смотрѣла безотрадно. Я вздумалъ, среди на-

шихъ разговоровъ, попросить ее взять на себя одну литературную работу для меня: мнѣ необходимо было собрать, изъ многихъ французскихъ журналовъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, свѣдѣнія о статьяхъ одной русской писательницы, много писавшей во Франціи, но теперь совершенно у насъ забытой и незнаемой, а, по моему мнѣнію, заслуживающей быть воскрешенною для всѣхъ насъ. Евгенія Ивановна приняла это порученіе, но успѣла выполнить (превосходно!) лишь часть этой работы.

Она скончалась въ Парижѣ, въ лечебницѣ (Maison de santé), носящемъ названіе Villa Montsouris (rue de la Glacière, 7 (19) октября. Похоронили ее на кладбищѣ въ Иври (Jvry), маленькомъ городкѣ, какъ бы одномъ изъ предмѣстій Парижа, — присутствовало всего только нѣсколько русскихъ, ближайшихъ ея пріятелей. Въ передовомъ журналѣ «Aurore» напечатали тогда: «Скончалась г-жа Конради, одна изъ самыхъ примѣчательныхъ русскихъ женщинъ второй половины нашего вѣка. Тѣ годы, пока она состояла редакторшей «Недѣли», были самые блестящіе для этого журнала. Она играла очень значительную роль въ русскомъ женскомъ движеніи, имѣвшемъ въ виду устройство высшаго женскаго образованія. Она была пламенная демократка, и также издала въ свѣтъ нѣсколько замѣчательныхъ книгъ, въ томъ числѣ о горныхъ рабочихъ...»

Такимъ образомъ, сильно настрадались на своемъ вѣку всѣ три главныя дѣятельницы по части высшаго женскаго образованія въ Россіи, и всѣ три кончили свою много-тревожную жизнь не дома, а въ общественныхъ больницахъ. Но это ни въ малѣйшей мѣрѣ не коснулось ихъ дѣла—коснулось только ихъ одной личности. Дѣло все таки не погибло, оно шло, шло, двигалось. Оно и теперь двигается.

E PUR SI MUOVE.

IV. Бюстъ и портреты Н. В. Стасовой.

Бюстъ моей сестры вылѣпилъ, лѣтомъ 1883 года, на дачѣ, въ Парголовѣ, скульпторъ *И. Е. Гюнцбургъ*. Бюстъ очень похожъ, и изященъ, и вообще удался вполнѣ. Размѣровъ онъ небольшихъ: всего 6 вершковъ въ вышину. Одинъ экземпляръ отлитъ изъ бронзы, другой выполненъ изъ обожженной глины (terre-cuite), есть также нѣсколько гипсовыхъ отливковъ. Бюстикъ этотъ столько художественъ, что еслибъ понадобилось, онъ могъ-бы отлично послужить для выполненія бюста въ натуральную величину.

Портретъ моей сестры написанъ, масляными красками, *И. Е. Рѣпинымъ*, лѣтомъ 1884 г., на дачѣ, въ Парголовѣ, на чистомъ воздухѣ, при сильномъ солнечномъ освѣщеніи. Это одинъ изъ chefs d'oeuvre'овъ русской живописи. Превосходная копія съ него, написанная ученикомъ И. Е. Рѣпина, художникомъ *Г. Г. Шмидтомъ*, помѣщается въ залѣ Высшихъ Женскихъ курсовъ.

И. Е. Рѣпинъ, сверхъ того, еще разъ написалъ мою сестру, масляными красками, во весь ростъ. Это—на маленькомъ эскизѣ, набросанномъ имъ, на память, 21 сентября 1888 г., на другой день послѣ «оваціи», сдѣланной моей сестрѣ на Высшихъ Женскихъ Курсахъ, на актѣ 20 сентября 1888 года. Этотъ эскизъ принаележитъ теперь Высшимъ Женскимъ Курсамъ. Копію съ него, тушью, И. Е. Рѣпинъ нарисовалъ на адресѣ, поднесенномъ моей сестрѣ 15 апрѣля 1889 года. (Этими подробностями я исправляю здѣсь небольшія невѣрности, находящіяся въ моемъ текстѣ, выше, на стр. 366—368).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

Аданъ (Жюльетта): 416 — 418, 420—423, 427—429, 431, 432.
Аксаковъ (Конст. Серг.): 41, 483, 484.
Александръ II: 104, 182, 183, 305.
Александръ III: 370, 372, 373, 430.
Алексѣева (Марья Иван.): 75, 76.
Алмазова (Над. Изм.): 426.
Анна Ярославна, королева французская: 427.
Анненковъ (Пав. Вас.): 97, 106, 107, 113.
Анненская (Анна Ник.): 240, 262, 312, 324.
Ахматова (Лиз. Ник.): 136.

Балабанова (Ек. Вяч.): 343.
Батюшковъ (Өед. Дмитр.): 322.
Бауеръ (Вас. Вас.): 322.
Бекетова (Ел. Григ.): 125, 143, 147, 177.
Бекетовъ (Андр. Ник.): 143, 171, 176—178, 182, 183, 238—240, 243, 251, 252, 258, 281, 309, 320, 322 — 324, 331, 332, 340, 366, 367, 398, 450, 451, 460.
Бёмъ (Елиз. Мерк.): 410, 414, 425, 426.
Бестужевъ-Рюминъ (Конст. Ник.): 177, 238, 239, 309, 316, 320, 322, 325, 327, 343, 344, 346, 367, 450, 494.
Билибинъ (Ник. Ив.): 322.
Богданова, въ замужествѣ Быкова (Марья Арсеньевна): 158, 486.
Богдановъ (Мод. Ник.): 322.
Бородаевская-Ясевичъ (Варв. Ив.): 450.
Бородина (Ал. Григ.): 417, 418, 419, 421, 422.
Бородинъ (Алекс. Порф.): 360, 449.
Бородинъ (Ив. Парө.): 177, 322.
Борхсеніусъ (Екат. Ирин.): 383.
Боткина (Екат. Алексѣевна): 319, 320, 325, 328, 331.
Боткинъ (Серг. Петр.): 385.
Буланова (Ольга Конст.): 458, 466, 473.
Бутакова (Ольга Ник.): 125, 240, 278.
Бутлеровъ (Алекс. Мих.): 309, 322, 330.
Бутлеръ (Жозефина): 208—236.
Бѣлинскій (Вис. Гр.): 39—44, 46.
Бѣлозерская (Над. Ал.): 48, 57, 64, 108, 119, 123—125, 146, 158, 252, 260, 277, 280, 314, 460.

Вагнеръ (Ник. Петр.): 147.
Варгунина (Юлія Алекс.): 330, 333, 343.
Варгунинъ (В. П.): 332, 386.

Васильевскій (Вас. Григ.): 322
Веберъ (г-жа А. В.): 239, 240.
Величко (Марья Вас.): 445.
Вернадская (Марья Ник.): 49—53.
Веселкина (Ольга Мих.): 466, 474.
Вистеліусъ (г-жа): 127, 143, 178.
Воронина (Анна Роман.): 333.
Воронина (Елена Ник.): 177, 182, 243.
Воронинъ (Мих. Степ.): 127, 242, 254, 332.
Вырубова (Марья Конст.): 458, 472.
Вырубовъ (Гр. Ник.): 207—209 211, 214, 220.
Вышнеградскій (Ник. Алексѣев.): 156, 157.

Гайдебуровъ (Павелъ Ал.): 119, 491.
Гаврилова (Ал. Ал.): 145.
Гамбургеръ (Юлія Ѳед.): 72, 151, 152.
Ганъ (Зинаида Р-ва): 43, 44.
Гарднеръ (Екатер. Иван.): 438—441, 450.
Гаршинъ (Всеволодъ Мих.): 415.
Ге (Ник. Ник.): 388.
Геггъ (Марія): 230, 231—234, 236.
Гезехусъ (Ник Алекс.): 322, 326.
Герзъ (Алекс. Яковл.): 240, 247, 262, 322, 326, 333.
Герценъ (Алекс. Ив.): 483.
Герье (проф.): 298, 299, 313.
Гинцбургъ (бар. Орасъ Ос.): 330.
Гинцбургъ (Илья Яковл.): 502.
Глѣбовъ (И. Т.): 177, 240.
Горянская (Софія Ѳед.): 61, 67, 118—126, 381, 383.
Граве (Ольга Конст.): 420.
Градовскій (Алекс. Дмитр.): 177, 259, 322, 384, 386.
Гуревичъ (Любовь Яковл.): 362, 442, 450.
Гюбнеръ-Симонисъ (г-жа): 427.

Дабижа (кнг. Марья Мих.): 344.
Давыдова (Ольга Алекс.): 342.
Давыдова (Софія Алекс.): 410, 413.
Дондукова-Корсакова (княжна Марія Мих.): 75—84
Достоевскій (Ѳ. М.): 40, 45, 415.
Дурново (Марія Вас.): 410.
Дьяковъ-Незлобинъ (А. А.): 317.

Евреинова (Анна Мих.): 263, 412.
Елена Павловна, вел. кн.: 139, 241, 467.
Ермолова (Марья Григ.): 125, 145, 280.
Ефименко (Алекс. Яковл.): 412.
Ефронъ (Берта Авраам.): 343.

Икскуль (баронесса Варв. Иван.): 370, 411.
Ишенецкій (Вас. Григ.): 322.
Иностранцева (Варв. Ал.): 128.
Иностранцевъ (Алекс. Алекс.): 322.

Кавелина, въ замужествѣ Брюлова (Софія Конст.): 413.
Кавосъ (Екат. Серг.): 426.
Калмыкова (Алекс. Мих.): 376, 378.
Карно (г-жа): 409, 431.
Карпинская (Ольга Ив.): 427.
Кашеварова-Руднева (Варв. Ал.): 217.
Кесслеръ (Карлъ Ѳед.): 171, 175—177, 187, 237, 238.
Киль (Эрнестина Эрнест.): 277.
Кларкъ (Ольга Ив.): 98, 147, 457.
Клодтъ (баронъ Мих. Петр.): 145.
Ковалевская (Софья Вас.): 262, 395—399, 412.
Конради (Евгенія Иван.): 161—173, 178, 187, 207, 221, 225, 232, 233, 261, 308, 332, 479—501.
Константинова (А. Н.): 143, 426.
Контъ (Огюстъ): 54, 55, 193, 194, 208.
Корсакова (Екат. Яковл.): 446, 447.
Косинскій (баронъ Ник. Осип.): 93, 105.
Кочетова (Ольга Аким.): 145, 426.
Кремкова (Над. Ростисл.): 376.
Кривошеинъ (Аполл. Конст.): 69.
Кулибина (Над. Вас.): 427.
Куріаръ (Пелагея Петр.): 426.

Лаврентьева (Софья Ив.): 146.
Лавровъ (Петръ Лавр.): 68, 164, 485.
Ламанская (Алекс. Карл.): 427.
Ламбертъ (графиня): 82—84.
Лео (Андрэ): 201—205, 213, 233.
Лермонтова (Юлія Всевол.): 263, 398, 413.
Лесевичь (г-жа): 239.
Ливенъ (князь Пав. Ив.): 184.
Литке (графъ Ѳед. Петр.): 242.
Лихачева (Елена Іос.): 333, 371. 372, 411.
Ліандеръ (г-жа Т. Р.): 426.
Львовъ (Мих. Дм.): 322.

Макулова (княжна Ек. Ал.): 239.
Малышева (Марья Ив.): 144—146.
Мамонтова (Марія Алекс.): 410.
Марія Александровна. Императрица: 103, 104, 156.
Марія Ѳеодоровна. Императрица: 409, 430, 440, 467, 468.
Маркелова-Каррикъ (Ал. Григ.): 125, 130, 144, 145, 147, 457.
Масалитинова (Евг. Никанор.): 343.
Маттэ (Вас. Вас.): III.
Менделѣевъ (Дм. Ив.): 177—179, 238, 239, 322, 330, 338, 386, 451.
Менжинская, урожд. Шакѣева, (Марья Алекс.): 60, 61, 67, 71, 120, 252, 254, 255.
Меншуткинъ (Ник. Алекс.): 177.
Мечниковъ (Илья Ильичъ): 240.
Миллеръ (Ор. Ѳед.): 177, 238, 239, 253, 322, 384, 386.
Милль (Джонъ Стюартъ): 47, 54—57, 202—204, 211, 213, 225, 451.
Милютина (графиня Елиз. Дмитріевна): 178, 238, 240, 467.
Милютинъ (графъ Дм. Алексѣев.): 237, 238, 239, 279, 304.
Михайловъ (М. Л.): 53, 57.
Мишлэ: 53.
Монтебелло (графиня): 430, 432.
Монтебелло (графъ): 430.
Мордвинова (Ольга Алекс.): 262, 312, 314, 315, 325, 327, 460.

Наполеонъ III: 389.
Нарановичъ (Андрей Павл.): 175.
Нарановичъ (Пав. Андр.): 177, 178, 187, 237, 251.
Нарышкина (Алекс. Ник.): 410.
Нечаева (Ольга Конст.): 411.
Николаева (Ольга Конст.): 15, 17—19.
Никонова (Елена Конст.): 459, 463, 471.
Новосильцовъ (Елиз. Евграф.): 410, 429.

Овсянникова (Елиз. Карл.): 333.
Овсянниковъ (Фил. Вас.): 143, 177, 238, 239, 254, 258, 322.
Озерова (Екатер. Серг.): 440—441
Ольхинъ (Серг. Ал.): 97, 107.
Ольхины (братья Ал. и Ник. Александровичи): 242.
Онуфріева (Над. Вас.): 426.
Осининъ (Ив. Тер.): 280, 312.
Островскій (Алекс. Ник.): 415.
Острогорскій (Ал. Ник.): 177.

Павленковъ (Флор. Ѳедор.): 469, 472.
Павлова, въ замужествѣ Европеусъ (Ал. Конст.): 98, 146.
Павловъ (Плат. Вас.): 87, 88, 95—98, 104, 106.
Пальмеръ (Мистриссъ Поттеръ): 409.
Паульсонъ (Іос. Ив.): 247.
Пахманъ (Сем. Вик.): 322.
Педошенкова (Марья Ив.): 426.
Переяславцева (Софія Мих.): 413.
Песковскій (Мих. Л.): 160, 262, 282, 291, 299, 300, 310.
Петерсонъ (Ольга Михайл.): 343, 445.
Петрушевскій (Ѳед. Ѳом.): 177, 238, 239.
Петръ Георгіевичъ, принцъ Ольденбургскій: 302, 304, 305.
Печаткина (Вѣра Ив.): 125, 130.
Пивоварова (Нат. Ѳедор.): III, 446—448.
Пилкина (Марья Павл.): 419.
Пироговъ (Ник. Ив.): 48—49, 96.

Полторацкая (Анна Петр.): 11—14.
Полѣнова (Елена Дмитр.): 414. 425.
Попова (Н. В.): 330.
Поссе (Конст. Алекс.): 177. 322.
Прудонъ: 53, 193. 194.
Пѣнкина (г-жа): 344.

Раденъ (баронесса Эдита Ѳед.): 139, 222. 241.
Растопчина (графиня Евд.): 43—45.
Рахмановъ (Ник. Мих.): 429.
Рашевскій (Ив. Ѳед.): 247.
Решко (Екат. Конст.): 459. 468, 475.
Родственная (Лидія Ник.): 303.
Ропетъ (Ив.Павл.): III,366,429,450.
Ростовцева (графиня Вѣра Ник.): 67—69, 125, 149.
Ростовцевы (графы Ник. и Мих. Яковлевичи): 242.
Рудинская (г-жа): 344.
Рукавашникова (Ольга Ник.): 312, 314, 320, 330. 333.
Русини (Вячеславъ Петр.): 427.
Рѣдкинъ (Петръ Гр.): 139, 241.
Рѣпинъ (Илья Ефим.): III, 368.

Самарская-Быховецъ (Вѣра Дм.): 324.
Самокишъ - Судковская (Елена Павл.): 425, 426.
Сандъ (Жоржъ): 27, 39—42. 45—46.
Свѣшникова (Елиз. Петр.): 489.
Семенова (Ольга Петр.): 426.
Сеньковскій (Ник. Алексѣев.): 97, 98.
Сердобинская (Анна Елисеевна): 342.
Сибирякова (Л. М.): 330.
Сибиряковъ (Иннок. Мих.): 330.
Сибиряковъ (Конст. Мих.): 332.
Сирацкая (Марья Ник.): 343.
Собольщиковъ (Вас. Ив.): 251.
Солодовникова (Екат. Ал.): 244—246.
Соломко, въ замужествѣ Сатиріадисъ (Евг. Викт.): 413.
Сомовъ (Андр. Ив.): 322.
Сомовъ (Іос. Ив.): 322.
Срезневская (Людм. Измайл.): 426.
Срезневская (Ольга Измайл.): 414.
Сталь (госпожа): 37. 38.
Старицкая (Ольга Алекс.): 430.
Стасова (Вѣра Петр.): 20.
— (Маргар. Матв.): 277.
— (Пол. Степ.): 97 98, 107, 113, 120, 125, 140, 142, 461.
— (Софья Вас.): 1, 21, 28, 29, 265.
Стасовъ (Ал. Вас.): 3, 17, 265, 319.
— (Бор. Вас.): 3. 17.
— (Вас. Петр.): 1.
— (Влад. Вас.): 3, 21, 268.
— (Дм. Вас.): 3, 17, 268.
— (Ник. Вас.): 3, 17, 18.
Стефановичъ (Конст. Петр.): 79.
Страннолюбская (Елена Иван.): 376.
Страннолюбскій (Ал. Ник.): 177, 240, 247, 262, 325, 333, 357.
Струве (проф.): 177.
Струговщикова (г-жа): 146.
Султанова (Екат. Павл.): 398, 411.
Султановъ (Ник. Влад.): 399.
Сухарева (Агаѳ. Марк.): 11 - 14.
Суслова (Над. Прок.): 158, 217, 263.
Сѣмечкина (Татьяна Борис.): 410, 415.
Сѣровъ (Ник. Ив.): 21.
Сѣченовъ (Ив. Мих.): 177, 178, 179, 322, 339, 386, 389, 450.

Таганцевъ (Ник. Степ.): 177, 259, 326.
Тарновская (Варв. Павл.): 240, 252, 260, 261, 280, 283, 308, 312, 314, 315, 321, 322, 333, 364, 367, 376, 377, 397, 411.
Тарновскій (Веньям. Мих.): 81, 150.
Таубе (баронесса): 69, 71.
Терлецкая (Ванда Феликс.): 427.
Тимашевъ (Ал. Егор.): 254, 326.
Тихоміровъ (проф.): 322.
Ткачева (г-жа): 239, 240.

Толстой (графъ Дм. Андр.): 180—187, 251, 252, 257, 258, 309, 332, 372.
Толстой (графъ Левъ Ник.): 266, 297, 387, 388, 389, 410, 415, 443—444.
Трубникова (Марья Вас.): 60—65, 67, 69, 120, 123, 124, 125, 126, 143, 144, 147, 148, 149, 172, 176, 177, 178, 187, 190—239, 242, 243, 245, 248, 249, 250, 252, 253, 254, 261, 278, 324, 380, 441, 455—476, 489.
Трубниковъ (Конст. Вас.): 127.
Тургеневъ (Ив. Серг.): 6, 58, 415.
Туркулъ (Ольга Ал.): 426.

Уварова (графиня Праск. Сер.): 413.
Усова (Алекс. Семен.): 434—438, 450.
Усова (Софья Ал.): 240, 482.
Усовъ (Ал. Степ.): 240, 482.

Фаминцынъ (Андр. Ник.): 171, 177, 240, 322.
Федорова (Марья Алекс.): 426.
Федоровъ (Ник. Павл.): 241.
Философова (Анна Павл.): 64, 67, 69, 85, 125, 143, 148, 149, 151, 172, 181, 182, 184, 187, 242, 243, 245, 252, 253, 254, 261, 278, 308—311, 312, 313, 314, 319, 323, 324, 326, 380, 441, 475.
Философовъ (Влад. Дм.): 184.
Фурье: 55.

Хабгудъ (Изабелла): 415.

Цебрикова (Марья Конст.): 137, 262, 278, 333, 347, 404, 488.
Цитовичъ (Петр. Павл.): 317.
Цѣвина (Екат. Ив.): 145, 239.

Чайчинская (г-жа): 343.
Чарноцкая (Анна Никол.): 438—440.
Черевинъ (Петръ Алекс.): 370.
Черкесова, урожд. Ивашева (Вѣра Вас.): 64, 65, 66, 123, 125, 200, 457, 458, 460, 472, 475.

Шабанова (Анна Ник.): 440, 441.
Шабельская (Нат. Леон.): 410.
Шакѣевъ (Ал. Венед.): 67, 70, 151.
Шакѣевъ (Евг. Ал.): 67.
Шапиръ (Ольга Андр.): 420—423, 430.
Шаховская (княжна Марія Александр.): 410.
Шванкъ (г-жа Э. Ф.): 426.
Шварсалонъ (Конст. Сем.): 333.
Шеборъ (Іос. Ант.): 322.
Шелгунова (Людм. Петр.): 191, 196, 198, 200.
Шелгуновъ (Ник. Вас.): 191, 196.
Шнейдеръ (Варв. Петр.): 425, 426
Штакеншнейдеръ (Елена Андр.): 68, 125, 241, 242, 314, 486.
Штейнеке (Ѳед. Карл.): 258.
Штоффъ (Ольга Ник.): 262, 263.
Шульговская (Ал. Ник.): 113, 125, 140, 143, 145, 146, 147, 270, 277, 278, 457.

Щебальскій (Петръ Карл.): 97, 98, 107.
Щепкина (Екат. Ник.): 344, 391, 392.

Энгельгардтъ (Анна Ник.): 124, 125, 130, 146, 147.
Энгельгардъ (Ал. Ник.): 119.
Д'Эрикуръ (Женни): 191—202, 233.

Ягичъ (Игнатій Викент.): 322.
Яковлева (Зоя Юліан.): 263, 312.
Янсонъ (Юл. Эдуард.): 177, 322, 386.